Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

NAZIONALE
BIBLIOTECA
CENTRALE V. E. II
GOGOL
B
2946 /12
ROMA

Digitized by Google

ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ

Ф. ШЛОССЕРА.

Переведено подъ редакціей

В. ЗАЙЦЕВА.

изданіе

Л. П. Шелгуновой.

ТОМЪ XII.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

типографія А. С. Голицына.

1865.

GOCOC B 2946/12

Дозволено цензурою. С. Петербургъ, Марта 2 дня 1865 года

BYCOBINCO
12 BKTOBH 569

Digitized by Google

ИСТОРІЯ НОВАГО ВРЕМЕНИ.

ИСТОРІЯ XVI СТОЛѢТІЯ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТАГО ТОМА.

стр.

VI. Германія отъ вормскаго сейма до перваго религіознаго мира (1532) 1

1. Вступленіе. Канбрейскій міръ и событія въ Италіи въ 1529 г. —
2. Разрывъ между крайними и умѣренными послѣдователями Лютера и война рыцарства съ государями или Зиккингенская распря 10
3. Крестьянская война 18
4. Успѣхи реформаціи. Томасъ Мюнцеръ и тюрингенскіе фанатики 27
5. Начало дѣятельности Цвингли. 38
6. Успѣхи реформаціи въ Германіи съ 1524 года до Шпейерскаго сейма (1529). 40
7. Раздѣленіе протестантовъ на двѣ секты и распаденіе нѣмецкой націи на лютеранъ и католиковъ до религіознаго мира 1532 года 49

VII. Турки, венгры и чехи, Генрихъ VIII англійскій и Германя до окончанія Шмалькальденской войны. 74

1. Турки со временъ Мухаммеда II до Селима I. . . . . —
2. Селимъ I. 92
3. Венгрія и Богемія до смерти Селима I. 100
4. Солиманъ II, Венгрія и Богемія до 1532 года 106
5. Генрихъ VIII англійскій 119
6. Реставрація герцога Ульриха Виртембергскаго 162
7. Мюнстерскія безпокойства 168
8. Насилія вождей протестантизма въ Германіи. 174
9. Италія послѣ канбрейскаго мира 184
10. Тунисскій походъ Карла V. 192

Digitized by Google

стр.
11. Отпаденіе Женевы отъ Савойи и отъ католической церкви. 195
12. Карлъ V, Францискъ I и Нидерланды отъ 1535 до 1540 г. 200
13. Карлъ V и германскіе протестанты въ 1540 и 1541 г. г. . 209
14. Венгрія и османы съ 1532 до 1545 и походъ Карла V въ Алжиръ 220
15. Войны между Францискомъ I, Карломъ V и Генрихомъ VIII съ 1542 до 1546. 226
16. Германія въ 1542—1546 г. г. 241
17. Шмалькальденская война. 250
VIII. Карлъ V и Германская имперія отъ окончанія шмалькальденской войны до Аугсбургскаго сейма 1555 г. 264
1. До Фрндевальдскаго договора . . . . . —
2. До закрытія аугсбургскаго сейма 1555 г. 277
IX. Послѣдствія реформаціи 287
1. Іезуиты . . . . . —
2. Гизы, Генрихъ II французскій и его отношенія къ Германіи 295
3. Альбрехтъ Бранденбургъ-Кульмбахскій и курфирстъ Морицъ Саксонскій. 305
4. Окончаніе разбоевъ маркграфа Альбрехта и его сообщниковъ. 311
5. Послѣдніе годы царствованія Карла V въ Германіи и въ Нидерландахъ. 314
6. Исторія Франціи и Испаніи до смерти короля Франциска II. 324
1. До мира въ Шато-Канбрези . . . . . —
2. Франція до смерти короля Генриха II. 339
3. Франція при Францискѣ II. 344
7. Франція при Карлѣ IX до мира въ мартѣ 1568 г. . . . 356
8. Начало царствованія Филиппа II и его предпріятія противъ турецкихъ пиратовъ. 406
9. Филиппъ II, герцогъ Альба и начало безпокойствъ въ Нидерландахъ 416
X. Дополнительныя замѣчанія о литературѣ и образованности итальянцевъ, нѣмцевъ и французовъ XVI столѣтія. 427
1. Общія замѣчанія . . . . . —
2. Италія. 428
a. Наука, искуства и поэзія какъ роскошь при итальянскихъ дворахъ . . . . . —
b. Попытки итальянцевъ примѣнить науки древнихъ къ богословскимъ 432
3. Германія и Италія. 435

Digitized by Google

стр.
a. Исторія церкви. . . . . —
b. Германская поэзія и исторіографія XVI вѣка . . . 439
c. Успѣхи реальныхъ или точныхъ наукъ въ Германіи 444
4. Французское просвѣщеніе и литература XVI столѣтія . . 448
a. Дополненія къ прежнимъ замѣчаніямъ о заслугахъ французовъ для классической литературы . . . . —
b. Исторія 453
c. Поэзія 457

Digitized by Google

Digitized by Google

VI. ГЕРМАНІЯ

ОТЪ ВОРМСКАГО СЕЙМА ДО ПЕРВАГО РЕЛИГІОЗНАГО МИРА (1532).

---

1. Вступленіе. Канбрейскій миръ и событія въ Италіи въ 1529 году.

Въ 1528 году Святая или Клементинская лига (т. XI, стр. 398), предлогомъ которой служила независимость Италіи, угрожала императору потерей выгодъ, доставленныхъ ему битвой при Павіи и мадридскимъ миромъ. Но съ іюня того же года счастье покинуло непріятеля (т. XI, стр. 407). Французскій генералъ Лотрекъ расположился лагеремъ въ нездоровой мѣстности, на каналѣ Поджіо Реале, вредное вліяніе котораго онъ усилилъ тѣмъ, что, желая остановить мельницы города Неаполя, спустилъ воду канала въ равнину. Разлившаяся вода образовала болото, которое своими испареніями дѣйствовало въ самую жаркую пору такъ вредно, что въ тридцать дней изъ двадцати пяти тысячъ войска умерло двадцать одна тысяча. Кромѣ того Андрей Доріа вступилъ въ союзъ съ императоромъ и вернулся къ неаполитанскому берегу врагомъ французовъ. Такимъ обра-

зомъ войска Карла V скоро снова завоевали Нижнюю Италію. Въ Верхней же въ теченіе всего 1528 года война велась съ перемѣннымъ счастіемъ. Наконецъ туда прибылъ съ французскимъ войскомъ Францискъ де-Бурбонъ Вандомъ, называемый современными ему историками просто графомъ де-Сен-Полемъ; онъ соединился съ войсками венеціанцевъ и Франческо Сфорца II. Когда этотъ генералъ прибылъ въ Италію, тайные переговоры между папой Клементомъ VII и императоромъ уже начались. Оба они нуждались другъ въ другѣ: одинъ хотѣлъ подавить реформацію въ Германіи; другой желалъ изгнать Франческо Сфорца и овладѣть герцогствомъ миланскимъ. Французскій король также желалъ мира, который возвращалъ свободу его сыновьямъ, все еще содержавшимся въ Испаніи.

Въ слѣдующемъ (1529) году графъ де-Сен-Поль сдѣлалъ ошибку, которая повела къ заключенію мира между Франціей и Испаніей; что касается папы, то онъ уже заранѣе согласился въ тихомолку съ императоромъ. Съ конца 1528 г. Сен-Поль осаждалъ въ Миланѣ испанскаго генерала Лейву и въ іюнѣ 1529 г. вздумалъ, предоставивъ на время осаду союзникамъ, аттаковать Геную. Но когда онъ выступилъ въ походъ, командиръ венеціянскихъ войскъ герцогъ Урбино отправился въ Монцу, чѣмъ доставилъ возможность испанскому главнокомандующему послѣдовать за французами. Французы расположились лагеремъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Милана, при Ландріано; здѣсь ихъ настигли испанцы и ночью аттаковали. Лейва руководилъ аттакою, хотя сильно страдалъ подагрой, такъ что его носили въ креслѣ. Послѣ короткаго сопротивленія французы были разбиты и разсѣяны, а предводитель ихъ взятъ въ плѣнъ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого (29 іюня 1529 г.) состоялся миръ между императоромъ и папой. Папа послалъ легата въ Барселону, гдѣ условія были вскорѣ рѣшены. Императоръ столь же нуждался въ папѣ въ Италіи, какъ папа въ императорѣ относительно Германіи, гдѣ, какъ мы ниже увидимъ,

Digitized by Google

по заключеніи торгаускаго союза и послѣ шпейерскаго сейма сталъ неизбѣженъ церковный и политическій расколъ. Поэтому въ барселонскомъ договорѣ императоръ обѣщалъ папѣ даже больше, чѣмъ могъ впослѣдствіи исполнить, обязавшись положить предѣлъ успѣхамъ ереси въ Германіи. Остальныя условія заключались въ слѣдующемъ. Папа обѣщалъ признать Карла по прибытіи его въ Италію римскимъ императоромъ и государемъ Италіи и торжественно короновать. Далѣе онъ обязался (на что доселѣ не соглашался) дать ему королевство Неаполь въ ленное владѣніе, не требуя за это ничего, кромѣ бѣлаго иноходца, котораго Карлъ долженъ былъ по древнему обычаю доставить ему. Кромѣ того онъ дозволилъ ему и его брату, Фердинанду, наложить на духовенство налогъ для турецкой войны. Наконецъ въ тайной статьѣ онъ обѣщалъ никогда не давать согласія на разводъ англійскаго короля съ женой, теткой Карла. Въ замѣнъ того Карлъ обѣщалъ возстановить во Флоренціи родъ Медичи и утвердить на престолѣ Александра Медичи (т. XI стр. 393), потому что другой потомокъ старшей вѣтви этого дома, Ипполитъ, былъ сдѣланъ кардиналомъ. Карлъ женилъ Александра Медичи, совершавшаго впослѣдствіи во Флоренціи всевозможныя злодѣянія и жестокости, на своей побочной дочери, хотя всѣ знали, что Александръ сынъ одной непотребной женщины и папы Клемента VII (т. XI стр. 369). Далѣе Карлъ обѣщалъ содѣйствовать возвращенію папѣ отъ венеціанцевъ Равенны и Червіи. Кромѣ того онъ обязывался помочь Клементу отнять у Альфонса Феррарскаго Модену, Реджіо и Руббіеру. Герцогство миланское рѣшили возвратить Франческо Сфорца II, если только слѣдствіе, назначенное надъ нимъ, не найдетъ его виновнымъ въ измѣнѣ и нарушеніи ленныхъ обязанностей. Въ противномъ случаѣ онъ лишается герцогства, которое императоръ не можетъ передать другому лицу безъ согласія папы.

Миръ между Франціей и императоромъ былъ заключенъ

только въ августѣ 1529 г. въ Канбре. Его называютъ дамскимъ миромъ, потому что онъ былъ заключенъ двумя женщинами: матерью короля французскаго и теткой и воспитательницей Карла V. Обѣ, Луиза Савойская и Маргарита Бургундская, пріѣхали въ Канбре вмѣстѣ, заняли два смежныхъ дома и велѣли проломать стѣны, раздѣляющія ихъ, чтобы всегда быть вмѣстѣ. Онѣ пользовались полнымъ довѣріемъ своихъ воспитанниковъ и долгое время управляли государственными дѣлами. Впрочемъ Луиза поѣхала въ Канбре только тогда, когда сынъ ея получилъ извѣстіе о мирѣ, заключенномъ императоромъ и папой въ Барселонѣ. Мирный договоръ, заключенный этими женщинами въ Канбре, былъ бы непонятенъ относительно французскаго короля, еслибы мы не знали, что Францискъ желалъ, во чтобы то ни стало, освободить своихъ сыновей. Французскій король отказался отъ всѣхъ своихъ друзей и союзниковъ, уступилъ своему противнику все, чего тотъ требовалъ, за исключеніемъ Бургундіи, на которую впрочемъ также дозволилъ ему сохранить всѣ притязанія, хотя имѣлъ въ Италіи много друзей и союзниковъ даже послѣ отпаденія папы. Города Асти и Салуццо были еще заняты французами; въ Ломбардіи венеціанцы и герцогъ Миланскій оставались вѣрны союзу съ Франціей, а Ренцо да Чери, командовавшій французской арміею, при помощи фамиліи Орсини съ успѣхомъ дѣйствовалъ противъ Филиберта Оранскаго, главнокомандующаго императорскихъ войскъ. Канбрейскій миръ былъ постыденъ для Франціи уже потому, что основаніемъ ему служилъ мадридскій договоръ.

По мирному договору Францискъ I долженъ былъ уступить императору все Артуа, за исключеніемъ Теруанни, и городъ Гэденъ, отказаться отъ всѣхъ ленныхъ правъ на Артуа и Фландрію, слѣдовательно объявить эти провинціи вполнѣ независимыми графствами, и сверхъ того отдать Карлу въ пожизненное владѣніе графство Шароле. Въ Италіи онъ обязался не помогать герцогу Миланскому, вывести всѣ свои войска и

возвратить Салуццо и Асти. Онъ даже обѣщалъ помощь императору противъ венеціанской республики. Венеціанцы должны были возвратить пять гаваней въ Адріатическомъ морѣ, которыя были уступлены имъ въ послѣднюю войну, и Францискъ обязался заплатить императору тридцать тысячь дукатовъ субсидій для войны съ республикой. Чрезвычайно тяжелое условіе, которое поэтому не было выполнено, касалось приверженцевъ коннетабля Карла Бурбона, измѣнившаго Франциску. Приверженцы и родственники коннетабля должны были получить обратно всѣ конфискованныя у нихъ имѣнія; слѣдовало снять запрещеніе, наложенное на владѣнія коннетабля, прекратить процессъ, веденный противъ него и признать невинными его соучастниковъ. Филибертъ Шалонскій получилъ возможность вступить въ безпрепятственное владѣніе княжествомъ Оранскимъ. Но въ договорѣ не упоминалось о королѣ наваррскомъ, у котораго арагонцы отняли испанскія владѣнія его и которому покровительствовалъ французскій король. Герцогъ Феррарскій былъ преданъ Франціей, равно какъ и многочисленные приверженцы дома Анжу, считавшіе притязанія Франціи на Неаполь болѣе основательными, чѣмъ притязанія Арагоніи и пожертвовавшіе Франциску всѣмъ. Хотя въ канбрейскомъ договорѣ имъ была обѣщана амнистія, но они не получили ея и были частью казнены, частью изгнаны, частью ограблены. Многіе бѣжали во Францію. Кромѣ постыдной выдачи своихъ друзей и покровительствуемыхъ имъ лицъ, Францискъ долженъ былъ заплатить значительныя суммы. За выкупъ своихъ сыновей онъ долженъ былъ внести неслыханную для того времени сумму, два милльона дукатовъ. Изъ нихъ сто двадцать тысячъ дукатовъ слѣдовало уплатить при возвращеніи принцевъ; двѣсти девяносто тысячъ назначались для удовлетворенія требованій, какія бы могъ предъявить Генрихъ VIII англійскій, а съ остальной суммы, до полной уплаты ея, Франція должна была вносить по пяти процентовъ ежегодно. Въ залогъ отдавались имѣнія гер-

цогини Вандомъ и владѣнія французской знати въ Нидерландахъ.

По заключеніи камбрейскаго мира Карлъ отправился на генуезскомъ флотѣ въ Италію. Флорентинцы, не предчувствовавшіе, что папскіе и императорскіе дипломаты продали ихъ свободу, отправили посольство на встрѣчу Карлу, когда онъ вышелъ на берегъ. Онъ принялъ пословъ очень благосклонно, но отослалъ ихъ къ папѣ, къ которому должна была перейти Флоренція. Флорентинцы однако рѣшились въ случаѣ надобности отражать силу силой. Карлъ V велъ еще войну съ Миланомъ и Венеціей; кромѣ того папа требовалъ отъ герцога Альфонса Феррарскаго невыполнимыхъ условій; поэтому императоръ и папа рѣшили созвать въ Болонью конгрессъ, чтобы покончить эти несогласія и условиться между собою о средствахъ прекратить ересь въ Германіи. Императорскій полководецъ Антоніо Лейва, взявшій безъ большихъ усилій Павію, держалъ въ осадномъ положеніи слабаго и больнаго герцога Миланскаго. Императоръ поѣхалъ въ Болонью чрезъ Модену и Піаченцу, гдѣ промедлилъ до конца октября. Въ Моденѣ онъ долго и дружески бесѣдовалъ съ герцогомъ Феррарскимъ, который полагался на его заступничество, видя, что Карлъ не особенно усердствуетъ ограбить его для обогащенія папы.

Въ началѣ ноября папа и императоръ прибыли въ Болонью. Они поселились вмѣстѣ въ правительственномъ дворцѣ; германскіе протестанты получили объ ихъ тайныхъ переговорахъ столь важныя извѣстія, что, какъ ниже увидимъ, начали дѣятельно готовится къ войнѣ. 21 ноября папа призвалъ въ Болонью Миланскаго герцога Франческо Сфорца. Онъ не противился миру, потому что страдалъ неизлѣчимой болѣзнью и не имѣлъ наслѣдниковъ. 23 декабря былъ заключенъ съ герцогомъ мирный договоръ; Сфорца получилъ отъ императора Миланъ въ ленное владѣніе, но долженъ былъ согласиться обременить въ пользу Карла новыми налогами свою столицу, которая нѣкогда, на ряду

съ Венеціей, затмѣвала всѣ италіанскіе города, но въ послѣднюю войну была совершенно ограблена испанцами. Франческо обязался уплатить Карлу въ теченіе года четыреста тысячъ дукатовъ, а черезъ годъ еще пятьсотъ тысячъ. До внесенія первой суммы укрѣпленія Милана и Комо оставались во власти императора. Кромѣ того Павія отдавалась съ титуломъ графства въ пожизненное владѣніе Антоніо Лейвѣ. Только венеціанская республика вышла безъ большихъ потерь изъ этой войны, которая была вредна для всѣхъ союзниковъ ея, исключая папы. Хотя венеціанцамъ пришлось возвратить папѣ Равенну и Червію, а императору неаполитанскія гавани, но они съумѣли защитить своихъ слабыхъ союзниковъ, тогда какъ Францискъ I французскій предалъ тѣхъ, кого защищалъ; они заплатили сто тысячъ дукатовъ, чтобы вознаградить ихъ и обѣщали выдать 200,000 сверхъ того, подъ видомъ стараго долга. Республика презрительно отвергла приглашеніе императора и папы начать въ угоду имъ войну противъ турокъ.

Въ Болоньѣ былъ заключенъ такъ называемый вѣчный миръ между Клементомъ VII, императоромъ, его братомъ, Фердинандомъ, бывшимъ уже въ то время королемъ венгерскимъ и богемскимъ, венеціанской республикой, герцогами Миланскимъ и Савойскимъ и маркграфами Монферратскимъ и Мантуанскимъ; миръ этотъ имѣлъ ту же участь, какая постигаетъ все вѣчное, что дѣлаютъ люди. Передъ отъѣздомъ Карла въ Германію, папа короновалъ его 22 февраля 1530 желѣзной короной королемъ итальянскимъ, а на слѣдующій день императорской короной римскимъ императоромъ. Это была послѣдняя коронація германскаго императора папою. Что касается герцога Альфонса Феррарскаго, то, хотя ему было дозволено присоединиться къ вѣчному миру, но папа, несмотря на всѣ усилія императора, настаивалъ на уступкѣ Модены, Реджіо, Руббіеры и Котиньолы и не позволилъ Альфонсу прибыть въ Болонью на коронацію Карла. Альфонса допустили въ Болонью только въ мартѣ, но и

здѣсь онъ не могъ помириться съ папой. Тогда Альфонсъ и папа обратились къ третейскому суду императора. Карлъ не далъ однако рѣшенія до отъѣзда своего въ Германію, потому что нуждался въ обоихъ; онъ объявилъ приговоръ не раньше 1531 года.

Флорентинцамъ пришлось хуже; императоръ предалъ Флоренцію еще въ Барселонѣ; онъ желалъ доставить блестящее положеніе своей побочной дочери и въ тоже время уничтожить единственныхъ республиканцевъ Италіи. Съ монархическимъ Альфонсомъ Феррарскимъ онъ еще могъ сойтись; но не могъ допустить существованія въ Италіи республики. Филиберту Оранскому было поручено покорить городъ. Флоренція защищала свою свободу съ стойкостію и мужествомъ, достойными лучшей участи; но папа и императоръ послали противъ несчастнаго города лучшихъ солдатъ, какіе тогда были въ Европѣ. Поэтому флорентинцы поступили бы благоразумно, еслибы заранѣе покорились необходимости. Войсками ихъ предводительствовали два знаменитыхъ вождя наемниковъ, Франческо Ферручи и Малатеста Бальіони. Они сражались довольно счастливо и въ теченіе пяти мѣсяцевъ, которые императоръ и папа провели въ Болоньи, одерживали верхъ надъ превосходными силами непріятеля не только въ самомъ городѣ, но и въ открытомъ полѣ. Война кончилась уже по возвращеніи императора въ Германію. 2 августа 1530 г. флорентинцы подъ предводительствомъ Ферручи были совершенно разбиты въ сраженіи при Кавиніано, гдѣ палъ самъ императорскій главнокомандующій, Филибертъ Оранскій. Ферручи былъ также убитъ, умерщвленный самымъ варварскимъ образомъ. Мѣсто Филиберта занялъ Фердинандъ Гонзага, братъ герцога Мантуанскаго.

Малатеста Бальіони, которому флорентинцы ввѣрили свое войско, продалъ папѣ ихъ свободу. Онъ владѣлъ прежде Перуджіей, но лишился своихъ владѣній; желая возвратить ихъ, онъ убѣдилъ флорентинцевъ обратиться для переговоровъ къ Гонзагѣ,

но самъ условился предварительно съ папой, который согласился возвратить ему его родовыя имѣнія въ Перуджіи съ тѣмъ, чтобы онъ отказался отъ самой Перуджіи. Въ половинѣ августа флорентинцы заключили договоръ, по которому должны были сдаться. Но не смотря на договоръ, императорскія войска, вступивъ въ городъ, подвергли его тяжкимъ насиліямъ. Городъ истратилъ на войну нѣсколько милліоновъ и долженъ былъ немедленно заплатить императорскимъ наемникамъ восемьдесятъ тысячъ дукатовъ; въ сентябрѣ и въ октябрѣ папа учредилъ во Флоренціи правительство, въ которомъ всѣ мѣста были розданы приверженцамъ, родственникамъ и кліентамъ дома Медичи. Но флорентинцамъ, которые всегда были гвельфами и никогда непризнавали, подобно пизанцамъ и сіэнцамъ, верховной власти императора, было особенно тяжело то, что папа Клементъ, самъ будучи флорентинцемъ, для утвержденія господства своей фамиліи призналъ верховныя права императора и допустилъ его распоряжаться Флоренціей. 28 октября 1530 г. императоръ далъ безпутному мальчишкѣ, Александру Медичи, котораго Клементъ VII уже сдѣлалъ герцогомъ Пенпскимъ, дипломъ, въ силу котораго Александръ и его потомки, а въ случаѣ ихъ смерти весь остальной родъ Медичи, получили Флоренцію въ наслѣдственное владѣніе.

Передъ отъѣздомъ въ Германію Карлъ распорядился Мальтою и Гоццо. 24 марта 1530 въ качествѣ не императора, а короля неаполитанскаго онъ отдалъ эти острова въ ленъ іоаннитамъ или родосскимъ рыцарямъ, изгнаннымъ въ 1522 турками изъ Родоса. Для христіянскихъ государей было позоромъ, что они во время не помогли этимъ рыцарямъ въ ихъ послѣдней, геройской и навѣки достопамятной защитѣ Родоса, со времени потери котораго рыцари жили на счетъ папы.

Digitized by Google

2. Разрывъ между крайними и умѣренными послѣдователями Лютера и война рыцарства съ государями или Зиккингенская распря.

Мы переходимъ къ тому времени, когда въ Германіи, какъ и въ Швейцаріи, послѣдователи проповѣдниковъ евангелія начали постепенно отступать отъ римскихъ церковныхъ формъ и измѣнили обряды религіи. До сихъ поръ это произошло лишь въ немногихъ мѣстахъ. Мудрый курфирстъ Фридрихъ Саксонскій не препятствовалъ проповѣди евангелія, но сохранялъ у себя старый порядокъ, такъ что даже въ Виттенбергѣ вначалѣ все оставалось по прежнему. Только со времени пребыванія Лютера въ Вартбургѣ Меланхтонъ и другіе друзья и ученики Лютера предприняли значительныя преобразованія. Они зашли такъ далеко, что Лютеру уже нельзя было оставаться назади. До сихъ поръ онъ сохранилъ мессу и даже носилъ свое монашеское платье. Но истиннымъ поводомъ къ полному церковному расколу послужилъ вормскій эдиктъ, изданный императоромъ Карломъ противъ Лютера и лютеранства. (т. XI стр. 363).

Этотъ эдиктъ, сочиненный вѣроятно нунціемъ Алеандеромъ и подписанный императоромъ 8 мая 1521, но обнародованный весьма благоразумно только 26 мая, когда Лютеръ уже былъ въ безопасности, объявилъ Лютера и его послѣдователей еретиками и предалъ ихъ опалѣ; книги ихъ были осуждены на сожженіе. Лютеръ долженъ былъ быть арестованъ, а имѣнія его покровителей и защитниковъ конфискованы. Другимъ эдиктомъ строжайше запрещались во всей имперіи всякія религіозныя нововведенія. Какъ мало обращали вниманіе на опалу, которой подлежало слишкомъ много лицъ, видно изъ того, что еще до отъѣзда императора въ Испанію ученіе Лютера проповѣдывалась открыто во всей Германіи и внѣшніе богослуженіе было измѣнено. Достаточно нѣсколькихъ примѣровъ:

Digitized by Google

герцогъ Георгъ Саксонскій, которому принадлежали Дрезденъ и Лейпцигъ, былъ рѣшительнымъ противникомъ новаго ученія и не позволялъ проповѣдывать его; но братъ его, Генрихъ, по убѣжденію своей жены, мекленбургской принцессы, дозволилъ проповѣдывать новое ученіе, а въ Фрейбергѣ и Цвикау даже измѣнилъ богослуженіе. Въ Эрфуртѣ, Эмденѣ, Гальберштатѣ, въ разныхъ мѣстахъ Богеміи, въ Нёрдлингенѣ, въ Стразбургѣ и Вормсѣ месса также должна была уступить проповѣди. Въ Помераніи проповѣдывалъ новое ученіе и измѣнилъ богослуженіе Іоганнъ Бугенгагенъ, сдѣлавшійся потомъ извѣстнымъ подъ именемъ доктора Померана. Христіанъ II датскій запретилъ копенгагенскому университету сожигать сочиненія Лютера и просилъ курфирста Фридриха Мудраго, который по матери былъ его дядей, прислать ему богослова для проповѣдыванія ученія Лютера. Даже въ Нидерландахъ, особенно въ Анверпенѣ и въ Брюгге, лютеранство проповѣдывалось, не смотря на сильныя преслѣдованія императора. Лютеръ самъ былъ того мнѣнія, что императорскій эдиктъ, изданный противъ него, будетъ исполняться развѣ только его смертельными врагами, курфирстомъ Бранденбургскимъ и герцогомъ Георгомъ Саксонскимъ; онъ писалъ Меланхтону: „я самъ думаю, что этотъ эдиктъ будетъ свирѣпствовать только у дрезденскаго Ровоама и у вашего сосѣда, котораго такъ мучитъ тщеславіе.“ Наконецъ папа Адріанъ VI въ письмѣ, писанномъ въ концѣ ноября 1522 г. къ чинамъ, собраннымъ въ Нюрнбергѣ, говоритъ, что вся Германія грозитъ отпасть отъ его римской церкви, и что онъ слышалъ, что уже началась междоусобная война.

Война эта дѣйствительно началась; но она не имѣла ничего общаго съ расколомъ и была войной германскихъ князей съ рыцарствомъ; но за ней послѣдовала другая, порожденная новымъ ученіемъ о разныхъ имущественныхъ правахъ. Хотя поводомъ къ первой войнѣ была сильная ненависть Зиккингена къ врагу реформаціи и Лютера, курфирсту Трир-

скому, но Зиккингенъ былъ въ то время также озлобленъ и противъ ревностнаго друга Лютера и его ученія, ландграфа Филиппа Великодушнаго Гессенскаго, который не выполнялъ всѣхъ условій договора, вынужденнаго у него Зиккингеномъ (т. XI стр. 308). Зиккингенъ былъ уже старъ и страдалъ подагрой, такъ что съ трудомъ садился на лошадь; но со времени его дѣятельности при избраніи Карла V значеніе его въ Германіи значительно возвысилось, Въ то время онъ былъ могущественнѣйшимъ и богатѣйшимъ барономъ рейнскихъ странъ, императорскимъ совѣтникомъ, каммергеромъ, генераломъ и, что всего важнѣе, главою рыцарскаго союза прирейнскихъ странъ и Швабіи, заключеннаго въ Линдау. Какъ глава союза, онъ хотѣлъ защищать права рыцарей противъ государей. Обыкновенно его представляютъ германскимъ Гекторомъ и защитникомъ нѣмецкихъ вольностей; быть можетъ это справедливо; но по нашему мнѣнію онъ былъ скорѣе защитникомъ анархіи и разбойниковъ рыцарей и противникомъ законнаго порядка, установленнаго императоромъ и государями страны. Это мнѣніе мы основываемъ не только на томъ, что было сказано о Зиккингенѣ прежде (т. XI стр. 307), но и на томъ, что послужило поводомъ къ войнѣ, бывшей причиною его смерти.

Два разбойника, члены названнаго выше рыцарскаго союза, были во враждѣ съ двумя трирскими вассалами и поступили съ ними точно такъ, какъ дѣйствуютъ теперь разбойники Калабріи и Церковной Области. Они напали на трирскія владѣнія и захватили двухъ богатѣйшихъ тамошнихъ жителей, изъ коихъ одинъ былъ отецъ викарнаго епископа, съ цѣлью вынудить у нихъ выкупъ. Они были принуждены обѣщать рыцарямъ пять тысячь дукатовъ и получили свободу за поручительствомъ Зиккингена. Но сюзеренъ разрѣшилъ ихъ отъ вынужденнаго обязательства. Зиккингенъ воспользовался этимъ, чтобы предпринять разбойничій набѣгъ на Триръ. По старому обычаю кулачнаго права, отмѣненному при Максимиліанѣ, Зиккингенъ послалъ курфирсту

манифестъ съ объявленіемъ войны и насмѣшливо отвергнулъ представленія императорскаго управленія во главѣ котораго находился Фердинандъ, въ качествѣ намѣстника своего брата; затѣмъ Зиккингенъ собралъ близь Крейцнаха, въ замкѣ Эбернбургѣ, гдѣ онъ по временамъ жилъ, рыцарей и наемниковъ для опустошительнаго похода противъ Трира и 8 сентября 1522 г. явился подъ стѣнами Трира съ 5,000 пѣхоты и 1,500 рыцарей.

Этому набѣгу благопріятствовали великій гофмейстеръ курфирста Альбрехта Майнцскаго, Фровейнъ фонъ Гуттенъ и все майнцское дворянство, даже самъ Альбрехтъ. Зиккингенъ предводительствовалъ дикимъ войскомъ, которое свирѣпствовало самымъ постыднымъ образомъ и истребляло все огнемъ и мечемъ. Архіепископъ трирскій самъ сжегъ княжеское аббатство Св. Максимина, потому что Зиккингенъ разсчитывалъ на тамошніе магазины. Эпизоды этой разбойничей войны даютъ понятіе о печальномъ состояніи германскихъ крестьянъ и объясняютъ тѣ каннибальскія звѣрства, которыя они совершали два года спустя надъ князьями и рыцарями. Филиппъ Гессенскій явился во время на помощь курфирсту Трирскому. Кромѣ того имперское правленіе требовало, чтобы государи строго наблюдали за рыцарями и препятствовали имъ идти съ своими грабителями сподвижниками на помощь Зиккингену. Вслѣдствіе этого герцогъ Клевскій и Юлихскій не пропустилъ въ Триръ шайки рыцаря Ренненберга, а архіепископъ кельнскій—ватаги бастарда Сонбрефа; Филиппъ Гессенскій аттаковалъ Минквица, который шелъ изъ Брауншвейга съ 1,500 человѣкъ; это принудило Зиккингена чрезъ семь дней (14 сентября) снять осаду Трира. Филиппъ и архіепископъ трирскій, стоявшіе при Альцеи, не препятствовали его отступленію и прежде всего наказали майнцскихъ господъ. На франкфуртскомъ собраніи Альбрехтъ Майнцскій долженъ былъ обѣщать уплатить двадцать пять тысячь дукатовъ; но Фровейнъ Гуттенъ упорствовалъ. Зять Зиккингена,

Digitized by Google

Гартмутъ фонъ Кроненбергъ, лишился своего города, куда граждане впустили непріятеля.

Зиккингенъ объявилъ войну и курфирсту Пфальцскому и хотѣлъ аттаковать его укрѣпленный замокъ Люцельштейнъ; онъ полагался на свою силу и силу своихъ союзниковъ; то, что мы знаемъ о его могуществѣ, доказываетъ, что это была война рыцарства съ государями, подобно тому, какъ черезъ два года государи и рыцари вели войну съ крестьянами. 8-го октября Зиккингенъ былъ преданъ опалѣ, и всѣ его замки, Драхенфельсъ, Эбернбургъ, Калленфельсъ, Нейштуль, Гогенбургъ и Лиценбургъ были или взяты или находились въ опасности; тогда онъ велѣлъ укрѣпить Ландштуль, надѣясь продержаться въ немъ, пока не подойдетъ на помощь рыцарство. Зять его, Гартмутъ, не будучи долѣе въ состояніи защищать Эбернбургъ, отправился въ Богемію, а сынъ Зиккингена, Швейкартъ въ Швабію, чтобы созвать друзей. По паденіи замка Заальмюнстера Фровейнъ Гуттенъ разъѣзжалъ съ тою же цѣлью по Швейцаріи, Ульрихъ Гуттенъ въ верхней Швабіи, Бальтазаръ Слоеръ на верхнемъ Рейнѣ, Францъ Фоссъ въ Нижней Германіи. Но никто не пришелъ, потому что Филиппъ Гессенскій и курфирсты Трирскій и Пфальцскій предупредили рыцарство. Не явились даже Вильгельмъ фонъ Фюрстенбергъ и Эйтельфрицъ фонъ Цоллернъ, которымъ было поручено привести швабовъ и эльзасцевъ.

Въ апрѣлѣ 1523 года Филиппъ Гессенскій двинулся съ грозной артиллеріей противъ Ландштуля. Зиккингенъ защищался какъ герой и держался въ Ландштулѣ, который уже 2-го мая былъ совершенно разрушенъ, до 7 числа, хотя былъ такъ тяжело раненъ, что умеръ чрезъ два дня послѣ сдачи замка. Передъ смертью Зиккингенъ жаловался, что швейцарцы и рыцари Швабіи и Эльзаса, къ которымъ онъ отправилъ гонцовъ, не пришли къ нему на помощь. Но Фюрстенбергъ и Эйтельфрицъ фонъ Цоллернъ были не виноваты въ этомъ, потому что отправ-

ленные къ нимъ гонцы были перехвачены. Филиппъ Гессенскій спросилъ умирающаго рыцаря, куда онъ спряталъ свои сокровища, но Зиккингенъ отвѣтилъ ему такъ, какъ онъ заслуживалъ. „Этотъ вопросъ не кстати;“ отвѣчалъ онъ, „по моимъ поступкамъ можно судить, что у меня нѣтъ ничего въ наличности.“ Имѣнія сыновей Зиккингена, зятя его и многихъ приверженцевъ были захвачены князьями; имъ стоило большихъ усилій получить обратно свое имущество, которое было возвращено имъ на весьма тяжелыхъ условіяхъ.

Вслѣдъ за этой войной князей съ главою имперскаго рыцарства наступили насильственныя народныя движенія, находившіяся въ большей или меньшей связи съ измѣненіями государственной религіи, предпринятыми реформаторами; поэтому ихъ удобнѣе разсматривать вмѣстѣ съ исторіей Лютера. Неудовольствія и раздоры возникли прежде всего въ Виттенбергѣ, еще во время пребыванія Лютера въ Вартбургѣ. Лютеръ жилъ въ Вартбургѣ подъ именемъ дворянина и занимался переводомъ Новаго Завѣта, который вышелъ весь вмѣстѣ, тогда какъ книги Вѣтхаго Завѣта, при переводѣ которыхъ Меланхтонъ помогалъ Лютеру въ отношеніи еврейскаго языка, выходили по частямъ и были напечатаны въ полномъ составѣ лишь впослѣдствіи. Мѣстопребываніе Лютера было вначалѣ не извѣстно не только его друзьямъ, но даже брату курфирста Саксонскаго, герцогу Іоганну. Однако вскорѣ оно обнаружилось, потому что Лютеръ выпустилъ изъ Вартбурга въ свѣтъ много рѣзкихъ полемическихъ сочиненій.

До сихъ поръ Лютеръ и его курфирстъ щадили внѣшній церковный порядокъ; но Меланхтонъ былъ въ этомъ отношеніи смѣлѣе. Онъ женился еще въ 1520 году, тогда какъ Лютеръ послѣдовалъ его примѣру позднѣе, хотя уже тогда любилъ Катерину де-Боре. Впрочемъ Меланхтонъ не былъ монахомъ и не былъ посвященъ, а Лютеръ и его Катерина должны были сложить монастырскій обѣтъ. Изъ писемъ Лютера видно,

что уже въ 1521 г., когда многіе духовные стали вступать въ бракъ, онъ предостерегалъ ихъ, совѣтуя избѣгать неосторожныхъ поступковъ. Во время отсутствія Лютера изъ Виттенберга, монахи тамошняго августинскаго монастыря начали производить насильственныя реформы, и товарищъ Лютера, Карльштатъ или, какъ онъ собственн оназывался, Боденштейнъ, распространялъ преобразованіе латинства. Меланхтонъ былъ не довольно энергиченъ, чтобы противодѣйствовать ему; казалось даже, что онъ до извѣстной степени благопріятствовалъ мнѣнію Карльштата и его друзей. Тогда между крайней и умѣренной партіями въ Виттенбергѣ начался жаркій раздоръ, который часто кончался насильственными поступками, потому что въ то время наша полиція была еще неизвѣстна. Наконецъ присутствіе Лютера стало необходимо, чтобы положить конецъ безпокойствамъ. Поэтому, не смотря на свое инкогнито, онъ прибылъ въ ноябрѣ въ Виттенбергъ и пробылъ здѣсь нѣсколько дней въ домѣ Амздорфа. Въ концѣ 1521 г. дѣло стало еще затруднительнѣе. Тюрингенскіе и мейссенскіе августинцы постановили на собраніи въ Виттенбергѣ отмѣнить всѣ отступленія отъ евангельскаго ученія.

Въ сумятицѣ, поднятой виттенбергскими бюргерами и студентами, главную роль играли Карльштатъ и августинскій монахъ Габріель Дидимъ, считавшій себя, подобно первому, ревностнымъ приверженцемъ и другомъ Лютера. Лютеръ обратилъ свою сильную проповѣдь преимущественно противъ нихъ. Карльштатъ былъ сбитый съ толку, темный мистикъ, но фанатически краснорѣчивый. Проповѣдуя въ виттенбергской монастырской церкви, онъ уже давно возглашалъ съ кафедры, что необходимо совершенно измѣнить многое въ богослуженіи, потому что все, что учреждено и установлено папами, противно христіанству. Проповѣдь Карльштата не имѣла вліянія, пока Лютеръ, котораго бюргеры и студенты чтили, какъ католики папу, училъ и проповѣдывалъ рядомъ съ нимъ. Только въ концѣ 1521 года, когда Лютера уже не было въ Виттенбергѣ, Карльштатъ могъ приступить къ

дѣлу. Во главѣ гражданъ и студентовъ онъ неожиданно отмѣнилъ всѣ обряды римскаго богослуженія, началъ служить обѣдню на нѣмецкомъ языкѣ, запретилъ возносить дары, установилъ причащать подъ обоими видами, и совершенно измѣнилъ римское богослуженіе. Это не могло обойтись безъ волненія. Всѣ фанатики и безпокойныя головы, которыми богата всякая революція, устремились въ Виттенбергъ, и реформаторы поссорились съ совѣтомъ и даже съ самимъ курфирстомъ. Меланхтонъ былъ неспособенъ укратить бурю. Поэтому 4 марта 1522 г. Лютеръ снова прибылъ въ Виттенбергъ.

Его присутствіе въ Виттенбергѣ было необходимо не только потому, что послѣдователи Карльштата не хотѣли остановиться на томъ, что было дозволено курфюрстомъ и его совѣтниками, но и потому, что въ тоже время въ Цвикау Томасъ Мюнцеръ и его радикальные друзья пытались основать идеальное царство небесное на землѣ. Между людьми, дѣйствовавшими въ Цвикау въ духѣ Карльштата, одинъ Мюнцеръ обладалъ нѣкоторымъ научнымъ образованіемъ. Прочіе вожди тамошнихъ фанатиковъ были ремесленники. Большимъ вліяніемъ чѣмъ Мюнцеръ пользовался Николай Шторхъ. Смятеніе въ Цвикау было усмирено властями; нѣкоторые изъ бѣжавшихъ оттуда, уже ратовавшіе противъ крещенія дѣтей, явились въ Виттенбергъ, такъ что Лютеръ возвратился туда въ то самое время, когда присутствіе его было наиболѣе необходимо. Прибывъ въ Виттенбергъ, онъ немедленно объявилъ, что будетъ проповѣдывать противъ безпорядковъ, совершившихся въ его отсутствіе. Восемь дней сряду всходилъ онъ на кафедру, и кто читалъ его проповѣди, пойметъ, что мистическій туманъ Карльштата и Мюнцера долженъ былъ мгновенно разсѣяться предъ свѣтомъ и теплотой отеческихъ упрековъ такого человѣка, какимъ Лютеръ показалъ себя въ этихъ проповѣдяхъ. Безпокойныя головы были скоро принуждены оставить городъ. Карльштатъ от-

правился въ Базель; какъ мы ниже увидимъ, онъ еще долго скитался и ругалъ Лютера. Томасъ Мюнцеръ былъ принятъ какъ пророкъ въ городкѣ Альтштедтѣ, но долженъ былъ бѣжать, когда написалъ противъ Лютера и его ученія рѣзкую полемику. По той же причинѣ онъ былъ удаленъ и изъ Нюрнберга. Мюнцеръ имѣлъ много послѣдователей, и во время крестьянской войны мы опять встрѣтимъ его сначала въ Швабіи, а потомъ въ Мюльгаузенѣ.

3. Крестьянская война.

Въ 1524 году вспыхнуло возстаніе бѣдныхъ крѣпостныхъ и оброчныхъ крестьянъ, распространившееся по всей Германіи. На сколько имѣло въ немъ участія новое ученіе, исходившее изъ Цюриха и Виттенберга, рѣшать мы не будемъ. Подобное же возстаніе произошло еще въ 1514 году, потому что дворянство обращалось съ бѣдными людьми какъ со скотомъ или какъ съ неграми въ вестиндскихъ колоніяхъ. (т. XI стр. 314). Мы бы утомили читателя разсказомъ о всѣхъ мученіяхъ, которыя были придуманы, чтобы превратить мужика во вьючное животное. Мы упомянемъ только о постоянной жалобѣ крестьянъ на то, что они должны собирать раковины улитокъ и землянику. Жалоба на собираніе раковинъ для насъ не совсѣмъ ясна; что же касается до земляники, то собираніе ея не могло быть особенно тягостно, если сообразить, какое множество ея приносятъ каждый день на рынокъ; вѣроятно помѣщики того времени истребляли ее въ непомѣрномъ количествѣ. Что касается до участія въ крестьянской войнѣ разныхъ фанатиковъ, то нужно знать, что въ то время въ народѣ обращались сотни подметныхъ листковъ, что множество монаховъ, нарушивъ монашескіе обѣты, распространяли нелѣпыя ученія; что Себастіанъ Франке (Т. XI, стр. 452) съ такою же теплотою писалъ по нѣмецки исторію,

Digitized by Google

какъ Лютеръ духовныя сочиненія, и что его хроники выходили въ безчисленномъ множествѣ изданій. Кромѣ того двѣнадцать параграфовъ или требованій, превозглашенные возставшими крестьянами и заключавшіе въ себѣ идею новаго государственнаго права (contrat social), были по всей вѣроятности написаны послѣдователемъ швейцарскихъ реформаторовъ, которые дѣйствовали гораздо смѣлѣе, чѣмъ Лютеръ. Въ какой бы впрочемъ связи съ религіознымъ вопросомъ ни находилась крестьянская война, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что швабскіе крестьяне еще въ 1514 году сдѣлали попытку страшнаго возстанія; въ 1523 и въ 1524 годахъ они, говоря ихъ языкомъ, не захотѣли долѣе терпѣть рабство, барщину и десятины. Впрочемъ Циммерманъ въ своей исторіи крестьянской войны собралъ въ такой полнотѣ изъ печатныхъ и неизданныхъ источниковъ все, что относится до нея, и изложилъ эти событія такъ ясно, что мы отсылаемъ читателя къ этому сочиненію и коснемся крестьянской войны лишь въ общихъ чертахъ *).

Въ концѣ іюня 1524 года вспыхнуло возстаніе въ ландграфствѣ Штюлингенъ, гдѣ графъ Зигмундъ II, его всемилостивѣйшая супруга и высокоблагородныя дщери употребляли крестьянъ, вмѣсто охотничьихъ собакъ и посылали сбирать землянику и раковины улитокъ; оно съ неимовѣрной быстротой распространилось въ Бондорфѣ, Эматингенѣ, Бертматингенѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Уже въ іюлѣ крестьяне объявили, что хотятъ повиноваться только императору и двинулись въ числѣ тысячи двухъ сотъ человѣкъ съ трехцвѣтнымъ — чернымъ, краснымъ и жолтымъ — имперскимъ знаменемъ на Вальдгутъ, гдѣ къ нимъ присоединились горожане. Они назвали себя евангелическимъ братствомъ и разослали открыто и тайно письма и гонцовъ не только по всему Гегау, Зундгау, въ Эльзасъ и Швабію,

*) Редакціей «Русскаго Слова» приступлено къ изданію въ русскомъ переводѣ этого классическаго сочиненія. Ред.

но и за Рейнъ, на Мозель и даже во Франконію и въ Тюрингію. Они всюду объявляли, „что хотятъ служить только императору. Такъ какъ тогда не было ни постоянныхъ войскъ, ни должностной іерархіи, то они, благодаря своей многочисленности, восемь мѣсяцевъ господствовали въ странѣ, свирѣпствуя и разрушая. Военнаго дѣла они не понимали, были невооружены или вооружены очень дурно, и совершенно неспособны сопротивляться въ открытомъ полѣ, потому что рыцари, которыхъ они принуждали присоединиться къ нимъ, съ отвращеніемъ смотрѣли на ихъ дѣло. Бѣглые монахи и фанатическіе проповѣдники новаго ученія возстановляли ихъ противъ всякаго гражданскаго порядка. При такихъ обстоятельствахъ возставшіе крестьяне были страшны только по своей многочисленности и по совершаемымъ ими жестокостямъ; несмотря на это, рыцарство не рѣшалось вступить съ ними въ открытую борьбу, пока вполнѣ не обезпечило себѣ побѣду. Время отъ времени оно вело съ ними переговоры, дѣлая видъ, что ищетъ посредничества или третейскаго рѣшенія и что желаетъ уступить имъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ; наконецъ единственная исполнительная власть, существовавшая тогда въ Германіи, т. е. швабскій союзъ соединилъ свои силы, чтобы потушить возстаніе военною силою и затѣмъ еще болѣе усилить гнетъ рыцарства.

Шестнадцать параграфовъ, въ которыхъ крестьяне верхней Швабіи, Клеттгау и Гегау, Штюлингена и Баара изложили свои требованія въ переговорахъ съ имперскимъ рыцарствомъ, показываютъ, что они добивались только того, чего частью наконецъ достигли въ наше время. „Рыба и дичь должны принадлежать всѣмъ. Мы хотимъ, чтобы наши собаки бѣгали свободно. Хотимъ имѣть право носить ружья и арбалеты. Егеря и лѣсничіе не должны имѣть надъ нами власти. Не хотимъ возить для господъ навозъ. Не хотимъ косить, жать, готовить сѣно и возить своимъ господамъ хлѣбъ и дрова. Хотимъ быть совершенно освобождены отъ тяжелыхъ ремеслъ. Не должно несправед-

ливо требовать отъ насъ налоговъ, податей и оброка. Крестьянинъ не обязанъ ходить на барщину. Ни мужчины, ни женщины не должны быть наказываемы, если женятся безъ дозволенія господъ. Господинъ не долженъ присвоивать имущества самоубійцы и не можетъ наслѣдовать крестьянину, пока есть родственники. Кто имѣетъ у себя въ домѣ вино, можетъ подчивать имъ каждаго. Судья не можетъ наказывать за проступки, не имѣя полныхъ доказательствъ (свидѣтелей.)."

Ни швабскій союзъ, ни братъ Карла V, эрцгерцогъ Фердинандъ, царствовавшій въ Виртембергѣ по изгнаніи Ульриха и бывшій могущественнѣйшимъ государемъ Швабіи, не могли принять немедленно рѣшительныхъ мѣръ. Поэтому крестьяне пользовались дикой независимостью еще въ февралѣ 1525, хотя эрцгерцогъ издалъ приказаніе преслѣдовать ихъ огнемъ и мечемъ и истреблять, какъ хищныхъ животныхъ. Трухзесъ Георгъ фонъ Вальдбургъ и другіе господа не задумались послѣдовать этому повелѣнію; но это не остановило крестьянъ и напротивъ вызвало со стороны ихъ упорство. Изгнанный герцогъ Ульрихъ Виртемберскій возвратился въ Швабію, чтобы воспользоваться крестьянами для своей цѣли и посредствомъ ихъ возвратить свои владѣнія отъ австрійцевъ; но крестьяне знали его слишкомъ хорошо и не пристали къ нему. Виртембергскій намѣстникъ Фердинанда перепугался и еще въ предидущемъ году писалъ эрцгерцогу, державшему тогда въ Нюрнбергѣ сеймъ, что нельзя полагаться на пѣхоту, состоящую большею частью изъ горожанъ и крестьянъ и потому просилъ его поскорѣе прислать конницу.

Благодаря воззваніямъ Томаса Мюнцера и вальдгутскаго священника Губмайера, движеніе, стремившееся учредить Новый Іерусалимъ, получило въ послѣднее время совершенно радикальный характеръ. Мюнцеръ, не владѣвшій истиннымъ и яснымъ краснорѣчіемъ Лютера, провелъ пять мѣсяцевъ между Эльзасомъ и Констанцкимъ озеромъ, выдавая свое темное и мистиче-

ское чувство за вдохновеніе свыше. Губмайеръ, еще за долго до знакомства съ Мюнцеромъ, считался въ своей общинѣ, Вальдсгутѣ и Гауенштейнѣ, боговдохновеннымъ пророкомъ. Множество верхнешвабскихъ священниковъ, не бывшихъ ни анабаптистами ни дикими фанатиками, проповѣдывали евангеліе крестьянамъ и гражданамъ маленькихъ городовъ такимъ же образомъ, какъ Губмайеръ, Мюнцеръ и Себастіанъ Франке или какъ въ наше время Ламне. Другіе были умѣреннѣе, и къ нимъ безспорно принадлежалъ авторъ двѣнадцати крестьянскихъ параграфовъ, распространившихся съ марта 1525 по всей Германіи. Новѣйшій историкъ крестьянской войны, Циммерманъ, думаетъ, что авторомъ этихъ двѣнадцати параграфовъ крестьянскихъ требованій былъ или докторъ Шаппелеръ, священникъ мемминген-скій или Іоганнъ Генглеръ, священникъ зерматингенскій.

Этотъ кодексъ, въ которомъ всѣ выше приведеные пункты выражены нѣсколько иначе, составленъ уже литературно, и каждый параграфъ подкрѣпленъ текстами и изрѣченіями апостоловъ. Крестьяне, какъ показываетъ приводимый нами ниже первый параграфъ, требовали, чтобы евангеліе, проповѣдуемое имъ въ церкви, служило положительнымъ, а не нравственнымъ только закономъ евангельскаго государства. О насиліяхъ нѣтъ и рѣчи. Въ параграфѣ этомъ говорится: „Во первыхъ евангеліе не есть поводъ къ возмущенію или безпокойствамъ; такъ какъ рѣчь идетъ о Христѣ, обѣщанномъ Мессіи, котораго слово и жизнь учатъ только любви, миру, терпѣнію и согласію (Рим. 2.), слѣдовательно, чтобы всѣ, кто вѣруетъ въ него жили любовно, мирно, терпѣливо и согласно, то и основаніе всѣхъ крестьянскихъ параграфовъ, какъ будетъ ясно видно, клонится къ тому, чтобы слушаться евангелія и жить по евангельски. Какимъ же образомъ противники христіанства могутъ называть евангеліе причиной возмущеній и непослушанія? Евангеліе невиновато, что нѣкоторые противники и враги Христа идутъ на перекоръ такимъ стремленіямъ; причиною этому дья-

Digitized by Google

волъ, злѣйшій врагъ евангелія, который возбуждаетъ невѣріе, дабы подавить и уничтожить слово Божіе, которое учитъ миру, любви и согласію.“ Совершенно другое говорится въ манифестѣ верхнешвабскаго крестьянства, написанномъ Томасомъ Мюнцеромъ и называемомъ обыкновенно параграфнымъ письмомъ.

Вся Швабія была въ возстаніи. Тщетно издавало свои эдикты такъ называемое имперское управленіе, пребывавшее въ Эслингенѣ; тщетно пыталось швабское союзное собраніе въ Ульмѣ удержать крестьянъ дружескими внушеніями отъ насилій, которымъ они предавались съ февраля 1525 г. Наконецъ швабскій союзъ назначилъ противъ нихъ двухъ предводителей кондоттіери, Георга фонъ Фрундсберга и Трухзеса Георга фонъ Вальдбурга. Послѣдній, сдѣланный за дѣйствія противъ крестьянъ наслѣдственнымъ стольникомъ (Truchsesz) и намѣстникомъ Фердинанда въ Виртембергѣ, собралъ, какъ главнокомандующій швабскаго союза, войско противъ герцога Ульриха Виртембергскаго, вступившаго въ мартѣ съ наемными швейцарцами въ Швабію. Когда солдаты Ульриха разбѣжались, Трузхесъ выступилъ съ своимъ войскомъ противъ крестьянъ, которые раздѣлились на три шайки и стояли лагерями при Биберахѣ въ Альгау и при Констанцкомъ озерѣ. Можно было предвидѣть, что худо вооруженные крестьяне, которымъ самая многочисленность ихъ приносила скорѣе вредъ, чѣмъ пользу, будутъ побѣждены наемною пѣхотою генерала кондоттьери, привычною къ бою и хорошо вооруженною. Кромѣ того въ войскѣ Трухзеса были тяжеловооруженные рыцари, у которыхъ даже лошади были покрыты бронею. Кажется, Трухзесъ былъ невиноватъ въ жестокостяхъ, совершенныхъ рыцарями послѣ побѣды и во всѣхъ смертоубійствахъ и казняхъ, потому что въ отношеніи своихъ крестьянъ онъ былъ кроткій и ласковый господинъ, такъ что они были ему вѣрны даже тогда, когда всѣ крестьяне въ Швабіи, на Рейнѣ, во Франконіи и въ Тюрингіи уже взялись за оружіе. Когда жители городка Вурцаха были приглашены другими крестья-

Digitized by Google

нами присоединиться къ нимъ, они отправили къ Трухзесу гонцовъ и велѣли убѣдительно просить его пріѣхать къ нимъ. Онъ отвѣтилъ имъ очень дружески, называлъ ихъ въ письмѣ благочестивыми и вѣрными, но извинялся своими служебными обязанностями. Онъ писалъ имъ: „мнѣ было бы очень пріятно промѣнять эти безпокойныя хлопоты на жизнь съ своей женой, дѣтьми и съ своими вѣрными и благочестивыми крестьянами. Но находясь на службѣ моего австрійскаго государя, который повелѣлъ мнѣ оставаться при моихъ обязанностяхъ, я не могу отступить отъ своего долга, какъ бы ни желалъ отправиться къ вамъ". Тогда вурцахцы соединились съ шайками, стоявшими подъ ихъ городкомъ.

Крестьянами предводительствовали большею частью католическіе священники, которые дѣлали при случаѣ на походахъ жестокія насилія. Между прочимъ упоминаютъ о попѣ Флоріанѣ, священникѣ эйхштеттенскомъ, о Гансѣ Веэ, священникѣ лейпгеймскомъ близь Ульма и о священникахъ лангенаусскомъ и гюнцбургскомъ. Войска Трухзеса Георга напали сначала на шайку въ шесть или семь тысячь человѣкъ, бродившую на Дунаѣ. Эта шайка была уничтожена при Эльхингенѣ и потомъ при Лейпгеймѣ. Тысячи лишились здѣсь жизни, и 5 апрѣля вся окрестность была покрыта трупами. Плѣнные были преданы суровой уголовной юстиціи, руководствомъ которой служилъ уголовный уставъ императора Карла V. Послѣ казней на Дунаѣ Георгъ двинулся противъ крестьянъ, стоявшихъ при Вурцахѣ. Альгау и окрестности озера были на время быстро усмирены Вальдбургомъ и рыцарствомъ; но за то крестьяне Оденвальда и Неккарской долины, злобствуя за жестокости рыцарей, совершенныя на Дунаѣ, на озерѣ и въ Верхней Швабіи, стали разрушать замки, церкви, и монастыри. Поэтому Трухзесъ долженъ былъ спѣшить противъ шаекъ, которыя нашли себѣ дружескій пріемъ въ городкѣ Неккарзульмѣ близь Вейнсберга. Въ вейнсбергскомъ замкѣ жилъ графъ фонъ Гельфенштейнъ, женатый на побочной дочери Максими-

ліана I. Возвратясь изъ Штутгарта и найдя всю мѣстность занятою возмутившимся народомъ, онъ убѣдительно просилъ къ себѣ на помощь гессенскихъ и пфальцскихъ рыцарей; его рейтары преслѣдовали крестьянъ всюду. Въ это время крестьяне узнали о безчеловѣчныхъ поступкахъ верхнешвабскихъ рыцарей и отмстили за это графу Гельфенштейну и главному боттварскому правителю, Вейлеру. Условившись съ жителями Вейнсберга, озлобленными за наглость и высокомѣріе графа Гельфенштейна, крестьяне напали 15 апрѣля на Вейнсбергъ и взяли приступомъ городъ и замокъ. Затѣмъ они казнили этихъ господъ и ихъ рыцарей тою же казнью, какою были умерщвлены крестьяне подъ Лейпгеймомъ и Вурцахомъ. Ни тридцать тысячь гульденовъ, предложенные Вейлеромъ за свой выкупъ, ни колѣнопреклоненныя мольбы жены Гельфенштейна не могли спасти осужденныхъ. Всѣ плѣнники были, какъ тогда говорилось, прогнаны сквозь копья, и даже двулѣтній сынъ Гельфенштейна былъ тяжело раненъ на груди своей матери; впрочемъ жизнь его и его матери была пощажена.

Весь Виртембергъ былъ въ возстаніи; имперское правленіе, не считая себя въ безопасности въ Эсслингенѣ, удалилось, и Штутгартъ ежеминутно боялся очутиться во власти безчинствовавшихъ крестьянъ, когда Трухзесъ Георгъ, усмирившій волненія въ верхнихъ земляхъ и на озерѣ договоромъ, заключеннымъ съ крестьянами, прибылъ въ концѣ апрѣля съ своимъ войскомъ. Онъ едва поспѣлъ прійдти во время, потому что крестьяне уже владѣли хорошимъ оружіемъ; многіе рыцари и высшія лица перешли на ихъ сторону, и носился слухъ, что другъ Зиккингена, Гёцъ фонъ Берлихингенъ имѣетъ намѣреніе объявить себя предводителемъ всѣхъ возставшихъ, отъ Верхней Швабіи до Тюрингіи. Шайка крестьянъ, сжегшая Герренбергъ и простиравшаяся до двадцати тысячь человѣкъ, расположилась на первой недѣлѣ мая подъ Бёблингеномъ; Георгъ аттаковалъ ее 11 мая, и между Бёблингеномъ и Зиндельфингеномъ произошло сраженіе. Крестьяне

дрались счастливо два съ половиною часа противъ войскъ швабскаго союза; но все зависѣло отъ владѣнія Бёбливгеномъ, жители котораго впустили Трухзеса въ городъ, и онъ началъ обстрѣливать оттуда крестьянское войско. Всѣ единогласно говорятъ, что рыцари страшно свирѣпствовали какъ въ самый день битвы, такъ и послѣ, и поступали съ жителями деревень и городовъ, какъ турки или гунны. Свѣдѣнія же о числѣ убитыхъ 11 мая такъ несогласны между собою, что по Циммерману, который сравнилъ всѣ печатныя и рукописныя извѣстія о крестьянской войнѣ, число это колеблется между полутора и девятью тысячами.

Въ то время, какъ подавляли верхвешвабское и виртембергское возстанія, крестьяне Неккарской долины и Одеивальда присоединились къ франконскому мятежу. Въ этомъ возстаніи видна уже система; былъ предначертанъ цѣлый планъ новаго порядка, обозначены кантоны, и Гейльброннъ заранѣе избранъ будущимъ центромъ югозападной Германіи, Эльзаса и части Лотарингіи. Но планъ не осуществился, потому что командиръ швабскихъ союзныхъ войскъ быстро соединился съ рыцарскими войсками всѣхъ тѣхъ государей, которые имѣли причину бояться дальнѣйшаго развитія возстанія. Крестьяне уже сожгли болѣе двухсотъ замковъ, дворянскихъ дворовъ и монастырей, учредили въ завоеванномъ ими городѣ Вюрцбургѣ свой большой совѣтъ и начали осаду тамошней цитадели, Маріенбурга; но Георгъ Трухзесъ, соединившись съ войсками курфирстовъ Рихарда Трирскаго и Лудвига Пфальцскаго, герцога Отто Баварскаго и епископа вюрцбургскаго, нанесъ возставшимъ крестьянамъ страшное пораженіе при Кенигсгофенѣ, 2 іюня 1525 года. Черезъ два дня была почти совершенно истреблена такъ называемая червая громада крестьянскаго войска; затѣмъ освобожденъ Вюрцбургъ, и противъ бѣжавшихъ стали дѣйствовать военнымъ порядкомъ, а противъ плѣнныхъ—судебно-уголовнымъ. Такъ какъ въ битвѣ при Кенигсгофенѣ и послѣ нея было убито шесть тысячь крестьянъ, и возставшіе крестьяне, несмотря на свое худое вооруженіе, за-

щищались вездѣ съ удивительнымъ упорствомъ и стойкостію, то легко разсчитать, какая масса людей была истреблена въ теченіе одного только 1525 года.

Въ тоже время Гизы, господствовавшіе въ Лотарингіи и начавшіе впослѣдствіи во Франціи религіозную войну, во время которой они цѣлое столѣтіе жестоко свирѣпствовали противъ протестантовъ, истребили множество крестьянъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи, принимавшихъ участіе въ союзѣ рейнскихъ и франконскихъ крестьянъ. Герцогъ Антуанъ Лотарингскій и братъ его, Клодъ, де Гизъ, перебили сначала нѣсколько тысячь людей, отдѣлившихся отъ главнаго крестьянскаго войска, стоявшаго при Эльзасъ-Цабернѣ; затѣмъ они напали на это войско. Оно было уничтожено, и городъ Цабернъ съ епископскимъ замкомъ разграбленъ и разрушенъ лотарингскими наемниками. Поселяне, желая отмстить, старались преградить герцогу отступленіе чрезъ проходъ Вовилье, но потерпѣли вторичное пораженіе.

Мы не упоминаемъ о безпокойствахъ въ Фрейбургѣ, базельской области и въ Зундгау, потому что онѣ были прекращены безъ большаго кровопролитія, а частью даже совершенно мирно и кротко. Но мы должны сказать о рѣзнѣ, которую произвели въ прирейнскихъ странахъ Рихардъ трирскій и Лудвигъ пфальцскій. Они побѣдили подъ Феддерсгеймомъ шайку крестьянъ и положили на мѣстѣ восемьсотъ бѣдняковъ, умолявшихъ ихъ о пощадѣ; духовный курфирстъ Рихардъ умертвилъ нѣкоторыхъ собственноручно.

4. Успѣхи реформаціи. Томасъ Мюнцеръ и тюрингскіе фанатики.

Крестьянская война и ея кровавыя послѣдствія находились на столько въ связи съ новымъученіемъ, проповѣданнымъ въ Саксоніи и въ Швейцаріи, на сколько вообще народъ думалъ восполь-

Digitized by Google

зоваться имъ, чтобы освободиться отъ гнета духовенства и рыцарства. Дѣйствительная причина этого возстанія была политическаго, а не религіознаго свойства. Другой характеръ имѣло ученіе, которое проповѣдывалъ въ Тюрингіи Томасъ Мюнцеръ.

Со времени возвращенія Лютера изъ Вартбурга всѣ хорошо понимали, что, если императоръ возвратится въ Германію побѣдителемъ и союзникомъ папы, то неизбѣжно произойдетъ реакція, предупредить которую нужно быстрыми и даже насильственными прогрессивными мѣрами. Еще во время пребыванія Лютера въ Вартбургѣ, а тѣмъ болѣе по возвращеніи его въ Виттенбергъ, проповѣдывалось всюду новое ученіе не только словомъ, но и дѣломъ. Въ іюлѣ 1523 приступили къ внѣшнимъ реформамъ въ Магдебургѣ, причемъ не обращали вниманія на архіепископа Альбрехта. Магдебургскій совѣтъ готовился силою противиться палатному суду и имперскому правленію если бы они вздумали приводить въ исполненіе опалу, произнесенную надъ городомъ. 23 іюня 1523 граждане собрались въ августинскомъ монастырѣ и потребовали отъ совѣта преобразованія богослуженія. Совѣтъ исполнилъ ихъ просьбу; курфирстъ Фридрихъ Мудрый, все еще не высказывавшійся, позволилъ магдебургцамъ пригласить для этой цѣли друга Лютера, Амсдорфа. Магдебургцы требовали: Причащать подъ обоими видами; обратить въ пользу церковной кассы, которую предполагалось учредить, доходы городскихъ монастырей; всѣмъ священникамъ и монахамъ предоставить свободу удалиться изъ города; тѣмъ изъ нихъ, которые добровольно захотятъ остаться, выдавать пожизненное содержаніе; духовенству дозволить вступать въ бракъ, а духовныя обязанности и требы исполнять безвозмездно.

Въ то же время Гартманъ Ибахъ, священникъ церкви св. Екатерины во Франкфуртѣ на Майнѣ, хотѣлъ съ разрѣшенія совѣта произвести тѣже преобразованія. Этому воспротивился курфирстъ Майнцскій, имѣвшій надъ Франкфуртомъ духовно-свѣтскую

судебную власть. Распоряженіе совѣта и требованіе гражданъ осуществились во Франкфуртѣ лишь при помощи рыцарей, друзей Зиккингена. Зять Зиккингена, Гартмутъ фонъ Кроненбергъ, приказалъ прибить къ франкфуртскимъ воротамъ воззваніе, въ которомъ совѣтовалъ магистрату и гражданамъ установить проповѣдь чистаго евангелія. Духовному же лицу, которое болѣе всѣхъ противилось реформаціи, Гартмутъ написалъ грозное письмо, и когда тотъ справедливо отвѣтилъ ему, что, если Гартмутъ имѣетъ поводъ на него жаловаться, то можетъ обратиться къ его начальству, Гартмутъ снова написалъ ему два неслыханно грубыя посланія. Онъ грозилъ публично объявить его грѣховодникомъ, лютымъ волкомъ, воромъ и убійцей и поступить съ нимъ безъ церемоніи. Друзья Гартмута, рыцари Мольнгеймъ, Штокгеймъ и Рейфенштейнъ, послали франкфуртскому духовенству формальный вызовъ и объявили, что поступятъ съ нимъ, какъ съ адскими и закоренѣлыми волками и врагами живаго божественнаго слова. Не смотря на это, священникъ, которому угрожалъ Гартмутъ, хотѣлъ произнести въ Лазарево воскресенье 1523 г. проповѣдь противъ еретиковъ. Но народъ безъ околичностей выгналъ его изъ церкви, и совѣтъ объявилъ всѣмъ проповѣдникамъ, что если они хотятъ, чтобы ихъ терпѣли въ городѣ, то должны проповѣдывать слово Божіе въ чистотѣ и понятно.

Въ томъ же году Лютеръ издалъ свое сочиненіе „О порядкѣ богослуженія въ общинѣ.“ Здѣсь онъ предписываетъ, какою должна быть проповѣдь, какъ слѣдуетъ читать священное писаніе и какъ сдѣлать пѣніе назидательнымъ. Онъ приступилъ наконецъ къ измѣненію богослуженія, чему сперва противился. Измѣненія были сдѣланы во всѣхъ городахъ саксонскаго курфиршества по распоряженіямъ городскихъ властей; Лютеръ совѣтывалъ въ письмахъ лучше ни о чемъ не спрашивать робкаго дипломата—курфирста, чѣмъ ставить его вопросами въ затрудненіе. Лютеръ первый подалъ примѣръ; онъ передалъ

Digitized by Google

курфирсту монастырь, въ которомъ оставались только онъ и игуменъ и сложилъ монашеское облаченіе. 9 октября 1524 г. Лютеръ въ первый разъ взошелъ на кафедру не въ рясѣ, а въ пасторской одеждѣ, сукно для которой было подарено ему курфирстомъ. Хотя Лютеръ давалъ совѣты относительно употребленія церковныхъ имуществъ, но, желая сохранить дружбу князей и рыцарей, долженъ былъ допустить многое. Лютеръ уже въ то время разыгрывалъ въ основанной имъ церкви роль папы. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ церковныя имущества были, правда, употреблены на воспитаніе, школы, церкви, больницы, богадѣльни, но вообще враги новаго ученія были не совсѣмъ неправы, упрекая рыцарей и государей за секуляризацію духовныхъ имуществъ въ пользу своихъ фамилій, а духовенство за переходъ къ новому ученію ради возможности вступить въ бракъ.

Но поступокъ великаго магистра тевтонскаго ордена въ Пруссіи произвелъ особенный скандалъ. Поступокъ этотъ былъ сдѣланъ имъ по совѣту Лютера, который одобрилъ его, не смотря на то, что вслѣдствіе его не только Пруссія отходила отъ Германіи къ Польшѣ, но и имущества, на которыя имѣли притязанія многія фамиліи, были присвоены нѣсколькими лицами. Примѣру магистра послѣдовали скоро и меченосцы, владѣвшіе имѣніями и командорствами, въ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи. Гросмейстеромъ тевтонскимъ былъ тогда Альбрехтъ Бранденбургъ-Ансбахскій изъ дома Гогенцолернскаго. Домъ этотъ по смерти курфирста Альбрехта Ахилла (т. X стр. 175) раздѣлился на двѣ линіи. Одна владѣла Бранденбургомъ, другая Ансбахомъ и Байрейтомъ. Въ Бранденбургѣ сыну Альбрехта, Іоанну Цицерону, наслѣдовалъ Іоахимъ I, бывшій непримиримымъ врагомъ Лютера уже за то только, что тотъ поступалъ такъ нецеремонно съ его братомъ, Альбрехтомъ, знаменитымъ архіепископомъ магдебургскимъ и майнцскимъ, который былъ наиболѣе заинтересованъ въ дѣлѣ тецелевскихъ индульгенцій.

Digitized by Google

Іоахимъ II, сынъ Іоахима I, наслѣдовавшій отцу въ 1535, сдѣлался лютераниномъ; но при этомъ онъ имѣлъ виды на Пруссію, которую присвоилъ себѣ его двоюродный братъ, гросмейстеръ тевтонскаго ордена, Альбрехтъ Ансбахскій и Байрейтскій.

Проѣзжая въ 1524 чрезъ Саксонію съ нюрнбергскаго сейма, Альбрехтъ велъ въ Виттенбергѣ переговоры съ Лютеромъ и Меланхтономъ. Они совѣтывали ему поступить съ Пруссіей, принадлежавшей ордену, такимъ же образомъ, какъ по ихъ внушенію было поступлено въ Германіи съ монастырями. Альбрехтъ скрывалъ свое намѣреніе, пока не условился съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ I. Въ 1525 онъ открыто принялъ евангелическое ученіе, предпринялъ преобразованія, сдѣлавшіяся необходимыми вслѣдствіе этого, обратилъ Пруссію въ герцогство, а имѣнія ордена въ свѣтскіе лены. Онъ условился съ королемъ Сигизмундомъ, съ которымъ давно велъ переговоры, что одна часть Пруссіи перейдетъ къ Польшѣ, а другая, принадлежавшая рыцарямъ, къ гросмейстеру съ титуломъ герцогства и въ качествѣ польскаго государственнаго лена. 8 апрѣля 1525 въ Краковѣ совершилась передача Пруссіи въ ленъ герцогу Альбрехту. Онъ освободился черезъ это отъ зависимости отъ императора и имперіи; Пруссія же, казалось, была предана Польшѣ, которая находилась доселѣ въ распрѣ съ орденомъ изъ за притязаній на эту страну. Братъ Альбрехта, Георгъ герцогъ Йеьерндорфскій, еще прежде принялъ новое ученіе и подговаривалъ брата къ этому поступку.

Измѣненіе богослуженія всюду сопровождалось безпорядками и вело къ злоупотребленіямъ, какъ напримѣръ во Франкфутѣ-на-Майнѣ, гдѣ съ 1523 до 1525 происходила открытая война низшихъ классовъ съ высшими, особенно съ господствовавшими въ городѣ патриціями. Поэтому неудивительно, что Томасъ Мюнцеръ могъ такъ долго дѣйствовать въ Тюрингіи. Томасъ Мюнцеръ, какъ мы видѣли (стр. 18 и 21), началъ свою

Digitized by Google

дѣятельность въ Цвикау, велъ горячіе споры съ Лютеромъ, прожилъ годъ въ Альтштедтѣ, былъ изгнанъ изъ Саксоніи и Нюрнберга и наконецъ принялъ участіе въ крестьянскомъ возстаніи въ верхней Швабіи. Когда безпокойство распространилось изъ Швабіи въ Тюрингію, Мюнцеръ возвратился туда и ѣздилъ въ фульдскую область, гдѣ былъ арестованъ. Наконецъ въ 1524 онъ нашелъ кругъ дѣятельности, какой былъ ему нуженъ, въ тюрингскомъ имперскомъ городѣ Мюльгаузенѣ и въ сосѣднемъ Гарцѣ.

Городъ Мюльгаузенъ былъ совершенно независимъ, имѣлъ до десяти тысячъ жителей и въ округѣ его было двадцать деревень и мѣстечекъ. Мюнцеръ уже былъ однажды въ этомъ городѣ: монахъ ордена премонстратовъ, Фейфферъ, называемый также Швертфейеромъ, расположилъ умы въ пользу Мюнцера при помощи другихъ преданныхъ учениковъ его. Магистратъ не могъ противиться избранію Мюнцера народомъ въ верховные пасторы и назначенію города Мюльгаузена резиденціею его (конецъ 1524 г.). Мюнцеръ былъ не только духовный, но, какъ говоритъ Лютеръ въ своихъ письмахъ *), и свѣтскій, властитель. Мюльгаузенскій народъ ожидалъ, что глава и повелитель его, Мюнцеръ, исполнитъ свои необдуманныя обѣщанія, т. е. принудитъ признать равноправность богатыхъ и бѣдныхъ на пользованіе земными благами, уничтожитъ всѣ учрежденія, препятствующія общинному владѣнію имуществами и сдѣлаетъ библію единственнымъ кодексомъ христіанскаго суда. Народъ со всѣхъ сторонъ стремился въ Мюльгаузенъ; городской совѣтъ долженъ былъ удалиться, и 17 марта 1525 былъ избранъ новый, подъ именемъ „вѣчнаго совѣта.“ Несправедливо утверждаютъ, будто Мюнцеръ цѣлый годъ кормилъ роскошно весь городъ на счетъ имущества изгнанныхъ монаховъ и іоаннит-

*) Münzer Mulhusii rex est, non solum doctor. (Мюнцеръ — король мюльгаузенскій, а не докторъ только).

скихъ рыцарей и будто онъ, какъ глава вѣчнаго совѣта, избралъ своей резиденціей капитулъ ордена. Новѣйшій историкъ мюнцеровой революціи доказалъ, что исторія ея, написанная Меланхтономъ, на которой основаны всѣ нѣмецкія описанія ея, наполнена ошибками даже въ фактахъ. Черезъ два мѣсяца по учрежденіи вѣчнаго совѣта Мюнцеръ вышелъ изъ Мюльгаузена и отправился распространять свое ученіе. Между безчисленными толпами, стекавшимися къ нему и вступавшими въ его патріархальное царство, не было никакихъ безпорядковъ. Самъ Мюнцеръ былъ серьезный, нравственный и даже, по свидѣтельству его злѣйшихъ враговъ, Лютера и Меланхтона, вполнѣ достойный уваженія человѣкъ; но въ то же время онъ былъ честолюбивъ, властолюбивъ и фанатиченъ. Онъ подавалъ собою хорошій примѣръ. Молодой человѣкъ въ восточномъ костюмѣ, опушенномъ мѣхомъ, съ длинной, густой бородой и правильными чертами лица, — онъ имѣлъ патріархальный видъ. Первое время богатые отъ страху сами давали ему средства дѣлать добро бѣднымъ, стремившимся къ нему со всѣхъ сторонъ. Для исполненія своего призванія онъ требовалъ только, чтобы богатые дарили бѣднымъ хлѣбъ и другую провизію и сукно на платье.

Лютеръ называлъ Мюнцера распространителемъ убійства; какъ всякаго фанатика, одни съ озлобленіемъ поносятъ его, а другіе хвалятъ и даже представляютъ въ идеальномъ свѣтѣ. Онъ увлекалъ массы народа. Многочисленные послы его встрѣчали вездѣ благопріятный пріемъ. Графства Гогенштейнъ, Штольбергъ, Мансфельдъ, Бейхлингенъ и эрфуртская область возмутились. Въ Шварцбургѣ, Альтенбургѣ, Мейссенѣ, Кобургѣ, Эйсфельдѣ и Брауншвейгѣ бѣдные спѣшили сдѣлаться его сторонниками. Напрасно въ апрѣлѣ Лютеръ разъѣзжалъ по этимъ мѣстностямъ; его рѣчи, въ которыхъ онъ ревностно проповѣдывалъ повиновеніе властямъ, были встрѣчены равнодушно даже на родинѣ его и тамъ, гдѣ онъ провелъ свою молодость.

Въ то время Мюнцеръ уже основалъ настоящій союзъ противъ властей и существовавшаго порядка. Списокъ членовъ велъ бывшій монахъ Фейфферъ. Извѣстные двѣнадцать крестьянскихъ параграфовъ были признаны основнымъ закономъ отъ Роны до Гарца. Къ несчастію фанатизмъ не могъ обойтись безъ ослѣпленія, которое должно было погубить крестьянъ при первой встрѣчѣ съ рыцарями и солдатами. Всѣ мелкіе владѣльцы были принуждены вступить въ евангельское братство. Фульда была взята, и пятитысячный отрядъ крестьянъ принудилъ городъ Герсфельдъ присоединиться къ братству.

Безпорядки крестьянъ отъ Заалы до Везера и Эльбы, въ особенности опустошительный походъ Фейффера въ Эйхсфельдъ и разграбленіе Эрфурта многими тысячами крестьянъ, побудили наконецъ владѣльцевъ разграбленныхъ и угрожаемыхъ округовъ соединить свои регулярныя войска противъ этихъ нестройныхъ массъ. Имперское правленіе, его предсѣдатель, братъ императора, Фердинандъ и сосѣдніе князья не противились безпорядкамъ ни въ 1524 году, ни даже послѣ учрежденія вѣчнаго совѣта, въ мартѣ 1525 г. Но это неудивительно. Членъ мюльгаузенскаго совѣта, посланный совѣтомъ передъ распущеніемъ его къ имперскому правленію, возвратился съ безотрадной вѣстью, что не нашелъ нигдѣ во всей имперіи эрцгерцога Фердинанда и что вся южная Германія находится во власти крестьянъ. Саксонскіе государи, курфирстъ Фридрихъ и герцогъ Георгъ не довѣряли другъ другу; особенно первый боялся, что братъ его воспользуется этимъ дѣломъ для подавленія лютеранства. Вообще курфирстъ Фридрихъ былъ слишкомъ остороженъ. Такимъ образомъ мюльгаузенскія дѣла шли безъ помѣхи, пока не сдѣлались слишкомъ опасны.

Лютеръ поощрялъ государей къ рѣшительнымъ мѣрамъ противъ народа; онъ выказалъ при этомъ вовсе нехристіанскую и неприличную горячность. Лютеръ писалъ противъ крестьянъ

съ такимъ же гнѣвомъ и съ такою же запальчивостью, какъ противъ архіепископа магдебургскаго, папы, Генриха VIII англійскаго, герцога Георга Саксонскаго и герцога Генриха Брауншвейгскаго. Онъ часто писалъ въ минуты сильнаго страстнаго увлеченія, что давало его хладнокровнымъ и злымъ противникамъ возможность обращать противъ него множество цитатъ, выхваченныхъ изъ его сочиненій. Лютеръ писалъ о мятежныхъ крестьянахъ въ письмѣ къ доктору Рюлю: „Бей всѣхъ безъ разбору; Богъ разберетъ своихъ. Что касается до милосердія относительно крестьянъ, то невинныхъ, которые найдутся между ними, Богъ разумѣется спасетъ и сохранитъ, какъ Лота и Іеремію. Кого онъ не спасетъ, тотъ значитъ виноватъ, хотя бы тѣмъ, что молчалъ или одобрялъ. Мудрецъ говоритъ: Cibus, onus et virga asino мужику—овсяная солома. Они безразсудны и не слушаютъ словъ, стало быть имъ нужна virga, нужны ружья, — и по дѣломъ. Мы должны молиться за нихъ, чтобы они послушались; если же не будутъ слушаться, то состраданіе не поможетъ. Влѣпите въ нихъ пули, иначе будетъ плохо“.

Письма и проповѣди Лютера не оказывали вліянія на курфирста Фридриха Саксонскаго; но братъ его, Іоаннъ Постоянный, наслѣдовавшій ему въ маѣ 1525 года, почитавшій слова Лютера и слѣдовавшій имъ безусловно, соединился съ князьями, выступившими въ походъ для возстановленія порядка. Крестьяне грабили и разрушали по всей южной и даже сѣверной Германіи. Томасъ Мюнцеръ, приказавшій въ послѣдніе мѣсяцы отливать орудія, оставилъ наконецъ Мюльгаузенъ и съ толпой нестройныхъ и безоружныхъ фанатиковъ въ числѣ восьми тысячъ человѣкъ расположился лагеремъ при Франкенгаузенѣ въ Шварцбургъ-Зондерсгаузенской области. Между тѣмъ, послѣ страшнаго похода Фейффера въ Эйхсфельдъ, курфирстъ Іоаннъ Саксонскій, ландграфъ Филиппъ Гессенскій, герцогъ Георгъ Саксонскій, графъ Альбрехтъ Мансфельдъ и герцогъ Генрихъ Брауншвейгскій соединились, чтобы

прекратить возстаніе въ верхней и южной Саксоніи; въ тоже время Георгъ Трухзесъ усмирялъ Швабію и Франконію, а Лудвигъ Пфальцскій и курфирстъ Рихардъ Трирскій — Пфальцъ и его округъ.

Въ мартѣ 1525 Филиппъ Гессенскій готовился соединиться съ курфирстами Трирскимъ и Пфальцкимъ, чтобы идти противъ крестьянъ, какъ вдругъ получилъ извѣстіе, что возстаніе охватило всю страну между Заалой, Веррой и Эльбой. Многіе аббаты и прелаты, архіепископъ трирскій, епископы вюрцбургскій и бамбергскій и магистръ тевтонскихъ рыцарей бѣжали въ Гейдельбергъ. Ландграфъ бросился съ рыцарской конницей и своими орудіями на крестьянъ, разсѣялъ ихъ, занялъ Фульду и Герсфельдъ, недавая никому пощады, но былъ вскорѣ отозванъ своимъ тестемъ, герцогомъ Георгомъ Саксонскимъ, звавшимъ его въ Тюрингію. Онъ выступилъ туда и встрѣтилъ Георга подъ Буттельштедтомъ. Съ ними соединился и герцогъ Генрихъ Брауншвейгскій, такъ что союзное войско имѣло 3,500 человѣкъ пѣхоты. Они аттаковали Мюнцера, стоявшаго при Франкенгаузенѣ. Люди Мюнцера были вполнѣ убѣждены, что Богъ поможетъ имъ чудомъ; Мюнцеръ показалъ имъ радугу, явившуюся при приближеніи непріятеля, и они приняли ее за предзнаменованіе этого спасительнаго чуда. Поэтому они вышли изъ вагенбурга и подставили себя подъ непріятельскія пули.

Если рѣчи, приписываемыя Меланхтономъ по образцу древнихъ историковъ Мюнцеру и ландграфу Гессенскому, были дѣйствительно произнесены ими передъ боемъ, въ чемъ мы сомнѣваемся, то ясно, что оба предводителя равно разсчитывали на религіозное чувство своихъ войскъ. Мюнцеръ говорилъ между прочимъ: „Богъ повелѣлъ мнѣ преобразовать всѣ сословія. Онъ даетъ слабымъ и безоружнымъ побѣду надъ многими тысячами; съ его помощью побѣдили Гедеонъ, Іонафанъ и Давидъ. Кидайтесь смѣлѣе и не бойтесь огня, потому что я буду ловить

Digitized by Google

пули въ рукавъ.“ Ландграфъ говорилъ, что крестьяне лгутъ, будто владѣльцы не соблюдаютъ земскаго мира, несправедливо судятъ и не предупреждаютъ убійствъ и разбоевъ. „Они умалчиваютъ, прибавилъ онъ, о нашихъ заботахъ и трудахъ, сравнительно съ которыми ихъ подати и повинности еще очень незначительны.“ Побѣда была легкая. Бѣжавшіе въ Франкенгаузенъ были умерщвлены. Ни въ церквахъ и монастыряхъ, ни въ частныхъ домахъ города не было пощады никому, способному носить оружіе; улицы были покрыты трупами, ручей потекъ кровью. Число убитыхъ считается въ четыре, шесть и даже семь тысячъ. Триста человѣкъ были обезглавлены въ Франкенгаузенѣ. Самъ Мюнцеръ, успѣвшій скрыться, былъ схваченъ и нѣсколько разъ подвергался мучительнымъ пыткамъ. Въ Мюльгаузенѣ, взятомъ вслѣдъ за тѣмъ княжескими войсками, были также пролиты потоки крови.

Мученія, которыя претерпѣли передъ казнью Мюнцеръ и Фейфферъ, выдача плѣнныхъ господамъ, пострадавшимъ отъ возстанія и ихъ гнусная месть и злобный смѣхъ надъ страданіями несчастныхъ, возмущаютъ душу. Ландграфъ Филиппъ сначала въ Фульдѣ, а потомъ въ Тюрингіи съ Георгомъ Саксонскимъ, Генрихомъ Брауншвейгскимъ и графами Мансфельдъ распорядились по тамерлановски. Мы уже сказали (стр. 27), что архіепископъ трирскій рѣзалъ мужиковъ собственноручно послѣ битвы при Феддерсгеймѣ. Также каннибальски свирѣпствовалъ противъ эльзасскихъ мужиковъ Антонъ Лотарингскій; объ епископѣ Конрадѣ вюрцбургскомъ разсказываютъ, что онъ разъѣзжалъ по своей странѣ съ палачами, а про Казимира Бранденбургъ-Байрейтскаго, что онъ приказалъ выколоть глаза шестидесяти или восьмидесяти крестьянамъ.

Digitized by Google

5. Начало дѣятельности Цвингли.

По смерти Фридриха Мудраго Іоаннъ Постоянный и Филиппъ Великодушный начали прилагать принципы Лютера къ политикѣ, подобно новому герцогу Прусскому; многіе послѣдовали ихъ примѣру. Но сословія германской имперіи старались поддержать прежній порядокъ новыми постановленіями. Это казалось имъ тѣмъ болѣе необходимымъ, что швейцарскіе кантоны, Цюрихъ, Бернъ, Базель и Шафгаузенъ, признававшіе прежде нѣмецкія духовныя власти, съ 1519 г. начали отступать отъ стараго церковнаго порядка.

Въ 1519 г. папа Левъ X послалъ въ Швейцарію для продажи индульгенцій настоятеля миланскаго францисканскаго монастыря, Бернардина Самсона. Этотъ коммиссаръ превзошелъ безстыдствомъ даже Тецеля; вездѣ, куда онъ являлся, онъ открывалъ лавку и продавалъ отпущенія не только совершонныхъ, но и будущихъ грѣховъ. Одинъ швейцарецъ XVI столѣтія говоритъ, что онъ хвалился, что въ теченіе восемнадцати лѣтъ доставилъ тремъ папамъ милліонъ восемьсотъ тысячъ дукатовъ. Въ маленькихъ кантонахъ и даже въ Бернѣ монахъ нашелъ большую поживу. Но въ Лейцбургѣ встрѣтилъ отпоръ, а въ Бремгартенѣ деканъ не впустилъ его даже въ городъ. Деканъ этотъ былъ Буллингеръ, оказавшій впослѣдствіи безсмертныя услуги швейцарской реформаціи. Онъ не испугался угрозъ Самсона, и когда тотъ отлучилъ его отъ церкви, Буллингеръ отправился въ Цюрихъ, гдѣ въ то время происходилъ сеймъ по случаю виртембергскихъ событій. Торгаша индульгенціями выслали изъ Цюриха, тѣмъ болѣе что и епископъ констанцскій, къ округу котораго принадлежалъ Цюрихъ, противодѣйствовалъ римскимъ плутнямъ, а генералъ-викарій даже содѣйствовалъ призванію

въ городъ горячаго противника латинствъ, Гульдрейха Цвингли.

Цвингли былъ тогда молодъ, но хорошо зналъ испорченность извѣстныхъ классовъ общества. Онъ былъ пылокъ и готовъ отстаивать свои мнѣнія и убѣжденія. Онъ участвовалъ въ походѣ въ Италію и видѣлъ, какъ Матвѣй Шиннеръ (т. XI, стр. 223) надувалъ швейцарцевъ и какъ развращала ихъ иностранная военная служба. Въ Вѣнѣ, гдѣ онъ учился, онъ видѣлъ полную безнравственность и глубокое суевѣріе. Назначенный проповѣдникомъ въ Гларусъ, онъ былъ призванъ на время въ Эйнзидельнъ для библейской проповѣди. Слава его, какъ проповѣдника, побудила цюрихцевъ пригласить его въ свой городъ; въ сентябрѣ 1519 Цвингли былъ назначенъ проповѣдникомъ въ каѳедральный соборъ. Еще въ началѣ 1519 онъ проповѣдывалъ исключительно на евангельскіе тексты и, подобно Лютеру, ученикомъ котораго впрочемъ не былъ, горячо возставалъ противъ всякихъ отступленій отъ евангельскаго ученія. Цвингли пріобрѣлъ въ союзныхъ кантонахъ такую же извѣстность, какъ Лютеръ въ Германіи. Вслѣдъ за нимъ въ Швейцаріи повсемѣстно явились люди, возстававшіе противъ извращенія господствующей религіи, хотя не всѣ съ одинаковымъ успѣхомъ и талантомъ. Цвингли училъ, что нужно держаться исключительно библіи, потому что она одна составляетъ авторитетъ въ религіозныхъ вопросахъ; постановленія папъ, ученія отцовъ церкви и преданія или легенды слѣдуетъ признавать лишь на столько, на сколько они согласны съ библейскимъ ученіемъ. Вслѣдствіе проповѣдей Цвингли великій цюрихскій совѣтъ постановилъ въ 1520 г., чтобы проповѣдники строго держались истиннаго слова Божія. Но малый совѣтъ поддерживалъ послѣдователей стараго ученія. Наконецъ по старанію папы Клемента VII въ религіозные споры Швейцаріи и Германіи вмѣшалась власть, въ Швейцаріи — сеймъ, а въ Германіи — имперское правленіе, впрочемъ безсильное; большая

часть имперскихъ чиновъ старались воспрепятствовать введенію новаго ученія. Мы скажемъ сначала о событіяхъ въ Германіи.

6. Успѣхи реформаціи въ Германіи съ 1524 года до шпейерскаго сейма (1529).

Когда опала, которой по требованію Алеандера, императоръ предалъ Лютера и его ученіе, осталась безъ послѣдствій, папа Клементъ VII послалъ въ Германію кардинала Кампеджіо, человѣка умѣреннаго и способнаго на уступки. Въ тоже время папа поручилъ своему камерарію, кардиналу Рорарію, передать курфирстамъ и князьямъ бреве, гдѣ увѣщевалъ ихъ обѣщать императору на сеймѣ, который долженъ былъ происходить въ Нюренбергѣ, помощь противъ турокъ и еретиковъ. Хотя эрцгерцогъ Фердинандъ и курфирстъ Фридрихъ Мудрый прибыли въ Нюрнбергъ въ декабрѣ 1523, но сеймъ открылся только 14 января 1524. Съѣздъ былъ огромный, и большинство собравшихся держали сторону стараго ученія. Несмотря на то, папскимъ депутатамъ не удалось провести строгія постановленія противъ лютеранства. Они даже замѣтили признаки отступленія отъ папскаго престола въ большинствѣ нѣмецкой націи. Въ Аугсбургѣ напримѣръ кардиналъ Кампеджіо былъ встрѣченъ при въѣздѣ насмѣшками и ругательствами; поэтому въ Нюрнбергѣ онъ, какъ умный человѣкъ, избѣгалъ торжественности, которая бы могла раздражить толпу и часто ѣздилъ по улицамъ безъ кардинальской шапки. Въ Нюрнбергѣ думали объ измѣненіи богослуженія, и Андрей Озіандеръ, находившійся въ Нюрнбергѣ съ этою цѣлью, проповѣдывалъ при огромномъ стеченіи народа. Гросмейстеръ тевтонскаго ордена, Альбрехтъ Бранденбургъ-Байрейтскій, искавшій въ Нюрнбергѣ помощи императора и имперіи противъ поляковъ, познакомился по его проповѣдямъ съ лютеранскимъ ученіемъ. Онъ воспользовался

Digitized by Google

пріобрѣтеннымъ познаніемъ, чтобы обратить свою должность въ собственность.

На нюрнбергскомъ сеймѣ вормскій эдиктъ императора не былъ ни признанъ, ни подтвержденъ, и даже каждому было предоставлено признавать его въ своихъ владѣніяхъ или нѣтъ; но было постановлено, чтобы болѣе ничего не писали и не печатали по поводу религіозныхъ споровъ. Кардиналъ Кампеджіо прибавилъ къ этому, что религіозный вопросъ долженъ быть рѣшенъ въ Германіи особымъ соборомъ. Дальнѣйшія распоряженія оставлены до новаго сейма, который долженъ былъ происходить въ ноябрѣ 1524 года въ Шпейерѣ. Этимъ рѣшеніемъ не могли быть довольны ни императоръ, ни лютеране, потому что исполненіе вормскаго опредѣленія императора было отсрочено, а лютеранамъ было запрещено писать и печатать. Вормскій эдиктъ слѣдовало соблюдать и выполнять на сколько будетъ возможно; а власти должны наблюдать, чтобы изъ типографій не выходило пасквилей и каррикатуръ. Лютеръ, не остававшійся никогда въ долгу, писалъ противъ постановленій и ихъ авторовъ такимъ тономъ, въ сравненіи съ которымъ большая часть революціонныхъ сочиненій нашего времени покажутся весьма умѣренными. Онъ порицалъ папу, императора, князей и чины. Папа воспользовался этимъ случаемъ и въ бреве, отправленномъ въ Испанію, жаловался императору на нѣмецкіе чины. Онъ требовалъ, чтобы императоръ выполнилъ свою обязанность защищать католицизмъ. Въ іюлѣ 1524 Карлъ дѣйствительно издалъ въ Бургосѣ строгій указъ чинамъ. Онъ говорилъ въ немъ, что не потерпитъ, чтобы нѣмецкіе чины дѣлали какія либо постановленія по религіознымъ вопросамъ. Императоръ повелѣлъ вновь учрежденному въ Эслингенѣ имперскому правленію и своему брату, Фердинанду, наблюдать, чтобы владѣтелямъ и чинамъ было подтверждено, подъ страхомъ имперской опалы и наказанія за оскорбленіе величества, дѣйствовать противъ Лютера согласно вормскому эдикту, потому что Лютеръ, по-

добно Магомету, вредитъ своимъ ученіемъ христіанству болѣе, чѣмъ можно повредить ему силою оружія. Лютеране съ своей стороны подали протестъ противъ запрещенія печатать и писать о религіозныхъ вопросахъ. Чтобы избѣгнуть словесныхъ объясненій съ кардиналомъ Кампеджіо, курфирстъ Фридрихъ уѣхалъ до окончанія сейма, по закрытіи котораго запрещеніе противъ лютеранскихъ сочиненій должно было войти въ силу. Уполномоченный его, Филиппъ, Фейличъ, протестовалъ отъ имени своего государя противъ этого запрещенія; Бернгардъ фонъ Зольмсъ и Георгъ фонъ Вертгеймъ подали также протестъ отъ имени графовъ и господъ.

Въ то время, какъ папа обратился къ императору, кардиналъ побуждалъ въ Германіи злѣйшихъ противниковъ Лютера выполнять въ точности въ своихъ владѣніяхъ вормскій эдиктъ; но несправедливо говорятъ многіе, будто онъ побудилъ членовъ сейма составить союзъ противъ своихъ товарищей. Однако онъ создалъ противодѣйствіе реформаціи и этимъ положилъ начало религіозно-политическому раздробленію Германіи. Члены нюрнбергскаго сейма, принявшіе лютеранство, не покорились ни папѣ, ни повелѣніямъ императора. 6 іюля 1524 герцоги Вильгельмъ и Лудвигъ Баварскіе, эрцерцогъ Фердинандъ, архіепископъ зальбургскій, епископы тридентскій и регенсбургскій отправились лично къ Кампеджіо въ Регенсбургъ и по соглашенію съ уполномоченными епископовъ бамберскаго, шпейерскаго, стразбургскаго, аугсбургскаго, констанцскаго, фрейбургскаго, пассаусскаго и бриксенскаго обязались строго наблюдать за выполненіемъ въ своихъ владѣніяхъ вормскаго эдикта. Когда послѣ того 24 мая 1525 императоръ назначилъ въ Аугсбургѣ новый сеймъ, который долженъ былъ собраться въ началѣ октября, партіи приняли уже враждебное положеніе. Это произошло оттого, что лютеране сочли рѣшеніе принятое въ Регенсбургѣ, направленнымъ противъ нихъ и потому, что партія ихъ усилилась весьма значительно въ полити-

ческомъ и военномъ отношеніи съ тѣхъ поръ, какъ Филиппъ Гессенскій и Іоаннъ Саксонскій явно отдѣлились отъ римской церкви. Кромѣ ландграфа Филиппа прежнее богослуженіе отмѣнили графъ Филиппъ Ганау, Антонъ и Христофъ Альтенбургскіе, Конрадъ Мекленбургскій и города Нюрнбергъ, Франкфуртъ на Майнѣ, Стразбургъ, Нордгаузенъ и другіе. Даже Альбрехтъ магдебургскій и майнцскій терпѣлъ въ своихъ владѣніяхъ проповѣдь и новое богослуженіе. Говорили даже, что онъ и самъ не прочь былъ сдѣлаться лютераниномъ, еслибы могъ при этомъ секуляризовать монастыри. Если припомнить, что ландграфъ Филиппъ владѣлъ всѣмъ Гессеномъ отъ Касселя до Рейна, и что ни онъ, ни его единовѣрцы не слушали повелѣній имперскаго правленія и не допускали исполненія приговоровъ имперскаго суда, то легко видѣть, что здѣсь дѣло шло уже не о вѣрованіяхъ, а о владѣніяхъ и о гражданскомъ порядкѣ. Въ нѣкоторыхъ государствахъ, какъ напримѣръ въ Пруссіи, съ духовными имуществами и монастырями дѣлались произвольные поступки, вызывавшіе множество процессовъ. Процессы эти рѣшались пристрастно имперскимъ судомъ, состоявшимъ изъ приверженцевъ римской церкви, поэтому приговоры его не приводились въ исполненіе. Имперское правленіе и имперская юстиція сбились наконецъ совершенно съ толку.

Сеймъ, назначенный въ ноябрѣ 1524 въ Шпейерѣ, не могъ состояться, потому что императоръ въ своемъ указѣ порицалъ рѣшеніе нюрнбергскаго сейма обсуждать религіозные вопросы. Онъ даже прямо запретилъ держать этотъ сеймъ. Въ концѣ марта 1525 онъ издалъ въ Толедо другое повелѣніе, которымъ назначался новый сеймъ въ Аугсбургѣ въ октябрѣ 1525; главною цѣлью его должны были быть совѣщанія и рѣшенія касательно турецкой войны, такъ какъ въ слѣдующемъ году турки заняли всю Венгрію и осадили Вѣну. Императоръ желалъ, чтобы чины содержали противъ турокъ постоянную германскую армію. Императорское повелѣніе пришло въ Германію только въ

Digitized by Google

августѣ. Уже ранѣе горячіе противники нововведеній совѣщались въ Дессау о томъ, какимъ образомъ остановить силой продолжающееся посягательство на существующій церковный и государственный порядокъ. Можно предполагать, что такова была цѣль тайныхъ дессаускихъ совѣщаній, потому что государи, принимавшіе въ нихъ участіе, не славились кротостью и умѣренностію. Но едва ли, какъ утверждалъ потомъ Филиппъ Гессенскій, состоялся въ Дессау союзъ противъ защитниковъ Лютера. Въ Дессау собрались: герцогъ Георгъ Саксонскій, курфирстъ Іоахимъ I Бранденбургскій, герцоги Генрихъ Младшій Вольфенбюттельскій, Эрихъ Каленбергскій и весьма двусмысленный Альбрехтъ майнцскій и магдебургскій, который былъ весьма недоволенъ реформаціей въ Магдебургѣ.

Ландграфъ Филиппъ охотно бы составилъ союзъ противъ дессаускаго собранія, потому что полагалъ, что въ Дессау заключенъ договоръ, направленный противъ него и его единовѣрцевъ; но ему мѣшалъ курфирстъ Іоаннъ, слѣпо слѣдовавшій желаніямъ Лютера. Лютеръ же не хотѣлъ и слышать о томъ, чтобы силѣ противиться силою. Вмѣсто союза многіе члены сейма рѣшили просить эрцгерцога Фердинанда, вообще не склоннаго къ насильственнымъ мѣрамъ, не подтверждать на предстоящемъ сеймѣ вормскаго эдикта. Императоръ назначилъ коммисарами на новый сеймъ кромѣ брата такихъ людей, какъ жестокій Казиміръ Бранденбургъ-Байрейтскій, Вильгельмъ Баварскій, Филиппъ Баденскій и Эрихъ Каленбергскій. Поэтому въ Аугсбургѣ не присутствовалъ ни одинъ имперскій членъ, кромѣ епископа тридентскаго; единственное рѣшеніе, принятое на немъ, состояло въ томъ, чтобы продолжать засѣданія въ Шпейерѣ, въ мартѣ 1525 г. Но уже ранѣе стали появляться строгія императорскія грамоты, въ которыхъ онъ приказывалъ избраннымъ имъ фанатикамъ комиссарамъ и всѣмъ епископамъ и владѣльцамъ, преданнымъ римскому престолу, мужественно противодѣйство-

вать лютеранству; онъ обѣщалъ вскорѣ лично прибыть въ Германію и содѣйствовать подавленію ереси. Тогда наконецъ предложеніе ландграфа было принято. Было рѣшено составить союзъ, чтобы въ случаѣ надобности отразить силу силою. Договоръ состоялся еще до начала шпейерскаго сейма, который хотя и былъ назначенъ въ началѣ мая, но открылся только 25 іюня. Могущественнѣйшіе князья, принявшіе лютерово ученіе, Іоаннъ Постоянный Саксонскій и Филиппъ Гессенскій сосогласились въ Торгау, въ маѣ 1526, защищать въ случаѣ надобности свои религіозныя убѣжденія. Въ іюнѣ этотъ торгаусскій союзъ былъ подтвержденъ въ Магдебургѣ, гдѣ къ нему присоединились герцоги Филиппъ Люнебургскій, Францъ Грубенгагенскій, Отто Цельскій, Генрихъ Мекленбургскій, князь Вольфгангъ Ангальтскій и графы Гебгартъ и Альбрехтъ фонъ Мансфельды, а нѣсколько дней спустя городъ Магдебургъ. Въ актѣ договора было сказано: „такъ какъ союзникамъ извѣстно, что враги ихъ составляютъ союзы и собираютъ большія деньги, чтобы поддержать старыя злоупотребленія и идти войной противъ тѣхъ, кто установилъ въ своей землѣ проповѣдь божьяго слова, то они соединились, чтобы защищать своихъ подданныхъ отъ несправедливой войны и поддерживать другъ друга всѣми средствами въ случаѣ, если будетъ сдѣлано явное или костевное нападеніе на религію“.

Пора было составить такой договоръ; это оказалась тотчасъ по открытіи сейма въ Шпейерѣ. Фердинандъ и коммиссары настаивали на своихъ инструкціяхъ и на вормскомъ эдиктѣ. Но Фердинандъ нуждался въ помощи протестантскихъ государей противъ турокъ и потому старался выиграть время, откладывая рѣшеніе вопроса. Для этой цѣли онъ воспользовался императорскимъ повелѣніемъ, даннымъ въ Севильѣ 23 марта 1526, въ которомъ Карлъ приказывалъ чинамъ не дѣлать въ Шпейерѣ никакихъ постановленій по религіознымъ вопросамъ и ожидать его прибытія въ имперію и собора,

созваннаго имъ и папой въ Германію. Поэтому рѣшеніе сейма, 27 августа, было написано весьма умѣреннымъ тономъ.„ По поводу религіозныхъ обстоятельствъ долженъ быть созванъ въ Германію въ теченіе года общій или по крайней мѣрѣ національный соборъ, и императора просятъ прибыть въ имперію. До созванія собора каждый членъ сейма долженъ дѣйствовать относительно вормскаго эдикта и своихъ подданныхъ такъ, чтобы не быть въ отвѣтственности предъ Богомъ и императоромъ.“ Такимъ образомъ положеніе дѣлъ оставалось въ послѣдніе два года безъ всякихъ измѣненій; а между тѣмъ число лицъ, предпринимавшихъ реформы въ своихъ владѣніяхъ, увеличивалось съ каждымъ днемъ. Даже архіепископъ Альбрехтъ майнцскій и магдебургскій на обвиненіе ландграфа Гессенскаго въ враждебныхъ намѣреніяхъ противъ лютеранъ, отвѣчалъ, что ничего не имѣетъ противъ церковной реформы. Однако въ 1528 г. въ Германіи едва не началась религіозная война.

Вице-канцлеръ герцога Георга Саксонскаго, Отто фонъ Пакъ, знавшій нерасположеніе своего государя къ лютеранству, хотѣлъ воспользоваться пылкостью двадцати двухъ лѣтняго воинственнаго ландграфа Гессенскаго, чтобы привести къ окончанію дѣло, въ которомъ ландграфъ принималъ такое участіе. Во время тяжбы ландграфа съ Нассау о наслѣдствѣ, тесть его, Георгъ Саксонскій, предоставилъ Пака въ его распоряженіе, и во время своего пребыванія въ службѣ ландграфа Пакъ разсказалъ послѣднему о грозномъ католическомъ союзѣ, будто бы заключенномъ въ маѣ 1527 въ Бреславлѣ при посредничествѣ Георга. Когда Филиппъ посѣтилъ своего тестя въ Дрезденѣ, Пакъ показалъ и продалъ ему мнимую копію этого договора, скрѣпленную печатью Георга. Послѣ тщательныхъ изслѣдованій уважаемаго и основательнаго новѣйшаго историка и директора гессенъ-кассельскаго архива, Роммеля, этотъ документъ кажется намъ подложнымъ. Союзъ вѣроятно вовсе не былъ заключенъ, хотя извѣстно, что между противниками реформаціи происходили совѣщанія и что императоръ и

Digitized by Google

и его братъ были очень недовольны торгаускимъ союзомъ, угрожали страшными наказаніями и совѣщались съ князьями своей партіи о насильственныхъ мѣрахъ, которыхъ впрочемъ не могли и даже не хотѣли приводить въ исполненіе. Между тѣмъ Филиппъ Гессенскій считалъ союзъ дѣйствительно существующимъ и возможность притѣсненія лютеранства и его исповѣдниковъ столь несомнѣнною, что находилъ необходимымъ совѣтовать своей партіи немедленно взяться за оружіе, чтобы предупредить нападеніе.

Ландграфъ, уже условившійся съ курфирстомъ Саксонскимъ касательно этихъ мѣръ, отправился къ нему, и они рѣшили выставить вдвоемъ 26 тысячъ войска и дать значительную сумму денегъ на его вооруженіе. Къ счастію Лютеръ и Меланхтонъ предупредили наступательную войну, убѣдивъ Іоанна Постояннаго, питавшаго къ нимъ безусловное довѣріе, отказаться отъ воинственныхъ намѣреній. Они писали курфирсту: „Причины, представляемыя ландграфомъ, недостаточны; нужно дождаться нападенія и просить императора созвать сеймъ, а къ католическимъ князьямъ отправить пословъ; вообще слѣдуетъ сначала дѣйствовать добромъ. Ландграфа нужно сдерживать, и лучше разойтись съ нимъ, чѣмъ, дѣйствуя наобумъ, причинить такой стыдъ лютеранству. Мы предпочитаемъ покинуть Саксонію. Войной выигрывается мало, теряется много, а рискуется всѣмъ; кротостію же не теряется ничего и т. д.“ Впослѣдствіи, когда было дѣйствительно необходимо прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ, Лютеръ и Меланхтонъ говорили тоже самое, чѣмъ способствовали гибели своей партіи.

Ландграфъ былъ противнаго мнѣнія; онъ вступилъ съ значительнымъ войскомъ въ предѣлы епископовъ майнцскаго, вюрцбургскаго и бамбергскаго, обнародовавъ предварительно въ манифестѣ весь планъ мнимаго бреславльскаго договора. До войны однако дѣло не дошло. Всѣ мнимые участники союза, въ особенности старый тесть Филиппа, торжественно объявили, что имъ ни-

Digitized by Google

когда не приходило въ голову составлять планы, которые имъ приписываетъ Отто Пакъ. Курфирсты Трирскій и Пфальцскій взяли на себя посредничество въ этомъ дѣлѣ. Курфирстъ Саксонскій также не желалъ быть зачинщикомъ войны, поэтому къ троицыному дню всѣ неудовольствія были покончены, и ландграфъ объявилъ, что его обманули и что противъ лютеранъ не было никакого замысла. Тѣмъ не менѣе онъ принудилъ епископовъ майнцскаго, вюрцбургскаго и бамбергскаго вознаградить ненужныя издержки его похода. Съ епископовъ майнцскаго и вюрцбургскаго онъ взялъ по сорока тысячъ золотыхъ гульденовъ, а съ бамберскаго двадцать тысячъ дукатовъ, что не вполнѣ соотвѣтствуетъ прозванію Великодушнаго, которое ему было дано. Курфирстъ Саксонскій отказался отъ вознагражденія, назначеннаго ему посредниками, считая, что епископы невиноваты въ необдуманности Филиппа.

Католическіе государи негодовали за это явное и непростительное нарушеніе мира безъ всякаго съ ихъ стороны повода. Если бы императоръ не нуждался въ войскѣ для Италіи, а Фердинандъ для Венгріи и Богеміи, то Филиппъ не избѣжалъ бы наказанія. Шпейерскій сеймъ открылся наконецъ въ 1529. Императоръ и Фердинандъ считали важнѣйшимъ вопросъ о помощи имперіи противъ турокъ, которые вскорѣ потомъ осадили самую Вѣну. Но большая часть чиновъ обращали главное вниманіе на религіозный вопросъ. На сеймѣ присутствовали многіе имперскіе чины. Вскорѣ обнаружилось, что измѣненіе господствовавшаго исповѣданія по необходимости влечетъ за собою измѣненіе политическихъ учрежденій. До сихъ поръ вопросы на сеймахъ рѣшались большинствомъ голосовъ; но члены торгаусскаго союза не могли допустить такого порядка, потому что это было бы гибельно не только для дальнѣйшихъ успѣховъ реформаціи, но и для всего, что было доселѣ сдѣлано. Въ мартѣ 1529 большинствомъ голосовъ состоялось слѣдующее рѣшеніе шпейерскаго сейма: „Въ теченіе года и въ присутствіи императора

долженъ быть созванъ всеобщій или національный соборъ; а пока все остается безъ всякихъ измѣненій. Новое ученіе о причащеніи не должно проповѣдываться; месса не отмѣняется; никто не долженъ подъ опасеніемъ наказанія за нарушеніе земскаго мира (это относилось къ ландграфу) измѣнять въ чьихъ бы то ни было владѣніяхъ существующія права и обычаи. Вормскій миръ долженъ соблюдаться въ точности."

Не смотря на всѣ возраженія лютеранъ большинство настояло на этомъ рѣшеніи. Поэтому 12 апрѣля лютеране заявили публично жалобу на дѣйствіе своихъ сочленовъ и приложили ее къ имперскимъ актамъ; но такъ какъ это не помогло, то они подали 19 апрѣля протестъ и требовали, чтобы онъ былъ внесенъ въ протоколы сейма. Однако они не удовольствовались этимъ; 25 апрѣля они составили аппеляціонный актъ къ будущему собору и ко всѣмъ благоразумнымъ и безпристрастнымъ судьямъ и обнародовали его по отъѣздѣ изъ Шпейера. Вслѣдствіе этого протеста, одобреннаго также послѣдователями швейцарскаго реформатора, которые прежде находились въ разногласіи съ лютеранами, послѣдователей Лютера и Цвингли стали называть протестантами. Аппеляціонный актъ былъ подписанъ курфирстомъ Саксонскимъ, маркграфомъ Георгомъ Бранденбургъ — Ансбахскимъ, герцогомъ Эрнстомъ Люнебургскимъ, ландграфомъ Филиппомъ Гессенскимъ и княземъ Вольфгангомъ Ангальтскимъ. Но въ тотъ же день къ протесту присоединились 14 значительныхъ имперскихъ городовъ.

7. Раздѣленіе протестантовъ на двѣ секты и распаденіе нѣмецкой націи на лютеранъ и католиковъ до религіознаго мира 1532 года.

Въ то время, какъ религіозные вопросы породили распри въ Германіи, швейцарцы также враждовали между собою по этому по-

воду, и въ 1528 дѣло дошло у нихъ до явной борьбы. Цвингли и его друзья ограничивались въ началѣ, какъ виттенбергцы въ 1519 до 1522 г., проповѣдью евангелія и предпринимали самыя незначительныя внѣшнія реформы; только въ 1522 году они отложились отъ власти епископа констанцскаго.

Постомъ этого года епископъ издалъ противъ нововведеній указъ и послалъ въ Цюрихъ депутата, чтобы при посредствѣ малаго совѣта прекратить реформы, которымъ способствовалъ великій совѣтъ. Швейцарскій сеймъ, находившійся подъ вліяніемъ папы, былъ давно раздраженъ противъ Цвингли за его политическія и нравственныя проповѣди, въ которыхъ онъ возставалъ противъ политики кантоновъ, развращавшей народъ. Преслѣдуемый епископомъ и сеймомъ, но съ другой стороны поддерживаемый цюрихцами, Цвингли изложилъ свое ученіе въ 67 параграфахъ и предлагалъ защищать его на публичномъ диспутѣ. Диспутъ этотъ, на который цюрихцы пригласили епископа и всѣ города Швейцаріи, происходилъ въ февралѣ 1523. Епископъ не явился, но за то присутствовало почти 300 священниковъ. Когда послѣ того осенью происходилъ второй торжественный диспутъ, цюрихцы объявили себя открыто за новое ученіе. Влѣдствіе этого 12 городовъ стали грозить имъ исключеніемъ изъ союза. Только Шафгаузенъ, привлеченный проповѣдникомъ Риттеромъ на сторону ученія Цвингли, объявилъ себя въ пользу Цюриха. Другіе же города прислали 21 марта 1524 пословъ, которые обвинили Цюрихъ въ отпаденіи отъ религіи отцовъ. Особенно порицали они бракъ духовенства и отмѣненіе монастырскихъ обѣтовъ. Извѣстно, что Лютеръ также долго не рѣшался жениться на своей Кетхенъ, бывшей монахиней.

Все это не устрашило цюрихцевъ и не помѣшало имъ еще въ томъ же году измѣнить обряды богослуженія. Народъ и совѣтъ дѣйствовали единодушно; но народъ далъ совѣту слово избѣгать по возможности вражды съ союзниками. Процессіи, странствія ко святымъ мѣстамъ и образа были отмѣнены; причастіе съ

1525 давалось подъ двумя видами; число праздниковъ ограничено; монахамъ и монахинямъ, желавшимъ оставить монастыри, дозволенъ выходъ, остальнымъ назначено содержаніе. Монастыри были превращены въ пріюты для бѣдныхъ, госпитали, общественныя школы и семинаріи; большая часть монастырскихъ доходовъ обращена на прибавку содержанія проповѣдникамъ и учителямъ. За то преобразованіе богослуженія сопровождалось въ Швейцаріи большими безпорядками, чѣмъ въ Германіи. Особенно досталось искусствамъ. Всѣ образа были вынесены; музыка въ церквахъ отмѣнена; игра на органѣ и даже звонъ въ колокола при погребеніи запрещены.

Такимъ путемъ образовалась швейцарская церковь, и въ этомъ заключалась причина разрыва между кантонами, принявшими ученіе Цвингли, и тѣми, которые остались вѣрными римской церкви. Католики были однако многочисленнѣе. Во время этихъ событій императоръ и католики начали преслѣдовать лютеранъ въ Германіи политическими и полицейскими мѣрами. Союзъ германскихъ лютеранъ и старинныхъ нѣмецкихъ городовъ Швейцаріи былъ бы въ то время въ высшей степени полезенъ, но Карльштатъ поселилъ между Лютеромъ и Цвингли смертельную вражду. Лютеръ объяснялъ слова, произносимыя при совершеніи таинства, буквально, какъ католики, но почему то не хотѣлъ принять догмата о превращеніи хлѣба и вина въ плоть и кровь; онъ старался обойти этотъ догматъ неопредѣленнымъ и темнымъ выраженіемъ: „пріобщаемся тѣла и крови Христовыхъ съ хлѣбомъ и виномъ, въ нихъ и подъ „видомъ ихъ“. Изъ за этого Лютеръ вступилъ въ жаркій споръ съ своимъ злѣйшимъ врагомъ Карльштатомъ; Карльштатъ писалъ противъ него оскорбительныя памфлеты. Онъ по своему объяснялъ слова причащенія, и основанія, приводимыя имъ противъ ученія Лютера о чудесномъ дѣйствительномъ присутствіи плоти и крови въ причастіи, были приняты швейцарцами. Въ 1525 Цвингли написалъ сочиненіе объ эхаристіи, въ которомъ основательнѣе и лучше опровергалъ ученіе Лютера о присутствіи Христа

въ причастіи, чѣмъ Карльштатъ. Цвингли принялъ слово есть въ смыслѣ знаменуетъ и такимъ образомъ не находилъ въ причащеніи ничего мистическаго, а видѣлъ въ немъ лишь воспоминаніе о смерти Христа. Впрочемъ богословская сторона вопроса сюда не относится; все, что касается этого, можно найти въ превосходномъ и всѣмъ извѣстномъ сочиненіи Планка, „Исторія протестантскихъ ученій". Страсбургскіе богословы и Эколампадій въ Базелѣ пристали къ мнѣнію Цвингли; послѣдователи же Лютера держались его толкованія, въ томъ числѣ уже извѣстный намъ Бугенгагенъ или Померанъ (стр. 11). Обѣ стороны спорили грубо, и между ними возникло жаркое богословское препирательство, въ которое мы не намѣрены вдаваться. Слѣдуетъ упомянуть лишь о томъ, что Лютеръ не могъ забыть, что Карльштатъ первый затѣялъ споръ и что швейцарцы, вовсе не расположенные къ нему, приняли въ этомъ вопросѣ его сторону.

Въ октябрѣ 1525 споръ о причащеніи былъ уже весьма рѣзокъ и горячъ; четырнадцать швабскихъ духовныхъ издали обидное сочиненіе противъ умѣреннаго Эколампадія, бывшаго другомъ Рейхлина и Эразма. Эколампадій высказался весьма мягко въ пользу мнѣнія Цвингли и сообщилъ свое сочиненіе швабскимъ богословамъ; но они, особенно грубый проповѣдникъ Бренцъ, отвѣчали другимъ тономъ. Они издали манифестъ, въ которомъ называли Эколампадія сектаторомъ. Неудивительно, что Бренцъ въ спорѣ ругался и обвинялъ въ ереси; но странно, что на швейцарцевъ съ такою же яростью возсталъ Пиркгаймеръ, который былъ вообще приличенъ. Иначе дѣйствовали Бусеръ и Капито, распространявшіе реформацію въ Страсбургѣ. Они старались водворить согласіе, понимая, какъ важно не ссориться; они писали въ Нюрнбергъ, въ Аугсбургъ и въ Нёрдлингенъ, гдѣ Эколампадія и Цвингли грубо поносили съ каѳедръ, и даже послали одного изъ своихъ товарищей въ Виттенбергъ уладить дѣло и убѣдить противниковъ разсматривать вопросъ научнымъ образомъ. Но Лютеръ не соглашался на это;

ему всюду, какъ въ Вартбургѣ, мерещился воплощенный дьяволъ, въ котораго онъ швырялъ всѣмъ, что попадало подъ руку. Лютеръ письменно отвѣчалъ посланному отъ посредниковъ, что одна сторона—непремѣнно орудіе дьявола, и потому нельзя допустить ни посредничества, ни умѣренности. Въ началѣ 1526 онъ увѣрялъ рейтлингцевъ, что мнѣнія Карльштата, Цвингли и Эколампадія исходятъ отъ дьявола, потому что каждый изъ нихъ посвоему объясняетъ причащеніе; дьяволъ же всегда узнается по лжи.

Лютеръ, Бренцъ, Бугенгагенъ и другіе такъ яростно нападали на Цвингли, Эколампадія и даже Бусера, желавшаго быть только посредникомъ, что уже въ 1526 примиреніе казалось невозможнымъ. Въ этомъ году Цвингли издалъ новое сочиненіе, въ семь печатныхъ листовъ, объ эвхаристіи, и хотя щадилъ въ немъ личность Лютера, но Лютеръ неистово накинулся на него за это сочиненіе. Въ 1529 на сеймѣ лютеране получили религіозную свободу; Лютеръ совѣтовалъ въ то время своему курфирсту не противиться исключенію изъ этого постановленія причастинковъ, какъ прозвали послѣдователей Цвингли, и анабаптистовъ. Хотя Меланхтонъ воспрепятствовалъ этому, но и онъ не соглашался войти въ ближайшее сношеніе съ цвингліянцами, какъ желалъ ландграфъ Филиппъ.

Между тѣмъ германскіе протестанты постановили подать свой протестъ и аппеляцію императору, отъѣздъ котораго изъ Италіи въ Германію былъ уже назначенъ; они хотѣли также просить у него извиненія въ своемъ поведеніи на сеймѣ, такъ какъ слышали, что онъ очень недоволенъ ими. Порученіе это было возложено на трехъ лицъ — меммингенскаго бургомистра Эгингера, братъ котораго, императорскій совѣтникъ, по несчастію во время прибытія пословъ находился въ отлучкѣ; секретаря маркграфа Ансбахскаго Алексиса Фрауентраута и ученаго нюрнбергскаго синдика, магистра Михаила Кадена, совершившаго много путешествій. Всѣ трое были люди весьма способные, но не придворные. Поэтому подобный выборъ можетъ казаться стран-

Digitized by Google

нымъ тѣмъ болѣе, что протестанты знали, какъ трудно уразумѣть и соблюдать этикетъ и церемоніалъ при испанскомъ дворѣ, среди итальянцевъ и надменныхъ бельгійцевъ. Однако протестанты знали, что дѣлали. Всѣ были увѣрены, что посланные будутъ встрѣчены невѣжливо; но по тогдашнимъ понятіямъ граждане и городскія власти могли перенести дурной пріемъ безъ ущерба для своей чести, тогда какъ князья и рыцари не могли бы потерпѣть этого. Сколько можно судить, посланные вели себя очень неловко и съ ними обращались позорно грубо.

Филиппъ Гессенскій, справедливо вѣрившій больше всего своему мечу и не ждавшій ничего путнаго отъ дипломатовъ, съ самого начала не разсчитывалъ на счастливый исходъ посольства; его занимала мысль устроить союзъ между Гессеномъ и Саксоніей съ одной стороны и швейцарскими протестантами и швабскими городами съ другой, уладивъ для этой цѣли распрю о причащеніи. Цюрихъ недовѣрялъ Фердинанду австрійскому также, какъ и Филиппъ, потому что древніе кантоны, съ которыми Цюрихъ былъ въ явной враждѣ, заключили съ Фердинандомъ оборонительный и наступательный союзъ. Кромѣ Цюриха, Бернъ, Базель и Сентъ-Галленъ приняли реформацію, и дѣло дошло до того, что бернцы собрали около 10 тысячъ человѣкъ на помощь Цюриху; съ другой стороны войско католическихъ кантоновъ было усилено полутора тысячами валлисцевъ. Однако война не началась. Ландаманнъ гларусскій, Эбли и городской страсбургскій старшина, Штурмъ, славные и умные люди, примирили Ури, Цугъ, Унтервальденъ, Швицъ и Люцернъ съ протестантскими городами. Въ силу этого мира, заключеннаго 24 іюня 1529, враждебный договоръ съ Фердинандомъ былъ разорванъ въ виду обоихъ войскъ, и протестантскій союзъ Цюриха, Берна, Базеля, Сентъ-Галлена, Мюльгаузена и Биля на защиту своей религіи былъ признанъ справедливымъ. Тѣмъ не менѣе война вскорѣ возгорѣлась, потому что запутанныя швейцарскія территоріальныя отношенія, измѣненныя въ 1498 году, не позволяли предупреждать всѣхъ возможныхъ

Digitized by Google

столкновеній. Поэтому вражда изъ за словъ причащенія, возраставшая съ 1522 по 1527, была истиннымъ бѣдствіемъ.

Съ 1527 года стало чрезвычайно трудно примирить послѣдователей Лютера и Цвингли, потому что оба реформатора задѣли другъ друга лично. Цвингли бранился и ругался умѣреннѣе и мягче Лютера; однако онъ упрекалъ его въ высокомѣріи, самохвальствѣ и чванствѣ мнимыми достоинствами и заслугами. Цвингли говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что не отрицаетъ его заслугъ; но онъ задѣваетъ его за живое слѣдующими ироническими словами: „Я пощажу тебя любезный Лютеръ! во многихъ сочиненіяхъ, посланіяхъ и еще иначе, ты выказалъ большую гордость; за это стоило бы тебя наказать. Но, если Богу угодно, мы будемъ умѣренны и побережемъ тебя, какъ человѣка, потому что, сказать по правдѣ, какъ ты и самъ знаешь, во время твоего появленія было много людей гораздо болѣе искусныхъ, чѣмъ ты, хотя по робости и потому что Богъ не возвалъ ихъ и не далъ имъ мужества, они не возстали защищать Израиль и сражаться съ римскимъ Голіафомъ“. За тѣмъ, сказавъ многое въ похвалу Лютера за его дѣйствія противъ папства, Цвингли продолжаетъ: „Но ты не можешь, читая свое сочиненіе, отрицать того, что шумишь по злобѣ, ибо грубости и превратныя понятія, на которыя мы укажемъ, не слишкомъ свидѣтельствуютъ о любви и благорасположеніи“. Послѣдователи Лютера и Цвингли опровергали другъ друга подобнымъ тономъ и издавали множество брошюръ объ этомъ предметѣ, а швейцарцы хвалились, что одержали верхъ на диспутѣ въ Бернѣ, въ 1528; поэтому невозможно было примирить спорящихъ, не смотря на всѣ усилія ландграфа Гессенскаго.

Филиппъ совершенно иначе и болѣе разумно смотрѣлъ на дѣло протестантовъ, чѣмъ Лютеръ, Меланхтонъ и флегматическій, преданный пьянству, но впрочемъ благородный и твердый курфирстъ Саксонскій, находившійся подъ вліяніемъ богослововъ, которые не видѣли необходимости дѣйствовать энергически, думая, что счастіе поможетъ тѣмъ, кто сидитъ, сложа руки. Еще во время торгаус-

скаго съѣзда Лютеръ говорилъ объ отношеніяхъ императора къ нѣмецкимъ государямъ слѣдующее: „Разумѣется, князьямъ было бы точно также неловко силою защищать подданныхъ императора противъ него, какъ если бы торгаусскій бургомистръ вздумалъ силой защищать гражданъ противъ курфирста Саксонскаго. (Изъ этого видно, что Лютеръ въ государственномъ правѣ не смыслилъ ни аза). Поэтому, въ случаѣ нападенія со стороны императора, прійдется предоставить ему страну и не противиться его дѣйствіямъ". Ландграфъ былъ однако другаго мнѣнія; онъ видѣлъ, что ни протесты, ни аппеляціи, ни посольства въ Италію не помогутъ, если нѣтъ на готовѣ военной силы. Чтобъ придать вѣсъ протесту, онъ хотѣлъ заключить протестантскій союзъ. Въ февралѣ 1529 императоръ написалъ ландграфу грозное посланіе по поводу интригъ Пака и далъ строгія повелѣнія имперскому правленію. Правленіе исключило изъ имперскаго совѣта пословъ Страсбурга и еще до представленія протеста и аппеляціи запретило курфирсту и ландграфу допускать въ своихъ земляхъ евангелическое богослуженіе. Не смотря на это, ландграфу удалось наконецъ согласить протестантскіе чины на союзъ, съ цѣлью поддержать значеніе протеста и аппеляціи. Въ іюнѣ 1529 посланники ландграфа Гессенскаго, курфирста Саксонскаго, герцога Брауншвейгъ-Люнебургскаго, маркграфа Бранденбургъ-Ансбахскаго и города Нюрибергъ, Стразбургъ и Ульмъ на съѣздѣ въ Родахѣ, въ кобургской области, условились заключилъ союзъ для защиты вѣры противъ всѣхъ, кромѣ императора, и для заключенія союза назначили общее собраніе въ Швабахѣ. Въ это время обнаружились вредныя послѣдсвія ссоры реформаторовъ за причастіе. Лютеръ удерживалъ своего курфирста отъ союза съ Ульмомъ и Стразбургомъ, потому что тамъ проповѣдывалось ученіе о причащеніи, несогласное съ его мнѣніемъ; курфирстъ поручилъ ему составить исповѣданіе вѣры, такъ называемые швабахскіе параграфы, и требовать, чтобы всѣ союзники подписали ихъ. Въ такихъ обстоятельствахъ ландграфъ, какъ доказалъ

Digitized by Google

фактами его новый біографъ Роммель, выказалъ истинное величіе и благородство. Онъ писалъ робкому и нерѣшительному курфирсту: „На защиту евангелія я готовъ пожертвовать жизнью и владѣніями, но наступило время,когда надо знать, можно ли полагаться на другихъ. Отвѣчайте прямо безъ обиняковъ, хотите ли защищаться или нѣтъ. Если никто не поможетъ и никто не будетъ защищаться, то это будетъ бѣдствіемъ, которымъ Богъ накажетъ трусливыхъ нѣмцевъ".

Ландграфъ раздѣлялъ мнѣніе швейцарцевъ, но считалъ, что разногласіе не столь важно, чтобы изъ за него расходиться съ Лютеромъ. Онъ надѣялся склонить упрямыхъ реформаторовъ къ примиренію. Неудивительно, что Филиппъ считалъ возможнымъ помирить двухъ богослововъ, которые спорили и ругались цѣлыхъ четыре года; онъ выказалъ еще больше наивности, надѣясь внушить свои религіозныя убѣжденія такому государю, какъ Карлъ V. Онъ пытался достигнуть этого, передавъ императору черезъ синдика фонъ Кадена небольшую книжку, въ бархатномъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ. Это было сочиненіе самого ландграфа, который былъ ученый богословъ; книжка была написана по французски, хотя онъ самъ говорилъ впослѣдствіи императору, что плохо знаетъ этотъ языкъ. Испанцы вознегодовали на намѣреніе объяснить Карлу новое ученіе. Они сочли, что Филиппъ хочетъ сбить молодаго императора съ истиннаго пути, вслѣдствіе чего начали уголовный процессъ противъ синдика Кадена за поднесеніе книжки.

Филиппъ пригласилъ Лютера и Цвингли въ Марбургъ, гдѣ въ гостяхъ у ландграфа они могли дружески уладить свой споръ. Швейцарцы охотно и съ готовностію приняли любезное приглашеніе Филиппа, но виттенбергцы медлили и виляли; Цвингли выѣхалъ въ сентябрѣ 1529 въ сопровожденіи одного цюрихскаго городскаго совѣтника; въ Страсбургѣ къ нему присоединились Эколампадій, Бусеръ, Гедіо и городской старшина, Штурмъ; они отправились въ Марбургъ, гдѣ были встрѣ-

чены съ торжествомъ и почетомъ. Къ сожалѣнію туда явились и герои слѣпаго лютеранства—Бренцъ изъ Швебишъ-Галля, Озіандеръ изъ Нюрнберга и шестеро другихъ. Многіе другіе были не приняты. Самъ Лютеръ, какъ второй папа, гордо въѣхалъ въ Марбургъ; въ немъ уже нельзя было узнать того смиреннаго монаха, который, какъ бѣдный грѣшникъ, стоялъ въ 1521 передъ вормскимъ сеймомъ. Онъ не позволилъ прибыть въ Марбургъ бѣдному, преслѣдуемому и гонимому мечтателю Карльштату. Карльштатъ, удалившійся въ крайній предѣлъ имперіи, восточную Фрисландію, писалъ ландграфу, прося дозволить ему пріѣхать въ Марбургъ. Ландграфъ сообщилъ эту просьбу Лютеру, который отказалъ.

Марбургскій диспутъ, происходившій въ первые три дня октября 1529 года, не принесъ никакихъ результатовъ, хотя 14 параграфовъ были одобрены всѣми. Диспутъ во всякомъ случаѣ былъ торжественъ и блестящъ по огромному числу слушателей; Цвингли трогательно умолялъ собраніе согласиться на счетъ пятнадцатаго параграфа, такъ какъ четырнадцать уже рѣшены; но Лютеръ упорствовалъ, а бѣдный Меланхтонъ стоялъ, молча, какъ окунутый въ воду. Фанатики лютеранства тѣмъ болѣе злились на своихъ соперниковъ, что сознавали свою неправоту; Цвингли со слезами на глазахъ заклиналъ ихъ проповѣдывать не вражду, а любовь. Ландграфъ увидѣлъ, что примиреніе невозможно, и вскорѣ всѣ разъѣхались подъ предлогомъ эпидеміи, свирѣпствовавшей въ Марбургѣ. Единственнымъ результатомъ диспута было то, что нѣмцы и швейцарцы подписали 14 марбургскихъ параграфовъ, а именно Лютеръ, Меланхтонъ, Юстусъ Іонасъ, Озіандеръ, Бренцъ, Эколампадій, Цвингли, Бусеръ и Гедіо. Касательно ученія о причащеніи было постановлено слѣдующее: „Хотя нынѣ мы не рѣшили, заключаются ли тѣлесно въ хлѣбѣ и винѣ истинное тѣло и кровь Христа, но тѣмъ не менѣе обѣ стороны должны выказывать другъ другу христіанскую любовь и просить всемогущаго Бога,

Digitized by Google

чтобы онъ своимъ духомъ утвердилъ насъ въ вѣрномъ пониманіи. Аминь".

Когда пришлось заключать въ Швабахѣ союзъ, подготовленный въ Родахѣ, то обнаружилось, какъ мало серіозваго значенія имѣло это постановленіе. Лютеране потребовали, чтобы принятіе параграфовъ, составленныхъ Лютеромъ и извѣстныхъ сначала подъ названіемъ Швабахскихъ, а потомъ Торгаусскихъ статей, было вмѣнено въ обязанность всѣмъ, желавшимъ вступить въ союзъ. Депутаты подозрѣваемыхъ городовъ не имѣли на это полномочія. Члены разстались, не заключивъ союза и отложили дальнѣйшія совѣщанія до новаго собранія, назначеннаго въ Шмалькальденѣ. Оно состоялось 29 ноября 1529, и здѣсь были опредѣлены условія союза между курфирстомъ, ландграфомъ, герцогомъ Люнебургскимъ, маркграфомъ Бранденбургъ-Ансбахскимъ, графами Вертгеймомъ, Мансфельдомъ и Фюрстенбергомъ и депутатами городовъ Страсбурга, Нюрнберга, Констанца, Ульма, Рейтлингена, Меммингена, Гейльбронна, Ландау и Кемптена. Но договоръ не былъ заключенъ, потому что курфирстъ, по настоянію своихъ богослововъ, требовалъ предварительнаго подписанія швабахскихъ статей. Вслѣдствіе этого назначили новый съѣздъ въ Нюрнбергѣ. Собраніе это происходило 6 января 1530; но депутаты отъ Страсбурга, Ульма, Констанца, Ландау и Меммингена не явились, потому что не хотѣли признать швабахскихъ статей; Рейтлингенъ и Гейльброннъ подписали ихъ.

Пора было приступить къ вооруженію противъ тѣснаго союза, только что заключеннаго папой и императоромъ противъ протестантизма (стр. 3). Императоръ предалъ протестантскихъ послаииковъ въ жертву насмѣшекъ, дерзости и даже оскорбленій итальянцевъ, испанцевъ и фанатиковъ бельгійцевъ, окружавшихъ его, и обращался съ ними такъ невѣжливо, что они должны были уѣхать тайкомъ. Онъ даже велѣлъ арестовать фонъ Кадена, передавшаго ему книжку ландграфа Филиппа,

и Каденъ считалъ себя счастливымъ, что отдѣлался кратковременнымъ арестомъ. Наконецъ въ январѣ въ Болоньѣ императоръ назначилъ сеймъ въ Аугсбургѣ, гдѣ хотѣлъ присутствовать лично. Въ приглашеніи, написанномъ ласково, императоръ не говорилъ ни слова ни о вормскомъ эдиктѣ, ни о шпейерскомъ протестѣ. Поэтому намѣренія императора могли показаться подозрительными.

Аугсбургскій сеймъ былъ назначенъ въ апрѣлѣ 1530. Курфирстъ Саксонскій прибылъ 2 мая, ландграфъ Гессенскій 12, а императоръ только 15 іюня. 8 апрѣля Карлъ писалъ изъ Мантуи, что непремѣнно пріѣдетъ и отправился въ путь чрезъ Тридентъ, Инспрукъ и Мюнхенъ, пославъ впередъ двухъ придворныхъ постращать протестантовъ. Такъ какъ настало время защищать новое ученіе, то протестанты хотѣли, чтобы швабахскія или торгаускія статьи были признаны исповѣданіемъ его; курфюрстъ пригласилъ въ Аугсбургъ Меланхтона, Юстуса, Іонаса и Спалатина, а графъ Мансфельдъ привезъ съ собою Іоганна Агриколу. Самъ же Лютеръ остался въ Кобургѣ, гдѣ былъ ближе къ сейму, чѣмъ въ Виттенбергѣ. Намѣреніе императора испугать протестантовъ не удалось, потому что Іоаннъ Постоянный былъ не изъ такихъ людей, чтобы сробѣть, когда дѣло шло о религіи. Лютеръ также выказалъ замѣчательное спокойствіе. Тотчасъ по прибытіи въ Аугсбургъ императоръ пригласилъ государей участвовать 16 іюня въ процессіи тѣла Христова. Отвѣтъ, данный ему протестантами чрезъ курпринца Іоанна Фридриха, доказываетъ, что нѣмецкіе государи были тогда также искренни, дерзки и грубы, какъ народъ. Они отвѣчали: „мы не хотимъ поддерживать и одобрять столь безбожныя человѣческія выдумки, явно противныя слову Божію и Христовой заповѣди; мы, не задумываясь, единогласно объявляемъ, что эти безсмысленныя и безбожныя человѣческія установленія должны быть совершенно отмѣнены и искоренены изъ церкви, дабы здоровые и чистые члены ея не были отравлены этимъ смертоноснымъ и вреднымъ ядомъ“.

Digitized by Google

Императоръ выказывалъ протестантамъ немилость и охотно бы дѣйствовалъ въ Германіи также, какъ въ Италіи и Испаніи, но видѣлъ, что силы его и католическихъ чиновъ недостаточны. Поэтому онъ скрылъ досаду, желая добиться избранія въ римскіе короли своего брата и ожидая отъ протестантовъ помощи противъ турокъ. Онъ согласился, чтобы сеймъ занялся сперва религіозными вопросами и чтобы протестантское вѣроисповѣданіе было представлено ему и торжественно прочитано сейму 25 іюня. Это не могло имѣть дурнаго вліянія на религіозныя воззрѣнія Карла, какъ опасались испанцы по поводу книжки ландграфа Филиппа; религіозные вопросы не занимали императора, и онъ имѣлъ въ виду цѣли, вовсе не библейскія. Притомъ онъ очень плохо понималъ по нѣмецки. Впрочемъ во время чтенія текста, написаннаго по нѣмецки, императоръ читалъ его въ латинскомъ переводѣ, а впослѣдствіи велѣлъ перевести для себя на французскій языкъ. Сейму читали не торгаусскія статьи, составленныя Лютеромъ, а изложеніе ихъ, превосходно написанное Меланхтономъ. Это знаменитое сочиненіе извѣстно подъ именемъ аугсбургскаго исповѣданія; введеніе его есть образецъ нѣмецкаго краснорѣчія. Меланхтонъ былъ благочестивъ, какъ Лютеръ, но не имѣлъ его слабости браниться и ругаться; онъ былъ ученъ и образованъ, какъ Эразмъ, но безъ двоедушія. Самъ Лютеръ удивляется въ своихъ письмахъ этому сочиненію; удивленіе это раздѣлитъ всякій, кто въ состояніи понять духъ того времени. Жаль только, что Лютеръ не могъ рѣшиться пожертвовать ученіемъ своей школы въ пользу общаго мира, какъ желали ландграфъ и стразбургцы. Но Лютеръ стоялъ на своемъ, хотя въ то же время обнаруживалъ величіе и отвагу; слова его рѣзали какъ сталь. Въ каждомъ письмѣ онъ стыдилъ Меланхтона, Іонаса, Бренца и Шнепфа, которые трусили, подобно курфирсту. Стразбургцы подписали бы аугсбургское исповѣданіе, если бы положенія Лютера были написаны не такъ рѣзко и не выражали бы явнаго намѣренія исключить швейцарцевъ и ихъ дру-

зей изъ права на терпимость, котораго добивались протестанты. Вслѣдствіе этаго Страсбургъ, Констанцъ, Меммингенъ и Линдау были принуждены представить особенное „Исповѣданіе". Оно было написано по нѣмецки и по латыни Бусеромъ и Капито и извѣстно подъ названіемъ исповѣданія четырехъ городовъ (Confessio Tetrapolitana). Это сочиненіе уклоняется отъ торгаусскихъ статей Лютера лишь относительно причащенія. Уклоненіе, какъ можно видѣть изъ восемнадцатаго параграфа, такъ незначительно, что было весьма легко согласить съ нимъ ученіе Лютера. Трудъ Меланхтона былъ переданъ для опроверженія коммиссіи изъ 19 католическихъ богослововъ, которые, т. е. вѣрнѣе двое изъ нихъ, Эккъ и Кохлеусъ, составили возраженіе такъ дурно и съ такими ругательствами, что его даже не сообщили и напечатали только въ 1573 году.

Слабый курфирстъ Саксонскій хотѣлъ предоставить дѣло богословамъ; но ландграфъ Филиппъ, всегда готовый взяться за мечь, понималъ, что съ такими людьми, какъ кардиналъ Кампеджіо, руководившій Карломъ, какъ канцлеръ Гранвелла, Эккъ или Кохлеусъ, нельзя поладить добромъ. Филиппъ держался Лютера, съ которымъ впрочемъ не былъ въ особенномъ согласіи. Онъ убѣждалъ курфирста не уступать, тогда какъ Іоаннъ думалъ не о сопротивленіи, а о переговорахъ. Филиппъ напрямикъ сказалъ епископамъ, которые старались перессорить протестантовъ: „Хлопочите о примиреніи господа, мы будемъ его добиваться; но если вы не уладите дѣло и если я погибну, то ужъ разумѣется возму съ собою на тотъ свѣтъ одного или двухъ изъ вашей братіи." Императоръ всѣми мѣрами старался привлечь къ себѣ ландграфа, возбуждая въ немъ честолюбіе и надежды на выгоды; такъ поступалъ онъ и съ глупымъ пфальцграфомъ Фридрихомъ. впослѣдствіи курфистомъ Фридрихомъ II Пфальцскимъ, предсѣдательствовавшимъ на сеймѣ; онъ всю жизнь держалъ его въ рукахъ надеждою на женитьбу. Но Филиппъ отвѣчалъ ему: „Въ лучшіе годы моей жизни я не избѣгалъ ни счастья, ни благосклонности силь-

ныхъ, но теперь предпочитаю милость Божію обманчивымъ наслажденіямъ свѣта.“ 3 августа императоръ призвалъ къ себѣ обѣ партіи и приказалъ прочесть произведеніе Экка и Кохлеуса. Онъ далъ ясно замѣтить, что желаетъ, чтобы протестанты предоставили свое дѣло на его рѣшеніе. Тогда Филиппъ понялъ, что ему не зачѣмъ оставаться долѣе въ Аугсбургѣ. Онъ отправился 6 августа домой, оставивъ курфирста съ его пріунывшими богословами, Меланхтономъ, Іонасомъ и Бренцомъ. Императоръ струсилъ; онъ велѣлъ своимъ солдатамъ занять городскія ворота, но это не могло помочь ему, потому что глава сопротивленія былъ свободенъ.

По отъѣздѣ ландграфа, курфирсту и его богословамъ пришлось плохо; Меланхтонъ готовъ былъ даже уступить во многихъ важныхъ пунктахъ. Только Лютеръ оставался непоколебимъ и писалъ изъ Кобурга курфирсту утѣшительныя и увѣщательныя письма, которыя доказываютъ удивительное спокойствіе, энергію и готовность идти на перекоръ всему свѣту. Эти письма—образецъ задушевнаго краснорѣчія, горячей преданности христіанской религіи и полнаго упованія на Бога; но теперь находятъ оригинальную рѣзкость и безцеремонность слога этихъ писемъ неприличными. Лютеръ не раздѣлялъ уваженія курфирста къ императору, ни опасеній его богослововъ, боявшихся послѣдствій мстительности епископовъ и немилости императора, который уже далъ почувствовать ее курфирстамъ. Онъ ободрялъ слабыхъ богослововъ и, вѣруя въ божественную силу истины, не страшился ни императора, ни папы, ни кардинала, ни епископовъ. Онъ писалъ между прочимъ курфирсту: „Хотя я полагаю, что императоръ и имперскіе члены пріимутъ наше исповѣданіе, но не питаю ни малѣйшей надежды на возможность соглашенія съ ними въ религіозныхъ вопросахъ; они такъ ненавидятъ свѣтъ, такъ озлоблены и пылаютъ къ намъ такою ненавистью, что скорѣе согласятся отправиться прямо въ адъ, чѣмъ уступить намъ и отказаться отъ своего мнѣнія. Надо оставить это дѣло въ покоѣ и

ожидать, что будетъ и т. д.“ Мы приведемъ еще отрывокъ изъ письма Лютера къ курфирсту Альбрехту Майнцкому; изъ него читатель увидитъ, какая свобода рѣчи существовала тогда. Въ этомъ письмѣ, напечатавномъ впослѣдствіи Лютеромъ и находящимся въ собраніи его сочиненій, изданномъ въ Галле, сказано: „Исторія скажетъ, какъ явно и безстыдно требовалъ папа осужденія евангелическаго ученія, какъ будто въ Германіи и на сеймѣ только и есть, что пустые чурбаны и обезьяны; властителей, помогавшихъ этому, должно низвергнуть и опозорить на вѣки въ глазахъ нашего потомства. Мы, нѣмцы, не перестанемъ довѣрять папѣ и его итальянцамъ, пока они не зададутъ намъ не паровую, а кровавую баню. Если же нѣмцы поколотятъ другъ друга, то папа обрадуется этому цвѣтику флорентинской политики и, посмѣиваясь въ тихомолку, скажетъ: вы, нѣмцы, не хотѣли признавать меня папой, такъ вотъ вамъ за это. Я не пророкъ, но я прошу всѣхъ быть осмотрительными; знайте, когда имѣете дѣло съ папой и его сторонниками, что передъ вами не люди, а черти, потому что за ними скрываются козни дьявола. Я знаю, что вы покончите все это мирно. Аминь.“

Отъѣздъ ландрафа разстроилъ планъ императора; ландграфъ тайно подготовлялъ возстаніе, которому императоръ и католическіе чины не могли бы противиться. Филиппъ заключилъ даже тѣсный союзъ съ Цюрихомъ, въ то время какъ богословы спорили о соглашеніи, въ возможность котораго могъ вѣрить только добродушный швабъ Меланхтонъ. Даже курфирстъ Саксонскій потерялъ терпѣніе. Онъ ждалъ до 20 сентября, но не хотѣлъ оставаться долѣе. Съ большимъ трудомъ уговорилъ его императоръ остаться до 22 сентября, чтобы выслушать рѣшеніе, которое Карлъ хотѣлъ объявить протестантамъ при закрытіи сейма. Рѣшеніе походило на объявленіе войны и было написано отъ имени императора въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ фанатикомъ Іоахимомъ I Бранденбургскимъ. Протестантамъ было обѣщано спокойствіе до 15 апрѣля будущаго года; но они должны

Digitized by Google

были къ этому сроку уничтожить всѣ нововведенія, не печатать никакихъ новыхъ сочиненій по религіознымъ вопросамъ, не привлекать въ свою секту чужихъ подданныхъ и не укрывать ихъ въ своихъ земляхъ, дозволить своимъ подданнымъ слѣдовать обрядамъ католической церкви и соединиться съ императоромъ и имперіей для подавленія причастниковъ и перекрещенцовъ. Въ вознагражденіе за это былъ обѣщанъ соборъ, отъ котораго при тогдашнихъ обстоятельствахъ нельзя было ничего ожидать. Сверхъ того Іоахимъ прибавилъ отъ себя угрозы и требованіе возстановить въ прежнемъ видѣ монастыри и аббатства, угрожая протестантамъ въ противномъ случаѣ немедленно напасть на нихъ съ своими единовѣрцами. Прочіе католическіе государи порицали запальчивость курфирста Бранденбургскаго, потому что больше боялись Филиппа и курфирста Саксонскаго, чѣмъ протестанты ихъ самихъ. Саксонскій канцлеръ выслушалъ рѣшеніе и отвѣчалъ спокойно; курфирстъ молчалъ, не покидая своей флегмы, потому что курпринцъ давно уже воротился домой и слѣдовательно бояться было нечего. Вслѣдъ за тѣмъ курфирстъ уѣхалъ. Императоръ не могъ помѣшать его отъѣзду и принудить его согласиться на избраніе Фердинанда въ римскіе короли. Карлъ былъ такъ озлобленъ на протестантовъ, что далъ ландграфу желанный поводъ склонить своихъ единовѣрцевъ къ политическому союзу; Филиппъ понималъ, что нужно дѣйствовать силой. Католическимъ государямъ очень хотѣлось подавить протестантовъ; но они желали предоставить это опасное дѣло императору, который безъ помощи ихъ не могъ ничего предпринять. Такимъ образомъ дѣло не пошло пока дальше угрозъ.

По отъѣздѣ курфирста, оставившаго въ Аугсбургѣ своихъ уполномоченныхъ и богослововъ, императоръ пытался еще разъ напугать протестантовъ. 13 октября онъ приказалъ призвать въ коллегію государей пословъ имперскихъ городовъ, прочесть имъ пункты сеймовыхъ постановленій, которые касались религіи и уже были сообщены курфирсту, и по-

ртебовать у нихъ отвѣта. Они просили отсрочки, чтобы посовѣтоваться между собою; но имъ сказали напрямикъ, что императоръ рѣшился искоренить, во чтобы то ни стало, возникшее въ имперіи религіозное заблужденіе и употребить для этаго всѣ средства, которыми располагаетъ. Больше всѣхъ досталось четыремъ городамъ, подавшимъ особое исповѣданіе. Но это не измѣнило дѣла, потому что до апрѣля 1531 года все должно было оставаться въ настоящемъ положеніи. Города тоже не испугались, а лишь сознали крайнюю необходимость вооружиться. Саксонское посольство уѣхало до объявленія сеймоваго рѣшенія. Рѣшеніе было объявлено 19 ноября 1530 въ такихъ выраженіяхъ, что протестанты были правы, приступивъ вслѣдъ за тѣмъ къ вооруженіямъ, чтобы въ случаѣ нужды имѣть возможность защищаться противъ императора и имперіи. Лютеръ однако не охотно согласился на это. Сеймъ предалъ проклятію всякое малѣйшее отступленіе отъ римской церкви; протестантское исповѣданіе и нововведенія были отвергнуты и рѣзко порицаемы, и было приказано возстановить все по прежнему. Въ случаѣ неповиновенія грозили строжайшей императорской опалой.

Война, повидимому, готова была вспыхнуть, потому что императоръ, устраняя всѣ возраженія, стремился, при содѣйствіи папы, превратить Германію въ наслѣдственное владѣніе, какъ капетинги поступили во Франціи, и замѣнить имперское правленіе абсолютизмомъ римскаго короля. Для осуществленія этого плана онъ склонилъ на свою сторону за большія деньги курфирстовъ Майнцскаго и Пфальцскаго. Курфирстъ Саксонскій сначала не былъ приглашенъ на избраніе Фердинанда; впослѣдствіи его пригласили, но онъ объявилъ себя противъ Фердинанда; чтобы устранить его, воспользовались отлученіемъ отъ церкви, которымъ поразилъ его папа. Между тѣмъ ландграфъ Филиппъ хлопоталъ неутомимо; въ декабрѣ 1530 г. саксонскій наслѣдный принцъ протестовалъ въ Кёльнѣ противъ предполагаемаго избранія Фердинанда; въ тоже время ланд-

Digitized by Google

графъ склонилъ апатичнаго курфирста созвать второй конгрессъ въ Шмалькальденѣ. Самъ Лютеръ объявилъ наконецъ въ „Предостереженіи любезнымъ нѣмцамъ,“ что перемѣнилъ мнѣніе о необходимости защищаться. Курфирстъ Саксонскій пригласилъ протестантскихъ государей и города въ Шмалькальденъ къ 22 декабря. Ландграфъ передъ отъѣздомъ туда, заключилъ 1 декабря на случай нападенія особый союзъ съ Цюрихомъ, Базелемъ и Страсбургомъ. Въ Шмалькальденѣ присутствовали лично герцогъ Эрнстъ Люнебургскій, князь Вольфгангъ Ангальтскій и графы Гебгартъ и Альбрехтъ Мансфельды. Послѣдній имѣлъ полномочіе отъ герцога Филиппа Брауншвейгъ-Грубенгагенскаго. Георгъ Бранденбургскій и города Страсбургъ, Нюрнбергъ, Констанцъ, Ульмъ, Бременъ, Рейтлингенъ Гейльбронъ, Меммингенъ, Линдау, Кемптенъ, Исни, Биберахъ, Виндсгеймъ, Вейссенбургъ, Нордгау и Магдебургъ прислали пословъ. Четыре города, обвиненные въ заблужденіи относительно ученія о причащеніи, были также уговорены ландграфомъ Филиппомъ Гессенскимъ вступить въ союзъ. Бременъ въ первый разъ участвовалъ здѣсь въ качествѣ вольнаго города. Обѣднѣвшій архіепископъ Кристофъ бременскій, братъ необузданнаго, но равнодушнаго къ религіи и нравственности герцога Генриха Брауншвейгскаго, не могъ воспрепятствовать городу присвоить себѣ права имперскаго.

Цѣль шмалькальденскаго конгресса состояла въ томъ, что бы условиться о мѣрахъ противодѣйствовать избранію Фердинанда въ римскіе короли, такъ какъ враги протестантовъ намѣревались приступить къ нему въ Кёльнѣ. Въ Шмалькальденѣ не было заключено формальнаго союза. Совѣщаніе о вооруженіи тоже не состоялось, потому что многіе города ссылались на неимѣніе инструкцій. Поэтому было назначено вторичное собраніе въ Шмалькальденѣ въ февралѣ 1531. Впрочемъ на первомъ собраніи многое было вполнѣ рѣшено, а именно религіозный вопросъ и противодѣйствіе избранію Фердинанда. 31 декабря былъ составленъ противъ избранія протестъ отъ имени всѣхъ присут

Digitized by Google

ствовавшихъ и посланъ въ Кёльнъ. Императору же написали посланіе, въ которомъ просили его запретить имперскому фискалу и палатному суду принимать религіозные процессы противъ протестантовъ. Кромѣ того было рѣшено составить новое обще протестанское церковное уложеніе, протестъ противъ рѣшенія послѣдняго сейма и аппологію въ защиту основныхъ положеній протестантизма. Все это слѣдовало сообщить не только императору и имперскому суду, но и всѣмъ иностраннымъ державамъ, особенно королямъ французскому и англійскому. Постановили также потребовать созванія собора съ тѣмъ, чтобы папа не возобновлялъ своихъ обычныхъ притязаній.

Императоръ не обратилъ никакого вниманія ни на протестъ, поданный ему лично въ Кёльнѣ наслѣднымъ принцомъ саксонскимъ, ни на представленія имперскихъ чиновъ. Онъ отправился изъ Аугсбурга въ Кёльнъ, на избраніе своего брата Фердинанда въ римскіе короли. Императоръ избралъ Кёльнъ потому, что Франкфуртъ принялъ аугсбургское исповѣданіе. Въ концѣ года Фердинандъ былъ избранъ и 11 января 1531 торжественно коронованъ въ Ахенѣ. Послѣ того Карлъ отправился въ Брюссель, гдѣ назначилъ сестру свою, Марію, вдовствующую королеву венгерскую, намѣстницей Нидерландовъ на мѣсто умершей тетки своей, Маргариты. Братъ его остался правителемъ въ Германіи. Они собрали въ Нидерландахъ войско. Одни полагали, что войско это назначается противъ турокъ; другіе — для возстановленія на престолѣ шурина Карла, Христіана II датскаго; но многіе утверждали, что императоръ намѣренъ силою заставить привести въ исполненіе рѣшеніе аугсбургскаго сейма. Впрочемъ императоръ не имѣлъ денегъ для войны съ Германіей; союзники же его, католики, не смѣли пошевелиться, боясь дѣятельнаго ландграфа Гессенскаго.

Ландграфъ Филиппъ и курфирстъ Саксонскій собрали въ февралѣ 1531 конгрессъ въ Шмалькальденѣ. Здѣсь, 27 февраля, былъ наконецъ заключенъ шмалькальденскій союзъ на 6 лѣтъ;

было рѣшено обороняться общими силами, если на одного изъ союзниковъ будетъ сдѣлано нападеніе по поводу исповѣданія. Шмалькальденскій союзъ былъ заключенъ сначала шестью государями, двумя графами и 11 городами, но потомъ къ нему приступили еще 7 государей, 2 графа и 24 города. Въ числѣ городовъ былъ и Франкфуртъ, оскорбленный императоромъ, который, вопреки закону, удалилъ выборы изъ этого города и объявилъ его еретическимъ. Шмалькальденскій союзъ раздѣлилъ Германію на два враждебные лагеря; каждый изъ нихъ не довѣрялъ другому, слѣдилъ за нимъ съ опасеніемъ и замышлялъ произвести нападеніе. Главой союза были избраны ландграфъ Гессенскій и курфирстъ Саксонскій. Въ помощь имъ данъ военный совѣтъ съ обязанностью распредѣлять и назначать по совѣсти и чести военныя силы, которыя долженъ выставить каждый союзникъ. Половину всѣхъ расходовъ должны были нести государи, а другую — города; между тѣмъ въ распредѣленіи голосовъ въ совѣтѣ города получили вначалѣ изъ 9 голосовъ только 4, а потомъ изъ 13 — шесть. Дѣла пошли бы несомнѣнно лучше, если бы были поручены одному ландграфу, потому что курфирстъ Саксонскій въ этихъ обстоятельствахъ, зависѣвшихъ исключительно отъ свѣтской власти и ума, слѣпо повиновался своимъ богословамъ. Они же, подобно папскимъ, думали, что человѣкъ, принадлежащій къ иной религіи, не можетъ быть съ ними въ союзѣ. На этомъ основаніи курфирстъ требовалъ исключить изъ союза вышеупомянутые четыре города, если они не примутъ аугсбургскаго исповѣданія. Когда въ іюнѣ 1531 союзники собрались во Франкфуртѣ и утвердили прежнее рѣшеніе, швейцарскіе протестанты по винѣ курфирста не приняли участія въ союзѣ нѣмецкихъ. На этомъ собраніи курфирстъ велѣлъ объявить: „Такъ какъ союзные кантоны уклонились въ ученіи о причащеніи отъ аугсбургскаго исповѣданія, то онъ не можетъ вступить съ ними въ союзъ. На могущество ихъ не должно обращать вниманіе, потому священное писаніе возвѣщаетъ гибель уповающимъ на такую помощь“.

Digitized by Google

Приготовленія протестантовъ кончились, когда они увидѣли, что въ нихъ нѣтъ нужды, потому что императоръ и его братъ были не готовы къ войнѣ, а баварцы не соглашались начинать ее и находились въ тайныхъ сношеніяхъ съ французами; между тѣмъ Лудвигъ V Пфальцскій и Альбрехтъ Майнцскій еще за долго до франкфуртскаго собранія вступили въ переговоры съ Филиппомъ Гессенскимъ и Іоанномъ Саксонскимъ о посредничествѣ. Послѣ этого собранія императоръ одобрилъ старанія Лудвига и Альбрехта и пошелъ на соглашеніе. Сеймъ однако не состоялся, потому что протестанты допускали посредничество только въ политическихъ вопросахъ, а не въ религіозныхъ; между тѣмъ переговоры тянулись цѣлый годъ, и въ декабрѣ происходило новое союзное собраніе. Здѣсь союзный порядокъ установился вполнѣ; города Госсларъ и Эймбекъ, какъ прежде Эсслингенъ, были приняты въ союзъ, и главами его признаны курфирстъ и ландграфъ. Послѣ этого пфальцграфъ Фридрихъ, служившій постоянно орудіемъ и игрушкой политики Карла, поспѣшилъ лично въ Брюссель и привезенными извѣстіями такъ напугалъ императора, что Карлъ увидѣлъ необходимость поладить съ протестантами, чтобы не попасть между двухъ огней. Въ январѣ 1532 Карлъ, проѣзжая черезъ Германію, далъ въ Майнцѣ обоимъ посредствующимъ курфирстамъ такое полномочіе, чтобы по крайней мѣрѣ на первое время они могли успокоить протестантовъ. Лютеръ сердился на ландграфа, который допустилъ въ союзъ четыре города, подписавшіе изъ 15 пунктовъ Лютерова вѣроисповѣданія только 14. Ландграфъ велъ переговоры весьма искусно. Благодаря ему, въ маѣ въ Швейнфуртѣ были рѣшены главные пункты примиренія.

Въ 1532 году умеръ курфирстъ Іоаннъ Постоянный, и его наслѣдникъ, Іоаннъ Фридрихъ, принялъ на себя веденіе переговоровъ. Къ скорѣйшему окончанію ихъ не мало способствовало то, что баварцы уже вступили въ союзъ съ французами и старались привлечь въ него главу шмалькальденскихъ союз-

никовъ. Вслѣдствіе этого курфирстамъ Пфальцскому и Майнцскому, которые уже вели въ Швейнфуртѣ переговоры съ ландграфомъ Гессенскимъ и курпринцомъ саксонскимъ, было не трудно устроить соглашеніе, связывавшее императора только на одинъ годъ. Такимъ образомъ прозваніе Миротворца, данное за этотъ миръ Лудвигу Пфальцскому, досталось ему дешево. Императоръ утвердилъ договоръ, не спрашивая согласія папы и чиновъ имперіи, и 2 и 3 августа 1532 огласилъ его въ Нюрнбергѣ. Этотъ договоръ, извѣстный подъ названіемъ перваго или нюрнбергскаго мира, поддержалъ согласіе между религіозными партіями до 1544. Но такъ какъ соборъ не созывался, то ненависть и вражда разгарались годъ отъ году все болѣе и болѣе. Курфирстъ Іоахимъ Бранденбургскій, герцогъ Георгъ Саксонскій, римскій король Фердинандъ и папа пришли въ неописанную ярость. Сущность мирнаго договора заключалась въ томъ, что до окончанія собора или до рѣшенія новаго сейма ни одна партія не будетъ прибѣгать къ насилію въ дѣлѣ вѣры, и что всѣ фискальные и другіе процессы, касающіеся религіи, будутъ прекращены.

Въ Швейцаріи уже началась война между папистами и реформаторами; новыя несогласія возникли послѣ мира, заключеннаго при посредничествѣ страсбургскаго городскаго правителя между Цюрихомъ и католическими кантонами (стр. 54). Цюрихцы заключили союзъ съ ландграфомъ Гессенскимъ; бернцы проповѣдывали реформацію въ Ваатландѣ, который вовсе не принадлежалъ имъ и тайно помогли женевцамъ противъ герцога Савойскаго и епископа. Они распространили реформацію и въ Невшателѣ. Бертольдъ Галлеръ привлекъ много золотурнскихъ общинъ къ новому ученію и къ измѣненію государственнаго порядка, хотя въ городѣ Золотурнѣ большая часть жителей остались вѣрны римской церкви. Въ Заргансѣ, Тургау, Баденѣ и другихъ мѣстахъ, имѣвшихъ общинное правленіе, и въ городахъ Кейзерштулѣ и Цурцахѣ были измѣнены религія и обряды, а жители С-тъ Галлена обра-

тились къ новому ученію, несмотря на права аббатовъ. Отпаденіе многихъ мѣстностей отъ старой церкви нанесло кантонамъ политическій ущербъ, потому что при швейцарскомъ политическомъ устройствѣ каждое религіозное измѣненіе влекло за собой политическія.

Луцернъ и мелкіе кантоны были недовольны этимъ и, когда жалоба ихъ осталась безъ послѣдствій, они въ концѣ лѣта 1531 вывели въ поле войско, чтобы вновь овладѣть мѣстами, которыя подъ вліяніемъ цюрихцевъ избавились отъ ихъ власти. Цюрихъ созвалъ ополченіе и къ несчастію поторопился дать сраженіе, не дождавшись приближавшихся бернцевъ. 12 октября 1531 8-ми тысячное войско четырехъ мелкихъ кантоновъ и Луцерна аттаковало при Каппелѣ цюрихцевъ, утомленныхъ утомительнымъ подъемомъ на Альби; между тѣмъ бернскія войска медлили подъ Ленцбургомъ. Около сотни католиковъ, а за ними все остальное католическое войско яростно бросилось на цюрихцевъ, главныя силы которыхъ взошли на Альби слишкомъ поздно и чрезвычайно утомленныя. Сраженіе было кровопролитно. Послѣ упорнаго боя цюрихцы были разбиты и потеряли 510 человѣкъ. Побѣдители, подстрекаемые фанатическимъ духовенствомъ, поступали такъ жестоко, что убивали даже раненыхъ враговъ, не хотѣвшихъ перекреститься. Цвингли былъ наказанъ по смерти за свои грѣхи. Онъ находился при цюрихскомъ войскѣ въ качествѣ проповѣдника и въ минуту опасности сталъ въ ряды и былъ убитъ. Его трупъ былъ четвертованъ и сожженъ.

Послѣ сраженія при Каппелѣ берицы и другіе союзники вяло помогали цюрихцамъ. Они отмстили за опустошенія, произведенныя непріятелемъ, но перевѣсъ оставался за побѣдителями при Каппелѣ Католики были сильны своимъ фанатизмомъ; кромѣ того войско ихъ состояло частью изъ наемниковъ, пріобрѣтшихъ опытность во французскихъ и итальянскихъ войскахъ, тогда какъ реформаторы не ладили между собой и были чужды фанатизма. Новое пораженіе цюрихскихъ союзниковъ подъ Менцингеномъ

21 октября, и отказъ бернцевъ помогать имъ лишили цюрихцевъ мужества и принудили ихъ согласиться на посредничество депутатовъ Франціи, Савойи, Гохбергъ-Рётелена, Нейенбурга, Гларуса, Фрейбурга и Аппенцелля. 16 ноября 1531 въ Дитикопѣ близь Баара былъ заключенъ миръ, который во многихъ отношеніяхъ можно сравнить съ нюрнбергскимъ. Миръ этотъ былъ заключенъ вначалѣ только съ цюрихцами или, вѣрнѣе, предписанъ имъ войсками пяти городовъ. Земскій секретарь Швица изложилъ условія на бумагѣ; посланники Цюриха согласились на нихъ, и тогда были сдѣланы нѣкоторыя дополненія. 24 ноября состоялся въ Геглингенѣ мирный договоръ между Берномъ и Цюрихомъ съ одной стороны и пятью городами съ другой. Договоръ этотъ доставилъ католическимъ кантонамъ перевѣсъ въ швейцарскомъ союзѣ. Они получили право наказать Бремгартенъ и Меллингенъ; бернцы должны были вознаградить понесенные ими убытки и выплатить вмѣстѣ съ Цюрихомъ 5 т. кронъ за военныя издержки. Базель купилъ право участія въ мирномъ договорѣ за тысячу гульденовъ. Золотурнцы доказали при этомъ весьма оригинальнымъ образомъ, что для швейцарца деньги выше всего. Пять городовъ, желавшіе наказать ихъ за присылку помощи бернцамъ, требовали или уплаты тысячи золотыхъ гульденовъ пени или возвращенія къ католицизму; 34 золотурнскія общины, принявшіе реформацію съ 1523, предпочли отказаться отъ нея. С-тъ-галленское аббатство снова вступило во всѣ свои права. Распространеніе евангелическаго ученія въ союзныхъ округахъ было навсегда запрещено, и католики получили право силою возстановить въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ свое богослуженіе.

Digitized by Google

VII. ТУРКИ, ВЕНГРЫ И ЧЕХИ,

ГЕНРИХЪ VIII АНГЛІЙСКІЙ И ГЕРМАНІЯ ДО ОКОНЧАНІЯ ШМАЛЬКАЛЬДЕНСКОЙ ВОЙНЫ.

1. Турки со временъ Мухаммеда II до Селима I.

Чтобы имѣть возможность слѣдить шагъ за шагомъ за паденіемъ Византіи и развитіемъ новаго, военнаго государства османовъ, мы описали выше (т. IX стр. 1—114) подробно возникновеніе и распространеніе турецкой имперіи въ Европѣ до взятія Константинополя. Для нашей цѣли совершенно излишне продолжать съ такими же подробностями послѣдующую исторію турокъ; поэтому мы приведемъ только тѣ факты, которые важны для всеобщей и германской исторіи.

По взятіи Константинополя султанъ Мухаммедъ II старался упрочить господство турокъ не только завоеваніями и побѣдами, но также политикой и законодательствомъ. Послѣ жестокостей, совершенныхъ турками въ Константинополѣ, онъ началъ обращаться снисходительно съ уцѣлѣвшей частью греческаго народонаселенія, которое было впрочемъ жалкимъ остаткомъ націи; но особенно замѣчательны отношенія султана къ патріарху. Мухаммедъ понималъ, что патріархъ имѣетъ нравственную власть надъ греками, тогда какъ турецкая сабля только государственную; поэтому онъ присвоилъ себѣ право назначенія, а слѣдовательно и

смѣщенія патріарха; по его приказанію въ званіе это былъ возведенъ монахъ, который, какъ султанъ зналъ, не могъ сойтись съ римскими христіанами и черезъ котораго турки могли управлять греками при помощи греческаго духовенства. Впослѣдствіи назначеніе и смѣщеніе патріарховъ служило султанамъ и ихъ министрамъ средствомъ выжимать изъ грековъ деньги, потому что патріаршество продавалось съ молотка.

Еще при греческихъ императорахъ патріархъ, выбранный повидимому свободно, не могъ вступить въ должность безъ императорскаго утвержденія. Мухаммедъ и его наслѣдники удержали это право. При греческихъ императорахъ вновь избранному патріарху дарился золотой посохъ, украшенный драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ и лошадь съ императорской конюшни, покрытая императорскимъ чепракомъ и бѣлымъ покрываломъ. Патріархъ пріѣзжалъ на этой лошади изъ императорскаго дворца въ патріаршій. Тамъ ему присягало все высшее духовенство, а императоръ, сидя на тронѣ, торжественно вручалъ ему посохъ. По сторонамъ трона стояли кесарь и патріархъ гераклейскій, а кругомъ весь сенатъ съ непокрытыми головами; придворный священникъ прочитывалъ молитву, и великій каммергеръ провозглашалъ: „Слава въ вышнихъ Богу“ и т. д. Послѣ этого императоръ приподымался, и новый патріархъ кланялся три раза всему собранію и падалъ ницъ предъ императоромъ. Затѣмъ послѣдній, вставъ и приподнявъ нѣсколько скипетръ, произносилъ слѣдующія слова: „Святая Троица, ввѣрившая мнѣ престолъ, ниспосылаетъ тебѣ патріаршество Новаго Рима“.

Мухаммедъ приказалъ духовенству, избѣгнувшему смерти и рабства, выбрать въ патріархи Георгія Схоларія или Геннадія, который въ рѣшительную минуту вмѣсто согласія поселилъ между греками и латинцами непримиримую вражду и тѣмъ помогъ султану завоевать Константинополь (т. IX, 106). Султанъ торжественно возвелъ Геннадія на патріаршій престолъ и далъ ему фирманъ, по которому никто не могъ безпокоить патріарха, оспа-

ривать или нарушать его власть и оскорблять его; сверхъ того онъ и все высшее духовенство были освобождены на вѣки отъ всякихъ платежей и повинностей. Послѣ церемоніи посвященія султанъ пригласилъ патріарха на дружескій обѣдъ во дворецъ и оказалъ ему почетъ. Онъ вручилъ ему драгоцѣнный посохъ и проводилъ до двора, гдѣ патріархъ, по старому обычаю, долженъ былъ сѣсть на подаренную ему лошадь. Вмѣсто софійскаго собора, превращеннаго въ мечеть, султанъ предложилъ патріарху другую церковь, и всѣ вельможи двора должны были сопровождать его до синода. Тиранъ, предавшій смерти и рабству столько людей, хотѣлъ населить греками раззоренную столицу. Тысячи людей должны были, подъ страхомъ смертной казни, переселиться въ Константинополь изъ Синопа, Трапезунда и Аспрокастрона.

Исторія царствованія Мухаммеда II представляетъ непрерывный рядъ убійственныхъ войнъ, разрушенія городовъ, опустошенія цѣлыхъ странъ и жестокихъ казней и мучительствъ. Поэтому о предпріятіяхъ Мухаммеда мы будемъ говорить, не входя въ подробности. Съ венеціанцами и албанцами былъ нѣсколько разъ заключаемъ миръ; но война продолжалась съ небольшими перерывами до смерти храбраго предводителя албанцевъ, Скандербега. Дань, которую давно платила Рагуза, была значительно увеличена на слѣдующій же годъ по завоеваніи Константинополя за то, что республика приняла и защитила бѣглаго греческаго принца. Турецкій флотъ, посланный Мухаммедомъ II къ египетскимъ берегамъ, безпокоилъ и опустошалъ острова, особенно Хіосъ, Лесбосъ и Родосъ — мѣстопребываніе ордена св. Іоанна Іерусалимскаго. Аттикою владѣлъ вассалъ Турціи, герцогъ Ренатъ Аччайюоли. Въ Пелопоннезѣ албанцы воевали съ Ѳомой и Димитріемъ Палеологами, владѣвшими большею частью полуострова. Султанъ послалъ на помощь Палеологамъ войско и далъ льготную грамоту, за что они обѣщали ему дань въ 12 тыс: дукатовъ. Но уже въ 1458 году Мухаммедъ нашелъ предлогъ притѣснить

Digitized by Google

ихъ и присоединить Аттику къ своимъ владѣніямъ. Войны альбанцевъ съ Палеологами привлекли въ іюлѣ 1458 турецкія войска въ Пелопоннезъ; турки произвели неслыханныя жестокости и рѣзню, при чемъ истребили и разогнали народонаселеніе цѣлыхъ областей. Палеологи купили миръ цѣною тяжкой дани, но, не смотря на это, удержали за собою весьма немного городовъ, въ томъ числѣ Коринфъ и Гексамилонъ или Истмъ. Они не могли удержаться никакими уступками. Уже въ 1460 Димитрій былъ принужденъ отказаться отъ владѣній и удовольствоваться пенсіей, а Ѳома искалъ спасенія и защиты въ Римѣ. Между тѣмъ Ренатъ Аччайюоли умеръ, и правленіе перешло за малолѣтствомъ его сына къ вдовѣ его. Преступленія этой женщины дали туркамъ поводъ присоединить въ 1458 къ своей имперіи Аттику. Герцогиня любила молодаго и чрезвычайно красиваго венеціанскаго патриція, губернатора Наполи-ди-Романіа и предложила ему свою руку и наслѣдство своего сына съ тѣмъ, чтобы онъ отдѣлался отъ своей жены и женился на герцогинѣ. Молодой человѣкъ согласился; но двоюродный братъ герцога Афинскаго, жившій при турецкомъ дворѣ, упросилъ султана помочь ему наказать ихъ. Преступники были наказаны, и двоюродный братъ герцога овладѣлъ правленіемъ; но турецкій военачальникъ, Тараханъ, двинулся противъ него; Аччайюоли было позволено удалиться со всѣми своими сокровищами въ Ѳивы и Беотію, предоставленную имъ, а Афины съ округомъ были заняты турками.

Въ слѣдующемъ (1459) году была опустошена турками Сербія, главныя города которой такъ счастливо отстаивалъ прежде послѣдній краль Георгій при помощи Гуніада и крестоносцевъ, прибывшихъ изъ Италіи подъ предводительствомъ храбраго монаха, Капистрана. Георгій оставилъ трехъ сыновей. Изъ нихъ двое были ослѣплены своимъ шуриномъ, султаномъ Мурадомъ II; третій сынъ, Лазарь, заплатилъ Мухаммеду II тяжелую дань за право владѣть страной, но умеръ черезъ полтора мѣсяца послѣ своего отца. Вдова его, желая пріобрѣсти дружбу латинскихъ христіанъ, выдала дочь за

наслѣдника Босніи, и папа отдалъ ей въ ленъ владѣнія ея мужа. Это возбудило неудовольствіе сербскихъ бояръ и духовенства, которые призвали турокъ. Мухаммедъ напалъ на страну, взялъ укрѣпленные города и столицу Семендрію, обратилъ въ рабство, по показанію Энея Сильвія, болѣе 200,000 жителей и взамѣнъ ихъ населилъ Сербію магометанскими колонистами. Вдовѣ Лазаря было дозволено переселиться со всѣми своими сокровищами въ Боснію (ноябрь 1459 г.). Боснія еще не испытала турецкаго нашествія, потому что въ слѣдующіе годы султанъ началъ свои походы на азіатскій берегъ Чернаго моря до Арменіи. Онъ покорялъ, истреблялъ и тиранилъ населеніе и грабилъ провинціи и города малой Азіи и острова Эгейскаго моря. Набѣги турокъ простирались за Дунай и Драву въ Штирію и Австрію; Молдавія была опустошена, и разбои производились на итальянскихъ берегахъ.

Валахами управлялъ тогда воевода Владъ, по прозванію Колъ. Султанъ, проѣзжая мимо резиденціи Влада, увидѣлъ огромное мѣсто въ четверть часа въ длину и столько же въ ширину, покрытое скелетами казненныхъ. При этомъ зрѣлищѣ жестокій Мухаммедъ выразилъ удивленіе къ необычайной изобрѣтательности Влада въ выдумываніи казней и мученій; султанъ громко хвалилъ эту изобрѣтательность, какъ великій правительственный талантъ. Въ числѣ казненныхъ на этомъ мѣстѣ было 20,000 турокъ и болгаръ, посаженныхъ на колъ и распятыхъ. По серединѣ на высокомъ колѣ торчалъ трупъ Гассанъ-паши, одѣтый въ шелкъ и пурпуръ. Подлѣ убитыхъ матерей лежали ихъ дѣти, и въ трупахъ ихъ гнѣздились птицы. Мухаммедъ осадилъ валахскаго князя, взялъ его въ плѣнъ и посадилъ вмѣсто него изгнаннаго имъ Радула (1464). Сотни тысячъ людей были убиты по приказанію султана. Самъ же валахскій тиранъ пробылъ 15 лѣтъ въ плѣну. Впослѣдствіи онъ бѣжалъ и снова процарствовалъ два года, но былъ наконецъ убитъ рабомъ.

Въ 1464 г. Мухаммедъ II взялъ островъ Митилене или Лес-

Digitized by Google

босъ. Награбленныя сокровища и плѣнниковъ султанъ употреблялъ на тѣже предпріятія, какъ и всѣ древніе восточные деспоты. Онъ воздвигъ въ короткое время исполинскія сооруженія и построилъ многолюдные города тамъ, гдѣ прежде были деревни. Подобно Димитрію Поліоркету и Птолемеямъ (т. II стр. 458 и 465 и т. III стр. 29), онъ построилъ корабли, которымъ удивлялся весь свѣтъ и которые также негодились въ дѣло, какъ и колоссальныя пушки, отлитыя по его повелѣнію. Онъ приказалъ выстроить между прочимъ корабль въ 3,000 тоннъ, вѣроятно чтобы не отстать отъ арагонско-неаполитанскаго короля, выстроившаго корабль въ 4,000 тоннъ и отъ трапезундцевъ, имѣвшихъ судно въ 900 тоннъ.

Мухаммедъ только въ 1465 началъ помышлять о совершенномъ покореніи Босніи. За годъ до этого онъ потребовалъ отъ боснійскаго царя признанія верховной власти султана и платежа дани; но царь съ презрѣніемъ отвергъ это требованіе. Мухаммедъ двинулся противъ него; царь и его племянникъ не имѣли войскъ, которыя бы могли противиться турецкой арміи въ открытомъ полѣ. Но они могли долго защищаться въ укрѣпленныхъ и недоступныхъ мѣстахъ. Визирь обѣщалъ дозволить имъ и ихъ родственникамъ удалиться со всѣми своими сокровищами, если они сдадутъ крѣпости. Они приняли предложеніе, но удержали многіе важные города и даже вторую по значенію крѣпость страны. Турки никогда не исполняли обѣщаній, данныхъ невѣрнымъ и даже особенно преслѣдовали тѣхъ, кому что нибудь обѣщали. Такимъ образомъ императоры трапезундскіе, герцоги Аѳинскій и Митиленскій были вѣроломно умерщвлены. Но въ Босніи султанъ, повидимому, намѣревался сдержать обѣщанія визиря, данныя къ крайнему его неудовольствію; въ дѣйствительности же оказалось, что онъ хотѣлъ лишь обмануть князей Константина, Ковача и Павла. Имъ были обѣщаны города и владѣнія въ другихъ мѣстностяхъ, вслѣдствіе чего они явились въ турецкій лагерь и сдали свои крѣпости, но вслѣдъ затѣмъ всѣ трое, а так-

Digitized by Google

же самъ царь и его племянникъ, были схвачены и заключены въ тюрьму. Босняковъ, какъ и албанцевъ, забрали въ войско Мухаммеда. Тридцать тысячъ мальчиковъ были отняты у родителей, обращены въ исламъ и отданы въ янычары.

Въ Пелопоннезѣ, на берегахъ Адріатическаго моря и въ горахъ Албаніи шла между тѣмъ продолжительная война, и турки почти постоянно тревожили венеціанцевъ съ моря и съ суши. Венеціанцы защищали Скутари, а албанецъ Скандербегъ много лѣтъ отстаивалъ противъ всѣхъ турецкихъ силъ Крою, лежащую въ горахъ. Албанскій князь и многіе венеціанскіе патриціи пріобрѣли въ этой войнѣ славу и выгоды, защищая свою вѣру. Исторія албанской войны полна романическихъ эпизодовъ. Скандербегъ отражалъ всѣ аттаки Мухаммеда, и маленькая Кроя держалась противъ завоевателя Константинополя до самой смерти Скандербега (1466). Венеціанцы съ такимъ же успѣхомъ защищали Негропонтъ или Эвбею до 1470 г. и нѣсколько разъ отражали турокъ отъ Скутари. Сосѣднія европейскія земли до Штиріи и Австріи подвергались почти ежегодно разбойничьимъ набѣгамъ небольшихъ отрядовъ; главныя силы султана были заняты сначала завоеваніемъ Малой Азіи, потомъ покореніемъ туркменовъ на Евфратѣ и Тигрѣ и разрушеніемъ караманскаго царства въ сѣверной Сиріи. Въ Месопотаміи, въ Діарбекирѣ и въ восточной части Малой Азіи или Каппадокіи жили со временъ Чингисъ-хана туркмены. Они раздѣлялись на двѣ орды, извѣстныя подъ страннымъ названіемъ ордъ Бѣлаго и Чернаго Барана. Монголы, вторгнувшись въ ихъ страну подъ предводительствомъ Тимура или Тамерлана, нанесли имъ жестокія пораженія; но по уходѣ монголовъ туркмены воспользовались завоеваніями Тимура. При Мухаммедѣ II ханомъ орды Бѣлаго Барана былъ Усунъ-Гассанъ (т. е. длинный или большой Гассанъ), подчинившій орду Чернаго Барана. Мухаммедъ уже имѣлъ столкновеніе съ этимъ ханомъ во время своего похода на Трапезунтъ, потому что Усунъ-Гассанъ требовалъ отъ него дани, ко-

Digitized by Google

торую ему платили трапезунтскіе императоры. Ссору эту прекратила мать Усунъ-Гассана, Сара, происходившая вѣроятно, подобно своей бабкѣ, изъ рода Комненовъ. Впослѣдствіи Усунъ-Гассанъ, царствовавшій отъ Хорасана до Карамана, далъ убѣжище изгнаннымъ Мухаммедомъ князьямъ Кастамуни и Карамана, что возбудило между нимъ и султаномъ весьма грубую переписку и наконецъ (1473) войну. Мухаммедъ послалъ противъ Усунъ-Гассана, стоявшаго на Евфратѣ, сильное войско подъ начальствомъ своихъ лучшихъ полководцевъ; но войско это было разбито, и онъ былъ принужденъ отправиться лично. Въ іюлѣ 1473 онъ сразился съ ханомъ при Теодшанѣ; въ сраженіи этомъ султанъ со своими сыновьями лично предводительствовалъ османами, а Усунъ-Гассанъ и его сыновья командовали соединенными силами туркменовъ Бѣлаго и Чернаго Барановъ. Туркмены были совершенно разбиты. Мухаммедъ удовольствовался славою побѣды и завоеваніемъ одной пограничной области, не потревоживъ непріятельскія крѣпости. Усунъ-Гассанъ вскорѣ встрѣтилъ новыхъ враговъ въ своемъ собственномъ семействѣ и въ Шахѣ-Измаилѣ, основателѣ новой персидской династіи Софи. Семь сыновей и семь внуковъ Усунъ-Гассана лишились жизни въ междоусобной войнѣ. Въ 1500 году Шахъ-Измаилъ увѣдомилъ его о своемъ восшествіи на престолъ. Измаилъ былъ внукъ одного персидскаго шейха, которому покровительствовалъ Усунъ-Гассанъ; во время войнъ сыновей и внуковъ хана, онъ основалъ въ Персіи царство, господствовалъ съ 1514 г. въ Гамаданѣ и Діарбекирѣ и имѣлъ резиденцію въ Тавризѣ; въ царствованіе султана Селима I турки овладѣли его столицею. Побѣдивъ Усунъ-Гассана, Мухаммедъ направился противъ Кастамуни и Карамана и, покоривъ эти области, сдѣлалъ своего сына, Джема, намѣстникомъ караманскимъ. Въ это время въ Европѣ турецкіе отряды производили набѣги на Кроацію, Крайнъ, Каринтію, Штирію, Славонію и Венгрію, раззоряли огнемъ и мечемъ города и земли и отсылали рабовъ, награбленное имущество и мѣшки, наполненные го-

Digitized by Google

ловами и ушами, въ Константинополь, гдѣ за это давалась награда.

Послѣ побѣдоносныхъ предпріятій султана въ Азіи и въ Европѣ, намѣстникъ его въ Румеліи, Солиманъ, задумалъ выгнать венеціанцевъ изъ Скутари. Въ 1474 г. онъ явился подъ этимъ городомъ, гдѣ гарнизономъ командовалъ Антоніо Лоредано; паша повелъ всѣ свои войска на приступъ, продолжавшійся 8 часовъ; турки уже взобрались на стѣны, но были отбиты съ потерей 7,000 человѣкъ. Послѣ того паша долго стоялъ съ своимъ войскомъ подъ городомъ, не рѣшаясь повторять нападеніе и наконецъ отступилъ, когда турецкій флотъ былъ разбитъ у береговъ венеціанскимъ. Затѣмъ Солиманъ предпринялъ набѣгъ въ окрестности Крои, гдѣ забралъ болѣе 20,000 плѣнныхъ; въ это время ему представилась возможность сдѣлать завоеванія въ Молдавіи и на Черномъ морѣ. Молдавскій князь Петръ Ааронъ добровольно обязался платить султану дань; онъ доставлялъ ее исправно въ теченіе 18 лѣтъ и всегда привозилъ ее самъ. Но наслѣдникъ его, Стефанъ, пересталъ платить дань или по крайней мѣрѣ не хотѣлъ возить ее лично.

Въ концѣ 1474 г. Солиманъ двинулся противъ него съ 100 тыс. войскомъ. Стефанъ имѣлъ смѣлость выступить противъ турокъ съ войскомъ, состоявшимъ изъ 40,000 плохо вооруженныхъ и нестройныхъ молдаванскихъ мужиковъ, 5,000 венгерскихъ солдатъ и 2,000 поляковъ. 17 января 1475 г. (а не 1474, какъ говоритъ Сисмонди) Стефанъ далъ туркамъ сраженіе при Раковичскомъ озерѣ, близь рѣки Берады и одержалъ полную и столь неожиданную побѣду, что ее приписывали непосредственной и чудесной помощи Божіей. Изъ турецкаго войска спаслась ничтожная часть; лошади погибли въ сраженіи и перемерли отъ жестокаго мороза; солдаты частью пали на полѣ битвы, частью утонули въ Дунаѣ; нѣкоторые добрались въ жалкомъ видѣ до Валахіи, гдѣ Стефанъ велѣлъ истребить все, что могло служить имъ пищей или защитой отъ

непогоды. Четыре паши были убиты и взято сто знаменъ. Стефанъ послалъ польскому королю Казиміру четырехъ предводителей и 36 знаменъ и отправилъ другіе трофеи Матфію Корвину и папѣ Сиксту IV.

Вмѣсто того, чтобы продолжать походъ протихъ Молдавіи, гдѣ уже почти нечего было грабить, султанъ послалъ свой флотъ еще въ томъ же году въ Черное море, чтобы взять генуэзскія факторіи, особенно Каффу, главный складъ генуэзской торговли, простиравшейся отъ Крыма до Китая. Между тѣмъ война съ венеціанцами на время прекратилась, хотя мира не было заключено. Турки подошли къ Каффѣ и въ началѣ іюня 1475 бомбардировали ее въ теченіи трехъ дней; армяне и генуэзцы были въ ссорѣ между собою изъ за торговыхъ интересовъ, и первые согласились на сдачу города. Вслѣдствіе этого богатѣйшій городъ на Черномъ морѣ былъ взятъ турками на четвертый день осады. Они отплатили, какъ мы ниже увидимъ, армянскимъ измѣнникамъ за измѣну убійствами и грабежами. 40,000 жителей были переселены въ Константинополь; 1,500 генуэзскихъ мальчиковъ должны были отрѣчься отъ своей вѣры и поступить въ янычары; добыча была несмѣтна и состояла преимущественно изъ шелковыхъ товаровъ. Азовъ, называвшійся въ то время Тана, и другіе укрѣпленные города сдались безъ сопротивленія, и татарское царство, находившееся въ этихъ странахъ, было подчинено османамъ. Въ Крыму, въ Кипчакѣ, т. е. въ Оренбургѣ, Астрахани и въ Казани со времени смерти Чингисхана царствовали татарскіе ханы; родственники ихъ со времени внука Чингисхана, покорившаго Кипчакъ, Крымъ и большую часть Россіи, постоянно воевали между собой. Послѣднія распри принудили претендента на крымское ханство, Менгли-Гирея, бѣжать въ Каффу. Когда турки покорили Каффу, Менгли-Гирей, члены генуэзскаго правительства, армянскіе дворяне и военачальники, предавшіе Каффу, были отправлены въ Константинополь. Здѣсь Мухаммедъ велѣлъ всѣхъ ихъ казнить; Менгли-Гирей уже

свершилъ послѣднюю молитву и два послѣднихъ земныхъ поклона и ожидалъ смерти; но султанъ передумалъ. Нѣкто Энунекбегъ, при помощи котораго Менгли-Гирей предъ изгнаніемъ своимъ владѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ Крымомъ, просилъ отъ имени всего царства о возвращеніи Менгли-Гирея и о назначеніи его ханомъ Крыма. Султанъ счелъ, что исполнить эту просьбу будетъ лучшимъ средствомъ для подчиненія татаръ южной Россіи; поэтому Менгли-Гирей былъ помилованъ, получилъ знамя и бунчукъ и съ турецкимъ отрядомъ отправился въ Крымъ, чтобы водвориться на престолъ въ качествѣ турецкаго вассала.

Въ іюлѣ 1476 г. султанъ отмстилъ за раковичское пораженіе. Онъ разбилъ молдаванъ подъ предводительствомъ Стефана въ Бѣлой Долинѣ и на мѣстѣ битвы воздвигъ цѣлыя пирамиды человѣческихъ череповъ. Самъ Стефанъ спасся, и крѣпости его удержались противъ свирѣпствовавшихъ турокъ. Мухаммедъ произвелъ нападеніе на Венгрію и Польшу и вторично раззорилъ Крайнъ и Далмацію, гдѣ опустошилъ многія селенія и забралъ тысячи плѣнныхъ.

Черезъ полтора года по прекращеніи военныхъ дѣйствій турки возобновили войну съ венеціанцами, которые вели войну на берегу и въ горахъ Албаніи съ тѣмъ спартанскимъ мужествомъ и стойкостью, которыми отличались ихъ патриціи. Проведиторъ Франческо Контарини одержалъ въ сентябрѣ 1477 г. побѣду надъ турецкимъ войскомъ, осаждавшимъ Крою. Турки однако не сняли осады и черезъ мѣсяцъ послѣ побѣды Контарини напали даже на Верхнюю Италію. Они опустошили всю страну по Тальяменте, Піаве и Изонцо; венеціанцы могли видѣть съ своихъ колоколенъ цѣлое море пламени. Турки не хотѣли и не могли утвердиться въ Италіи тѣмъ болѣе, что рѣшились завоевать Крою и Скутари. Въ январѣ 1478 венеціанцы наконецъ приняли на весьма тяжелыхъ условіяхъ предложенный имъ миръ, потому что вся тягость войны лежала на нихъ, такъ какъ короли неаполитанскій, венгерскій и польскій были

въ сдѣлкѣ съ турками. Султанъ требовалъ очищенія Крои, Сталамина или Лемноса, Майны въ Пелопоннезѣ, уступки всѣхъ городовъ, покоренныхъ въ послѣднюю войну и уплаты 100,000 дукатовъ. Венеціанцы были согласны на это; но къ несчастію посланникъ, отправленный въ январѣ 1478 г. въ Константинополь, не имѣлъ полномочія согласиться сверхъ того на платежъ ежегодной дани въ 12,000 дукатовъ. Поэтому онъ долженъ былъ вернуться въ Венецію; въ маѣ онъ снова отправился въ Константинополь, такъ какъ сенатъ согласился на дань, но встрѣтилъ султана со всѣмъ войскомъ на пути въ Албанію. Мухаммедъ, кромѣ прежнихъ условій, потребовалъ Скутари.

Городъ Кроя, осаждаемый цѣлый годъ и совершенно истомленный голодомъ, сдался 15 іюня 1478 г. Турки обѣщали его храбрымъ защитникамъ свободный пропускъ; но, проводивъ ихъ до равнины, они заключили важнѣйшихъ лицъ въ оковы, а остальныхъ убили. Въ Скутари (Скодра) венеціанцы защищались съ такимъ же мужествомъ, какъ и прежде, которое удивило всю Европу. Разумѣется, судьба защитниковъ и гражданъ Крои должна была устрашить гарнизонъ Скутари и заставить его не соглашаться на капитуляцію. Мужество жителей Скутари было впослѣдствіи прославлено поэтами и ораторами, и одинъ венеціанецъ, сочинявшій стихи по латыни, эпически описалъ защиту Скутари, какъ Гомеръ десятилѣтнюю осаду Трои. Здѣсь неумѣстно описывать подробно всѣ усилія осажданшихъ, ихъ громадныя приготовленія, колоссальныя орудія и метательныя машины, изъ которыхъ они бросали въ городъ горючіе снаряды, равно какъ и дѣйствія осажденныхъ; замѣтимъ только, что турки съ іюля по сентябрь дважды ходили на приступъ и были оба раза отбиты. Но когда въ половинѣ сентября 1478 г. лишенія осажденныхъ дошли до высшей степени и имъ не оставалось никакихъ средствъ къ спасенію, начальникъ ихъ получилъ извѣстіе, что венеціанскій посланникъ находится на пути въ Константинополь, чтобы купить миръ согласіемъ на

требованія турокъ. Герои-защитники продержались еще цѣлый мѣсяцъ и сдались только тогда, когда положительно узнали, что миръ заключенъ. Главнымъ условіемъ мира была уступка Скутари съ тѣмъ, что жители города или останутся спокойно подъ турецкимъ владычествомъ или могутъ удалиться съ своимъ имуществомъ. Они выбрали послѣднее, но, наученные примѣромъ Крои, обезпечили свою жизнь и свободу, взявъ заложниковъ. Городъ Алессіо, гдѣ умеръ Скандербегъ, былъ также не за долго до того взятъ турками. Овладѣвъ имъ, они взяли кости Скандербега, которыя почитали какъ мощи и раздѣлили ихъ между собою по маленькимъ кусочкамъ, считая ихъ побѣднымъ талисманомъ.

Миръ съ Венеціей былъ подписанъ въ Константинополѣ 26 января 1479. Договоръ оказался выгоднѣе, чѣмъ ожидали, потому что Скутари палъ до заключенія мира. Укрѣпленія достались туркамъ, но гарнизонъ, артиллерія и военные запасы остались за Венеціей. Кромѣ того республика уплатила только 100 тысячъ дукатовъ, хотя турки требовали прежде 150 тысячъ. Венеціанцамъ было возвращено все, чѣмъ они владѣли въ Албаніи, Мореѣ и Далмаціи, исключая Крои и Скутари; республика получила право держать въ Константинополѣ уполномоченнаго (Bailo), который въ тоже время имѣлъ гражданскую судебную власть надъ своими соотечественниками. Венеціанцы должны были уплачивать 10,000 дукатовъ въ видѣ пошлины за ввозимые ими товары. Война, которую Венеція вела съ небольшими промежутками 16 лѣтъ съ всемірнымъ завоевателемъ, кончилась для нея славно. Изъ числа войнъ и разбойничьихъ набѣговъ, которые предпринималъ Мухаммедъ послѣ мира съ Венеціей, заслуживаетъ вниманія его нападеніе на островъ Родосъ. Орденъ Іоанна Іерусалимскаго, владѣвшій этимъ островомъ и состоявшій преимущественно изъ французовъ, итальянцевъ и испанцевъ, не хотѣлъ подчиниться туркамъ и платить дань, на которую сначала согласился. Въ

Digitized by Google

1479 турки заключили съ орденомъ миръ на два года, вѣроятно съ цѣлью усыпить его бдительность и желая напасть на него внезапно. Но великій магистръ не дался въ обманъ. Онъ зналъ, что эти дикіе разбойники не соблюдаютъ обѣщаній и клятвъ, и потому заключилъ договоръ съ тунисскимъ беемъ и съ султаномъ египетскихъ мамелюковъ, военному государству котораго Мухаммедъ также угрожалъ; они обязались снабдить островъ Родосъ необходимыми запасами; затѣмъ магистръ немедленно приступилъ къ военнымъ приготовленіямъ, какъ будто турки уже стояли подъ стѣнами. Дѣйствительно, несмотря на миръ, заключенный осенью 1479, въ маѣ слѣдующаго года подъ Родосомъ явился флотъ изъ 160 большихъ и малыхъ судовъ, высадившій громадное войско, которымъ къ счастію рыцарей командовалъ алчный Муси-паша. Турецкое войско простиралось до 100,000 человѣкъ, и невозможно было противиться ихъ артиллеріи. У нихъ было 16 пушекъ колоссальнаго размѣра въ 18 футовъ длины каждая, стрѣлявшія ядрами въ 9—11 четвертей.

Цѣль нашего сочиненія не позволяетъ намъ разсказывать подробно о трехмѣсячной осадѣ главнаго города и о геройскихъ подвигахъ рыцарей и ихъ гросмейстера; судьба благопріятствовала рыцарямъ, такъ что они приписывали свои успѣхи заступничеству Богородицы. Три ренегата, нѣмецъ и два грека, указали туркамъ всѣ слабыя стороны укрѣпленій и совѣтовали имъ предпринять аттаку, обѣщая руководить ею и увѣряя, что они найдутъ въ городѣ приверженцевъ. Измѣнники греки были убиты при первомъ нападеніи, а нѣмецъ возвратился къ рыцарямъ, увѣряя, что раскаивается въ ренегатствѣ, но былъ пойманъ на вторичной измѣнѣ, подвергнутъ пыткѣ и казненъ. Послѣ перваго неудачнаго штурма 19 іюня 1480 турки произвели 28 іюля вторую аттаку, причемъ рыцарей спасла алчность Муси-паши. Турки уже взобрались на валъ и готовились проникнуть въ городъ, но вдругъ отступи-

ли. Современныя хроники разсказываютъ, что въ рѣшительную минуту въ облакахъ явился золотой крестъ и что Богородица, вооруженная щитомъ и копьемъ и окруженная небесными воинами, сражаясь въ рядахъ рыцарей, обратила турокъ въ бѣгство. По разсказу турокъ, часть осаждающихъ уже проникла въ городъ, какъ вдругъ Муси-паша объявилъ, что вся добыча принадлежитъ султану и ему; услышавъ это, солдаты не хотѣли даромъ подвергать себя опасности. Послѣ втораго неудачнаго приступа турецкое войско сѣло на корабли и отплыло. По словамъ Гаммеръ-Пургсталя, которому мы слѣдуемъ, турецкое войско потерпѣло страшныя потери; въ теченіе трехъ мѣсяцевъ было убито 9,000 человѣкъ и 15,000 ранено. По прибытіи въ Константинополь Муси-паша былъ разжалованъ султаномъ.

Вслѣдъ за тѣмъ Мухаммедъ отправился съ войскомъ въ Азію, хотя уже былъ болѣнъ. Онъ умеръ 6 мая 1481 года. Ему наслѣдовалъ старшій сынъ его Баязетъ II, царствовавшій до 1512 года. Новый султанъ, подобно своему отцу (т. XI, стр. 111), долженъ былъ купить престолъ у янычаръ, какъ покупали римскіе императоры имперію у преторіанцевъ. Этотъ вредный обычай существовалъ до 1774 года. Кромѣ того Баязетъ II долженъ былъ простить своевольнымъ солдатамъ разграбленіе богатыхъ людей, особенно евреевъ и убійство великаго визиря, совершенныя ими по возвращеніи изъ Азіи при извѣстіи о смерти Мухаммеда. Братъ Баязета, Джемъ, дважды пытался отнять у него престолъ, но потерпѣлъ неудачу. Дальнѣйшая судьба несчастнаго Джема, похожая на трагическій романъ, была разсказана выше (т. XI, стр. 111—19).

Такъ какъ для нашей цѣли въ турецкой исторіи важно только то, что необходимо для пониманія всеобщей исторіи, то мы прямо перейдемъ къ двумъ послѣднимъ годамъ царствованія Баязета II. Въ царствованіе Баязета рѣзко выяснилась сущность султанской власти. Событія, случившіяся при немъ, показали, что янычары могутъ располагать государствомъ, оль и

только тотъ государь можетъ владѣть престоломъ, который удовлетворяетъ ихъ жаждѣ грабежа, и столь же кровожаденъ, какъ они; что государству грозитъ погибель, если между сыновьями султана нѣтъ тирана, способнаго быть повелителемъ этой дикой орды. Баязетъ имѣлъ четырехъ сыновей. Онъ всѣмъ имъ далъ по намѣстничеству, что по смерти его должно было повести къ усобицамъ, такъ какъ у турокъ было обыкновеніе казнить братьевъ султана; понятно, что они готовы были рѣшиться на все, чтобы спасти свою жизнь. Но на этотъ разъ междоусобіе началось еще при жизни отца. Султанъ лишилъ права на престолъ своего старшаго сына, вскорѣ умершаго и втораго, Коркуда, принца образованнаго, ученаго и изнѣженнаго. Наслѣдникомъ былъ назначенъ третій сынъ, Ахмедъ. Но ужасными качествами, необходимыми для правителя турокъ, отличался не Ахмедъ, а четвертый сынъ, Селимъ. Ученый богословъ и поэтъ, Селимъ былъ еще болѣе безчеловѣченъ, кровожаденъ и вѣроломенъ, чѣмъ его дѣдъ, Мухаммедъ II. Селимъ получилъ трапезундское намѣстничество, не представлявшее никакой возможности быстро воспользоваться смертію отца и дѣлать набѣги за границу. Онъ съ угрозами потребовалъ отъ отца санджакъ въ Румеліи или по крайней мѣрѣ права посѣщать отца. Получивъ отказъ, онъ отправился къ своему сыну Солиману, которому Баязетъ далъ намѣстничество въ Крыму. Съ войсками Солимана и съ небольшимъ отрядомъ татаръ, навербованнымъ съ разрѣшенія хана, Селимъ вторгнулся къ черкесамъ и дѣлалъ другіе набѣги. Онъ пытался даже внезапно напасть съ своимъ незначительнымъ войскомъ на отца. Но попытка не удалась, и султанъ расположился лагеремъ противъ сына при Адріанополѣ. Но, благодаря стараніямъ беглербега румелійскаго, между ними былъ заключенъ миръ. Баязетъ хотя не допустилъ сына къ себѣ, но согласился исполнить его главныя требованія. Селимъ получилъ вмѣсто намѣстничества въ Азіи Семендрію, Виддинъ и Аладжагисаръ и бо-

Digitized by Google

гатые подарки; сверхъ того отецъ обѣщалъ не отдавать престолъ при жизни своей миролюбивому и изнѣженному Ахмеду. Селимъ предпринялъ походъ къ Адріанополю главнымъ образомъ потому, что опасался отрѣченія отца въ пользу Ахмеда. Баязетъ и Селимъ мирно разстались. Но Селимъ справедливо не довѣрялъ отцу, который чрезвычайно любилъ Ахмеда и обѣщалъ визирю, Али-пашѣ, все, чего тотъ захочетъ, если онъ доставитъ государство Ахмеду. Селимъ отправился въ Семендрію, но на пути узналъ, что Ахмедъ принялъ титулъ султана и что старшій братъ, Коркудъ, спѣшитъ изъ своего намѣстничества, чтобы поддержать свои права оружіемъ; это побудило его воротиться. Дорогой на Коркуда напали шіиты, т. е. магометанскіе еретики (т. V, стр. 58), и ограбили его; Ахмедъ имѣлъ въ Константинополѣ много приверженцевъ, въ томъ числѣ великаго визиря. Селимъ овладѣлъ Адріанополемъ, произвелъ (іюня 1511 г.) нѣчто въ родѣ революціи, а именно отворилъ тюрьмы, забралъ всѣ казенныя деньги и смѣнилъ должностныхъ лицъ. Затѣмъ онъ приготовился идти на Константинополь, такъ что отецъ былъ вынужденъ выступить противъ него съ войскомъ. Между Константинополемъ и Адринополемъ при Чорли Баязетъ встрѣтился съ сыномъ и нанесъ ему пораженіе. Войско Селима, состоявшее большею частью изъ татаръ, потеряло до тысячи человѣкъ убитыми; остальные были разсѣяны. Самъ Селимъ съ трудомъ достигъ морскаго берега. Онъ отправился снова въ Крымъ, гдѣ былъ дружески принятъ своимъ тестемъ, Татаръ-ханомъ. Вскорѣ недовольные призвали Селима въ Константинополь, и онъ отправился, получивъ помощь отъ хана.

Мы уже сказали, что Коркудъ ѣхалъ въ Прузу съ цѣлью оспаривать престолъ у брата, но дорогой былъ ограбленъ разбойничьими шайками. Эти шайки производили страшные разбои въ турецкихъ владѣніяхъ. Предводитель ихъ называлъ себя Шахъ-Кули, т. е. рабъ персидскаго шаха, а турки звали его

Шайтанъ-Кули, т. е. рабъ дьявола. Ограбивъ Коркуда, разбойники пошли противъ Ахмеда; визирь Али-паша вышелъ имъ на встрѣчу и разбилъ ихъ; въ этомъ сраженіи были убиты самъ визирь и Шахъ-Кули. Когда такимъ образомъ Ахмедъ лишился своего защитника, янычары, жаждавшіе разбоевъ, добычи, убійствъ и пожаровъ, обратили свои надежды на Селима, старшіе братья котораго не отличались воинственностью. Въ августѣ 1511 янычары совершали въ Константинополѣ въ глазахъ Баязета грабежи и поджоги, а въ Азіи Ахметъ велъ войну съ мятежниками и съ своими племянниками и родственниками. Эти факты доказываютъ, что приверженцы Селима были правы, утверждая, что только онъ могъ поддерживать могущество Турціи тѣми же средствами, какими оно было основано. Селима увѣдомили, чтобы онъ прибылъ въ Константинополь; и такъ какъ кромѣ того самъ Баязетъ звалъ его къ себѣ, то въ январѣ 1512 онъ выѣхалъ изъ Крыма въ сопровожденіи 3,000 чел. конницы, изъ которыхъ половина были татары. Въ мартѣ янычары потребовали отъ Баязета, чтобы онъ назначилъ Селима ихъ предводителемъ и отправилъ въ Азію, гдѣ Ахмедъ игралъ роль султана. Старый, слабый Баязетъ уступилъ требованію. Вслѣдствіе этого янычаръ-ага отправился на встрѣчу Селиму, и 19 апрѣля 1512 онъ торжественно въѣхалъ въ Константинополь. Отецъ былъ принужденъ покориться сыну.

25 апрѣля Селимъ I принялъ правленіе, и Баязетъ долженъ былъ отправиться въ Демотику, назначенную ему мѣстомъ жительства. Но онъ не доѣхалъ и умеръ на пути 25 мая. Говорятъ, что онъ былъ отравленъ своимъ врачемъ, евреемъ; мнѣніе это раздѣляютъ многіе, и даже Гаммеръ находитъ его вѣроятнымъ. Мы не придаемъ значенія этому факту, потому что въ жизни такого ужаснаго злодѣя, какъ Селимъ, одна или сотня жестокостей болѣе или менѣе ничего не значитъ. Въ первый же годъ своего царствованія (съ мая 1512 по май

1513) Селимъ пролилъ цѣлые потоки невинной крови. Братья его, Коркудъ и Ахмедъ, и великій визирь его отца были умерщвлены; кромѣ того въ его присутствіи были убиты не только сыновья этихъ братьевъ, но и сыновья умершаго старшаго брата. Селимъ не пощадилъ даже семилѣтняго мальчика, который трогательно просилъ его о жизни. 14 апрѣля Ахмедъ одержалъ побѣду надъ войсками Селима, и современники увѣряютъ, что, еслибы онъ успѣлъ воспользоваться ею, то удержалъ бы за собою престолъ; но онъ промедлилъ 8 дней, и это погубило его. Селимъ быстро собралъ свои войска и, получивъ татарскія подкрѣпленія, одержалъ чрезъ десять дней рѣшительную побѣду. Ахмедъ былъ взятъ въ плѣнъ. Тщетно просилъ онъ у брата личнаго свиданія. Синанъ-ага, который казнилъ старшаго брата, Коркуда, отрубилъ по приказанію Селима голову Ахмеда.

2. Селимъ I.

Со времени Селима I и до конца XVIII столѣтія исторія Венгріи связана съ исторіей Австріи. Мы будемъ продолжать исторію Венгріи и Богеміи, вкратцѣ разсказовъ важнѣйшія событія непродолжительнаго царствованія Селима (1512—1520). Читатели увидятъ, какъ страшны были полчища, грозившія Германіи при Карлѣ V; они поймутъ, почему имя Селима стало такъ грозно и почему этотъ султанъ заслуживаетъ занять мѣсто на ряду съ Тимуромъ и другими злодѣями, губившими людей тысячами.

По возвращеніи изъ Азіи въ Константинополь Селимъ I отправилъ на тотъ свѣтъ двухъ братьевъ, пять племянниковъ и всѣхъ, кто былъ съ ними въ Азіи; но противъ обыкновенія онъ былъ очень ласковъ съ венгерскими, молдаванскими, валахскими, венеціанскими и русскими послами. При немъ враж-

дебныя дѣйствія съ Венгріей ограничивались обоюдными набѣгами и грабежами. Селимъ намѣревался прежде всего начать войну съ персидскимъ шахомъ, главою шіитовъ или еретиковъ и присоединить къ своему государству Діарбекиръ, Курдистанъ и Месопотамію. Въ Персіи царствовалъ тогда основатель династіи Софи, Шахъ Измаилъ. Онъ былъ, подобно Селиму, завоеватель. Въ свое четырнадцатилѣтнее правленіе онъ покорилъ 14 провинцій и казнилъ владѣтелей ихъ — шаха Ширваискаго, шаха Мазандеранскаго, хана орды Бѣлаго и Чернаго Бараиовъ (стр. 80), владѣтелей Сулькаде, Шейбека и великаго хана узбековъ. Онъ имѣлъ много поводовъ къ войнѣ съ султаномъ османовъ. Онъ вторгнулся въ Малую Азію и принялъ подъ свою защиту двухъ сыновей Ахмеда, отданныхъ ему отцемъ въ заложники, и третьяго сына Ахмеда, Мурада, бѣжавшаго къ нему послѣ убійства своего отца; кромѣ того султанъ Селимъ и турки ненавидѣли его, какъ главу еретиковъ. Важность послѣдняго обстоятельства, видна между прочимъ изъ того, что Селимъ, чтобы не допустить въ своихъ владѣніяхъ распространенія шіитства, велѣлъ передъ походомъ въ Азію произвести нѣчто въ родѣ вифлеемскаго избіенія. Онъ приказалъ переписать въ каждомъ пашалыкѣ всѣхъ шіитовъ мужескаго пола отъ 7 до 70 лѣтъ и потомъ перебить ихъ всѣхъ сразу числомъ до 40,000.

Послѣ грубой переписки съ шахомъ, султанъ въ маѣ 1514 повелъ всѣ турецкія силы въ Малую Азію. Въ Сивашѣ Селимъ сдѣлалъ въ іюнѣ 1514 смотръ своимъ войскамъ, причемъ оказалось, что вся османская кавалерія погибла отъ усиленнаго похода и отъ страданій въ пустынной мѣстности. Однако Селимъ продолжалъ походъ, хотя у персовъ была превосходная конница; онъ разсчитывалъ на курдовъ, которые были сунниты; кромѣ того онъ зналъ, что у персовъ нѣтъ ни ружей, ни пушекъ, тогда какъ турецкое войско имѣло сильную артиллерію. Онъ двинулся прямо на Тавризъ, резиденцію пер-

Digitized by Google

сидскаго шаха и одержалъ 23 августа 1514 г. рѣшительную побѣду при Чальдиранѣ. Затѣмъ онъ завоевалъ укрѣпленный городъ Діарбекиръ (Амидъ) и самый Тавризъ. Селимъ находилъ неудобнымъ остаться на зиму въ суровыхъ горахъ этой возвышенной мѣстности тѣмъ болѣе, что янычары роптали, а всякій деспотъ—рабъ своихъ солдатъ. Онъ провелъ большую часть зимы въ Амазіи. На пути изъ Тавриза въ Амазію онъ и его янычары притѣсняли жителей страны; при этомъ, если солдаты принимались черезъ мѣру неистовствовать, Селимъ приказывалъ казнить нѣсколькихъ министровъ и чиновниковъ, какъ будто бы они были виноваты въ этомъ. Самъ онъ свирѣпствовалъ, не разбирая друга и недруга, велѣлъ заключить въ темницу пословъ шаха, присланныхъ съ мирными предложеніями и выставилъ на стѣнахъ Амазіи множество присланныхъ ему венгерскихъ головъ. Вскорѣ султанъ вернулся въ Адріанополь, гдѣ началъ готовиться къ войнѣ противъ другаго врага, предоставивъ персидскую войну своимъ полководцамъ.

Между тѣмъ шахъ Измаилъ собралъ новое войско, возвратился въ Тавризъ и осадилъ Діарбекиръ, храбро обороняемый курдами. Персидскія войска, не имѣвшія огнестрѣльнаго оружія, тщетно осаждали городъ цѣлый годъ, пока не пришла турецкая армія, которой было предписано проникнуть дальше къ Евфрату. Персами командовалъ зять Измаила, Кара-Ханъ. Полагаясь на свою превосходную кавалерію, онъ безразсудно вывелъ свои войска противъ ружей янычаръ и хорошей артиллеріи, искусно управляемой греками и славянами. Онъ былъ разбитъ близь города Коджхиссара, войска его совершенно разсѣяны, а самъ онъ убитъ пулею. Его пораженіе отдало въ руки турокъ города на Тигрѣ, и османы покорили всю провинцію Діарбекиръ и города Низибинъ (главный городъ Месопотаміи), Дару, Маяфарекинъ, Роху, Раку, Мосуль и другіе. Весь Курдистанъ былъ присоединенъ къ турецкимъ владѣніямъ, но сохранилъ свою самостоятельность, потому что курдскіе шейхи

Digitized by Google

удержали свои нагорные замки и продолжали пользоваться своимъ значеніемъ.

Новыя намѣстничества, Діарбекиръ, Орфа и Мосуль, привели османскую имперію въ непосредственное соприкосновеніе съ египетскимъ царствомъ. Въ Египтѣ со временъ послѣдняго крестоваго похода существовало военное государство мамелюковъ (т. VII, 193). Сперва тамъ господствовали багериды или морскіе мамелюки, потомки храбраго предводителя, которые назывались по имени Багера, его дворца на Нилѣ; потомъ черкесскіе мамелюки. У послѣднихъ престолъ былъ избирательный, а право избранія султана принадлежало 24 тѣлохранителямъ, бегамъ или беямъ. Эти беги занимали высшія мѣста и должности и были почетнѣйшими изъ солдатъ гвардіи, состоявшихъ изъ невольниковъ, выведенныхъ изъ Черкесіи и первоначально купленныхъ однимъ изъ беговъ для своей собственной службы. За ними слѣдовали рабы, приведенные въ Египетъ изъ Африки и принятые въ армію; остальная часть войска состояла изъ сброда наемниковъ. Египетскимъ султаномъ былъ въ то время 80-лѣтній Кансу-Гаври, царствовавшій 60 лѣтъ. Въ 1515 Селимъ началъ готовиться въ Адріанополѣ къ походу противъ него; походъ этотъ имѣлъ цѣлью доставить султану титулъ защитника святыхъ городовъ Мекки и Медины и право охраненія богомольцевъ, отправляющихся туда на поклоненіе святынѣ.

Сперва Селимъ хотѣлъ ограничиться завоеваніемъ Сиріи, сѣверную часть которой полководцы его уже отняли у персовъ. Со временъ Саладина Сирія почти всегда принадлежала Египту. Даже нашествіе Тимура не могло прекратить надолго египетское господство въ Сиріи: Тимуръ удовольствовался опустошеніемъ Сиріи и избіеніемъ множества жителей Алеппо и Дамаска, перерѣзанныхъ монголами и потоптанныхъ ихъ конями. Когда въ 1516 Селимъ вторгнулся въ Сирію, египетскій султанъ старался смягчить турецкаго изверга, отправивъ къ нему посольство; но султанъ привыкъ нарушать при всякомъ случаѣ

священныя для мусульманъ права гостепріимства и посольства. Кансу-Гаври послалъ одного изъ своихъ полководцевъ съ блестящей свитой, желая почтить этимъ посольствомъ Селима. Но пышность посольства разсердила султана, быть можетъ впрочемъ притворно; какъ бы то ни было, онъ приказалъ отрубить голову посланнику и его свитѣ. Десять человѣкъ, сопровождавшихъ посланника, были казнены, и самъ онъ былъ бы убитъ, еслибы главный полководецъ Селима не вымолилъ съ великимъ трудомъ у султана пощады. Обращеніе Селима съ посломъ было въ высшей степени позорно. Онъ приказалъ обстричь ему голову и бороду, надѣть спальный колпакъ и отправить обратно къ его государю на хромомъ и паршивомъ ослѣ.

Османы имѣли сильную артиллерію, хотя впрочемъ лѣтописецъ преувеличиваетъ, говоря, что у нихъ было пятсотъ малыхъ и большихъ орудій. Кромѣ того въ египетскомъ войскѣ были предатели. Сраженіе произошло 23 августа 1516 при Алеппо; вслѣдствіе измѣны оно не было ни кровопролитно, ни продолжительно. Египетское войско было разбито, и самъ старый султанъ лишился жизни, быть можетъ, по предательству одного бега. Египетскіе предводители не могли согласиться въ Сиріи на счетъ выбора новаго султана и поспѣшили возвратиться въ Египетъ. 4 октября Селимъ взялъ Дамаскъ и назначилъ своихъ пашей намѣстниками Сиріи и Палестины. Мамелюки избрали султаномъ Туманъ-бега, самаго способнаго и мужественнаго бега. Селимъ предложилъ ему миръ съ условіемъ признать верховную власть турокъ и въ знакъ покорности изобразить на монетѣ имя Селима и молиться за него въ мечетяхъ. Туманъ-бегъ ласково выслушалъ османскихъ посланниковъ; но полководецъ его Аланъ-бегъ послѣ аудіенціи отрубилъ имъ головы. Поэтому война продолжалась. Египетское войско выступило въ концѣ октября изъ Каира, чтобы удержать непріятеля на границѣ Египта. Турецкія войска шли не подъ предводительствомъ Селима, который пробылъ въ Дамаскѣ

Digitized by Google

до половины декабря, а подъ командой Симанъ-паши. Близь Газы паша одержалъ вторую побѣду. Послѣ этого Туманъ-бегъ встрѣтилъ подъ Каиромъ самого Селима, и здѣсь произошла битва, которая показала султану, что онъ имѣетъ дѣло съ отборнымъ войскомъ храбрѣйшихъ черкесскихъ воиновъ. Хотя Туманъ-бегъ былъ окруженъ измѣнниками, которые портили все, что онъ предпринималъ, тѣмъ не менѣе война тянулась долго, и Селимъ считалъ себя счастливымъ, имѣвъ возможность предложить мамелюкамъ сносныя условія. Наконецъ 23 января 1517 при деревнѣ Риданія, близь Каира, у горы Мокаттамъ произошло третье кровопролитное сраженіе. Мамелюки проиграли его, потому что одинъ изъ главныхъ военачальниковъ Туманъ-бега, Газали, продался непріятелю; но побѣда стоила туркамъ не дешево, и 25,000 мамелюковъ, павшихъ въ битвѣ, продали свою жизнь дорогою цѣною. Несмотря на такое пораженіе, Туманъ-бегъ снова занялъ Каиръ и удерживалъ его три дня. Турецкое войско, посланное 31 января противъ этого города, должно было выдержать въ узкихъ улицахъ его страшную борьбу, прежде чѣмъ успѣло вытѣснить непріятеля. Потери, понесенныя при этомъ, до того озлобили султана, что по его повелѣнію было изрублено около 50,000 человѣкъ безъ различія возраста и пола.

Уже въ февралѣ Туманъ-бегъ нашелъ случай кроваво отмстить за это посланному за нимъ турецкому войску. Онъ могъ бы даже сопротивляться до удаленія главныхъ турецкихъ силъ, еслибы отступилъ не въ Дельту, а въ верхній Египетъ. Но здѣсь онъ набралъ столько арабовъ на правомъ и лѣвомъ берегахъ Нила, что турецкій султанъ нашелъ благоразумнымъ предложить ему еще разъ миръ. Когда предложеніе было отвергнуто, Селимъ двинулся на Туманъ-бега со всѣми своими силами. Дѣло приняло для египетскаго султана невыгодный оборотъ, потому что войско его состояло уже не изъ черкесовъ, а изъ бедуиновъ. Оно разбѣжалось, и онъ былъ принужденъ

искать спасенія у араба Гассанъ-Мера, многимъ обязаннаго ему. Гассанъ указалъ ему пещеру, гдѣ онъ могъ скрываться, но потомъ продалъ его непріятелю. Селимъ обходился сначала съ плѣннымъ султаномъ хорошо; но вскорѣ велѣлъ повѣсить его на воротахъ Сувеилы. Египетъ былъ присоединенъ къ турецкой имперіи. Селимъ прожилъ въ немъ до іюня 1517 и, уѣзжая, поручилъ управленіе бывшему мамелюкскому намѣстнику въ Галебѣ, Каиръ-бегу, который измѣною доставилъ ему первую побѣду надъ мамелюками. Поэтому Селимъ взялъ въ заложники его женъ и дѣтей, которыя были отосланы въ Филиппополь.

На обратномъ пути Селима въ Сирію великій визирь Юнисъ-паша рѣшился высказать ему правду въ рѣзкихъ выраженіяхъ, что совершенно непонятно при извѣстномъ характерѣ султана. Когда на границѣ Сиріи Селимъ праздновалъ свой египетскій походъ, великій визирь, ѣхавшій съ нимъ рядомъ, сказалъ: „Гдѣ плоды этихъ страшныхъ лишеній и трудовъ? половина войска погибла въ пустыняхъ и сраженіяхъ, и Египетъ отданъ въ руки измѣнника?“. За это султанъ велѣлъ немедленно отрубить визирю голову. Такимъ же образомъ поступилъ онъ съ шестью преемниками его. Тѣмъ не менѣе большая часть ученыхъ превозносили его какъ великаго правителя, потому что Селимъ покровительствовалъ ученымъ и стихотворцамъ и самъ писалъ стихи. Впрочемъ онъ организировалъ свои завоеванія съ тѣмъ же умомъ и тою же проницательностію, какъ Наполеонъ I и, подобно ему, умѣлъ выбирать способныхъ людей. Кромѣ того онъ былъ защитникомъ монаховъ, даже христіанскихъ съ горы Синая, и во время египетскаго похода преклонялъ колѣна и молился во всѣхъ священныхъ мѣстахъ. Онъ любилъ пышность, роскошь и изящную прозу и стихи. Его называли величайшимъ государемъ въ мірѣ, хотя это былъ извергъ, какъ чума истреблявшій человѣчество и налагавшій на него цѣпи, чудовище, уничтожившее сотни тысячъ

Digitized by Google

людей. Но, по мнѣнію историковъ, подобныхъ поклонникамъ Наполеона, т. е. такихъ, которые не понимаютъ истиннаго благородства души, правды и любви — это былъ геніальный, великій человѣкъ, творческій, царственный геній.

Селимъ пробылъ въ Дамаскѣ съ октября 1517 до марта 1518. Онъ привелъ въ порядокъ провинціи, завоеванныя имъ въ послѣдніе годы, и затѣмъ отправился въ Алеппо, гдѣ провелъ два мѣсяца. Столько же времени пробылъ онъ на пути въ Константинополь, куда пріѣхалъ въ концѣ іюля. Оттуда онъ немедленно отправился въ свою резиденцію, Адріанополь, но чума заставила его вскорѣ возвратиться въ Константинополь. Въ послѣдніе четыре года его жизни главною заботою его было создать флотъ, столь же грозный, какъ и армія его. Флотъ назначался преимущественно противъ Родоса и Кипра, а можетъ быть также противъ Венеціи. Селимъ не начиналъ войны съ республикой, пока видѣлъ превосходство ея морскихъ силъ. Венеція дѣлала все, чтобы добиться отъ султана подтвержденіе мира. Посланники республики сопровождали султана въ его походахъ и наблюдали за нимъ; поэтому донесенія ихъ составляютъ хорошій источникъ для исторіи царствованія Селима. Когда султанъ потребовалъ уплаты 8,000 дукатовъ, которые Венеція обязалась платить мамелюкамъ за Каиръ, венеціанцы не только согласились на это, но даже заплатили султану недоплаченную часть прошлогодняго взноса. Черноморскій флотъ занималъ султана особенно въ 1514 г., во время его пребыванія въ Амазіи. Крымскій ханъ получилъ отъ него грамоту и субсидіи. Султанъ говорилъ, что боится татаръ больше, чѣмъ персовъ, потому что они переплываютъ на своихъ коняхъ рѣки и не употребляютъ ни мостовъ, ни гвоздей, ни подковъ. Адмиралъ его, которому онъ велѣлъ явиться съ флотомъ въ Александрію, убѣждалъ его начать походъ противъ Родоса, но султанъ еще не кончилъ приготовленій и наказалъ адмирала за совѣтъ также строго, какъ визирей.

Селимъ ясно видѣлъ трудности и продолжительность подобнаго предпріятія; онъ доказалъ своимъ министрамъ, которые думали, что средствъ, находящихся въ ихъ распоряженіи, достаточно для этого похода, что необходимо имѣть по меньшей мѣрѣ вдвое болѣе силъ, чтобы не потерпѣть подъ Родосомъ позорной неудачи, подобно Мухаммеду II. Дерзкое поведеніе турецкаго адмирала относительно гроссмейстера іерусалимскаго ордена доказываетъ, какими ужасными врагами христіанъ и цивилизаціи были турки того времени. Въ письмахъ турецкаго адмирала къ гроссмейстеру, сохраненныхъ венеціанскимъ лѣтописцемъ Марино Сануто, паша называетъ гроссмейстера „паршивымъ псомъ, собачьимъ сыномъ изъ семейства адской собаки". Походъ на Родосъ не состоялся, потому что Селимъ умеръ 22 сентября 1520 г. на пути изъ Константинополя въ Адріанополь, а его кровожадный и по звѣрству похожій на него сынъ и наслѣдникъ, Солиманъ II, направилъ свой первый походъ противъ Венгріи.

3. Венгрія и Богемія до смерти Селима I.

Мы уже разсказали исторію Богеміи и Венгріи до смерти императора Максимиліана I. Теперь мы вкратцѣ повторимъ главные факты ея. Сынъ польскаго короля Казиміра II, Владиславъ, сталъ по смерти Георгія Подѣбрада, въ 1471, королемъ богемскимъ, подъ именемъ Владислава V, а въ 1490, по смерти Матфія Корвина, королемъ венгерскимъ, подъ именемъ Владислава VII. Онъ обѣщалъ императору Максимиліану оставить ему въ наслѣдство оба эти государства, но договоръ этотъ былъ признанъ венграми и чехами не ранѣе 1515 (т. XI, стр. 94 и 305). Владиславъ обручилъ своего сына Лудовика съ Маріей, сестрой Карла V и Фердинанда I, и бракъ этотъ состоялся по достиженіи принцемъ совершеннолѣтія. Фердинандъ же обручился съ сестрою Лудовика, Елисаве-

тою, которая въ то время была еще ребенкомъ и по смерти своей матери, французской принцессы, была названа отцемъ по имени ея — Анной. Фердинандъ былъ назначенъ наслѣдникомъ Лудовика въ случаѣ его бездѣтной смерти.

Владиславъ не имѣлъ дѣйствительной власти ни въ Богеміи, ни въ Венгріи, гдѣ по большей части жилъ. Прозваніе „Добрый" (Dobrze), данное ему чехами, выражаетъ достаточно, что онъ не могъ быть способнымъ правителемъ славянъ, мадьяръ, чеклеровъ и кроатовъ того времени. Онъ пользовался лишь призракомъ власти, потому что въ Венгріи правили магнаты, а въ Богеміи дворянство и рыцарство. Въ Богеміи, гдѣ Владиславъ не былъ ни разу въ теченіе 7 лѣтъ, въ девяностыхъ годахъ XV столѣтія господствовала совершенная анархія. Утраквисты до того не довѣряли королю, что принудили его отказаться отъ намѣренія пригласить въ Прагу двухъ итальянцевъ, знаменитыхъ своими классическими познаніями, такъ какъ утраквисты боялись всего, что шло изъ Рима. Поэтому сынъ короля, Лудовикъ, котораго эти ученые должны были воспитывать въ Прагѣ, остался въ Венгріи. Въ его царствованіе волненія въ Богеміи стали еще сильнѣе, потому что въ Прагу прибылъ Томасъ Мюнцеръ и пробудилъ забытое ученіе таборитовъ и оребитовъ; съ другой стороны чехи, учившіеся въ Виттенбергѣ, распространяли на родинѣ ученіе Лютера. Кромѣ того рыцарство находилось въ полномъ раздорѣ съ городами; оно захватило въ свои руки всѣ гражданскіе промыслы и производило ихъ въ своихъ владѣніяхъ. Въ Венгріи магнаты были богаты, тогда какъ король былъ бѣденъ. Нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ Стефанъ Заполій, кичились своимъ богатствомъ и давали королю милостыню. Такъ напримѣръ, при свиданіи Владислава съ своимъ братомъ, королемъ польскимъ, въ 1494, въ Лейчау, онъ, нуждаясь въ большихъ деньгахъ, долженъ былъ принять отъ Стефана Заполія деньги и съѣстные припасы и простить магнату его надменность. Во время пребыванія въ Лей-

Digitized by Google

чау, Заполій не носилъ платья дешевле 3,000 дукатовъ и, когда однажды одинъ полякъ явился весь покрытый жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, Заполій украсилъ себя алмазомъ, который величивой и блескомъ превосходилъ все, доселѣ виданное.

Венгріей управляли прелаты и дворяне-помѣщики, имѣвшіе въ своихъ рукахъ судебную власть; поэтому подати, взимаемыя съ народа въ пользу короля и государства, рѣдко попадали въ государственную казну. По свидѣтельству ученѣйшаго историка Венгріи (Энгеля), между прелатами и баронами существовало соревнованіе относительно того, кто лучше съумѣетъ воспользоваться слабымъ королемъ для обогащенія и возвышенія своей фамиліи. Венгры, а особенно кроаты и трансильванцы, возвратились къ грубости, своего первобытнаго состоянія. Венгерскіе магнаты соперничали съ турецкимъ султаномъ и съ знаменитымъ Владомъ валахскимъ (стр. 78) въ изобрѣтеніи мученій для плѣнниковъ. Венгры и кроаты хотѣли мстить туркамъ, которые во время своихъ набѣговъ свирѣпствовали какъ дикіе звѣри; они хотѣли устрашить ихъ, но вмѣсто того только болѣе озлобили. Поэтому жестокости были безконечны. Мы бы утомили читателя, входя въ подробности злодѣйствъ, совершавшихся турками и венграми; достаточно нѣсколькихъ примѣровъ. Когда въ 1492 происходило большое собраніе по случаю выбора палатина, братъ бана Чёревія привезъ съ собой двѣ повозки, наполненныя головами турецкихъ плѣнныхъ, и собраніе съ ужасомъ смотрѣло на это зрѣлище. Затѣмъ турки опустошили Далмацію, Албанію и области по Дравѣ, гдѣ звѣрствовали, какъ каннибалы, но мадьяръ Кинисъ, предводительствуя такъ называемымъ червымъ отрядомъ, выручилъ осажденный ими замокъ Чёревій и перещеголялъ ихъ въ звѣрствѣ. Онъ велѣлъ жарить плѣнныхъ, привязывалъ ихъ къ мельничнымъ колесамъ, сдиралъ съ живыхъ кожу и бросалъ голоднымъ свиньямъ. Черный отрядъ, состоявшій изъ чеховъ, поступалъ впослѣдствіи съ мадьярами точно также,

какъ съ турками; наконецъ самъ Кинисъ долженъ былъ, по повелѣнію короля, перебить нѣсколько сотъ своихъ солдатъ, а остальныхъ прогнать. Въ слѣдующемъ году болѣе 10,000 турокъ, вторгнувшихся въ Трансильванію подъ предводительствомъ Алибека, были безъ всякой пощады истреблены различными способами. Когда вслѣдъ затѣмъ (въ сентябрѣ 1493) венгры проиграли сраженіе при Удинѣ, въ которомъ палъ Іоаннъ Франгипани, а Николай Франгипани попался въ плѣнъ, турки обрѣзали у убитыхъ носы и послали ихъ въ Константинополь; плѣнному же полководцу поднесли на блюдѣ отрубленныя головы его брата и сына. Послѣ того король просилъ папу устроить большой крестовый походъ; разная сволочь отовсюду устремилась въ Венгрію, вслѣдствіе чего страна пострадала отъ этихъ ужасныхъ крестоносцевъ столько же, какъ и отъ турокъ.

Этихъ фактовъ достаточно, чтобы показать, какое вліяніе на цивилизацію венгровъ и на развитіе земледѣлія въ Венгріи могли имѣть безпрестанныя набѣги турокъ и венгровъ, предпринимаемые изъ взаимной мести. Это было одною изъ многихъ причинъ одичанія страны. Вѣчныя внутреннія распри и войны магнатовъ, бароновъ и прелатовъ, разграбленіе государственной казны хитрыми и сильными вельможами и безразсудная раздача государственныхъ имуществъ довели мадьяровъ временъ Владислава VII до нравственнаго уровня турокъ, которымъ они не уступали въ дикой отвагѣ. Въ правленіе слабаго Владислава первую роль въ государствѣ играли сначала Стефанъ Заполій, потомъ Іоаннъ Заполій и наконецъ, вмѣстѣ съ послѣднимъ, Стефанъ Баторій. Крестьянская война, свирѣпствовавшая въ Венгріи въ одно время съ Бѣднымъ Конрадомъ въ Швабіи и съ возстаніемъ Башмака въ Франконіи, дала поводъ къ еще болѣе возмутительнымъ жестокостямъ и сдѣлала участь крестьянъ еще болѣе невыносимою, чѣмъ въ Германіи. По подавленіи этого возстанія офенскій сеймъ постановилъ 17 октября 1514 слѣдующее рѣшеніе: "Крестьяне, бывшіе доселѣ

свободными, обращаются въ крѣпостныхъ и теряютъ право свободнаго перехода; кромѣ прежнихъ налоговъ они будутъ платить новые; кромѣ того никто изъ нихъ не можетъ носить оружія, подъ страхомъ потери правой руки, и впредь не можетъ достигать высшихъ духовныхъ должностей.„

По смерти Владислава, 13 марта 1516, на престолъ вступилъ юный сынъ его, Лудовикъ II. Народъ былъ въ то время совершенно угнетенъ, дворяне превратились въ нищихъ холоповъ магнатовъ, которые кормили ихъ и употребляли для своихъ цѣлей. Правленіе страной находилось исключительно въ рукахъ духовенства и могущественныхъ бароновъ, избранныхъ въ правители; король же и его воспитаніе были предоставлены одному принцу, который, какъ доказываютъ его письма, былъ веселый и добродушный человѣкъ, не имѣвшій другаго понятія о своей власти, кромѣ того, что она даетъ возможность весело и хорошо жить. Принцъ этотъ былъ маркграфъ Георгъ Бранденбургъ-Ансбахскій, сынъ сестры Владислава; женитьбой на вдовѣ Іоанна Корвина (1508) онъ получилъ въ Венгріи значительныя имѣнія. Владиславъ въ завѣщаніи своемъ поручилъ опеку надъ сыномъ маркграфу и нѣкоторымъ другимъ знатнымъ лицамъ, подъ главнымъ надзоромъ короля Сигизмунда польскаго и императора Максимиліана; но венгерскій сеймъ постановилъ, чтобы король, который уже былъ коронованъ, самостоятельно завѣдывалъ всѣми государственными дѣлами при помощи венгерскаго государственнаго совѣта, а маркграфу, какъ родственнику короля, была предоставлена роль собесѣдника и званіе обергофмейстера короля. Въ Богеміи, Силезіи и Моравіи правленіе было также ввѣрено тѣмъ же путемъ дворянству, присвоившему себѣ государственныя имущества и права.

Молодой король былъ слабаго сложенія, слѣдовательно его нельзя было обременять занятіями. Это было какъ нельзя болѣе кстати для маркграфа, который только и помышлялъ объ увеселеніяхъ, праздникахъ, турнирахъ и парадахъ, и сожалѣлъ

о бѣдности короля лишь потому, что нельзя устроивать столько праздниковъ, охотъ, пировъ и т. п., сколько ему хотѣлось. Самъ маркграфъ держалъ при дворѣ 60 рейтаровъ и снабжалъ виномъ королевскій столъ на свой счетъ. Письма этого воспитателя, которому впослѣдствіи пришлось бороться съ могущественной аристократіей чеховъ и венгровъ и противиться такому полководцу и деспоту, какъ Солиманъ, даютъ понятіе о воззрѣніи его на жизнь. Маркграфъ, любившій болѣе всего на свѣтѣ танцы, щегольство и верховую ѣзду, писалъ между прочимъ въ 1518 г.: „Хотя дворъ короля находится въ большой бѣдности, но мнѣ удалось таки устроить хорошій карнавалъ, чтобы господа знали, что дворъ короля еще не вымеръ. Во первыхъ Штибицъ и Цеттерицъ въ набедренникахъ сломали шесть копій. Потомъ я и Крабатъ скакали въ перегонку; Крабатъ былъ чортомъ, а я дикаремъ, и скакали мы, пока чортъ не слетѣлъ съ коня и шлепнулся лицомъ на земь; король также довольно поѣздилъ, при чемъ были всѣ городскія дамы и много народа. Потомъ король и другіе господа танцовали, а я явился съ восемью стами масками, всѣ въ короткихъ плащахъ и т. д.“ При этомъ веселомъ нѣмецкомъ маркграфѣ состоялъ венгерскій менторъ Борнемисса, дуракъ и трусъ; что же могло выйти путнаго изъ короля? Іоаннъ Заполій завладѣлъ всею властью; послѣдніе королевскіе замки были заложены за незначительныя суммы магнатамъ, управлявшимъ страной. Господа эти роскошествовали, а молодой король часто нуждался въ необходимомъ.

Для Венгріи было въ то время большимъ счастьемъ, что Селимъ I былъ такъ занятъ въ Персіи и Египтѣ, вслѣдствіе чего время отъ времени возобновлялъ миръ, хотя ни турецкіе паши, ни венгерскіе магнаты не прекращали набѣговъ для грабежей и убійствъ. Въ первые годы своего царствованія молодой король ни разу не былъ въ Богеміи. Прибывъ наконецъ туда, онъ нашелъ и тамъ всѣ королевскія имѣнія въ рукахъ

дворянства, съ которымъ поэтому поссорился, вслѣдствіе чего оказывалъ необычайное покровительство гражданамъ. Крестьяне были сначала встревожены Томасомъ Мюнцеромъ; потомъ ученики Лютера основали лютеранскія общины, такъ что въ странѣ было шесть христіанскихъ сектъ, которыя враждовали и преслѣдовали другъ друга. Среди этого неописаннаго политическаго и религіознаго хаоса, господствовавшаго въ Венгріи и Богеміи, произошло страшное нашествіе въ эти государства турокъ при султанѣ Солиманѣ II.

4. Солиманъ II, Венгрія и Богемія до 1532 года.

Солиманъ II, котораго французы имѣютъ обыкновеніе называть Великимъ или Великолѣпнымъ, вступилъ въ управленіе въ октябрѣ 1520 г. При этомъ онъ наградилъ свои войска обычной прибавкой жалованья и денежными подарками, которые увеличивались при каждой перемѣнѣ царствованія. Селимъ I далъ янычарамъ только по 50 дукатовъ, а Солиманъ долженъ былъ заплатить по 83 дук. Подавивъ возстаніе въ Азіи, новый султанъ отправилъ посла въ Венгрію съ требованіемъ дани. Это случилось почти единовременно съ бракосочетаніемъ Фердинанда I съ сестрой короля Лудовика въ маѣ 1521 г. Свадьба же Лудовика была отложена по случаю турецкой войны. Военныя дѣйствія противъ Венгріи открылъ по приказанію султана паша Семендріи. Въ то же время турки начали осаду городовъ Шабача и Бѣлграда. Небольшой венгерскій отрядъ геройски защищалъ Шабачь и заслужилъ себѣ безсмертную славу; но, не смотря на это, городъ былъ взятъ, а въ Бѣлградѣ держалась только верхняя часть города; въ это время венгерскій король выступилъ изъ Офена. Гарнизонъ Бѣлграда также храбро держался, но былъ преданъ. Ни Фер-

Digitized by Google

динандъ, ни поляки, ни чехи не прислали обѣщанной помощи; воевода трансильванскій опоздалъ; палатинъ отправился назадъ въ Тольну; сербы затѣяли вздорную религіозную распрю съ латинскими христіанами. Между тѣмъ венгерскій король возбудилъ ярость грознаго султана тѣмъ, что поступилъ съ его посланникомъ, какъ съ шпіономъ, приказавъ утопить его въ Тотисѣ. Укрѣпленія Бѣлграда были наконецъ проданы туркамъ Францомъ Гедерварой и Валентиномъ Тёрёкомъ; такимъ образомъ оплотъ христіанства попалъ во власть Солимана. Бѣлградскій гарнизонъ отбилъ двадцать приступовъ прежде, чѣмъ рѣшился на сдачу, послѣдовавшую 20 августа 1521 г.; турки по своему обычаю перерѣзали плѣнныхъ, не смотря на капитуляцію. Но они позволили благочестивымъ сербскимъ монахамъ удалиться изъ города, захвативъ съ собою кости св. Пятницы. Послѣ паденія Бѣлграда были покорены и другія укрѣпленныя мѣста и заселены мусульманами. Самъ Солиманъ возвратился въ Константинополь.

Задорное венгерское дворянство тотчасъ по уходѣ турокъ начало безстыдно стараться избавиться отъ военной службы. Съ этою цѣлью венгерскій сеймъ прибѣгнулъ къ чрезвычайнымъ налогамъ на всѣ промыслы, стѣсняя промышленность, чтобы пріобрѣсти средства для найма солдатъ. Олигархія, анархически господствовавшая въ Венгріи, проложила такимъ образомъ еще въ 1521 и 1522 путь Солиману въ Германію. Ни Венгрія, ни Богемія, ни германская имперія не могли воспользоваться уходомъ Солимана, который, вмѣсто того, чтобы продолжать свои побѣды на Дунаѣ, обратился противъ Родоса, ко взятію котораго такъ долго готовился его отецъ. Въ Германіи и въ Богеміи, равно какъ и въ Венгріи, господствовало правленіе, повидимому монархическое, а въ сущности олигархическое; вдобавокъ къ политической неурядицѣ присоединялись религіозные споры. По удаленіи Солимана венгерскіе чины убѣдили своего короля поспѣшить въ Богемію, гдѣ

онъ послѣ Рождества 1522 г. женился на сестрѣ Фердинанда I, Маріи. Изъ большихъ денежныхъ суммъ, собранныхъ въ то время, въ государственную казну не попало почти ничего. Кромѣ того Лудовикъ предъ отъѣздомъ своимъ до того оскорбилъ трансильванскаго воеводу Іоанна Заполія предпочтеніемъ, оказаннымъ палатину Стефану Баторію, что воевода отправился въ Трансильванію и препятствовалъ всѣмъ предпріятіямъ Баторія.

На второй годъ своего царствованія Солиманъ двинулся противъ рыцарей св. Іоанна, бывшихъ ядромъ европейскаго рыцарства; Родосъ считался тогда оплотомъ всего христіанства. При этомъ Солиманъ потерпѣлъ бы неудачу, если бы, подобно Мухаммеду II подъ Константинополемъ и Селиму I въ Египтѣ, не нашелъ людей, которые, какъ Іуда Искаріотскій, продали за сребренники кровь благородныхъ героевъ. Въ то время во всѣхъ странахъ были люди, которые служили за деньги даже туркамъ; таковыми были въ Родосѣ, еврей, лейбъ-медикъ великаго магистра и великій канцлеръ ордена, португалецъ Андресъ де Мерайль, обыкновенно называемый Амиралемъ.

Миръ султана съ Венеціей, которая одна обладала въ то время значительнымъ флотомъ, лишилъ рыцарей помощи съ моря. Война, которую вели въ Италіи Францискъ I, Карлъ V и ихъ союзники, не позволяла испанскимъ, французскимъ и итальянскимъ рыцарямъ принять участіе въ защитѣ Родоса. Нѣмецкіе рыцари были слишкомъ заняты крестьянами и реформаціей, чтобы имѣть возможность отправиться противъ турокъ. Наконецъ деньги, которыя въ теченіе столѣтія папы вымогали подъ предлогомъ турецкой войны, были истрачены Львомъ X и Юліемъ II на искуства, на удивительныя сооруженія и на другія подобныя дѣла; даже самые религіозные люди не хотѣли болѣе давать денегъ къ руки папѣ, котораго Лютеръ въ одной церковной пѣсни поставилъ на одну доску съ турка-

ми *). Среди столь неблагопріятныхъ для рыцарей обстоятельствъ предъ Родосомъ явился 18 іюня 1522 г. флотъ Солимана, состоявшій изъ 300 парусныхъ судовъ съ 10,000 человѣкъ войска подъ предводительствомъ сераскира Мустафы-паши. Самъ же Солиманъ шелъ съ 100 тысячною арміею по малоазіатскому берегу къ мѣсту, ближайшему отъ острова, откуда велѣлъ перевезти свои войска на Родосъ. 28 іюля началась осада Родоса. Сто орудій бомбардировали городъ, и многіе изъ нихъ бросали каменныя ядра такого громаднаго размѣра, что разсказы о величинѣ ихъ можно бы было считать преувеличенными, еслибы до сихъ поръ не находили многихъ изъ нихъ въ развалинахъ города. Эта осада принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ событіямъ XVI столѣтія; но наша цѣль не позволяетъ намъ входить въ ея подробности.

Турки въ теченіи всего августа приготовлялись къ приступу, а гроссмейстеръ ордена Вильеръ де Лиль-Адамъ готовился къ отраженію его. Ему помогалъ венеціанскій инженеръ Габріель Мартиненго. Онъ далеко превосходилъ турецкихъ инженеровъ. До 16 сентября было отбито три приступа, и бреши вновь задѣланы. Предатель еврей былъ пойманъ въ то самое мгновеніе, когда хотѣлъ пустить на стрѣлѣ письмо въ турецкій лагерь и четвертованъ. 24 сентября была сдѣлана новая генеральная аттака, при чемъ турки потеряли 15,000 человѣкъ. Послѣ того султанъ смѣнилъ своего адмирала и послалъ Мустафу-пашу намѣстникомъ въ Египетъ. Въ октябрѣ и ноябрѣ сдѣланы были съ огромной потерей людей еще четыре приступа. 10 декабря султанъ, потерявшій 100,000 человѣкъ, чего мы впрочемъ не утверждаемъ, еще разъ предложилъ капитуляцію; но рыцари рѣшились умереть на разва-

*) Erhalt'uns, Herr, bei deinem Wort, und steur'des Pabstes und der Türken Mord.

(Дай намъ, Боже, сохранить твое слово и спаси насъ отъ папы и турокъ).

Digitized by Google

линахъ Родоса. Они защищались, пока имѣли порохъ, и согласились на сдачу (25 декабря), только когда весь истратили. Солиманъ на этотъ разъ старался выполнить капитуляцію по крайней мѣрѣ въ главныхъ пунктахъ; дряхлый гросмейстеръ и рыцари были посажены 1 января 1523 г. на корабль и отправлены въ Италію. Остальные восемь острововъ, принадлежавшіе рыцарямъ, кромѣ Родоса, были сданы туркамъ, равно какъ и укрѣпленіе Петреонъ, выстроенное однимъ нѣмецкимъ рыцаремъ на томъ мѣстѣ, гдѣ въ древности стоялъ Мавзолей. 29 января 1523 г. султанъ отправился назадъ въ Константинополь.

Венгры, видя, что турки заняты цѣлый 1522 годъ осадою Родоса, перестали платить имъ деньги, лежавшія въ государственной казнѣ; когда палатинъ хотѣлъ побудить къ платежу дворянъ и духовенство, возникли безконечныя распри. Для Венгріи было счастіемъ, что въ 1523 и 1524 годахъ султану нѣкогда было думать о ней, потому что у него было много дѣла въ другихъ частяхъ своей имперіи, особенно въ Египтѣ и въ Крыму, гдѣ онъ смѣнилъ одного хана и на мѣсто его возвелъ другаго. Въ Венгріи по прежнему господствовала анархія. Королю было обѣщано прислать 4000 нѣмцевъ; но если бы даже онъ имѣлъ деньги на уплату имъ жалованья и содержаніе, то изъ этого не вышло бы толку. Впрочемъ турецкій султанъ былъ занятъ тогда гораздо болѣе своими янычарами, чѣмъ внѣшними врагами. Янычары постоянно бунтовали и время отъ времени вымогали у него въ видѣ подарковъ сотни тысячъ дукатовъ. Онъ нарочно не заключалъ мира ни съ персами, ни съ венграми, что бы въ крайнемъ случаѣ занять своихъ солдатъ побѣдами надъ еретиками и невѣрными и добываніемъ добычи. Въ Персіи основатель династіи Софи, Измаилъ, умеръ. Его преемникъ, Тамасиъ, вступилъ въ союзъ съ Лудовикомъ венгерскимъ и съ императоромъ Карломъ V, такъ какъ Солиманъ написалъ ему письмо, такъ хорошо характеризующее нра-

Digitized by Google

вы османовъ, что мы сообщимъ начало его. „Если бы—писалъ султанъ — въ твоей натурѣ, извращенной ересью, была хоть капля чести и рвенія, то ты давно уже долженъ бы былъ погибнуть. Но мы изъ милости щадимъ и даримъ тебѣ жизнь изъ подъ нашей сабли. Отчего же ты не посылаешь никого къ нашему двору, гдѣ міръ находитъ себѣ прибѣжище и который возносится къ самому небу. Твой представитель долженъ преклониться передъ нами и засвидѣтельствовать намъ твою покорность.“

На этотъ разъ (1525) султанъ направилъ свое оружіе противъ Венгріи, и отмстилъ новому персидскому шаху, не извѣстившему его о своемъ восшествіи на престолъ, приказавъ изрубить сотни персидскихъ плѣнныхъ. Еще осенью 1524 г. турки взяли венгерскій пограничный замокъ, Чёрёній. Въ концѣ года въ Венгріи было получено извѣстіе, что турки угрожаютъ Молдавіи и что паша бѣлградскій готовится перейти Саву. Солиманъ, желая двинуться въ Венгрію, положилъ конецъ войнѣ и жестокостямъ своихъ пашей въ Молдавіи и Валахіи. Тамошнихъ государей, которымъ помогалъ Іоаннъ Заполій трансильванскій, султанъ призналъ своими вассалами и удовольствовался со стороны крымскаго хана признаніемъ его верховной власти. Онъ заключилъ на шесть лѣтъ миръ съ Польшей и окончилъ несогласіе съ Рагузой, заставивъ республику заплатить ему деньги. Въ Венгріи же никто не предпринималъ ничего для защиты противъ угрожающей опасности. Магнаты находились въ постоянной ссорѣ между собой и шумѣли противъ Фуггеровъ, которые давали небольшія суммы королю Лудовику и императору Карлу V, за что получили въ выгодную аренду горные промыслы въ Америкѣ, Испаніи, Тиролѣ, Венгріи и сосѣднихъ земляхъ. Весь май 1525 г. король Лудовикъ ссорился съ сеймомъ, собравшимся въ полѣ подъ Ракосомъ; сеймъ не далъ ему, ни денегъ, ни войска. Распря кончилась протоколомъ сейма отъ 12 іюля; содержаніе его показываетъ безъ

дальнѣйшихъ объясненій, что венгерское государство не могло противиться такому войску, какимъ было тогда турецкое. Было постановлено, что дворянство не выступитъ на войну, а выставитъ за себя пеструю толпу наемниковъ, причемъ богатые землевладѣльцы поставятъ по 50 рейтаровъ и будутъ содержать ихъ, а остальное дворянство дастъ денегъ. На эти деньги каждый комитатъ наберетъ солдатъ, изберетъ капитана и будетъ платить ему жалованье. Наконецъ духовныя десятины пойдутъ на содержаніе наемниковъ. Въ началѣ 1526 г. въ Венгрію бѣжалъ христіанинъ Фергатъ, служившій секретаремъ у визиря. Онъ привезъ достовѣрное извѣстіе, что Солиманъ рѣшился переправиться черезъ Саву и Драву и идти прямо на Офенъ. Но даже и тутъ венгры ограничились тѣмъ, что созвали сеймъ къ 24 апрѣля 1526.

Накапунѣ этого дня Солиманъ выступилъ изъ Константинополя съ 100 тысячною арміею и 300 орудіями. Походъ его до Бѣлграда продолжался три мѣсяца. 27 іюля послѣ десятидневной осады и трехъ приступовъ палъ Петервардейнъ. Затѣмъ турки въ пять дней построили черезъ Драву у Эссека мостъ, который былъ разрушенъ послѣ перехода арміи. Эссекъ былъ сожженъ. Турки нигдѣ не встрѣчали сопротивленія, потому что венгерское дворянство съ 24 апрѣля и до іюня ссорилось съ своимъ королемъ или, вѣрнѣе, съ его женой. Она распоряжалась за короля, зачеркивала слишкомъ наглыя предложенія депутатовъ и однажды написала на ихъ представленіи: „король — государь страны“. Самъ же король спалъ почти до полудня, потомъ засѣдалъ въ государственномъ совѣтѣ, гдѣ присутствующіе ссорились между собой. Однажды архіепископъ Шалкай вцѣпился въ бороду Франгипани, который отплатилъ ему пощечиной. Еще 19 іюня передъ Офеномъ не было готово ни одного корабля, ни одной пушки. Палатинъ, обязанный защищать Эссекъ, извинялся непослушаніемъ своихъ войскъ, а между тѣмъ стянулъ изъ королевскаго казначейства свое жалованье; епископъ эрла-

усскій, не обращая ни на что вниманія, въ минуту величайшей важности предъявлялъ старыя, забытыя требованія. Королевская казна была совершенно пуста. Папскому легату пришлось дать впередъ деньги на отправленіе курьеровъ. Не смотря на все это, король хранилъ обычное равнодушіе. Когда 19 іюня въ знакъ величайшей опасности носили ко всѣмъ дворянамъ окровавленную саблю, король забавлялся каруселью, а 24 іюня хлопоталъ о торжествѣ бракосочетанія одного придворнаго чиновника.

Одинъ Георгій Заполій выказалъ готовность принести жертву отечеству; когда король стоялъ лагеремъ подъ Тольной съ 4,000 человѣкъ, онъ явился къ нему съ 1,200 всадниковъ; въ тоже время одинъ полякъ привелъ 1,500. Іоаннъ Заполій также шелъ изъ Трансильваніи съ значительнымъ войскомъ. Такъ какъ ополченцы стекались уже со всѣхъ сторонъ, то королю совѣтовали не вступать въ битву съ турками, не дождавшись Іоанна Заполія. Между тѣмъ турки шли впередъ по топямъ и болотамъ и наконецъ въ дождливую, туманную погоду подошли къ острову на западной сторонѣ Дуная, противъ Могача. Эта равнина и болота были выгодны туркамъ и неблагопріятствовали венграмъ, которые стояли здѣсь съ 14 августа въ числѣ 20,000 человѣкъ. Хотя въ тоже время къ нимъ подошло еще около 5,000 человѣкъ, но всѣ видѣли, что безразсудно нападать на турокъ съ столь слабыми силами, имѣя только 80 пушекъ. Король, согласившись съ мнѣніемъ благоразумныхъ людей, хотѣлъ избѣгать сраженія до прибытія Іоанна Заполія, который уже достигъ Шегедина и спѣшилъ впередъ съ своей кавалеріей. Но палатинъ, поддерживаемый всѣми врагами Заполія, требовалъ немедленной аттаки; мнѣніе его одержало верхъ, и 28 августа было рѣшено начать сраженіе. На слѣдующей день венгры начали несчастную битву при Могачѣ, не устроивъ вагенбурга, не занявъ холмовъ, которые прикрывали фронтъ турецкой арміи и даже не произведя ре-

когносцировку. Рано утромъ 29 августа 1526 г. венгры двинулись противъ турокъ. Турки начали отступать, пока противники ихъ по неосторожности не ушли слишкомъ впередъ; тогда турки окружили ихъ. Участь сраженія была рѣшена въ полтора часа. Все венгерское войско было уничтожено. Въ числѣ убитыхъ находился Георгій Заполій, тогда какъ виновники пораженія—палатинъ и банъ Батіаній спаслись. Король сперва спасся; но лошадь его опрокинула его въ болото, гдѣ онъ и его спутникъ, Клапка, были убиты. Трупъ его былъ найденъ уже на уходѣ турокъ.

Послѣ побѣды турки свирѣпствовали, какъ каннибалы. Они ради удовольствія убивали плѣнныхъ и строили пирамиды изъ головъ. Они не обращали вниманія ни на капитуляцію, ни на какія бы то ни было другія условія. Весьма вѣроятно, что число убитыхъ и обращенныхъ въ рабство простиралось до 200 тыс. чел. Кромѣ того турки выжигали деревни и города; Фюнфкирхенъ былъ сожженъ по приказанію Солимана, а Офенъ безъ всякаго приказанія. Чехи выступили въ походъ подъ предводительствомъ Адама Нейгауза и Георга Бранденбургскаго, но, дойдя до Рааба, вернулись назадъ; тогда турки проникли до Грана, убивая и грабя по пути. Въ Пестѣ султанъ созвалъ венгерскихъ магнатовъ и объявилъ имъ, что охотно бы согласился на возведеніе Іоанна Заполія на венгерскій престолъ въ качествѣ турецкаго вассала. Выступивъ чрезъ двѣ недѣли изъ Офена, султанъ взялъ съ собой драгоцѣнную библіотеку рукописей, составленную Матфіемъ Корвиномъ. 24 сентября началось отступленіе турокъ по той же дорогѣ, которою они прошли. Въ Петервардейнѣ турецкое войско переправилось по мосту, вновь сооруженному. Въ концѣ ноября султанъ уже былъ въ Константинополѣ, гдѣ въ теченіе 1527 и 1528 гг. его задерживали государственныя дѣла и безпокойства, возникшія въ Азіи.

Въ это время братъ Карла V, Фердинандъ I, былъ признанъ королемъ Венгріи и Богеміи. Въ 1526 году вниманіе

Фердинанда было поглощено весьма опасной крестьянской войной, начавшейся въ Зальцбургѣ въ 1525 г., въ одно время съ крестьянскими войнами въ Швабіи, Франконіи и Тюрингіи, и распространившейся въ Австрію. Поэтому, по смерти короля Лудовика онъ не могъ поддержать силой свое право на престолъ, пріобрѣтенное по брачному договору; по этой причинѣ онъ не оспаривалъ право чеховъ и венгровъ избирать себѣ короля, хотя въ силу этого договора имѣлъ нѣкоторое основаніе подвергнуть это право сомнѣнію. 1 октября 1526 г. богемскіе чины, т. е. дворянство, духовенство, и города, приступили къ избранію короля. 24 числа восемь избирателей, назначенные чинами, провозгласили Фердинанда королемъ Богеміи. Наибольшее число голосовъ послѣ него имѣлъ одинъ изъ герцоговъ баварскихъ. Въ январѣ 1527 г. Фердинандъ отправился въ Богемію, а въ февралѣ былъ коронованъ богемской короной, хранящейся въ замкѣ Карльштейнѣ. Моравія и Силезія немедленно признали его.

Но венгры не чувствовали охоты ввѣрить правленіе нѣмецкому принцу, воспитанному въ Испаніи. Вся Венгрія раздѣлилась на два лагеря въ борьбѣ палатина Баторія съ воеводой Іоанномъ Заполіемъ, который, по смерти своего брата Георгія, владѣлъ въ одной только Венгріи 72 замками. Заполій собралъ войско, чтобы тревожить отступавшихъ турокъ, но потомъ перемѣнилъ намѣреніе и отошелъ къ Токаю. Сестра Фердинанда, вдовствующая королева венгерская, велѣла палатину созвать сеймъ въ Коморнъ; но Заполій и его приверженцы предупредили ихъ. Они собрали сеймъ въ Штульвейссенбургѣ, гдѣ 10 ноября 1526 г. Заполій былъ избранъ королемъ. Королева и Фердинандъ отправили посольство протестовать противъ избранія; но Заполій далъ посламъ аудіенцію уже послѣ своей коронаціи и сказалъ, что Фердинандъ будетъ считаться врагомъ Венгріи и подвергнется нападенію, если осмѣлится явиться въ Венгрію или будетъ пытаться созывать сеймъ и

сѣять раздоры. Коморнскій сеймъ не состоялся, но вдовствующая королева созвала своихъ приверженцевъ въ Пресбургъ. Они признали избраніе Заполія недѣйствительнымъ и приказали всѣмъ присутствовавшимъ въ Штульвейссенбургѣ явиться въ теченіи сорока дней въ Пресбургъ. Тѣ, разумѣется, не явились, и пресбургское собраніе избрало Фердинанда королемъ и пригласило его немедленно прибыть въ Венгрію. Но понятно, что онъ не могъ иначе послѣдовать приглашенію, какъ во главѣ арміи.

На конгрессѣ въ Ольмюцѣ король польскій старался примирить Заполія съ Фердинандомъ, чтобы прекратить распри между христіанскими государствами, въ виду новаго нападенія турокъ; папа Клементъ VII, находившійся въ плѣну у Карла V, предалъ въ 1527 Заполія отлученію; но все было тщетно, и вопросъ о томъ, кому царствовать въ Венгріи, могло рѣшить только оружіе. Въ концѣ іюля 1527 Казиміръ Бранденбургъ-Ансбахскій и Никласъ фонъ Зальмъ двинулись противъ Тирнау и Тебена, а 3 августа Фердинандъ пошелъ противъ Альтенбурга съ саксонскими и брауншвейгскими войсками, предводимыми графомъ Мансфельдомъ. Союзное нѣмецкое войско выгнало приверженцевъ Заполія изъ всѣхъ городовъ Венгріи. Христофоръ Франгипани былъ убитъ въ сраженіи, а Францъ Батіаній овладѣлъ Кроаціей. Въ тоже время Никласъ фонъ Зальмъ одержалъ блистательную побѣду при Токаѣ. Послѣ того Фердинандъ собралъ въ Офенѣ большую часть дворянства и, приказавъ снова избрать себя, короновался въ Штульвейссенбургѣ.

Заполій не могъ даже удержаться въ Трансильваніи, потому что уполномоченные Фердинанда, Каспаръ Хорватъ и Рейхерспергеръ, взяли Германштатъ и подняли противъ него всю страну. Онъ бѣжалъ сначала въ имѣніе одного своего друга, а потомъ въ Польшу. Здѣсь онъ нѣкоторое время скрывался въ Ченстоховскомъ монастырѣ, откуда разослалъ всюду пословъ

Digitized by Google

искать союзниковъ. Полякъ Іеронимъ Лащій, палатинъ сѣрадзьскій, уже ѣздившій по его порученію въ Парижъ, былъ посланъ въ Константинополь. Въ Константинополѣ въ декабрѣ 1527 за Заполія хлопоталъ также венеціанскій агентъ, Гритти. Солиманъ показывалъ сперва видъ, что не желаетъ принимать участія въ Заполіѣ, хотя турки завоевали уже всѣ боснійскія крѣпости, заняли многіе далматскіе города и окончили всѣ приготовленія къ походу. Наконецъ, въ февралѣ 1528 Лащій заключилъ союзъ между Солиманомъ и Іоанномъ Заполіемъ или, какъ его звали турки, королемъ Янушемъ. Договоромъ этимъ турки обѣщали не только помочь королю пушками и боевыми снарядами, но и предпринять вторичный походъ въ Венгрію. Король Фердинандъ также отправилъ къ Солиману пословъ. Они дѣйствовали совершенно иначе, чѣмъ агентъ Заполія; хотя они и хлопотали о перемиріи или даже о мирѣ, но въ тоже время требовали возвращенія 24 венгерскихъ городовъ, находившихся еще во власти турокъ. Отвѣтъ, данный великимъ визиремъ Ибрагимомъ 29 марта 1528 г. посланнику Фердинанда, показываетъ, какъ приняли турки это требованіе. „Какъ смѣетъ твой король, сказалъ Ибрагимъ, называть себя могущественнѣйшимъ государемъ, въ присутствіи императора османовъ, подъ сѣнь и покровительство котораго предаютъ себя всѣ прочіе короли!“ Пословъ продержали девять мѣсяцевъ въ заперти, въ отведенной имъ квартирѣ, и отпустили не ранѣе 20 марта 1529 г. Передъ отъѣздомъ ихъ имъ сказали: „До сихъ поръ вашъ государь не испыталъ нашей дружбы и нашего сосѣдства, но теперь увидитъ, что это значитъ. Скажите ему, что султанъ самъ прійдетъ къ нему со всѣми своими силами, чтобы лично возвратить ему то, чего онъ требуетъ. Поэтому, пусть онъ приготовится принимать насъ!“

10 мая 1529 г. Солиманъ отправился изъ Константинополя въ Венгрію. Заполій также возвратился туда изъ Польши; его упрекали въ трусости и въ недостаткѣ военныхъ дарова-

Digitized by Google

ній. 20 іюля Заполій представился при Могачѣ султану, который шелъ прямо на Офенъ, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія. Такимъ образомъ Заполій не постыдился явиться на поклонъ къ султану въ то самое мѣсто, гдѣ погибли его предшественникъ и цвѣтъ его соотечественниковъ. По взятіи Офена, янычары ввели 14 сентября Заполія въ венгерскій королевскій замокъ.

Солиманъ немедленно пошелъ на Вѣну и осадилъ этотъ городъ въ то время, какъ Фердинандъ ожидалъ въ Линцѣ помощи отъ нѣмецкихъ государей. Защита Вѣны противъ турецкаго войска, состоявшаго изъ 250,000 человѣкъ, 300 орудій и сопровождаемаго сильнымъ флотомъ по Дунаю, составляетъ блестящую страницу въ нѣмецкой военной исторіи XVI столѣтія тѣмъ болѣе, что укрѣпленія города были слабы и осажденные имѣли всего 72 пушки. Описаніе этой защиты требуетъ спеціальнаго знанія военнаго дѣла; поэтому, мы обойдемъ частности и скажемъ только, что городъ былъ хорошо снабженъ съѣстными припасами, что гарнизонъ состоялъ изъ 20,000 отборнаго войска и что граждане соперничали въ героизмѣ съ имперскими и австрійскими солдатами, чешскими стрѣлками, испанцами и венграми. Старшіе члены всѣхъ австрійскихъ рыцарскихъ фамилій, Шварценбергъ, Штарембергъ, Ауэрсбергъ, Лихтенштейнъ и др., рыцарски сражались при вылазкахъ и приступахъ; гарнизономъ командовали Филиппъ пфальцграфъ на Рейнѣ, герцогъ Баварскій и старый Никласъ фонъ Зальмъ. Турки сдѣлали въ стѣнѣ значительныя бреши и даже разрушили взрывомъ часть ея; но всѣ приступы ихъ были отбиты съ большимъ урономъ. 14 октября былъ послѣдній приступъ, также безуспѣшный. На другой день Солиманъ снялъ осаду и началъ отступленіе. При этомъ варвары обратили въ пустыню всю страну до Линца.

Послѣ того Фердинандъ тщетно осаждалъ Офенъ (Пресбургъ былъ уже взятъ его войсками) и наконецъ заключилъ

съ турецкимъ вассаломъ Заполіемъ перемиріе. Въ слѣдующемъ году Фердинандъ и его братъ, императоръ Карлъ V, вооружили значительное войско, которое могло въ открытомъ полѣ помѣриться съ турками, если бы они возобновили войну. Но къ счастію Солиманъ предпринялъ новый походъ только въ 1532, когда въ нѣмецкой имперіи распри были покончены нюрнбергскимъ религіознымъ миромъ и протестанты старались доказать императору свой патріотизмъ и свое христіанское рвеніе въ борьбѣ съ невѣрными. Здѣсь мы должны остановиться, потому что съ 1532 исторія Венгріи, Богеміи и Турціи можетъ быть разсказана вмѣстѣ съ исторіей Германіи.

5. Генрихъ VIII англійскій.

Не смотря на вольности своихъ подданныхъ и на парламентъ, Генрихъ VIII царствовалъ болѣе деспотически и жестоко, чѣмъ какой либо другой государь того времени. Капелланъ его, Уольси, получившій кардинальское достоинство, пользовался безусловнымъ вліяніемъ на короля, пока желаніе Генриха развестись съ женой не произвело сначала ссору между нимъ и кардиналомъ, а вскорѣ полный разрывъ между королемъ и папскою церковью. (т. XI стр. 345 и 370) Уольси былъ канцлеромъ Англіи, архіепископомъ іорскимъ, епископомъ уинчестерскимъ, владѣлъ безчисленнымъ множествомъ доходныхъ аббатствъ и носилъ званіе папскаго легата; папы, нуждавшіеся въ Генрихѣ, сдѣлали Уольси почти полномочнымъ представителемъ своимъ. Кромѣ того, въ вознагражденіе за епископство турнэское, французскій король Францискъ далъ Уольси 12,000 ливровъ ежегоднаго дохода, а Карлъ V и папа Левъ X платили ему 5,500 дукатовъ ежегодно за епископства толедское и паленцское. Высокомѣріе Уольси было безгранично; пышность его затмѣвала королевскій дворъ, потому что Уольси былъ щедръ и

тратилъ всѣ свои громадные доходы на свой дворъ, на постройки и на разныя учрежденія. Мы уже говорили, что онъ выгналъ своихъ товарищей, легатовъ Корнето и Кампеджіо, и производилъ невѣроятныя насилія, противъ которыхъ никто не осмѣливался возставать. Онъ дважды пытался достичь папскаго престола, какъ Генрихъ—императорскаго, но оба обманулись въ своихъ честолюбивыхъ видахъ.

Король и Уольси безнаказанно нарушали на каждомъ шагу законы и права націи. Уольси учредилъ напримѣръ духовный судъ, который, подъ предлогомъ религіозно-нравственнаго надзора, производилъ насилія, какія только можно было придумать. Король полагалъ свою славу въ томъ, чтобы отличаться въ догматико-схоластическихъ спорахъ и преслѣдовалъ съ отвратительной жестокостью всякаго, кто осмѣливался оспаривать какой нибудь догматъ его схоластическаго богословія. Уольси назвалъ свой судъ, учрежденію котораго противорѣчила англійская конституція, трибуналомъ легата. Предсѣдателемъ его онъ назначилъ какого-то Джона Оллена, который умѣлъ подчинять своему суду всѣ тяжбы и позволялъ себѣ, подъ предлогомъ папскаго полномочія, величайшія притѣсненія и насилія. Народъ, парламентъ, даже рыцари молчали, и никто не думалъ сослаться на древній законъ Praemunire, ограждавшій гражданское судопроизводство отъ вмѣшательства папъ (т. X стр. 8). Трибуналъ легата служилъ Уольси средствомъ добывать деньги и преслѣдовать своихъ враговъ; звѣздная же палата, наполненная придворными и королевскими креатурами, постановляла приговоры нужные королю (т. X стр. 369). Въ числѣ лицъ, умерщвленныхъ королемъ судебнымъ порядкомъ, находился близкій родственникъ его, герцогъ Бокингемъ, казнь котораго Юмъ и другіе несправедливо приписываютъ кардиналу Уольси. Кардиналъ принималъ участіе въ гибели герцога лишь какъ министръ короля. Преступленіе Бокингема состояло въ томъ, что

онъ спрашивалъ у одного астролога о смерти короля. По англійскимъ законамъ его слѣдовало судить верхней палатѣ; но Уольси назначилъ судную коммисію изъ 17 перовъ, причемъ герцогъ Норфокъ (high steward) не постыдился принять на себя предсѣдательство. Коммисія осудила Бокингема, который при чтеніи приговора рѣшительно утверждалъ, что невиненъ и даже ни за что не соглашался просить короля о помилованіи *); за это въ маѣ 1521 онъ былъ казненъ.

Кардиналъ умѣлъ даже добывать деньги помимо парламента, вслѣдствіе чего становился съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе необходимымъ расточительному королю. Здѣсь не мѣсто перечислять всѣ средства, изобрѣтаемыя Уольси для полученія денегъ; однако необходимо упомянуть о нѣкоторыхъ и привести нѣсколько фактовъ изъ безконечнаго списка насилій, жестокостей и несправедливостей Генриха, чтобы показать, что англійскій король-богословъ не уступалъ въ этомъ отношеніи современнику своему, турецкому султану. Самое ханжество короля служило ему пособіемъ наживать деньги и подвергать подданныхъ жестокимъ казнямъ. Однажды Уольси приказалъ переписать имущество всѣхъ англичанъ старше 16 лѣтъ и потомъ воспользовался этимъ спискомъ, принуждивъ дать королю взаймы десятую часть дохода свѣтскихъ и четвертую духовныхъ имуществъ. Однимъ только лондонскимъ купцамъ было позволено откупиться отъ этого налога круглой суммой. Въ слѣдующемъ году Уольси принудилъ духовенство дать королю половину годоваго дохода съ разсрочкою на пять лѣтъ и потребовалъ отъ парламента согласія на отдачу королю пятой части дохода со всѣхъ свѣтскихъ имуществъ страны, съ тѣмъ, чтобы она была выплачена въ четыре года. Сначала парламентъ возсталъ противъ этого и согласился дать только половину требуемой суммы. Тогда Уольси

*) I shall never sue to the king for life.

Digitized by Google

лично отправился въ парламентъ, хотя послѣдній объявилъ, что въ присутствіи министра пренія и подача голосовъ не могутъ производиться. Однако рѣшительный поступокъ кардинала такъ устрашилъ его, что онъ не только продолжалъ засѣданіе, но даже увеличилъ требуемую сумму и не противорѣчилъ Уольси, когда кардиналъ изъявилъ желаніе, чтобы вмѣсто четырехъ лѣтъ она была выплачена въ годъ. Въ 1525 король вознамѣрился произвести снова подобный поборъ подъ именемъ добровольнаго пожертвованія (benevolence), который еще при отцѣ его возбуждалъ всеобщій ропотъ (т. X стр. 325 и 359). Но вся нація взволновалась; алчность и мотовство короля едва не сколько тогда Уольси, которому суждено было пасть черезъ нѣ-погубили лѣтъ жертвою его прихоти.

Къ сожалѣнію исторія кардинала Уольси и его паденія тѣсно связана съ возникновеніемъ такъ называемой высокой англиканской церкви. Церковь эта возникла при Генрихѣ VIII и позднѣе при Елисаветѣ была преобразована въ духѣ ученія Кальвина. Ея духовенство—полусвѣтское, полудуховное, а обряды—полупротестантскіе и полукатолическіе, съ одной стороны близкіе къ внѣшнему благочестію піэтистовъ, а съ другой — къ іерархическимъ основаніямъ римской церкви. Поэтому въ XVII вѣкѣ ее сильно потрясли піэтисты, а въ XVIII и XIX столѣтіяхъ паписты. Церковныя перемѣны Англіи (ибо измѣненія, которымъ подвергнулъ Генрихъ церковный порядокъ, не заслуживаютъ имени реформы) были произведены только вслѣдствіе желанія короля развестись съ своей первой женой по законамъ римской церкви, сохранивъ видъ легальности.

Генрихъ уже 18 лѣтъ находился въ супружествѣ съ вдовою своего брата, Катариною, теткою императора Карла V. У нихъ было пятеро дѣтей, изъ коихъ дочь Марія пережила его и послѣ многихъ приключеній достигла англійскаго престола. Въ теченіе всего этого времени Генрихъ удовлетворялся волокнствомъ, пока не влюбился страстно въ вѣтреную Анну Болейнъ. Ког-

Digitized by Google

да ей было еще только 7 лѣтъ, ее увезла во Францію сестра Генриха, жена Лудовика XII, вышедшая по смерти его за герцога Соффолька. Свита этой королевы вела такую жизнь, что французы поспѣшили выпроводить ее, оставивъ одну только Анну Болейнъ. Трудно опредѣлить, сколько времени жила Анна Болейнъ во Франціи по смерти Лудовика XII; достовѣрно лишь то, что 20 лѣтъ она поступила во фрейлины къ королевѣ Катаринѣ. Здѣсь Генрихъ увидѣлъ ее. Онъ былъ прежде въ связи съ ея сестрой, Маріей, которую бросилъ. Анна была предусмотрительнѣе своей сестры. Король со всей страстностью своего характера началъ немедленно добиваться развода съ женой и съ этою цѣлью прикинулся, будто бракъ на вдовѣ брата мучитъ его совѣсть; онъ утверждалъ, что папа Юлій II не могъ разрѣшить подобный бракъ (т. XI стр. 200). Король объявилъ, что почувствовалъ внезапно угрызенія совѣсти за нарушеніе Моисеева закона, и даже написалъ разсужденіе, въ которомъ доказывалъ своимъ епископамъ, что бракъ его съ невѣсткой должно разсматривать на основаніи текста четвертой книги Моисея, а не пятой, гдѣ это осуждается менѣе строго. Народъ взволновался, а императоръ Карлъ V вступился за свою тетку, которая не довѣряла кардиналу Уольси и епископамъ, потому что кардиналъ былъ всемогущъ, какъ министръ, а какъ легатъ имѣлъ папское полномочіе (впрочемъ не во всѣхъ дѣлахъ). Катарина и ея племянникъ полагались на папу Клемента VII, который бы охотно далъ согласіе на расторженіе брака, но находился въ то время (1527 г.) во власти Карла V (т. XI стр. 403). Въ такихъ обстоятельствахъ Клементъ боялся оскорбить и императора, и англійскаго короля и потому старался затянуть дѣло о разводѣ. Но нетерпѣніе короля поставило Уольси въ затруднительное положеніе между двухъ огней, Генрихомъ и папой. Клементъ отказалъ императору, который требовалъ, чтобы процессъ англійскаго короля былъ рѣшенъ самимъ папой, а не коммиссарами его въ Англіи; папа отвѣчалъ, что это не въ обычаѣ, но со-

гласился увѣдомить императора о процессѣ до произнесенія рѣшенія.

Въ декабрѣ 1527 папа освободился изъ плѣна и благополучно прибылъ въ Орвіето (т. XI стр. 406). Здѣсь его встрѣтилъ посланный англійскаго короля (Найтъ) и предложилъ ему подписать двѣ грамоты, составленныя въ Англіи; одною Уольси уполномочивался развести Генриха съ женой, а другою дозволялось королю жениться на Аннѣ Болейнъ. Папа согласился подписать вторую, но дѣло о разводѣ затянулъ, назначивъ для произведенія процесса, кромѣ Уольси, другаго кардинала. Впрочемъ Уольси самому не хотѣлось спѣшить этимъ дѣломъ, потому что Анна Болейнъ была къ нему нерасположена. Онъ былъ между двухъ огней, а король грозилъ ему; поэтому, не смотря на свое нежеланіе, онъ выхлопоталъ, чтобы кардиналъ Кампеджіо, засѣдавшій въ коммисіи, которой слѣдовало дѣйствовать въ пользу Генриха, былъ подчиненъ ему. Сверхъ того, по его же старанію, Кампеджіо получилъ буллу, въ которой разрѣшалось все, чего бы не пожелалъ король, такъ что коммисія обращалась въ пустую формальность. Но римская политика обманула посланника, который выхлопоталъ посольство Кампеджіо и буллу; при этомъ въ обманъ попались и самъ король, и кардиналъ Уольси. Кампеджіо получилъ повелѣніе никому не отдавать буллу и сжечь ее, показавъ и прочтя королю и кардиналу Уольси. Это было сдѣлано съ цѣлью продлить процессъ и перенести его въ Римъ, устранивъ коммисію. Съ этою же цѣлью Кампеджіо ѣхалъ такъ медленно, что вмѣсто іюля, какъ его ожидали, пріѣхалъ въ Англію только въ октябрѣ. За тѣмъ онъ оттягивалъ разнымъ крючкотворствомъ, проволочками и римскими хитросплетеніями открытіе засѣданій коммисіи до мая 1529 и велъ процессъ чрезвычайно медленно. Наконецъ, въ іюлѣ коммисія объявила, что дѣло можетъ рѣшить только папа.

Король разсвирѣпѣлъ до нельзя. Анна Болейнъ, неблаговоливщая къ кардиналу Уольси, имѣла на короля болѣе вліянія,

чѣмъ Уольси. Кардиналъ, боявшійся прежде новаго брака, готовъ былъ сдѣлать все, чтобы устроить его, потому что предвидѣлъ свою гибель, если желаніе короля не исполнится. Король думалъ, что булла, которую Кампеджіо показывалъ ему, еще у него. Но она была сожжена, и Генрихъ тщетно обыскивалъ вещи кардинала. Тогда весь гнѣвъ его обратился на Уольси. Онъ потребовалъ у него печать и вскорѣ лишилъ его всѣхъ должностей, званій и аббатствъ. Въ заключеніе онъ предалъ его уголовному суду, который при такомъ королѣ, какъ Генрихъ и при ужасѣ, какой онъ внушалъ всѣмъ, кто рѣшался защищать права, имущество и жизнь англичанъ, долженъ былъ непремѣнно кончиться осужденіемъ кардинала. Уольси былъ обвиненъ въ учрежденіи легатскаго суда, которымъ онъ нарушилъ законъ Praemunire, запрещавшій принимать папское полномочіе; за это преступленіе судъ призналъ его подлежащимъ смертной казни. Его предали придворному суду, т. е. звѣздной палатѣ, которая служила королямъ для осужденія придворныхъ; палата приговорила кардинала къ смерти. Король приказалъ однако не выполнять приговора и простилъ кардинала, который униженно просилъ прощенія, отказываясь отъ всѣхъ своихъ званій, должностей и доходовъ, кромѣ архіепископства іоркскаго. Кардиналу было позволено отправиться въ Іоркъ изъ Уинчестера, куда онъ былъ сосланъ на время своего процесса. Но вскорѣ король обвинилъ его въ государственной измѣнѣ и въ ноябрѣ 1530 послалъ въ Іоркъ герцога Нортомберленда, поручивъ ему привести кардинала въ Лондонъ, какъ уголовнаго преступника. Но Уольси умеръ на пути, впрочемъ не отъ яда, а отъ поноса.

Между тѣмъ дѣло о разводѣ продолжалось. Генрихъ рѣшился разойтись съ римскою церковью; онъ принялъ намѣреніе прервать всякую связь съ римскимъ престоломъ, продолжая впрочемъ по прежнему ненавидѣть Лютера и проповѣдуемую имъ свободу совѣсти. Впослѣдствіи, когда лютеранство распространилось въ Англіи, онъ преслѣдовалъ лютеранъ точно также, какъ

Digitized by Google

и католиковъ или папистовъ. Генрихъ къ чванству присоединялъ смѣшное желаніе прослыть великимъ богословомъ; онъ съ пеленокъ изощрился въ схоластикѣ, научился теологическому препирательству и, воображая себя опорой христіанства, желалъ пріобрѣсти славу, защищая его. Французскій король назывался христіаннѣйшимъ, а испанскій—католическимъ; чтобы не отстать отъ нихъ, онъ съ великими усиліями добылъ у папы дипломъ на титулъ „защитника истинной вѣры" (defensor fidei). Съ этою цѣлью онъ сочинилъ книгу и въ октябрѣ 1521 г. послалъ виндзорскаго декана Кларка въ Римъ передать ее папѣ, дабы показать ему, какъ ревностно король англійскій защищаетъ католическую религію. Король неоднократно доказывалъ, что книга эта написана имъ однимъ; но говорятъ, что Уольси и ученый епископъ Фишеръ принимали въ сочиненіи ея больше участія, чѣмъ Генрихъ. Поводомъ къ этой книгѣ послужило то обстоятельство, что Лютеръ, въ своемъ сочиненіи о вавилонскомъ плѣненіи церкви, оспаривалъ самое основаніе католической религіи. Сочиненіе Генриха напечатано въ церковномъ календарѣ Бзовіуса и въ собраніи сочиненій Лютера, изданномъ въ Галле. Заглавіе его „О таинствахъ" *). Генрихъ получилъ за него отъ папы титулъ, котораго такъ добивался, чтобы сравняться съ королями французскимъ и испанскимъ. Въ письмѣ своемъ папа изъяснялъ, что подобное произведеніе нельзя написать безъ содѣйствія Святаго Духа, вслѣдствіе чего онъ разрѣшаетъ отъ грѣховъ всѣхъ, кто прочтетъ его. Эмзеръ называетъ книгу Генриха лучшимъ опроверженіемъ Лютера. Скультетъ и даже Робертсонъ также хвалятъ ее; но вѣроятно они не читали ее, иначе не стали бы хвалить. Нѣмецкіе богословы, особенно Планкъ, отзываются о ней очень презрительно, и цитаты, приводимыя ими, доказы-

*) Assertio septem sacramentorum adversus Martinum Lutherum edita ab invictissimo Angliae et Franciae rege et domino Hiberniae, Henrico ejus nominis octavo. Lond. 1521.

ваютъ, что они правы. Тоже думали Лютеръ и его друзья, не обращая вниманія на то, что королю помогали ученый Фишеръ и даже, какъ говорятъ, самъ Эразмъ Роттердамскій. Они отозвались о ней, что она написана какимъ нибудь безтолковымъ придворнымъ капелланомъ, хваля впрочемъ ея языкъ. Капелланъ, которому приписывали ее, былъ Эдуардъ Ли, затѣявшій нелѣпый споръ съ Эразмомъ Роттердамскимъ и бывшій впослѣдствіи архіепископомъ іоркскимъ.

Мы упоминаемъ о книгѣ и объ опроверженіи ея Лютеромъ только потому, что въ этомъ случаѣ запальчивость Лютера или, какъ выражаются нынѣшніе философы, его божественная грубость нанесла вредъ евангелической церкви, которую онъ хотѣлъ основать. Возбудивъ къ себѣ въ англійскомъ королѣ ненависть, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ оскорбилъ національную гордость англичанъ; вскорѣ онъ вооружилъ противъ себя и швейцарцевъ, которыхъ не признавалъ христіанами. Мы не хотимъ сказать, что Лютеру слѣдовало быть дипломатомъ, придворнымъ или политикомъ, что онъ, какъ говорятъ нынче, долженъ былъ выражаться парламентскимъ языкомъ и деликатничать съ писакой; нѣтъ, но во всякомъ случаѣ ему слѣдовало выражаться, какъ прилично образованному человѣку, какія бы дерзости не говорилъ ему король. Генрихъ ругался и издѣвался надъ Лютеромъ; книга его написана высокомѣрнымъ тономъ, и въ ней находятся тѣ же выходки противъ плебеевъ, какія теперь приходится ежедневно слышать во Франціи и въ Германіи; но для реформатора это было безвредно. Всѣ ученые съ перваго раза увидѣли, какъ жалка книга, украшенная именемъ Генриха. Поэтому лучшіе друзья Лютера, Спалатинъ, курфирстъ и особенно Меланхтонъ, убѣдительно просили его или вовсе не отвѣчать или, по крайней мѣрѣ, нападать на содержаніе сочиненія, а не на личность автора. Но Лютеръ былъ не въ состояніи сдержать свой гнѣвъ. Этимъ онъ повредилъ своему великому дѣлу, подобно Лессингу и Іоганну-Генриху Фоссу, которые также

вдавались въ личности въ ущербъ своему дѣлу. Уже самое заглавіе было обращено не противъ книги короля, а противъ его личности *). Опроверженіе Лютера, подобно его полемическимъ сочиненіямъ противъ герцога Георга Саксонскаго и герцога Генриха Брауншвейгскаго, доселѣ вредитъ великому реформатору и его ученію, потому что враги лютеранства, особенно лицемѣрные іезуиты и ученые, для которыхъ изящество выше истины, пользуются ими, доказывая, что такой грубый человѣкъ, какъ Лютеръ, не могъ быть правъ въ религіозномъ спорѣ.

Не говоря уже о ругательствахъ, Лютеръ относится къ книгѣ короля весьма презрительно и не признаетъ Генриха ея авторомъ, не смотря на его увѣренія. Это было возмездіемъ. Далѣе, Лютеръ называетъ Генриха дуракомъ, осломъ, богохульникомъ и лжецомъ, а кардинала Уольси—чудовищемъ, чумой государства, человѣкомъ ненавистнымъ Богу и людямъ. Съ этихъ поръ въ присутствіи Генриха нельзя было произносить имя Лютера; онъ началъ жестоко преслѣдовать и казнить всѣхъ своихъ подданныхъ, заподозрѣваемыхъ въ лютеранствѣ. Образованные совѣтники Генриха, Кромвель и достойный, благородный и благочестивый Краимеръ, симпатизировавшіе протестантизму, должны были лицемѣрить и съ боязливой осторожностью отстранять всякое подозрѣніе въ приверженности ученію Лютера. Впрочемъ, чрезъ два съ половиною года Лютеръ самъ раскаялся въ своемъ поступкѣ и по просьбѣ датскаго короля написалъ Генриху униженное письмо; но этимъ онъ сдѣлалъ новую неосторожность, доставивъ Генриху торжество съ презрѣніемъ отвергнуть его. Непонятно, какъ могъ Лютеръ вообразить, что жестокій Генрихъ сойдется съ

*) Книга Лютера вышла въ 1522 г. сперва на латинскомъ, а потомъ на нѣмецкомъ языкѣ. Въ нѣмецкомъ изданіи по крайней мѣрѣ въ заглавіи нѣтъ личностей: «Отвѣтъ д-ра Мартина Лютера на книгу Генриха короля Англіи». Латинское же изданіе озаглавлено: «Contra Henricum Angliae regem Martinus Lutherus»

какимъ-то нѣмецкимъ богословомъ, который отдѣлалъ его и его любимца Уольси, какъ школьниковъ.

Еще за два года до смерти Уольси Генрихъ получилъ относительно развода совѣтъ, научившій его, какъ поступать въ этомъ дѣлѣ. Совѣтъ этотъ далъ ему бывшій оксфордскій профессоръ Томасъ Кранмеръ. Онъ былъ представленъ королю епископами Фоксомъ и Гардинеромъ, вполнѣ преданными римской церкви. Поэтому король никакъ не воображалъ, что Кранмеръ принадлежитъ къ числу самыхъ ревностныхъ приверженцевъ Лютера. По случаю своей женитьбы Кранмеръ долженъ былъ выйдти изъ университета и получилъ мѣсто воспитателя сыновей барона Ультгема. Когда король былъ у барона, ему сказали, что, быть можетъ, ученый Кранмеръ укажетъ какое нибудь средство къ разводу. Король приказалъ немедленно призвать Кранмера, который предложилъ ему испросить у всѣхъ лучшихъ богослововъ и университетовъ Европы одобреніе на разводъ и представить ихъ отзывы папѣ; папа будетъ поставленъ въ необходимость согласиться съ общимъ голосомъ знатоковъ каноническаго права. Совѣтъ Кранмера такъ понравился королю, что онъ выразился при этомъ даже вовсе не дипломатически: „ну, теперь я схватилъ свинью за оба уха.“ Но совѣтъ былъ приведенъ въ исполненіе лишь по смерти Уольси. Послѣ многихъ придирокъ, мученій и угрозъ, которыя можно доказать на основаніи актовъ, англійскіе университеты были вынуждены подчиниться королевскому желанію, при чемъ дѣятельно хлопотали Фоксъ и Гардинеръ. Въ Италіи, университеты болонскій, феррарскій и падуанскій были подкуплены. Но въ Германіи агенту Генриха, Бернесу, не удалось добиться одобренія развода даже отъ протестантовъ, потому что это дѣло касалось чести тетки императора. Пришлось удовольствоваться отзывами лишь нѣсколькихъ богослововъ. При этомъ Лютеру пришла въ голову странная мысль. Онъ писалъ Бернесу, что не можетъ одобрить разводъ, но полагаетъ, что Генрихъ, по примѣру древнихъ царей, можетъ имѣть въ одно

время двухъ законныхъ женъ *). Французскій король, нуждаясь въ помощи Генриха противъ императора, заставилъ свои университеты одобрить разводъ, впрочемъ съ оговоркою.

Папа не мѣшалъ всему этому тѣмъ болѣе, что, разведя Генриха съ женою, могъ оправдаться передъ императоромъ, сославшись на общее мнѣніе богослововъ. Отзывы ихъ были посланы къ нему, но Клементъ продолжалъ противиться разводу. Между тѣмъ Генрихъ уже тому два года назадъ удалилъ Катарину и жилъ съ Анной, какъ съ женой; видя упорство папы, онъ написалъ ему дерзкое и грозное письмо. Письмо оканчивалось слѣдующими словами: „Я нахожусь во вторичномъ бракѣ, который не могу узаконить, благодаря папѣ, не желающему расторгнуть мой первый бракъ. Поэтому мнѣ остается только обойтись безъ папы. Конечно, это зло, но для Англіи будетъ хуже, если родится наслѣдникъ престола, законность рожденія котораго будетъ сомнительна". Папа даже и на это письмо отвѣчалъ уклончиво, съ желаніемъ затянуть дѣло. Это поставило Генриха въ большое затрудненіе, потому что канцлеръ и министерство его не рѣшались постановить, помимо папы, рѣшеніе, которое возбудило бы противъ нихъ ненависть всей англійской націи. Въ это тревожное время королю былъ представленъ Кромвель и вывелъ его изъ затрудненія. Кромвель обладалъ столь же упругою совѣстью, какъ и Уольси и потому занялъ его мѣсто въ тайномъ кабинетѣ короля; онъ былъ любимцемъ Уольси и изучилъ въ Италіи не только языкъ, но и политику Макіавелли и всѣ придворныя продѣлки того времени. Онъ далъ королю желанный совѣтъ и дѣйствовалъ такъ хитро и лукаво, что Генрихъ, самъ того не зная и не желая, былъ принужденъ предпринять родъ церковной реформы. Кромвель произвелъ разрывъ между королемъ и римскимъ престоломъ, убѣдивъ Генриха, что онъ мо-

*) Alteram reginam quoque ducere et exemplo regum duas simul uxores ducere.

жетъ безъ всякихъ измѣненій въ религіозномъ ученіи въ одно и тоже время господствовать въ Англіи какъ король и какъ папа. Изъ донесенія Фокса но Гардинера видно, что не трудно было убѣдить англичанъ отрѣчься отъ папы, но что отрѣченіе это не было однако, какъ въ Германіи, отпаденіемъ отъ папства. Фоксъ и Гардинеръ были правовѣрные католики и еще задолго до смерти Уольси ѣздили въ Римъ (1528) склонять папу къ расторженію брака короля. Въ тайной конференціи они объявили папѣ, что если онъ будетъ продолжать тянуть дѣло, то можетъ быть увѣренъ, что потеряетъ Англію; англійскій народъ и духовенство весьма желаютъ освободиться отъ власти римскаго престола, и королю стоитъ только дать духовенству свободу, чтобы желанія, доселѣ тайныя, обнаружились явно.

Благородный Томасъ Кранмеръ содѣйствовалъ выполненію совѣта Кромвеля. Впрочемъ правительство поступало самовластно и произвольно; въ реформѣ этой не религія создавала іерархію и церковный порядокъ, а, наоборотъ, религію выводили изъ церковности, которую и доселѣ въ Англіи принимаютъ за религію. Поведеніе Кранмера при Генрихѣ VIII можно извинить, но одобрять его могутъ только тѣ, для которыхъ цѣль оправдываетъ средства. Онъ тщательно скрывалъ свою симпатію къ ученію Лютера и добылъ себѣ окольными путями духовную власть, имѣя въ виду помогать королю и незамѣтно проложить реформаціи путь въ Англію. Однако это было не легко, потому что Генрихъ жегъ протестантовъ въ то самое время, какъ Кранмеръ старался всѣми средствами распространить лютеранство. Тѣмъ не менѣе протестантизмъ распространялся и нашелъ друзей даже между духовенствомъ. Это способствовало жестокости короля, который гналъ и папистовъ, и лютеранъ; духовенство же обѣихъ партій помогало ему преслѣдовать другъ друга. Народъ ненавидѣлъ духовенство; поэтому оно покорялось королю, чтобы найдти въ немъ защиту отъ народа. Это обнаружилось въ 1532, когда король воспользовался своей ссорой съ папой и подъ предлогомъ

ея, неслыханнымъ образомъ отнялъ у духовенства все. Онъ грозилъ духовенству процессомъ за нарушеніе закона Praemunire, вопреки которому былъ учрежденъ легатскій судъ, состоявшій подъ вѣдѣніемъ папы. Процессъ этотъ угрожалъ духовенству потерею всей поземельной собственности, чему народъ и дворянство были очень рады, надѣясь получить духовныя имущества. Чтобы избѣжать процесса, духовенство заплатило 100,000 фунтовъ и согласилось признать короля верховнымъ судьею и главою церкви и духовенства Англіи.

Дѣло это велъ Кромвель; своей уступчивостью, хитростью и безсовѣстной политикой онъ вошелъ въ милость короля и замѣнилъ ему Уольси; Кранмеръ же принималъ участіе только въ религіозныхъ вопросахъ. Король, призвавъ Кранмера къ себѣ, поручилъ ему переписку по дѣлу о разводѣ, а потомъ назначилъ состоять при посольствѣ, отправленномъ въ Болонью къ папѣ, въ концѣ 1529. Въ посольствѣ этомъ участвовали отецъ Анны Болейнъ, графъ Уальштайръ, лондонскій епископъ Стокели, милостынедатель короля Ли и докторъ богословія Беннетъ. Графъ былъ главою посольства, а Кранмеръ былъ посланъ съ нимъ въ качествѣ совѣтника по каноническому праву. Прочіе члены посольства были королевскіе чиновники, тогда какъ Кранмеръ состоялъ въ личной свитѣ графа, съ семействомъ котораго давно находился въ близкихъ отношеніяхъ. Онъ былъ очень полезенъ графу, который лестно отзывался о немъ въ разговорѣ съ королемъ. Генрихъ назначилъ его посломъ къ императору и папѣ. При этомъ папа, чтобы угодить королю, назначилъ Кранмера своимъ великимъ пенитенціаріемъ въ Англіи.

Кранмеръ извѣстилъ короля, что, по желанію императора, папа ни за что не утвердитъ его разводъ. Съ этого времени Генрихъ выказывалъ явное нерасположеніе къ папѣ и окончательно рѣшился прекратить зависимость англійской церкви отъ Рима. Но, какъ схоластикъ, онъ не могъ исполнить свое намѣреніе, пока Кранмеръ не получитъ всѣхъ іерархическихъ правъ,

общихъ архіепископамъ съ папою. Король заботился о соблюденіи внѣшности религіи; такія натуры, какъ Генрихъ VIII, никогда не думаютъ о сущности дѣла. По волѣ короля и по желанію семейства Анны Болейнъ, съ которой Генрихъ, ради приличія, тайно обвѣнчался, Кранмеръ долженъ былъ получить архіепископство кентерберійское; санъ этотъ давалъ ему право расторгнуть первый бракъ короля и признать законность втораго. Овдовѣвъ, Кранмеръ получилъ право посвятиться въ духовный чинъ; но во время своей поѣздки въ Германію, онъ вступилъ во второй бракъ съ племянницею жены лютеранскаго богослова Озіандера и такимъ образомъ снова лишился права на санъ архіепископа. Сперва жена его оставалась въ Германіи, но потомъ пріѣхала въ Англію; узнавъ, что король строго запретилъ священникамъ жениться, Кранмеръ отослалъ ее назадъ. Генрихъ, не зная, что Кранмеръ женатъ, назначилъ его архіепископомъ кентерберійскимъ, а папа утвердилъ это назначеніе. При этомъ пришлось обойти всѣ постановленія каноническаго права, препятствовавшія такому возвышенію. Генрихъ не хотѣлъ нарушать законъ и, чтобы устранить препятствія, папа издалъ одиннадцать буллъ. Объ этихъ обстоятельствахъ упоминаютъ всѣ историки; Лингардъ справедливо приписываетъ особенную важность іезуитскому поступку Кранмера, который, присягая папѣ, въ то же время втайнѣ протестовалъ противъ этого (reservatio mentalis). Обстоятельство это не имѣетъ никакой политической важности, но важно его нравственное значеніе, потому что Кранмеръ былъ однимъ изъ лучшихъ людей своего времени и впослѣдствіи мученикомъ своихъ убѣжденій. Кранмеру предстояло сдѣлать то, чего не хотѣлъ папа, т. е. признать недѣйствительнымъ первый бракъ короля и утвердить второй, основываясь на одобреніи университетовъ и богослововъ. Это не помѣшало ему присягнуть папѣ въ повиновеніи. При этомъ онъ съ разрѣшенія короля прибѣгнулъ къ такой уловкѣ: призвавъ въ церковь св. Стефана въ Уестминстерѣ четырехъ свидѣтелей,

Digitized by Google

онъ объявилъ имъ, что, присягая ради формы папѣ, онъ не думаетъ обязывать себя поступать вопреки закону Божіему, правамъ короля или мѣрамъ, которыя король сочтетъ необходимыми для англійской церкви. Эта оговорка была засвидѣтельствована документомъ, и затѣмъ Кранмеръ подошелъ къ алтарю, выполнилъ всѣ установленные обряды при посвященіи и при поднесеніи ему омофора, и принесъ обычную присягу.

Тотчасъ по назначеніи Кранмера, былъ предпринятъ цѣлый рядъ мѣръ, клонившихся къ тому, чтобы придать прихоти короля видъ законности. Прежде всего парламентъ, обратившійся при Генрихѣ въ машину, изготовлявшую декреты, издалъ законъ, запрещавшій, подъ страхомъ смертной казни, аппелировать папѣ на англійскій духовный судъ. Въ мартѣ, въ собраніи англійскаго духовенства (the Convocation) были постановлены угодныя королю заключенія по двумъ вопросамъ, касавшимся королевской совѣсти. Затѣмъ въ началѣ апрѣля Кранмеръ представилъ королю письмо, въ которомъ объяснялъ, какъ опасно для государства, если законность наслѣдника престола можетъ подвергаться сомнѣнію, и потому, какъ предсѣдатель духовнаго суда, просилъ дозволенія разсмотрѣть дѣло о разводѣ и постановить свое рѣшеніе. Какъ архіепископъ, онъ собралъ духовенство своего округа и на основаніи его рѣшенія учредилъ судъ, въ которомъ самъ предсѣдательствовалъ; искусно устранивъ личное присутствіе Катарины, такъ какъ она могла бы протестовать и аппелировать папѣ, онъ въ ея отсутствіе произнесъ заочное рѣшеніе (in contumaciam) о разводѣ ея съ королемъ. Люди, не видящіе въ жизни ничего дальше формы, не интересуются сущностью дѣла; здѣсь же формы, по обычаю англичанъ, были строго соблюдены, и бракъ Генриха съ Катариной расторгнутъ легальнымъ путемъ, по приговору, состоявшемуся 23 мая 1533, хотя Генрихъ уже два года назадъ былъ обвѣнчанъ съ Анной Болейнъ. Впрочемъ Кранмеръ, получивъ приказаніе короля возвратиться изъ Германіи для вступленія въ должность

архіепископа, употребилъ всѣ средства, чтобы отстранить отъ себя подобную роль. Онъ старался ѣхать какъ можно тише въ надеждѣ, что король передумаетъ. Только страхомъ жестокости Генриха можно объяснить, что Кранмеръ согласился участвовать въ дѣлѣ развода и что изъ религіознаго рвенія онъ рѣшился обмануть въ судѣ бѣдную Катарину. Во всякомъ случаѣ, какъ христіанинъ, онъ гораздо ниже канцлера Томаса Мура. Муръ, наслѣдовавшій кардиналу Уольси въ званіи канцлера, былъ извѣстенъ всей Европѣ своею ученостью, строгимъ католицизмомъ и остроуміемъ. Онъ расходился съ Кранмеромъ во мнѣніяхъ. Томасъ Муръ не держался правила, что цѣль освящаетъ средства и не полагалъ, что нужно соображаться съ духомъ времени даже въ томъ случаѣ, если духъ этотъ дуренъ. Поэтому онъ открыто не одобрялъ разводъ, отказался отъ всѣхъ своихъ должностей и доходовъ и уѣхалъ въ Чельси, гдѣ жилъ съ своими дочерьми. Онъ былъ такъ бѣденъ, что дочь должна была содержать его.

Въ то время какъ состоялся разводъ Генриха, Анна Болейнъ была беременна. Кранмеру было поручено устранить всякое сомнѣніе въ законности ожидаемаго ребенка. 28 мая онъ собралъ въ Ламбетѣ духовный судъ и, выслушавъ королевскаго уполномоченнаго (прокуратора), объявилъ, что Генрихъ и Анна состоятъ давно въ законномъ бракѣ и живутъ въ открытомъ и гласномъ союзѣ, и что вторичное освященіе его религіей и закономъ излишне. Достовѣрно неизвѣстно, вѣнчался ли Генрихъ съ Анной вторично; какъ бы то ни было, она была торжественно коронована, чего не дѣлалось при послѣдующихъ его бракахъ. Въ сентябрѣ Анна родила будущую королеву Елисавету.

Кранмеръ и Кромвель видѣли ясно, что для введенія въ Англіи протестантизма необходимо довести короля до разрыва съ папой. Большая часть англичанъ, уиклифиты и лолларды, были такъ озлоблены на духовенство и смотрѣли съ такой за-

Digitized by Google

вистью на его богатство и съ такой ненавистью на его нравы, что готовы были поддерживать всякія крутыя мѣры, принимаемыя противъ него. Король съ радостію подписывалъ всѣ постановленія противъ папизма, предлагаемыя ему Кранмеромъ и Кромвелемъ и приказалъ казнить многихъ папистовъ за то, что они вѣрили въ папу, а не въ него. Но онъ испугался своихъ поступковъ, когда люди, какъ Гардинеръ и Бонеръ, умѣвшіе притворяться не хуже Кромвеля и Кранмера, указали ему, что онъ содѣйствуетъ этимъ ученію Лютера. Тогда были немедленно сожжены, какъ еретики, люди, заподозрѣнные въ лютеранствѣ. Бывшую жену свою Генрихъ преслѣдовалъ недостойнымъ образомъ. Послѣ развода онъ удержалъ часть ея доходовъ и оставилъ ей только то, что принадлежало ей, какъ вдовѣ его брата. Кромѣ того онъ наказывалъ и прогонялъ въ отставку тѣхъ, кто называлъ ее королевою, тогда какъ она не терпѣла, чтобы ее называли принцессой Уэльской.

Что касается папы (Клемента VII), то онъ охотно бы удовлетворилъ желанію Генриха, но въ 1533 нуждался въ императорѣ больше, чѣмъ въ королѣ; императоръ грозилъ ему, и эта опасность была весьма близка. Клементъ былъ принужденъ отмѣнить приговоръ Кранмера противъ Катарины и требовать, чтобы Генрихъ къ октябрю развелся съ Анной Болейнъ и снова принялъ въ жены Катарину, угрожая въ противномъ случаѣ отлученіемъ отъ церкви. Однако папа отложилъ рѣшеніе до октября. Въ Римѣ шли переговоры объ этомъ дѣлѣ, и уже всѣ полагали, что агенты короля, поддерживаемые Франціей, вскорѣ окончатъ ихъ миромъ; но вдругъ Генрихъ прислалъ папѣ посланіе, смертельно оскорбившее его. Оно было привезено въ Римъ фанатическимъ приверженцемъ римской церкви, Бонеромъ. 7 ноября 1533 онъ явился къ папѣ и, не обращая вниманія на пункты, уже рѣшенные уполномоченными короля, протестовалъ отъ имени Генриха противъ какого бы то ни было приговора папы и аппелировалъ къ будущему собору.

Digitized by Google

Однако совершенный разрывъ послѣдовалъ только въ мартѣ 1534. Разрывъ былъ произведенъ не декретомъ папы, какъ обыкновенно думаютъ, а вторичною выходкой Генриха противъ Климента, которая предшествовала декрету. Французскій король былъ посредникомъ, а архіепископъ парижскій отправился въ Римъ по порученію Генриха; но послѣдній находился еще на пути, когда Кромвель и Кранмеръ снова измѣнили мнѣніе короля; съ другой стороны императоръ склонилъ на свою сторону столько кардиналовъ, что Климентъ VII, если бы даже хотѣлъ, не могъ бы сдѣлать угоднаго англійскому королю.

Въ консисторіи, происходившей въ мартѣ 1534 г. по случаю брака Генриха, архіепископъ парижскій тщетно просилъ отмѣнить принятое рѣшеніе. Изъ двадцати двухъ кардиналовъ съ нимъ согласились только трое; остальные постановили рѣшительный приговоръ, объявивъ бракъ Генриха съ Катариной законнымъ и дѣйствительнымъ, а процессъ противъ нея недѣйствительнымъ, и предписавъ королю принять къ себѣ жену, съ которой онъ развелся. Но Генрихъ еще до этого декрета нанесъ папѣ глубокое оскорбленіе. Кромвель, незадолго до того назначенный пожизненнымъ канцлеромъ казначейства (chancellor of the exchequer), склонилъ обѣ духовныя палаты (the Convocation), засѣдавшія въ то время отдѣльно отъ парламента, признать короля верховнымъ главою англійской церкви. Затѣмъ парламентъ обратилъ въ гражданскій государственный законъ принципъ верховной власти короля въ церкви. Былъ изданъ статутъ, воспрещавшій, подъ страхомъ смертной казни, вести переписку съ папой, посылать въ Римъ деньги и сомнѣваться въ верховной духовной власти короля или въ законности его втораго брака. Затѣмъ все, кромѣ того, что было несовмѣстно съ притязаніями короля на верховную власть, оставлено безъ всякихъ измѣненій до новыхъ распоряженій короля *). Сверхъ того парламентъ поста-

*) That all such canons and ordinances, as had been already made and

Digitized by Google

новилъ, что дочь Генриха отъ Катарины, Марія вслѣдствіе незаконности брака своей матери не можетъ наслѣдовать престолъ, который долженъ принадлежать дочери короля отъ Анны Болейнъ—Елисаветѣ.

Съ этой минуты англійская судебная расправа, и безъ того кровавая, сдѣлалась еще свирѣпѣе; не проходило мѣсяца безъ казни людей невинныхъ или неосторожныхъ въ разговорѣ; въ числѣ жертвъ было много вполнѣ достойныхъ людей, пользовавшихся общимъ уваженіемъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ можно было ожидать оправданія обвиненнаго, король осуждалъ его биллемъ of attainder, т. е. законодательнымъ актомъ (Т. X стр. 323) парламента. Кто зналъ о какомъ нибудь преступномъ умыслѣ, но не донесъ, считался участникомъ въ государственной измѣнѣ; винѣ этой было дано особое названіе (misprision of treason), и за нее наказывали вѣчнымъ заключеніемъ и конфискаціей имущества. Этому наказанію вскорѣ подверглись ученый Фишеръ епископъ рочестерскій и пятеро другихъ. Поводомъ къ этому послужили пророчества одной женщины (Бартонъ), прозванной святою кентскою монахинею; она предсказывала, что Генрихъ лишится престола и умретъ насильственной смертью черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ разведется съ Катариной. Женщина эта съ шестью другими лицами была обвинена въ государственной измѣнѣ и казнена. Томасъ Муръ зналъ о ея винѣ и подвергся бы участи Фишера, но Кранмеръ и Кромвель вычеркнули въ доносѣ его имя. Впрочемъ его все таки скоро засадили въ Тоуэръ, такъ какъ онъ не соглашался одобрить, подобно членамъ парламента, своею подписью разводный и другія акты относившіеся къ разводу. Впослѣдствіи, какъ увидимъ, онъ и Фишеръ поплатились за свои убѣжденія жизнью.

---

were not repugnant to the statutes and customs of the realm or the prerogatives of the crown, should be used and enforced, till is should be otherf wise determined according to the tenor and effect of the said act.

Кроваво расправляясь съ тѣми, кто сомнѣвался въ верховномъ значеніи короля въ церкви и въ законности его втораго брака, Генрихъ снисходительно смотрѣлъ на скандалы, учиняемые монахами. Монахъ Пето произнесъ въ присутствіи короля проповѣдь, въ которой говорилъ между прочимъ, что Генрихъ — великій грѣшникъ и уподобилъ его Ахаву. Генрихъ ограничился тѣмъ, что велѣлъ другому проповѣднику оправдать въ слѣдующее воскресенье съ каѳедры поступки короля. Аппологистъ выругалъ Пето бунтовщикомъ, убійцей, псомъ и измѣнникомъ. Но въ церкви на него напалъ съ бранью одинъ францисканецъ, и не малаго труда стоило разнять ихъ. Пето и францисканецъ вышли однако изъ этого дѣла цѣлы и невредимы. Ихъ призвали въ королевскій совѣтъ и задали сильную головомойку. Но это ничуть не испугало Пето; графъ Эссексъ сказалъ ему, что негодяй, подобный ему, заслуживаетъ быть брошеннымъ въ Темзу. Пето отвѣчалъ ему. „Ну такъ чтоже, дорога на тотъ свѣтъ сухимъ путемъ не короче, чѣмъ водой". Это тѣмъ замѣчательнѣе, что Генрихъ вѣроятно уже въ то время рѣшился уничтожить безстыдныхъ нищенствующихъ монаховъ.

Пока Катарина была жива, политика короля требовала, чтобы онъ угождалъ ревностнымъ протестантамъ, къ которымъ принадлежали не только Кромвель и Кранмеръ, но и вторая жена его и ея родня; въ протестантахъ онъ могъ найти опору противъ императора и римскихъ фанатиковъ. Поэтому онъ счелъ нужнымъ по наружности еще болѣе удалиться отъ римской церкви и усилить на время преслѣдованіе чрезвычайно многочисленныхъ приверженцевъ папизма, хотя въ душѣ былъ всегда вѣрнымъ послѣдователемъ ученія римской церкви. Гардинеръ, Бонеръ и другіе непримиримые враги протестантизма принуждены были нѣкоторое время носить личину. Генрихъ вступилъ въ переписку съ протестантскими государями Германіи; уиклифиты поднялись со всѣхъ сторонъ, и переводъ библіи Тиндаля, сожженный по приказанію Томаса Мура, былъ распространенъ въ народѣ. Въ наси-

ліяхъ, совершавшихся противъ папистовъ, королю помогали полупротестанты, а при гоненіяхъ на протестантовъ—мстительные фанатики-католики. Страхъ, лицемѣріе, эгоизмъ и формализмъ господствовали всюду, потому что одинаковая опасность угрожала какъ протестантамъ, такъ и папистамъ.

Въ сентябрѣ 1534 умеръ папа Клементъ VII. Преемникъ его, Павелъ III, не желалъ отмѣнять строгихъ приговоровъ своего предшественника противъ Генриха. Англійскій же король пожиналъ съ своего церковнаго владычества такіе плоды, что не считалъ выгоднымъ уступить его посторонней власти, которую нація ненавидѣла. Парламентъ охотно предалъ ему въ жертву ненавистное духовенство; давъ королю папскія права, парламентъ доставилъ ему возможность прекратить свои прежніе поборы и грабежи. Въ ноябрѣ 1534 парламентъ далъ королю титулъ главы церкви. При этомъ были объявлены государственными измѣнниками всѣ, кто будетъ невыгодно думать (!), говорить или писать о королѣ и королевѣ. Обвиненные въ такомъ преступленіи были лишены права церковнаго убѣжища. Прежнія распоряженія о престолонаслѣдіи были отмѣнены и издано новое. Кромѣ того парламентъ постановилъ, что аннаты, т. е. доходы перваго года вакантныхъ аббатствъ, платимые доселѣ папѣ, и ежегодныя десятины съ нихъ принадлежатъ королю, который имѣетъ право назначать двадцать пять суффрагановъ (викаріевъ). Но при этомъ трепещущій парламентъ старался умѣрить жестокость Генриха. Онъ хотѣлъ объявить амнистію, изъ которой исключилъ епископа Фишера и канцлера Мура. 15 января 1535 Генрихъ велѣлъ торжественно провозгласить свой титулъ „глава англиканской церкви". Онъ установилъ чтобы титулъ этотъ упоминался въ судѣ и манифестахъ рядомъ съ прочими. Король желалъ воспользоваться и правами папы, и выгодами протестантизма; поэтому постановленія, изданныя имъ по поводу этого, странны и противурѣчивы. Онъ предъявлялъ притязаніе на право вмѣшательства свѣтской власти въ церковныя дѣла (jus circa sacra) и

въ тоже время провозглашалъ свободу совѣсти и право личнаго толкованія въ религіозныхъ вопросахъ (jus in sacra). Генрихъ сдѣлалъ Кромвеля, который тайно былъ протестантомъ, королевскимъ вицерегентомъ духовной власти, генеральнымъ викаріемъ и первымъ коммисаромъ, хотя Кромвель уже былъ канцлеромъ казначейства и первымъ кабинетъ-секретаремъ. Генрихъ облекъ его всѣми духовными правами, принадлежавшими королю, какъ главѣ церкви. Кромвель получилъ полномочіе во всѣхъ судебныхъ вопросахъ, касавшихся религіи; судопроизводство было подчинено ему во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось „божественной (godly) реформы и устраненія лжеученія, ереси и злоупотребленій въ сказанной церкви", какъ выразились ханжи, составлявшіе этотъ актъ.

Формально и торжественно объявивъ себя главою англійской церкви, Генрихъ прежде всего наказалъ, какъ за государственную измѣну, членовъ высшаго духовенства, не согласившихся признать его духовную власть, законность рожденія Елисаветы и устраненія отъ престола Маріи. Сначала были публично казнены въ Лондонѣ три пріора картезіанскаго монастыря и три католическіе священника; затѣмъ пришла очередь Фишера и Томаса Мура. Въ тюрьмѣ ихъ содержали такъ строго, что Муръ питался подаяніемъ своей дочери и нѣкоторыхъ друзей, а Фишеръ былъ принужденъ выпрашивать у своихъ палачей одежду. Чтобъ спасти 78-лѣтняго старика Фишера, папа Павелъ сдѣлалъ его кардиналомъ; но это лишь ускорило его казнь. Англійскій король, узнавъ о возвышеніи Фишера, отпустилъ остроумную шутку, достойную Нерона: „Пусть Павелъ присылаетъ ему шапку; но я постараюсь, чтобы ему не на что было надѣть ее." Фишера казнили 22 іюня 1535. Вслѣдъ затѣмъ возмутительнымъ образомъ потащили Томаса Мура пѣшкомъ изъ Тоуэра. Онъ былъ представленъ въ судебную коммисію изъ девяти человѣкъ подъ предсѣдательствомъ канцлера. Въ ней засѣдали герцогъ Норфокъ, Фицъ Джемсъ, лордъ верховный судья и шесть дру-

гихъ судей. Они обѣщали обвиняемому прекратить судебный процессъ и испросить для него у короля помилонанія, если онъ перестанетъ упорствонать и признаетъ законную силу новыхъ парламентскихъ постановленій. Но Муръ отвергнулъ это предложеніе, былъ осужденъ и 6 іюля казненъ. Казнь его, совершившаяся повидимому на основаніи прана и справедливости, была въ сущности постыднымъ убійствомъ.

Это юридическое убійство ужаснуло всю Европу. Фишера прославляли, какъ мученика; о Мурѣ сожалѣли еще болѣе, потому что онъ былъ мудрецъ и ученый и не имѣлъ фанатизма и суевѣрія Фишера. Негодованіе папы было безпредѣльно. Павелъ III отлучилъ короля отъ церкви, но булла его была обнародована позже; въ ней заключалось все, что когда либо римскій папа рѣшался высказывать противъ государей и государствъ, отказывавшихъ ему въ повиновеніи. Королю Генриху и всѣмъ его приверженцамъ былъ назначенъ девяностодневный срокъ, въ теченіе котораго они должны явиться въ Римъ лично или прислать своихъ повѣренныхъ. Въ случаѣ неявки, королю грозило отлученіе отъ церкви и лишеніе престола. Угрозы были впрочемъ выполнены лишь черезъ нѣсколько лѣтъ. Далѣе папа отвергалъ законность дѣтей Анны, какъ родившихся, такъ и будущихъ, не признавалъ ихъ права на престолъ и налагалъ церковное запрещеніе на всѣ владѣнія и земли короля. Духоненству повелѣвалось удалиться изъ владѣній Генриха; вассалы и подданные его освобождались отъ присяги и получили приказаніе поднять противъ своего государя оружіе; всѣ договоры, заключенные Генрихомъ съ другими державами, объявлялись расторгнутыми, и всѣмъ націямъ запрещено было имѣть торговыя сношенія съ Англіей. Кромѣ того папа требовалъ, чтобы народы всюду грабили имущества англичанъ и забирали въ плѣнъ англійскихъ подданныхъ, которые не отстанутъ отъ своего короля, мятежника и еретика. Но громы этой буллы не произвели никакого дѣйствія. Она даже повредила папѣ и безчисленной ар-

Digitized by Google

мія монаховъ, которая дѣйствовала въ Англіи въ пользу папы на кафедрахъ и въ исповѣдальняхъ.

Когда Кромвель былъ поставленъ во главѣ духовнаго управленія Англіи, началось дѣло о духовныхъ имуществахъ, при чемъ разсчитывали на содѣйствіе парламента, члены котораго раздѣлили бы добычу съ королемъ. При развитіи процвѣтанія страны и промышленности жителей ни что не могло быть желаннѣе и выгоднѣе для ея свѣтскихъ владѣтелей, какъ уменьшеніе числа духовенства и раздѣлъ его имущества между землевладѣльцами и промышленниками. Уиклифиты цѣнили владѣнія духовенства въ 11,400 плуговъ, а ежегодный доходъ съ нихъ — въ 100,000 марокъ; они уже давно требовали раздѣла собственности духовенства, которому, по ихъ мнѣнію, слѣдовало платить жалованье. Лингардъ доказываетъ (томъ VI, p. 427, примѣчаніе) на основаніи подлинныхъ документовъ королевской книги, что въ то время въ Англіи было 555 монастырей, доходы которыхъ, по исчисленію Юма, составляли двадцатую часть всего тогдашняго поземельнаго дохода Англіи.

Нападеніе на монастыри началось съ того, что Кромвель назначилъ коммиссію для осмотра ихъ и послалъ въ каждый округъ по два коммиссара съ тайными инструкціями; имъ было предписано представлять отчеты парламенту. Вслѣдствіе этого въ мартѣ 1536 парламентскимъ актомъ, утвержденнымъ, разумѣется не безъ преній обѣими палатами, было повелѣно обратить въ пользу короля и его законныхъ наслѣдниковъ всѣ монастыри, доходы которыхъ не превышаютъ 200 фунтовъ. Королю было дано право распоряжаться по усмотрѣнію монастырскими строеніями и землями и отдавать ихъ, кому угодно. Число монастырей, принесенныхъ такимъ образомъ въ жертву произвола Кромвеля, простиралось до 376. Изъ нихъ около ста откупилось разными средствами; но они могли спасти себя только пожертвованіемъ какого нибудь цѣннаго владѣнія. О монахахъ и монахиняхъ не заботились; поэтому они разбрелись по

странѣ и своими воплями и проповѣдями возбуждали всюду новый фанатизмъ, противъ котораго правительство ополчилось огнемъ и мечемъ.

Пока, при помощи королевы и ея семейства, Кромвель и Кранмеръ подготовляли реформацію, Гардинеръ, Бонеръ и другіе старались свести влюбчиваго и сластолюбиваго короля съ женщиною, болѣе расположенною къ католицизму, чѣмъ Анна Болейнъ. Они намѣревались устранить Анну, воспользовавшись ея легкомысліемъ. Анна Болейнъ, судя по мемуарамъ того времени, усвоила себѣ во Франціи тонъ и вѣтренность французскаго двора. Она надѣлала большихъ неосторожностей; но король не обращалъ на это вниманія и позволялъ себѣ въ ея присутствіи вольности съ ея прекрасной фрейлиной, Джени Сеймуръ. Въ январѣ 1536 г. Анна Болейнъ родила мертваго ребенка, и вслѣдъ за тѣмъ Генрихъ задумалъ избавиться отъ нея, обвинивъ ее въ нарушеніи супружеской вѣрности. Между тѣмъ первая жена его Катарина умерла въ началѣ 1536 г.; передъ смертью ей ни разу не позволили увидѣться съ дочерью Маріею, которую держали вдали отъ нея. Генрихъ Норрисъ, Брертонъ, Уэстонъ, Смитонъ и даже братъ королевы Анны, лордъ Рочфортъ. были обвинены въ незаконной связи съ нею; жена Рочфорта, которая была впослѣдствіи казнена за постыдное сводничество, предстала въ качествѣ свидѣтельницы противъ королевы. Между прочимъ Анну Болейнъ обвиняли въ томъ, что она смотрѣла съ балкона на турниръ и уронила свой посовой платокъ къ ногамъ Генриха Норриса, который утеръ имъ потъ. Король, замѣтившій это, вскочилъ и подвергнулъ жену комнатному аресту. Въ маѣ онъ велѣлъ отправить ее въ Тоуэръ и предалъ суду, обвиняя въ нарушеніи брачнаго союза. Въ тоже время всѣ мнимые любовники ея были заключены въ тюрьму, какъ государственные преступники. Мы считаемъ несовмѣстнымъ съ нашей цѣлью разбирать, была ли королева виновна или нѣтъ; мы готовы даже думать, что король имѣлъ тайную причину преслѣдовать жену и что онъ хо-

Digitized by Google

тѣлъ убить ее не для того только, чтобы имѣть возможность жениться на Джени Сеймуръ *). Во всякомъ случаѣ поведеніе его относительно легкомысленной женщины было возмутительно гадко, какъ и всѣ прочіе его поступки. Анна была предана суду, который осудилъ ее безъ слѣдствія. Она была обвинена въ нарушеніи супружеской вѣрности, слѣдовательно, въ государственной измѣнѣ. Предсѣдатель суда, которому подлежали дѣла по подобнымъ обвиненіямъ, или назначался на каждый случай особо, или на все время царствованія. Мѣсто это принадлежало высшему придворному сановнику (lord high steward of England), который, по окончаніи своихъ занятій, публично ломалъ жезлъ, бывшій знакомъ его должности. Въ процессѣ Анны Болейнъ Генрихъ назначилъ предсѣдателемъ злѣйшаго врага протестантской религіи и королевы — герцога Норфока. Двадцать шесть, а по другимъ, тридцать перовъ, засѣдавшихъ въ судѣ, были также пристрастны и зависимы. Въ угоду королю судъ повелъ процессъ съ неслыханною быстротою. Факты и сопоставленіе чиселъ сильнѣе всего говорятъ противъ Генриха и его клевретовъ. Королева была арестована 2 мая, а 15 осуждена безъ всякихъ уликъ. 18 мая были казнены братъ ея лордъ Рочфордъ и ея мнимые любовники, а 19 она сама; на слѣдующій же день король обвѣнчался съ Джени Сеймуръ. Въ приговорѣ Анны Болейнъ, утвержденномъ впослѣдствіи парламентомъ, бракъ ея былъ признанъ недѣйствительнымъ, а права ея дочери Елисаветы на престолъ — отвергнуты. Это рѣшеніе совершенно противорѣчило обвиненію Анны Болейнъ въ государственной измѣнѣ. Впрочемъ, мы не знаемъ, на какомъ основаніи бракъ былъ объявленъ недѣйствительнымъ. Вѣроятно, основаніемъ этого было то, что Генрихъ былъ въ связи съ сестрою Анны — Маріей,

*) That he had discovered in her conduct some most heinous cause of provocation, which he never disclosed.

потому что давнишняя связь королевы съ Перси графомъ Нортомберлендомъ не могла считаться достаточнымъ поводомъ.

Кромвель, получившій въ 1536 г. достоинство пера, хотѣлъ уже приступить къ обращенію въ пользу короля монастырей остававшихся еще у духовенства. Съ этою цѣлью онъ прибѣгнулъ къ насилію и хитрости. Безсовѣстные коммиссары принудили угрозами, обѣщаніями и обманами аббатовъ и монаховъ добровольно отдать королю свои имѣнія. Поэтому вскорѣ вся страна наполнилась безпріютными монахами и монахинями. Это возбудило опасныя народныя движенія въ разныхъ мѣстахъ королевства, особенно въ Линкольншайрѣ, начавшіяся въ іюлѣ 1536. Но такъ какъ возставшіе не имѣли ни руководителя, ни точки опоры и такъ какъ зажиточная и воинственная часть народа была съ одной стороны не расположена къ монахамъ, а съ другой опасалась фанатической черни, то возстаніе было потушено послѣ трехмѣсячной борьбы. Участіе, которое принимали въ немъ многіе монахи и аббаты, дало королю предлогъ отнять все у остальныхъ монастырей. Онъ простилъ мятежниковъ, но не сдержалъ данныхъ имъ обѣщаній; тогда, въ 1537 на сѣверѣ, гдѣ находились богатѣйшіе монастыри, начались новые безпорядки; безсовѣстные и безстыдные люди, бывшіе орудіемъ Генриха, воспользовались ими, чтобы напугать большую часть жителей Англіи, имѣвшихъ право засѣдать въ парламентѣ, и принудить ихъ согласиться на всѣ требованія правительства. Король могъ предать государственныхъ преступниковъ и ихъ соумышленниковъ суду особой коммиссіи или звѣздной палаты или же осудить посредствомъ билля of attainder непосредственно черезъ парламентъ; во всякомъ случаѣ ни одинъ обвиненный не избѣжалъ бы приговора и жестокой казни, которыми изобиловало уголовное право Англіи. Поэтому никто не осмѣливался прекословить королю. Отдавъ уже ему 376 монастырей изъ 555, парламентъ предоставилъ ему располагать судьбою и остальныхъ, которые были богаты и владѣли обширными землями. Въ 1538 г. король упразд-

нилъ ихъ, а въ маѣ 1539 г. парламентъ особымъ постановленіемъ подарилъ ихъ ему въ собственность.

Эта мѣра повела къ существеннымъ измѣненіямъ въ государственномъ устройствѣ и, усиливъ вліяніе свѣтскихъ владѣтелей, ненавидѣвшихъ духовенство, дала имъ возможность продолжать церковныя преобразованія, которыхъ желалъ народъ. По упраздненіи монастырей, 28 аббатовъ и пріоровъ Ковентри и св. Іоанна Іерусалимскаго перестали засѣдать въ верхней палатѣ. Было учреждено шесть новыхъ епископствъ. Впрочемъ ближайшія слѣдствія всего этого были незначительны. Только въ правленіе королевы Елисаветы обнаружились благодѣтельные отдаленные результаты этихъ мѣръ для процвѣтанія страны. Министры Генриха обѣщали содержать на монастырскія сокровища бѣдныхъ; поэтому отъ упраздненія монастырей ожидали большихъ выгодъ для бѣдныхъ и улучшеній въ податной системѣ; но надежды эти не сбылись. Бѣдные остались по прежнему въ тягость общинамъ, а непомѣрные поборы не прекратились. Въ маѣ 1540, слѣдовательно, уже черезъ годъ по поступленіи монастырскихъ имуществъ въ собственность короля, парламентъ долженъ былъ противъ воли назначить въ его пользу четыре новыхъ чрезвычайныхъ налога. Онъ даже предоставилъ королю право опредѣлить по своему усмотрѣнію порядокъ престолонаслѣдія; это показываетъ, до чего напугали націю казни, которымъ подвергались то католики, то протестанты.

Въ 1536 Генрихъ примирился съ своей дочерью отъ перваго брака, Маріею; но она была воспитана въ строго католическихъ понятіяхъ и, какъ по характеру, такъ и по привычкѣ, вполнѣ предана папѣ; поэтому Генрихъ не желалъ, чтобы она наслѣдовала ему. Дочь же отъ Анны Болейнъ, Елисавету, онъ считалъ слишкомъ склонною къ протестантизму. Поэтому парламентъ постановилъ, что наслѣдовать престолъ могутъ только дѣти Джени Сеймуръ. Не довольствуясь этимъ, парламентъ, во преки основаніямъ англійскаго государственнаго права, постано-

вилъ, что если Генрихъ не будетъ имѣть дѣтей ни отъ нынѣшней, ни отъ будущихъ женъ, то можетъ передать престолъ *) кому угодно, мущинѣ или женщинѣ, посредствомъ патента подъ большой государственной печатью или собственноручнымъ завѣщаніемъ.

Къ несчастью король продолжалъ быть ученымъ богословомъ и, какъ всѣ они, считалъ злодѣемъ всякаго, кто въ чемъ нибудь расходился съ нимъ въ вѣрованіяхъ. Поэтому, какъ мы покажемъ ниже, онъ хотѣлъ преобразовать католицизмъ и даже отмѣнилъ четыре таинства, которыя прежде защищалъ противъ Лютера. Онъ вошелъ въ сношенія съ нѣмецкими государями, но сношенія эти не имѣли послѣдствій, потому что въ это самое время Генрихъ свирѣпствовалъ въ Англіи противъ протестантовъ и лоллардовъ. Лингардъ и Рапэнъ Туара говорятъ подробно о преслѣдованіи еретиковъ, но мы укажемъ лишь на одинъ фактъ, относящійся къ 1538, гдѣ Кранмеръ также увлекся ненавистью Лютера къ причастникамъ. Одинъ антверпенскій проповѣдникъ, Іанъ Никольсонъ, называемый также Ламбертомъ, за свои свободныя мнѣнія былъ принужденъ удалиться изъ Антверпена и переѣхалъ въ Лондонъ. Будучи послѣдователемъ Цвингли, онъ возбудилъ противъ себя ненависть фанатическаго поклонника Лютера, Кранмера. Однако его сожгли не тотчасъ, а сперва постарались вразумить. Съ этою цѣлью устроили публичный диспутъ въ уэстминстерской залѣ, въ которомъ предсѣдательствовалъ самъ Генрихъ. Никольсонъ имѣлъ дерзость не согласиться съ королемъ и былъ за это сожженъ, какъ еретикъ.

Король хотѣлъ, во что бы то ни стало, доказать, что онъ столь же примѣрный папа и богословъ, какъ и автократъ. Онъ написалъ книгу въ защиту своей системы церковной іерархіи и ученія, подобно тому, какъ прежде писалъ въ защиту католицизма; впрочемъ во всей книгѣ только имя въ заглавіи было

*) To limit the crown in the possession and remainder.

его. Въ первомъ сочиненіи онъ отстаивалъ всѣ семь таинствъ, во второмъ только три. Доказано, что въ сочиненіи этой книги онъ принималъ еще меньше участія, чѣмъ въ сочиненіи прежней; но на этотъ разъ было еще нужнѣе выставить въ заглавіи его имя, потому что сочиненіе, скомпилированное его богословами, долженствовало служить основнымъ законоположеніемъ для учрежденной имъ церкви; слѣдовательно, нужно было, чтобы оно исходило прямо отъ него. Англійское духовенство имѣло и доселѣ имѣетъ свой особый парламентъ, раздѣленный на двѣ палаты и называемый конвокаціей, подобно тому, какъ народъ имѣетъ свѣтскій парламентъ. Замѣшательство, господствовавшее въ религіи, смутило англійское духовенство, и нижняя палата его парламента представила верхней 50 положеній, извлеченныхъ изъ разныхъ сочиненій реформаторовъ и казавшихся ей весьма важными. Генрихъ вознамѣрился самъ разрѣшить эти вопросы. Кромвель представилъ конвокаціи книжку, озаглавленную „Уставъ", написанную будто бы Генрихомъ; духовенство подписало ее. Она содержала въ себѣ изложеніе англиканскаго исповѣданія, какъ у германскихъ лютеранъ шмалькальденское и аугсбургское Книга эта, которую мы знаемъ только по слухамъ, за небольшими исключеніями обнаруживаетъ только привязанность къ схоластической догматикѣ, изученіе которой стоило королю столькихъ трудовъ и столько времени. Она состоитъ изъ трехъ отдѣловъ. Въ первомъ утверждается непреложность апостольскаго, Аѳанасіева и никейскаго исповѣданія, внѣ котораго нѣтъ спасенія. Во второмъ говорится о трехъ таинствахъ: крещеніи, покаяніи и причащеніи и доказывается, что они установлены Богомъ для спасенія людей. Въ третьемъ отдѣлѣ сказано, что, хотя употребленіе образовъ, поклоненіе святымъ, молитвы и просьбы о ходатайствѣ ихъ предъ Богомъ и всѣ церковныя церемоніи сами по себѣ не даютъ отпущенія грѣховъ и не ведутъ прямо къ блаженству, но весьма полезны и должны быть удержаны вѣрующими.

Кромвель и Кранмеръ не осмѣливались обнаружить свои убѣж-

Digitized by Google

денія, потому что Джени Сеймуръ снова ввела въ милость герцога Норфока и Гардинера. Въ октябрѣ 1537 она умерла послѣ рожденія сына (Эдуарда VI). Гардинеръ съумѣлъ ускользнуть отъ страшныхъ преслѣдованій, воздвигнутыхъ королемъ на всѣхъ друзей папы Клемента VII. Онъ пробылъ два года за границей посланникомъ, а по возвращеніи отправился въ свое уинчестерское епископство, не показавшись королю на глаза. Въ 1539 онъ былъ призванъ ко двору и вмѣстѣ съ герцогомъ Норфокомъ сталъ завѣдывать дѣлами. Онъ написалъ уставъ, который Генрихъ выдалъ за свой и приказалъ парламенту признать закономъ. Былъ изданъ особый статутъ, справедливо прозванный кровавымъ, предписывавшій подъ страхомъ смертной казни вѣрить въ этотъ уставъ. Уставъ былъ обоюдоострымъ орудіемъ, которымъ тиранъ могъ умерщвлять то протестантовъ, то католиковъ. Впрочемъ, онъ былъ направленъ преимущественно противъ протестантовъ, потому что смертной казни подлежали тѣ, кто отвергаетъ присутствіе въ причащеніи тѣла и крови Христовыхъ, кто причащается подъ двумя видами, кто считаетъ дозволеннымъ бракъ священниковъ, кто полагаетъ, что позволительно нарушать обѣтъ цѣломудрія, кто думаетъ, что приватныя мессы безполезны и кто отрицаетъ тайную исповѣдь. Напротивъ того, Кромвель, въ качествѣ генеральнаго викарія, направилъ свои мѣры противъ католиковъ. Онъ велѣлъ прочесть книгу короля въ церквахъ и запретилъ проповѣдывать всѣмъ, кромѣ епископовъ или по крайней мѣрѣ въ ихъ присутствіи и подъ ихъ отвѣтственностью. Король приказалъ конвокаціи издать отъ имени всего духовенства другое исповѣданіе своей церкви, служившее руководствомъ къ познанію догматовъ вѣры (the godly and pious institution of a Christian Man); она была подписана всѣми архіепископами, епископами, архидіаконами и докторами гражданскаго и каноническаго права; книга эта чрезвычайно похожа на императорскій катихизисъ Бонапарта. Она содержитъ въ себѣ семь таинствъ, три высшихъ и четыре низшихъ, десять заповѣдей, „Отче нашъ“ и „Бо-

городица", предписываетъ вѣрить въ искупленіе Христомъ и въ чистилище. Папская власть отвергается, за то вмѣняется въ обязанность пассивное повиновеніе королю.

Стараясь подобными мѣрами поддержать старое ученіе, Генрихъ продолжалъ кровавымъ образомъ преслѣдовать католиковъ особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ декабрѣ 1538 папа Павелъ III издалъ противъ него вышеупомянутую буллу. Булла эта повлекла за собою истребленіе родовъ Куртиэ и Поль, послѣднихъ потомковъ іоркскаго дома. Куртиэ былъ внукъ Эдуарда IV, а Поль—герцога Георга Клеренса. Всѣ члены этихъ фамилій были внезапно схвачены и обвинены въ намѣреніи возвести на престолъ Реджинальда Поль, который жилъ въ Римѣ и былъ кардиналомъ. Процессъ обвиненныхъ, законный по формѣ, былъ возмутителенъ и въ высшей степени несправедливъ. Перовъ судили перы, а прочихъ—судъ присяжныхъ равнаго съ ними званія; но, чтобы имѣть противъ нихъ доказательства, воспользовались низостью и трусостью сэра Джофри Поля, брата Реджинальда; онъ получилъ помилованіе, согласившись погубить прочихъ. Въ январѣ 1539 всѣ Поли, кромѣ сэра Джофри и отсутствующаго кардинала, были казнены; сэръ Джофри былъ изгнанъ изъ Англіи и получилъ позволеніе возвратиться только въ слѣдующее царствованіе. Генрихъ хотѣлъ схватить и кардинала Поля, котораго ненавидѣлъ, какъ знаменитаго, талантливаго и изящнаго ученаго, превосходнаго стилиста и автора книги, направленной противъ богословскихъ претензій короля (de unitate ecclesiae); но попытка не удалась. Увидѣвъ невозможность овладѣть кардиналомъ, Генрихъ велѣлъ казнить (май 1541 г.) его семидесятилѣтнюю мать, послѣднюю отрасль Плантагенетовъ. Впрочемъ, показанія Джофри Поля, который былъ обвинителемъ своихъ родныхъ и свидѣтельствовалъ противъ нихъ, доказываютъ, что потомки іоркскаго дома, подвергшіеся такой жестокой участи, дѣйствительно имѣли какіе-то замыслы и хотѣли воспользоваться политическою репутаціею кардинала Реджинальда.

Digitized by Google

Королемъ всегда управляли женщины, пока въ немъ не пробуждалась новая страсть; до смерти Джени Сеймуръ Кромвель склонялъ его къ мѣрамъ, хотя не прямо преобразовательнымъ, но по крайней мѣрѣ антикатолическимъ. Но по смерти Джени Гардинеръ и герцогъ Норфокъ снова пріобрѣли большое вліяніе, и Генрихъ опять склонился на сторону старой церкви. Друзья Кранмера и реформаціи, Шекстонъ, которому король далъ въ 1535 епископство Салисбёри, отнятое у кардинала Кампеджіо, и Латимеръ, получившій епископство уорчестерское, отобранное у итальянца Гинучи, были слабы и тупы, тогда какъ многочисленные враги ихъ были хитры, ловки и обладали дипломатическою совѣстью. Знатнѣйшими изъ нихъ были герцогъ Норфокъ, Гардинеръ и Боннеръ, который такъ ловко обманулъ вице-регента (Кромвеля), что послѣдній далъ ему епископство лондонское. Они были недовольны мѣрами, которыми Генрихъ хотѣлъ ввести въ обманъ нѣмецкихъ государей. Кромвель и Кранмеръ сблизили въ послѣднее время короля съ нѣмецкими лютеранами, и политика Генриха требовала изданія постановленій, которыя заставляли бы предполагать, что онъ вамѣренъ серьозно преобразовать не только церковь, но и религію. Генрихъ велѣлъ обнародывать отчетъ коммиссіи, открывшей въ монастыряхъ невѣроятныя пороки, развратъ и преступленія и даже приказалъ ввести въ общее употребленіе въ церквахъ переводъ библіи Тиндаля; онъ велѣлъ учить дѣтей наизусть на англійскомъ языкѣ „Отче нашъ," „Вѣрую" и десять заповѣдей, а духовенству предписалъ проповѣдывать, что можно спастись только личными заслугами. Далѣе, онъ приказалъ объявить, что мощи, четки и тому подобныя вещи не ведутъ къ спасенію души. По его приказанію образа, которымъ приносились жертвы, были убраны, и было запрещено зажигать свѣчи предъ образами, кромѣ распятія. Еще прежде онъ началъ процессъ противъ св. Ѳомы и приказалъ сжечь его остатки. Наконецъ онъ запретилъ пѣть „моли Бога о насъ," обращаясь къ святымъ. Тогда Гардинеръ и другіе за-

Digitized by Google

мѣтили Генриху, что Кранмеръ, Шекстонъ и Латимеръ до сихъ поръ не признали еще предписанныхъ имъ шести параграфовъ. Поэтому онъ потребовалъ, чтобы они представили письменно основанія своего отказа; но они не исполнили этого требованія, и тогда ярость его обрушилась не на Кранмера, а на Шекстона и Латимера, которые, хотя и отказались отъ своихъ епископствъ, но тѣмъ не менѣе были посажены въ Тоэуръ.

Усиливавшееся вліяніе Гардинера и его друзей внушило Кромвелю мысль привязать короля къ Шмалькальденскому союзу бракомъ съ нѣмецкой принцессой. Въ политическомъ отношеніи это было хорошо придумано, потому что въ то время папа и императоръ возстановили противъ протестантовъ и короля французскаго; при томъ папа издалъ наконецъ противъ Генриха буллы, составленныя два года назадъ. Но Генрихъ былъ не такой государь, который бы рѣшился жениться изъ политическихъ разсчетовъ; онъ слѣдовалъ во всемъ только чувственнымъ побужденіямъ. Кромѣ того забыли, что Генрихъ оттого и былъ такъ несчастливъ въ своихъ выборахъ, что предпочиталъ легкомысленныхъ, но красивыхъ и кокетливыхъ женщинъ, благоразумнымъ и добродѣтельнымъ. Поэтому политико-религіозная интрига Кромвеля кончилась неудачно и повела лишь къ тому, что король совершенно предался католической партіи. Кромвель уговорилъ короля жениться на лютеранской принцессѣ Аннѣ Клеве, сестра которой была замужемъ за Іоанномъ Фридрихомъ Саксонскимъ. Принцесса была дурна, и притомъ Кромвель и его повѣренный въ Германіи, Бернесъ, позорно обманули короля. Бернесъ послалъ въ Англію превосходный портретъ принцессы, нарисованный извѣстнымъ нѣмецкимъ живописцемъ Гольбейномъ. Портретъ этотъ привелъ короля въ такой восторгъ, что онъ выѣхалъ на встрѣчу своей невѣстѣ инкогнито до Рочестера. Но какъ ужаснулся онъ при видѣ неуклюжей вестфальской фигуры! Онъ пришелъ въ сильное негодованіе, которое по обыкновенію выразилъ очень грубо, сказавъ, что не хочетъ нѣмецкой кобылы. Обстоятельства не поз-

Digitized by Google

волили ему, какъ онъ желалъ, избавиться отъ необходимости совершить бракъ. Свадьба была отпразднована 6 января 1540 г. Но Генрихъ находилъ, что не можетъ жить съ Анной тѣмъ болѣе, что она говорила только по нѣмецки, а онъ не понималъ этого языка.

Бракъ этотъ повлекъ за собой паденіе Кромвеля. Этому способствовало еще то, что въ это же время Генрихъ влюбился въ Екатерину Говардъ, племянницу герцога Норфока. Кромвель еще недавно былъ назначенъ предсѣдателемъ коммисіи, которой, въ виду общаго неудовольствія противъ устава, было поручено составить новый катихизисъ. Но въ политикѣ короля произошла перемѣна, отразившаяся по обыкновенію и на религіи его. До сихъ поръ онъ нуждался въ содѣйствіи Шмалькальденскаго союза противъ императора, вслѣдствіе чего согласился на бракъ съ Анной Клеве и, чтобы не оскорбить лютеранъ, терпѣлъ Кромвеля. Но, переставъ опасаться императора и нуждаться въ союзникахъ, онъ свергнулъ Кромвеля и Бернеса и развелся съ Анной. Гардинеръ произнесъ однажды рѣзкую проповѣдь противъ лютеранскаго догмата, что для спасенія достаточно одной вѣры безъ дѣлъ. Тогда въ концѣ февраля Бернесъ взошелъ на кафедру и сказалъ энергическую рѣчъ, въ которой не только возставалъ на ученіе Гардинера, но и противъ личности его. Это взбѣсило короля. Бернеса пригласили въ духовную каммиссію, и король задалъ ему нагоняй. Затѣмъ Генрихъ вступилъ съ нимъ въ диспутъ о благодати, при чемъ Бернесъ благоразумно уступилъ ему и получилъ приказаніе произнести въ первое воскресенье послѣ Пасхи проповѣдь и опровергнуть прежнія слова свои. Однако уступчивость Бернеса была только внѣшняя; онъ отказался отъ своихъ словъ и попросилъ у Гардинера прощенія, но въ проповѣди повторилъ, и даже въ болѣе сильныхъ выраженіяхъ, все, что говорилъ прежде о вѣрѣ и дѣяніяхъ. Король счелъ это насмѣшкой надъ собою и приказалъ заключить въ тюрьму Бернеса и двухъ другихъ лютеранскихъ проповѣдниковъ. Кромвель про-

Digitized by Google

былъ въ милости еще нѣсколько мѣсяцевъ и при открытіи парламента объявилъ ему отъ имени короля, что по случаю религіозныхъ несогласій назначаются двѣ коммиссіи изъ прелатовъ и докторовъ. Одной будетъ поручено сдѣлать сводъ догматовъ королевско-христіанской церкви, а другой—постановить, какіе обряды должны быть сохранены. Въ это время, когда погибель Кромвеля считали несомнѣнною, король наименовалъ его графомъ Эссексомъ и оберъ каммергеромъ (lord Chamberlain). Но онъ имѣлъ неосторожность снова возбудить противъ себя народную ненависть, что дало королю поводъ пожертвовать имъ для искупленія своихъ собственныхъ грѣховъ. Кромвель провелъ законъ, которымъ королю отдавались имущества госпиталитовъ и принудилъ угрозами членовъ свѣтскаго парламента назначить въ пользу короля чрезвычайный налогъ на всѣ движимыя и недвижимыя имущества. Кромѣ того онъ вынудилъ у духовенства на два года десятину и 2% дохода. При этомъ, онъ не предчувствовалъ, что Норфокъ и многіе богословы, которыхъ онъ преслѣдовалъ, уже возстановили короля противъ него. Не стоитъ перечислять обвиненія, взведенныя на Кромвеля герцогомъ Норфокомъ въ засѣданіи королевскаго совѣта 10 іюня 1540; весь ходъ дѣла въ этомъ засѣданіи былъ очевидно заранѣе рѣшенъ королемъ, который, при отправленіи кого нибудь на тотъ свѣтъ, всегда находилъ обвиненія, обвинителей и услужливыхъ судей. Еще утромъ этого дня Кромвель предсѣдательствовалъ въ парламентѣ, а въ три часа пополудни въ засѣданіи тайнаго совѣта герцогъ обвинилъ его въ государственной измѣнѣ; король приказалъ немедленно арестовать его. Неизвѣстно, почему король въ этомъ случаѣ избралъ самый возмутительный и гнусный путь къ осужденію Кромвеля посредствомъ билля of attainder. Онъ могъ бы предать его суду перовъ, которые навѣрно осудили бы его, потому что питали къ нему вполнѣ заслуженную ненависть. Король предпочелъ способъ, который такъ часто употреблялъ самъ Кромвель; 19 іюня онъ былъ осужденъ, а 29 іюля казненъ.

Digitized by Google

9 іюля Генрихъ развелся съ Анной Клеве и 8 августа женился на племянницѣ Норфока, Екатеринѣ Говардъ. Лингардъ доказалъ, вопреки мнѣнію Юма, что отношенія этой особы къ герцогу не были дружественны. Поэтому женитьба на ней короля была лишь потому причиной паденія Кромвеля, что при этомъ были разоблачены его интриги, которыми онъ содѣйствовалъ браку короля съ Анной Клеве; обнаруженіе этихъ интригъ побудило короля къ разводу. Бракъ съ Екатериной уронилъ вліяніе протестантовъ; устоялъ только Кранмеръ, благодаря своимъ достоинствамъ и заслугамъ. Впрочемъ въ это время король съ одинаковою жестокостью преслѣдовалъ какъ папистовъ, такъ и лютеранъ. Поуэль, Абель и Фитерстонъ были осуждены парламентомъ посредствомъ билля of attainder и повѣшены или четвертованы за то, что не признавали духовнаго владычества короля. Бернесъ, Гарретъ и Джеромъ были сожжены, какъ лютеранскіе еретики.

Екатерина Говардъ была весьма вѣтренная женщина, неприлично вольная въ обращеніи; совѣтники короля отзываются о ней съ странными похвалами *). Протестанты, потерявшіе черезъ ея бракъ съ королемъ и вслѣдствіе казни Кромвеля все свое значеніе, отмстили новой королевѣ самымъ неблагороднымъ образомъ, вывѣдавъ разные грѣшки, водившіеся за ней до замужества; непріятно слышать, что такой человѣкъ, какъ Кранмеръ, согласился вступить въ заговоръ противъ слабой женщины, недостатки которой были ничто въ сравненіи съ преступленіями ея мужа. Кранмеръ вывѣдалъ отъ одной статс-дамы Екатерины, что до замужества она находилась въ связи съ нѣкоторыми дворянами, состоявшими въ свитѣ ея бабушки. Пріобрѣтя доказательства, онъ, по совѣту своихъ друзей, графа Гертфорда и канцлера, сообщилъ свои открытія королю (4 ноября 1541). Главный ви-

*) Она отличается внѣшнимъ видомъ честности, чистоты и непорочности. (by a notable appearence of honour, cleanness and madenly behaviour).

новникъ Дергэмъ сознался добровольно. Королева хотя отвергала обвиненіе при допросѣ въ тайномъ совѣтѣ, но Кранмеръ, воспользовавшись ея испугомъ, уговорилъ ее подписать въ ту же ночь сознаніе. Она была заключена въ Тоуэръ, и при дальнѣйшемъ изслѣдованіи открылся цѣлый рядъ весьма непривлекательныхъ сценъ, происходившихъ не только до брака, но и потомъ. Король, влюбленный въ жену, пришелъ въ совершенное отчаяніе, увидѣвъ себя обманутымъ. Кровь снова полилась потоками. Два главныхъ любовника королены были повѣшены 30 ноября 1541. Дядя королевы, лордъ Уильямъ Говардъ, его жена, пять другихъ женщинъ и четверо дворянъ были осуждены 10 декабря, какъ участники въ государственномъ преступленіи (misprision of treason) за то, что скрыли отъ короля прежнюю жизнь его жены. Королена была осуждена въ февралѣ 1542 биллемъ парламента, сознаннаго въ январѣ; парламентъ нашелъ ее виновною въ государственной измѣнѣ, и 18 февраля ее казнили. Анна Клеве уцѣлѣла. Она была флегматическаго характера и не любила короля точно также, какъ и онъ ее; поэтому она согласилась на разводъ. За это Генрихъ принялъ ее въ сестры и назначилъ содержаніе, какого не далъ бы ей ея братъ, герцогъ Клеве. Жизнь въ Англіи нравилась ей больше, чѣмъ въ Вестфаліи, вслѣдствіе чего она осталась при дворѣ Генриха.

Кровавыя дѣйствія короля всегда зависѣли отъ его домашнихъ и супружескихъ обстоятельствъ; жестокостью его руководили то католики, то протестанты, хотя какъ тѣ, такъ и другіе тщательно скрывали свои вѣрованія. Вліяніе этихъ религіозныхъ партій порождало многочисленныя противорѣчивыя распоряженія, издаваемыя королемъ по дѣламъ религіи и финансовъ. Въ 1542 г. переводъ библіи Тиндаля, который былъ сначала допущенъ Генрихомъ, подвергся запрещенію (какъ crafty, false and untrue); былъ изданъ другой переводъ, но читать его имѣли право только лорды, джентльмены и ихъ жены и дочери. Простому же народу, ремесленникамъ, подмастерьямъ, мастеровымъ, слугамъ, поденщикамъ и кре-

стьянамъ, было запрещено читать библію подъ страхомъ тюремнаго заключенія на мѣсяцъ. Вмѣсто катихизиса (institution), изданнаго коммиссіею во время господства Кромвеля, составленъ другой, называемый королевскою книгою (the kingsbook); король приказалъ распространить его во всѣхъ приходахъ и руководствоваться имъ въ проповѣдяхъ. Хотя этотъ катихизисъ въ цѣломъ былъ совершенно согласенъ съ прежнимъ, но многія частности были значительно измѣнены. Такъ напримѣръ строго предписывалось вѣрить въ догматъ пресуществленія и приказано причащать подъ обоими видами. Королевская книга была одобрена обѣими палатами духовнаго парламента (the Convocation), который запретилъ все, несогласное съ новымъ катихизисомъ.

Генрихъ воспользовался для своихъ денежныхъ вымогательствъ несогласіями съ Франціей и союзомъ съ шотландскимъ королемъ, который былъ въ тѣсной связи съ нимъ, вслѣдствіе брака и по договору. Кромѣ неслыханныхъ налоговъ, о которыхъ мы говорили, въ маѣ 1543 отъ духовенства потребовали новыхъ суммъ, а на свѣтскія имущества наложили подать, простиравшуюся приблизительно отъ 4 пенсовъ до 3 шиллинговъ съ фунта стерлинговъ. Вскорѣ заставили всѣхъ, имѣвшихъ болѣе 40 фунтовъ имущества, дать королю заемъ, а затѣмъ парламентъ разрѣшилъ Генриху не платить долговъ. Однако и этого было мало, и тотчасъ послѣ всѣхъ этихъ поборовъ возобновили сборъ, извѣстный подъ именемъ добровольной дани (benevolence), ненавидимый всѣми со временъ Генриха VII (т. X стр. 352 и 359); сверхъ того понизили достоинство монеты. Но и этого оказалось мало, поэтому вскорѣ взяли съ духовенства еще 15% дохода, а съ свѣтскихъ землевладѣльцевъ 20%; кромѣ того вытребовали по 2 ш. 8 пенсовъ съ каждыхъ 100 фунт. имущества.

Раболѣпный парламентъ, разрѣшавшій всѣ эти поборы, утвердилъ законъ, которымъ намѣревались оградить короля отъ невѣрностей будущихъ женъ. Парламентъ убѣдительно просилъ короля во время процесса Екатерины Говардъ казнить не

только ее, но и бабку ея, вдовствующую герцогиню Норфокъ, ея отца, мать, герцогиню Бриджеватеръ и графиню Рочфордъ, которая нѣкогда обвинила своего мужа въ связи съ его сестрой, Анной Болейнъ. Не надѣясь примѣромъ казни двухъ королевъ воздержать страсти будущихъ, хотѣли по крайней мѣрѣ устрашить любовниковъ ихъ. Былъ изданъ законъ, объявлявшій виновнымъ въ государственной измѣнѣ всякаго, кто, зная о невѣрности королевы, не донесетъ о томъ немедленно. Далѣе, было постановлено, что женщина, за которую король сватается, не должна обманывать его относительно своей невинности, подъ страхомъ смертной казни. Смертная казнь была опредѣлена какъ тѣмъ, кто бы вздумалъ соблазнять королеву или принцессу Уэльскую, такъ и самой королевѣ или принцессѣ, если бы она допустила увлечь себя. Наконецъ тому же наказанію подлежали всѣ лица, которыя, какимъ бы то ни было образомъ, принимали участіе въ любовныхъ интригахъ королевы, и всѣ тѣ, кто зналъ о порочности королевской невѣсты и не донесъ.

Не смотря на всѣ эти угрозы, Генрихъ не рискнулъ въ шестой разъ жениться на дѣвушкѣ; въ іюлѣ 1543 онъ женился на вдовѣ лорда Латимера, Екатеринѣ Парръ. Она была всей душой предана протестантизму, къ которому принадлежали братъ ея, сдѣланный Генрихомъ графомъ Эссексомъ и дядя. Католики стали опасаться вліянія королевы и ея родныхъ и ожидали, что Кранмеръ, который, несмотря на преданность лютеранству, болѣе всѣхъ пользовался расположеніемъ короля, предпріиметъ новыя религіозныя перемѣны. Чтобы отклонить эту опасность, канцлеръ, лордъ Райотесли и епископъ уинчестерскій Гардинеръ старались погубить королеву посредствомъ богословія ея мужа; это было нетрудно, потому что канцлеръ былъ богословъ и юристъ, а Гардинеръ—теологъ, съѣвшій зубы на каноническомъ правѣ. Притомъ сама королева давала поводъ повредить ей своимъ вполнѣ лютерскимъ, т. е. слишкомъ жаркимъ религіознымъ рвеніемъ. Она читала сочиненія Лютера, которыя такъ ненавидѣлъ

Digitized by Google

ея мужъ, уже за одно то, что авторомъ ихъ былъ Лютеръ; спорила съ Генрихомъ и не соглашалась признать его, какъ главу церкви, непогрѣшимымъ; все это страшно бѣсило короля. Наконецъ въ 1546 Гардинеръ и канцлеръ получили приказаніе составить противъ королевы обвинительный актъ. Королева, находившаяся въ сосѣдней комнатѣ, услышала это. Она раскричалась и расплакалась такъ сильно и плакала такъ долго, что король, который не могъ самъ ходить, приказалъ принести себя къ ней и началъ упрекать ее въ томъ, что она слишкомъ сильна въ богословіи. Она тщетно старалась оправдаться. „Нѣтъ, нѣтъ, Катенька, сказалъ Генрихъ, клянусь пречистой дѣвой, я знаю это лучше; ты настоящій профессоръ (a doctor)“. Наконецъ королевѣ удалось убѣдить короля, что она считаетъ его величайшимъ ученымъ; тогда онъ помирился съ нею, сказавъ: „Ну если такъ, милое мое дитя, то мы снова будемъ друзьями“. На утро явился канцлеръ со стражей, но Генрихъ съ ругательствами выгналъ его. Впрочемъ очень вѣроятно, какъ полагаютъ нѣкоторые, что все это было плоской шуткой, которой Генрихъ старался отучить жену отъ чтенія сочиненій Лютера.

Послѣдніе годы своей жизни Генрихъ провелъ въ заботахъ о своемъ сынѣ и наслѣдникѣ Эдуардѣ, не трогаясь съ креселъ отъ толщины, которая доходила до того, что онъ тяготился жизнью. Его очень огорчало, что болѣзненный Эдуардъ былъ послѣднимъ мужескимъ потомкомъ королевскаго дома. Въ 1544 Генрихъ воспользовался предоставленнымъ ему парламентомъ правомъ располагать наслѣдствомъ престола. Онъ постановилъ, чтобы ему наслѣдовалъ его сынъ отъ Джени Сеймуръ, Эдуардъ; въ случаѣ его бездѣтной смерти престолъ долженъ перейти къ старшей дочери, Маріи, а если и она не оставитъ наслѣдниковъ, то къ младшей, Елисаветѣ. Генрихъ обошелъ своего племянника, короля шотландскаго, потому что въ это время между ними была война. Въ позднѣйшемъ, вѣроятно подложномъ, завѣщаніи вмѣ-

сто шотландскаго короля упомянуты потомки сестры Генриха, бывшей замужемъ за французскимъ королемъ.

Царствованіе Генриха кончилось также кроваво, какъ началось. За нѣсколько дней до смерти его былъ казненъ сынъ герцога Норфока. Отецъ его избѣжалъ казни только по счастливому стеченію обстоятельствъ: Генрихъ умеръ тотчасъ по подписаніи смертнаго приговора его. Герцогъ Норфокъ и сынъ его, графъ Соррей, были главами рода Говардовъ. Герцогъ занималъ при дворѣ высокое положеніе по своимъ заслугамъ, но особенно потому, что умѣлъ льстить и сообразоваться съ расположеніемъ духа короля. Сынъ его былъ остроумнѣйшій, благороднѣйшій и популярнѣйшій человѣкъ изъ всей аристократіи. Смертельными врагами Говардовъ были Сеймуры, особенно графъ Гертфордъ и сэръ Томасъ Сеймуръ, вожди протестантской партіи, надѣявшіеся по смерти Гевриха управлять именемъ девятилѣтняго Эдуарда. Они съумѣли возбудить въ королѣ подозрѣніе противъ Говардовъ, которые имѣли на своей сторонѣ всѣхъ приверженцевъ католицизма, ненавидѣвшихъ протестантовъ Сеймуровъ и ихъ Кранмера. Въ январѣ 1547, за нѣсколько недѣль до смерти короля, Говарды были внезапно арестованы. Графъ Соррей не былъ перомъ, поэтому его обвинили въ государственной измѣнѣ и предали простому суду. Его обвиняли въ намѣреніи овладѣть престоломъ, приводя въ доказательство, что онъ соединилъ съ своимъ гербомъ гербъ Эдуарда Исповѣдника. Онъ возражалъ на это, что гербъ его давно измѣненъ, но до сихъ поръ никто не протестовалъ противъ этого; но никакія возраженія не спасли его; его осудили и 25 января казнили. Отца его, герцога Норфока, даже не судили, а прямо осудили посредствомъ билля of attainder. Верхняя палата слушала этотъ убійственный законъ 15, 19 и 21 января; 24 онъ прошелъ въ нижней палатѣ, а 27 король утвердилъ приговоръ. Къ счастью для герцога Генрихъ VIII умеръ въ ночь съ 28 на 29 января 1547, не успѣвъ распорядиться казнить его.

Digitized by Google

6. Реставрація герцога Ульриха Виртембергскаго.

Планъ дѣйствій противъ протестантовъ, о которомъ Карлъ V условился съ папой Клементомъ VII въ Болоньѣ, былъ разстроенъ, и въ 1532 году состоялся первый религіозный миръ. Папа питалъ къ нему отвращеніе; императоръ былъ также недоволенъ, потому что шмалькальденскіе союзники образовывали государство въ государствѣ. Но опасность, грозившая со стороны турокъ, союзъ французскаго короля Франциска I, который надѣялся вновь завоевать Миланъ, съ слабымъ герцогомъ миланскимъ, возстаніе, вторично вспыхнувшее въ Испаніи и наконецъ возобновленіе войны съ Франціей не позволяли императору обратить вниманіе на Германію. Онъ предоставилъ германскія дѣла своему брату, Фердинанду, избранному римскимъ королемъ. Фердинанду постоянно грозили турки, вслѣдствіе чего онъ не могъ удержать за собою то значеніе, которое братъ предоставилъ ему въ Германіи. Не смотря на сопротивленіе нѣмецкихъ государей, Карлъ отдалъ своему брату, какъ имперскій ленъ, наслѣдственныя владѣнія одного германскаго государя — герцогство Виртембергское, жители котораго были большею частью протестанты; при этомъ онъ далъ Виртембергу всѣ привилегіи, которыми пользовались всѣ наслѣдственныя владѣнія императоровъ австрійскаго дома.

Законный владѣтель этой страны, герцогъ Ульрихъ, бѣдствовалъ и скитался, пытаясь по временамъ силою возвратить себѣ свое герцогство; такъ еще въ 1525 онъ произвелъ подобную попытку, но безуспѣшно. Онъ обращался съ просьбою о помощи къ своему зятю, герцогу Генриху Брауншвейгскому, но добра отъ него не дождался, потому что Генрихъ былъ совершенно равнодушенъ къ своей женѣ и ея роднымъ и помышлялъ только объ Евѣ Троттъ, которую похитилъ и гдѣ-то скрывалъ. Тогда Ульрихъ обратился къ Филиппу Великодушному Гессенскому, приходившемуся ему двоюроднымъ братомъ. Филиппъ принялъ

въ немъ серьезное участіе. Ландграфъ былъ самый способный и дѣятельный изъ протестантскихъ государей; онъ одинъ съ самаго начала видѣлъ насквозь властолюбивые планы габсбургскаго дома и понималъ, что лютеранство могутъ подавить не дипломатами, не конгрессами и не спорами, на такъ называемой почвѣ права, а вооруженною силою. Еще на шпейерскомъ сеймѣ (1526 г.) онъ съ герцогомъ Генрихомъ Брауншвейгскимъ и съ четырьмя курфирстами ходатайствовалъ передъ Фердинандомъ за Ульриха. Но эрцгерцогъ, державшій при себѣ сына Ульриха, не соглашался дать герцогу даже пенсіи, если онъ не откажется отъ всякихъ притязаній на свои владѣнія. Поэтому Филиппъ, не взирая на неудовольствіе Фердинанда, позволилъ изгнаннику жить въ предѣлахъ ландграфства, въ Бланкенштейнѣ на Ланѣ, Магдебургѣ и Касселѣ. Живя во владѣніяхъ своего родственника протестанта, Ульрихъ самъ сдѣлался протестантомъ. Между тѣмъ намѣстники Фердинанда, который ни разу не былъ въ Штутгартѣ, угнетали гражданскую свободу виртемберцевъ, подобно тому, какъ Карлъ V нарушалъ вольности испанцевъ; поэтому виртембергцы, которымъ грозила опасность лишиться религіозной свободы, забыли о прежней тираніи Ульриха и желали его возвращенія. Филиппъ энергически протестовалъ въ 1527, 1528 и 1529 годахъ, слѣдовательно до отдачи Виртемберга Фердинанду; но Карлъ отвѣчалъ ему въ Шпейерѣ, что „законный государь и наслѣдственный владѣтель Вюртемберга—я.“ 5 сентября 1530 г. Виртембергъ и другія нѣмецкія наслѣдственныя земли габсбургскаго дома, тайно уступленныя Фердинанду еще въ 1522 году, были торжественно отданы ему въ ленъ. Тогда ландграфъ объявилъ, что, такъ какъ императоръ закрываетъ для него двери правосудія, то ему остается только поднять оружіе за права своего двоюроднаго брата. Но онъ не могъ исполнить своего намѣренія, пока существовалъ швабскій союзъ, заключившій съ Фердинандомъ договоръ (т. XI стр. 353). Филиппъ разрушилъ швабскій союзъ, имѣвшій цѣлью только охраненіе земскаго мира; онъ

Digitized by Google

заключилъ съ епископомъ бамбергскимъ, курфирстами Трирскимъ, Пфальцскимъ и Майнцскимъ союзъ, цѣль котораго было обезпеченіе ихъ владѣній. Такимъ образомъ швабскій союзъ сталъ не нуженъ и распался. Филиппъ представилъ дѣло Ульриха послѣднему сеймовому съѣзду.

Германіи уже грозила опасность уподобиться Испаніи. Но Филиппъ спасъ ее отъ этого, Іоаннъ Фридрихъ Саксонскій былъ болѣе богословъ, чѣмъ государь. Въ Виртембергѣ совѣтники Фердинанда такъ же пронырливо подкапавались подъ права страны, какъ братъ его въ Кастиліи: права уничтожались постепенно. Когда нужно было получить согласіе страны на налогъ, то не собирали сеймъ, а приглашали депутатовъ нѣкоторыхъ городовъ, выбирая людей слабыхъ и уступчивыхъ; черезъ нихъ распоряжались, какъ хотѣли. Если бы между жителями Виртемберга господствовало единодушіе, то ни Фердинандъ, ни братъ его не могли бы прибѣгать къ насилію; но тамъ происходило тоже, что и въ Кастиліи: рыцари, прелаты и граждане постоянно враждовали между собою изъ за сословныхъ интересовъ. Къ счастію сынъ Ульриха, Христофъ, былъ однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ характеровъ, которые по временамъ вознаграждали Германію за цѣлый рядъ властолюбцевъ и эгоистовъ. Этотъ принцъ, имѣя только семнадцать лѣтъ отъ роду, сопровождалъ въ 1532 императора въ походѣ противъ турокъ. Затѣмъ онъ поѣхалъ въ его свитѣ въ Италію; дорогой учителю его, Биссерну, пришло на умъ, что принцъ будетъ вѣроятно завезенъ въ Испанію, гдѣ и исчезнетъ. Поэтому, доѣхавъ до тирольскихъ горъ, онъ увезъ своего ученика въ безопасное мѣсто, которое было извѣстно только герцогамъ баварскимъ, братьямъ его матери. Христофъ, скрывавшійся сначала въ Баваріи, а потомъ въ Граубинденѣ, написалъ отъ 17 ноября 1532 письмо швабскому союзу, заявляя свои права на Виртембергъ. Ландграфъ Филиппъ примирилъ его съ отцемъ, который доселѣ былъ съ нимъ въ ссорѣ, и хлопоталъ о томъ, чтобы тяжба за

Виртембергъ была разсмотрѣна на швабскомъ союзномъ съѣздѣ. Съѣздъ этотъ былъ назначенъ по желанію Австріи съ цѣлью возобновить союзъ, срокъ котораго истекалъ. Онъ происходилъ въ Аугсбургѣ въ сентябрѣ 1533. Собраніе было блистательно; между прочимъ здѣсь говорилъ рѣчь и французскій посланникъ, присутствовавшій на съѣздѣ. Христофъ въ первый разъ появился въ обществѣ и защищалъ свои права противъ императора, римскаго короля и швабскаго союза. При этомъ ему помогали законовѣды, приставленные къ нему Филиппомъ. Австрійскіе уполномоченные тянули дѣло цѣлыхъ два мѣсяца; но этого-то именно и желалъ ландграфъ. Онъ зналъ, что воръ не выпуститъ изъ руки украденную вещь, пока его не ударить по рукѣ; время, назначенное для возобновленія союза, прошло въ спорахъ о Виртембергѣ, и такимъ образомъ швабскій союзъ прекратился.

Затѣмъ ландграфу приходилось имѣть дѣло только съ Фердинандомъ; враждебный ему могущественный союзъ, заключенный для охраненія земскаго мира, пересталъ существовать. Притомъ Фердинандъ былъ занятъ Венгріей и турками. а братъ его внѣшними войнами. Можно было опасаться только герцоговъ баварскихъ; но они были въ родствѣ съ Ульрихомъ и обѣщали держать нейтралитетъ. Поэтому Филиппъ находилъ возможнымъ въ январѣ 1534 завоевать Виртембергъ силою. Его шмалькальденскіе союзники, въ томъ числѣ Іоаннъ Фридрихъ Саксонскій, не одобряли смѣлаго предпріятія; Лютеръ и Меланхтонъ боялись его, а имперскіе суды издавали противъ ландграфа строгіе декреты; но Филиппъ стоялъ на своемъ. Предпріятіе Филиппа было безразсудно; но въ немъ не были замѣшаны ни династическія, ни своекорыстныя цѣли. Ульрихъ обязался только провести въ Виртембергѣ церковную реформу и присоединиться къ Шмалькальденскому союзу. Разумѣется, какой нибудь Германнъ Мальсбургъ, которому ландграфъ сообщилъ свой планъ, не могъ понять рыцарской и идеальной стороны предпріятія; поэтому онъ отвѣтилъ ему: „Планъ вашъ превосходенъ, если удастся, но

нелѣпъ и опасенъ". Новѣйшій историкъ Кургессена (Роммель) подробно показалъ, какъ трудно было ландграфу собрать нужныя деньги и по какимъ мелочамъ онъ собиралъ ихъ. Охотниковъ служить за деньги или изъ чести было много въ то время, когда постоянныхъ войскъ было мало. Поэтому ландграфъ быстро собралъ въ Гессенѣ, а союзникъ его, Вильгельмъ фонъ Фюрстенбергъ, въ Оберландѣ значительное войско (весной 1534). Силы обоихъ отрядовъ простирались до 30 — 36 тысячъ человѣкъ. Все зависѣло впрочемъ отъ первой удачи, потому что австрійскіе финансы находились и тогда въ столь плачевномъ положеніи, что продолжительнаго сопротивленія не предвидѣлось.

Фердинандъ не хотѣлъ начинать войны и рисковать своею честью изъ за Виртемберга; поэтому онъ не послалъ въ Швабію венгровъ и кроатовъ, о присылкѣ которыхъ просило виртембергское намѣстничество. Въ концѣ апрѣля 1534 Филиппъ и Ульрихъ показались на Неккарѣ, и намѣстничеству пришлось обойтись безъ посторонней помощи. Оно выставило на верхнемъ Неккарѣ войско, лучшая часть котораго состояла изъ старыхъ непримиримыхъ враговъ Ульриха. Имъ командовалъ пфальцграфъ Филиппъ, оказавшій важныя услуги императору при защитѣ Вѣны противъ турокъ (стр. 118); оно состояло изъ 12,000 пѣхоты и 800 рейтаровъ, нанятыхъ за большую плату. Ландграфъ и Фюрстенбергъ обошли его и 13 мая 1534 на голову разбили и разсѣяли при Лауфенѣ на Неккарѣ. Послѣ побѣды ландграфъ проникъ до Дуная и навелъ ужасъ на окрестныя страны; Австріи угрожали съ запада гессенцы, а съ востока турки.

Фердинандъ старался представить поступокъ ландграфа и Фюрстенберга результатомъ Шмалькальденскаго союза и нарушеніемъ земскаго мира; но герцогъ Георгъ Саксонскій, хотя и считался фанатикомъ, однако принялъ сторону своего зятя и требовалъ, чтобы Фердинандъ согласился вступить въ переговоры. Курфирстъ Саксонскій принялъ на себя посредничество. Переговоры начались въ Аннабергѣ и черезъ шесть недѣль

Digitized by Google

послѣ сраженія при Лауфенѣ (29 іюня) кончились Каданскимъ договоромъ (Каданъ въ Богеміи). Договоромъ этимъ Ульриху были возвращены его владѣнія; Фердинандъ требовалъ, чтобы Гессенъ и Саксонія признали его за это римскимъ королемъ. Но упрямый курфирстъ продолжалъ упорствовать, что было совершенно безполезно, такъ какъ Фердинандъ былъ избранъ всѣми остальными курфирстами. Изъ своихъ видовъ онъ допустилъ вставить въ Каданскій договоръ, который былъ заключенъ имъ отъ имени Филиппа и Ульриха, условіе, имѣвшее самыя вредныя послѣдствія для Ульриха, для его сына Христофа и для всего Виртемберга. Оно состояло въ томъ, что Ульрихъ призналъ свое государство наслѣдственнымъ австрійскимъ лнеомъ.

Первымъ результатомъ реставраціи Ульриха и его сына было введеніе во всемъ Виртембергѣ реформаціи и секуларизація духовныхъ владѣній. При этомъ воспользовались опытами, сдѣланными въ Саксоніи. Церковныя имущества были безусловно предоставлены въ Саксоніи курфирсту и достались придворнымъ, а новая церковь получила лишь скудные остатки. Въ Виртембергѣ преобразованіями завѣдывалъ Озіандеръ, который дѣйствовалъ иначе; съ самаго же начала было рѣшено, что все достояніе старой церкви должно перейти къ новой или быть обращено на общеполезныя цѣли; государь не получилъ права располагать имъ. Все духовное имущество было отдано новой церкви; а такъ какъ при новомъ порядкѣ управленія духовными имѣніями доходы ихъ должны были возвыситься, то излишекъ слѣдовало откладываться на черный день для страны.

Предпріятіе ландграфа въ пользу Ульриха, его непріязненный образъ дѣйствій до заключенія Каданскаго мира, смѣлое поведеніе членовъ Шмалькальденскаго союза при заключеніи договора — все это возбудило гнѣвъ императора противъ протестантовъ, которые обирали своихъ духовныхъ сочленовъ и забывали значеніе императорскаго сана. Въ то время Карлъ былъ еще принужденъ скрывать свои чувства; но онъ ожидалъ съ страст-

Digitized by Google

нымъ нетерпѣніемъ того часа, когда можно будетъ отмстить протестантамъ и наложить на имперію свою руку. Но долго возникали новыя обстоятельства, не позволявшія императору заняться насильственнымъ возстановленіемъ своей власти и стараго церковнаго порядка, на которомъ она основывалась; въ это время произошли другія событія, усилившія въ немъ недовѣріе къ протестантскому союзу и ненависть къ вождямъ его. Мы должны указать на нѣкоторыя изъ этихъ событій, потому что они объясняютъ причину такъ называемой шмалькальденской войны.

7. Мюнстерскія безпокойства.

Послѣ казни Томаса Мюнцера послѣдователи ученія о необходимости втораго крещенія въ зрѣломъ возрастѣ, называемые перекрещенцами (анабаптистами), подверглись въ Германіи самымъ жестокимъ преслѣдованіямъ. Но они нашли убѣжище и приверженцевъ въ Нидерландахъ, восточной Фрисландіи и Вестфаліи. Такъ какъ въ этихъ странахъ за ними не шпіонили и они не подверглись, какъ въ Саксоніи и верхней Германіи, казнямъ или, какъ въ Гессенѣ, тюремному заключенію, то число ихъ чрезвычайно умножилось. Въ восточной Фрисландіи, Голландіи и въ верхнемъ Исселѣ они вскорѣ возбудили фанатическое волненіе, побудившее нидерландскія городскія власти употребить противъ нихъ строгія мѣры, такъ какъ въ Голландіи они дѣйствовали совершенно также, какъ прежде въ Саксоніи, а потомъ въ Мюнстерѣ. Въ Амстердамъ пришли корабли, наполненные послѣдователями новаго ученія; когда прибывшихъ спрашивали, куда они ѣдутъ, они отвѣчали: „Въ страну, которую укажетъ намъ Богъ“. На другой день утромъ пять перекрещенцовъ бѣгали съ обнаженными мечами по городу и кричали: „Во имя Господа! Да будутъ благословенны тѣ, которые стоятъ по правую сторону, и да будутъ прокляты, стоящіе по лѣвую сторону

этого города". Во всѣхъ большихъ городахъ граждане взялись за оружіе противъ фанатиковъ; правительница Нидерландовъ Марія венгерская и графъ Гоохстратенъ приказали казнить многихъ изъ нихъ.

Предводителемъ партіи въ Голландіи былъ Янъ Трипмакеръ, прибывшій въ Амстердамъ изъ Эмдена, когда графъ Остфрисландскій разогналъ общины, основанныя въ Эмденѣ апостоломъ Мюнцера, Гофманомъ. Трипмакеръ встрѣтилъ въ Голландіи большое сочувствіе; но въ Амстердамѣ его задержали и казнили со многими его послѣдователями. Вмѣсто него предводителемъ секты фанатиковъ, прозванной мельхіоритами, сдѣлался гарлемскій булочникъ Янъ Матиссонъ. Еще изъ Амстердама онъ разослалъ по всѣмъ направленіямъ своихъ приверженцевъ проповѣдывать свое ученіе. Варфоломей Бёкбиндеръ и Дирикъ Книперъ отправились въ Фрисландію, гдѣ между прочимъ къ нимъ присталъ Оббе Филиппсъ, ученикъ котораго Менно Симонссонъ сталъ основателемъ мирныхъ перекрещенцовъ, такъ называемыхъ меннонитовъ. Въ теченіе десяти лѣтъ, 1530 — 1540 въ Лейденѣ и его окрестностяхъ и въ Фрисландіи шла борьба съ сектаторами. Вожди ихъ, булочникъ Янъ Маттиссонъ и портной Янъ Боккольдъ, обыкновенно называемый Яномъ Лейденскимъ, были изгнаны въ вестфальскій городъ Мюнстеръ, гдѣ встрѣтили возможность учредить теократическое государство.

Въ началѣ шестнадцатаго столѣтія въ Мюнстерѣ, какъ и въ большой части другихъ нѣмецкихъ городовъ, бывшихъ резиденціями епископовъ, народонаселеніе привыкло къ политическимъ раздорамъ, потому что предѣлы епископской власти не были точно опредѣлены, а городскіе совѣты враждовали съ гражданами за участіе въ управленіи. Съ 1524 эти неудовольствія почти прекратились; но въ 1529 они возгорѣлись снова, когда одинъ гессенскій проповѣдникъ Бернгардъ Ротманъ, посланный въ Мюнстеръ ландграфомъ, началъ проповѣдывать реформацію при

большомъ стеченіи народа въ загородной церкви св. Морица. Соборный капитулъ запретилъ эти проповѣди, нравившіяся народу и гражданамъ; Ротманъ представилъ капитулу свое исповѣданіе и просилъ назначить диспутъ; но капитулъ отказалъ ему. Тогда граждане приняли гессенскаго проповѣдника подъ свое покровительство, призвали его въ городъ и, овладѣвъ большею частью городскихъ церквей, учредили въ нихъ проповѣдь евангелія. Послѣ долгихъ споровъ съ капитуломъ былъ заключенъ наконецъ въ февралѣ 1533 договоръ, по которому соборъ былъ предоставленъ капитулу, а остальныя церкви протестантскимъ проповѣдникамъ.

Въ слѣдующемъ году въ Мюнстеръ стеклись цѣлыя толпы перекрещенцевъ, изгнанныхъ изъ Нидерландовъ и нѣмецкихъ городовъ. Это былъ самый грубый и дикій народъ, учители и вожди котораго Янъ Матиссонъ и Янъ Лейденскій, выдавали себя за пророковъ, исполненныхъ вдохновенія свыше, выражали презрѣніе къ человѣческой наукѣ и называли всѣхъ проповѣдниковъ лжепророками. Ротманъ сначала проповѣдывалъ противъ перекрещенцевъ, но потомъ перешелъ на ихъ сторону. Въ первое время главою этого союза пролетаріевъ противъ собственниковъ былъ не Янъ Лейденскій, а бургомистръ Бернгардъ Книппердоллингъ. 1 февраля 1534 онъ изгналъ изъ города дворянъ, духовенство и всѣхъ зажиточныхъ гражданъ, приказалъ избрать новый городской совѣтъ и назначилъ бургомистрами самого себя и другаго подобнаго же фанатика. Но вскорѣ духовнымъ и свѣтскимъ главою Мюнстера сдѣлался Янъ Лейденскій. Онъ приказалъ жителямъ, подъ страхомъ смертной казни, доставить въ назначенное мѣсто все свое золото, серебро, драгоцѣнности и домашнюю утварь; имуществомъ этимъ должны были завѣдывать діаконы, и оно назначалось въ общее пользованіе всѣмъ жителямъ Сіона, какъ сталъ называться Мюнстеръ. Всѣ книги, имѣвшіяся въ городѣ, въ томъ числѣ очень древнія рукописи, были снесены на площадь и сожжены.

Digitized by Google

Пощадили только библію. Янъ Лейденскій былъ назначенъ главою новаго Сіона; въ помощники ему даны 12 судей, которые изображали старѣйшинъ 12 израилевыхъ колѣнъ, окружавшихъ Моисея. Наконецъ Янъ Лейденскій назвался царемъ Сіона, короновался и принялъ всѣ внѣшніе знаки царскаго достоинства.

Между тѣмъ мюнстерскій епископъ Францъ фонъ Вальдекъ собралъ войско и повелъ его противъ фанатиковъ, которые въ огромномъ множествѣ стекались отовсюду въ Мюнстеръ и хорошо укрѣпили этотъ городъ. Когда войско епископа расположилось передъ Мюнстеромъ, Янъ Матиссонъ сдѣлалъ успѣшную вылазку. Успѣхъ этотъ внушилъ ему мысль, что онъ—Гедеонъ Новаго Сіона. Вооружившись копьемъ, онъ бѣгалъ по городу, вызывая тридцать человѣкъ идти за нимъ, чтобы, подобно Гедеону, прогнать враговъ безъ всякаго оружія, кромѣ копій. На зовъ его откликнулись, и они вышли противъ непріятеля, но были перебиты всѣ до послѣдняго (май 1534). Но примѣръ этотъ не подѣйствовалъ на остальныхъ. Фанатизмъ ихъ даже еще болѣе воспламенился, когда въ Мюнстеръ пришелъ варендорфскій золотыхъ дѣлъ мастеръ Іоганнъ Таузеншуэръ и возвѣстилъ, что Богъ открылъ ему, что Янъ Лейденскій побѣдоносно обойдетъ всю землю, истребитъ всѣхъ враговъ и спасетъ простой народъ. Янъ Лейденскій организовалъ между тѣмъ свое государство. Книппердоллингъ былъ назначенъ намѣстникомъ, Ротманъ — проповѣдникомъ и Крехтингъ—канцлеромъ. Подробныя свѣдѣнія о дворѣ Яна Лейденскаго находятся въ книгѣ, изданной въ 1725 году подъ заглавіемъ: „Роспись всѣмъ совѣтникамъ, слугамъ и придворнымъ перекрещенскаго царя Яна Лейденскаго“. По примѣру Давида и Соломона, царь-пророкъ устроилъ себѣ гаремъ изъ четырнадцати женщинъ. Онъ поступалъ съ ними по восточному и собственноручно казнилъ одну за то, что она осмѣлилась жаловаться на его поступки. Ротманъ издалъ книгу, содержавшую въ себѣ изложеніе главныхъ пунктовъ

Digitized by Google

ихъ ученія, подъ заглавіемъ „Возстановленіе“ (Restitution). Въ ней возвѣщается, что, по истребленіи всѣхъ безбожниковъ, благочестивые и избранные будутъ царствовать на землѣ до суднаго дня, что Лютеръ и папа оба лжепророки и т. п. Эти сумасбродства происходили въ Мюнстерѣ въ теченіе всего 1534 г.; кромѣ того были посланы 28 проповѣдниковъ въ другія мѣста. Но ихъ всѣхъ казнили, кромѣ Генриха Дорпа. Мы не будемъ подробно описывать дѣянія перекрещенцевъ; достаточно сказать, что Мюнстеръ былъ похожъ на домъ умалишенныхъ.

Лютеръ, Меланхтонъ, Юстусъ Меній и Урбанъ Регій задавали себѣ напрасный трудъ опровергать воззрѣнія анабаптистовъ. Во время виртембергской войны безсильная юстиція имперіи не могла остановить ихъ. Самъ епископъ мюнстерскій и его союзники, архіепископъ кёльнскій и герцогъ Юлихъ-Клеве, не имѣли средствъ вести продолжительную осаду. Въ половинѣ декабря 1534 былъ наконецъ созванъ вестфальскій областной съѣздъ въ Кобленцѣ, куда пріѣхалъ и курфирстъ Саксонскій. Но значительнаго войска не могли собрать. Поэтому ограничились угрозами и просили короля Фердинанда назначить имперскій сеймъ. Умѣренная партія анабаптистовъ питала большое довѣріе къ ландграфу Филиппу. Они находились съ нимъ въ перепискѣ и послали ему книгу „Возстановленіе“ и другое сочиненіе свое „О тайнахъ писанія“. Филиппъ прочелъ обѣ книги, но объявилъ себя противъ ученія, изложеннаго въ нихъ и даже приказалъ написать на нихъ опроверженіе. Лютера мюнстерцы не хотѣли знать, говоря, что онъ хуже папы. Когда пророчества Яна Лейденскаго не сбылись, граждане хотѣли выдать своего царя врагамъ; но его защищали окружающіе его фанатики. Наконецъ въ апрѣлѣ 1535 король Фердинандъ приступилъ къ военнымъ приготовленіямъ противъ города.

Императоръ обвинялъ въ продленіи мюнстерскихъ безпорядковъ Шмалькальденскихъ союзниковъ; ему хотѣлось поскорѣе

окончить это дѣло тѣмъ болѣе, что братъ его потому только согласился на каданскій договоръ, что въ противномъ случаѣ и въ 1535 году не могъ бы исполнить просьбу епископа мюнстерскаго. Наконецъ имперскій сеймъ приказалъ собрать для похода противъ Мюнстера 100,000 гульденовъ. Но города и имперскіе чины, въ особенности протестантскіе, обязанные помогать епископу противъ его подданныхъ, дѣйствовали такъ неохотно, что дѣло кончилось бы ничѣмъ, если бы за него не взялся ландграфъ Гессенскій. Фердинандъ выговорилъ въ Каданѣ условіе, чтобы часть войскъ, дѣйствовавшихъ въ Виртембергѣ, была послана противъ Мюнстера.

Въ апрѣлѣ 1535 ландграфъ Филиппъ послалъ своихъ гессенцевъ въ походъ подъ предводительствомъ Зигмунда фонъ Бойнебурга. Съ нимъ соединились войска вестфальскаго округа и осадили Мюнстеръ. Тогда двое гражданъ предложили епископу впустить измѣной имперское войско въ городъ. Но епископъ желалъ предохранить городъ отъ ужасныхъ послѣдствій приступа и требовалъ сдачи на капитуляцію. Анабаптисты, не зная объ измѣнѣ, отвергли всѣ предложенія. Поэтому осаждающіе прибѣгли къ помощи предателей. 24 іюня нѣсколько сотъ человѣкъ тайно проникли въ городъ и отворили остальнымъ ворота. На улицахъ закипѣлъ страшный бой; говорятъ, что съ обѣихъ сторонъ пало 5,000 человѣкъ въ городѣ и 8,000 за городомъ. Наконецъ оставшіеся въ живыхъ фанатики, въ томъ числѣ самъ Янъ Лейденскій и его приближенные, сдались. Только Ротманъ предпочелъ умереть въ бою. Изъ числа плѣнныхъ были казнены не только вожди, но много другихъ. Страшно разсказывать, какимъ мукамъ были подвергнуты вожди, которыхъ цѣлый годъ таскали повсюду прежде, чѣмъ наконецъ казнили. Всѣ перекрещенцы, какіе были въ имперіи, подверглись казни, и только Филиппъ Гессенскій отказался выполнить въ своихъ владѣніяхъ приговоръ, произнесенный противъ нихъ. Онъ даже запретилъ казнить людей по приказанію сейма за то только, что

они анабаптисты. За это Лютеръ выразилъ ему въ письмѣ свое неудовольствіе, приплетая ко всякому слову чорта. Онъ убѣждалъ Филиппа по крайней мѣрѣ изгнать анабаптистовъ изъ своихъ владѣній: „ибо это дьявольскія сѣмена; чортъ съ ними за одно; но такъ какъ продѣлки его очевидны, то его наконецъ таки выгонятъ". Въ другомъ мѣстѣ онъ весьма наивно отвѣчаетъ на упрекъ ландграфа: „Нельзя же не гнать волка оттого, что онъ больше губитъ въ чужихъ овчарняхъ, чѣмъ въ моей. Каждый долженъ беречь свою овчарню".

8. Насилія вождей протестантизма въ Германіи.

Протестанты воспользовались продолжительнымъ отсутствіемъ императора и его войною съ Франціей, чтобы усилить Шмалькальденскій союзъ и учредить вмѣсто императорской власти республику князей и городовъ. Каждую минуту ожидали перехода въ протестантизмъ курфирста Іоахима II Бранденбургскаго, котораго удерживало лишь обѣщаніе не быть лютераниномъ, данное своему отцу, и вліяніе нѣкоторыхъ монаховъ. За то братъ его, маркграфъ Іоаннъ, сестра Елисавета, бывшая замужемъ за Эрихомъ Мюнденскимъ и двоюродный братъ, Георгъ Ансбахскій, уже давно перешли въ протестантизмъ. Князья эти и нѣкоторые верхне-германскіе города, особенно Нюрнбергъ, опасаясь императора, не вступали въ союзъ; братъ Георга, Альбрехтъ Прусскій, также не могъ присоединиться къ шмалькальденскимъ союзникамъ, потому что былъ подъ имперской и императорской опалой. За то въ 1536 въ союзъ были приняты: Ульрихъ Виртембергскій, герцоги Барнимъ и Филиппъ Померанскій, Георгъ и Іоахимъ Ангальтскіе, города: Аугсбургъ, Кемптенъ, Гамбургъ, Ганноверъ, Минденъ, Франкфуртъ и нѣкоторые мелкіе владѣтели. Союзъ былъ продолженъ еще на нѣсколько лѣтъ и получилъ организацію, доставившую большую силу главнымъ вождямъ его; они

могли располагать значительной союзной силой и стали дѣйствовать противъ императора гораздо смѣлѣе. Ландграфъ пользовался несравненно большимъ значеніемъ, чѣмъ король Фердинандъ, который не могъ избавиться отъ турокъ.

Императоръ разумѣется не могъ оставаться равнодушнымъ къ такому усиленію могущества протестантовъ. Онъ намѣревался прибыть въ Германію черезъ Геную, между тѣмъ какъ папа Павелъ III созвалъ бы соборъ для полюбовнаго окончанія религіозныхъ раздоровъ. Но ему пришлось отложить свое намѣреніе. Тѣмъ не менѣе протестанты встревожились. Шмалькальденскій союзъ отправилъ къ императору посольство съ жалобами и прошеніями. Онъ хотѣлъ смягчить этимъ гнѣвъ императора и побудить его внушить умѣренность имперскому правленію и имперскому палатному суду, которые безпрестанно издавали грозные декреты противъ секуляризаціи духовныхъ имуществъ, чѣмъ ставили протестантовъ въ необходимость не признавать приговоры имперской юстиціи. Императоръ отвѣчалъ протестантамъ, что пришлетъ въ Германію уполномоченнаго, вице-канцлера Гельда; поэтому онъ приказалъ имъ созвать въ Шмалькальденъ общее собраніе союза, куда прибудетъ и Гельдъ, переговоривъ предварительно въ Вѣнѣ съ Фердинандомъ. Собраніе это происходило 15 февраля 1537 г. Оно было необыкновенно многочисленно, торжественно и блистательно, потому что на немъ присутствовали почти всѣ министры, богословы, въ томъ числѣ Лютеръ и Меланхтонъ, всѣ протестантскіе государи и городскія власти. Гельдъ произнесъ нѣсколько рѣчей; Лютеръ очень страдалъ въ то время отъ каменной болѣзни и поэтому вскорѣ уѣхалъ; передъ отъѣздомъ онъ предостерегалъ протестантовъ отъ козней папы. Гельдъ въ своихъ рѣчахъ обнаруживалъ ненависть къ реформаціи. Между тѣмъ Павелъ III противъ воли Карла созвалъ соборъ въ Мантуѣ, гдѣ могъ держать его въ своей власти; но протестанты отказались посылать туда депутатовъ и помогать Карлу противъ турокъ. Вслѣдъ за тѣмъ къ Шмалькаль-

денскому союзу присоединились курфирстъ Іоахимъ II Бранденбургскій, братъ его Іоаннъ, двоюродный братъ Георгъ и Альбрехтъ Франконскій; они обѣщали въ случаѣ религіозной войны помогать оружіемъ, но впослѣдствіи не сдержали слова.

Изъ Шмалькальдена Гельдъ поѣхалъ по всей Германіи, съ цѣлью организовать католическій союзъ. Старанія его увѣнчались успѣхомъ: архіепископы майнцскій и зальцбургскій, герцоги Баварскіе, герцогъ Георгъ Саксонскій и герцогъ Генрихъ Младшій Брауншвейгскій заключили 10 іюня 1538 г. въ Нюрнбергѣ союзъ, прозванный впослѣдствіи священною или генриховою лигою. Союзъ этотъ былъ заключенъ „на защиту и охраненіе истинной христіанской (т. е. папской) религіи и для приведенія въ исполненіе всѣхъ императорскихъ и имперскихъ рѣшеній, постановленій и повелѣній, такъ какъ ни католическіе чины, ни имперскій судъ не признаютъ нюрнбергскаго мира". Члены лиги были личные враги Лютера, который неоднократно бранилъ и оскорблялъ ихъ. Цѣль союза была, повидимому, лишь оборонительная. Въ слѣдующемъ году императоръ утвердилъ союзъ и далъ ему 50,000 гульденовъ. Теперь доказано, благодаря недавно найденному документу, что императоръ уполномочилъ Гельда возбуждать католиковъ противъ протестантовъ вымышленными обвиненіями. Но впослѣдствіи онъ отступился отъ союза, заключеннаго Гельдомъ, потому что канцлеръ Гранвелла посовѣтовалъ ему для соблюденія мира пожертвовать учредителемъ лиги. Дѣйствительно, она могла бы возбудить междоусобную войну, что въ то время было бы крайне невыгодно для императора; Гранвелла былъ дальновиднѣе Гельда. По совѣту его Карлъ подвергнулъ порицанію все, что было сдѣлано Гельдомъ, смѣнилъ его, удалилъ отъ дѣлъ и поручилъ другому уполномоченному заключить договоръ, по которому до прибытія императора все оставалось по прежнему. Впрочемъ лига не представляла для Шмалькальденскаго союза серьезной опасности, такъ какъ въ апрѣлѣ 1539 г. умеръ герцогъ Георгъ Саксонскій, и владѣнія его достались усердному протестанту, брату

Digitized by Google

его, Генриху, который до того времени жилъ въ Фрейбергѣ, получая самое скудное содержаніе. Старшій сынъ Георга умеръ еще въ 1537 г., а младшій, давно признанный слабоумнымъ, въ февралѣ 1539. Преемникъ Георга, Генрихъ, прозванный за усердіе къ протестантизму Благочестивымъ, немедленно ввелъ реформацію въ своемъ герцогствѣ, пригласивъ для этой цѣли богослововъ изъ курфиршества саксонскаго. Къ Шмалькальденскому союзу онъ принадлежалъ уже давно. Въ 1539 къ союзу приступилъ въ качествѣ герцога Голштинскаго датскій король Христіанъ III.

Учрежденіе священной лиги породило распрю между герцогомъ Генрихомъ Брауншвейгскимъ и ландграфомъ Филиппомъ. Но такъ какъ императоръ, по совѣту Гранвеллы, отступился отъ лиги, то поводомъ къ раздору послужили частныя обстоятельства. Пылкій герцогъ Генрихъ Брауншвейгскій, служившій императору въ Италіи съ отрядомъ наемниковъ, который на свой счетъ навербовалъ въ Германіи и получившій за это весьма плохое вознагражденіе, постоянно ссорился съ ландграфомъ Филиппомъ Гессенскимъ и курфирстомъ Іоанномъ Фридрихомъ Саксонскимъ. Поэтому онъ усерднѣе всѣхъ хлопоталъ въ пользу императора и папы. Филиппъ Гессенскій былъ также пылокъ, какъ и Генрихъ, и неутомимо дѣятеленъ въ распространеніи протестантизма. Они еще въ 1538 дошли бы до войны, если бы герцогъ Георгъ Саксонскій и курфирстъ Іоаннъ Фридрихъ не помирили ихъ. Ландграфъ по наговору одного негодяя обвинилъ герцога въ подсылкѣ къ нему убійцъ, съ порученіемъ застрѣлить его на охотѣ. Дѣло это было такъ: въ концѣ 1538 Генрихъ послалъ по дѣламъ священной лиги своего секретаря Стефана Шмидта съ письмомъ къ курфирсту Майнцскому. Ландграфъ, выѣхавъ на охоту, встрѣтился съ посланнымъ и велѣлъ спросить его, кто онъ такой. Шмидтъ имѣлъ безразсудство выдать себя за слугу курфирста Бранденбургскаго. Но онъ былъ узнанъ однимъ изъ спутниковъ Филиппа и арестованъ. Въ найденныхъ у него письмахъ были, правда, грубыя ругательства

на ландграфа, но не было ничего такого, что могло бы навести на мысль о враждебныхъ замыслахъ противъ Шмалькальденскаго союза. Герцогъ писалъ между прочимъ курфирсту Майнцскимъ: „поздравляю васъ съ новымъ годомъ и желаю вамъ счастья, а врагамъ вашимъ провалиться къ чорту. Ландграфъ спитъ мало, не болѣе одного часа въ ночь, быть можетъ онъ помѣшается, и тогда намъ легко будетъ справиться съ остальными“.

Съ этого времени ссора между Генрихомъ и Филиппомъ и вражда, возникшая тогда же между Генрихомъ и курфирстомъ Іоанномъ Фридрихомъ, разгоралась все болѣе и болѣе. Обѣ стороны поносили другъ друга въ самыхъ скандальныхъ памфлетахъ; трудно сказать, чья брань была грубѣе и пошлѣе. Впрочемъ, не смотря на хорошее правленіе ландграфа и религіозность Іоанна Фридриха, частная жизнь всѣхъ трехъ государей представляла достаточно пищи для памфлетовъ. Курфирстъ въ своемъ сочиненіи противъ Генриха самъ смиренно сознается въ пристрастіи къ вину. Ландграфъ же приказалъ своимъ богословамъ разрѣшить ему имѣть кромѣ множества наложницъ двухъ женъ. Затѣмъ по его приказанію придворный проповѣдникъ Меландеръ обвѣнчалъ его отъ живой жены съ Маргаритою Зааль, фрейлиной его сестры, жившей въ Рохлицѣ. Сватьба происходила 10 марта 1540 въ присутствіи многихъ придворныхъ. Поведеніе Генриха Брауншвейгскаго было еще скандальнѣе. Онъ жилъ съ своей женой въ совершенномъ согласіи и имѣлъ отъ нея 11 дѣтей, какъ вдругъ влюбился въ фрейлину ея, Еву Троттъ, дочь бранденбургскаго гофмаршала. Связь эта оскорбляла рыцарскую родню Евы, и родственники отозвали ее. Она отправилась въ путь, но въ Гандерсгеймѣ слегла въ постель, и затѣмъ распространился слухъ, что она умерла. Но она была жива и здорова; Генрихъ увезъ ее въ замокъ Штауфенбергъ, похоронивъ вмѣсто нея деревянную куклу. Онъ ѣздилъ въ Штауфенбергъ и прижилъ съ Евой семерыхъ

Digitized by Google

дѣтей. Впослѣдствіи родители ея узнали ея мѣстопребываніе и пожаловались императору; но въ 1541 она въ самомъ дѣлѣ умерла, въ одно время съ женою Генриха.

Ссора трехъ государей по временамъ ожесточалась, когда появлялось новое рѣзкое полемическое сочиненіе или отыскивалось новое обвиненіе. Такъ напримѣръ въ 1541 въ Саксоніи случились поджоги, и поджигатели показали, что ихъ побудилъ совершить это преступленіе герцогъ Генрихъ; конечно, свидѣтельство это ничего не доказывало, потому что было вынуждено пыткою. Не смотря на подобные случаи и на печатную брань, вожди Шмалькальденскаго союза не рѣшились бы нарушить изъ за своей вражды къ Генриху земскій миръ; но Генрихъ самъ подалъ къ тому поводъ, позволивъ себѣ насиліе въ отношеніи союзныхъ городовъ, Брауншвейга и Гослара. Подобно большинству крупныхъ и многимъ мелкимъ городамъ Германіи, Брауншвейгъ постепенно накупилъ у императора столько привилегій, что наконецъ сдѣлался почти республикою. Не смотря на повелѣніе императора повиноваться своему государю, Брауншвейгъ держался своихъ вольностей и сталъ еще неуступчивѣе съ тѣхъ поръ, какъ присталъ къ Шмалькальденскому союзу. Госларъ находился въ подобномъ же отношеніи къ герцогу и совершенно разсорился съ нимъ за владѣніе Раммельсбергомъ и тамошними рудниками. Имперскій палатный судъ, враждебно относившійся къ протестантскимъ чинамъ, рѣшилъ тяжбу въ пользу герцога и даже предалъ Госларъ опалѣ; но императоръ и его братъ, по просьбѣ протестантовъ, приказали пріостановить выполненіе приговора и опалы. Однако грубый герцогъ не обратилъ на это вниманія. Онъ напалъ на городъ, что наконецъ дало ландграфу и курфирсту поводъ фактически отмстить ему. Въ это время послѣдній отвѣтъ курфирста и книга Лютера, который вмѣшался въ ссору курфирста съ герцогомъ, довели ихъ полемику до крайней степени площаднаго краснорѣчія. Лютеръ написалъ противъ Генриха книгу подъ заглавіемъ: „Противъ

Ганса Вурста" *). Сочиненіе это самое грубое и неприличное изъ всѣхъ нѣмецкихъ книгъ XVI столѣтія, которое-таки изобиловало грубыми книгами.

Не желая повторять пошлыхъ ругательствъ, мы приводимъ только заглавіе апологіи курфирста, вышедшей въ 1541 **) и одно изъ наименѣе безобразныхъ мѣстъ изъ книги Лютера противъ Ганса Вурста, которая заставляетъ жалѣть, что такой великій геній получилъ монастырское воспитаніе. Мѣсто это служитъ отвѣтомъ на слова герцога Генриха, который въ своемъ памфлетѣ выражался о курфирстѣ: „курфирстъ—еретикъ, бунтовщикъ, Каинъ, чудовище, Эзопъ, котораго душа также безобразна, какъ и тѣло, и котораго осмѣиваетъ и презираетъ даже идолъ его, Лютеръ. ***).

---

*) Гансъ Вурстъ — народный нѣмецкій типъ: шутъ, обжора и дуракъ. Ред.

**) Въ 1541 въ Виттенбергѣ вышла книга въ 21 печатный листъ подъ заглавіемъ: «Пресвѣтлѣйшаго, высокороднѣйшаго князя и господина, государя Іоанна Фридриха герцога въ Саксоніи, архимаршала и курфирста С. Р. имперіи правдивый, истинный, основательный, христіанскій и откровенный отвѣтъ на безсовѣстное, калфурнское, постыдное и лживое писаніе безбожнаго, проклятаго прелюбодѣйца, злостнаго Варравы, любострастнаго Олоферна Брауншвейгскаго, называющаго себя герцогомъ Генрихомъ Младшимъ, вышедшее въ Вольфенбюттелѣ, какъ значится, во вторникъ послѣ Всѣхъ Святыхъ 1540 г.» — Герцогъ отвѣчалъ книгою, вышедшею въ Вольфенбюттелѣ въ 1541, толщиною въ 20 печ. листовъ; онъ назвалъ ее квадрупликою, т. е. четвертою полемикою и озаглавилъ такъ: «Пресвѣтлѣйшаго, высокороднаго князя и господина, государя Генриха Младшаго герцога Брауншвейгскаго и Люнебургскаго возвышенная, основательная, истинная и христіанская квадруплика противъ безбожнаго, проклятаго богоотступника, церкви грабителя, отверженнаго и злостнаго саксонскаго Антіоха, новатіанца, северіанца и блудодѣйника, называющаго себя Гансомъ Фридрихомъ герцогомъ въ Саксоніи, который выдумалъ лживую и безстыдную порочную книгу, выпущенную противъ сказаннаго герцога Генриха въ Торгау въ понедѣльникъ послѣ Іудина дня 1541.»

***) Лютеръ говоритъ, что герцогомъ управляетъ дьяволъ, къ которому обращается съ слѣдующими словами: «Ты и твой Гейнцъ безстыдно лжете, и вся ваша книга — безстыдное лганіе; ты съ твоимъ Гейнцемъ думаете, что

Digitized by Google

Герцогъ тѣснилъ Брауншвейгъ и осадилъ Госларъ; граждане обратились за помощью къ Шмалькальденскому союзу. Курфирстъ и ландграфъ имѣли свиданіе въ Эйзенахѣ и объявили герцогу войну. Къ іюлю 1542 они навербовали по крайней мѣрѣ 20,000 наемниковъ и вступили въ герцогскія владѣнія, — курфирстъ черезъ Гарцъ, а ландграфъ вверхъ по Везеру, черезъ Гекстеръ. Въ теченіе четырехъ недѣль они заняли всю страну и преобразовали всюду церковный порядокъ. Герцогъ бѣжалъ въ Баварію. Фердинандъ издалъ въ защиту его два декрета, но они не имѣли никакихъ послѣдствій; регентъ имперскій былъ даже принужденъ обѣщать курфирсту и ландграфу не предпринимать противъ нихъ въ дѣйствительности ничего. Имперскій палатный судъ также защищалъ Генриха; но приговоръ его далъ только протестантскимъ чинамъ поводъ объявить въ Швейнфуртѣ, что они не признаютъ палатный судъ, потому что члены его „въ высшей степени пристрастны, односторонни, подозрительны и нестерпимы“.

Столь дерзкое нарушеніе мира, сопровождаемое позорнымъ оскорбленіемъ имперскаго правленія и суда, было совершенно достаточно, чтобы оправдать насильственныя мѣры противъ нихъ виновниковъ. Протестанты сдѣлали поэтому важный промахъ тѣмъ, что, поднявъ оружіе, остановились на полдорогѣ. Но это была вина нетрезваго почитателя Лютера, Іоанна Фридриха Саксонскаго, а не ландграфа. Курфирстъ не умѣлъ ни вести войну, ни поддержать миръ; когда, по окончаніи войны съ Франціей,

---

такое тяжелое, неуклюжее строченіе можетъ повредить мнѣ и доставить вамъ выигрышъ; но думаете вы такъ потому, что оба вы настоящіе Гансвурсты, дурачье, ослы и болваны; оба вы, отецъ и сынъ, — отчаянные, безчестные, провравшіеся злодѣи и смѣете говорить, что я назвалъ моего всемилостивѣйшаго государя—Гансомъ Вурстомъ. На такія штуки и отвѣчать-то не стоитъ. Вы потому называете моего всемилостивѣйшаго государя Гансомъ Вурстомъ, что онъ силенъ, жиренъ и дороденъ.» Слѣдующія слова мы не рѣшаемся повторить: они слишкомъ грубы.

императоръ могъ обратиться противъ Германіи, Іоаннъ Фридрихъ, по ограниченности ума и упрямству, безразсудно вооружилъ его противъ себя своими произвольными поступками въ религіозныхъ дѣлахъ. Онъ продолжалъ безъ всякой причины не признавать Фердинанда королемъ римскимъ и въ довершеніе безразсудства оскорбилъ ближайшаго протестантскаго родственника своего, герцога Морица Саксонскаго, сына герцога Генриха. Отецъ Морица, какъ извѣстно (стр. 177), наслѣдовалъ въ 1539 своему брату Георгу и въ качествѣ главы альбертинской линіи Саксонскаго дома владѣлъ всею южною Саксоніею отъ Лейпцига до Богеміи и Франконіи. Онъ умеръ въ началѣ 1541, оставилъ двухъ сыновей — Морица и Августа. Морицъ, еще очень молодой, наслѣдовалъ отцу. Мы не будемъ безусловно хвалить его, подобно его біографу, фонъ Лангенну; онъ былъ твердъ, рѣшителенъ и скрытенъ; въ политикѣ онъ былъ послѣдователемъ Макіавелли. Онъ питалъ съ шестнадцати лѣтъ антипатію къ курфирсту Іоанну Фридриху, который съ своей стороны не любилъ его. Морицъ былъ не доволенъ тѣмъ, что слабый отецъ его удалилъ умныхъ и опытныхъ слугъ герцога Георга и предалъ себя и всю страну въ распоряженіе чиновниковъ и духовенства, рекомендованныхъ ему курфирстомъ и его оракуломъ, Лютеромъ. Кромѣ того онъ былъ весьма недоволенъ обращеніемъ курфирста во время его пребыванія при саксонскомъ дворѣ. Послѣ того онъ жилъ при дворѣ великолѣпнаго архіепископа Альбрехта майнцскаго, который, подобно Морицу, былъ чуждъ фанатизма и, какъ человѣкъ классически образованный, слѣдовалъ своей собственной религіи въ итальянскомъ вкусѣ; Альбрехтъ безъ церемоніи говорилъ, что разсчетливѣе держаться императора. Морицъ былъ того же мнѣнія. Хотя онъ былъ протестантъ, но понималъ, что преданный вину и руководимый богословами курфирстъ и пылкій ландграфъ не долго продержатся противъ императора. Потомъ, принявъ по смерти отца правленіе, онъ снова призвалъ къ дѣламъ старыхъ слугъ гер-

Digitized by Google

цога Георга, въ томъ числѣ Христофа Карновица, искусно завѣдывавшаго политикой Георга; онъ отказался подтвердить договоръ, заключенный его отцемъ съ Шмальканденскимъ союзомъ. Въ это время курфирстъ снова возбудилъ противъ себя его гнѣвъ своими самовластными поступками въ городѣ и округѣ Вурценѣ, принадлежавшихъ къ епископству мейссенскому, которое находилось подъ общимъ покровительствомъ саксонскихъ государей. Морицъ готовъ былъ взяться за оружіе, но тесть его, ландграфъ Филиппъ, вмѣшался въ дѣло и успѣлъ примирить ихъ.

Въ это же время курфирстъ обратилъ, вопреки всѣмъ правамъ, епископство наумбургское въ саксонское суперинтендентство, оставивъ за нимъ только названіе епископства. Епископство наумбургское было подчинено Саксоніи только въ томъ отношеніи, что каноники должны были выбирать епископа непремѣнно въ присутствіи саксонскаго коммиссара. Каноники нарушили эту обязанность, приступивъ въ январѣ 1541, по смерти своего администратора, епископа Филиппа фонъ Фрейзингена, къ избранію епископа, не дождавшись коммиссара. Причиною этого было то, что они знали о намѣреніи курфирста присвоить себѣ епископство. Выборъ ихъ палъ на кроткаго, добродѣтельнаго человѣка Юлія Пфлуга, котораго протестанты любили столько же, какъ и католики, и котораго курфирстъ могъ попрекнуть только тѣмъ, что онъ не лютеранинъ. Тѣмъ не менѣе Іоаннъ Фридрихъ безъ всякой причины воспротивился этому избранію, ввелъ реформацію во всемъ наумбургскомъ округѣ и, несмотря на протестъ канониковъ, назначилъ въ 1542 епископомъ друга Лютера, суперинтендента магдебургскаго Николая Амсдорфа. При этомъ онъ дѣйствовалъ такъ, какъ будто имперіи и императора не существуетъ и какъ будто наумбургское епископство—его частная собственность. Онъ оставилъ новому епископу, назначенному Лютеромъ, только 600 гульденовъ изъ всѣхъ доходовъ, а остальные употребилъ на благотворительныя заве-

нія; затѣмъ не спрашивая ни гражданъ, ни императора, ни имперское правленіе, онъ присоединилъ себѣ всю свѣтскую власть и поставилъ во главѣ администраціи своего чиновника. Протесты соборнаго капитула, оскорбленнаго въ своихъ наслѣдственныхъ правахъ, возраженія болѣе благоразумныхъ совѣтниковъ курфирста и два декрета, изданные императоромъ въ пользу Юлія Пфлуга, не могли удержать курфирста. Самовластіе ландграфа и курфирста, усиленіе свѣтскаго могущества протестантовъ, присоединеніе къ союзу ихъ пфальцграфа Нейбургскаго, чему не могли помѣшать его сосѣди и родственники герцоги Баварскіе, крайне недовольные его поступкомъ, переходъ въ протестантизмъ курфирста Кёльнскаго, грозившій архіепископству кёльнскому секуляризацію и отступленіе отъ католицизма Курпфальца, — все это встревожило императора, папу и всѣхъ католическихъ государей. Императоръ заботился не столько о подавленіи реформаціи, сколько о возстановленіи императорской власти и имперской юстиціи. Мнѣніе это раздѣлялъ герцогъ Морицъ Саксонскій, бывшій протестантомъ; по крайней мѣрѣ онъ дѣлалъ видъ, что это убѣжденіе заставило его отступиться отъ Шмалькальденскаго союза. Послѣ ссоры по поводу Вурцаха онъ прекратилъ дружескія отношенія къ курфирсту и искалъ благосклонности императора. Кромѣ того онъ подружился съ Фердинандомъ, помогалъ ему въ 1542 въ войнѣ съ турками, причемъ оказалъ королю важныя услуги и своею храбростью возбудилъ удивленіе венгровъ и турокъ. Въ слѣдующіе два года онъ отличился въ походѣ императора противъ Франціи, гдѣ императорская армія подошла на близкое разстояніе къ Парижу.

9. Италія послѣ канбрейскаго мира.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ мира, заключеннаго въ 1529 Карломъ V съ Франціей въ Канбрэ, было преобразованіе

политическаго устройства Италіи. Императоръ и папа распорядились судьбою итальянскихъ государствъ. Папы Клементъ VII и преемникъ его Павелъ III (1534—49) сдѣлали при помощи императора своихъ сыновей или, какъ ихъ называли, племянниковъ, государями. Клементъ доставилъ Александру Медичи, который былъ вѣроятно его сынъ (стр. 3), флорентинскую республику, а Павелъ сдѣлалъ владѣтельнымъ родъ Фарнезе, усыновивъ Піетро Алонзіо Фарнезе и пріобрѣтя для него и для сыновей его обширныя владѣнія. Францискъ Сфорца II миланскій, правленіе котораго съ 1529 до 1535 было гибельно не только для страны его, но и для него самого, былъ принужденъ принять тяжелыя условія, предписанныя ему императоромъ во время своего пребыванія въ Болоньѣ (1530). Вообще Карлъ V доставилъ полное торжество правамъ германской исторіи (впрочемъ мы вовсе не сочувствуемъ этой побѣдѣ германской имперіи надъ италіанскою національностію). Власть его надъ Миланомъ была неограничена, хотя для виду онъ утвердилъ Франческо Сфорца герцогомъ Миланскимъ. Онъ принудилъ папу Клемента VII и Альфонса Феррарскаго подчиниться приговору имперскаго палатго суда и 21 апрѣля 1531 постановилъ окончательно, что Эсте владѣютъ Феррарой, какъ церковнымъ леномъ, а Моденой и Реджіо, какъ имперскимъ. Въ мартѣ 1530 императоръ возвелъ маркизатство мантуанское въ герцогство въ пользу фамиліи Гонзага. Герцогъ Карлъ III Савойскій изъ политическихъ разсчетовъ былъ вполнѣ преданъ императору, не смотря на многія узы, связывавшія его съ Франціей. Республики Генуя, Сіена и Лукка были вполнѣ подчинены императору; Флоренція, послѣ геройской защиты противъ соединеннаго войска папы и императора, была принуждена въ 1530 также безусловно подчиниться волѣ императора и лишилась своей свободы.

Флоренція подпала навсегда подъ власть дома Медичи. 28 октября 1530 императоръ декретомъ назначилъ главою флорентійской республики гнуснаго мальчишку, Александра Медичи,

помолвленнаго на побочной дочери императора, Маргаритѣ. Александръ получилъ титулъ герцога Читтà ди Пенна. Уже въ слѣдующемъ году онъ торжественно вступилъ во владѣніе флорентійскою республикою, измѣнилъ въ апрѣлѣ 1532 ея политическія учрежденія и предался неслыханной тираніи. Такимъ образомъ домъ Медичи за годъ до смерти Клемента VII достигъ, на погибель Италіи, высшаго величія. Главою этого дома былъ самъ папа; во Флоренціи правилъ Александръ Медичи; сестра его, отъ законнаго брака Лоренцо, Екатерина Медичи, была въ супружествѣ съ герцогомъ Орлеанскимъ, впослѣдствіи королемъ Генрихомъ II французскимъ, и позднѣе пріобрѣла, какъ королева Франціи и мать короля Карла IX, незавидную знаменитость.

Александръ Медичи былъ однимъ изъ самыхъ жестокихъ и распутныхъ людей своего вѣка. Его жестокости и преступленія превосходятъ всякое вѣроятіе. Онъ не только безчестилъ женъ и дочерей первыхъ фамилій Флоренціи, но громко и публично хвастался этимъ. Александръ тщетно старался придать видъ законности своему правленію, издавъ въ 1532 новое государственное учрежденіе. Онъ построилъ на Арно крѣпость, чтобы имѣть убѣжище на случай возстанія и казнилъ каждаго флорентинца, въ домѣ котораго находилось какое нибудь оружіе. Своими преступленіями онъ вооружилъ противъ себя всѣхъ старыхъ приверженцевъ дома Медичи; однако пока былъ живъ Клементъ VII онъ ничего не боялся. Но по смерти Клемента главою фамиліи сдѣлался кардиналъ Ипполитъ Медичи; онъ хотѣлъ погубить злодѣя и съ этою цѣлью подговорилъ флорентійскихъ патриціевъ, Валори, Ридольфи и Сальвіати, богатѣйшихъ банкировъ XVI столѣтія, подать императору жалобу на притѣснителя. Карлъ V, приготовлявшійся въ то время (1534) къ походу противъ Туниса, ужаснулся длиннаго списка насилій, злодѣяній и жестокостей, безчисленныхъ убійствъ и отравленій, совершенныхъ этимъ чудовищемъ. Желая угодить кардиналу Ипо-

Digitized by Google

литу, императоръ обѣщалъ изслѣдовать это дѣло по возвращеніи. Но Александръ разсудилъ, что если не будетъ обвинителя, то не будетъ и суда; поэтому онъ подкупилъ дворецкаго кардинала, и 10 августа 1535 г. кардиналъ, готовившійся ѣхать къ императору въ Неаполь, умеръ отъ яда. Но родственники отравленнаго и всѣ ограбленные, оскорбленные и изгнанные Александромъ довели жалобу благородныхъ флорентійцевъ до свѣдѣнія императора. Императоръ призвалъ Александра въ Неаполь и предалъ суду. Судъ рѣшилъ въ пользу жертвъ преступленій Александра. Но онъ не былъ наказанъ и могъ продолжать свои звѣрства. Императоръ даже обвѣнчалъ его 10 іюня 1536 съ своею дочерью, Маргаритою. Однако и послѣ женитьбы онъ продолжалъ распутничать и безчестить первыя фамиліи Флоренціи своими позорными страстями. Наконецъ одинъ изъ товарищей его по разврату, Лоренцино Медичи положилъ конецъ его неистовствамъ.

Лоренцино былъ ближайшій родственникъ Александра изъ младшей линіи дома Медичи. Онъ былъ потомокъ Лоренцо, брата Косьмы старшаго и принадлежалъ къ старшей линіи потомства Лоренцо*). Императоръ назначилъ его наслѣдникомъ Александра. Но Лоренцино убилъ своего родственника, что лишило его всѣхъ выгодъ, которыхъ онъ могъ ожидать въ случаѣ бездѣтной смерти Александра. Лоренцино былъ прекрасно образованъ, талантливъ и уменъ, но въ тоже время зараженъ всѣми пороками, свойственными италіанской аристократіи того времени. Онъ не имѣлъ ни религіи, ни нравственности, ни убѣжденій и доходилъ до того, что служилъ развратнику Александру сводникомъ и помогалъ ему безчестить первыя фамиліи Флоренціи. Онъ даже отвелъ и устроилъ одинъ изъ своихъ дворцовъ для развратныхъ похожденій Александра. Этимъ обстоятельствомъ онъ воспользовался, когда задумалъ убить развратника.

*) См. таблицу въ IX т. стр. 424.

Тетка Лоренцино по матери, женщина еще очень молодая и красивая, бывшая замужемъ за Леонардо Гинори, долго подвергалась ухаживанію Александра; наконецъ Лоренцино обѣщалъ ему привести ее въ извѣстный ему дворецъ. Александръ согласился пойти въ самую отдаленную комнату дворца и отпустить свою стражу и спутниковъ. Лоренцино ушелъ, сказавъ, что идетъ за теткой. Чрезъ нѣсколько времени онъ вернулся, но вмѣсто нея привелъ бандита. Намѣреніе свое Лоренцино скрывалъ отъ всѣхъ; даже бандитъ не зналъ, кого прійдется убивать. Войдя въ комнату, бандитъ кинулся на герцога и ранилъ его при помощи Лоренцино; однако Александръ схватилъ свое оружіе, и убійцамъ пришлось выдержать продолжительную и страшную борьбу. Наконецъ герцогъ палъ (6 января 1537).

Лоренцино не имѣлъ въ городѣ приверженцевъ и потому долженъ былъ сильно опасаться разбойниковъ и убійцъ, которыхъ Александръ держалъ при себѣ для своихъ преступленій. Вслѣдствіе того, прежде чѣмъ слухъ объ убійствѣ распространился въ городѣ, онъ уѣхалъ сначала въ Болонью, а потомъ въ Венецію. Начальникъ сбировъ Александра, Вителли, немедленно занялъ крѣпость, построенную герцогомъ и принудилъ флорентійскій сенатъ собраться и избрать новаго государя. Но такъ какъ въ старшей вѣтви дома Медичи не было ни одного мужескаго члена, а Лоренцино, единственный представитель младшей вѣтви старшей линіи, совершилъ убійство, то избрали потомка младшей линіи, Косьму I. Онъ склонилъ на свою сторону войско и 28 февраля 1537 обнародовалъ декретъ императора, который назначилъ его государемъ Флоренціи. Затѣмъ онъ разбилъ войско патриціевъ, уничтожилъ всѣхъ, содѣйствовавшихъ основанію могущества дома Медичи и даже тѣхъ, которые помогли ему достигнуть престола. Въ 1547 въ Венеціи былъ убитъ Лоренцино сбиромъ, подосланнымъ Косьмою. Эти бандиты занимались тогда въ Италіи убійствами, какъ ремесломъ. Испанцы помогли Косьмѣ утвердиться на пре-

столѣ. Онъ покорилъ всю Тоскану. Въ 1569 г. папа Пій V далъ ему титулъ великаго герцога Тосканскаго, который былъ впослѣдствіи утвержденъ императоромъ Максимиліаномъ II за сыномъ Косьмы.

Герцогство миланское, не смотря на канбрейскій миръ, служило предметомъ раздора между императоромъ Карломъ V и королемъ Францискомъ I. При жизни несчастнаго Франческо Сфорца II императоръ занималъ всѣ укрѣпленныя мѣста герцогства и имѣлъ въ этой странѣ больше власти, чѣмъ самъ герцогъ; но онъ намекалъ королю, что по смерти Сфорца, быть можетъ, согласится уступить герцогство Франціи. Французскій король велъ съ герцогомъ Миланскимъ весьма подозрительныя тайныя сношенія. Но онъ не достигъ своихъ цѣлей, и то, что удалось ему въ Бретани, совершенно не удалось въ Италіи. Въ Бретани чины даже по смерти своей герцогини, французской королевы (т. XI стр. 267), не соглашались на полное присоединеніе къ Франціи; но въ августѣ 1532 они согласились наконецъ обратить Бретань въ французскую провинцію, выговоривъ только сохраненіе всѣхъ прежнихъ вольностей, законовъ и привилегій страны. Чтобы достигнуть той же цѣли въ Италіи, король вступилъ въ союзъ съ герцогомъ Миланскимъ противъ императора. Вообще въ то время онъ держалъ во всѣхъ концахъ земли тайныхъ агентовъ и старался возстановлять противъ императора всѣхъ. Онъ интриговалъ въ Венгріи, Турціи и Польшѣ, сносился съ Генрихомъ VIII англійскимъ, ландграфомъ Филиппомъ Гессенскимъ и съ другими германскими протестантами, хотя во Франціи преслѣдовалъ и жегъ протестантовъ. Что касается до его сношеній съ турками, то изъ всѣхъ христіанскихъ государей того времени онъ одинъ вошелъ въ тѣсный союзъ съ султаномъ. Преемники его заботливо поддерживали этотъ союзъ и, насылая турокъ на наслѣдственныя императорскія земли, пользовались этимъ, чтобы отнимать у имперіи провинцію за провинціей, городъ за городомъ. Францискъ

велъ дружескую переписку съ ужаснымъ Солиманомъ II, который занялъ часть Венгріи, неоднократно вторгался съ несмѣтнымъ войскомъ въ Австрію и угрожалъ Вѣнѣ. Францискъ поддерживалъ также Іоанна Заполія, котораго венгры звали своимъ королемъ, а турки воеводой.

Францискъ послалъ къ герцогу Франческо Сфорца одного миланскаго пройдоху, Мервейля или Маравилью, который былъ въ Миланѣ конюхомъ, но при французскомъ дворѣ сдѣлалъ карьеру. Чтобы не возбудить его пріѣздомъ вниманія императора, кредитивная грамата, данная ему, сохранялась въ тайнѣ, и онъ явился къ герцогу съ простымъ рекомендательнымъ письмомъ. Главнымъ зачинщикомъ всего этого былъ миланскій канцлеръ Таверне. Французскій агентъ прибылъ въ Миланъ передъ сватьбою Франческо Сфорца съ племянницей императора, дочерью Христіана II датскаго. Чтобы не разстроить этого брака, герцогъ и канцлеръ всѣми мѣрами старались не возбудить подозрѣнія, что рыцарь Мервейль, всюду сопровождавшій герцога, есть французскій агентъ. При этомъ они поступали невѣроятно рѣшительнымъ образомъ, слѣдуя итальянской политикѣ, которую впослѣдствіи переняли Испанія и Австрія и въ которой вѣроломство, ядъ, убійство и насильственное похищеніе считались обыкновенными полицейскими мѣрами. Дю Белле разсказываетъ весьма подробно исторію Мервейля; но мы скажемъ объ ней въ нѣсколькихъ словахъ. Сперва къ нему подослали италіянца Кастильоне, который преслѣдовалъ его, стараясь затѣять ссору съ нимъ самимъ или его людьми. Но Мервейль уклонялся отъ дуэли съ Кастильоне и удачно избѣгалъ его преслѣдованій. Наконецъ онъ подалъ даже на него жалобу миланскому директору полиціи. Полиція не приняла никакихъ мѣръ, чтобы защитить его, и Кастильоне дошелъ до того, что ворвался съ бандитами въ домъ Мервейля; однако онъ храбро защищался и убилъ Кастильоне. Тогда (4 іюля 1533) къ нему явился директоръ полиціи и арестовалъ его и его лю-

дей, наложилъ запрещеніе на его имущество, подвергъ пыткѣ одного восьмидесятилѣтняго француза и заключилъ въ темницу остальныхъ. Черезъ нѣсколько дней, переговоривъ тайно съ герцогомъ, онъ велѣлъ казнить французскаго агента и на слѣдующее утро выбросить его трупъ на рыночную площадь.

Племянникъ убитаго, спасшійся отъ смерти, поспѣшилъ въ Парижъ и пожаловался королю. Францискъ и королевскій совѣтъ написали немедленно герцогу и ко всѣмъ христіанскимъ дворамъ, жалуясь на нарушеніе международнаго права. Французскій посланникъ сеньёръ де Велли передалъ императору письмо своего короля. Король писалъ такимъ тономъ, который показывалъ, что онъ намѣренъ счесть это нарушеніе международнаго права объявленіемъ войны. Императоръ отвѣтилъ весьма рѣзко: „Мервейль, который, конечно, заслужилъ казнь, былъ не посланникъ, а просто частный человѣкъ и подданный герцога; онъ жилъ въ Миланѣ по своимъ частнымъ дѣламъ, какъ доказываетъ письмо короля Франциска, въ которомъ онъ рекомендуетъ Мервейля герцогу по частнымъ дѣламъ". Герцогъ также послалъ къ королю своего канцлера Таверне, слывшаго очень ловкимъ дипломатомъ; онъ поручилъ ему оправдать убійство и доказать, что Мервейль былъ не французскій уполномоченный, а простой миланскій подданный. Но король отвѣчалъ ему очень рѣзко *) и сказалъ, что будетъ требовать удовлетворенія и, если не получитъ добромъ, то возметъ силою.

---

*) Онъ сказалъ ему: Fourbe maladroit, digne ministre d'un maître assassin, le voila convaincu par ta propre bouche. Si le caractère d'ambassadeur avoit esté aussi avili dans la personne de Merveilles qu'il l'est en la tienne, j'approuverais presque sa destincé. (Неловкій плутъ, достойный слуга убійцы господина! ты самъ уличаешь его въ преступленіи. Если бы званіе посланника было такъ унижено Мервейлемъ, какъ тобою, то я готовъ бы былъ оправдать его участь).

10. Тунисскій походъ Карла V.

Переговоры, порожденные убійствомъ французскаго посланника, были прерваны въ 1535 походомъ, который былъ предпринятъ Карломъ V противъ разбойничьихъ государствъ, образовавшихся на сѣверныхъ берегахъ Африки, подъ покровительствомъ турецкаго султана. Послѣ неудачной осады Вѣны и походовъ императора и его брата, Солиманъ былъ занятъ войною съ Персіей; въ тоже время онъ покровительствовалъ предпріятіямъ одного семейства ренегатовъ противъ христіанскихъ государствъ на Средиземномъ морѣ. Семейство это состояло изъ четырехъ сыновей одного румелійскаго спаги, который поселился на островѣ Митилене и занимался морскими разбоями. Сыновья его продолжали это занятіе въ большихъ размѣрахъ. Изъ нихъ особенно отличались трое, Ишакъ, Уруджъ и Хизръ. Латиняне называли втораго Горукомъ Барбароссою I, а третьяго Хайреддиномъ Барбароссою II. Младшіе прославились храбростью, страшными морскими разбоями и высадками на христіанскіе берега. Вступивъ въ службу тунисскаго султана изъ фамиліи Бени-Гафизъ, они вызвали въ Тунисъ брата своего, Ишака. Селимъ подарилъ имъ нѣсколько кораблей; они съ своей стороны вооружили суда и воевали съ испанцами на африканскомъ берегу и на морѣ и съ бедуинами и маврами во внутренности страны. Уруджъ и Ишакъ погибли въ войнѣ съ Тлемезаномъ, а Хайреддинъ Барбаросса получилъ по смерти Селима I Алжиръ. Хотя онъ считался турецкимъ вассаломъ и въ молитвахъ и на монетѣ упоминалось имя султана, но Барбаросса былъ неограниченнымъ владѣтелемъ Алжира. Султанъ наименовалъ его беглербегомъ алжирскимъ и пожаловалъ саблю, коня и санджакъ.

Хайреддинъ Барбаросса долго опустошалъ берега Италіи и Испаніи, уводилъ тысячи народа въ рабство и населилъ сѣверный берегъ Африки испанскими и итальянскими плѣнными, обращен-

ными въ исламъ. Наконецъ онъ покорилъ при помощи турецкаго флота Тунисъ и изгналъ послѣдняго потомка Бени-Гафиза, Мулей—Гассана. Тогда Карлъ V предпринялъ походъ противъ Туниса по тѣмъ самымъ причинамъ, которыя вынудили въ новѣйшее время англичанъ воевать въ индійскомъ морѣ, а испанцевъ и голландцевъ на Филиппинскихъ и Молуккскихъ островахъ. Императоръ объявилъ, что желаетъ не завоевать Тунисъ, а лишь возстановить законнаго государя, изгнаннаго Хайреддиномъ и его разбойниками; кромѣ того онъ опасался, что рыцарей св. Іоанна Іерусалимскаго постигнетъ на Мальтѣ такая же участь, какъ и на Родосѣ. Африканскій походъ Карла набросилъ въ глазахъ всего христіанскаго міра тѣнь на германскихъ протестантовъ и на французскаго короля; первые, воспользовавшись его походомъ, стали притѣснять его приверженцевъ, а король вступилъ въ тѣсный союзъ съ султаномъ въ минуту величайшей опасности для христіанства.

Въ маѣ 1535 Карлъ отплылъ изъ Барселоны съ 500 вымпеловъ. Войско его состояло изъ нѣмцевъ, итальянцевъ и испанцевъ; хотя онъ не самъ начальствовалъ войскомъ, но ободрялъ его своимъ присутствіемъ. Флотомъ командовалъ Андрей Доріа, единственный человѣкъ, который до сихъ поръ счастливо воевалъ на морѣ съ Хайреддиномъ. Мулей-Гассанъ также находился при императорской арміи. Вступивъ на берегъ, Карлъ осадилъ Тунисъ; разбойники защищались мужественно нѣсколько недѣль; наконецъ плѣнные христіане, заключенные въ тунисской цитадели, воспользовавшись минутнымъ отсутствіемъ Хайреддина, овладѣли ею. Хайреддинъ бросился въ Бонъ, гдѣ собралъ войско; между тѣмъ 21 іюня 1535 Карлъ взялъ Тунисъ приступомъ. Онъ не посмѣлъ отказать испанцамъ и итальянцамъ, которые нисколько не уступали туркамъ въ звѣрствѣ, въ позволеніи грабить городъ, взятый будто бы лишь для водворенія въ немъ законнаго владѣтеля. Французы справедливо упрекаютъ его за это. Страшный грабежъ продолжался два дня.

30,000 жителей было убито и 10,000 уведены въ рабство. Эту рѣзню можно объяснить легко тѣмъ, что завоеваніе Туниса освободило 30,000 рабовъ-христіанъ, страшно страдавшихъ въ неволѣ. Самый христіанскій народъ, испанцы, совершилъ въ эти два дня въ Тунисѣ и въ это же время въ Америкѣ величайшія неистовства, звѣрства и жестокости. Карлъ вступилъ въ городъ съ нѣмецкимъ войскомъ только на третій день. Онъ сдержалъ обѣщаніе и передалъ городъ и его области прежнему владѣтелю, удержавъ только Голетту. 17 августа онъ отправился назадъ въ Европу, гдѣ ему грозила война вслѣдствіе умерщвленія французскаго посланника.

Императоръ былъ не прочь передать по смерти Франческо Сфорца миланское герцогство второму сыну французскаго короля, герцогу Генриху Орлеанскому. Генрихъ былъ женатъ на Екатеринѣ Медичи. Папа Клементъ VII и Францискъ I при свиданіи въ Марсели рѣшили создать для герцога Орлеанскаго новое итальянское государство. Но смерть Клемента и избраніе Павла III изъ дома Фарнезе разстроили этотъ планъ. Тогда французскій король началъ стараться овладѣть Миланомъ другимъ способомъ. Франческо Сфорца, приближавшійся къ смерти, предпочиталъ отдать свою страну императору, чѣмъ французамъ. Но у французовъ было въ Миланѣ много приверженцевъ; продажные предводители наемниковъ герцога были давно подкуплены; коменданты ожидали только смерти Франческо, чтобы сдать французамъ ломбардскія крѣпости. Это могло бы удасться, если бы французское войско было наготовѣ. Францискъ I требовалъ, чтобы герцогъ Карлъ III Савойскій пропустилъ его войска въ Ломбардію. Но герцогъ былъ женатъ на сестрѣ императрицы, Беатрисѣ Португальской и находился въ болѣе тѣсномъ союзѣ съ испанцами, чѣмъ съ французами. Францискъ послалъ войско въ Дофине, будто бы для нападенія на Миланъ, а между тѣмъ занялъ часть савойскихъ владѣній. Онъ основывалъ свои притязанія на эту страну на томъ, что мать его, Луиза, происходитъ отъ пер-

Digitized by Google

ваго брака Филиппа съ Маргаритою Бурбонской, тогда какъ Карлъ III родился отъ втораго брака его; сверхъ того, при бракосочетаніи Маргариты, было постановлено, что потомство ея имѣетъ предпочтеніе при наслѣдованіи престола передъ потомствомъ ея мужа отъ позднѣйшихъ браковъ. Впрочемъ король не требовалъ уступки всего герцогства, а только приданнаго своей бабки, сокровищъ и движимости отца своей матери и брата его, Филиберта, которые оба были герцогами Савойскими, господства Ла Брессъ и всѣхъ участковъ, не входившихъ въ составъ собственно савойскихъ владѣній и слѣдовательно свободныхъ отъ вассальской зависимости. Въ Савойѣ онъ въ первый разъ воспользовался постоянною арміею, недавно учрежденною имъ. Она была раздѣлена на семъ корпусовъ, по числу провинцій королевства; каждый корпусъ состоялъ изъ шести полковъ или, какъ говорили тогда, ротъ, по 1000 человѣкъ въ каждой. Такимъ образомъ герцогу Савойскому угрожало нападеніе французскаго короля, и въ тоже время онъ былъ принужденъ начать войну съ бернцами, вслѣдствіе отпаденія отъ Савойи Женевы.

11. Отпаденіе Женевы отъ Савойи и отъ католической церкви.

Во время реформаціи Женева находилась въ томъ же положеніи, какъ и большая часть нѣмецкихъ городовъ. Она имѣла епископа, который постепенно далъ городу столько правъ и привилегій, что Женева, подобно Майнцу и Магдебургу, достигла почти полной независимости. Кромѣ того герцогъ Савойскій, какъ епископскій администраторъ и графъ Женевскій, имѣлъ въ городѣ право видома или видама, которое давало ему громадную власть, потому что предоставляло ему всѣ окрестные укрѣпленія и замки, такъ что онъ могъ со всѣхъ сторонъ запереть городъ. Нерѣдко случалось, что епископъ былъ вынужденъ

Digitized by Google

призывать герцога и его вассаловъ на помощь противъ города; тогда граждане обращались къ покровительству швейцарскаго союза. Позднѣе, во время религіозныхъ распрей, когда Женева объявила себя независимой республикой, ее поддерживалъ Бернъ. Еще въ 1493 Женева приступила, въ качествѣ третьей стороны, къ оборонительному союзу, заключенному епископомъ съ Фрейбургомъ и Берномъ; когда въ слѣдующемъ столѣтіи городу стали угрожать герцоги, онъ обратился къ этому договору.

Женевскій гражданинъ Бертелье, принужденный бѣжать въ Фрейбургъ, выхлопоталъ въ пользу своего роднаго города новый договоръ между Фрейбургомъ и Женевой; договоръ былъ заключенъ съ женевцами въ февралѣ 1518. Герцогъ былъ такъ взбѣшенъ этимъ, что казнилъ нѣсколькихъ женевцевъ, находившихся проѣздомъ въ Туринѣ. Съ этого времени Женева раздѣлилась на двѣ партіи; одна держалась епископа и впослѣдствіи осталась вѣрною католицизму; другая была предана швейцарцамъ и приняла реформацію. Послѣдняя усилилась множествомъ французскихъ изгнанниковъ, бѣжавшихъ въ Женеву, когда Францискъ I, чтобъ угодить папѣ, принялся жечь протестантовъ. Цшокке и Моннардъ относятъ къ этому времени происхожденіе слова „гугеноты", и объясненіе ихъ весьма правдоподобно. Противниковъ епископа называли: „Eidgenossen" (конфедераты), а французы исковеркали это въ huguenots.

Преслѣдованія, воздвигнутыя герцогомъ, разбои савойскаго рыцарства и жестокости, совершенныя противъ швейцарской партіи, побудили бернцевъ присоединиться къ оборонительному союзу женевцевъ и фрейбургцевъ и взяться за оружіе для спасенія города. Въ 1530 г. 12,000 бернцевъ и фрейбургцевъ дошли уже до Моржа, когда кантонъ Ваадтъ предложилъ свое посредничество. Союзники вернулись, и въ Сентъ Жюльенѣ былъ заключенъ миръ, по которому герцогъ обязался, подъ страхомъ лишенія власти надъ Ваадтомъ, не нарушать правъ женевскихъ гражданъ; женевцы обѣщали

исполнять относительно герцога свои обязанности, въ противномъ же случаѣ лишались помощи союза.

Тѣмъ не менѣе герцогъ продолжалъ притѣснять женевцевъ. Кромѣ того ихъ постоянно возбуждали изгнанные изъ Франціи ученые богословы, проповѣдовавшіе въ Ваадтѣ, Невшателѣ и Монбельярѣ. Истиннымъ реформаторомъ французской Швейцаріи, которая и доселѣ принадлежитъ къ реформатскому исповѣданію, былъ Вильгельмъ Фарель, проповѣдывавшій евангеліе съ 1527 вмѣстѣ съ Бусеромъ, Эколампадіемъ, Цвингли, Галлеромъ, Капито и Вире. Подобно Кальвину, онъ отвергалъ Лютерово ученіе о благодати и причащеніи. Въ 1528 онъ поучалъ въ окрестностяхъ Муртена и Биля, въ 1529 въ Невшателѣ, въ 1530 въ Грансонѣ, въ слѣдующемъ въ Орбо, гдѣ встрѣтилъ Вире. Въ ученіи и поступкахъ онъ былъ умѣреннѣе Лютера и Кальвина, не позволялъ себѣ отвѣчать бранью на брань противниковъ и никогда не преслѣдовалъ за вѣру. Съ перваго появленія своего въ Женевѣ (сентябрь 1532) онъ и ученые французы, приставшіе къ нему, не переставали поражать съ кафедры приверженцевъ епископа. Послѣдніе не хотѣли вступать съ ними въ публичный диспутъ о догматахъ, но, имѣя на своей сторонѣ все сосѣднее дворянство, стали возражать тюрьмою, полиціею и палачами. Поэтому Фарель былъ принужденъ вторично оставить Женеву. Въ самомъ городѣ и окрестностяхъ начались убійства. Но Фарель не устрашился этого; пославъ сперва въ городъ Антона Фромана, онъ въ мартѣ 1533 возвратился самъ. Но и на этотъ разъ онъ не могъ удержаться въ городѣ и долженъ былъ бѣжать въ третій разъ; однако въ декабрѣ снова вернулся подъ защитою бернцевъ. По ходатайству ихъ магистратъ защитилъ проповѣдниковъ евангелія, Фареля и Вире, которые получили возможность проповѣдывать, но за невѣроятно малое денежное вознагражденіе. Кальвинъ и Беса получали впослѣдствіи не больше, но за то пользовались въ Женевѣ свѣтской властью и, подобно Лютеру, уважались своими послѣдователями и всею

Европою не меньше папы. Фарель, проповѣдывавшій съ 1534 въ доминиканской церкви, возвѣстилъ въ 1535 году публичный диспутъ, на который пригласилъ богослововъ обѣихъ партій. Диспутъ этотъ происходилъ чрезвычайно торжественно и окочился необычайнымъ образомъ: двое защитниковъ католицизма, Іоаннъ Шаппіусъ и Петръ Кокроли, обратились въ протестантизмъ.

Послѣ того всѣ коллегіи и корпораціи Женевы признали реформаторское исповѣданіе государственною религіею республики (27 августа 1535). Епископъ и герцогъ Савойскій задумали при помощи своихъ городскихъ друзей, прозванныхъ за это мамелюками, овладѣть внезапнымъ нападеніемъ городомъ и подавить его свободу. Герцогъ купилъ у епископа свѣтскую власть его, обязавшись за это возстановить его духовную власть. Однако дѣятельность и мужество гражданъ разстроили замыселъ. Въ началѣ 1536 женевцы преобразовались богослуженіе и учебныя заведенія по уставамъ французской церкви, совершенно согласной съ ученіемъ Цвингли; они лишили епископа всѣхъ свѣтскихъ правъ его и провозгласили Женеву независимой республикой. Епископъ бѣжалъ изъ города и поселился въ Гексѣ; но мамелюки или старовѣры, герцогъ Савойскій и преданное ему ваадтландское дворянство продолжали тѣснить городъ. Бернцы, дѣйствовавшіе за одно съ королемъ Францискомъ, воспользовались этими обстоятельствами, чтобы ограбить герцога. Они объявили ему войну за неудачную попытку напасть на Женеву; въ тоже время Францискъ, подъ предлогомъ притязаній на наслѣдство своей матери, занялъ Брессъ и Бюже, а затѣмъ овладѣлъ большею частью савойскихъ городовъ и крѣпостей. Въ ноябрѣ 1536 г. бернцы послали 7,000 войска въ Ваадтландъ. Они завоевали эту прекрасную страну также легко, какъ и Аргау; въ 11 дней вся страна отъ Муртена до Женевы была занята ими и Женева освобождена. Епископъ былъ изгнанъ изъ Лозанны и лишенъ имуществъ и правъ; Ваадтландтъ обращенъ въ провинцію берн-

скихъ патриціевъ, и тамошнему дворянству пришлось плохо отъ бернскихъ аристократовъ. Послѣдніе ввѣрили управленіе страной попечителю; только въ 1798 они были принуждены отказаться отъ своихъ притязаній на Аргау и Тургау. Валлисцы и фрейбургское дворянство, господствовавшее въ своемъ кантонѣ и служившее во французской службѣ до революціи 1789 г., были еще высокомѣрнѣе и жаднѣе, чѣмъ бернцы и не преминули обогатиться при этомъ случаѣ. Съ того времени, какъ Женева заразилась ересью, фрейбургцы прекратили сношенія съ нею, но, чтобы не остаться съ пустыми руками, овладѣли графствами Рю и Ромономъ, не встрѣтивъ со стороны Берна никакихъ возраженій. Валлисцы также оттягали отъ герцога Савойскаго господство Шабле, простирающееся отъ границы Валлиса до рѣчки Дрансы. Реформація, принятая 11 августа 1535, была введена въ Женевѣ 11 мая 1536, при чемъ Фарель былъ назначенъ главнымъ пасторомъ. Но, чтобы исправить нравы и учредить порядокъ, была необходима строгость Кальвина. Въ Женеву стекались изъ Италіи и Франціи много мечтательныхъ и пылкихъ головъ; Фарель же и его товарищи хотѣли ввести спартанскую строгость нравовъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Фарель познакомился съ Кальвиномъ, которому далъ право гражданства и общественную должность. 15 февраля 1538 магистратъ (le conseil), по старанію Кальвина и Фареля, издалъ необычайно строгія постановленія касательно нравственности. Это возмутило ихъ многочисленныхъ враговъ, которые принудили ихъ оставить городъ. Кальвинъ пробылъ въ изгнаніи до 1541 г. При возвращеніи женевцы встрѣтили его съ восторгомъ. Съ этого времени онъ правилъ въ Женевѣ неограниченно, создалъ догматику церкви, названной его именемъ и далъ Женевѣ ея государственное устройство.

Digitized by Google

12. Карлъ V, Францискъ I и Нидерланды отъ 1535 до 1540 года.

Карлъ не могъ помочь герцогу Савойскому ни въ 1535, ни въ первые мѣсяцы слѣдующаго года, потому что приготовлялся къ походу на Алжиръ. Въ октябрѣ 1535 умеръ Франческо Сфорца II, завѣщавъ свое герцогство Карлу. Императоръ приказалъ Антоніо Лейвѣ принять мѣры, чтобы не допустить французовъ въ Піэмонтъ и Миланъ. Самъ онъ отправился съ 700 кирасировъ и 6000 испанскихъ ветерановъ въ Римъ, куда прибылъ 5 апрѣля 1536 и былъ встрѣченъ съ торжествомъ папой и народомъ, которые привѣтствовали его, какъ побѣдителя невѣрныхъ. Онъ имѣлъ съ папой тайныя совѣщанія, возбуждавшія въ нѣмецкихъ протестантахъ большія опасенія; но переговоры эти касались лишь новой политической организаціи Италіи и нападенія французскаго короля на Савойю. По поводу послѣдняго обстоятельства была созвана торжественная консисторія, гдѣ присутствовалъ и французскій посланникъ, такъ какъ Францискъ не рѣшился совершенно отклонить посредничество папы. Императоръ рѣзко и обидно упрекалъ французовъ, хотя, чтобы выиграть время, все еще дѣлалъ видъ, будто намѣренъ уступить герцогство миланское, занятое императорскими войсками, сыну Франциска, но не герцогу Орлеанскому, а младшему, герцогу Анжуйскому.

Папа старался убѣдить Франциска принять предложенія императора и не настаивать на уступкѣ Милана герцогу Орлеанскому; но между тѣмъ французы выступили въ походъ подъ предводительствомъ адмирала де Шабо и маркграфа Салуццо, а Антоніо Лейва дѣлалъ военныя приготовленія; это доказывало, что ни король, ни императоръ не думаютъ серьезно о сохраненіи мира. При вступленіи французовъ

Digitized by Google

въ Савойю, герцогъ съ сыномъ бѣжали въ Верчелли, а жена его и всѣ сокровища были перевезены въ Миланъ; французы заняли Туринъ, Пиньероль, Фоссано, Кіери и другіе города. Лейва и венеціанцы, гарантировавшіе въ прошедшемъ году императору владѣніе герцогствомъ, не спасли бы Миланъ, если бы переговоры, начатые при посредничествѣ папы, не задержали французовъ. Французскій король послалъ въ Тоскану кардинала Лотарингскаго и даже отозвалъ во Францію большую часть своихъ войскъ, тогда какъ императоръ, лично прибывшій въ Асти, собиралъ со всѣхъ сторонъ свои войска, а Лейва и герцогъ Савойскій осадили Фоссано. Карлъ уговорилъ маркграфа Салуццо прервать союзъ съ Франціей и при помощи герцоговъ Баварскаго и Брауншвейгскаго, озлобленныхъ на Шмалькальденскій союзъ, собралъ 20,000 нѣмцевъ, которые соединились съ его арміею, состоявшею изъ испанцевъ и итальянцевъ. Мы не будемъ утверждать, подобно другимъ историкамъ, что императорская армія состояла изъ 50,000 человѣкъ; несомнѣнно только, что она была сильна. При ней находились герцоги Баварскій, Брауншвейгскій и Савойскій, многіе князья и бароны и полководцы, пользующіеся громкою славою — Антоніо Лейва, Альфонсъ маркизъ дель Васто, донъ Фердинандъ Гонзага и страшный герцогъ Альба.

Къ своему несчастію императоръ не послѣдовалъ совѣту своихъ генераловъ и не воспользовался прежнимъ опытомъ; онъ непремѣнно хотѣлъ вторгнуться во Францію. Его не остановилъ дурной исходъ подобнаго похода, предпринятаго имъ въ 1524, и онъ снова двинулся на Марсель. На этотъ разъ онъ пошелъ черезъ Ниццу. Опустошая все на пути, онъ двинулся чрезъ Эссъ и Арль къ Марсели, но встрѣтилъ тѣ же препятствія, какъ и въ походѣ 1524 года. Недостатокъ воды и припасовъ и заразительныя болѣзни не позволили ему даже приступить къ осадѣ. Какъ предсказывалъ Лейва, пришлось думать объ отступленіи, пока можно еще было пройти черезъ альпійскія ущелья, совершенно непро-

ходимыя въ позднюю осень. При отступленіи коннетабль де Монморанси и маршалъ д'Юмьеръ съ небольшимъ регулярнымъ отрядомъ и многочисленною милиціею осторожно преслѣдовали императорскую армію. Она потерпѣла страшный уронъ. Вся дорога отъ Эсса до Фрежюса была усѣяна трупами, а въ Альпахъ озлобленные крестьяне и пастухи истребили множество людей. Антоніо Лейва умеръ въ Ліонѣ. На его мѣсто намѣстникомъ Милана былъ назначенъ маркизъ дель Васто, которому комендантъ покойнаго герцога сдалъ городъ и цитадель. Императоръ пошелъ съ артиллеріей въ Ниццу, откуда отправился моремъ въ Геную.

Въ слѣдующемъ (1537) году война продолжалась, но рѣшительныхъ событій не произошло. Французы одерживали успѣхи въ Піэмонтѣ, но въ Нидерландахъ терпѣли неудачи. Въ военныхъ дѣйствіяхъ особенно отличились коннетабль де Монморанси, при арміи котораго находился герцогъ Орлеанскій и маршалъ д'Юміеръ, назначенный намѣстникомъ покоренной части Піэмонта. Въ Нидерландахъ императорскія войска проникли до Перонны; французскій король, не имѣя средствъ вести войну въ одно время въ двухъ мѣстахъ, былъ принужденъ согласиться въ Нидерландахъ на перемиріе. Но вскорѣ папа устроилъ перемиріе и въ Италіи. Въ Нидерландахъ перемиріе было заключено въ іюлѣ 1537 въ Боми на 10 мѣсяцевъ; 16 ноября заключили въ Монсонѣ перемиріе для Италіи, но только на 3 мѣсяца.

Король Францискъ отправился въ Піэмонтъ лично. Дель-Васто и канцлеръ Гранвелла обманывали его заманчивыми обѣщаніями и завлекли въ переговоры, которые тянулись до тѣхъ поръ, пока императоръ не возстановилъ потери, понесенныя его войсками въ 1536 и 1537 годахъ. Короля увѣряли, что императоръ все еще питаетъ намѣреніе выдать свою племянницу за его сына и дать за ней въ приданое герцогство миланское. При этомъ Францискъ былъ вдвойнѣ обманутъ; онъ условился съ султаномъ Солиманомъ, который обязался вооружить флотъ и войско и при-

слать ихъ къ берегамъ Прованса на помощь королю противъ императора и Андрея Доріа. Флотъ этотъ не пришелъ, а между тѣмъ столь странный союзъ и ужасныя жестокости, ежедневно совершаемыя турецкими корсарами, побудили христіанскія государства соединиться противъ турокъ и французовъ. Въ слѣдующемъ (1538) году императоръ, папа, венеціанцы и король Фердинандъ венгерскій заключили договоръ, обязавшись составить союзный флотъ и послать его въ море противъ турецкаго капуданъ-паши Хайреддина. Предполагалось составить этотъ флотъ изъ 200 кораблей и назначить главнокомандующимъ императорскаго адмирала Андрея Доріа. Но флотъ предназначался не для нападенія, а для обороны, потому что папа всѣми силами старался предотвратить войну между христіанскими государями, чтобы обратить ихъ оружіе и смертоносную юстицію уголовныхъ судовъ противъ турокъ и еретиковъ.

Семидесятипятилѣтній папа Павелъ III лично отправился въ Ниццу, надѣясь устроить тамъ свиданіе между императоромъ Карломъ и королемъ Франціи. Онъ очень желалъ примирить ихъ до прихода турецкаго флота. Но ни папу, ни императора, прибывшаго изъ Испаніи, ни Франциска не пустили въ Ниццу. Они просили дозволенія занять цитадель. Но герцогъ Савойскій, которому принадлежала Ницца, не велѣлъ пускать ихъ ни въ цитадель, ни въ городъ. Поэтому папа жилъ въ палаткѣ передъ городомъ, императоръ въ Вилла-Франкѣ, а французскій король въ другомъ мѣстечкѣ близь Ниццы. Карлъ былъ у папы два раза; французскій король также пріѣзжалъ къ нему съ сыновьями. Но старанія папы устроить между ними свиданіе не увѣнчались успѣхомъ, потому что императоръ рѣшительно отказался принять короля Франциска. Папѣ удалось только продлить перемиріе; условіе это было заключено 18 іюня въ францисканскомъ монастырѣ близь Ниццы. Было рѣшено, что все должно оставаться въ теченіи 10 лѣтъ въ настоящемъ видѣ. Императоръ пожертвовалъ герцогомъ Савой-

Digitized by Google

скимъ, отказавшись поддерживать его; онъ былъ такъ недоволенъ его отказомъ впустить его въ цитадель, что хотѣлъ даже занять своими войсками Асти, Верчелли и Фоссано. Чтобы пріобрѣсти расположеніе папы, императоръ исполнилъ его желаніе, которое по всей вѣроятности главнымъ образомъ побудило больного старика притащиться въ Ниццу. Онъ просилъ императора о своемъ внукѣ Оттавіо Фарнезе, сынѣ его незаконнорожденнаго сына Піетро Алоизіо. Императоръ, по просьбѣ Павла, сдѣлалъ его маркграфомъ Новарскимъ и отдалъ ему Новару; но всѣ знали, что Оттавіо предназначаютъ сверхъ того многія другія италіянскія княжества. Императоръ даже обѣщалъ ему руку своей побочной дочери, Маргариты, которая овдовѣла по умерщвленіи Александра Медичи и за которую тщетно сватался преемникъ Александра, Косьма.

Въ іюлѣ 1530 папа возвратился въ Римъ; императоръ проводилъ его до Генуи и былъ потомъ задержанъ противными вѣтрами у Прованскаго берега. Наконецъ онъ готовился выйдти въ море и отправиться въ Испанію, какъ вдругъ получилъ извѣстіе, что испанскіе кортесы не соглашаются утвердить новые налоги и что въ Испаніи возникли опасныя безпокойства. Поэтому онъ сталъ выказывать трогательныя чувства, пользуясь театральнымъ великодушіемъ французскаго короля. Прежде онъ даже не отдалъ визита своей сестрѣ, французской королевѣ Элеонорѣ, которая любезно посѣтила его со своими придворными дамами; но съ перемѣною обстоятельствъ онъ присталъ къ Эгъ-Мортъ на островѣ Маргариты и принудилъ къ себѣ французскаго короля, увѣряя его въ своей нѣжной дружбѣ къ нему. Францискъ, находившійся въ Авиньонѣ, былъ чрезвычайно удивленъ, узнавъ, что императоръ добровольно предался въ его руки. Онъ тотчасъ же сѣлъ на галеру и отправился къ императору на адмиральскій корабль. Мы не думаемъ однако, какъ увѣряютъ французы, что Францискъ чѣмъ нибудь рисковалъ, отдаваясь такимъ образомъ во власть императора, и не вѣримъ, чтобы онъ хвастался этимъ поступкомъ. Мы

полагаемъ, что чувствительная сцена которую государи разыграли предъ своею свитою, была обыкновенною придворною сценою *). Императоръ находился въ то время въ крайне затруднительномъ положеніи; финансы его были разстроены, между тѣмъ какъ онъ нуждался въ громадныхъ суммахъ; поэтому онъ осыпалъ короля самыми дружескими привѣтствіями и даже намекалъ на уступку Милана.

Морской походъ противъ турокъ, предпринятый Карломъ, папою и венеціанцами, стоилъ большихъ суммъ, но въ 1538 рушился постыднымъ образомъ, какъ говорятъ, по винѣ Андрея Доріа. Въ слѣдующемъ году Хайреддинъ Барбаросса снова взялъ Костельнуово и приказалъ изрубить 4,000 испанскихъ ветерановъ, составлявшихъ гарнизонъ этой крѣпости. 6,000 испанскій гарнизонъ Голлеты (на африканскомъ берегу), не получая жалованья, возмутился и хотѣлъ предать городъ невѣрнымъ. Но вице-король сицилійскій донъ Фердинандъ Гонзага разстроилъ измѣннический планъ клятвопреступленіемъ. Онъ поѣхалъ въ Голлетту и торжественно поклялся на алтарѣ, что мятежники получатъ прощеніе; они повѣрили этому и разошлись по разнымъ мѣстамъ, но были схвачены и казнены, не только начальники, но и многіе солдаты. Карлъ подавилъ безпокойства въ Испаніи, уничтожилъ народныя вольности и лишилъ кортесовъ всякаго значенія, сохранивъ лишь призракъ представительнаго правленія, чтобы удобнѣе извлекать изъ народа пользу для себя и своихъ придворныхъ. Затѣмъ вспыхнуло возстаніе во Фландріи, побудившее его отправиться въ Нидерланды.

Нидерландскіе генеральные штаты при вторженіи французовъ, въ мартѣ 1537, собрались въ Брюсселѣ и назначили сестрѣ и намѣстницѣ императора, Маріи венгерской, 1,200,000 гульденовъ военной подати. Фландрія и Брабантъ, которымъ предстояло

*) On les vit s'embrassant tendrement et enchainés pour ainsi dire dans les bras de la reine Eleonore.

подвергнуться нападенію прежде другихъ должны были заплатить по 400 тысячъ, а остальныя 400 тысячъ — прочія провинціи. Сначала фламандцы отказались платить, но потомъ согласились, кромѣ Гента. Въ Гентѣ все еще существовало прежнее политическое устройство. Народонаселеніе дѣлилось на три класса: богатыхъ или, какъ они назывались, поортеровъ, ремесленниковъ и пролетаріевъ. Два послѣдніе въ извѣстныхъ случаяхъ могли принимать участіе въ правленіи, которымъ завѣдывали двѣ коллегіи, по 13 членовъ въ каждой. Низшіе классы не изъявили готовности снарядить войско, а высшій отказался платить деньги и служить въ войскѣ. Чтобы принудить городъ къ платежу, правительница приказала арестовать всѣхъ гентскихъ гражданъ, находившихся въ Антверпенѣ, Брюсселѣ, Мехельнѣ и въ другихъ мѣстахъ. Гентцы пожаловались императору на нарушеніе своихъ привилегій; императоръ отдалъ дѣло на рѣшеніе великому совѣту. Но гентцы не признали судебной власти совѣта.

Споръ тянулся въ теченіе всего 1538 года. Въ слѣдующемъ году низшіе классы поссорились съ высшимъ и съ магистратомъ; они жаловались, что отъ нихъ скрываютъ грамоты, выданныя имъ на ихъ привилегіи и несправедливо лишаютъ права принимать участіе въ преніяхъ о пошлинахъ. 19 августа 1539 вспыхнуло народное возстаніе. Многія должностныя лица были заключены въ тюрьму, и въ концѣ мѣсяца былъ казненъ одинъ изъ важнѣйшихъ чиновниковъ, хотя, не смотря на жестокія пытки, не сознался въ нарушеніи закона. Низшіе классы овладѣли городскимъ правленіемъ и казнили многихъ гражданъ; богатые и знатные бѣжали, и народъ оцѣнилъ ихъ головы. Правительница не могла ничего предпринять, потому что имѣла очень мало войска; вдобавокъ вспыхнуло возстаніе въ Мехельнѣ.

Императоръ поручилъ фландрскому намѣстнику, прибывшему къ нему въ Испанію, предложить гентцамъ выгодныя условія. Гражданамъ предписывали сложить оружіе, возстановить законный порядокъ и сдать пошлины на откупъ. Но они отвергли эти

требованія. Тогда императоръ нашелъ необходимымъ лично отправиться въ Нидерланды и, чтобы проѣхать кратчайшимъ путемъ, рѣшился вторично обмануть французскаго короля.

Обманъ, который позволилъ себѣ Карлъ, снова касался герцогства миланскаго. Старшій сынъ короля Франциска умеръ; поэтому герцогъ Орлеанскій, мужъ Екатерины Медичи, сдѣлался дофиномъ, а третій сынъ короля—герцогомъ Орлеанскимъ. Императоръ обѣщалъ Миланъ послѣднему; когда ему понадобилось проѣхать черезъ Францію, онъ снова заговорилъ объ этомъ съ французскимъ посланникомъ въ Мадритѣ. Кромѣ того, съ тѣмъ же предложеніемъ былъ посланъ въ Парижъ канцлеръ Гранвелла, которому было поручено испросить для императора свободный пропускъ черезъ Францію. Хитрый канцлеръ былъ столь же ловкій дипломатъ, какъ и самъ императоръ, воспитанный въ школѣ Гвиччіардини, Макіавелли и Комина. Гравелла съумѣлъ воспользоваться характеромъ короля, извѣстнаго любезника и романтика, рыцарскія фразы котораго доселѣ повторяются французами. Канцлеру удалось выхлопотать для императора пропускъ безъ всякихъ письменныхъ или словесныхъ обязательствъ. Онъ убѣдилъ Франциска, что императоръ питаетъ къ нему безпредѣльное чувство дружбы и уваженія; при этомъ онъ намекнулъ, что если король, воспользовавшись его положеніемъ, вынудитъ у него какія нибудь обязательства, то они будутъ имѣть видъ вынужденной дипломатическими и политическими обстоятельствами уступки, а не добровольнаго дружескаго подарка, вынужденнаго лишь чувствомъ справедливости. Гранвелла увѣрялъ короля, что, переѣхавъ границу, императоръ немедленно составитъ актъ касательно передачи Милана.

Послѣ того Карлъ отправился во Францію и на испанской границѣ былъ встрѣченъ дофиномъ, герцогомъ Орлеанскимъ и коннетаблемъ де Монморанси, посланными ему на встрѣчу королемъ Франциском. Императоръ и король дѣлали все, что дѣлается въ подобныхъ случаяхъ для показанія тѣсной дружбы и взаимнаго довѣрія государей и ихъ служителей. Импера-

торъ, воспитанный фламандцами, не уступалъ французамъ въ ловкости и хитрости и даже перещеголялъ ихъ въ лицемѣріи. Всѣ, расчитывавшіе на вражду монарховъ, папа, турки, Генрихъ VIII и протестанты Шмалькальденскаго союза, перестали довѣрять Франциску послѣ продолжительнаго тайнаго совѣщанія, которое происходило у него съ Карломъ. Фламандцы и особенно гентцы, призывавшіе на помощь французскаго короля, какъ своего бывшаго сюзерена, пріуныли, увидѣвъ его дружбу съ императоромъ. Путешествіе Карла черезъ Францію (въ январѣ 1540) походило на тріумфальное шествіе. Однако, прибывъ въ Парижъ 1 января 1540, онъ пробылъ въ немъ только 6 дней. Сыновья короля провожали его отъ Парижа до нидерландской границы. 24 января, по прибытіи императора въ Валансіенъ, первый большой городъ его владѣній, французскіе послы, находившіеся въ его свитѣ, напомнили ему его обѣщаніе касательно герцогства миланскаго. Но онъ съумѣлъ найти отговорку, и только тогда французы поняли, что онъ перехитрилъ ихъ.

Карлъ немедленно собралъ противъ Гента 4-тысячное войско. Однако городъ не рѣшился сопротивляться и 24 февраля отворилъ ворота. Карлъ вступилъ въ Гентъ не какъ графъ Фландрскій, а какъ побѣдитель, полководецъ и судья. По отъѣздѣ Карла, гентцы старались смягчить строгость готовившагося имъ приговора, ссылаясь на свои привилегіи и на нидерландскій обычай, по которому рѣшеніе большинства штатовъ не было обязательно для прочихъ. Но Карлъ поступилъ съ Гентомъ также, какъ поступалъ въ Испаніи: онъ противупоставилъ обычаямъ приговоръ своего государственнаго совѣта и кавалеровъ Золотого Руна. Рѣшеніе его, основанное на этомъ приговорѣ и обнародованное 24 апрѣля 1540, состояло въ слѣдующемъ: „Гентъ и другіе штаты должны подчиняться впредь рѣшенію большинства. Графъ Фландрскій будетъ отнынѣ присягать только тѣмъ законоположеніямъ, которыя вскорѣ будутъ обнародованы императоромъ. Гентцы виновны въ оскорбленіи величества, за что должны поплатиться своими правами,

животами, имуществомъ, оружіемъ, набатнымъ колоколомъ и рентою въ 550 фламандскихъ фунтовъ, купленною городомъ у Карла Смѣлаго. Кромѣ уплаты императору 400,000 гульденовъ военной подати, изъ за которыхъ произошло возстаніе они должны уплатить еще 150,000 гульденовъ единовременно и платить ежегодно по 6,000 гульденовъ. Городской совѣтъ и 350 гражданъ, по шести отъ каждаго цеха, кромѣ главныхъ виновниковъ, называвшихся во время мятежа крезерами, должны просить у императора помилованія на колѣняхъ, въ однихъ рубашкахъ и съ веревками на шеѣ. Императоръ проститъ виновныхъ, за исключеніемъ плѣнныхъ и бѣжавшихъ". Изъ числа плѣнныхъ было казнено 26 человѣкъ, многіе изгнаны или заключены въ тюрьму. Контрибуція, взятая съ города, послужила для постройки цитадели, которая держала городъ въ страхѣ и повиновеніи во все время царствованія Карла.

13. Карлъ V и германскіе протестанты въ 1540 и 1541 годахъ.

Можетъ показаться страннымъ, что по усмиреніи Гента императоръ не обратился противъ Саксоніи и Гессена, которые были отчасти виноваты въ томъ, что братъ его лишился въ это время Венгріи и что турки почти утвердились передъ воротами Вѣны. Но дѣло въ томъ, что Карлъ не хотѣлъ содѣйствовать видамъ папы. Хотя онъ всегда настаивалъ на томъ, чтобы протестанты подчинились рѣшенію собора, но папа хотѣлъ созвать соборъ непремѣнно въ Италію, на что императоръ, католическіе чины и даже епископы не соглашались, будучи убѣждены, что въ такомъ случаѣ папа и итальянцы не преминутъ возобновить свои поборы въ пользу Рима. Протестанты тоже не хотѣли и слышать объ итальянскомъ соборѣ. Наконецъ императоръ согласился устроить церковный диспутъ, который, разумѣется, не могъ повѣ-

сти ни къ чему, кромѣ брани, такъ какъ богословы обѣихъ партій заранѣе рѣшились не уступать противникамъ ни въ чемъ. Императоръ былъ крайне недоволенъ событіями въ Германіи; братъ его, Фердинандъ, съ марта 1539 до сентября 1540 терпѣлъ неудачи то отъ турокъ, то отъ протестантовъ; священная же лига, устроенная Гельдомъ и, смотря по обстоятельствамъ, то утверждаемая, то отвергаемая императоромъ, не соглашалась начать войну съ Шмалькальденскимъ союзомъ.

До сентября 1540 Фердинандъ не могъ договориться съ протестантами о продленіи Нюрибергскаго мира, потому что императоръ въ сущности не желалъ мириться съ ними; они же стали крайне заносчивы и притязательны. Протестантскій союзъ усилился присоединеніемъ къ нему курфирста Бранденбургскаго, пфальцграфа Нейбургскаго и герцога Генриха Саксонскаго. Кромѣ того курфирстъ Кёльнскій питалъ сильное желаніе послѣдовать ихъ примѣру и секуляризовать свое архіепископство. Виртембергъ принялъ лютеранство, а Монбельяръ обратился въ кальвинизмъ, и можно было ожидать отпаденія всего Палатината. Поэтому Фердинандъ не принималъ въ нюрнбергскій мирный договоръ 1532 года ни одного государства, вступившаго въ Шмалькальденскій союзъ позднѣе. Когда 28 октября 1540 былъ назначенъ въ январѣ 1541 диспутъ въ Вормсѣ, Фердинандъ объявилъ, что Нюрнбергскій религіозный миръ не распространяется на новыхъ членовъ Шмалькальденскаго союза. Эккъ и Меланхтонъ были назначены вести этотъ диспутъ отъ имени католиковъ и протестантовъ; но разница между ними была также велика, какъ между небомъ и землею.

Императоръ не могъ принять въ Германіи энергическихъ мѣръ, потому что намѣревался склонить сеймъ, долженствовавшій рѣшить религіозную распрю, окончить въ его пользу личную ссору его съ герцогомъ Карломъ Юлихъ-Клеве-Гельдерскимъ. Ссора началась еще въ то время, когда гельдерское рыцарство и особенно графъ де Мерсъ возстановили герцога Карла въ его владѣніяхъ, которыя

были потеряны его отцемъ, герцогомъ Адольфомъ, за преступленіе, совершенное имъ противъ своего отца (т. X, стр. 281). Герцогъ Карлъ со временъ Максимиліана I былъ союзникомъ и орудіемъ французовъ, грознымъ вождемъ наемныхъ негодяевъ и язвой Нидерландовъ и всѣхъ сосѣднихъ странъ. Такъ какъ Гельдернъ служилъ сборнымъ мѣстомъ и убѣжищемъ для всевозможныхъ негодяевъ и преступниковъ, которые нанимались въ военную службу и грабили на сушѣ и на морѣ, то герцогъ всегда могъ собрать войско; онъ занялъ даже значительную часть Гренингена и назначилъ графа де Мерса своимъ намѣстникомъ этой провинціи. У него служилъ весьма способный полководецъ, Мартинъ де Россемъ. Въ 1528 онъ намѣревался воспользоваться ссорой дворянина Бальтазара д'Эзенса съ графомъ Эдзаромъ Остфрисландскимъ, чтобы овладѣть Остфрисландіею. Но это не удалось ему, потому что гренингенцы, мирно повиновавшіеся ему съ 1518 до 1525, отказалась заплатить расходы этого предпріятія. За это онъ наказалъ Гренингенъ и Оммеландъ новымъ опустошительнымъ набѣгомъ. Тогда Гренингенъ передался нидерландской правительницѣ Маргаритѣ на тѣхъ же условіяхъ, на которыхъ состоялъ подъ властью герцога. Такъ какъ Франція покинула герцога, а воевать одинъ съ Карломъ V онъ не могъ, то былъ принужденъ уступить Гренингенъ и Фрисландію и отказаться отъ владычества надъ ними.

Города и чины Утрехта и Оверъ-Исселя, поссорившись съ епископомъ утрехтскимъ, призвали дикія шайки герцога, которыя надѣлали имъ не меньше вреда, чѣмъ епископу и его союзникамъ. Епископъ заключилъ въ 1528 съ императоромъ подобный же договоръ, какъ и гренингенцы. Онъ уступилъ Карлу V и его наслѣдникамъ всѣ свои верховныя свѣтскія права, за что императоръ гарантировалъ ему пользованіе духовными правами и доходами. Въ слѣдующемъ году, при заключеніи канбрейскаго мира, французскій король отступился отъ герцога Гельдернскаго. Это принудило герцога заключить въ 1529 въ Горкумѣ договоръ, которымъ онъ отказался отъ притязаній на Гренин-

генъ и обязался въ случаѣ своей бездѣтной смерти признать Карла V законнымъ наслѣдникомъ Гельдерна и Цютфена. Въ 1536 герцогъ, снова бывшій въ союзѣ съ Франціей и получавшій отъ Франциска субсидіи, принялъ участіе въ его войнѣ съ императоромъ, но въ декабрѣ долженъ былъ возобновить горкумскій договоръ. Въ слѣдующемъ году онъ старался склонить гельдернскіе чины помочь ему отторгнуть вѣроломнымъ образомъ отъ германской имперіи укрѣпленные города Нимвегенъ, Цютфенъ, Рюремонде и Венлоо и передать ихъ Франціи. Но чины не согласились на это, силою присвоили себѣ всю верховную власть надъ страною, срыли замки, въ которыхъ герцогъ держалъ свои разбойничьи шайки и опредѣлили ему 40,000 гульденовъ ежегоднаго содержанія.

Герцогъ не могъ перенести мысли, что по смерти его владѣнія его достанутся габсбургцамъ, которыхъ онъ также ненавидѣлъ, какъ и отецъ его. Поэтому въ 1538 онъ задумалъ оставить Гельдернъ другому нѣмецкому государю. Наслѣдникомъ своимъ онъ избралъ Вильгельма Клеве, прозваннаго Богатымъ. Предокъ его Адольфъ II владѣлъ только графствомъ де ля Маркъ, но въ 1347 сдѣлался, благодаря своей женитьбѣ, герцогомъ Клевскимъ. Отецъ Вильгельма, Іоаннъ III, женился на дочери и наслѣдницѣ послѣдняго герцога Бергъ-Юлихъ-Равенсбергскаго и получилъ эти земли. Самъ Вильгельмъ Богатый, наслѣдовавшій всѣ эти обширныя владѣнія, пріобрѣлъ по смерти дикаго Карла Гельдернскаго (въ іюлѣ 1538) большую часть его владѣній, согласно договору, заключенному его отцомъ съ гельдернскими чинами. Въ 1540, по усмиреніи Гента, между императоромъ и французскимъ королемъ готовилась вспыхнуть новая война; каждый изъ нихъ старался склонить на свою сторону богатаго и могущественнаго герцога Вильгельма. Французскій король привлекъ его на свою сторону, давъ ему надежду на женитьбу, которая могла сдѣлать герцога королемъ. Францискъ понималъ, что только особенныя выгоды могутъ склонить герцога Клеве, который былъ вассаломъ имперіи, заключить союзъ съ вра-

гомъ имперіи и императора; поэтому онъ предложилъ ему руку дочери Генриха д'Альбре (т. XI стр. 367), который, хотя лишился испанской Наварры, но продолжалъ носить королевскій титулъ и владѣлъ французскою Наваррою, т. е. Беарномъ и нѣкоторыми другими владѣніями. По законамъ страны ему должна была наслѣдовать его дочь. Ей было тогда только 10 лѣтъ, поэтому толковать о бракѣ ея было еще рано; но французы вовсе не помышляли о немъ и не имѣли дѣйствительнаго намѣренія доставить нѣмецкому государю обширныя независимыя владѣнія въ предѣлахъ Франціи. Не догадываясь объ этомъ, герцогъ Вильгельмъ принялъ предложеніе и былъ торжественно обрученъ съ принцессою. Такимъ образомъ онъ вступилъ въ тѣсный союзъ съ Франціей, и грозный полководецъ его, Мартинъ де Россемъ, одержалъ блистательную, хотя безплодную для Франціи побѣду, при чемъ погибло храброе рыцарство германскихъ владѣній Вильгельма. Но въ то самое время, какъ герцогъ обручался съ наваррскою принцессою, французы составляли планъ присоединить Беарнъ къ короннымъ владѣніямъ; впослѣдствіи планъ этотъ осуществился посредствомъ брака наваррской наслѣдницы съ первымъ принцемъ крови, Антуаномъ де Бурбонъ-Вандомомъ.

Намѣреваясь отправиться чрезъ Германію въ Италію, чтобы предпринять новый походъ противъ невѣрныхъ, Карлъ V былъ сердитъ и на папу, и на протестантовъ. Протестанты стали опасны съ тѣхъ поръ, какъ Бранденбургъ и Юлихъ перешли на ихъ сторону, Пфальцъ колебался, а ландграфъ Филиппъ и курфирстъ Саксонскій ограбили своихъ сосѣдей и церковь. Императоръ хотѣлъ напугать протестантами папу и обезоружить ихъ соборомъ или мирнымъ диспутомъ. Но папа не соглашался на диспутъ, а по поводу собора постановилъ условія, которыхъ императоръ и протестанты не принимали. Императоръ желалъ выиграть время и достигъ наконецъ своей цѣли, убѣдивъ католиковъ и протестантовъ согласиться на диспутъ. Братъ его, Фердинандъ, находившійся по смерти Іоанна Заполія въ очень за-

труднительномъ положеніи, всячески старался склонить протестантовъ послать депутатовъ на папскій соборъ или по крайней мѣрѣ согласиться съ католиками хотя въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Но соглашеніе было невозможно, потому что государи и города присвоили себѣ церковныя имущества, а папа и слышать не хотѣлъ объ уступкахъ. Притомъ Фердинандъ утверждалъ, что многія могущественныя правительства, принявшія въ послѣднее время реформацію, не имѣютъ права пользоваться выгодами Нюрнбергскаго религіознаго мира. Было сдѣлано много тщетныхъ усилій устроить религіозное преніе, и Фердинандъ уже думалъ обратиться къ священной лигѣ и вооружить католиковъ противъ протестантовъ; но наконецъ, въ половинѣ 1540 въ Гагенау было рѣшено снова попытаться окончить дѣло полюбовно. Впрочемъ папа не соглашался на это и послалъ въ Германію молодаго кардинала Фарнезе, а въ Нидерланды кардинала Корвина, чтобы отклонить императора и государей отъ разсужденій по вопросамъ, которые давно уже рѣшены имъ. Но императоръ и прочіе католики не имѣли средствъ начинать войну и потому должны были согласиться на диспутъ. Лютеръ былъ еще непреклоннѣе папы и опасался, что чортъ съиграетъ съ нимъ и съ его курфирстомъ какую нибудь скверную шутку.

Диспутъ или, лучше сказать, брань началась 16 іюля 1540 и немедленно приняла такое направленіе, что коммиссары императора и король Фердинандъ черезъ двѣ недѣли (28 числа) сочли необходимымъ прекратить ее императорскимъ декретомъ и перенести дальнѣйшія пренія въ Вормсъ. Но было ясно, что и въ Вормсѣ желаемая цѣль не будетъ достигнута тѣмъ болѣе, что всякая возможность успѣха была заранѣе уничтожена двумя постановленіями. Было постановлено, что приговоръ Фердинанда объ исключеніи новыхъ членовъ Шмалькальденскаго союза изъ выгодъ Нюрнбернскаго религіознаго мира остается въ силѣ, и во вторыхъ, что императоръ удерживаетъ право утверждать приговоры имперскаго суда по процессамъ, касающимся владѣнія

свѣтскими имуществами церкви. Императоръ послалъ въ Вормсъ не богослововъ и философовъ, а своего министра Гранвеллу, который получилъ обширныя полномочія въ вопросахъ совѣсти и имѣлъ порученіе улаживать всякія затрудненія, мѣшающія благополучному окончанію диспута, и тянуть религіозный споръ до тѣхъ поръ, пока Карлъ получитъ возможность окончить его оружіемъ. Гранвелла опоздалъ въ Вормсъ: посланники большей части нѣмецкихъ правительствъ и ихъ богословы собрались въ половинѣ ноября 1540. Къ крайней досадѣ протестантовъ въ Вормсъ прибылъ и папскій легатъ, хотя они еще въ Гагенау убѣдительно просили не присылать его.

Инструкція папскаго нунція, посланнаго на вормскій диспутъ противъ желанія протестантовъ, доказываетъ, что все, предпринимаемое въ 1539 и слѣдующихъ годахъ для примиренія партій, было кукольною комедіею. „Нунцій, говорилось въ инструкціи, долженъ слушать и мало говорить, не входя ни въ какія пренія. Онъ долженъ воздерживаться отъ рѣзкостей и обнаруживать кротость и христіанскую любовь съ приличіемъ и достоинствомъ, но обязанъ сохранить папѣ все.“ Въ предисловіи къ инструкціи папа говорилъ, что не только не одобряетъ преній по религіознымъ вопросамъ, но глубоко ненавидитъ ихъ, такъ какъ они наносятъ ущербъ его значенію. Онъ говорилъ, что крайне недоволенъ вормскими преніями, начатами вопреки его волѣ. „Но, смиренно прибавлялъ онъ, я буду слѣдовать примѣру того, чье мѣсто я недостойно заступаю.“

На этотъ разъ брань была еще хуже и неприличнѣе, и обѣ стороны вели себя недостойнымъ образомъ; даже Меланхтонъ, стоявшій во главѣ своей партіи, былъ на этотъ разъ не тѣмъ, что прежде. Вотъ что говоритъ о вормскомъ собраніи нашъ уважаемый учитель Планкъ, хорошо знакомый съ актами этихъ преній: „При разсматриваніи актовъ собранія нельзя удержаться отъ негодованія на протестантовъ, которые вели себя хуже католи-

конъ. Католическіе представители, послы императора и римскаго короля, придирались и крючкотворствовали сознательно, имѣя обдуманное намѣреніе тянуть переговоры; протестанты же не могли имѣть при этомъ никакой цѣли, кромѣ желанія свалить на католиковъ вину въ неудачѣ переговоровъ. Но въ такомъ случаѣ имъ слѣдовало быть уступчивѣе въ второстепенныхъ пунктахъ тѣмъ болѣе, что они видѣли, что противники только о томъ и спорятъ."

Время проходило въ спорахъ о предметахъ совершенно не существенныхъ; Бранденбургъ и Пфальцъ засѣдали съ католиками, хотя вскорѣ оказалось, что непринадлежитъ къ нимъ. Поэтому неудивительно, что пренія, которыя должны были начаться 28 октября 1540, начались только 14 января 1541. Меланхтонъ и Эккъ проспорили четыре дня объ одномъ крещеніи; всѣ, а особенно посланникъ императора, ясно видѣли, что, если дѣло пойдетъ подобнымъ образомъ, то никогда не кончится. Императоръ былъ давно убѣжденъ, что диспутъ кончится подобнымъ образомъ; 18 января всѣмъ присутствующимъ было объявлено императорское повелѣніе прекратить преніе и переѣхать въ Регенсбургъ, гдѣ диспутъ будетъ продолжаться въ присутствіи императора. Затѣмъ Карлъ вызвалъ въ Регенсбургъ сеймъ, пригласивъ особенно курфирста Саксонскаго и ландграфа. Ландграфъ Филиппъ сказалъ ему при этомъ, что Шмалькальденскій союзъ намѣренъ оружіемъ помогать своимъ сочленамъ противъ Генриха Брауншвейгскаго и декретовъ имперскаго суда. Чтобы предупредить кровопролитіе, Карлъ старался удовлетворить жалобамъ на имперскую юстицію. Тѣмъ не менѣе, Саксонія и Гессенъ привели свое намѣреніе въ исполненіе. Чтобы отклонить ихъ отъ этого, императоръ издалъ 28 января въ Шпейерѣ эдиктъ, которымъ повелѣвалъ прекратить всѣ процессы по религіознымъ дѣламъ и отмѣнить всѣ приговоры, въ особенности опалу, которой были преданы Госларъ и Мюнденъ. Впрочемъ ландграфъ былъ сговорчивѣе курфирста, потому что не питалъ, подобно

Digitized by Google

Іоанну Фридриху, раболѣпнаго уваженія къ папѣ-Лютеру *) Ландграфъ прибылъ въ Регенсбургъ въ мартѣ и прежде всего постарался объяснить императору, почему нельзя поладить добромъ съ Генрихомъ Брауншвейгскимъ. Курфирстъ же не пріѣхалъ. Его непобѣдимое упрямство было въ этомъ случаѣ столь же безразсудно, какъ и въ безпрестанныхъ протестахъ противъ избранія Фердинанда въ римскіе короли.

5 апрѣля 1541 императоръ открылъ сеймъ, главною цѣлью котораго было согласить католиковъ и протестантовъ по нѣкоторымъ пунктамъ государственной религіи; императору было предоставлено назначить богослововъ на диспутъ по этимъ пунктамъ; выборъ его палъ на людей, отъ которыхъ можно было ожидать всего хорошаго, за исключеніемъ впрочемъ Экка, бывшаго виновникомъ всѣхъ несчастій. Экку было поручено защищать католицизмъ, а Меланхтону — лютеранство. Лютеръ своими письмами успѣлъ внушить Меланхтону упрямство и неуступчивость; но императоръ, избирая столь кроткаго и благоразумнаго человѣка, не могъ предвидѣть этого. Прочіе диспутанты были свободны отъ всякихъ предразсудковъ и не были связаны ни папою, ни схоластикою, ни Лютеромъ и его поклонникомъ, Іоанномъ-Фридрихомъ. Въ помощники Экку были назначены Юлій Пфлугъ, характеръ котораго мы уже описали (стр. 183), и Іоганнъ Гроппер. Товарищами Меланхтона были Мартинъ Бусеръ и Іоганнъ Писторіусъ. Имъ покровительствовалъ ландграфъ, и они не слѣдовали тупой саксонско-лютеровской догматикѣ. Такъ какъ императоръ желалъ, чтобы пренія имѣли характеръ

*) Благоразумные совѣтники курфирста уговаривали его поѣхать въ Регенсбургъ; но Лютеръ просилъ и заклиналъ его не ѣхать, потому что, если онъ поѣдетъ, то чортъ непремѣнно склонитъ его къ соглашенію. «Изъ всѣхъ государей», писалъ онъ ему, «чорту особенно хочется поймать вашу курфирше скую милость», и прибавлялъ: «Если В. К. М. непремѣнно желаете войдти въ договоръ съ чортомъ, то все таки не зачѣмъ ѣздить въ Регенсбургъ, а лучше обратиться прямо въ Торгау.»

государственнаго дѣла, а не богословской перебранки, то поручилъ Пфальцграфу Фридриху и своему канцлеру Гранвеллѣ руководить диспутомъ, при которомъ присутствовали многіе иностранные послы. Гранвелла получилъ отъ императора сочиненіе, приписываемое имъ одному нидерландцу, но вѣроятно написанное по порученію курфирста Бранденбургскаго, который не былъ слѣпо преданъ лютеранству. Сочиненіе это, названное впослѣдствіи регенсбургскимъ интеримомъ, имѣло цѣлью предупредить безполезныя ссоры. Оно было одобрено императоромъ и принято въ основаніе при преніяхъ. Поэтому вначалѣ диспутъ шелъ благопріятно, пока спорящіе вращались только около тѣхъ пунктовъ, которые извѣстный авторъ интерима могъ изложить къ общему удовольствію католиковъ и протестантовъ. Но когда дѣло дошло до главнаго, то оказалось, что папская церковь совершенно несовмѣстна съ принципами протестантизма. Мы не будемъ слѣдить за ходомъ религіозныхъ преній, потому что предметомъ нашимъ служитъ политическая исторія. Но необходимо замѣтить, что императоръ, смертельно ненавидѣвшій Іоанна Фридриха и Лютера, воспользовался очевиднымъ расположеніемъ ландграфа Филиппа къ ученію Кальвина, который проповѣдовалъ въ Женевѣ свою доктрину съ такимъ же успѣхомъ, какъ Лютеръ въ Виттенбергѣ, чтобы поссорить вождей грозившаго ему союза. Іоаннъ Фридрихъ былъ ему не страшенъ тѣмъ болѣе, что король Фердинандъ совершенно склонилъ на свою сторону его двоюроднаго брата, Морица. Но ландграфъ Филиппъ былъ опасенъ, потому что давно находился въ союзѣ съ Франціей, такъ что въ Регенсбургѣ Карлъ долженъ былъ заключить съ нимъ договоръ, чтобы удержать его отъ возобновленія этого союза при предстоящей войнѣ Карла съ Франціей. Договоръ этотъ былъ составленъ по испанскому обычаю такъ, что, смотря по обстоятельствамъ, его можно было истолковывать, какъ угодно. Въ тоже время Карлъ велъ переговоры съ Генрихомъ Брауншвейгскимъ, который также прибылъ въ Регенсбургъ. Извѣстная уже читателю неприличная ссора Генриха

съ ландграфомъ дошла въ Регенсбургѣ до невѣроятныхъ размѣровъ.

Въ то же время императоръ имѣлъ непріятности съ своимъ злѣйшимъ врагомъ, Вильгельмомъ де ля Маркомъ герцогомъ Юлихъ-Клеве-Бергъ-Гельдернскимъ; но несогласія эти не переходили по крайней мѣрѣ границъ приличія. Вильгельмъ уѣхалъ къ французскому двору и заключилъ союзный договоръ съ Франціей. По этому случаю 3 іюля 1541 Карлъ напустился въ полномъ собраніи государей на герцогскаго посланника. Онъ не далъ ему сказать ни слова въ оправданіе своего государя и, не слушая его, всталъ и вышелъ въ гнѣвѣ изъ залы. Это оскорбило не только протестантовъ, къ которымъ принадлежало герцогство Юлихъ, но и всѣхъ государей; 24 іюля они отправились лично къ императору и просили его по крайней мѣрѣ выслушать оправданіе герцога. Это окончательно взбѣсило Карла, хотя онъ, болѣе чѣмъ кто либо, умѣлъ владѣть собой; онъ высказалъ имъ все, что думалъ объ нихъ и чего при извѣстныхъ обстоятельствахъ они могли ожидать отъ него. Карлъ велѣлъ Іоанну Навесу сказать имъ. „Я столько лѣтъ хлопоталъ, чтобы собрать сеймъ, но вы не собирались; столько разъ слушалъ я ваши пренія и не разу не видѣлъ, чтобы вы поладили между собою; а какъ только вышелъ случай привязаться ко мнѣ, то у васъ явилось полное единодушіе“.

Религіозныя пренія кончились 22 мая; 29 числа императоръ, собравъ мнѣнія, объявилъ свое рѣшеніе. Оно не прекратило раздоръ, а лишь указывало на возможность его прекращенія въ далекомъ будущемъ. Сущность его состояла въ слѣдующемъ: „За исключеніемъ четырехъ пунктовъ, по которымъ согласились, все остается по старому. Дальнѣйшія религіозныя пренія должны произойти или на вселенскомъ или на національномъ соборѣ или же, если папа не согласится ни на то, ни на другое, то на слѣдующемъ сеймѣ. Императоръ поѣдетъ въ Италію, чтобы побудить папу назначить въ Германіи или вселенскій соборъ,

или, по крайней мѣрѣ, національный. Если черезъ 18 мѣсяцевъ ничего не состоится, то для рѣшенія религіозныхъ вопросовъ будетъ собранъ въ имперіи сеймъ, и папѣ будетъ предложено прислать на него легата. Пока же долженъ нерушимо соблюдаться обѣими сторонами нюрнбергскій миръ."

14. Венгрія и Османы съ 1532 до 1515 и походъ Карла V въ Алжиръ.

Вслѣдъ за тѣмъ Карлъ V и его братъ уѣхали изъ Германіи, одинъ въ Африку, другой въ Венгрію, воевать съ турками; поэтому необходимо обратиться къ исторіи Венгріи и Турціи. До 1532 года Солиманъ II четыре раза ходилъ въ Венгрію и Австрію. Его полчища совершали всюду страшныя опустошенія и жестокости и доказывали, что дикій человѣкъ хуже хищнаго звѣря. Пятый походъ Солимана (въ 1532 г.) кончился миромъ. Походъ этотъ замѣчателенъ трехнедѣльною обороною крѣпости Гюнса венгромъ Юришицомъ съ 700 человѣкъ противъ 200,000 турецкой арміи и ея грозной артиллеріи. Истративъ весь порохъ и потерявъ половину людей, Юришицъ заключилъ выгодную капитуляцію съ условіемъ даже не пускать невѣрныхъ въ крѣпость. Въ это время различныя причины побудили султана согласиться на убѣдительныя просьбы Фердинанда и подарить ему миръ, на который онъ прежде не соглашался. Фердинандъ готовъ былъ купить миръ изъявленіемъ покорности на самыхъ позорныхъ условіяхъ. Солиманъ согласился сначала заключить только перемиріе (январь 1533), но, когда Фердинандъ велѣлъ своему посланнику униженно передать султану ключи Грана, Солиманъ согласился вступить въ переговоры о мирѣ. Они продолжались до конца іюня. Однако мирный договоръ, заключенный между Солиманомъ и Фердинандомъ, не прекратилъ турецкихъ

набѣговъ; онъ удалилъ только изъ Венгріи самаго султана и его главную армію.

Турецкій вассалъ Іоаннъ Заполій, носившій титулъ короля Венгріи, продолжалъ воевать съ Фердинандомъ до 1538. Заполій велѣлъ умертвить вѣроломнаго турецкаго коммиссара, ренегата Гритти, который хотѣлъ предать туркамъ Трансильванію; поступокъ этотъ навлекъ на него немилость султана, что принудило его искать мира съ римскимъ королемъ. Послѣ многихъ переговоровъ, часто прерываемыхъ и возобновляемыхъ, былъ заключенъ наконецъ миръ въ 1538. По условіямъ договора Фердинандъ удержалъ за собою Кроацію и всѣ области Венгріи, которыя находились въ его власти; за это онъ и братъ его, императоръ, признали Заполія венгерскимъ королемъ. Далѣе было постановлено, что, если у Заполія родится наслѣдникъ, то долженъ будетъ жениться на дочери Фердинанда; но Фердинандъ будетъ правителемъ всей Венгріи, которая должна немедленно принести ему присягу, какъ будущему регенту.

Союзъ венгерскихъ королей просуществовалъ недолго. Заполій былъ человѣкъ болѣзненный и не могъ надѣяться на долгую жизнь, хотя ему было только 52 года; не смотря на это, онъ женился на дочери короля Сигизмунда I польскаго, Елисаветѣ или Изабеллѣ, которая за двѣ недѣли до его смерти родила сына (іюль 1540). Онъ пожелалъ назвать сына Іоанномъ-Сигизмундомъ и назначилъ воспитателями его епископа гросвардейнскаго, Георга Мартинуцци и Петра Петровича Заполія. Епископъ и Заполій рѣшились воспрепятствовать исполненію выгодныхъ для Фердинанда статей договора 1538 года и съ этой цѣлью скрывали смерть короля, пока не привлекли на свою сторону многихъ магнатовъ. Тогда они провозгласили ребенка „избраннымъ королемъ“ Венгріи; но большая часть Венгріи признала Фердинанда, а въ Трансильваніи вспыхнули безпокойства. Солиманъ воспользовался этимъ, чтобы овладѣть Венгріею.

По смерти Заполія Фердинандъ сдѣлалъ попытку овладѣть

Digitized by Google

Офеномъ и старался задобрить Солимана. Но султанъ принялъ посланника Фердинанда очень дурно и взялъ подъ свою защиту королеву Изабеллу которая также просила его за сына. Въ октябрѣ 1540 султанъ провозгласилъ сына Іоанна Заполія королемъ Венгріи и въ ноябрѣ того же года объявилъ Фердинанду войну. Въ 1541 австрійскія войска, осаждавшія Офенъ, были принуждены отступить и почти совершенно истреблены. Послѣ того Солиманъ приказалъ Изабеллѣ прислать своего маленькаго сына въ турецкій лагерь. Затѣмъ янычары пробрались въ городъ и заняли его въ пользу султана. Солиманъ отослалъ ребенка къ матери, поручивъ сказать ей, что, такъ какъ она не имѣетъ средствъ долго защищать Офенъ противъ Фердинанда, то онъ удерживаетъ городъ за собою до совершеннолѣтія принца. Королева была принуждена заключить съ нимъ договоръ, по которому должна была удалиться съ сыномъ изъ Офена и предоставить султану всю Венгрію, за исключеніемъ Трансильваніи, Нижней Венгріи, Лейпы и Темесвара. Вся страна, отошедшая къ туркамъ, была организована на турецкій ладъ и офенскій соборъ обращенъ въ мечеть. Фердинандъ продолжалъ воевать съ султаномъ, но безуспѣшно; наконецъ въ августѣ 1545, при содѣйствіи французскаго посланника, было заключено 5-лѣтнее перемиріе. Венгрія и Трансильванія были уступлены Изабеллой Фердинанду только въ 1551 съ условіемъ, что сынъ ея женится на дочери Фердинанда и получитъ силезскія герцогства, Оппельнъ и Ратиборъ, и родовыя имѣнія своего отца въ Венгріи; кромѣ того она обѣщала дать отъ себя сыну 100,000 дукатовъ.

Во время войны 1541 Солиманъ получилъ извѣстіе, что тайный союзъ его съ Франциском и венеціанцами противъ австрійскаго дома не состоялся по случаю умерщвленія интригантовъ Чезаре Фрегозо и Антоніо Ринкона, которые вели все это дѣло. Люди эти давно интриговали въ Италіи во вредъ императору и хлопотали о союзѣ Франциска съ турками, что въ то

время считалось столь же ужаснымъ дѣломъ, какъ договоръ съ дьяволомъ. Въ 1532 Ринконъ былъ у турокъ въ Венгріи; впослѣдствіи онъ дѣйствовалъ въ Венеціи и Константинополѣ, стараясь устроить общій союзъ между Венеціей, Франціей и Турціей. Поѣздка императора черезъ Францію и его тайный разговоръ съ королемъ Франциской возбудили въ туркахъ недовѣріе. Въ 1541 Ринконъ и Фрегозо снова попытались устроить союзъ. Они предположили отправиться сначала вмѣстѣ черезъ Туринъ и миланское герцогство, а потомъ разъѣхаться—одному въ Венецію, а другому въ Константинополь и вести интригу каждому особо съ своего поста. Императору было очень важно узнать содержаніе ихъ инструкцій; поэтому онъ приказалъ своему намѣстнику въ Миланѣ, маркизу дель Васто, слѣдить за этими агентами. Но Гильйомъ ди Белле, французскій намѣстникъ въ завоеванной части Піэмонта, получивъ извѣстіе объ императорскомъ приказаніи,преду предилъ агентовъ, что за ними слѣдятъ. Ринконъ хотѣлъ послѣдовать его совѣту, не ѣхать черезъ миланское герцогство; но Фрегозо не вѣрилъ, чтобы маркизъ дель Васто былъ способенъ среди мира нанять бандитовъ для нападенія на посланниковъ и такимъ образомъ нарушить международное право. Поэтому они отправились въ путь, какъ было предположено, водою по теченію По. Однако, на случай ареста, они передали депеши своему секретарю, ѣхавшему на другомъ кораблѣ. Впрочемъ совѣсть Чезаре Фрегозо была спокойна; но Антоніо Ринконъ побаивался. Въ предъидущемъ 1540 году онъ былъ въ Венеціи и сообщилъ оттуда султану, что венеціанскій сенатъ не раздѣляетъ мнѣнія своего посланника въ Константинополѣ и согласенъ принять миръ съ турками на тяжелыхъ условіяхъ, которыхъ не принимаетъ посланникъ. Поэтому султанъ грозилъ посланнику, который былъ принужденъ заключить миръ, уступивъ туркамъ города Наполи ди Романію и Малвазію въ Мореѣ. За это сенатъ удалилъ Ринкона изъ Венеціи. Агентовъ французскаго короля встрѣтили бандиты, которымъ дель Васто по-

ручилъ подстерегать ихъ при сліяніи Тичино съ По. Послѣ тщетной обороны они были убиты (13 іюля 1541). Но другой корабль, на которомъ ѣхалъ секретарь съ бумагами, благополучно пришелъ въ Піаченцу. Дель Васто немедленно отправилъ посланника въ Туринъ, чтобы отстранить отъ себя всякое подозрѣніе въ участіи въ разбоѣ на большой дорогѣ и въ убійствѣ; но ему никто не повѣрилъ.

Не задолго до того король Францискъ потерпѣлъ отъ императора другое оскорбленіе. Императоръ передалъ миланское герцогство, обѣщанное сыну короля, своему сыну Филиппу. Францискъ только потому не объявилъ тогда же войну Карлу, что не имѣлъ денегъ и что папа просилъ его не мѣшать задуманному императоромъ походу на Африканскій берегъ. Но послѣ убійства своихъ агентовъ Францискъ немедленно отправилъ посланниковъ на аугсбургскій сеймъ, поручивъ имъ обвинить императора въ присутствіи всѣхъ государей въ нарушеніи мира и международнаго права, въ убійствѣ и разбоѣ.

Между тѣмъ Карлъ отправился въ Италію, гдѣ въ сентябрѣ велъ въ Луккѣ, переговоры съ папой о союзѣ противъ Солимана и о второмъ походѣ въ сѣверную Африку. Францискъ отправилъ пословъ и въ Лукку, требуя, чтобы императоръ наказалъ маркиза дель Васто, въ ожиданіи чего приказалъ арестовать въ Ліонѣ Георга Австрійскаго архіепископа валенсійскаго и епископа лютихскаго. Затѣмъ онъ отправилъ пословъ въ Швецію, Данію и къ протестантскимъ государямъ Германіи. Чтобы вредить Фердинанду, онъ вступилъ, какъ ниже увидимъ, въ сношенія съ Солиманомъ. Папа убѣдилъ Франциска отложить объявленіе войны до мая 1542, такъ какъ въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1541 императоръ предпринялъ второй походъ противъ африканскихъ пиратовъ

Походъ этотъ былъ направленъ противъ столицы пиратовъ, Алжира. Къ несчастію экспедиція началась въ такое время, когда сильныя бури препятствуютъ плаванію по

Digitized by Google

морю и затрудняютъ передвиженіе войскъ на сушѣ; проливные дожди превращаютъ въ это время землю въ болото и армія не находитъ убѣжища ни подъ открытымъ небомъ, ни въ палаткахъ. Адмиралы, капитаны кораблей и опытные генералы, знавшіе климатъ и мѣстность, совѣтовали императору отложить предпріятіе, и самъ папа убѣдительно просилъ его въ Луккѣ не торопиться; но Карлъ не измѣнилъ своего рѣшенія. Войско и флотъ собрались въ Майоркѣ. Въ половинѣ октября императоръ сѣлъ въ Специи на генуэзскій флотъ Андрея Доріа. Флотъ отправился въ Африку, гдѣ близь Алжира былъ брошенъ якорь въ открытой вѣтрамъ гавани при мысѣ Теменѣ (Матазій древнихъ). Флотъ Карла состоялъ изъ 74 военныхъ кораблей (галеръ) и 200 малыхъ и большихъ судовъ; въ арміи его считалось 22,000 старыхъ опытныхъ пѣхотинцевъ и 1000 конницы. Такъ какъ Хайреддинъ Барбаросса находился въ Константинополѣ, а намѣстникъ его Газанбегъ располагалъ только 600 турецкихъ и нѣсколькими тысячами мавританскихъ всадниковъ, то императоръ, надѣясь легко овладѣть Алжиромъ приступомъ, двинулся къ городу тотчасъ по высадкѣ на берегъ, не успѣвъ даже выгрузить орудія и военные снаряды.

21 октября 1541 Карлъ уже шелъ съ своими войсками на Алжиръ. На пути непогода и сырость почвы задерживали и останавливали его такъ, что войска шли трое сутокъ 23 италіанскія мили, составляющія этотъ переходъ. Флотъ потерпѣлъ отъ бури значительныя поврежденія еще при переѣздѣ отъ Порто-Венере къ Майоркѣ, гдѣ находилась армія, а потомъ понесъ еще большія аваріи на пути къ Алжиру. По высадкѣ войскъ страшная буря совершенно разсѣяла его и выбросила суда на берегъ, причемъ едва успѣли спасти небольшую часть орудій и снарядовъ. Въ одинъ часъ потонуло 15 кораблей и 140 другихъ судовъ и 8000 человѣкъ погибли въ волнахъ; спасшіеся на берегъ были убиты маврами. При этомъ погибла большая часть продовольствія. Ужасные ураганы и ливни препятство-

вали операціямъ арміи, которой грозила опасность умереть съ голоду. Ожидая, что разсѣянныя суда наконецъ соберутся и выгрузятъ находящіеся на нихъ запасы, приказали рѣзать кавалерійскихъ лошадей въ пищу войску. Но ураганъ и проливной дождь, не прекращавшійся вытеченіе 3 дней, не позволяли доставить съ судовъ пушки и съѣстные припасы; поэтому Карлъ долженъ былъ возвратиться съ остатками войска къ мѣсту высадки. Походъ этотъ, продолжавшійся четыре дня, былъ ужасенъ и гибеленъ для войска. Наконецъ 31 октября армія сѣла на суда, но черезъ три дня плаванія снова начались бури. Карлъ былъ принужденъ войти въ опасную гавань Буджіа, гдѣ пришлось простоять 28 дней и гдѣ погибло еще нѣсколько судовъ. Наконецъ флотъ воспользовался благопріятною погодою и вышелъ въ море, но бури снова унесли его къ африканскимъ берегамъ. 28 ноября Карлъ высадился въ Италіи, потерпѣвъ отъ непогоды огромныя потери. Въ несчастіи этомъ онъ обнаружилъ величіе и хладнокровіе. Походъ доставилъ ему славу, не смотря на неудачу, потому что онъ сдѣлалъ съ своей стороны все и вполнѣ раздѣлилъ всѣ лишенія своей арміи.

15. Войны между Франциском I, Карломъ V и Генрихомъ VIII съ 1542 до 1546.

Вскорѣ послѣ втораго африканскаго похода Карла V началась новая война между нимъ и королемъ французскимъ. Францискъ былъ безпрестанно занятъ интригами своихъ любовницъ и придворныхъ и тратилъ на нихъ деньги, взятыя въ займы для удовлетворенія роскоши двора. Французскіе историки разумѣется смотрятъ на все это иначе. Они неистощимы въ похвалахъ рыцарственности Франциска, его истинно рыцарскому вкусу, остроумію, великолѣпію и любви къ искуствамъ и наукамъ. Поэтому слѣдовало бы взглянуть на изнанку королевско-

рыцарской жизни и придворныхъ нравовъ того времени. Но это отвлекло бы насъ отъ нашей цѣли; мы ограничимся нѣкоторыми замѣчаніями, которыя пояснятъ сказанное нами. Главныя любовницы короля были Діана де Пуатье и герцогиня д' Этампъ (т. XI, стр. 398). Въ то время, о которомъ мы говоримъ, въ силѣ была герцогиня. Она покровительствовала второму сыну Франциска, тогда какъ дофинъ былъ вполнѣ во власти Діавы. Между тѣмъ Францискъ падалъ все глубже и ниже и часто хворалъ. Сыновья его были окружены развратными и грубыми дворянами, совершавшими подвиги, которые мы отказываемся передавать. Старые вельможи преслѣдовали другъ друга, а любовницы свергали и возводили ихъ въ милость. Конветабль де Монморанси началъ противъ адмирала де Шабо, игравшаго при Францискѣ важную, но не особенно доблестную роль, уголовный процессъ. Канцлеръ Пойэ постановилъ по этому процессу приговоръ, по которому адмиралъ лишался почестей, званій и имущества. Но слезы герцогини д' Этампъ принудили короля отмѣнить этотъ приговоръ по высочайшему повелѣнію (lettres d'abolition); тогда всѣ приверженцы герцогини напали на канцлера. Онъ былъ обвиненъ въ лихоимствѣ и осужденъ; это до того взбѣсило конетабля, что въ 1541 г. онъ съ негодованіемъ удалился въ Шантильи.

Въ маѣ 1542 король объявилъ императору войну. Главныя силы французовъ пошли въ Пиренеи, а другая армія, подъ предводительствомъ герцога Орлеанскаго, вторгнулась въ Люксембургъ. При ней находился герцогъ Вильгельмъ Юлихъ-Гельдернскій, обманутый предположеннымъ бракомъ съ наслѣдницей наваррской; герцогъ и его грозный полководецъ Мартинъ де Россемъ, какъ двѣ капли воды походившій на Хайреддина Барбароссу, привели на помощь французамъ 12,000 нѣмецкихъ ландскнехтовъ, нанятыхъ на французскія деньги, и 2000 клевской кавалеріи. Дофинъ, предводительствовавшій 40,000 арміею въ Пиринеяхъ, двинулся на Перпиньянъ, но дѣйствовалъ такъ дурно,

что походъ былъ совершенно безуспѣшенъ. Въ Нидерландахъ счастье не благопріятствовало императору; но потомъ дѣла приняли другой оборотъ. Главными виновниками неудачи, постигшей французовъ въ 1542, были герцогъ Орлеанскій и маршалъ д' Анибо. Герцогъ вступилъ въ Брабантъ и Люксембургъ, а Вандомъ пошелъ съ другимъ войскомъ во Фландрію. Клодъ Лотарингскій герцогъ де Гизъ, семейство котораго было впослѣдствіи могущественнѣе короля, находился въ арміи Вандома въ качествѣ помощника главнокомандующаго; маршалъ де Таваннъ былъ совѣтникомъ молодого, пылкаго принца, который впрочемъ не слушалъ своего ментора и дѣлалъ все, что приходило въ голову. Маршалъ д' Анибо, родственникъ герцогини д' Этампъ, состоялъ по ея назначенію при дофинѣ, который ничего не понималъ въ военномъ дѣлѣ; чтобы угодить дофину, маршалъ намѣренно дѣлалъ важныя ошибки.

Въ Нидерландахъ императорскою арміею командовалъ молодой Райнеръ Нассаускій, намѣстникъ Голландіи, Зеландіи и Утрехта. Этотъ принцъ, оказавшій въ это время императору важныя услуги, погибъ въ походѣ 1544. Отъ матери своей, дочери Филиберта Шалонскаго, онъ наслѣдовалъ владѣтельное княжество Оранское, которое по смерти его перешло къ его двоюродному брату, Вильгельму Молчаливому Нассаускому, основателю республики семи Соединенныхъ Провинцій, т. е. нынѣшняго Нидерландскаго королевства. Мартинъ де Россемъ разбилъ Райнера при Гёстретѣ близь Антверпена, и французы опустошили весь Брабантъ и часть Фландріи. Но всѣ выгоды этой побѣды были потеряны, когда герцогъ Орлеанскій, опасаясь, что дофинъ, посланный съ главною арміею противъ Перпиньяна, одержитъ рѣшительную побѣду, честь которой достанется ему одному, покинулъ Нидерланды съ своимъ войскомъ и поспѣшилъ въ Монпелье. Это дало принцу Райнеру возможность снова занять Брабантъ и Люксембургъ и страшно опустошить Юлихъ и Клеве. Впрочемъ въ декабрѣ Вильгельмъ Клеве изгналъ непрія-

теля изъ своей страны. Подъ Перпиньяномъ французамъ не посчастливилось; герцогъ Альба три мѣсяца защищалъ городъ противъ ихъ главной арміи, которая отступила безъ успѣха.

Въ слѣдующемъ году императоръ собралъ большое войско, съ цѣлью наказать герцога Вильгельма Клеве. Кромѣ того оно было предназначено для возстановленія въ Германіи значенія габсбургскаго дома, потрясеннаго протестантами. Императоръ отъ части справедливо приписывалъ всѣ потери Фердинанда въ Венгріи отказу протестантовъ помочь ему и винилъ ихъ въ поступкахъ Вильгельма Клеве, который принадлежалъ къ ихъ союзу. Въ отказѣ ихъ послать депутатовъ на соборъ и признать приговоры имперскаго суда не только въ религіозныхъ, но и въ свѣтскихъ дѣлахъ, онъ видѣлъ признакъ республиканскихъ стремленій и, какъ защитникъ католицизма и союзникъ папы, не могъ оставить безъ наказанія насилія, совершенныя противъ герцога Генриха Брауншвейгскаго, епископа наумбургскаго и другихъ. По снятіи осады Перпиньяна императоръ отправился изъ Испаніи въ Италію съ 4,000 закаленныхъ испанскихъ солдатъ. Въ Италіи къ нему присоединилось 4000 итальянскаго войска. Затѣмъ онъ нанялъ 14,000 ландскнехтовъ въ Германіи, гдѣ за деньги всегда можно было найти солдатъ. Съ этимъ войскомъ Карлъ двинулся сначала къ Бонну, гдѣ расположился лагеремъ. Здѣсь соединился съ нимъ Райнеръ Нассаускій, вслѣдствіе чего императорская армія возрасла до 32,000 пѣхоты и 6,600 конницы. Силы эти могли совершенно раздавить герцога Вильгельма Клеве, хотя онъ успѣлъ оправиться отъ неудачъ предъидущаго года. Грозный Мартинъ де Россемъ собралъ въ началѣ 1543 при помощи французовъ и протестантовъ новое войско и 14 марта на голову разбилъ Филиппа де Круа герцога Аршота, который лишился при этомъ лагеря, обоза и артиллеріи. Но въ сраженіи этомъ пало все рыцарство Юлиха и Клеве, что весьма ослабило армію Вильгельма.

Король Францискъ принялъ въ 1543 лично начальство

надъ нидерландскою арміею; въ ущербъ самому себѣ онъ старался свалить бремя войны на герцога Вильгельма Клеве. По завоеваніи Люксембурга ему слѣдовало бы идти противъ арміи императора. Вмѣсто того онъ осадилъ Ландреси въ Геннегау и простоялъ передъ этою крѣпостью все лѣто. Поэтому Вильгельмъ былъ принужденъ бѣжать въ южный уголъ своихъ владѣній; императорская армія осадила его столицу, Дюренъ-Лангенъ. Городъ, не имѣя возможности сопротивляться, сдался. При взятіи его нѣмцы могли полюбоваться на испанское благочестіе и понять, что ожидаетъ ихъ, если императоръ съ своими испанцами нападетъ на протестантовъ. Чтобы устрашить своихъ противниковъ, императоръ предалъ городъ на грабежъ испанцамъ, оставивъ нѣмецкія войска въ лагерѣ. Испанцы свирѣпствовали систематически и съ страшнымъ фанатизмомъ. Сначала они торжественно перенесли въ духовной процессіи голову св. Анны изъ города въ францисканскій монастырь за городъ, а потомъ принялись грабить, какъ турки и, подобно имъ, безъ разбора изрубили мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Всѣ владѣнія герцога Вильгельма были немедленно заняты, Венлоо осажденъ, а Рюрмонде завоеванъ. Герцогъ отправился лично въ императорскій лагерь, чтобы просить мира. Герцогъ Генрихъ Брауншвейгскій, архіепископъ кёльнскій, Райнеръ Нассаускій и Гранвелла взялись ходатайствовать за него. Тѣмъ не менѣе условія, на которыхъ императоръ примирился съ нимъ 7 сентября 1543 г., были очень тяжки. Вильгельмъ былъ принужденъ прервать союзъ съ Франціей и Даніей, обѣщать вѣрность и послушаніе императору и королю Фердинанду и отказаться отъ всѣхъ притязаній на Гельдернъ. За это ему былъ возвращенъ Юлихъ, кромѣ городовъ Геймсберга и Ситтарда, которые были удержаны императоромъ до окончательнаго рѣшенія дѣла. Въ январѣ 1544, по брюссельскому договору, Гельдернъ былъ навсегда присоединенъ къ испанскимъ Нидерландамъ, а герцогъ получилъ обратно эти два города и нѣкоторые другіе.

Мартинъ де Россемъ поступилъ съ своими войсками на службу императора. Вмѣстѣ съ Гельдерномъ герцогъ Вильгельмъ потерялъ и невѣсту, съ которою король, чтобы лучше обмануть его, уже обручилъ его черезъ представителя (par procuration). Вильгельмъ отправилъ пословъ за невѣстой, которую для виду привезли въ городъ, назначенный для его встрѣчи; но король велѣлъ посланникамъ обратиться къ родителямъ невѣсты, что было явною насмѣшкою, такъ какъ они съ самаго начала противились этому браку.

Въ 1543 Франциску пришлось испытать несчастныя послѣдствія своего союза съ дикими турками. Солиманъ выслалъ наконецъ къ берегамъ Прованса обѣщанный флотъ подъ начальствомъ Хайреддина Барбароссы; Францискъ не постыдился соединить свою эскадру съ турецкимъ флотомъ, который такъ безчеловѣчно опустошилъ берега и острова Италіи и увелъ столько тысячъ христіанъ въ рабство, что весь западъ вознегодовалъ на французскаго короля и на союзника его, султана. Впрочемъ Хайреддинъ не оказалъ французамъ особенныхъ услугъ, потому что хотя союзный флотъ взялъ Ниццу, но не могъ овладѣть ея цитаделью, такъ какъ императорскія войска показались въ Вилла-Франкѣ. Турецкій разбойникъ хозяйничалъ въ Ниццѣ также, какъ и во всѣхъ другихъ городахъ, которыми овладѣвалъ. Онъ прозимовалъ на французскомъ берегу и распоряжался въ странѣ своего союзника такъ, что весной 1544 король долженъ былъ вѣжливо просить его удалиться.

Въ 1544 король двинулъ свои войска преимущественно на Италію; но императоръ составилъ смѣлый планъ предписать ему миръ въ его собственной столицѣ. При этомъ онъ надѣялся на помощь Генриха VIII англійскаго, съ которымъ въ предъидущемъ году снова вошелъ въ тѣсныя сношенія; неудовольствіе его за разводъ Генриха съ его теткою, Катариною, давно разсѣялось, тѣмъ болѣе, что права дочери ея, Маріи, были возстановлены. Когда императоръ началъ заискивать друж-

бы Генриха, послѣдній былъ оскорбленъ вмѣшательствомъ Франциска въ дѣла Шотландіи. Англійскій король считалъ политическія дѣла своими личными и въ это время имѣлъ намѣреніе присоединить къ Англіи Шотландію. Своими разбойничьими вторженіями въ сѣверную Англію и варварскими поступками своихъ рыцарей разбойниковъ, изображенныхъ въ идеальномъ свѣтѣ Вальтеръ-Скоттомъ и ему подобными, шотландцы безпрестанно вызывали возмездіе со стороны англичанъ. Непрерывныя войны шотландскихъ и англійскихъ рыцарей создали въ Шотландіи и на сѣверѣ Англіи обычаи, совершенно подобныя нравамъ кавказскихъ племенъ. Англичане безпрестанно нападали на шотландцевъ и постоянно грозили имъ потерею независимости. Между англичанами и шотландцами установилась взаимная ненависть, повидимому не допускавшая возможности соединить ихъ подъ однимъ скипетромъ. Шотландцы со временъ Эдуарда I искали во Франціи защиты противъ англичанъ. Генрихъ VIII думалъ соединить Англію съ Шотландіей, женивъ своего сына на наслѣдницѣ Шотландіи. Французскіе и англійскіе короли старались скрѣпить семейными союзами свои шаткія политическія отношенія къ Шотландіи. Лудовикъ XI женился на сестрѣ Іакова III, Маргаритѣ, а Іаковъ IV женился на Маргаритѣ, сестрѣ Генриха VIII. Послѣдняя возстановила противъ себя и брата и подданныхъ. По смерти мужа она при помощи французскаго короля овладѣла своимъ несовершеннолѣтнимъ сыномъ Іаковомъ V и, правя его именемъ, вела распутную жизнь. Но когда защитникъ ея, Францискъ I, попалъ при Павіи въ плѣнъ, вліяніе ея брата въ Шотландіи одержало верхъ. Генрихъ VIII соединился съ графомъ Ангусомъ, отнялъ у нея сына и его именемъ управлялъ Шотландіей вмѣстѣ съ Ангусомъ до 1528. Сестра его, вышедшая за мужъ за графа Метвена, была забыта.

Въ 1528 г. Іаковъ V освободился отъ опеки графа Ангуса и принудилъ его бѣжать въ Англію. Онъ былъ болѣе расположенъ къ французскому королю, чѣмъ къ своему дядѣ, королю

англійскому, съ которымъ постоянно ссорился по поводу разбойничьихъ набѣговъ шотландскихъ авантюристовъ (borderers). Однако, имѣя причину не желать разрыва съ Англіей, онъ принялъ роль посредника и на нѣкоторое время успѣлъ водворить между королями дружескія отношенія. Но дружба эта разстроилась въ 1536 по случаю выбора невѣсты для Іакова V, а въ 1537 совершенно прекратилась, когда Іаковъ женился на дочери Франциска. Бракъ Іакова съ прелестною дочерью французскаго короля былъ вскорѣ прерванъ ея смертью. Въ 1538 король женился во второй разъ. Женитьба эта была для Шотландіи источникомъ неисчислимыхъ бѣдствій и главною причиною несчастій и казни дочери Іакова, Маріи Стюартъ. Онъ женился на Маріи, вдовствующей герцогинѣ де Лонгвиль, дочери Клода де Гиза (т. XI. стр. 396). Герцогъ де Гизъ, сынъ его, Францискъ и впослѣдствіи трое внуковъ стояли во Франціи во главѣ іезуитско-папской партіи, т. е. той, которая постановила себѣ задачей искоренить ересь и еретиковъ. Эти стремленія наводили на всѣ страны, гдѣ было много протестантовъ, ужасъ и страхъ; поэтому по смерти Іакова, скончавшагося черезъ нѣсколько дней послѣ рожденія единственной дочери своей, Маріи Стюартъ, вдова его не могла пріобрѣсти довѣрія подданыхъ. Іаковъ V и его жена крѣпко держались католицизма и ненавидѣли англійскаго короля, какъ врага папы. Напротивъ того, большинство шотландцевъ хотя не приняли религію Генриха VIII, но, подобно ему, были противъ папства. Поэтому еще въ 1540 дядя и племянникъ были между собою въ явной враждѣ. Генрихъ предложилъ племяннику свиданіе въ Іоркѣ. Но Іаковъ боялся, что, очутившись во власти дяди, будетъ принужденъ отказаться отъ союза съ Франціей или, по крайней мѣрѣ, отречься отъ католицизма. Вскорѣ онъ въ третій разъ отказался отъ дружескихъ переговоровъ съ англійскимъ королемъ, заставивъ его тщетно прождать себя восемь дней (сентябрь 1541), такъ что Генрихъ VIII со срамомъ вернулся въ Лондонъ. Генрихъ немедленно бы отмстилъ за это оскорбленіе, но боялся вмѣша-

Digitized by Google

тельства французскаго короля. Онъ отправилъ во Францію посланника, чтобы побудить Франциска возобновить союзъ. Французскій король отказался отъ союза, не имѣвшаго для него цѣли; тогда Генрихъ началъ войну съ Шотландіей. Франциск ъ былъ ему неопасенъ, потому что готовился къ войнѣ съ императоромъ. Сначала война производилась разбойническимъ способомъ, бывшимъ въ обычаѣ у шотландцевъ и сѣверныхъ англичанъ; наконецъ въ сентябрѣ 1542 на шотландской границѣ явилось регулярное англійское войско подъ начальствомъ герцога Норфока. Повидимому, этотъ полководецъ не желалъ слишкомъ тѣснить племянника своего короля, потому что позволилъ задержать себя въ Іоркѣ переговорами. Но 21 октября онъ получилъ отъ Генриха строгое предписаніе вступить въ Шотландію. Король Іаковъ двинулся на встрѣчу ему со всѣми силами своего государства; англичане немедленно отступили, и тогда шотландскій король распустилъ ополченіе, удержавъ только 10,000 человѣкъ. 25 ноября 1542 англичане аттаковали шотландцевъ при Сольуэй Моссѣ и одержали побѣду почти безъ боя, потому что шотландцы разбѣжались въ паническомъ страхѣ. Англичане овладѣли обозомъ и 24 пушками, взяли въ плѣнъ двухъ графовъ, пять бароновъ, двѣсти рыцарей и 800 другихъ важныхъ офицеровъ; остальная часть шотландскаго войска разсѣялась. Это пораженіе такъ потрясло короля Іакова V, который давно былъ болѣнъ и страдалъ меланхоліей, что онъ умеръ 14 декабря 1542, семь дней спустя послѣ рожденія своей несчастной дочери, Маріи Стюартъ.

Генрихъ VIII предпочиталъ вѣрное, мирное пріобрѣтеніе Шотландіи невѣрному завоеванію ея, потому что не могъ овладѣть горною частью ея. Онъ старался заключить съ шотландцами договоръ, постановивъ главнымъ условіемъ будущій бракъ только что родившейся принцессы съ наслѣдникомъ англійскаго престола, Эдуардомъ, имѣвшимъ тогда всего пять лѣтъ. Съ этихъ поръ Шотландія раздѣлилась на двѣ партіи. Одна, вож-

Digitized by Google

демъ которой былъ графъ Арранъ, хотѣла немедленно передать престолъ младенцу-королевѣ и старалась пріобрѣсти помощь Англіи; другая поддерживала вдовствующую королеву и ея родныхъ и опиралась на Францію. Пока графъ Арранъ былъ на сторонѣ Генриха, англійская партія одерживала верхъ; въ іюлѣ 1543 былъ заключенъ миръ, при чемъ былъ рѣшенъ будущій бракъ королевы съ сыномъ Генриха. Но дѣятельное содѣйствіе, оказанное противной партіи папою и французами, помогавшими сторонникамъ вдовствующей королевы деньгами и оружіемъ, разстроили замыслы Генриха еще въ томъ же году, и снова началась война. Интриги французовъ, которые поддерживали въ Шотландіи папистовъ, побудили короля Генриха еще въ началѣ 1543 примириться съ императоромъ. 11 февраля государи заключили союзъ, на основаніи котораго былъ составленъ Карломъ V планъ похода 1543 года. Союзный договоръ заключалъ слѣдующія условія: Генрихъ и Карлъ намѣрены принудить Франциска отказаться отъ союза съ турками, уплатить англійскому королю невыплаченныя субсидіи и обезпечить дальнѣйшіе платежи залогомъ. Если Францискъ не исполнитъ этихъ требованій въ теченіе 40 дней, то государи имѣютъ право получить обратно: Карлъ—герцогство бургундское, а Генрихъ—владѣнія своихъ предковъ во Франціи; они будутъ поддерживать свои требованія сильнымъ войскомъ. Въ октябрѣ 1543 г. 6000 англичанъ подъ начальствомъ сэра Джона Уоллопа осадили Ландреси, завоеванный французами. Императоръ, наказавъ герцога Клеве, двинулся со всею своею арміею противъ французовъ, шедшихъ на помощь Ландреси. Въ ноябрѣ ожидали сраженія, въ которомъ будутъ лично участвовать императоръ и король. Но король счелъ благоразумнѣе уклониться отъ рѣшительной битвы и, отступивъ, доставилъ въ городъ подкрѣпленіе и запасы. Англичане и императорская армія не могли воспрепятствовать его отступленію; англичане жарко преслѣдовали непріятеля, но потерпѣли большія потери. Зимою Карлъ послалъ въ Англію вице-короля сицилійскаго, Фердинанда Гон-

зага, который не за долго до того отнялъ у французовъ Люксембургъ. Императоръ поручилъ ему переговорить о планѣ похода; было рѣшено, чтобы союзники шли прямо на Парижъ; императору слѣдовало вступить въ Шампань, а англичанамъ занять Пикардію и соединиться съ императорскимъ войскомъ подъ Парижемъ.

Планъ этотъ былъ задуманъ хорошо тѣмъ болѣе, что Францискъ отправилъ всѣ свои силы въ Италію, гдѣ думалъ завоевать Миланъ. Французы одержали въ 1544 въ Италіи блистательную побѣду, чего имъ давно уже не удавалось; но выгоды, пріобрѣтенныя ею, не соотвѣтствовали славѣ. Въ предыдущемъ году король назначилъ молодаго принца крови графа д'Ангенъ-Бурбона главнокомандующимъ арміи, находившейся въ Дофинэ и Провансѣ, поручивъ ему дѣйствовать наступательно при помощи Хайреддина Барбароссы, командовавшаго флотомъ въ 175 вымпеловъ и значительнымъ войскомъ. Они разрушили Ниццу, но цитадель ея была спасена прибывшимъ на помощь маркизомъ дель-Васто. Когда Барбаросса былъ отозванъ, дель-Васто завоевалъ Мондови и Кариньяно. Тогда Францискъ приказалъ подкрѣпить армію графа д'Ангена. Въ февралѣ 1544 графъ началъ осаду Кариньяно. Въ апрѣлѣ гарнизону, страдавшему отъ голода, предстояла необходимость сдаться; поэтому дель-Васто поспѣшилъ къ нему на помощь изъ Милана. Графъ д'Ангенъ, оставивъ на мѣстѣ наблюдательный корпусъ, двинулся на встрѣчу маркизу и въ Пасху (14 апрѣля) 1544 встрѣтилъ его близъ Черизолы. Во французскихъ исторіяхъ обыкновенно говорится, что армія маркиза простиралась до 25,000 человѣкъ, а силы графа д'Ангена до 18 или 17 тысячь. Но въ запискахъ дю Белле показано, что въ императорскомъ войскѣ было 16,500 человѣкъ, а во французскомъ 17,000. Вначалѣ обѣ стороны дрались храбро, и французы потеряли много людей; но императорская кавалерія въ паническомъ страхѣ ускакала съ поля битвы, покинувъ свою пѣхоту,

которая была изрублена. Однако мы сомнѣваемся, чтобы число убитыхъ простиралось, какъ говорятъ, до 10,000. Во всякомъ случаѣ вся императорская артиллерія и весь обозъ достались во власть побѣдителей, и 700 испанцевъ были взяты въ плѣнъ. Князь Солерно спасся съ итальянскими войсками въ Асти; маркизъ дель-Васто, хотя раненый, также успѣлъ спастись. Обстоятельства не позволили французскому полководцу преслѣдовать непріятеля, потому что многочисленныя толпы французскихъ рыцарей, нахлынувшія къ нему передъ битвой, покинули его послѣ побѣды; притомъ осада Кариньяно задержала его до 22 іюня.

По взятіи этого города французы не могли продолжать своихъ успѣховъ, потому что опасность грозила Франциску съ двухъ сторонъ въ его резиденціи. Онъ отозвалъ изъ итальянской арміи для защиты столицы 6,000 человѣкъ лучшаго французскаго войска и столько же итальянскихъ наемниковъ. Вторженіе Карла V и Генриха VIII поставило Франциска въ затруднительное положеніе главнымъ образомъ потому, что при его дворѣ всѣмъ управляли придворные и любовницы, милости и связи открывали путь къ должностямъ, а истинныя достоинства не замѣчались. Вмѣсто того, чтобы выставить противъ императора, который намѣревался идти чрезъ Шалонъ на Парижъ, способнаго генерала, командованіе поручили неопытнымъ принцамъ и маршалу д'Аннбо, который уже столько разъ доказывалъ свою бездарность. Люди, надѣлавшіе въ процессѣ адмирала де Шабо непріятностей коннетаблю де Монморанси, продолжали держать его въ тѣни. Францискъ де Гизъ, прославившійся впослѣдствіи безсмертной защитой Меца противъ Карла V, находился при дворѣ, но служилъ не генераломъ, а государственнымъ совѣтникомъ. Къ счастью союзники не думали о достиженіи общей цѣли, и, напротивъ того, каждый изъ нихъ опасался, какъ бы не помочь другому своими силами. Карлъ взялъ уже Люксембургъ и Линьи и находился на пути къ Шалону, тогда какъ Генрихъ все еще не высаживалъ своего войска. За то Карлъ далъ французамъ

Digitized by Google

время призвать къ Парижу отряды изъ Пьэмонта; при защитѣ мелкихъ укрѣпленій французы доказали свой патріотизмъ и военные таланты, которыхъ разумѣется никто не станетъ отрицать въ нихъ. Вмѣсто того, чтобы идти изъ Шалона прямо къ Парижу, Карлъ осадилъ С-тъ Дизіе и далъ французамъ случай выказать при осадѣ этого слабаго укрѣпленія свой героизмъ и военныя способности въ шестинедѣльной защитѣ его противъ всей императорской арміи, которая понесла большой уронъ. Въ этомъ походѣ императора сопровождалъ одинъ нѣмецкій государь, бывшій давно другомъ его брата и уже доказавшій свои воинскія достоинства. То былъ герцогъ Морицъ Саксонскій, недовольный своимъ ближайшимъ родственникомъ курфирстомъ Саксонскимъ и его слѣпымъ повиновеніемъ Лютеру. Весьма вѣроятно, что Карлъ составилъ съ нимъ въ это время планъ того, что было выполнено два года спустя. Подъ С-тъ Дизіе палъ Райнеръ Нассаускій, оставивъ обширныя владѣнія и помѣстья своему двоюродному брату, девятилѣтнему Вильгельму Молчаливому. Это наслѣдство дало впослѣдствіи Вильгельму возможность такъ долго бороться съ Филиппомъ II за свободу Нидерландовъ.

С-тъ Дизіе еще не былъ взятъ, когда начались мирные переговоры, сначала между французскими и императорскими уполномоченными, а потомъ между французскими и англійскими. Но они кончились ничѣмъ. Тогда императоръ двинулся на Шалонъ. Въ іюнѣ 1544 Генрихъ VIII высадился наконецъ въ Кале. Императоръ присоединилъ къ англичанамъ 15 тысячное войско, пришедшее изъ Нидерландовъ подъ начальствомъ графовъ фонъ Бюрена и де Рё. Силы англичанъ простирались до 30,000 ч.; говорятъ, за вѣрность чего мы впрочемъ не ручаемся, что соединенныя силы обѣихъ армій подъ Парижемъ имѣли бы 80,000 пѣхоты и 24,000 конницы. Но планъ этотъ не осуществился. Генрихъ хотѣлъ прежде всего овладѣть городами, которые, по условію съ Карломъ, должны были служить залогомъ уплаты

французами долга. На этомъ основаніи Генрихъ началъ въ іюлѣ осаду Булони и Монрейля. Императорское вспомогательное войско сперва вяло помогало ему, а потомъ было отозвано. Вслѣдствіе этого союзники охладѣли другъ къ другу. Императоръ былъ вдвойнѣ недоволенъ поступками англичанъ, такъ какъ, полагаясь на нихъ, онъ неосторожно обошелъ Шалонъ и расположился на правомъ берегу Марны. Его посланники одинадцать дней сряду убѣждали Генриха соединиться съ императоромъ; но усилія ихъ были тщетны, и Карлъ, почти дойдя до Парижа, долженъ былъ считать себя счастливымъ, что французы не знали о его положеніи. Силы французовъ прибывали съ каждымъ днемъ, тогда какъ императорскія войска, постепенно убывая, уже начинали ощущать недостатокъ въ продовольствіи; они дошли бы до крайности, если бы комендантъ Эперна не предалъ имъ измѣной свои магазины.

Самъ король и герцогъ де Гизъ находились въ Парижѣ, гдѣ господствовало полное отчаяніе. Принцы и любовницы короля, изъ которыхъ одна перешла къ дофину, принимали участіе въ управленіи и съ своими приверженцами продолжали свои жалкія интриги. Записки того времени наполнены разсказами о проискахъ любовницъ, принцевъ и вельможъ. Но мы не придаемъ этимъ разсказамъ такой важности, какъ французскіе писатели, однако для примѣру приведемъ нѣкоторыя черты. Разсказываютъ между прочимъ, что герцогиня д'Этанпъ, покровительствовавшая второму принцу, герцогу Орлеанскому, желая насолить Діанѣ де Пуатье, совершенно завладѣвшей дофиномъ, старалась привлечь непріятеля поближе къ Парижу, чтобы побудить короля заключить миръ. Съ этою цѣлью она постаралась, чтобы приказаніе сжечь эпернэйскій мостъ не было исполнено и чтобы непріятель могъ овладѣть Шато-Тьери, находящимся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Парижа и заключавшимъ значительные запасы. Чтобы угодить ей, Николя де Лонгваль сеньёръ де Боссю подкупилъ коменданта Шато-Тьери. Въ тѣхъ же запискахъ повѣтствуется о

Діанѣ де Пуатье, будто она, желая доставить дофину славу спасителя Парижа, старалась выхлопотать возвращеніе ко двору коннетабля, но король не согласился на это. Герцогиня д'Этампъ хотѣла доставить при заключеніи мира герцогу Орлеанскому Миланъ, такъ какъ императоръ неоднократно обѣщалъ передать его младшему французскому принцу, чтобы онъ не могъ присоединить его къ Франціи. Съ этою цѣлью герцогъ имѣлъ съ императоромъ личное свиданье въ Крепи, и Карлъ обѣщалъ отдать ему или дочь свою, Марію, и Нидерланды, или вторую дочь Фердинанда, Анну и герцогство миланское. Мемуары, богатые анекдотами, приписываютъ даже начало мирныхъ переговоровъ проискамъ женщинъ и духовниковъ. Говорятъ, что французская королева Элеонора, сестра императора, первая получила отъ него мирныя предложенія черезъ своего духовника, доминиканца, которому они были сообщены другимъ доминиканцемъ, по порученію императорскаго духовника, принадлежавшаго къ тому же ордену. Королева, будто бы, желала, чтобы прелиминаріи были заключены въ Ла-Шоссе, между Шалономъ и Витри, и чтобы для виду пригласили короля Генриха въ Крепи на переговоры о мирѣ. Но Генрихъ не принялъ этого предложенія, и переговоры шли помимо него. Благодаря стараніямъ герцогини д'Этампъ и къ досадѣ дофина, былъ заключенъ между 9 и 18 октября 1544 крепійскій миръ. Миръ этотъ состоялся вполнѣ въ пользу императора, потому что кромѣ брака герцога Орлеанскаго, въ высшей степени сомнительнаго, все должно было остаться по прежнему. Другими словами, чтобы выиграть время, императоръ долженъ былъ пожертвовать герцогомъ Савойскимъ и согласиться, чтобы города Савойи и Пьэмонта, завоеванные французами, оставались въ ихъ власти до бракосочетанія герцога Орлеанскаго. Императоръ утвердилъ договоръ немедленно по прибытіи въ Брюссель любимца герцогини д'Этампъ и герцога Орлеанскаго, маршала д'Анбо; въ тоже время Карлъ объявилъ, что герцогъ получитъ руку его племянницы и герцогство ми-

Digitized by Google

ланское: 2 декабря дофинъ публично протестовалъ противъ мира; другой протестъ былъ поданъ 22 января 1545 отъ генералъ адвоката и генералъ прокурора тулузскаго парламента. Герцогъ Орлеанскій умеръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, и такимъ образомъ императору удалось отдѣлаться отъ своихъ обязательствъ болѣе приличнымъ образомъ, чѣмъ онъ могъ думать.

Между тѣмъ Генрихъ VIII взялъ Булонь. Онъ продолжалъ войну и въ 1545. Въ этомъ году французскій флотъ явился у англійскихъ береговъ и загналъ англійскій въ гавани. Но ни въ этомъ, ни въ слѣдующемъ году не произошло ничего замѣчательнаго. Въ маѣ 1546 королямъ надоѣла война, и послѣ короткаго перемирія 17 іюня былъ заключенъ миръ. Въ условіяхъ было постановлено, что Генрихъ получитъ обѣщанныя ему въ 1523 деньги и недоимку, всего на сумму 512,022 дукатовъ (crowns), а чрезъ восемъ лѣтъ еще 2 милльона за недоимки и на содержаніе крѣпостныхъ сооруженій Булони; по уплатѣ этой суммы Булонь возвратится къ Франціи.

16. Германія въ 1542—1546 гг.

Заключивъ миръ съ Франціей, Карлъ V сталъ думать о возстановленіи утраченнаго значенія австрійскаго дома и объ отмщеніи Іоанну Фридриху Саксонскому и Филиппу Гессенскому. Но при этомъ онъ дѣйствовалъ осмотрительно и неторопливо. Чтобы обезпечить себѣ содѣйствіе нѣмецкихъ государей противъ притязаній вождей Шмалькальденскаго союза, онъ втайнѣ поддерживалъ священную лигу, которую офиціально не признавалъ. Онъ склонилъ папу пожертвовать деньги на военныя приготовленія. По требованію протестантовъ онъ позволилъ вести религіозныя пренія, которыя доказали только, что этимъ путемъ нельзя ничего сдѣлать. Императоръ всегда желалъ рѣшить религіозную распрю на соборѣ и уговаривалъ папу согласиться соз-

вать соборъ въ нѣмецкій городъ. Папа, уже назначившій соборъ въ Тридентъ, отмѣнилъ это распоряженіе; но по настоянію императора снова созвалъ его въ тотъ же городъ; впрочемъ по счастью онъ разсорился съ Карломъ и снова отмѣнилъ соборъ. Императоръ не безъ причины жаловался на протестантовъ, говоря, что они уничтожаютъ государственное устройство имперіи, ничѣмъ не замѣняя его; что они не хотятъ знать имперской юстиціи и прибѣгаютъ къ насилію противъ существующаго порядка, какъ было въ ссорѣ ихъ съ герцогомъ Генрихомъ Брауншвейгскимъ, епископомъ наумбургскимъ Юліемъ Пфлугомъ, въ защиту котораго императоръ издалъ строгія повелѣнія, и въ дѣлахъ Магдебурга и Мерзебурга. Онъ справедливо упрекалъ протестантовъ, что союзъ ихъ былъ причиною занятія турками всей Венгріи, и что король Францискъ въ войнахъ съ Карломъ, которыя впрочемъ большею частью были чужды интересамъ имперіи, всегда находитъ союзниковъ въ Германіи. Въ послѣднее время нѣмцы, правда, изъявляли намѣреніе помочь императору и его брату противъ французовъ и турокъ. Ихъ рѣчи, манифесты и декреты были вполнѣ вѣрноподданны; но своими поступками въ войнахъ съ французами и турками, они доказали, что Германія лишится всякаго значенія и могущества, если власть императора не возстановится.

Что касается турокъ, то въ 1543 они вновь грозили изъ Венгріи Вѣнѣ; тогда на сеймѣ въ Шпейерѣ было рѣшено выставить значительное войско. Но армія была сильна только на бумагѣ, и притомъ религіозныя несогласія лишили ее способнаго главнокомандующаго, потому что католики отвергали тѣхъ, кого предлагали протестанты и наоборотъ. Наконецъ избрали курфирста Іоахима II Бранденбургскаго; но курфирстъ самъ сознавался, что совершенно неспособенъ командовать войскомъ, и долго отказывался принять порученіе. Власть его была ограничена и въ помощь ему былъ назначенъ совѣтъ изъ 10 лицъ, избранныхъ имперскими округами, помимо котораго онъ не могъ

ничего дѣлать. Іоахимъ отправился сперва въ Бранденбургъ и когда наконецъ прибылъ въ Вѣну, то не нашелъ никакихъ войскъ, кромѣ выставленныхъ имъ самимъ. При томъ не было ни денегъ, ни продовольствія. Поэтому армія Іоахима не могла овладѣть Пестомъ и была принуждена, снявъ осаду, возвратиться въ бѣдственномъ положеніи въ Вѣну. По поводу военныхъ дѣйствій противъ французовъ въ первыхъ мѣсяцахъ 1544 происходилъ въ Шпейерѣ блистательный сеймъ, какого уже давно не бывало; здѣсь наконецъ присутствовалъ и курфирстъ Саксонскій; хотя сеймъ опредѣлилъ помочь императору, но назначилъ столь ничтожныя субсидіи и вспомогательное войско, что нельзя было предполагать въ чинахъ серіознаго намѣренія помогать императору. Ему обѣщали денегъ на содержаніе 4,000 кавалеріи и 20,000 пѣхоты, но только на 6 мѣсяцевъ и съ страннымъ условіемъ, чтобы онъ послалъ часть этого войска своему брату противъ турокъ. Условіе это было исполнено.

Предполагалось разрѣшить религіозныя неудовольствія преніями и соборомъ; но дѣла приняли такой оборотъ, что несогласіе можно было окончить только оружіемъ. Курфирстъ Саксонскій также ясно понималъ это, какъ и императоръ, потому что, подобно Карлу, не соглашался ни на какія сдѣлки. Но императоръ былъ умнѣе его. Онъ завелъ всюду сношенія и связи и побуждалъ папу дать ему войско и субсидіи; курфирстъ же слѣпо повиновался богословскимъ совѣтамъ Лютера. Лютеръ ни за что не хотѣлъ, чтобы курфирстъ начиналъ военныя приготовленія, хотя въ началѣ 1545 самъ издалъ трактатъ по поводу письма папы Павла III къ императору, которое конечно не отличалось христіанскимъ смиреніемъ. Этотъ трактатъ, носившій заглавіе „противъ римскаго папства, учрежденнаго дьяволомъ“, въ высшей степени взбѣсилъ императора и католиковъ. Ландграфъ Филиппъ не раздѣлялъ мнѣній Лютера. Но Лютеръ уже давно подозрѣвалъ его, вслѣдствіе отношеній его къ Бусеру, въ отступленіи отъ своего правовѣрія; въ томъ же году

Digitized by Google

Лютеръ оскорбилъ ландграфа и послѣдователей Цвингли и Кальвина также, какъ и папистовъ. Онъ написалъ противъ нихъ: „Краткое исповѣданіе святаго таинства причащенія“, въ которомъ запальчиво нападалъ не только на Цвингли и Кальвина, но и на Бусера и Меланхтона за то, что они дѣйствовали слишкомъ слабо въ спорѣ о причащеніи.

Императору невозможно было останаться долѣе равнодушнымъ къ успѣхамъ протестантизма. Въ 1545 ему пришлось рѣшительно противодѣйствовать имъ, потому что въ это время курфирстъ Фридрихъ II Пфалцскій, наслѣдовавшій брату своему, Лудвигу, и старый архіепископъ кёльнскій, уже давно собиравшійся произвести реформу въ своихъ владѣніяхъ, приступили дѣятельно къ реформаціи. Даже другъ императора и его брата, Морицъ Саксонскій, хотя былъ съ ними въ заговорѣ противъ Іоанна Фридриха, распорядился, не смотря на уваженіе свое къ императору, епископстномъ мерзебургскимъ, какъ своею собственностью, обративъ его въ снѣтское княжество въ пользу своего восьмилѣтняго брата, Августа. Архіепископомъ кёльнскимъ былъ съ 1525 года Германъ фонъ Видъ. Онъ еще въ 1536 пытался преобразовать духовенство своей эпархіи. Мы не знаемъ, что побудило его къ этому. Впрочемъ онъ былъ добрый старикъ, хотя библію зналъ очень плохо, такъ что даже друзья его говорили о немъ, что онъ едва ли читалъ обѣдню три раза въ жизни. Регенсбургскій сеймъ 1541 года не только дозволилъ, но даже приказалъ епископамъ преобразовывать свои эпархіи. Германъ выполнялъ эту обязанность добросовѣстнѣе, чѣмъ сосѣдъ его, архіепископъ трирскій. По случаю предстоявшей реформы онъ вступилъ въ сношенія съ протестантскими государями и ихъ богословами, восемь дней разсуждалъ съ Бусеромъ, котораго пригласилъ къ себѣ, и въ мартѣ 1543 созвалъ въ Боннъ большой ландтагъ. Соборный капитулъ и все духовенство не хотѣли и слышать о реформахъ; но другіе чины, графы, рыцарство и города поддерживали архіепископа въ ис-

полненіи его намѣренія. За тѣмъ Германнъ обратился къ Филиппу Гессенскому и Іоанну Фридриху Саксонскому, и первый послалъ къ нему своего Писторіуса, а второй робкаго Меланхтона; имъ и Бусеру было поручено составить планъ преобразованій, который архіепископъ намѣревался представить на разсмотрѣніе ландтагу въ іюнѣ 1543. Меланхтонъ, наслѣдовавшій отъ своего дяди Рейхлина дипломатическія замашки, былъ не въ духѣ съ самаго начала. Онъ жаловался въ письмахъ своихъ на то, что высокіе покровители его принудили его заняться кёльнскими дѣлами. Государи и Лютеръ хотѣли, чтобы въ Кёльнѣ все оставалось по старому. Соборный капитулъ, магистратъ, духовенство и университетъ протестовали противъ архіепископа, рыцарства и народа и призвали наконецъ на помощь императора и папу, за что Филиппъ сталъ по своему угрожать имъ.

Въ такихъ обстоятельствахъ понятно и извинительно, что Карлъ включилъ въ крепійскій договоръ одинъ параграфъ, по которому онъ и французскій король обязывались дѣйствовать въ пользу единства церкви и искорененія ереси. Такимъ образомъ Карлъ и Францискъ соединились для истребленія послѣдователей евангелическаго ученія, которое французскій король уже давно преслѣдовалъ съ ожесточеніемъ. Въ тоже время папа въ третій разъ назначилъ соборъ въ Тридентѣ къ марту 1545. Императоръ назначилъ къ январю 1545 сеймъ въ Вормсѣ; изъ многочисленныхъ писемъ и сочиненій того времени видно, что большинство приписывало этотъ поступокъ со стороны Карла не желанію сдѣлать шагъ къ примиренію, какъ онъ увѣрялъ, а намѣренію пріобрѣсти поводъ начать религіозную войну. Подагра помѣшала Карлу пріѣхать даже въ мартѣ, такъ что онъ наконецъ поручилъ открыть сеймъ своему брату. Дурнымъ признакомъ было то, что передъ этимъ папа издалъ посланіе къ Фердинанду, въ которомъ уговаривалъ его не поднимать на сеймѣ религіозныхъ вопросовъ, а Фердинандъ, напротивъ, сказалъ при открытіи сейма, что главнымъ предметомъ совѣщаній сейма будетъ

Digitized by Google

вопросъ объ огражденіи религіи, права, справедливости и мира. Сеймъ длился нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ протестанты не хотѣли подчиняться папскому собору; Карлъ же и совѣтники его были слишкомъ умны, чтобы начать войну въ угоду папѣ и попамъ. Императоръ хлопоталъ о возстановленіи, во что бы то ни стало, императорской власти, а не объ интересахъ духовенства; цѣлью ихъ, говоря нынѣшнимъ языкомъ, было торжество монархическаго принципа надъ анархіею князей и городовъ.

Въ маѣ императоръ прибылъ въ Вормсъ. Отношенія его къ протестантамъ ясно показывали, что онъ также мало думаетъ угождать папѣ и возстановлять прежнія злоупотребленія, какъ и терпѣть притязанія Шмалькальденскаго союза. Протестанты оскорбили императора, отказавшись, не смотря на всѣ его старанія, признать папскій соборъ; но, какъ государственный человѣкъ, онъ вѣроятно понималъ, что они не могли сдѣлать этого, если не хотѣли предаться въ руки папѣ. Онъ хотѣлъ попытатся склонить ихъ на примиреніе подъ личнымъ руководствомъ его. Поэтому онъ назначилъ въ первыхъ мѣсяцахъ слѣдующаго года сеймъ въ Регенсбургѣ, гдѣ въ присутствіи его самого должна была происходить мирная бесѣда германскихъ богослововъ, съ цѣлью прекратить полюбовно вражду религіозныхъ партій. Но еще въ 1545 многія мѣры императора доказывали, что онъ уже рѣшился заявить притязанія на древнія права императоровъ надъ государями. Было также извѣстно всѣмъ, что онъ принялъ предложеніе папы, сдѣланное ему черезъ сына Павла, Фарнезе. Папа предлагалъ дать императору 10 тысячь хорошаго войска и принять на себя часть расходовъ, если Карлъ намѣренъ силою подавить ересь и еретиковъ.

Нѣкоторыя правительственныя распоряженія Карла, относящіяся къ этому времени, показываютъ, что онъ задумалъ вскорѣ начать дѣйствовать противъ анархіи огнемъ и мечемъ. Къ числу такихъ распоряженій прежде всего принадлежитъ его рѣшеніе по наумбургскому дѣлу (стр. 183); еще въ предъидущихъ

Digitized by Google

годахъ Карлъ издалъ весьма строгія повелѣнія въ пользу Юлія Пфлуга и противъ курфирста Саксонскаго, противъ Амсдорфа, которому курфирстъ покровительствовалъ, и противъ наумбургскихъ нововведеній. На регенсбургскомъ сеймѣ онъ намѣревался отдать епископство Наумбургъ Юлію Пфлугу въ ленъ, и посланникъ курфирста съ трудомъ отклонилъ его отъ этого намѣренія. Не обращая вниманія на возраженія протестантовъ, Карлъ началъ процессъ противъ курфирста Кёльнскаго, признаннаго основательными жалобы соборнаго капитула и поручилъ капитулу противодѣйствовать распространенію ереси, поощряемой курфирстомъ и объявить Германну, что его низложитъ или императоръ или папа. Карлъ поступалъ съ курфирстомъ по солдатски, такъ какъ Кёльнъ недалекъ отъ Нидерландовъ, гдѣ императоръ уже собралъ корпусъ войска. Во время поѣздки своей въ Нидерланды онъ увѣдомилъ курфирста, что если, чего слѣдуетъ ожидать, папа лишитъ его духовнаго сана, то и онъ не замедлитъ низложить его, не смотря на государственные законы имперіи и золотую буллу. Произволъ императора дошелъ до того, что онъ намѣревался судить имперскаго государя и курфирста въ Брюсселѣ, т. е. внѣ предѣловъ имперіи.

Въ тоже время императоръ противъ своей воли долженъ былъ преслѣдовать имперскимъ судомъ другого нѣмецкаго государя и, чтобъ поддержать свое достоинство, приказалъ взять его подъ арестъ. То были герцогъ Генрихъ Младшій Брауншвейгскій; Карлъ поручилъ наказать его протестантамъ. Его владѣнія были заняты ландграфомъ Филиппомъ и курфирстомъ Іоанномъ Фридрихомъ, которые помогли протестантскимъ городамъ герцогства защитить свои права. Герцогъ началъ противъ нихъ процессъ, такъ какъ они оспаривали даже право его засѣдать на сеймѣ; однако въ этомъ случаѣ императоръ защитилъ его. Послѣ долгихъ споровъ императоръ рѣшилъ наконецъ въ 1545 въ Ворисѣ, что брауншвейгскія владѣнія должны быть отданы ему для передачи подъ извѣстными условіями назначеннымъ имъ го-

сударямъ, которые будутъ держать ихъ подъ секвестромъ до совершеннаго приведенія дѣла въ порядокъ. По этому дѣлу были написаны такъ называемыя вормскія условія, которыя императоръ послалъ герцогу, требуя принять ихъ. Герцогъ, часто обращавшійся прежде подъ покровительство императора и сопровождавшій его въ послѣднемъ походѣ во Францію, пришелъ въ страшное бѣшенство и обратился къ французскому королю. Францискъ далъ ему небольшую сумму для найма въ Германіи солдатъ противъ короля Генриха VIII. Но герцогъ навербовалъ на французскія деньги войско для самого себя, съ цѣлью возвратить себѣ свои владѣнія. Собравъ 8,000 ландскнехтовъ и 1,500 рейтаровъ, онъ неожиданно вступилъ въ Гадельнъ, во владѣніяхъ брата своего, архіепископа бременскаго и верденскаго, безчинствовалъ тамъ два мѣсяца (сентябрь и октябрь) и осадилъ Вольфенбюттель. Но граждане этого города оказали энергическое сопротивленіе и дали время ландграфу Филиппу собрать противъ Генриха войско. Императоръ, разгнѣванный такимъ нарушеніемъ земскаго мира, серіозно грозилъ герцогу опалой и одобрилъ походъ Морица Саксонскаго на помощь своему тестю, ландграфу Филиппу, противъ безпутнаго брауншвейгца. Морицъ, слѣдуя желанію императора, старался примирить Филиппа съ Генрихомъ; но старанія его были тщетны, потому что герцогъ ни на что не соглашался. 21 октября Генрихъ былъ разбитъ, покинутъ своими солдатами, которымъ не могъ платить, и взятъ въ плѣнъ. Филиппъ увезъ его и сына его, Карла Виктора, въ Гессенъ. Онъ принялъ ихъ очень благородно и вѣжливо, но требовалъ, чтобы императоръ объявилъ герцога опальнымъ. Императоръ велѣлъ передать ему на словахъ, что нѣтъ надобности наказывать плѣннаго и что съ нимъ должно обращаться мягко. Въ это время императоръ окончательно возненавидѣлъ ландграфа, который помогалъ кельнскимъ реформамъ курфирста Германна и, имѣя сношенія съ нѣкоторыми майнцскими канониками, хотѣлъ воспользоваться послѣдовавшею въ это

время смертью курфирста Альбрехта, чтобы секуляризовать архіепископство въ пользу своего сына. Однако вскорѣ Филиппъ отказался отъ этого намѣренія, понявъ невозможность осуществить его; при содѣйствіи курфирста Пфальцскаго онъ успѣлъ доставить майнцскій престолъ Себастіану Гейзенштамму, который обѣщалъ произвести реформу въ майнцскихъ владѣніяхъ, но, какъ попъ, конечно не подумалъ сдержать слово.

Регенсбургскій религіозный диспутъ 1546 кончился ничѣмъ, что императоръ предвидѣлъ заранѣе. Но къ своему ужасу нѣмцы увидѣли при этомъ случаѣ страшный примѣръ папистскаго фанатизма. Карлъ привезъ въ Регенсбургъ на диспутъ испанца схоластика Мальвенду, который въ высшей степени возненавидѣлъ своего просвѣщеннаго и ученаго земляка, Хуана Діаса. Діасъ познакомился съ евангелическимъ ученіемъ въ Женевѣ и энергически отстаивалъ его въ Регенсбургѣ. Мальвенда и испанскій духовникъ императора, рѣшились сжить со свѣта этого закоснѣлаго еретика. Они вызвали въ Германію брата Діаса, Альфонса, служившаго въ Римѣ адвокатомъ. Альфонсъ заманилъ брата въ Нейбургъ и велѣлъ двумъ бандитамъ убить его при себѣ. Послѣ того Альфонсъ и убійцы бѣжали въ Инспрукъ къ Фердинанду. Пфальцграфъ Оттонъ Генрихъ и имперскій верховный судья, курфирстъ Фридрихъ, потребовали, чтобы императоръ выдалъ ихъ. Но онъ холодно отвѣчалъ имъ, что не можетъ вмѣшиваться въ дѣла брата. Исторія эта была бы невѣроятна, если бы ее не подтверждали Слейданусъ и Зеккендорфъ. Мы упоминули о ней главнымъ образомъ потому, что одинъ изъ историковъ-софистовъ, которыхъ такъ много въ наше время, человѣкъ болѣе безчувственный и презрѣнный, чѣмъ Карлъ V, хотя и протестантъ, облекаетъ ее своимъ софистическимъ покровомъ.

Digitized by Google

17. Шмалькальденская война.

Еще до безплоднаго регенсбургскаго диспута, во время общаго собранія шмалькальденскихъ союзниковъ во Франкфуртѣ, оказалось, что у нихъ нѣтъ единодушія, что они неготовы къ войнѣ и что необходимо отнять начальство у курфирста Саксонскаго, если не хотятъ, чтобы все погибло вслѣдствіе его физической и умственной неспособности. Протестанты не съумѣли даже предупредить паденіе стараго Германна Кёльнскаго; на вопросы ихъ по этому поводу императоръ далъ имъ отвѣтъ такого рода, что слѣдовало ожидать войны.

Начавъ приготовленія къ войнѣ, императоръ назначилъ сеймъ въ Регенсбургѣ. Онъ отправился туда лично и на пути имѣлъ свиданіе съ ландграфомъ Филиппомъ. Карлъ употребилъ всѣ усилія, чтобы склонить Филиппа и курфирста прибыть на сеймъ. Они не соглашались, а Филиппъ даже на личныя просьбы императора отвѣтилъ ему коротко — „нѣтъ". Это упорство и отказъ протестантовъ принять участіе въ Тридентскомъ соборѣ, который папа открылъ въ началѣ года безъ нихъ, побудили императора поспѣшить войной. Съ этою цѣлью онъ вооружилъ три арміи: одна должна была вторгнуться въ Баварію изъ Италіи, другая изъ Богеміи въ Саксонію, а третья дѣйствовать на Рейнѣ. Договоръ императора съ папой, пункты котораго до сихъ поръ вполнѣ неизвѣстны, былъ уже давно заключенъ. Онъ былъ подписанъ обѣими сторонами только въ концѣ іюня, тогда какъ война должна была начаться въ первыхъ числахъ того же мѣсяца. Папа обязался дать кромѣ 100,000 дукатовъ, которые уже послалъ въ Венецію для войны противъ нѣмецкихъ еретиковъ, еще столько же, выставить 10,000 войска и разрѣшить налогъ на испанское духовенство.

Слова, которыми императоръ открылъ 5 іюня сеймъ, и рѣзкіе отзывы о государяхъ его канцлера въ рѣчи къ городскимъ де-

Digitized by Google

путатамъ можно было уже принять за объявленіе войны тѣмъ болѣе, что въ тоже время графъ Максимиліанъ фонъ Бюренъ получилъ приказаніе вступить изъ Нидерландовъ въ Германію; кромѣ того императоръ просилъ папу чрезъ епископа Мадруцци поспѣшить присылкою своихъ войскъ. Наконецъ 16 іюня робкіе протестанты, неготовые къ войнѣ и несогласные между собою, спросили императора о цѣли его военныхъ приготовленій; онъ отвѣчалъ имъ, что, хотя по прежнему желаетъ сохранить миръ, но намѣренъ поступить по справедливости съ непокорными и чуждающимися его милостей и показать имъ всю свою власть. На другой день въ циркулярѣ къ имперскимъ городамъ, принадлежавшимъ къ Шмалькальденскому союзу, особенно къ Страсбургу, Аугсбургу и Ульму, императоръ выразился еще опредѣленнѣе. Онъ писалъ, „что у него все готово, чтобы силою усмирить нѣкоторыхъ нарушителей общаго мира и права и наказать нѣкоторыхъ государей, желающихъ подъ предлогомъ религіи подчинить себѣ всѣ прочіе чины имперіи, захвативъ ихъ владѣнія, и даже посягающихъ на императорское величество и власть“. То же самое говорилъ и писалъ Гранвелла. Императорское правительство писало герцогу Ульриху Виртембергскому и старалось отклонить Швейцарскій союзъ отъ намѣренія помочь нѣмецкимъ мятежникамъ.

Вскорѣ началась шмалькальденская война. Лютеръ не дожилъ до начала ея: онъ умеръ въ февралѣ 1546. Въ крестовомъ походѣ императора и папы не принялъ участія никто изъ католическихъ имперскихъ чиновъ, но за то протестанты, маркграфы, Іоаннъ и Альбрехтъ Бранденбургскіе, перешли на сторону императора и поступили къ нему на службу, а герцогъ Морицъ Саксонскій давно спекулировалъ на курфиршеское достоинство своего двоюроднаго брата, Іоанна Фридриха. Папа былъ для императора весьма непріятнымъ союзникомъ, что впослѣдствіи принесло протестантамъ пользу. Онъ взбѣсилъ Карла своей крестовой буллой, въ которой восклицалъ: бей на смерть;

между тѣмъ какъ Карлъ и не помышлялъ воевать изъ за религіи. Еще въ предъидущемъ году, когда папа требовалъ герцогство Парму и Піаченцу для своего побочнаго сына, Піетро Алоизіо Фарнезе, императоръ объявилъ, что не можетъ раздавать имперскія права и имущества. Но папа, не удовольствовавшись этимъ, буллой 26 августа 1545 далъ своему сыну титулъ герцога Пармскаго и Піаченцскаго и ввелъ его во владѣніе этой страной.

Папа обнародовалъ свой договоръ съ императоромъ объ искорененіи еретиковъ 13 іюля. Но еще до этого протестанты съ поразительной быстротой собрали двѣ арміи: одну на Дунаѣ и Лехѣ, другую въ Гессенѣ и Саксоніи. Въ первой арміи было два превосходныхъ полководца: аугсбургскій градоначальникъ Себастіанъ Шертлинъ фонъ Буртенбахъ, предводительствовавшій войсками оберландскихъ городовъ Шмалькальденскаго союза, и Гансъ фонъ Гейдекъ, командовавшій виртембергскимъ контингентомъ. Шертлинъ, оставившій свою автобіографію, считался однимъ изъ лучшихъ и знаменитѣйшихъ полководцевъ своего времени. Онъ оказалъ императору важную услугу въ 1532 при отступленіи Солимана и въ 1544 въ войнѣ противъ французовъ. Поэтому Карлъ старался привлечь его въ свою службу, обѣщавъ ему разныя выгоды; но Шертлинъ не согласился. Также тщетно предлагалъ императоръ фельдмаршальское достоинство виртембергскому генералу фонъ Гейдеку. Шертлинъ и фонъ Гейдекъ хотѣли аттаковать императора въ концѣ іюля, какъ только курфирстъ Саксонскій и ландграфъ Гессенскій собрали 18,000 пѣхоты и 9,000 кавалеріи, т. е. прежде чѣмъ богемскій и нидерландскій корпуса арміи императора успѣли соединиться. Императоръ очутился дѣйствительно въ немалой опасности, когда двѣ арміи, одна подъ предводительствомъ Филиппа Гессенскаго и Іоанна Фридриха Саксонскаго, другая подъ командой Шертлина и фонъ Гейдека, двинулись на него прежде, чѣмъ онъ ожидалъ. Но, какъ говоритъ Шертлинъ, Швабскій

союзный совѣтъ, которому онъ былъ подчиненъ, мѣшалъ каждому смѣлому предпріятію его своими юридическими возраженіями. Филиппъ и Іоаннъ Фридрихъ ссорились. Такимъ образомъ вожди протестантовъ постоянно препятствовали предпріятіямъ другъ друга.

Въ Регенсбургѣ у Карла было всего нѣсколько тысячь войска, когда 4 августа войска Шертлина и фонъ Гейдека соединились при Донаувертѣ съ арміею курфирста и ландграфа, вслѣдствіе чего силы шмалькальденцовъ возрасли до 50,000 человѣкъ. Если бы войско это поспѣшило аттаковать Регенсбургъ, то была бы исправлена ошибка Швабскаго союзнаго совѣта, помѣшавшаго плану Шертлина, который бы поставилъ императора въ весьма затруднительное положеніе. Получивъ извѣстіе, что императорско-папское войско имѣетъ намѣреніе ворваться въ Германію изъ Италіи, Шерлинъ совѣтовалъ занять альпійскіе проходы, чтобы аттаковать непріятеля; аугсбургцы послали своего градоначальника къ ландграфу, просить Филиппа помочь въ этомъ предпріятіи войскамъ оберландскихъ городовъ.

Итальянскія войска еще не прибыли, когда императоръ расположился укрѣпленнымъ лагеремъ при Ландсгутѣ, куда протестанты послѣдовали за нимъ, но слишкомъ медленно. Церемониться было безполезно, потому что 20 іюля императоръ объявилъ въ Регенсбургѣ курфирста и ландграфа опальными (Acht und Aberacht), а курфирстъ отвѣчалъ ему манифестомъ, въ которомъ упоминалъ о Карлѣ, какъ о лицѣ, называющемъ себя римскимъ императоромъ. Герцогъ Морицъ Саксонскій, давно уже заключившій союзъ съ императоромъ, имѣлъ безстыдство ссылаться на опальную грамоту императора противъ курфирста, чтобы оправдать свой разбойничій набѣгъ на курфиршескія владѣнія, хотя въ грамотѣ этой единовѣрцы, родственники и тесть его были названы „клятвопреступниками, бунтовщиками, мятежниками, государственными измѣнниками и нарушителями общественнаго спокойствія.“ Союзники не могли

кормить свое многочисленное войско и платить ему жалованье долѣе 6 недѣль; они пропустили случай окружить императора въ Регенсбургѣ и простояли 12 дней предъ Ландсгутомъ, ничего не дѣлая, потому что Филиппъ все время ссорился съ Шертлиномъ. Затѣмъ императоръ перешелъ въ другой укрѣпленный лагерь при Ингольштадтѣ, гдѣ союзники совершенно безплодно истратили множество ядеръ, надъ чѣмъ Шертлинъ потѣшался. Они не могли воспрепятствовать внуку папы, Оттавіо Фариезе, сопровождавшему брата своего, кардинала Александра Фариезе, ввести въ императорскій лагерь 10,500 человѣкъ отборнаго итальянскаго войска, съ которымъ нѣсколько дней спустя соединилось 6,000 закаленныхъ испанскихъ воиновъ подъ предводительствомъ Филиппа Ланнуа князя ди Сульмоне. Главнокомандующимъ императорской арміи былъ Фердинандъ Толедо герцогъ Альба, даровитый полководецъ и храбрый воинъ, но чудовищный человѣкъ, презираемый всѣми лучшими людьми за жестокость, высокомѣріе и безчеловѣчіе.

Всѣ были увѣрены, что протестанты принудятъ императора къ сраженію до прихода Максимиліана фонъ Бюрена съ нидерландскимъ войскомъ; но курфирстъ, ландграфъ и Шертлинъ вѣчно ссорились и бранились. Они противились другъ другу во всемъ, и дѣло кончилось тѣмъ, что и при Ингольштадтѣ сраженія не воспослѣдовало. Въ половинѣ сентября прибылъ наконецъ Максимиліанъ фонъ Бюренъ съ 15—20,000 войска. Императоръ могъ не спѣшить наступательными дѣйствіями, потому что имѣлъ деньги и могъ выжидать, тогда какъ для протестантовъ это было невозможно. Онъ, разумѣется, зналъ, что протестантское войско разойдется, и что въ такомъ случаѣ ему будетъ легко разбить его по частямъ. Уже въ началѣ октября Шертлинъ оставилъ войско союзниковъ, у которыхъ не было ни денегъ, ни продовольствія, но, что все важнѣе, дѣльныхъ людей. Герцогъ Морицъ вторгнулся въ курфиршескія владѣнія, какъ исполнитель опальной грамоты, и занялъ при помощи чеховъ всю Саксонію, кромѣ Готы, Эйзенаха и Вей-

Digitized by Google

мара. Поэтому уже въ половинѣ ноября, когда силы протестантовъ были еще цѣлы, императоръ былъ такъ увѣренъ въ своей побѣдѣ, что отвѣчалъ на примирительную попытку Іоанна Бранденбургскаго, „что согласится на миръ только въ томъ случаѣ, если курфирстъ Саксонскій и ландграфъ Гессенскій предадутся вполнѣ на его милость или немилость со всѣми своими владѣніями и имуществомъ; если же они несогласны на это, то дальнѣйшіе переговоры безполезны". Вмѣсто того, чтобы рѣшиться теперь на все и со славою погибнуть, курфирстъ и ландграфъ покинули 24 ноября оберландское войско. Ландграфъ, поручивъ курфирсту провести свои войска домой черезъ Франконію, уѣхалъ съ герцогомъ Ульрихомъ Виртембергскимъ, котораго снова постигла гроза. Императоръ двинулся чрезъ Швабію на Рейнъ и оттуда въ Виртембергъ, тогда какъ курфирстъ Саксонскій снова отнялъ свою страну у герцога Морица, опустошилъ его герцогство и бомбардировалъ Лейпцигъ. Такъ какъ графъ фонъ-Бюренъ загородилъ курфирсту путь черезъ Франкфуртъ, то онъ долженъ былъ отправиться въ обходъ. Онъ двинулся по горнымъ дорогамъ и на пути бралъ тяжкія контрибуціи, напримѣръ съ Майнца 40,000, съ Франкфурта 9,000, съ аббата Фульдскаго 30,000 гульденовъ. Въ Саксоніи онъ возмутилъ противъ герцога Морица его протестантскихъ подданныхъ, недовольныхъ его союзомъ съ императоромъ. Этимъ ему въ короткое время удалось овладѣть своей страной и въ первыхъ мѣсяцахъ 1547 г. завоевать герцогство своего двоюроднаго брата, кромѣ Лейпцига, Дрездена и Пирны.

Примѣру грабежей, показанному курфирстомъ въ походѣ въ Саксонію, послѣдовали императоръ и его войско въ верхней Германіи. По уходѣ одного протестантскаго войска, другое разсѣялось, и императоръ, испанцы, итальянцы и валлоны котораго свирѣпствовали надъ еретиками, овладѣлъ многими швабскими городами и затѣмъ направился противъ герцога Виртембергскаго. Города и чины Швабіи, Эльзаса и прирейнскихъ округовъ, отъ

Ульма и Страсбурга до Франкфурта, предались на волю императора и отворили ворота его войскамъ. Ульмъ, не смотря на свои укрѣпленія, сдался безъ осады, а Франкфуртъ подчинился императору, когда Карлъ былъ еще въ Швабіи. Курфирстъ Пфальцскій просилъ прощенія за намѣреніе послать отрядъ конницы на помощь своимъ союзникамъ и единовѣрцамъ. Онъ былъ прощенъ; услуги, оказанныя имъ императору до вступленія его на престолъ, когда онъ то роскошествовалъ, то нищенствовалъ, позволили ему примирить съ императоромъ герцога Ульриха Виртембергскаго. Іоахимъ Бранденбургскій давно объявилъ себя за императора. Императоръ поступилъ очень строго съ герцогомъ Виртембергскимъ; герцогу пришлось тѣмъ болѣе плохо, что въ каданскомъ договорѣ былъ параграфъ, коварно вставленный императорскими дипломатами, на основаніи котораго Фердинандъ утверждалъ, что Виртембергъ—австрійскій наслѣдственный ленъ. Ульрихъ бѣжалъ въ Гогентвиль, гдѣ получилъ отъ императора грозное и ругательное письмо. Онъ отвѣчалъ Карлу самымъ холопскимъ образомъ. Если бы императоръ, говорилъ Ульрихъ, выслушалъ оправданія моихъ пословъ, то не написалъ бы столь немилостиваго письма. Далѣе было сказано, что герцогъ, именемъ Христа, умоляетъ императора о милосердіи и о снисхожденіи къ несчастному государю и его подданнымъ. Въ концѣ декабря въ Гейльброннѣ онъ получилъ прощеніе, съ условіемъ заплатить 300,000 дукатовъ, выдать всю артиллерію, оставленную ему союзниками, передать для удостовѣренія въ своей вѣрности крѣпости Шорндорфъ, Гогенъ-Аспергъ и Кирхгеймъ и навсегда отступиться отъ Шмалькальденскаго союза. Мы думаемъ, что императоръ поспѣшилъ заключить гейльброннскій договоръ для того, чтобы поскорѣе получить деньги. До этого онъ находился въ весьма затруднительномъ положеніи; испанцы и итальянцы сильно терпѣли отъ дождя и болотъ; недостатокъ же въ деньгахъ былъ у Карла такъ великъ, что ему угрожало паденіе, если бы ландграфъ и курфирстъ продержались подольше.

Города Мемингенъ, Биберахъ, Равенсбургъ, Кемптенъ, Исни, Вангенъ, Линдау и Эслингенъ еще въ январѣ просили на колѣняхъ пощады у императора; Аугсбургъ и Страсбургъ послѣдовали ихъ примѣру въ мартѣ. Въ это же время императоръ допустилъ папу низложить курфирста буллою. Въ апрѣлѣ 1546 Германъ Кёльнскій былъ наконецъ отрѣшенъ отъ сана и передалъ архіепископство своему коадъютору, Адольфу Шаумбургу. Богатые города должны были уплатить императору значительныя суммы и выдать артиллерію. Ульмъ заплатилъ 100,000 дукатовъ, Франкфуртъ 80,000, Страсбургъ 30,000, Аугсбургъ 150,000. Не смотря на просьбы жителей Аугсбурга, имъ было приказано удалить изъ города храбраго Шертлина, который переселился въ Констанцъ. Когда контрибуціи были выплачены, императоръ двинулся чрезъ Франконію и Палатинатъ въ Эгеръ, куда прибылъ 5 апрѣля.

Его братъ, Фердинандъ, находился въ то время въ затруднительномъ положеніи, потому что чешскіе утраквисты отказались дать ему войско, а между тѣмъ въ мартѣ 1547 чины ихъ собрали армію съ цѣлью, какъ они выражались, не допустить императора и короля Фердинанда навести къ нимъ испанцевъ и гусаровъ (венгровъ). Курфирстъ Саксонскій согласился въ мартѣ на перемиріе съ герцогомъ Морицомъ, тогда какъ въ это время ему слѣдовало воспользоваться выгодами своего положенія. Миръ этотъ состоялся въ концѣ февраля при посредничествѣ герцогини Елисаветы Саксонской, сестры ландграфа Филиппа и вдовы сына герцога Георга, Іоанна. Елисавета жила въ Рохлицѣ, гдѣ вела жизнь веселую, но не совсѣмъ приличную. Къ ней завернулъ на пути изъ Лейпцига союзникъ Морица, маркграфъ Альбрехтъ Кульмбахскій, самый распутный гуляка и вождь разбойниковъ рыцарей и наемниковъ. Морицъ тщетно предостерегалъ маркграфа отъ козней рохлицкой сирены. Альбрехтъ шелъ къ нему съ 7,000 ч. и 24 орудіями; но и самъ онъ, и его офицеры забыли среди шумныхъ удовольствій предостереженіе Морица. Елисавета задала имъ пиръ, причемъ они,

по обычаю того времени, пили черезъ мѣру. Между тѣмъ Елисавета дала знать курфирсту, стоявшему всего въ 3 миляхъ, при Альтенбургѣ. Альбрехтъ и его люди были настигнуты въ пьяномъ видѣ, сонные. Самъ Альбрехтъ попался въ плѣнъ, а отрядъ его разсѣялся.

Герцогъ Морицъ и братъ его, Августъ, воспользовались перемиріемъ, чтобы отправиться въ Богемію, гдѣ соединили свои войска съ арміею Фердинанда и императора. 6 апрѣля соединенныя силы ихъ вступили въ Саксонію; предварительно Фердинандъ и Карлъ издали къ саксонскимъ чинамъ строгія посланія, въ которыхъ называли Морица курфирстомъ, архимаршаломъ имперіи и владѣтельнымъ государемъ Саксоніи. Соединившись, императорскія войска проникли по правому берегу Эльбы въ Саксонію. Курфирстъ не только не занялъ богемско-саксонскихъ горныхъ проходовъ, но и не собралъ никакихъ свѣдѣній о непріятелѣ; 22 апрѣля императорскія войска расположились безпрепятственно въ виду саксонскихъ, стоявшихъ близь Мейссена на лѣвомъ берегу Эльбы. Эта рѣка раздѣляла враждебныя арміи; курфирстъ хотѣлъ препятствовать переправѣ непріятеля, чтобы имѣть время отступить подъ прикрытіе виттенбергскихъ укрѣпленій, гдѣ намѣревался ожидать прибытія ландграфа. Но гусары Фердинанда нашли бродъ и 24 апрѣля принудили курфирста къ рѣшительному сраженію при Мюльбергѣ. Говорятъ, что мельникъ, у котораго саксонцы отняли лошадей, указалъ изъ мести императорскимъ войскамъ бродъ. Ни начальники, ни войска нѣмцевъ не могли противиться въ открытомъ полѣ полководцамъ и солдатамъ Карла, проведшимъ всю свою жизнь въ войнахъ въ Испаніи, Африкѣ и Франціи. Не смотря на это, курфирстъ сражался восемъ часовъ даже послѣ пораженія своей кавалеріи. Наконецъ, когда все войско погибло, кромѣ 400 рейтаровъ, онъ былъ принужденъ сдаться. Такъ какъ всѣ союзники, кромѣ ландграфа, уже подчинились императору, то сраженіе это окончило войну. Только Виттенбергъ задерживалъ императорское войско и упорно отказывался отворить

ворота побѣдоносному непріятелю, потому что въ этомъ городѣ укрылась жена курфирста съ своими младшими сыновьями; наслѣдный же принцъ бѣжалъ, раненый, въ Готу.

Плѣнный курфирстъ былъ отданъ подъ надзоръ жестокому герцогу Альбѣ, который поручилъ стеречь его испанцу Альфонсу де Вивесу. Императоръ хотѣлъ напугать жену курфирста и страхомъ принудить ее къ сдачѣ Виттенберга. Съ этою цѣлью онъ предалъ его суду и приговорилъ къ смертной казни. Курфирстъ принялъ это извѣстіе очень хладнокровно; впрочемъ такое спокойствіе было вполнѣ согласно съ его флегмой, и притомъ онъ былъ совершенно увѣренъ, что императоръ не имѣетъ серіознаго намѣренія казнить его. Однако Карлъ достигъ своей цѣли; смертный приговоръ склонилъ жену курфирста принять тяжелыя условія, предписанныя ей; при этомъ роль посредниковъ приняли на себя, по порученію императора, курфирстъ Іоахимъ II Бранденбургскій и герцогъ Морицъ. Послѣ долгихъ переговоровъ Іоаннъ Фридрихъ подписалъ капитуляцію, по которой Виттенбергъ былъ сданъ императору 19 мая. Условія капитуляціи были слѣдующія: Іоаннъ Фридрихъ долженъ жить при дворѣ императора или его сына, пока императоръ будетъ считать это нужнымъ; долженъ признать и впредь признавать власть императора и имперскаго палатнаго суда; исполнять безусловно все, что императоръ постановитъ на сеймѣ; отказаться отъ курфирштескаго достоинства и владѣній, которыми управлялъ доселѣ въ качествѣ главы Эрнестинской линіи, и передать свой санъ и владѣнія герцогу Морицу, который уже давно условился объ этомъ съ императоромъ и Фердинандомъ. Кромѣ того Іоаннъ Фридрихъ долженъ былъ освободить безъ выкупа маркграфа Альбрехта Бранденбургъ-Кульмбахскаго и герцога Генриха Брауншвейгскаго, находившагося во власти ландграфа Филиппа; за это императоръ обязывался освободить герцога Эрнста Брауншвейгскаго, взятаго въ плѣнъ вмѣстѣ съ курфирстомъ. 4 іюня императоръ уѣхалъ изъ лагеря подъ Виттенбергомъ, гдѣ пере-

Digitized by Google

далъ герцогу Морицу курфиршеское достоинство и титулъ архимаршала имперіи; но торжественная передача ему въ ленъ курфиршества саксонскаго воспослѣдовала лишь въ февралѣ 1548 въ Аугсбургѣ. Касательно новаго раздѣла Саксоніи, замѣтимъ, что меньшая и худшая часть ея досталась потомкамъ Іоанна Фридриха, герцогамъ Саксонскимъ; большая же и лучшая — Морицу и его брату, Августу, родоначальнику новой курфиршеской линіи саксонскаго дома. Мы не рѣшимся защищать нравственныя качества новаго курфирста, хотя впослѣдствіи онъ оказалъ протестантизму безсмертныя услуги. Притомъ защита его была бы излишнею, потому что трудъ этотъ уже выполненъ ученымъ барономъ фонъ Лангенномъ, который обладаетъ истиннымъ призваніемъ и талантомъ для такихъ предпріятій, тогда какъ авторъ этого сочиненія совершенно лишенъ того и другого.

Пока императоръ стоялъ подъ Виттенбергомъ и устроивалъ саксонскія дѣла, при чемъ и братъ его, Фердинандъ, пріобрѣлъ нѣкоторые богемскіе лены, Морицъ, Фердинандъ и Іоахимъ II Бранденбургскій старались выпросить у императора прощеніе ландграфу Филиппу. Филиппъ и Магдебургъ одни только противились еще императору; герцогъ Ульрихъ Виттембергскій, позорно унизившись, выпросилъ прощеніе; оберландскіе города заплатили громадныя контрибуціи, а курфирстъ Пфальцскій искалъ милости императора; за то Дармштатъ оказалъ мужеское сопротивленіе графу Бюрену, а Рюссельсгеймъ удержался противъ императорскихъ войскъ. Но положеніе ландграфа было затруднительно. Франкфуртъ впустилъ императорское войско и нѣсколько мѣсяцевъ содержалъ его; кромѣ того градоначальникъ франкфуртскій помогалъ валлонамъ грабить верхній Гессенъ. Франконія, Вестфалія и рейнскія страны были принуждены императорскими войсками принять участіе въ войнѣ Карла противъ Гессена. Даже Нассау-Дилленбургъ пошелъ войной на гессенскія владѣнія. Затѣмъ были принуждены покориться Германнъ Кёльнскій, братъ его, кёльнскій соборный пробстъ, Фридрихъ фонъ

Видъ, бывшій одно время епископомъ мюнстерскимъ, и кёльнскій соборный деканъ, Генрихъ Гольбергъ. Епископство наумбургское было отдано Юлію Пфлугу. Что же было дѣлать ландграфу, которому даже гессенскіе чины совѣтывали искать мира? Онъ рѣшился вступить въ переговоры и оставался съ этою цѣлью въ Лейпцигѣ, гдѣ видѣлся съ своимъ зятемъ, Морицомъ. Но онъ не могъ принудить себя принять унизительныя условія и уѣхалъ. Однако на пути онъ разсудилъ хладнокровнѣе, вернулся и принялъ условія императора. Условія эти заключались въ томъ, что Филиппъ предавался на волю побѣдителя, долженъ былъ преклонить предъ императоромъ колѣни, сдать свои крѣпости, уплатить 150,000 дукатовъ и возстановить Генриха Брауншвейгскаго. Но ландграфъ требовалъ отъ императора и посредниковъ, курфирстовъ Морица и Іоахима, грамоту, чтобы гарантировать свою личную свободу. Императоръ и его министры составили грамоту, которая, какъ и все, что шло отъ нихъ, была написана двусмысленно и коварно. Курфирсты также дали Филиппу отъ себя грамоту, которая была совершенно ясна. Впослѣдствіи Филиппъ отослалъ ее къ своимъ сыновьямъ въ Гессенъ, чтобы, на основаніи ея, обвинить курфирстовъ. Морицъ и Іоахимъ обязывались ею, въ случаѣ, если императоръ задержитъ ландграфа въ плѣну, отправиться въ Гессенъ и отдаться въ заложники сыновьямъ ландграфа и гессенскому правительству. Въ охранной императорской грамотѣ, данной ландграфу на поѣздку въ Галле, было сказано, что ни на пути, ни во время пребыванія въ Галле, ни на возвратномъ пути, ландграфъ не подвергнется ни тюремному заключенію, ни оковамъ, ни оскорбленіямъ. Въ грамотѣ же, выданной ландграфу министрами императора, говорилось только, что онъ не будетъ подвергнутъ вѣчному заключенію. Относительно этихъ документовъ было много споровъ. Императорскихъ министровъ упрекаютъ въ томъ, что въ документахъ сообщенныхъ курфирстамъ, они коварно измѣнили слова: „nicht in einiger Gefängnis“ (не будетъ вовсе подвергнутъ заключенію)‘

посредствомъ фрактурнаго (ломаннаго) шрифта въ: „nicht in ewiger Gefängnis“ (вѣчному заключенію). Всѣ историки, въ томъ числѣ Планкъ и Роммель, утверждаютъ, что Гранвелла прибѣгнулъ къ этой жалкой уловкѣ; но намъ кажется, что Вейссе въ своей исторіи Саксоніи (т. IV стр. 3 и д.) достаточно доказалъ, что разсказъ этотъ лишенъ основанія.

Ландграфъ, игравшій въ послѣднее время весьма странную роль, положился на ручательство обоихъ курфирстовъ, прибылъ 19 іюля въ Галле и на колѣнахъ прощенія просилъ у императора при большомъ собраніи. Но императоръ отказался протянуть ландграфу руку въ знакъ примиренія, хотя Филиппъ подписалъ капитуляцію. Затѣмъ герцогъ Альба пригласилъ ландграфа къ себѣ на обѣдъ, послѣ котораго объявилъ ему, что онъ арестованъ. На другой день онъ былъ отданъ подъ испанскій караулъ, и когда императоръ отправился въ путь, то повезъ съ собой плѣннаго ландграфа подъ тѣмъ же карауломъ. Затѣмъ Филиппъ былъ разлученъ съ курфирстомъ, сопровождавшимъ дворъ императора. Во все время заключенія, продолжавшагося до 1552, съ ландграфомъ обращались самымъ недостойнымъ образомъ.

Ландграфъ Филиппъ, курфирстъ Іоаннъ Фридрихъ, благородный Вольфгангъ Ангальтскій и его старый другъ, Францъ Брауншвейгскій, доказали свою глубокую преданность къ библейской религіи, враждебной всякой схоластикѣ и церемоніалу. Мы тѣмъ болѣе удивляемся этой привязанности, что при дворахъ внѣшность религіи замѣняла сущность и блестящія фразы — дѣло. Курфирстъ согласился почти безъ спора на тяжкія условія капитуляціи, но рѣшительно не хотѣлъ уступать въ религіозномъ вопросѣ. Онъ отвергнулъ актъ, которымъ его думали обязать подчиниться въ религіозныхъ дѣлахъ опредѣленіямъ тридентскаго собора и постановленіямъ императора. Императоръ былъ принужденъ отступиться отъ этихъ требованій, такъ какъ Іоаннъ Фридрихъ объявилъ, что скорѣе пойдетъ на казнь, чѣмъ подпишетъ актъ.

Digitized by Google

Не смотря на всѣ преслѣдованія, которымъ его подвергали при императорскомъ дворѣ, Іоаннъ Фридрихъ остался навсегда строгимъ лютераниномъ. Въ 1550 вѣрные гессенцы сдѣлали попытку освободить своего ландграфа, вслѣдствіе чего съ нимъ стали обращаться, какъ съ уголовнымъ преступникомъ; тогда онъ упалъ духомъ и написалъ недостойное письмо, которое почитатели его напрасно старались выдать за подложное. Онъ долго противился принять предложенныя ему религіозныя условія, но наконецъ подписалъ ихъ; впрочемъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ принялъ ихъ, на нихъ согласился бы и Іоаннъ Фридрихъ. Онъ объявилъ, что готовъ соблюдать все, что постановитъ свободный общій соборъ, составленный изъ преобразованнаго духовенства. Что касается двухъ остальныхъ князей, то Вольфгангъ рѣшился скорѣе бѣжать изъ своей страны, чѣмъ отступиться отъ своихъ единовѣрцевъ. Онъ переодѣлся и скрылся на Гарцѣ; другъ его, Францъ Брауншвейгскій, написалъ ему трогательное, успокоительное письмо *). Императоръ отдалъ владѣнія Вольфганга въ ленъ Генриху Плауену.

---

*) Высокородный князь, любезнѣйшій дядюшка и зять! Я чрезвычайно желалъ услышать объ Васъ вѣсточку и прошу Васъ написать мнѣ, какъ Вы живете? Мои дѣла идутъ по прежнему, мнѣ предлагали другія условія, но я ихъ не приму, ввѣрю дѣло свое Господу, не отрекусь отъ Господа и буду стоять за Его слово; да будетъ воля Его. Здѣшніе города всѣ еще, слава Богу, держатся и хранятъ вѣрность Богу и Его слову; также и приморскіе. Датскій король будетъ вѣренъ Богу и Его слову, чтобы съ нимъ не случилось, хотя бы пришлось пойти по-міру. Укрѣпи его, Боже! Онъ, какъ говорятъ, дѣломъ докажетъ вѣрность кресту. Я увѣренъ, что и Вы останетесь вѣрны Богу, и если Васъ будутъ гнать, то прійдете ко мнѣ; у насъ все будетъ общимъ, до послѣдняго куска хлѣба, потому что мы съ Вами — старые, вѣрные товарищи. Укрѣпи Васъ, Боже, и дай Вамъ мужество; Богъ поможетъ намъ, когда прійдетъ время. Я надѣюсь, что чортъ окажется не столь чернымъ, какъ его рисуютъ. Любезный зять, предайтесь на волю Божію и молитесь Христу; онъ поможетъ по просьбѣ бѣдныхъ христіанъ. Лучше терпѣть въ временной жизни, чѣмъ въ вѣчной. Поручаю Васъ Всемогущему Богу и остаюсь Вашъ бѣдный рабъ.

Digitized by Google

VIII. КАРЛЪ V И ГЕРМАНСКАЯ ИМПЕРІЯ

ОТЪ ОКОНЧАНІЯ ШМАЛЬКАЛЬДЕНСКОЙ ВОЙНЫ ДО АУГСБУРГСКАГО СЕЙМА 1555 ГОДА.

I. До фридевальдскаго договора.

Въ годы, слѣдовавшіе за шмалькальденской войной, Германіи грозило испанское владычество и инквизиція. Въ герцогствѣ Виртембергскомъ, которое хотѣли предоставить Фердинанду, какъ австрійскій наслѣдственный ленъ, былъ начатъ процессъ противъ Ульриха, тянувшійся много лѣтъ. Въ Гессенѣ сыновья ландграфа, надѣясь на освобожденіе отца, внесли контрибуцію ранѣе назначеннаго срока и срыли крѣпости; тѣмъ не менѣе отецъ ихъ остался въ заключеніи. Всюду стояли испанскія войска. Съ конца 1548 Карлъ былъ занятъ мыслью доставить императорскій престолъ своему сыну, Филиппу или, быть можетъ даже, сдѣлать его наслѣдственнымъ въ своемъ потомствѣ. При такихъ обстоятельствахъ къ счастію для Германіи въ числѣ ея государей былъ одинъ истинно великій человѣкъ и нѣсколько хорошихъ, честныхъ, благочестивыхъ князей, уважавшихъ народныя права; притомъ, братъ императора, Фердинандъ, и сынъ его, впослѣдствіи императоръ Максимиліанъ II, ввѣрились благороднымъ протестантскимъ государямъ и не согласились содѣйствовать ис-

панскимъ кознямъ. Христофъ, сынъ Ульриха Виртембергскаго, наслѣдовавшій своему отцу въ ноябрѣ 1550 и исцѣлившій раны, нанесенныя Ульрихомъ странѣ, былъ другомъ Максимиліана, который, подобно ему, былъ добръ и благочестивъ, изучалъ евангеліе и старался впослѣдствіи распространять его. Придворный проповѣдникъ Фаузеръ познакомилъ его съ евангелическимъ ученіемъ и отклонилъ отъ папы. Христофъ еще болѣе сблизилъ его съ лютеранствомъ. Максимиліанъ былъ очень плохаго мнѣнія о папствѣ, и императорскіе придворные богословы охотно отстранили бы его за это отъ престола въ пользу его двоюроднаго брата, Филиппа Испанскаго; въ письмѣ его къ герцогу Христофу, которое приводитъ Затлеръ въ 4 части своей виртембергской исторіи, онъ разсказываетъ герцогу „о славныхъ, а по нѣмецки, дьявольскихъ штукахъ честной души папы при дворѣ его отца (Фердинанда I).“ Христофъ рекомендовалъ своему другу Петра Павла Вергерія, которому эрцгерцогъ впослѣдствіи тайно покровительствовалъ и который принадлежалъ къ числу немногихъ итальянцевъ, отказавшихся ради евангелія отъ церковныхъ почестей. Кромѣ того, герцогъ Виртембергскій послалъ эрцгерцогу, который уже прочиталъ пять частей сочиненій Лютера на нѣмецкомъ языкѣ, два латинскія сочиненія его, и Максимиліанъ просилъ прислать и всѣ остальныя.

Можно указать и другихъ добрыхъ и благочестивыхъ государей этого времени. Но мы остановимся на Морицѣ Саксонскомъ, единственномъ великомъ человѣкѣ, поразившемъ императора его собственнымъ оружіемъ. Не участвуя въ шумной тревогѣ фанатиковъ, Морицъ тихо шелъ четыре года своимъ путемъ, обманулъ коварныхъ испанцевъ, провелъ лукавыхъ итальянскихъ шпіоновъ и своей политикой совершенно затмилъ политику Карла. Оправданіемъ для вѣроломства его въ отношеніи Карла можетъ служить вѣроломство самого императора, который продолжалъ держать въ неволѣ его тестя, ландграфа Филиппа Гессенскаго. Относительно ландграфа Карлъ не только нарушилъ слово, но

и оскорбилъ курфирстовъ—Морица и Іоахима II, которые были связаны письменнымъ обѣщаніемъ отдаться въ плѣнъ гессенскимъ принцамъ, если императоръ не обратитъ вниманія на ихъ представленія. Но императоръ далъ имъ на это весьма неприличный отвѣтъ, грозилъ послать ландграфа въ Испанію и въ 1548 увезъ его и курфирста Іоанна Фридриха въ Нидерланды. Въ 1550 онъ снова привезъ курфирста въ Германію, а ландграфа отправилъ въ Уденарде, гдѣ его держали еще строже. Съ этого времени Морицъ сталъ думать о томъ, чтобы силою добиться того, въ чемъ императоръ отказывалъ ему на многократныя убѣдительныя просьбы. Онъ чрезвычайно желалъ освобожденія ландграфа, что доказалъ, выѣхавъ на встрѣчу сыну императора, Филиппу, котораго Карлъ вызвалъ въ Германію; Морицъ просилъ его ходатайствовать за ландграфа у императора. При этомъ онъ употреблялъ всѣ старанія, чтобы не навлечь на себя подозрѣній императора и испанцевъ. Онъ нѣсколько лѣтъ откладывалъ нападеніе на Магдебургъ, объявленный въ опалѣ, пока не нашелъ возможности употребить противъ императора имперскую армію, собранную для дѣйствій противъ города. Магдебургскіе ополченцы дѣлали частые набѣги на владѣнія Морица, а пасквилянты, проживавшіе въ Магдебургѣ, гораздо рѣзче бранили его, чѣмъ императора. Не смотря на это, онъ предоставлялъ имперскому суду тянуть противъ города нескончаемый процессъ, вооружилъ войско и хотя блокировалъ городъ, но только тогда предпринялъ аттаку, когда все было готово для приведенія въ исполненіе его плановъ. Морицъ поступалъ точно также и относительно намѣренія императора покончить религіозные споры кабинетнымъ приказомъ, названнымъ интеримомъ. Карлъ принялъ это намѣреніе вслѣдствіе поступка папы Павла III, который перевелъ соборъ въ Болонью, говоря, что тридентскій воздухъ ему вреденъ. Императоръ, разгнѣванный этимъ, вознамѣрился воспользоваться сеймомъ, созваннымъ въ Аугсбургѣ въ 1547 году и протянувшимся до слѣдующаго, чтобы при помощи своихъ

солдатъ, еще стоявшихъ въ Германіи, преобразовать религію и государство безъ содѣйствія папы. Мѣры, принятыя относительно этого сейма, не допустили постановить свободное рѣшеніе по политическимъ и религіознымъ дѣламъ. Императоръ требовалъ, чтобы во время сейма чины не составляли особыхъ частныхъ сходокъ или совѣщаній. Потомъ онъ велѣлъ постановить, что императорскій палатный судъ снова возстановляется и долженъ быть признанъ протестантами. Чтобы обнадежить протестантовъ, онъ требовалъ предоставленія ему выбора судей. Но въ то же время, чтобы напугать ихъ,онъ грозилъ принять на себя выполненіе сеймоваго рѣшенія. Онъ обнаружилъ свои намѣренія, принудивъ аугсбургскихъ протестантовъ передать епископу соборъ и многія другія церкви; епископъ велѣлъ вновь освятить ихъ, какъ будто ихъ выручили изъ рукъ язычниковъ. Послѣ сейма императоръ произвольно отмѣнилъ городское уложеніе Аугсбурга и постановилъ новое. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ соединилъ Нидерланды подъ именемъ бургундскаго округа съ германской имперіей, чего желалъ еще Максимиліанъ I; но это было обременительно для обѣихъ государствъ, вслѣдствіе чего не могло быть прочнымъ.

Къ счастью для протестантовъ, въ то время какъ Карлъ повелѣвалъ самовластно всей Германіей, за исключеніемъ областей по Эльбѣ и Везеру, между нимъ и папой Павломъ III возникъ жаркій раздоръ. Причиной этого было то, что папа перевелъ соборъ въ Болонью, а императоръ защищалъ убійцъ Піетро Алонзіо Фарнезе. Піетро Алонзіо, сынъ Павла III, былъ страшнымъ тираномъ. Папа не отрицалъ преступленій, совершенныхъ его сыномъ въ Пармѣ и Піаченцѣ, но оправдывалъ себя, говоря, что невиненъ въ нихъ и больше всего на свѣтѣ любитъ Піетро, какъ своего единственнаго сына. Нѣсколько знатныхъ энтузіастовъ убили Піетро Алонзіо въ Піаченцѣ и выбросили изувѣченный и обезображенный трупъ его изъ окна на поруганіе народу. Народъ и убійцы боялись мести Фарнезе, потому что сынъ убитаго, Оттавіо Фарнезе, немедленно присланный папой въ Пар-

му, занялъ городъ. Они призвали въ Піаченцу императорскаго миланскаго намѣстника Фердинанда Гонзага, который принялъ ихъ подъ защиту. Оттавіо заключилъ съ Гонзага перемиріе, оставивъ Піаченцу въ его власти. Но старый папа непремѣнно хотѣлъ удержать Піаченцу за собой; онъ не желалъ даже отдавать своему внуку Парму, намѣреваясь или отдать ее брату его, Гораціо, или овладѣть ею въ пользу церкви. Только передъ смертью онъ послалъ пармскому коменданту, Камилло Орсини, приказъ передать городъ Оттавіо. Однако, по смерти Павла, Орсини объявилъ, что удержитъ Парму въ пользу будущаго папы. Преемникъ Павла, Юлій III, не хотѣлъ уступать городъ. Поэтому Оттавіо старался сначала овладѣть Пармой при помощи испанцевъ, а потомъ обратился къ французамъ. Какъ увидимъ ниже, это дало поводъ къ измѣненію положенія дѣлъ въ Италіи и возбудило войну между Карломъ V и Франціей, позволившую наконецъ курфирсту Морицу осуществить свои планы.

Въ 1548, т. е. еще при жизни Павла III, который хотѣлъ навязать Германіи свой болонскій соборъ, императоръ обнаруживалъ намѣреніе рѣшить религіозные вопросы силою. Онъ требовалъ, чтобы протестанты безусловно предоставили дѣло тридентскому собору, обѣщая наблюдать за христіанскимъ, правильнымъ и приличнымъ ходомъ дѣла на соборѣ. Не услыхавъ ни отъ кого противорѣчія и въ виду молчанія протестантскихъ государей, императоръ началъ дѣйствовать такъ, какъ будто и города были согласны ввѣриться ему; но города были далеки отъ такого намѣренія. Онъ началъ смѣло противодѣйствовать папѣ, приказавъ объявить ему свое неудовольствіе за болонскій соборъ. Сверхъ того посланники его, Веласкесъ и Варгасъ, получили приказаніе торжественно прочесть на соборѣ 16 января 1548 протестъ противъ всего, что было и будетъ постановлено имъ. За два дня до этого срока Карлъ сообщилъ этотъ протестъ сейму и предложилъ чинамъ вопросъ, какъ возстановить внутренній миръ помимо папы. Это предложеніе было равно не-

пріятно католикамъ и протестантамъ; поэтому имперскіе чины не могли согласиться въ выборѣ лицъ, на которыхъ слѣдовало возложить такое порученіе, какъ составленіе общаго исповѣданія религіи. Они предоставили этотъ выборъ императору. Онъ назначилъ епископа наумбургскаго Юлія Пфлуга, викарнаго епископа майнцскаго Михаила Гельдинга и пустого, двуличнаго гофъ-теолога, Іоганна Агриколу, бывшаго протестантомъ только для вида. Выборные должны были представить сейму записку касательно главныхъ догматовъ вѣры, богослуженія и церковныхъ преобразованій, которыя могутъ быть приняты протестантами и католиками до окончательнаго рѣшенія собора. Эти лица сочинили такъ называемый аугсбургскій интеримъ, заключавшій въ своихъ 26 параграфахъ почти все старое римское ученіе, только кое-гдѣ прикрытое и замаскированное. Этотъ интеримъ, не понравившійся обѣимъ сторонамъ, былъ прочитанъ сейму 15 мая 1548. Въ тотъ же день императоръ давалъ аудіенцію папскому нунцію; полагали, что онъ желаетъ показать папѣ, что можетъ и безъ него давать Германіи законы по дѣламъ вѣры. Папа и епископы были очень недовольны интеримомъ, потому что протестантскому духовенству было позволено остаться въ бракѣ, причащать подъ двумя видами и на время удержать у себя секуляризованное церковное имущество. Чтобы объяснить, почему протестанты не признали аугсбургскій или императорскій интеримъ, намъ пришлось бы вдаться въ богословіе, чего мы вообще тщательно избѣгаемъ, потому что пишемъ только политическую исторію.— Всѣ города отказались принять интеримъ; Бременъ и Магдебургъ сопротивлялись даже силою; тѣ же, которые приняли прежнюю религію, уступили насилію императорскихъ войскъ. Протестанское духовенство цѣлыми толпами покидало свои должности и жилища; ихъ заключали въ оковы и тюрьмы; нѣкоторые бѣжали въ Англію, какъ напр. Петръ Мартиръ, Охино и другіе; по смерти Генриха VIII въ Англіи началась наконецъ настоящая реформа.

Протестанты называли курфирста Морица отступникомъ, а Флацій Илирикъ поносилъ его въ пасквиляхъ. Но онъ былъ искренній протестантъ, и братъ его, Августъ, изъ фанатическаго лютеранскаго рвенія возмутительнымъ образомъ преслѣдовалъ впослѣдствіи просвѣщеннѣйшую часть своихъ одновѣрцевъ. Когда протестантскіе курфирсты Пфальцскій и Бранденбургскій рѣшились ввести у себя императорскую религію, Морицъ не принялъ интеримъ безусловно. Онъ откладывалъ свое рѣшеніе по этому вопросу и аттаку на Магдебургъ, объявивъ, что намѣренъ прежде спросить объ этомъ своихъ богослововъ. Въ мартѣ онъ писалъ, возражая противъ требованій императора, причемъ ссылался на обѣщаніе, данное ему Карломъ при заключеніи въ прошедшемъ году союза, позволить ему не измѣнять своей вѣрѣ. Между тѣмъ онъ старался увлечь своихъ богослововъ въ переговоры. Меланхтонъ, при всей своей слабости и нерѣшительности, склонился на сторону курфирста, хотя и не зналъ его намѣренія обмануть императора. Ему удалось убѣдить своихъ товарищей, Бугенгагена, Круцигера и Георга Маіора, подать мнѣніе въ пользу интерима. Тѣмъ не менѣе императоръ былъ весьма разгнѣванъ на то, что саксонскіе богословы одобрили не все. Меланхтонъ далъ провести себя министру Карловицу прекрасными фразами о единствѣ церкви и даже писалъ курфирсту, что если онъ прикажетъ ему, то онъ не станетъ противиться и замолчитъ или перенесетъ гоненія. Протестанты негодовали на уступчивость Меланхтона и его товарищей; это можно видѣть изъ надписи на нижне-нѣмецкомъ языкѣ на талерѣ, отчеканенномъ въ нижней Саксоніи противъ интерима *).

---

*) На лицевой сторонѣ изображено крещеніе Христа въ Іорданѣ съ надписью кругомъ: Did is mûn leve Son, den schall gi horen. На оборотѣ былъ представленъ искушающій Христа дьяволъ, въ видѣ стоящаго дракона съ тремя человѣческими лицами, изображавшими трехъ составителей интерима, съ надписью: «packe di, du Satan Interim» (Прочь, сатана—интеримъ!)

Digitized by Google

Саксонскіе богословы придумали наконецъ по совѣту Меланхтона средство, которое было очень удобно для политики курфирста; онъ не стоялъ за интеримъ, но, чтобы не вооружать императора, хотѣлъ сохранить это названіе. Богословы его посовѣтовали ему принять нѣкоторые параграфы аугсбургскаго интерима подъ предлогомъ такъ называемыхъ адіафоръ, т. е. индифферентныхъ догматовъ и обрядовъ, не касающихся основаній ученія; они полагали, что въ видахъ сохраненія мира можно принять нѣкоторые параграфы аугсбургскаго интерима. Вслѣдствіе этого состоялось новое исповѣданіе, которымъ предполагалось удовлетворить императора; оно было названо саксонскимъ или лейпцигскимъ интеримомъ, а также вторымъ, новымъ или молодымъ интеримомъ. Морицъ, планъ котораго еще не созрѣлъ, насильно навязалъ его саксонцамъ; саксонское духовенство и школьные учителя были принуждены принять его, а проповѣдники, не желавшіе сообразоваться съ нимъ, были изгнаны изъ страны. Впослѣдствіи ученіе объ адіафорахъ, индифферентныхъ религіозныхъ вопросахъ, породило между протестантами кровавыя распри. Впрочемъ католическія державы не обратили вниманія на интеримы, тогда какъ протестанты, жившіе въ ихъ странахъ, должны были безусловно принять императорскій.

Папа Павелъ III до самой смерти своей (10 ноября 1549) не переводилъ соборъ изъ Болоньи. При избраніи его преемника кардиналы папской и императорской партій провели въ ссорахъ и спорахъ почти четыре мѣсяца. Императорская партія хотѣла избрать достойнѣйшаго изъ кардиналовъ, Реджинальда Поля, прославившагося защитой церкви противъ Генриха VIII и знаменитаго близкимъ родствомъ съ англійскимъ королемъ и притязаніями на англійскій престолъ (стр. 151). Но партія Фарнезе одержала верхъ и въ февралѣ 1550 избрала худшаго и недостойнѣйшаго изъ кардиналовъ. Человѣкъ этотъ, напоминающій своими пороками и преступленіями папу Александра VI Борджіа, былъ кардиналъ ди Моите или дель Монте, принявшій имя

Юлія III. Онъ немедленно согласился съ императоромъ на счетъ перевода собора изъ Болоньи; но распря между ними изъ за Пармы и Піаченцы продолжалась. Міръ изумился, когда папа, который въ бытность свою легатомъ Павла III интриговалъ въ пользу болонскаго собора, согласился перевести его въ Тридентъ. Въ это время казалось, что императоръ имѣетъ возможность принудить имперію принять интеримъ, и что благоразуміе велитъ постепенно уступать. Но въ сущности дѣло было не такъ плохо; во время избранія новаго папы германскіе государи нашли поводъ, совершенно независимый отъ религіи, усилить надзоръ за поступками императора и не допускать его до крайностей. Даже братъ Карла, Фердинандъ, съ сыномъ своимъ Максимиліаномъ вступили въ тайный союзъ съ Морицомъ и другими протестантскими государями, съ цѣлью препятствовать императору измѣнить порядокъ престолонаслѣдія.

Императоръ удалился съ своею арміею въ Нидерланды, гдѣ прожилъ весь 1549 годъ и первые мѣсяцы слѣдующаго. Онъ получилъ отъ папы Павла III разрѣшеніе на бракъ дочери его, Маріи, съ племянникомъ его, Максимиліаномъ. Императоръ послалъ Максимиліана въ Испанію, поручивъ ему правленіе этимъ государствомъ, а сына своего, Филиппа, вызвалъ въ Нидерланды. Андрей Доріа привезъ Филиппа въ Италію на блистательнѣйшемъ флотѣ, какой когда либо выходилъ изъ испанскихъ гаваней; принцъ пробылъ нѣсколько времени въ Миланѣ и въ январѣ 1549 поѣхалъ чрезъ Германію въ Нидерланды. Многіе германскіе государи выѣхали къ нему на встрѣчу, въ томъ числѣ Морицъ Саксонскій, который убѣдительно просилъ принца вступиться за ландграфа Филиппа. Подобно другимъ государямъ, Морицъ остался недоволенъ испанскими манерами Филиппа, его скрытностью и чопорностью. Притомъ курфирстъ не имѣлъ впослѣдствіи случая замѣтить результатовъ его ходатайства передъ императоромъ за ландграфа. Планкъ полагаетъ, что императоръ вознамѣрился доставить своему сыну императорскій престолъ тотчасъ послѣ

Digitized by Google

побѣды надъ протестантами и въ 1548 велъ переговоры съ своимъ братомъ, Фердинандомъ, съ цѣлью склонить его удовольствоваться титуломъ римскаго короля. Во всякомъ случаѣ въ іюлѣ 1550 онъ уже прямо и оффиціально заговорилъ объ этомъ на аугсбургскомъ сеймѣ, гдѣ также говорилъ по этому поводу съ Фердинандомъ. Филиппъ былъ вызванъ въ Аугсбургъ; императоръ снова ввелъ свои войска въ предѣлы имперіи и даже занялъ ими Аугсбургъ. Ходилъ слухъ, что онъ хочетъ сдѣлать императорскій престолъ наслѣдственнымъ, передавъ его сыну. Но ни протестанты, ни католики не одобряли этого намѣренія. Филиппъ вернулся въ Нидерланды, а императоръ обратилъ все свое вниманіе на подавленіе протестантовъ; оно казалось ему тѣмъ болѣе легкимъ, что единственный германскій государь, который бы могъ противиться ему, былъ предметомъ ненависти и брани со стороны ревностныхъ лютеранъ, причемъ главную роль игралъ Флацій Илирикъ. Они не безъ основанія полагали, что лейпцигскій интеримъ хуже аугсбургскаго, потому что онъ былъ основанъ на несчастной теоріи Меланхтона объ адіафорахъ. Поэтому они бранили герцога Морица и его богослововъ въ безчисленныхъ памфлетахъ, а тѣ съ своей стороны не оставались въ долгу. Въ сочиненіяхъ, издававшихся въ Бременѣ, Магдбургѣ и другихъ городахъ, которымъ не грозили императорскія войска, виттенбергскихъ богослововъ называли служителями Ахава, жрецами Ваала, адіафористами, эпикурейцами, людьми, развратничающими съ вавилонской блудницей, самаритянами, искажителями истинной и чистой религіи и т. д. Виттенбергцы бранили протестантовъ „измѣнниками, предателями, беззаконниками, неблагодарными, отступниками, мятежниками, дьявольскими, злыми людьми, змѣями и ехидпами“.

Курфирстъ не оскорблялся этою бранью. Подъ предлогомъ военныхъ дѣйствій противъ Магдебурга онъ вооружилъ сильное войско. На послѣдній шагъ, т. е. на союзъ съ врагами имперіи противъ императора, онъ рѣшился лишь тогда, когда союзъ изъ

за Пармы произвелъ совершенный разрывъ между Карломъ и королемъ французскимъ. Мы не будемъ защищать или оправдывать этотъ союзъ, нанесшій столько зла его отечеству. Но къ счастью для него мѣры императорскихъ министровъ противъ германскихъ государей и евангелическаго ученія могутъ извинить его поступки. Императорское правительство позволило себѣ относительно протестантовъ и ихъ религіи дѣйствія, въ высшей степени возмутительныя. Грубый епископъ аррасскій, Гранвелла младшій, наслѣдовавшій должность своего отца, но не имѣвшій его талантовъ, приказалъ по окончаніи аугсбургскаго сейма созвать къ себѣ на квартиру (35 августа 1551) всѣхъ евангелическихъ священниковъ Аугсбурга, какъ преступниковъ, и, окруживъ ихъ стражею, долго мучилъ вопросами имперскаго вице-канцлера Зельда и нѣкоторыхъ императорскихъ совѣтниковъ; наконецъ онъ обратился къ нимъ съ такими словами: „Не думаете ли вы, что императоръ не имѣетъ права давать законы въ вопросахъ религіи, какъ и въ политическихъ, и предписывать догматы вѣры.“ Старшій совѣтникъ отвѣчалъ: „дѣло не въ томъ, что императоръ можетъ дѣлать и чего не можетъ, а въ томъ, что мы уже давно объявили, что не можемъ принять императорское вѣроисповѣданіе, а тѣмъ менѣе одобрить его“. Тогда грубый епископъ, обратившись къ нему, закричалъ. „Пошелъ вонъ, скотина (Apage, bestia). Потомъ Гранвелла приказалъ снова привести къ себѣ проповѣдниковъ и объявилъ имъ, чтобы они оставили городъ, не смѣли проповѣдывать нигдѣ въ предѣлахъ имперскихъ и императорскихъ владѣній, ни съ кѣмъ не прощаться, никому не говорить, за что ихъ выслали, и не писать ничего о томъ, что съ ними произошло. Съ этого времени, по именному императорскому повелѣнію, въ Аугсбургѣ прекратилось евангелическое богослуженіе, проповѣдь и причащеніе.

Вторичное открытіе тридентскаго собора и угрозы, которыми императоръ принудилъ государей и даже Морица обѣщать прислать на соборъ богослововъ и подчиниться его рѣшеніямъ, по

казали, что Карлъ обрекъ Германію на ту же участь, какая впослѣдствіи постигла Нидерланды. Но вступленіе французовъ въ Парму и ихъ союзъ съ Оттавіо Фарнезе послужили Морицу и его союзникамъ сигналамъ къ возстанію противъ императора. Когда Оттавіо Фарнезе возиамѣрился вновь овладѣть Пармой при помощи императорскаго намѣстника въ Миланѣ, папа Юлій III согласился на уступку. Онъ отозвалъ комендаита, назначеннаго Павломъ и хотѣвшаго удержать городъ въ пользу новаго папы, и приказать сдать Парму Оттавіо. Фарнезе весьма желалъ отнять у испанцевъ Піаченцу, но съ другой стороны ежеминутно боялся, что папа выгонитъ его изъ Пармы; по этому онъ обратился къ Генриху II, вступившему на французскій престолъ въ 1547 году. 27 мая 1551 Генрихъ II формально принялъ семейство Фарнезе подъ свое покровительство; тогда папскія и имперскія войска осадили Парму; король французскій обѣщалъ Оттавіо 12,000 пѣхоты, 500 чел. легкой кавалеріи и ежегодную субсидію въ 12,000 червонцевъ; въ залоги уплаты субсидій онъ внесъ въ венеціанскій банкъ 200,000 дукатовъ. Не смотря на препятствія, встрѣченныя на пути, французскій вспомогательный корпусъ благополучно достигъ Пармы; Поль де Термъ, бывшій посланникомъ въ Римѣ, былъ назначенъ комендантомъ города. Хотя папа старался предупредить разрывъ, но французскій король воспользовался неудовольствіемъ курфирста Морица и сыновей плѣннаго ландграфа, чтобы вознаградить себя на счетъ имперіи за потерю Милана.

Король Генрихъ II еще въ 1548 послалъ въ Германію архіепископа віенискаго Марильяка, который опуталъ императора непроницаемою сѣтью интригъ и всюду держалъ на жалованьи агентовъ, подстрекавшихъ нѣмцевъ къ возстанію. Изъ числа этихъ агентовъ благородный Штурмъ и исторіографъ Слейданъ дѣйствовали на Рейнѣ и въ Оберландѣ; д'Озе велъ переговоры съ городами сѣверной Германіи, а епископъ байонскій, де Фрессъ, состоялъ посланникомъ при сыновьяхъ

ландграфа Филиппа. При Морицѣ же, чтобы не возбудить противъ него подозрѣній, не было ни одного француза; до заключенія договора Марильякъ сносился съ Морицемъ чрезъ одного итальянца, котораго никто не считалъ французскимъ агентомъ. Нить интриги были въ рукахъ Марильяка. Наконецъ онъ поручилъ епископу де-Фрессу заключить союзъ; протестантамъ была обѣщана помощь Франціи, если они возстанутъ противъ императора. Союзъ этотъ, хранившійся въ глубокой тайнѣ, былъ заключенъ Іоанномъ Альбрехтомъ Мекленбургскимъ, Іоанномъ Георгомъ Бранденбургъ-Байретскимъ, Вильгельмомъ Гессенскимъ и Морицомъ Саксонскимъ 5 октября 1551 въ Фридевальде, уединенномъ замкѣ въ лѣсу, въ гессенскихъ владѣніяхъ. Государи обѣщали поднять оружіе на защиту императорскихъ учрежденій и для освобожденія плѣннаго ландграфа и не прекращать военныхъ дѣйствій безъ обоюднаго согласія. Союзники хотѣли взять съ сыновей Іоанна Фридриха подписку, что во время войны они будутъ держать нейтралитетъ, грозя въ противномъ случаѣ поступить съ ними, какъ съ врагами и обѣщая, если они приступятъ къ союзу, хлопотать объ освобожденіи ихъ отца. Французы дали курфирсту Морицу 240,000 червонцевъ субсидіи и обязались платить сверхъ того каждый мѣсяцъ по 60,000. За это Морицъ и его союзники согласились предоставить королю имперскіе города Мецъ, Туль, Верденъ и Камбрэ, жители которыхъ не говорятъ по нѣмецки; но король долженъ былъ владѣть ими въ качествѣ имперскаго викарія, не нарушая правъ имперіи. Государи намѣревались собрать къ 11 мая 1552 г. 7000 конницы и 40,000 пѣхоты и затѣмъ немедленно выступить противъ императора, принудивъ огнемъ и мечемъ всѣ чины приступить къ союзу. При этомъ они до того забыли національные интересы, что обязали французскаго короля выставить на Рейнѣ такое же войско и въ случаѣ надобности проникнуть далѣе за Рейнъ. Въ союзѣ этомъ не участвовалъ владѣтельный князь, который съумѣлъ однако вскорѣ втереться въ него, чтобы имѣть предлогъ

Digitized by Google

разбойничать и грабить по Рейну и Майну. То былъ дикій и грубый маркграфъ Альбрехтъ Бранденбургъ-Кульмбахскій, находившійся въ тѣсной связи со всѣми мелкими графами, баронами и рыцарями сѣверной и средней Германіи, которые, подобно курдамъ и бедуинамъ, считали разбой и грабежъ благороднымъ, романическимъ занятіемъ и нанимались въ службу всякаго, кто дороже платилъ. Альбрехтъ переодѣтый поѣхалъ во Францію; 15 января 1552 Генрихъ II утвердилъ договоръ въ замкѣ Шанборѣ и далъ Альбрехту средства навербовать значительный отрядъ своихъ лихихъ товарищей.

2. До закрытія аугсбургскаго сейма 1555 года.

По заключеніи договора, который не могъ долго храниться въ тайнѣ, Морицъ окончилъ свою мнимую войну съ Магдебургомъ, чтобы начать настоящую противъ императора. Еще въ іюлѣ 1547 Магдебургъ былъ объявленъ опальнымъ и съ этого времени сдѣлался убѣжищемъ всѣхъ, кто ненавидѣлъ католицизмъ и старый порядокъ и негодовалъ на дипломатическую уступчивость протестантскихъ государей и богослововъ. Изъ Магдебурга выходили всевозможные пасквили и памфлеты, пѣсни, медали, картины, гравюры. Тамъ собирались всѣ безпокойныя головы и рыскали цѣлыми толпами во владѣніяхъ приверженцевъ интерима, особенно въ саксонскихъ. За это городъ былъ окруженъ имперскими войсками; блокада была строга, но до осады не дошло по недостатку денегъ. Кромѣ того война противъ опальнаго города не была возложена ни на кого изъ государей въ особенности. Въ 1548 и 49 годахъ противъ Магдебурга не было предпринято ничего рѣшительнаго. Возвратившись въ 1550 въ Германію, чтобы держать сеймъ, императоръ немедленно принялъ рѣшительныя мѣры противъ непокорнаго города, ставшаго центромъ и покровителемъ всѣхъ недовольныхъ

Digitized by Google

и язвой своихъ сосѣдей. Впрочемъ еще въ ноябрѣ 1550 магдебургцамъ предлагали прощеніе подъ выгодными условіями; но они отвѣчали, что не довѣряютъ государямъ и ихъ предложеніямъ. Это обстоятельство чрезвычайно благопріятствовало планамъ Морица. Германскіе чины поручили ему привести въ исполненіе имперскую опалу и приказали всѣмъ чинамъ сосѣднихъ округовъ содѣйствовать ему. Императоръ согласился на это, и Морицъ получилъ на вооруженіе сто тысячъ дукатовъ единовременно и по шестидесяти тысячъ каждый мѣсяцъ, такъ что могъ собрать многочисленное войско съ сильной артиллеріей. Кромѣ того онъ платилъ многимъ графамъ, князьямъ, господамъ и рыцарямъ, промышлявшимъ, при недостаткѣ въ то время постоянныхъ войскъ, отдачей въ наймы навербованныхъ солдатъ.

Было бы непонятно, что императоръ такъ долго ничего не зналъ и что Морицъ могъ цѣлый годъ тянуть осаду Магдебурга, начатую осенью 1550, не возбуждая подозрѣній, если бы мы не знали, что съ марта 1551 Карлъ былъ исключительно занятъ соборомъ, изгнаніемъ своего зятя Оттавіо Фарнезе изъ Пармы и грозившею войною съ Франціей. Хитрость Морица тѣмъ болѣе заслуживаетъ удивленія, что въ лагерѣ его находился въ качествѣ императорскаго коммиссара способный императорскій генералъ, Лазарь Швенди; не смотря на это, Морицъ у него подъ глазами принялъ на службу со всѣмъ войскомъ извѣстнаго Ганса фонъ Гейдека, пришедшаго съ нѣсколькими тысячами солдатъ на помощь городу; Морицъ держалъ его при себѣ, чтобы, когда придетъ время, уговорить магдебургцевъ сдаться. Онъ отразилъ этого смѣлаго полководца и держалъ его, повидимому, въ плѣну, но въ дѣйствительности Гейдекъ былъ его союзникомъ и служилъ ему съ четырьмя ротами (полками); Альбрехтъ Кульмбахскій и Шертлинъ перешли къ французскому королю и содержали свои войска на французскія деньги. Когда Морицъ рѣшился наконецъ возстать противъ императора, Гейдекъ удостовѣрилъ магдебургцевъ въ томъ, что Морицъ дѣйстви-

тельно намѣренъ употребить противъ гонителя ихъ религіи армію, собранную противъ нихъ. Поэтому 6 ноября 1551 г. они сдались добровольно. Для формы они безусловно предались императору; но Морицъ утвердилъ тайныя условія и чрезъ три дня по заключеніи капитуляціи представилъ имъ грамоту, хранившуюся въ Люнигскомъ имперскомъ архивѣ, по которой императоръ обязывался прекратить всякое неудовольствіе противъ города и оставить его при прежнихъ вольностяхъ. При этомъ Морицъ, разумѣется, не забылъ и себя; по взятіи города онъ принудилъ магистратъ и гражданъ присягнуть себѣ и дать клятвенное обѣщаніе признавать его государемъ, пока онъ и императоръ не передадутъ городъ другому владѣтелю. Впрочемъ онъ имѣлъ верховныя права надъ городомъ, гдѣ былъ фогтомъ и бургграфомъ. Еще во время осады онъ вошелъ въ соглашеніе съ архіепископомъ магдебургскимъ и съ Бранденбургомъ (посредствомъ tripartitum), который обѣщалъ за данныя ему выгоды выплатить курфиршескому дому девяносто пять тысячь гульденовъ. Хотя въ городѣ былъ оставленъ отрядъ войска, но слишкомъ слабый, чтобы быть опаснымъ для гражданъ. Изъ войскъ же гарнизона около двухъ тысячъ человѣкъ перешли въ службу герцога Мекленбургскаго, имѣвшаго намѣреніе выступить въ поле вмѣстѣ съ Морицомъ.

Саксонскіе чины и робкій Меланхтонъ, вѣчно игравшій роль посредника, трусили, видя, что Морицъ не распускаетъ на зиму свое войско. Чины протестовали противъ войны, опасаясь за свое имущество, а Меланхтонъ усовѣщевалъ курфирста въ письмахъ. Къ счастію императоръ былъ далеко. 21 октября онъ прибылъ въ Инспрукъ съ испанскими войсками, которыя, во время его пребыванія въ Аугсбургѣ, стояли въ окрестностяхъ этого города. Поэтому Морицу удалось обмануть его готовностью признать соборъ, хотя духовные курфирсты, которыхъ императоръ уговорилъ наконецъ поѣхать въ Тридентъ, предостерегали его на счетъ намѣреній Морица. Курфирстъ Саксонскій дѣйствительно отправилъ

въ Тридентъ пословъ и богослововъ, въ томъ числѣ Меланхтона, но по открытіи военныхъ дѣйствій они получили въ Нюрнбергѣ повелѣніе не ѣхать дальше. Въ тоже время Морицъ возобновилъ настоятельныя представленія объ освобожденіи ландграфа. Готовясь выступить противъ императора, онъ обманулъ его черезъ его же шпіона, который доносилъ, что курфирстъ готовиться ѣхать въ Тридентъ и вскорѣ будетъ тамъ *).

Императоръ ничего не подозрѣвалъ, когда Морицъ собралъ въ мартѣ въ Тюрингіи двадцать пять тысячь человѣкъ войска и въ половинѣ того же мѣсяца выступилъ въ походъ. Два дня спустя съ нимъ соединился подъ Бишофсгеймомъ ландграфъ Вильгельмъ Гессенскій. 25 марта всѣ войска были въ сборѣ и 31 стояли подъ Аугсбургомъ. Передъ походомъ курфирстъ издалъ манифестъ. Взирая на величіе духа и геройство, обнаруженныя курфирстомъ въ рѣшительную минуту и принимая во вниманіе, что ему приходилось имѣть дѣло съ лживыми и вѣроломными испанцами, а также славные результаты его похода, мы должны призвать, что въ исторіи мало подвиговъ, подобныхъ этому; но строгая нравственность не можетъ примириться съ средствами, къ которымъ онъ прибѣгалъ. Устранивъ рѣзкія выраженія манифеста, мы видимъ, что союзные государи оправдывали свое внезапное нападеніе слѣдующими тремя соображеніями: императоръ, не смотря на частыя обѣщанія, пребываетъ въ намѣреніи подавить евангелическую религію; измѣнивъ данному слову, онъ вѣроломно взялъ ландграфа и уже четыре года держитъ его подъ арестомъ; пытался ниспровергнуть имперскія

*) Маршалъ де Тавaннъ хвалитъ курфирста Морица въ слѣдующихъ словахъ: Moriz, grossier Allemand, trompe les Espagnols et les Italiens sur espoir de paiz et d'alleau concile, marche avec le marquis de Brandenboug, les fils du Landgrave, ceux de Iean-Fréderic etc. (Морицъ, грубый нѣмецъ, обманулъ испанцевъ и италіанцевъ надеждою на миръ, притворившись, что хочетъ ѣхать на соборъ; но выступилъ въ походъ съ маркграфомъ Бранденбургскимъ, съ сыновьями ландграфа, Іоанна Фридриха и проч.)

государственныя учрежденія и уничтожить имперію. 3 апрѣля Аугсбургъ отворилъ ворота; ему немедленно было возвращено прежнее уложеніе и разрѣшено слѣдовать евангелическому вѣроисповѣданію. Изъ Аугсбурга Морицъ двинулся съ двадцатью тысячами пѣхоты и пятью тысячами конницы въ Тироль, чтобы воспользоваться разбросанностью императорскихъ отрядовъ; у Карла въ Инспрукѣ было очень мало войска. Города или, лучше сказать, ихъ магистраты, выбиравшіеся изъ тѣхъ классовъ, которые всегда трусятъ и которымъ свобода хотя мила, но деньги еще милѣе, не послѣдовали примѣру Магдебурга и Бремена, не подчинявшихся императору: мелкіе города Швабіи, депутаты которыхъ были собраны союзными государями въ маѣ въ Аугсбургѣ, послѣ долгихъ сопротивленій обѣщали помочь деньгами; Нюрнбергъ былъ принужденъ къ уплатѣ силой, а Ульмъ не далъ ничего. Но тѣмъ больше славы для курфирста, который освободилъ Германію отъ ига испанцевъ и бельгійцевъ безъ помощи этихъ мелочныхъ торгашей.

Мы думаемъ, что Морицъ еще прежде вступилъ въ соглашеніе съ своимъ другомъ, римскимъ королемъ Фердинандомъ, который, подобно своему сыну, Максимиліану, слѣдовалъ совершенно инымъ принципамъ, чѣмъ его братъ; вѣроятно, они рѣшили воспользоваться войной, грозившей императору въ Италіи, Нидерландахъ и на Рейнѣ, чтобы принудить его возстановить германскія государственныя учрежденія и религіозную свободу. Фердинандъ, какъ видно изъ Слейдана, послалъ къ Морицу своего богемскаго канцлера, Генриха Плауена, предложить свое посредничество. Переговоры эти продолжались, и Фердинандъ имѣлъ съ Морицомъ личное свиданіе въ Линцѣ. Уже этого было достаточно, чтобы побудить императора обѣщать освободить ландграфа Филиппа, даровать прощеніе всѣмъ опальнымъ, особенно полководцамъ фонъ Гейдеку и Шертлину, а имперское государственное уложеніе предоставить на разсмотрѣніе сейма. Но Морицъ счелъ эти обѣщанія итальянской уловкой, потому

что взамѣнъ ихъ требовали, чтобы онъ сложилъ оружіе и отказался отъ союза съ Франціей. Если бы онъ сдѣлалъ это, то очутился бы совершенно во власти императора. Поэтому рѣшили открыть 26 мая въ Пассау мирный конгрессъ съ тѣмъ, чтобы до того времени Морицъ не распускалъ войско и могъ продолжать свои дѣйствія. Вслѣдъ за тѣмъ Генрихъ II занялъ предоставленные ему лотарингскіе города, которые безпрекословно впустили французское войско. На Рейнѣ онъ дошелъ до Страсбурга, но городъ этотъ не соблазнился его обѣщаніями и заперъ свои ворота. Альбрехтъ Кульмбахскій съ своими разбойничьими шайками отвратительнымъ образомъ хозяйничалъ въ Франконіи.

12 мая Морицъ былъ уже въ южной Баваріи; 18 мая онъ разбилъ и разсѣялъ императорскія войска при Рейте и на слѣдующій день овладѣлъ эренбергской часовней. 22 мая онъ находился въ двухъ часахъ пути отъ Инспрука, и императоръ, лежавшій больной подагрой, былъ принужденъ бѣжать почти безъ свиты чрезъ непроходимыя высоты юлихскихъ Альпъ. Мы думаемъ что Морицъ съ намѣреніемъ далъ больному императору возможность спастись постыднымъ и поспѣшнымъ бѣгствомъ, потому что уже вполнѣ согласился съ Фердинандомъ открыть 26 мая пассаусскіе переговоры. Въ Инспрукѣ Морицъ отдалъ войску на разграбленіе все, что принадлежало императору или испанцамъ; имущество же Фердинанда тщательно сохранялось. Римскій король также находился въ Инспрукѣ и оттуда отправился въ Пассау, куда прибылъ и Морицъ. Здѣсь они вели переговоры, между тѣмъ какъ императоръ жилъ въ Виллахѣ. Король немедленно освободилъ плѣннаго курфирста Іоанна Фридриха; но курфирстъ не принялъ свободы и послѣдовалъ за императорскимъ дворомъ, вѣроятно не желая обязываться человѣку, лишившему его сана и большей части владѣній. Фердинандъ и государи (большею частью духовные), собравшіеся въ Пассау, долго не могли склонить императора всту-

Digitized by Google

пить съ Морицемъ въ соглашеніе; императоръ былъ страшно золъ за то, что его перехитрили. Однако Морицъ пригрозилъ прервать перемиріе и весьма неохотно согласился продлить его до 3 іюля. Императоръ не хотѣлъ, чтобы ему назначали сроки; тогда Морицъ объявилъ, что перемиріе кончено и приказалъ аттаковать Франкфуртъ, занятый испанскимъ корпусомъ. Фердинандъ, которому вновь грозили турки, счелъ необходимымъ лично отправиться въ Виллахъ, чтобы склонить своего брата къ уступчивости. Такъ какъ Морицъ не предъявилъ никакихъ новыхъ требованій и вполнѣ удовольствовался тѣмъ, чего требовалъ вначалѣ, то въ Пассау было заключено перемиріе на неопредѣленное время и на условіяхъ, предписанныхъ Морицомъ, по которымъ ландграфъ Гессенскій долженъ былъ получить свободу а прочіе—все, что было у нихъ отнято. Пассаусскій договоръ былъ, правда, лишь перемиріе, а не настоящій миръ, потому что въ Пассау не присутствовали представители всѣхъ имперскихъ чиновъ; вопросы касательно религіи, нарушенія императоромъ учрежденій имперіи и отношеній партій пришлось отложить до собора или ближайшаго сейма; но нѣкоторыя обстоятельства были улажены тутъ же. Такъ, не ограничивая ъ какъ прежде отсрочкою дѣла до рѣшенія собора или сейма, объявили, что отнынѣ долженъ наступить вѣчный миръ между католиками и лютеранами, и они не должны тревожить другъ друга не только въ религіи, но и во владѣніи имуществами и землями. Приговоры фанатическихъ юристовъ имперскихъ судовъ и всѣ обременительные декреты и повелѣнія противъ новой религіи были отмѣнены и уничтожены; была ограждена не только свобода совѣсти, но и собственность каждаго. По другому договору, который однако императоръ не хотѣлъ утвердить, эти условія не теряли своей силы даже въ томъ случаѣ, если бы не всѣ члены сейма приняли ихъ. Приверженцы аугсбургскаго исповѣданія на основаніи договора допускались къ засѣданію въ имперскомъ палатномъ судѣ, которому было внушено рѣ-

шать безпристрастно, безъ различія религій. Все это было утверждено императоромъ, римскимъ королемъ, всѣми курфирстами и большею частью князей. Фердинандъ и его сынъ, Максимиліанъ, обѣщали содѣйствовать наказанію того, кто въ чемъ либо нарушитъ эти договоры.

Ниже мы разскажемъ событія слѣдующаго года: окончаніе французской войны, смерть курфирста Морица въ нижней Саксоніи и отреченіе императора; пока же скажемъ нѣсколько словъ объ утвержденіи Пассаускаго договора аугсбургскимъ религіознымъ миромъ. Хотя сеймъ, на которомъ пассаускій договоръ долженъ былъ быть обсуженъ и обращенъ въ окончательный миръ, былъ назначенъ въ 1553 въ Ульмѣ, но не состоялся ни въ этомъ, ни въ слѣдующемъ году. Наконецъ въ 1555 сеймъ собрался въ Аугсбургѣ; Фердинандъ прибылъ въ Аугсбургъ въ концѣ декабря 1554 и болѣе шести недѣль ждалъ чиновъ. Инструкція, привезенная императорскимъ посланникомъ, была составлена совершенно по испански и по римски; Фердинандъ же и Максимиліанъ держали себя настоящими нѣмцами, и послѣдній и не думалъ тянуть на сторону духовенства. Въ декларацiи сейму Фердинандъ говорилъ, что считаетъ за лучшее вовсе не дѣлать никакихъ попытокъ примирять религіозныя мнѣнія соборами, преніями или диспутами, и не выходить за предѣлы политики. Не смотря на нетерпимость инструкціи своего брата, несмотря на папу и собранный имъ всеобщій тридентскій соборъ, онъ объявилъ, что всего лучше обезпечить протестантамъ отъ всей имперіи постоянный миръ, независимо отъ религіозныхъ соглашеній. Князья и курфирсты одобрили это, и предложеніе Фердинанда прошло особенно потому, что кардиналъ Отто епископъ аугсбургскій, ни за что не соглашавшійся мириться съ протестантами, былъ вызванъ въ Римъ по случаю смерти папы, послѣдовавшей въ мартѣ, и увезъ съ собой только что прибывшаго папскаго нунція, который имѣлъ порученіе препятствовать миру.

Главные вопросы были рѣшены уже въ первые мѣсяцы 1555 года, потому что императоръ готовился сложить корону, а Фердинандъ и католическіе чины не имѣли ни охоты, ни силы нарушать миръ. Хотя въ переговорахъ рѣчь шла только о лютеранахъ, но никто не рѣшался прямо объявить, что кальвинисты исключаются изъ мира. Въ договорѣ сказано: „никто не имѣетъ права безпокоить кого бы то ни было по поводу аугсбургскаго исповѣданія и вообще по поводу религіи. Посредственное рыцарство, находящееся въ зависимости отъ католическихъ государей, и подвластные имъ города и общины имѣютъ относительно религіи тѣже права, какъ и непосредственное дворянство и вольные имперскіе города. Правительство, которое вздумало бы терпѣть у себя только одну религію, должно дозволить послѣдователямъ другой переселиться куда угодно, не нанося имъ безчестія и не требуя за это платы. Въ имперскомъ палатномъ судѣ должны засѣдать протестанты и католики вмѣстѣ“. Къ несчастію протестанты возбудили вопросъ по поводу одного параграфа, который, если бы его не трогать, неизбѣжно повелъ бы къ секуляризаціи всѣхъ епископствъ и аббатствъ. Протестанты требовали, чтобы было точно опредѣлено, что духовнымъ чинамъ представляется такое же право измѣнять религію, какъ и свѣтскимъ. Тогда католическіе чины проснулись, и начались горячіе споры, которые тянулись шесть мѣсяцевъ, хотя, какъ по этому вопросу, такъ и по другимъ, все было покончено еще въ апрѣлѣ. Даже Фердинандъ объявилъ, что скорѣе откажется отъ престола, чѣмъ допустить свободу религіи въ духовенствѣ. 13 сентября 1555 года былъ наконецъ подписанъ аугсбургскій религіозный миръ; но римскій король и католическіе чины заставили включить оговорку, сдѣлавшуюся впослѣдствіи причиною долгихъ и бѣдственныхъ распрей и великихъ несчастій. Это такъ называемое Reservatum ecclesiasticum состояло въ томъ, что если какой нибудь архіепископъ, епископъ, прелатъ или другой духовный чинъ отступитъ отъ древней религіи, то

долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ отказаться отъ своего архіепископства, епископства или другой бенефиціи и соединенныхъ съ ними выгодъ и доходовъ.

Digitized by Google

IX. ПОСЛѢДСТВІЯ РЕФОРМАЦІИ.

I. Іезуиты.

До сихъ поръ мы не упоминали объ орденѣ іезуитовъ, потому что онъ получилъ значеніе только со времени аугсбургскаго религіознаго мира и тридентскаго собора, когда вся сила древней государственной религіи перешла въ него. Со времени аугсбургскаго мира лютеранство и кальвинизмъ сдѣлались достояніемъ и дѣломъ ученыхъ, тщеславныхъ и неуступчивыхъ богослововъ. Поэтому протестантизмъ потерялъ обаяніе, которое давало ему прежде евангеліе, доступное и понятное всѣмъ и обѣщающее царство небесное не богатымъ, знатнымъ и ученымъ, а бѣднымъ и униженнымъ. Ученому и дѣятельному ордену было нетрудно разрушить сухія формы, въ которыя облекали свободное и ясное евангельское ученіе въ Виттенбергѣ, Тюбингенѣ, Женевѣ и въ другихъ мѣстахъ. Для этой цѣли іезуитамъ нужно было только противопоставить религіозные миѳы сухимъ проповѣдямъ и пышныя церемоніи, заимствованныя у язычества, но облеченныя въ христіанскія формы и въ великолѣпную, поэтически-религіозную символику—бѣдному культу протестантизма; кромѣ того они тщательно наблюдали, чтобы всѣ члены ихъ ордена были совершенно проникнуты его духомъ.

Благодаря этому, іезуиты вскорѣ вытѣснили доминиканцевъ со всѣхъ важныхъ должностей и вполнѣ заняли ихъ роль проповѣдниковъ папской мудрости и вѣрныхъ слугъ папскаго абсолютизма.

Безпорядки, возникшіе во Франціи въ половинѣ XVI столѣтія, междоусобная война, свирѣпствовавшая въ этой странѣ, нидерландскіе смуты, раздоры въ габсбургскомъ домѣ, начавшіеся по смерти Максимиліана II и нарушеніе аугсбургскаго религіознаго мира, поведшее къ тридцатилѣтней войнѣ,—все это было дѣломъ іезуитовъ. Поэтому необходимо упомянуть о возникновеніи этого ордена, имѣвшаго цѣлью обращать невѣрующихъ и еретиковъ и воспользоваться научными пріобрѣтеніями XIV и XV столѣтія, чтобы дать новыя основанія древнимъ вѣрованіямъ. За то мы не считаемъ нужнымъ говорить подробно о грязныхъ капуцинахъ, которые помогали болѣе опрятнымъ францисканцамъ въ заботѣ не допускать къ евангелію простой народъ, среди котораго они дѣйствовали, и поддерживать въ немъ суевѣріе.

Основатель іезуитскаго ордена Игнатій Лойола почти въ тоже время покинулъ свѣтское поприще и перешелъ на духовное, когда Лютеръ послѣ поѣздки въ Вормсъ окончательно отступился отъ монашества и католицизма. Игнатій Лойола командовалъ въ 1521 гарнизономъ Пампелуны и при мужественной защитѣ этого города (т. XI стр. 371) получилъ столь опасную рану въ обѣ ноги, что долженъ былъ оставить военную службу. Во время долгой и тяжкой болѣзни отъ ранъ онъ занимался въ своемъ родовомъ замкѣ чтеніемъ легендъ о житіѣ святыхъ, о чудесахъ, которыя они совершали, и видѣніяхъ, являвшихся имъ. Какъ испанецъ, воспитанный на подобныхъ легендахъ и имѣвшій много чудесныхъ рыцарскихъ приключеній, онъ разумѣется вскорѣ удостоился небесныхъ видѣній, которыя гораздо рѣже случаются съ холодными жителями сѣвера. Такъ какъ провидѣніе лишило его возможности продолжать рыцарскія похожденія, то онъ отправился отыскивать странни-

ческихъ. Его безчисленные прославители описываютъ его странствованіе на богомоліе въ Римъ и Іерусалимъ, гдѣ онъ обращалъ турокъ; описанія эти заставляютъ предполагать, что въ теченіе по крайней мѣрѣ этихъ двухъ лѣтъ онъ былъ не совсѣмъ въ своемъ умѣ. Затѣмъ онъ скитался по Испаніи, жилъ нѣкоторое время въ Барселонѣ, гдѣ тщетно старался усвоить себѣ элементарныя познанія въ богословіи, которыя пріобрѣлъ потомъ въ Парижѣ; здѣсь онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ на деньги, выхаженныя въ Нидерландахъ, гдѣ побирался до пріѣзда въ Парижъ. Такимъ образомъ онъ пріобрѣлъ не только научныя свѣдѣнія, но и знаніе жизни и людей, которымъ былъ впослѣдствіи силенъ основанный имъ орденъ. Онъ могъ вслѣдствіе этого дать разумное направленіе дикому фанатизму, чрезмѣрному суевѣрію и умерщвленіямъ плоти, которые давали ему тоже вліяніе на массу, какимъ прежде пользовались основатели нищенствующихъ орденовъ. Въ 1534 Лойола сдѣлался магистромъ; такой энергическій, твердый и честолюбивый человѣкъ, безъ сомнѣнія, могъ въ девять лѣтъ приготовиться съ успѣхомъ пройти всѣ ученыя испытанія.

По свидѣтельству іезуитовъ, писавшихъ біографію Лойолы, которымъ мы слѣдуемъ, онъ началъ проповѣдывать и обращать въ свое ученіе еще въ Парижѣ; онъ исполнялъ это свое, такъ называемое, внутреннее призваніе съ помощью тѣхъ необыкновенныхъ средствъ и странныхъ рѣчей, которыя и теперь еще не утратили вліянія на массу и модный свѣтъ, какъ доказываетъ жизнеописаніе св. Елисаветы Монталанбера. Впрочемъ въ этомъ еще нѣтъ положительнаго зла. Но въ это же время святой основатель іезуитскаго ордена началъ другую дѣятельность, которая доселѣ составляетъ главную цѣль ордена, а именно истребленіе протестантизма и протестантовъ безъ разбора средствъ. Страшную ненависть ордена къ Лютеру и лютеранству можно бы было доказать цитатою изъ исторіи перваго столѣтія существованія іезуитовъ; но недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ привести эту ци-

тату, и мы должны ограничиться ссылкою на Imago primi seculi etc: (lib. I. diss. VI. p. 18). Что касается до самого святого, то біографъ его, Рибаденейра, говоритъ: „во время пребыванія Игнатія въ Парижѣ многія университетскія знаменитости поддерживали предпріятіе Лютера. Какъ орудіе, избранное Господомъ для ниспроверженія проклятаго ученія реформатора, Игнатій прибѣгалъ ко всевозможнымъ хитростямъ, чтобы противодѣйствовать распространенію реформаціи во Франціи. Онъ тщательно собиралъ свѣдѣнія о лицахъ, подозрѣваемыхъ въ ереси, и указывалъ на нихъ инквизиціи, которая поступала съ ними по всей строгости". Французскіе короли Францискъ I и Генрихъ II жгли по временамъ протестантовъ дюжинами по приговору парламентскихъ юристовъ-богослововъ. Впрочемъ судьба покровительствовала Лойолѣ, хотя біографъ его увѣряетъ, что его мистицизмъ и фанатизмъ были осмѣяны даже въ Парижѣ и что даже соотвѣтственникъ его, Францискъ Ксаверій, у котораго онъ слушалъ философію въ бовесской коллеґіи, сперва не увлекся имъ. Однако вскорѣ Ксаверій перемѣнилъ мнѣніе, увидѣвъ, что чистосердечное и фанатическое благочестіе его ученика можетъ принести большую пользу папской церкви. Профессоръ Францискъ Ксаверій, родомъ изъ Наварры, и ученый савояръ Пьерръ Фаберъ облекли въ научную форму сумасбродныя и фанатическія мечтанія Лойолы; къ нимъ пристало нѣсколько другихъ ученыхъ, желавшихъ начать проповѣдь противъ ереси, сражаться, подобно странствующимъ рыцарямъ, за религію, только не оружіемъ, а языкомъ, и искать миссіонерскихъ приключеній.

Разсчетъ былъ вѣренъ. Вскорѣ они заняли важное положеніе. То были люди сильные и энергическіе, которые дѣйствовали во всѣхъ сферахъ общества, смотря на степени своего ума, познаній и характера. Кромѣ Ксаверія и Фабера къ Лойолѣ пристали Іаковъ Лайнесъ, Альфонсъ Сальмеронъ, Николай Бобадилья и Симонъ Родригесъ; они рѣшились биться на жизнь или смерть за потрясенную со всѣхъ сторонъ папскую церковь.

Въ августѣ 1534 Лойола отслужилъ въ присутствіи этихъ лицъ торжественную мессу въ подземной капеллѣ монмартрскаго женскаго монастыря и взялъ съ нихъ клятву въ томъ, что они послѣдуютъ за нимъ въ Іерусалимъ или Римъ, падутъ ницъ передъ папой и предложатъ ему свою жизнь и услуги на защиту священнаго престола. Послѣ того онъ отправился на короткое время въ Испанію, гдѣ его самоистязанія, чрезмѣрное смиреніе и фанатическое самоотреченіе, которыя французскіе доктора считали несомнѣнными признаками помѣшательства, были приняты за доказательства святости. При пріѣздѣ его на родину народъ и духовенство торжественно вышли ему на встрѣчу, видя въ немъ новѣйшаго наслѣдника византійскихъ столпниковъ (т. IV стр. 536). Онъ поселился не въ замкѣ брата, а въ больницѣ, собиралъ милостыню, проповѣдывалъ покаяніе и творилъ чудеса. Но страсть къ странствованіямъ была въ немъ также сильна, какъ и проповѣдническое рвеніе. Пройдя по Испаніи, онъ отправился на кораблѣ черезъ Геную въ Венецію.

За нимъ послѣдовали фанатики, которыхъ онъ обязалъ въ Парижѣ клятвою; число ихъ увеличилось, потому что къ нимъ присоединились еще нѣсколько испанцевъ, учившихся въ Парижѣ. Намѣреніе отправиться въ Іерусалимъ было покинуто. Игнатій, Фаберъ и Лайнесъ отправились въ Римъ предлагать папѣ учредить орденъ, который бы служилъ римскому престолу на жизнь и смерть и содѣйствовалъ истребленію еретиковъ. Прочіе члены разошлись по итальянскимъ университетамъ вербовать слугъ для новаго ордена. Въ 1538 и 1539 годахъ былъ составленъ проэктъ орденскаго устава на совершенно особенныхъ основаніяхъ; орденъ долженъ былъ служить не церкви или незримому главѣ ея, а папскому престолу; затѣмъ еще до полученія отъ папы отвѣта, въ апрѣлѣ 1539, къ обѣтамъ нищеты и цѣломудрія былъ присоединенъ обѣтъ безусловнаго, слѣпаго повиновенія будущему начальнику ордена. Но всего этого казалось недостаточно, чтобы побудить папу содѣйствовать честолюбивымъ стремленіямъ этихъ

пылкихъ и безпокойныхъ людей и согласиться на учрежденіе ордена, предназначеннаго для свѣта, а не для монастырей. Поэтому прибавили четвертое, доселѣ неслыханное постановленіе, которое должно было расположить папу въ пользу новаго ордена; въ то время Павелъ, не смотря на общее негодованіе противъ грязи и пошлости нищенствующихъ орденовъ, призналъ орденъ капуциновъ и упорно повторялъ каждый великій четвергъ всѣ анафемы буллы in coena domini. 4 мая 1539 учредители ордена Іисуса постановили четвертое правило: безусловно повиноваться папскому престолу и безвозмездно содѣйствовать папѣ во всѣхъ его предпріятіяхъ.

Съ этихъ поръ богатство и вліяніе людей, присоединившихся къ Лойолѣ, начали быстро усиливаться; вліятельные и способнѣйшіе люди Рима ясно увидѣли, какую пользу можетъ принести имъ проэктъ человѣка, тщеславіе и фанатизмъ котораго были безпредѣльны и который пользовался большимъ вліяніемъ въ Испаніи и Португаліи. Они написали очень умно составленную книгу, вполнѣ удовлетворяющую современному состоянію умовъ въ Италіи, и поднесли ее хитрому дипломату папѣ Павлу и его дальновиднымъ кардиналамъ. Самъ Лойола съ своими ограниченными познаніями и умомъ не могъ бы такъ хорошо изложить свой планъ. Однако папа все еще колебался, хотя португальское правительство обратилось къ Лойолѣ съ просьбой прислать миссіонеровъ въ остъиндскія владѣнія Португаліи. Лойола принялъ предложеніе и такимъ образомъ сдѣлался основателемъ португальскихъ миссій на востокѣ. Симонъ Родригесъ и Франдискъ Ксаверій отправились миссіонерами за океанъ. Ксаверій сдѣлался миссіонеромъ въ Японіи, мученикомъ и святымъ, и этимъ прославилъ свой орденъ, какъ нѣкогда святой Доминикъ и Францискъ Ассисскій прославили собою доминиканскій и францисканскій ордена.

Осенью 1540 Павелъ III утвердилъ орденъ буллой Consueverunt, и Лойола былъ назначенъ первымъ генераломъ ордена.

Digitized by Google

Распространяя и обогащая его, онъ выказалъ такую же энергическую и безпокойную дѣятельность, такой же непомѣрный фанатизмъ и такое же умѣніе пользоваться обстоятельствами, какъ и при учрежденіи его. Немедленно начались всюду жалобы на жестокость, страсть къ преслѣдованіямъ и нетерпимость іезуитовъ. Симонъ Родригесъ остался въ Португаліи, тогда какъ Францискъ Ксаверій уже уѣхалъ, не смотря на просьбы короля Іоанна III, желавшаго удержать его при себѣ. Подъ покровительствомъ короля Родригесъ принялся съ страшной жестокостью свирѣпствовать противъ евреевъ и марранъ; дворянство и народъ тщетно жаловались на кровавое рвеніе папскаго ополченія. Въ Шотландію были посланы папой іезуиты Сальмеронъ и Бруэ, которымъ Лойола внушилъ такую кротость, милосердіе и смиреніе, что поведеніе ихъ отвратило свободолюбивыхъ шотландцевъ отъ религіи, навязываемой имъ силой. Для Германіи іезуиты, присланные Римомъ, были какъ нельзя болѣе кстати; Фаберъ, Бобадилья и ле Же сдѣлали не мало для уничтоженія результатовъ вормскаго и регенсбургскаго диспутовъ. Въ Регенсбургѣ народъ хотѣлъ бросить ле Же въ Дунай за брань противъ реформаціи; за то герцогъ Баварскій назначилъ его профессоромъ въ Ингольштатъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи разсадникомъ іезуитства въ Германіи. Бобадилья поселился въ Вѣнѣ, гдѣ при Фердинандѣ испанскому іезуиту было много дѣла, но при Максимиліанѣ II пришлось сидѣть, сложа руки. Фаберъ отправился сначала въ Майнцъ, съ цѣлью препятствовать всѣми средствами устраненію вопіющихъ злоупотребленій, предпринятому архіепископомъ. Изъ Майнца онъ поѣхалъ въ Кёльнъ, гдѣ пріобрѣлъ для своего ордена важнаго дѣятеля въ лицѣ голландца Петра Канизія, человѣка съ огромною памятью и замѣчательною діалектикою.

Въ 1543 папа Павелъ III отмѣнилъ свое первоначальное постановленіе, которымъ число членовъ ордена ограничивалось шестидесятью; вскорѣ всѣ католическія страны, особенно Испанія, Португалія и Нидерланды, наполнились іезуитами. Они умѣ-

Digitized by Google

ли привлекать въ орденъ умнѣйшихъ людей, усвоили себѣ научныя знанія, которыми пренебрегало монастырское духовенство, и съ софистикой, свойственной ихъ ордену, пользовались наукою для ниспроверженія евангельскаго ученія, обратившагося въ то время въ Германіи въ сухую догматику. Университеты, школы и придворныя исповѣдальни быстро очутились во власти іезуитовъ; къ нимъ принадлежали члены знатныхъ фамилій; какъ духовные отцы, они знали всѣ тайны, и ихъ генералъ держалъ въ своихъ рукахъ нити всѣхъ безчисленныхъ интригъ ихъ. Іезуиты умѣли увлекать своихъ учениковъ, подготовляли ихъ къ роли придворныхъ и давали каждому занятіе и должность, соотвѣтствующія его способностямъ.

Съ половины XVI столѣтія іезуиты разсѣялись повсюду, и дѣятельность ихъ клонилась къ тому, чтобы съ одной стороны подавлять въ христіанствѣ всякое прогрессивное движеніе, выходившее за предѣлы среднихъ вѣковъ, а съ другой напротивъ къ тому, чтобы развить точныя науки и матеріальныя стороны жизни. Всѣ правила ордена, вся внутренняя администрація его, выборъ членовъ, испытаніе и надзоръ, которому они подвергались—словомъ, все клонилось къ тому, чтобы обратить начальниковъ ордена въ аристократію, подобную древне-римской или венеціанской. Но мы не можемъ входить въ эти подробности изъ опасенія уклониться отъ историческихъ цѣлей этого сочиненія.

Изъ безчисленнаго множества сочиненій о внутренней организаціи ордена мы назовемъ лишь одно, авторъ котораго знакомъ съ этимъ предметомъ ближе другихъ писателей, хотя сочиненіе его проникнуто ироніей. Сочиненіе это принадлежитъ Мельхіору Инхгоферу, который занималъ значительную должность въ орденѣ въ половинѣ XVII столѣтія, жилъ въ Римѣ и былъ удостоенъ дружбы папы Иннокентія X. Іезуиты почти на глазахъ папы увезли Мельхіора Инхгофера изъ Рима, хотя онъ скрылъ въ сочиненіи свое имя, но не могъ сохранить свое авторство въ

тайнѣ. Однако папа принудилъ ихъ возвратить его въ Римъ. Тогда іезуиты, чтобы поколебать авторитетъ этого сочиненія, стали утверждать, что оно писано не Инхгоферомъ. Сочиненіе это носитъ заглавіе: государство архи-эгоистовъ (Monarchia Solipsorum). Это ловкая аллегорія, въ которой впрочемъ іезуиты ни разу не названы по имени. Въ двадцати главахъ его описаны организація іезуитскаго ордена и его положеніе въ первомъ вѣкѣ по учрежденіи; описаніе это вовсе не согласуется съ разсказами іезуитовъ (Imago primi seculi societatis Iesu). Сначала говорится объ управленіи орденомъ, далѣе о способахъ, которыми они привлекаютъ къ себѣ нужныхъ и богатыхъ людей; о легендахъ и басняхъ, которыми они прикрываютъ исторію ордена; о школахъ, занятіяхъ, нравахъ и обычаяхъ, законахъ, приговорахъ и собраніяхъ ихъ; объ ихъ иностранныхъ миссіяхъ, доходахъ и многочисленныхъ тяжбахъ. Ясно, что авторъ имѣлъ намѣреніе обратить вниманіе своихъ современниковъ, боготворившихъ іезуитовъ, на слабыя стороны ордена; тѣмъ не менѣе факты, приводимые имъ, вполнѣ заслуживаютъ довѣрія. Іезуитъ Готлибъ Рейно, сочиненія котораго изданы въ двадцати томахъ, опровергалъ книгу Инхгофера по обычаю своего ордена смѣлымъ отрицаніемъ, храброю бранью и софистическими увертками.

2. Гизы, Генрихъ II французскій и его отношенія къ Германіи.

Еще при Францискѣ I, въ особенности по старанію ордена Іисуса, во Франціи начали преслѣдовать протестантовъ; эти преслѣдованія потрясали Францію до конца столѣтія, давая французской знати поводъ пользоваться народомъ для своихъ личныхъ цѣлей. Аристократія привлекала на свою сторону народъ, искавшій религіозной свободы, притворною любовью къ ней, подобно тому, какъ въ наше время она снова склоняла его на свою

сторону лицемѣрной любовью къ политической свободѣ. Какъ теперь, такъ и тогда она обманывала его, какъ скоро достигала черезъ него своей цѣли.

При дворѣ шли вѣчные раздоры партій, такъ что исторія послѣднихъ лѣтъ царствованія Франциска I состоитъ почти исключительно въ интригахъ прежней и новой любовницъ короля, герцогини д'Этампъ и Діаны де Пуатье герцогини де-Валантинуа. При Генрихѣ II, наслѣдовавшемъ своему отцу въ концѣ марта 1547, возвысились Лотарингскіе принцы. Францискъ удалилъ отъ двора престарѣлаго, властолюбиваго коннетабля де-Монморанси (стр. 227) и на смертномъ одрѣ взялъ съ своего наслѣдника обѣщаніе не возвращать его изъ ссылки. Но Генрихъ II, вступивъ на престолъ, немедленно вызвалъ коннетабля, совершенно ввѣрилъ ему правленіе, приказавъ даже выплатить ему сполна жалованіе, котораго онъ не получалъ въ ссылкѣ. За этимъ послѣдовала ссылка герцогини д'Этампъ, которую вдобавокъ вскорѣ ограбили. Дворецъ ея былъ отданъ Діанѣ де-Пуатье, а лучшія имѣнія одному изъ Лотарингскихъ принцевъ, кардиналу Лотарингскому. При дворѣ Генриха II было цѣлыхъ пять партій, вожди которыхъ стремились господствовать безраздѣльно. Партія Діаны де-Пуатье была въ тѣсномъ союзѣ съ партіей коннетабля; приверженцы Гизовъ были равносильны этимъ обѣимъ партіямъ; менѣе значенія имѣли партіи маршала де Сентъ-Андре и королевы Екатерины Медичи.

Фамилія Гизовъ, въ пользу которой интриговали іезуиты и которую фанатическій народъ считалъ главною опорою католицизма, потрясеннаго кальвинистами, происходила отъ младшаго сына герцога Рене II Лотарингскаго, герцога Клода де Гиза, старшій братъ котораго, Антонъ, наслѣдовалъ герцогство Лотарингское (т. XI стр. 396). Такимъ образомъ Гизы были Лотарингскими принцами. Но Лотарингія принадлежала къ германской имперіи, и французское правительство всячески притѣсняло потомковъ Антона, потому что германская имперія не могла за-

щитить ихъ; за то потомки его брата, Клода, пріобрѣли по Франціи могущество и богатство. У Клода было пять сыновей, игравшихъ, подобно ему, важную роль въ исторіи Франціи. Старшій сынъ, Францискъ, называвшійся до смерти отца (1550) графомъ д'Омалемъ, а потомъ герцогомъ де-Гизомъ, прославился страшной раной, полученной при нападеніи англичанъ на Булонь; второй сынъ, Карлъ, извѣстенъ подъ именемъ кардинала Лотарингскаго. Третій, Клодъ, былъ герцогомъ д'Омалемъ. Четвертый, Лудовикъ, тоже получилъ кардинальское достоинство. Пятый, Рене, назывался герцогомъ д'Эльбёфъ. Основаніе величію дома Гизовъ положилъ герцогъ Клодъ, выдавъ свою дочь, вдовствующую герцогиню де Лонгвиль, за Іакова V короля Шотландскаго. По смерти Іакова и по вступленіи на престолъ его новорожденной дочери, Маріи Стюартъ, Гизы и іезуиты управляли этимъ государствомъ подъ именемъ королевы-матери, обручили свою племянницу съ дофиномъ французскимъ и, къ ея несчастію, воспитали ее при легкомысленномъ французскомъ дворѣ, среди нелѣпыхъ интригъ партій. Кромѣ того они составили планъ женить Клода де Гиза герцога д'Омаля на дочери всемогущей любовницы короля (французы увѣряютъ впрочемъ, что отношенія ихъ были основаны на платонической любви); затѣмъ они достанили кардинальскую шапку четвертому брату, хотя второй уже носилъ ее. Наконецъ старшій братъ, Францискъ де Гизъ, оказалъ важныя услуги Франциску I въ войнѣ съ англичанами за Булонь, а потомъ еще болѣе значительныя Генриху II въ войнѣ съ императоромъ. По заключеніи мира съ Эдуардомъ VI въ мартѣ 1549 (или, собственно говоря, позже, потому что годъ начинался тогда съ Пасхи), при чемъ Франціи была возвращена Булонь, французы начали непріязненныя дѣйствія въ Италіи, возбудившія въ слѣдующемъ году войну.

Слабымъ Генрихомъ II управляли любимцы, которыхъ онъ легкомысленно и съ безпримѣрною расточительностью осыпалъ

имѣніями, почестями, должностями и званіями; они воспользовались раздорами, возникшими въ Италіи и Германіи, чтобы возвратить Франціи, на счетъ Испаніи и германской имперіи, то значеніе въ Европѣ, котораго лишилъ ее Карлъ V. При этомъ болѣе всѣхъ отличился Францискъ де Гизъ, прозванный le balafré (т. X стр. 175). Прежде всего возобновили договоръ съ швейцарскими кантонами, отъ котораго уклонились только бернцы и цюрихцы, такъ какъ, со времени восшествія на престолъ Генриха II, де Монморанси, Гизы и Екатерина Медичи не расходились между собою лишь въ жестокостяхъ и насиліяхъ противъ протестантовъ. Это было средствомъ обогащать на счетъ несчастныхъ жертвъ инквизиціи толпы молодыхъ придворныхъ; такъ напримѣръ, изъ подобнаго источника былъ сдѣланъ подарокъ маршалу де Віельвилю; но, какъ онъ говоритъ, онъ съ презрѣніемъ отвергъ такую милость, вырѣзавъ кинжаломъ изъ пергамента свое имя и бросивъ дипломъ на полъ. Французскій посланникъ при императорскомъ дворѣ, Марильякъ, возбуждалъ противъ императора протестантовъ и другихъ германскихъ недовольныхъ. Въ 1550 всюду были разосланы французскіе агенты; они поддерживали мужество магдебургцевъ, вели переговоры съ сыновьями лавдграфа Филиппа и съ курфирстомъ Морицомъ. Пьэмонтъ и Савойя все еще были заняты французами. Въ 1551 въ Италіи началась война; на помощь Оттавіо Фарнезе былъ посланъ де Термъ; онъ вступилъ въ Парму, которую вслѣдъ за тѣмъ осадила миланская армія испанцевъ. Въ это время сыновья лавдграфа и Морицъ Саксонскій, готовясь къ войнѣ съ императоромъ, съ цѣлью возстановить политическую и религіозную свободу Германіи, рѣшились купить содѣйствіе Франціи уступкою всей области отъ Меца до Камбрэ. Карлъ намѣревался окончательно истребить ересь. Генрихъ же не признавалъ императорско-папскаго тридентскаго собора и поддерживалъ германскихъ протестантовъ. Но, чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе въ сочувствіи къ еретикамъ, онъ началъ жестоко преслѣдовать протестантизмъ во

Франціи. Въ Шатобріанѣ былъ изданъ противъ свободы совѣсти чудовищный эдиктъ, и затѣмъ король назначилъ великаго инквизитора.

Во время заключенія фридевальдскаго трактата Генрихъ II велъ въ Фонтенбло личные переговоры съ нѣмецкимъ посольствомъ, которое было отправлено въ октябрѣ во Францію изъ Страсбурга. При посольствѣ между прочимъ состояли Вильгельмъ Нассау-Оранскій, пфальцграфъ Зиммернскій, два ассессора имперскаго палатнаго суда и бургомистры нюрнбергскій и страсбургскій. Впрочемъ послѣдніе не знали о намѣреніи государей уступить Франціи имперскіе города. Знай они это, замѣчаетъ маршалъ де Віельвиль, то города эти взялись бы за оружіе. Віельвиль смѣется въ своихъ мемуарахъ надъ образомъ жизни нѣмцевъ, совершенно отличномъ отъ привычекъ французовъ. Онъ разсказываетъ, будто посланники отправились изъ Страсбурга чрезъ тогдашній пограничный городъ Дизье; но, узнавъ отъ переводчика, гдѣ производится лучшее шампанское вино, они перемѣнили путь и поѣхали на эти мѣста. У нѣмцевъ существовалъ обычай проводить въ пути не болѣе пяти или шести часовъ въ сутки. Поэтому посланники путешествовали только до обѣда; остановившись обѣдать, они до 9 часовъ вечера не трогались съ мѣста. Въ это время они избѣгали говорить о дѣлахъ, опасаясь, что собесѣдники воспользуются ихъ хмѣлемъ *). Маршалъ подробно описываетъ собранія, аудіенціи, рѣчи и роль, которую игралъ Вильгельмъ Нассаускій, который уже въ то время былъ непобѣдимъ въ дипломатіи. Віельвиль говоритъ, что король немедленно собралъ сильное войско, чтобы занять уступленные ему города, пока Морицъ аттакуетъ императора въ Тиролѣ.

Генрихъ собралъ въ Шампани войско, въ которомъ было семь тысячъ швейцарцевъ, и двинулся на Мецъ, Туль и Верденъ.

---

*) Par la crainte qu'on les veuille surprendre parmy leurs buvettes, qu'ils appellent Schlofftrumers (т. е. Schaftrunk—сонный напитокъ).

Онъ вступилъ въ эту область не врагомъ, потому что ему не было причины воевать съ имперіей, а скорѣе защитникомъ того, что нѣмцы называли свободой. Поэтому онъ издалъ манифестъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, съ виньеткою, изображавшею фригійскій колпакъ между двумя кинжалами и съ надписью сверху „свобода," а кругомъ: „Генрихъ, защитникъ Германіи и ея плѣненныхъ государей." Уступленные ему города, Камбрэ, Мецъ, Туль и Верденъ, отворили ему ворота, какъ своему защитнику; но, вступивъ въ нихъ, онъ принудилъ магистраты выслать нѣмецкія войска и принять французскія. Онъ назначилъ всюду комендантами французовъ, смѣнилъ членовъ городскихъ совѣтовъ, уничтожилъ вольности Меца и подчинилъ его епископу. Одинъ современникъ, писавшій по латыни, выразился по этому случаю, что французы заняли города измѣнически и вѣроломно (proditorie et cum omni perfidia); но маршалъ де Віельвиль основательно опровергъ это *).

Изъ Меца король двинулся въ Лотарингію, гдѣ, за несовершеннолѣтіемъ герцога Карла II, правила мать его, дочь сестры Карла V, бывшей замужемъ за Христіаномъ II датскимъ. Она тщетно старалась задобрить французскаго короля: французы заняли Нанси и увезли девятилѣтняго герцога во Францію, гдѣ впослѣдствіи женили на дочери короля. За то французы пощадили Лотарингію и не подвергли ее опустошеніямъ, подобнымъ тѣмъ, которыя вслѣдъ за тѣмъ произвели въ Эльзасѣ до Вейсенбурга и Страсбурга. Грубый и надменный коннетабль вообразилъ, что Страсбургъ и другіе рейнскіе города отворятъ королю ворота, подобно Мецу,

---

*) Mais ce pédant ivrogne estoit ignorant du fond de cette entreprise car toute la perfidie, s'il y en avoit aucune, provenoit des princes allemands, qui poussèrent sa Majésté à cette investiture. (Но этотъ пьяный педантъ не зналъ сущности дѣла, потому что, если съ чьей-нибудь стороны было коварство, то, конечно, со стороны германскихъ князей, которые побудили Е. В. вмѣшаться въ это дѣло).

Тулю и Вердену; но поджоги и разбои, совершенные французами въ Эльзасѣ, внушили рейнскимъ городамъ осторожность тѣмъ болѣе, что король заставилъ занятые имъ города присягнуть ему на подданство. Маршалъ де Віельвиль предвидѣлъ это и, недовольный коннетаблемъ, отказался отъ должности мецскаго губернатора. Онъ говорилъ королю, что не слѣдуетъ назначать комендантовъ и вводить гарнизоны въ города, черезъ которые армія проходитъ, что должно лишь оставлять въ нихъ агентовъ и интендантовъ, стараться расположить къ себѣ магистраты и важнѣйшихъ гражданъ и поддерживать ихъ въ убѣжденіи, что король предпринялъ походъ лишь для защиты свободы Германіи. „В. В., прибавилъ маршалъ, если нѣмцы увидятъ, что вы оставляете въ ихъ городахъ намѣстниковъ и гарнизоны, то поймутъ ваше намѣреніе, и вы лишитесь возможности овладѣть прекрасными городами, Страсбургомъ, Шпейеромъ, Вормсомъ и другими; всѣ они навѣрно вышлютъ сюда агентовъ собирать свѣдѣнія о вашихъ поступкахъ съ здѣшними городами; смотря по тому, каковы окажутся эти свѣдѣнія, они предадутся вамъ или не пустятъ васъ.

Король готовъ былъ послѣдовать этому совѣту; но коннетабль сказалъ, что рейнскіе нѣмцы также глупы, какъ и мецскіе и что потому слѣдуетъ забирать всѣ города на пути. Французская армія вступила изъ Лотарингіи въ Эльзасъ, гдѣ свирѣпствовала страшнымъ образомъ. Маршалъ находитъ неудивительнымъ, что при приближеніи французовъ населеніе страны разбѣгалось *). За фуражемъ и продовольствіемъ приходилось посылать за нѣсколько миль и не менѣе десяти человѣкъ вмѣстѣ.

---

*) Le françois monstra bien son insolence au premier logis, qui effraya si bien tout le reste, que nous ne trouvasmes jamais depuis ung seul hommes à qui parler. (На первой же стоянкѣ французы обнаружили всю свою наглость, которая такъ напугала всю страну, что съ этихъ поръ мы нигдѣ не встрѣчали ни одной живой души.)

Въ Страсбургъ была послана коммиссія за разными покупками; страсбургцы приняли ее весьма гостепріимно; но когда на другой день къ городу подошелъ значительный военный отрядъ и покусился въѣхать въ Страсбургъ, горожане встрѣтили его залпомъ изъ пушекъ и разсѣяли *). Когда повѣренный коннетабля (Лезиньи) указалъ на Мецъ и напомнилъ обѣщанія, данныя наканунѣ, магистратъ возразилъ: „Мецкіе граждане, хотя знаютъ по французски, но дались въ обманъ; мы же, хотя говоримъ только по нѣмецки, но не до пустимъ, чтобы французскіе люди (par des Franchimants) надули насъ. Напрасно коннетабль вообразилъ, что имѣетъ дѣло съ глупцами (qu'il avoit affaire à des bestes), которые согласятся впустить его въ городъ съ шестью полками (avec six campaignies sous ung drapeau). Но если король пожелаетъ войдти въ Страсбургъ со свитою не болѣе тридцати девяти рейтаровъ (gens darmes), то мы будемъ очень рады.“ Маршалъ отговорилъ короля въѣзжать въ городъ съ такою ничтожною свитою. Онъ говорилъ, что нѣмцамъ нельзя довѣрить, потому что имъ стоитъ только показать бутылку съ виномъ, чтобы измѣнить ихъ мнѣніе. Король двинулся къ Гагенау и угрозами принудилъ жителей впустить его; но вскорѣ онъ убѣдился, что Вормсъ и другіе города не примутъ его, и что ему необходимо немедленно вернуться съ Рейна, такъ какъ императорскія войска вступили изъ Нидерландовъ въ предѣлы французскихъ владѣній. Правительница Нидерландовъ Марія, сестра Карла V, собрала нидерландское дворянство, и въ Шампани стояли уже значительныя силы, когда французскіе отряды соединились и вытѣснили императорскія войска изъ этой провинціи.

*) Mais incontinent qu'ils furent à la portée du canon, on leur fit une terrible salve; car il en fut tué environ dix ou douze, et s'ils ne se fussent escartez qui ça qui la á toutes brides, il en fust demeuré bien davantage. (Но какъ только они подошли на пушечный выстрѣлъ, въ нихъ грянули страшнымъ залпомъ; 10 или 12 человѣкъ было убито, а прочіе едва спаслись, ускакавъ во весь опоръ, куда глаза глядятъ.)

Во время этихъ военныхъ дѣйствій Морицъ и его союзники заключили съ императоромъ пассаусскій договоръ; между тѣмъ маркграфъ Альбрехтъ Бранденбургъ-Кульбахскій съ графами и рыцарями, жившими, подобно ему, разбоями, страшно свирѣпствовалъ во Франконіи и на Рейнѣ. По заключеніи пассаусскаго перемирія и по примиреніи Морица съ императоромъ, Альбрехтъ не прекращалъ этихъ грабежей подъ предлогомъ союза съ Франціей; Морица же онъ поносилъ самымъ грубымъ образомъ. Ограбивъ франконскихъ епископовъ и вынудивъ у нихъ договоръ, который былъ впослѣдствіи расторгнутъ имперскимъ палатнымъ судомъ, Альбрехтъ жестоко ограбилъ нюрнбергцевъ, сказавъ, что надо вытрясти перечницы; затѣмъ онъ собралъ всюду громадныя контрибуціи, осаждалъ Франкфуртъ и наконецъ двинулся противъ Ульма, гдѣ однако встрѣтилъ такой отпоръ, что поспѣшилъ назадъ, намѣреваясь напасть на курфирста Майнцскаго; но счастливый случай спасъ курфирста. Затѣмъ Альбрехтъ собралъ всѣхъ своихъ грабителей союзниковъ, безпокоилъ Страсбургъ и Эльзасъ и сосредоточилъ свои разбойничьи шайки на лѣвомъ берегу Рейна.

Согласно своему обѣщанію, Морицъ послалъ своему другу Фердинанду вспомогательныя войска противъ турокъ. Императоръ, досадуя на успѣхи французовъ, началъ готовиться къ походу противъ Меца, въ которомъ король Генрихъ оставилъ цѣлый корпусъ и нѣсколько сотъ піонеровъ, чтобы усилить и увеличить его укрѣпленія. Вскорѣ король собралъ войско подъ предводительствомъ герцога Альбы и маркиза Мариньяно, но, не имѣя ни денегъ, ни кредита, не могъ содержать эту армію и исправно платить ей жалованіе. Затѣмъ онъ поѣхалъ въ Страсбургъ чрезъ Аугсбургъ, гдѣ наконецъ освободилъ Іоанна Фридриха Саксонскаго. Бывшій курфирстъ избралъ своей резиденціей Веймаръ, куда и отправился, заѣхавъ сначала въ Іену, гдѣ по его старанію былъ основанъ въ 1549 университетъ. Въ Бреттенѣ императоръ узналъ, что неистовый маркграфъ Альбрехтъ, переправившись на лѣвый берегъ Рейна, сжогъ всѣ суда на Рейнѣ. Это

Digitized by Google

принудило Карла прожить нѣсколько дней въ этой деревушкѣ близь Страсбурга, пока войско его переправлялось черезъ Рейнъ. Вступивъ въ Эльзасъ, армія его долго простояла здѣсь безъ нужды, притѣсняя жителей по обычаю всѣхъ тогдашнихъ наемниковъ.

Намѣстникомъ областей, отнятыхъ у имперіи, былъ герцогъ Францискъ де-Гизъ; вдовствующая герцогиня Лотарингская была принуждена отправиться въ Страсбургъ, а оттуда въ Нидерланды. Пока императоръ медлилъ, герцогъ принялъ отличныя мѣры для укрѣпленія и вооруженія Меца, Туля и Вердена, комендантами которыхъ были лучшіе французскіе генералы. Въ Мецѣ было до десяти тысячъ войска, и къ герцогу присоединилось все рыцарское дворянство сосѣднихъ французскихъ провинцій. Императоръ выступилъ изъ Линдау въ концѣ сентября и началъ дѣятельно готовиться къ осадѣ Меца; съ нимъ соединилась нидерланская армія, и онъ старался кромѣ того привлечь къ себѣ маркграфа Альбрехта Кульмбахскаго и его разбойничьи шайки, терзавшія и мучившія германскую имперію. Послѣ жестокостей и грабежей, совершенныхъ на Майнѣ и на Рейнѣ, послѣ насилій въ Эльзасѣ, нападенія на Майнцъ и контрибуцій, взятыхъ съ курфирста, маркграфъ вступилъ въ Лотарингію. Его грабители носили бѣлыя кокарды въ знакъ службы французскому королю. Альбрехтъ хотѣлъ помогать герцогу де-Гизу при оборонѣ Меца, если ему будутъ отпускать продовольствіе изъ французскихъ магазиновъ. Но герцогъ отклонилъ предложеніе, принявъ его за хитрость. Альбрехтъ, стоявшій у Понтъ-а-Муссона, возбудилъ своими маневрами въ коннетаблѣ подозрѣніе; Монморанси совѣтовалъ королю аттаковать маркграфа, пока императоръ еще не прибылъ. Тогда Альбрехтъ завелъ переговоры съ императоромъ, и 24 октября Карлъ утвердилъ въ лагерѣ подъ Диденгофеномъ договоръ, заключенный съ маркграфомъ канцлеромъ, молодымъ Гранвеллой. Въ силу этого договора маркграфъ долженъ былъ помогать императору своими шайками, за что императоръ обѣщалъ утвердить договоры его съ еписко-

Digitized by Google

пами, вынужденные имъ при помощи самыхъ страшныхъ насилій, но уничтоженные имперскими судами. Такимъ образомъ Карлъ предоставилъ въ жертву ярости разбойника беззащитныхъ людей, которымъ покровительствовали имперскіе суды. Осада Меца началась 22 октября; тѣмъ временемъ Альбрехтъ собиралъ во французскихъ владѣніяхъ контрибуцію съ разрѣшенія императора, который подобнымъ образомъ выплачивалъ ему субсидіи. Онъ говорилъ французамъ, что намѣренъ вскорѣ удалиться въ Германію, а между тѣмъ грабилъ и жегъ на право и на лѣво; противъ него выслали брата герцога Франциска де-Гиза, молодого герцога д'Омаля. Герцогъ отвлекъ отъ шаекъ маркграфа часть его солдатъ, которымъ онъ не платилъ жалованья, но 4 ноября былъ разбитъ при Сенъ-Николя, раненъ и взятъ въ плѣнъ. Альбрехтъ отослалъ его въ Плассенбургъ, близь Кульмбаха и требовалъ съ него 60,000 дукатовъ за выкупъ.

Осада Меца продолжалась съ 22 октября до конца декабря, слѣдовательно, происходила въ самое суровое и нездоровое время года. Императоръ, страдавшій подагрой, обнаружилъ мужество и неутомимость, хотя недостатокъ въ продовольствіи и болѣзни поглотили болѣе половины его арміи. Но усилія его и арміи остались тщетны, тогда какъ герцогъ де Гизъ прославился защитой Меца тѣмъ болѣе, что съ этихъ поръ города и епископства Мецъ, Туль и Верденъ были навсегда присоединены къ Франціи. Германія не приняла участія въ войнѣ, потому что французы удовольствовались тѣмъ, что было имъ уступлено протестантскими государями въ вознагражденіе за субсидіи. Между тѣмъ маркграфъ Альбрехтъ вовлекъ германскихъ государей въ войну съ рыцарствомъ, которая воспрепятствовала имперіи возвратить Мецъ.

3. Альбрехтъ Бранденбургъ-Кульмбахскій и курфирстъ Морицъ Саксонскій.

Маркграфъ Альбрехтъ помогалъ императору при осадѣ Меца до привоза въ Дидингофенъ тяжелой артиллеріи. Тогда онъ возоб-

новилъ свои разбои. Чтобы не оставить въ покоѣ ни одного германскаго владѣнія, онъ вторгнулся въ архіепископство трирское, гдѣ войска его неистовствовали всю зиму; между тѣмъ совѣтники его, которымъ онъ поручилъ управлять своими собственными владѣніями, вооружили войско, чтобы на основаніи императорскаго утвержденія принудить епископовъ бамбергскаго и вюрцбургскаго выполнить вынужденныя у нихъ условія. Впрочемъ имперскій палатный судъ объявилъ императорское утвержденіе недѣйствительнымъ, снова уничтожилъ насильственные договоры маркграфа съ епископами и призвалъ многихъ нѣмецкихъ государей и города на защиту епископскихъ владѣній. Маркграфъ выступилъ тѣмъ временемъ противъ Гейдельберга и обратился по поводу постановленій суда къ императору. Карлъ въ отвѣтѣ своемъ не отрицалъ утвержденія договоровъ, однако говорилъ, что, хотя ему было бы пріятно, если бы епископы успокоились, но что онъ не можетъ препятствовать имперской юстиціи. Онъ писалъ, что ему невозможно противодѣйствовать ея рѣшеніямъ, такъ какъ и безъ того уже нѣкоторые чины питаютъ къ нему недовѣріе, которое бы усилилось, если бы онъ, по требованію маркграфа, принудилъ епископовъ выполнить принятыя ими обязательства. Поэтому онъ предлагалъ маркграфу принять посредничество своихъ друзей и родственниковъ, герцоговъ Баварскаго и Виртембергскаго. Кромѣ того курфирстъ Пфальцскій также вызвался быть посредникомъ, а епископы соглашались заплатить деньги вмѣсто того, чтобы отдать двадцать округовъ, уступленныхъ ими маркграфу по договорамъ. Но Альбрехтъ не побоялся оскорбить посредниковъ, отвергнувъ ихъ предложеніе, и снова поднялъ оружіе. Римскій король защитилъ Нюрнбергъ отъ Альбрехта, и даже самъ Карлъ V, еще въ предъидущемъ году уничтожившій насильственный договоръ города съ маркграфомъ, вторично объявилъ его недѣйствительнымъ.

Хищный маркграфъ былъ представителемъ кулачнаго права и главою рыцарей, желавшихъ возврата тѣхъ счастливыхъ временъ, когда можно было грабить по большимъ дорогамъ. Зна-

менитѣйшимъ изъ нихъ былъ Вильгельмъ фонъ Грумбахъ впослѣдствіи казненный за разбой и убійства. Государи считали Альбрехта врагомъ своего возраставшаго могущества; чтобы предупредить анархію, грозившую Германіи, они заключили на три года тайный союзъ на защиту своихъ владѣній. Этотъ, такъ называемый Гейдельбергскій союзъ, былъ заключенъ тремя государями, предлагавшими свое посредничество въ спорѣ Альбрехта съ епископами; но вскорѣ къ нему приступили Майнцъ и Триръ; Морицъ Саксонскій, бывшій впослѣдствіи главнымъ лицомъ въ войнѣ противъ Альбрехта и рыцарства, также прибылъ въ Гейдельбергъ и принялъ участіе въ союзѣ государей.

Въ апрѣлѣ 1553 Альбрехтъ съ своими рыцарями и епископы бамбергскій и вюрцбургскій выступили другъ противъ друга. Вся Франконія была страшно опустошена и ограблена, въ особенности нюрнбергскій округъ. Епископъ вюрцбургскій, Мельхіоръ Цобель, предлагалъ рѣшить ссору съ Альбрехтомъ поединкомъ; но маркграфъ отвѣчалъ ему, что „природному государю не приходиться драться съ попомъ". Такъ какъ императоръ могъ помогать епископамъ только грамотами и декретами, то они обратились къ Морицу Саксонскому и къ герцогу Генриху Младшему Брауншвейскому, который игралъ въ Нижней Саксоніи и въ Вестфаліи почти такую же роль, какъ Альбрехтъ во Франконіи и на Рейнѣ; съ тою лишь разницею, что Альбрехтъ совершалъ свои подвиги во славу рыцарства, а Генрихъ угнѣталъ рыцарей въ пользу императорской власти. За насилія противъ Брауншвейга и Гослара Генрихъ былъ изгнанъ изъ своихъ владѣній вождями шмалькальденскаго союза и содержался въ плѣну; но послѣ побѣды Карла V онъ былъ по его повелѣнію освобожденъ. По возвращеніи въ свое герцогство онъ нашелъ свои имѣнія и наслѣдственныя владѣнія въ залогѣ у рыцарства и вмѣсто того, чтобы выкупать ихъ, предпочелъ возвратить силою.

Мы пользуемся этимъ случаемъ, чтобы наглядно показать, сколько зла приходилось терпѣть горожанамъ и крестьянамъ отъ гер-

Digitized by Google

манскихъ государей и рыцарей. Все дворянство заступилось за рыцарей; товарищъ Альбрехта, графъ Фольратъ Мансфельдъ, обиженный Генрихомъ, предводительствуя рыцарствомъ, совершенно изгналъ герцога изъ его владѣній. Это происходило въ 1552, когда императоръ, осаждая Мецъ, не могъ обойтись безъ друга графа Мансфельда, маркграфа Альбрехта. Въ слѣдующемъ году императоръ не нуждался въ маркграфѣ, вслѣдствіе чего дѣла Генриха пошли лучше. Къ нему перешло много наемниковъ отъ Мансфельда, и онъ снова занялъ свою страну; онъ и его второй сынъ, Филиппъ Магнусъ, добыли деньги на уплату наемникамъ жалованья, ограбивъ Нижнюю Саксонію и Вестфалію. Они взяли контрибуціи съ Оснабрюка, Мюнстера и Миндена; герцогу Эриху Каленбергскому пришлось поплатиться за союзъ съ графомъ Мансфельдомъ; епископъ Францъ мюнстерскій, оснабрюкскій и минденскій былъ даже вынужденъ уступить Минденъ младшему брату Генриха, Юлію; герцогъ заставилъ графовъ Текленбурга, Липпе, Шаумбурга и Гойя заплатить контрибуціи и страшно опустошилъ бременскій округъ. Онъ былъ очень радъ, когда франконскіе епископы призвали его и курфирста Морица противъ Альбрехта и его сподвижниковъ.

Въ апрѣлѣ 1553 въ Эггерѣ въ Богеміи происходилъ съѣздъ, при чемъ епископы бамбергскій и вюрцбургскій, король Фердинандъ, курфирстъ Морицъ и Нюрнбергъ заключили противъ маркграфа Альбрехта союзъ. Вслѣдъ за тѣмъ они выставили войско подъ предводительствомъ Ганса фонъ Гейдека, который по окончаніи послѣдней войны вступилъ въ службу курфирста Морица. Имперскій палатный судъ поручилъ этому войску привести въ исполненіе свои постановленія противъ Альбрехта. Во Франконіи союзники одержали верхъ надъ Альбрехтомъ; но онъ собралъ тюрингенское рыцарство и бросился въ нижне-саксонскія владѣнія Генриха. Здѣсь къ нему присоединились рыцари, ограбленные герцогомъ, а Брауншвейгъ и Госларъ, оскорбленные Генрихомъ въ 1547, приняли ихъ съ распростертыми объятіями.

Digitized by Google

Въ походѣ Альбрехта приняли участіе многіе важные тюрингенскіе и саксонскіе рыцари, надѣясь, что теперь-то возвратится золотое время кулачнаго права, и дворянство снова получитъ возможность по прежнему угнетать гражданъ и крестьянъ. Альбрехтъ поступалъ очень вѣжливо относительно Морица и несчастнаго Іоанна Фридриха, который проживалъ въ то время въ Арнштатѣ. По просьбѣ Іоанна Фридриха онъ пощадилъ его владѣнія; но мы не вѣримъ, что онъ обѣщалъ возвратить ему и его сыновьямъ утраченныя ими области. Альбрехтъ пощадилъ также и курфиршескія владѣнія, объявивъ саксонскимъ чинамъ, что не хочетъ ссориться съ ихъ государемъ. Но курфирстъ опасался, что Альбрехтъ и его разбойники нападутъ на Лейпцигъ, такъ какъ они уже ограбили Эрфуртъ. Поэтому онъ поспѣшилъ въ Лейпцигъ съ четырьмя сотнями кавалеріи. Однако Альбрехтъ и его дикія шайки отправились черезъ Нордгаузенъ, Мюльгаузенъ, Эйслебенъ и Гальберштатъ въ герцогство брауншвейгское. Они всюду грабили и брали контрибуціи, особенно во владѣніяхъ Генриха, гдѣ грабежамъ и разбоямъ ихъ помогали герцогъ Эрихъ Каленбергскій и дворянство, озлобленное на герцога. Гильдесгеймское и минденское епископства также были заняты.

Полагая, что Альбрехтъ, усиливъ свое войско, намѣренъ вернуться чрезъ Гессенъ во Франконію, Морицъ собралъ значительныя силы и расположился у Остероде, чтобы преградить хищнымъ рыцарямъ путь въ свои владѣнія. Доселѣ онъ принималъ участіе въ войнѣ лишь въ качествѣ союзника епископовъ; но въ Остероде онъ и Генрихъ Плауенъ объявили маркграфу войну отъ имени римскаго короля и императора. Альбрехтъ получилъ манифестъ курфирста въ присутствіи посланниковъ своего двоюроднаго брата, Іоахима II Бранденбургскаго, которые склоняли его къ миру; онъ поступилъ дерзко и безумно смѣло, какъ настоящій атаманъ разбойниковъ. Призвавъ товарищей своихъ дикихъ оргій, которые называли себя благородными рыцарями, онъ спросилъ ихъ, желаютъ ли они попытать счастія? По-

лучивъ отъ нихъ утвердительный отвѣтъ, онъ отпустилъ герольда съ слѣдующими словами: „Твой государь уже трижды нарушалъ свое слово и позорно обманывалъ меня; теперь это четвертый поступокъ его въ томъ же родѣ. Но пусть приходитъ; я посмотрю, что онъ со мной сдѣлаетъ. Передай ему это отъ меня.“ За тѣмъ онъ подарилъ герольду нѣсколько червонцевъ. Это происходило 1 іюля 1553, а 9 числа того же мѣсяца участь Альбрехта рѣшилась.

Войска сошлись при Зиверсгаузенѣ въ люнебургской области, и здѣсь произошло одно изъ кровопролитнѣйшихъ сраженій XVI столѣтія, потому что государи и рыцари съ ожесточеніемъ дрались за свою честь; бойцы знали другъ друга и сражались лицемъ къ лицу. Герцогъ Генрихъ и старшіе сыновья его, Карлъ Викторъ и Филиппъ Магнусъ, принимали личное участіе въ бою, и оба молодые принца пали въ самомъ началѣ сраженія; но отецъ продолжалъ сражаться съ яростью. Вслѣдъ за тѣмъ распространился слухъ, что маркграфъ Альбрехтъ взятъ въ плѣнъ; Генрихъ, стоявшій въ это время подъ ивой, возлѣ раненаго курфирста Морица, приказалъ немедленно повѣсить его на этомъ деревѣ; но солдатъ, взявшій маркграфа, освободилъ его за деньги, вслѣдствіе чего раззореніе Германіи отъ Эльбы до Дуная продолжалось еще цѣлый годъ. Государи заплатили дорогой цѣной за побѣду при Зиверсгаузенѣ. Кромѣ сыновей Генриха и втораго сына герцога Цельскаго пало триста рыцарей и четыре тысячи рядовыхъ. Курфирстъ Морицъ также лишился жизни. Въ плѣнъ было взято семь тысячъ, но ихъ освободили, чтобы не кормить.

Мы не беремся рѣшать, что было причиною смерти Морица, измѣна или неосторожность. Въ концѣ сраженія онъ былъ раненъ сзади ружейною пулею, которая насквозь пробила панцырь. Его положили подъ иву, гдѣ онъ видѣлъ побѣду своихъ войскъ; потомъ его перенесли въ лагерь, и здѣсь онъ умеръ 11 іюля. Такъ какъ онъ не оставилъ сыновей, то братъ его, Августъ,

находившійся въ Голштиніи, поспѣшилъ возвратиться и принялъ правленіе. Онъ немедленно отозвалъ войска въ Саксонію, опасаясь, что бывшій курфирстъ Іоаннъ Фридрихъ и его сыновья попытаются возвращать утраченные владѣнія и санъ.

4. Окончаніе разбоевъ маркграфа Альбрехта и его сообщниковъ.

По отозваніи саксонскихъ войскъ маркграфъ возобновилъ войну съ герцогомъ Генрихомъ въ Нижней Саксоніи, которую обѣ стороны равно грабили и опустошали. Затѣмъ Альбрехтъ отправился въ Брауншвейгъ, заѣхавъ къ своимъ родственникамъ въ Бранденбургъ, чтобы побудить ихъ предложить посредничество и дать ему денегъ на уплату жалованья войскамъ. Хлопоты его увѣнчались успѣхомъ. Курфирстъ Іоахимъ содѣйствовалъ впослѣдствіи заключенію договора съ курфирстомъ Августомъ, а герцогъ Альбрехтъ Прусскій далъ своему племяннику значительную сумму на уплату солдатамъ и на военныя дѣйствія противъ герцога Генриха. Альбрехтъ имѣлъ намѣреніе воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ герцога Генриха, у котораго не было денегъ на содержаніе наемниковъ, чтобы склонить ихъ перейдти къ нему и при помощи ихъ разбить Генриха; но Нюрибергъ, которому снова грозили шайки Альбрехта, далъ Генриху денегъ, вслѣдствіе чего наемники не покинули его, и Альбрехтъ потерпѣлъ вторичное пораженіе 12 сентября 1553 близь Брауншвейга. Въ тотъ же день, при посредничествѣ курфирста Іоахима Бранденбургскаго и короля датскаго, былъ заключенъ миръ между нимъ и курфирстомъ Августомъ. Затѣмъ Альбрехтъ поспѣшно двинулся черезъ Тюрингію во Франконію.

Разбойники-рыцари, дворяне и графы свирѣпствовали цѣлый годъ во Франконіи, Тюрингіи и до Аугсбурга. При появленіи Альбрехта даже имперскій палатный судъ, пребывавшій

въ Шпейерѣ, струсилъ и сталъ готовиться къ бѣгству. Въ то время какъ императоръ велъ себя относительно Альбрехта весьма двусмысленно, имперскій судъ издавалъ въ защиту епископовъ и городовъ и противъ возобновителя кулачнаго права декретъ за декретомъ, одинъ страшнѣе другаго; но бѣда была въ томъ, что некому было приводить ихъ въ дѣйствіе. Императоръ созвалъ было сеймъ, но онъ не состоялся, потому что никто не пріѣхалъ и даже самъ императоръ жилъ за границей. Гейдельбергскій союзъ и эггерскій договоръ съ римскимъ королемъ были, правда, еще въ силѣ, и даже курфирстъ Августъ, не смотря на перемиріе съ Альбрехтомъ, долженъ былъ обязаться охранять порядокъ и противиться кулачному праву; но германскіе чины по обыкновенію совѣщались, писали, вооружались, колебались и трусили на погибель страны. Города, кромѣ Аугсбурга какъ торгаши только тогда жертвовали для отечества деньги, когда самимъ приходилось плохо. Курфирстъ Фридрихъ II Пфальцскій, назначенный гейдельбергскимъ союзомъ главнокомандующимъ, не принялъ назначенія, ссылаясь на свою глубокую старость; тогда избрали Христофа Виртембергскаго, но онъ уступилъ свою должность герцогу Альбрехту Баварскому. Въ этихъ переговорахъ прошелъ цѣлый годъ, въ теченіе котораго не было сдѣлано ничего.

Только по возвращеніи Альбрехта во Франконію начали серіозно готовиться къ военнымъ дѣйствіямъ. Аугсбургъ далъ денегъ и выставилъ войско; курфирстъ Августъ послалъ Генриха Плауена; Гейдекъ и Шертлинъ командовали отрядами союзнаго войска. Но герцогъ Брауншвейгскій воспользовался войскомъ епископовъ бамбергскаго и вюрцбургскаго и Нюрнберга для осады Брауншвейга вмѣсто того, чтобы послать его во Франконію, хотя Альбрехтъ снова грозилъ этимъ владѣтелямъ. Поступокъ Генриха принудилъ ихъ принять посредничество въ спорѣ его съ городомъ Брауншвейгомъ, и въ концѣ октября они заключили миръ, въ которомъ приняли сверхъ того участіе король

Фердинандъ и города Нюрнбергъ, Госларъ, Эймбекъ, Гильдесгеймъ и Геттингенъ.

Въ началѣ ноября герцогъ Генрихъ вступилъ въ войскомъ во Франконію. Здѣсь онъ соединился съ союзною арміею, которая была занята покореніемъ крѣпостей маркграфа. Въ теченіе 1553 года они потерпѣли въ этомъ неудачу; зато процессъ епископовъ и Нюрнберга противъ дикаго маркграфа шелъ успѣшно. 1 декабря маркграфъ былъ подвергнутъ опалѣ, какъ нарушитель земскаго мира и общественнаго спокойствія имперіи; опальная грамота содержала въ себѣ очень рѣзкія выраженія и была всюду прочитана съ большою торжественностью. Она была разослана повсемѣстно и предписывала преслѣдовать опальныхъ; франконскій, баварскій и верхнесаксонскій округи были приглашены привести ее въ дѣйствіе. Маркграфъ просилъ императора снять опалу, но Карлъ отвѣчалъ, что не вправѣ сдѣлать это. Впрочемъ Альбрехтъ почти не обращалъ вниманія на имперскій приговоръ. Онъ созвалъ своихъ собутыльниковъ въ Швейнфуртъ и, поднявъ бокалъ, воскликнулъ: „Ну, мои опальные и переопальные друзья, выпьемъ-ка на радостяхъ: чѣмъ больше враговъ, тѣмъ больше счастія!“ Маркграфъ и его шайки противились имперіи и гейдельбергскому союзу до мая 1554. Бранденбургцы протестовали противъ приговора имперскаго палатнаго суда, а исполнители его репротестовали, какъ выражаются юристы; императоръ же задобривалъ опальныхъ любезностями до 18 мая, когда наконецъ издалъ въ Брюсселѣ приказаніе привести въ исполненіе опалу противъ Альбрехта.

Между тѣмъ маркграфъ въ февралѣ перешелъ изъ Швейнфурта, гдѣ оставилъ гарнизонъ, на Эльбу. Здѣсь онъ опять досталъ у родственниковъ денегъ, набралъ небольшое войско и внезапно обратился противъ Франконіи. 10 іюня 1554 онъ вступилъ въ Швейнфуртъ, осажденный союзниками, но, убѣдившись въ невозможности удержаться, тайно удалился изъ города. Однако непріятели, узнавъ объ этомъ, послѣдовали за нимъ. Близь мо-

Digitized by Google

настыря Шварцаха въ Штейервальде авангардъ ихъ настигъ его и 12 іюня 1554 на голову разбилъ. Главнымъ виновникомъ его пораженія былъ Генрихъ Плауенъ съ вспомогательными саксонскими, нюрнбергскими и брауншвейгскими войсками. Союзники грабили Швейнфуртъ въ теченіе цѣлаго дня, а потомъ сожгли. Пласенбургъ, близь Кульмбаха, былъ также взятъ врагами Альбрехта; лишившись всѣхъ своихъ владѣній, онъ былъ принужденъ бѣжать во Францію. Его позднѣйшія приключенія находятся въ связи съ ссорой, возгорѣвшейся между епископомъ вюрцбургскимъ, Мельхіоромъ Цобелемъ, и другомъ Альбрехта, Вильгельмомъ фонъ-Грумбахомъ, въ судьбу котораго былъ впослѣдствіи замѣшанъ и старшій сынъ несчастнаго Іоанна Фридриха. Но объ этомъ мы скажемъ ниже.

5. Послѣдніе года царствованія Карла V въ Германіи и въ Нидерландахъ.

Въ послѣдніе годы своей жизни Карлъ V страдалъ подагрою и глубокою меланхоліею, переходившею часто на короткое время въ сумасшествіе и бывшею вѣроятно печальнымъ наслѣдіемъ его несчастной матери. Но онъ удачно велъ войну съ Генрихомъ II, какъ скоро отказался отъ намѣренія возвратить города и области, уступленные Франціи Морицомъ Саксонскимъ и его союзниками. Со времени похода противъ Меца Генрихъ и имперія не тревожили другъ друга; имперія, правда, офиціально не уступала королю занятыхъ имъ владѣній, но онъ и не требовалъ офиціальнаго признанія. Въ Италіи и Нидерландахъ императоръ продолжалъ вести войну съ французами. Какъ главнокомандующій французскихъ войскъ въ Нидерландахъ, Францискъ де Гизъ пріобрѣлъ такую же славу, какъ и главнокомандующій испанско-нидерландскою арміею, Эммануилъ Филибертъ Савойскій. Въ 1553 Филибертъ взялъ Геденъ и Теруань, и Генрихъ принялъ лично

начальство надъ войсками; тогда и Карлъ, не смотря на подагру и меланхолію, прибылъ къ своей арміи. Ожидали, но тщетно, рѣшительнаго сраженія. Война продолжалась, и французы завоевали многіе города. Въ 1554 императоръ былъ занятъ женитьбою сына своего, Филиппа II, который вступалъ въ супружество съ королевою Англіи, Маріею.

Бракъ этотъ, какъ большая часть предпріятій Карла V, не имѣлъ тѣхъ послѣдствій, какихъ императоръ ожидалъ отъ него. Такъ какъ въ исторіи Англіи мы должны будемъ говорить подробно объ этомъ противуестественномъ союзѣ Англіи съ Испаніей, то здѣсь упомянемъ о немъ лишь вскользь. Сынъ Генриха VIII, Эдуардъ VI слѣдовалъ протестантскому ученію, и въ правленіе его лютеранство пріобрѣло въ Англіи господство; король этотъ умеръ въ іюлѣ 1553. Ему не удалось оставить престолъ ревностной протестанткѣ и ея мужу; народъ призвалъ на престолъ Марію, дочь Генриха VIII отъ Катарины Арагонской. Принцесса эта, разлученная съ своей несчастной матерью, подобно ей, гонимая и воспитанная въ ненависти къ протестантамъ и ко всякому свободному движенію мысли и духа, наслѣдовала жестокій, тираническій и деспотическій характеръ своего отца. Поэтому Карлъ считалъ выгоднымъ женить на ней своего сына, Филиппа, который въ то время овдовѣлъ. Филиппъ былъ деспотъ и величайшей заслугой правителя считалъ истребленіе еретиковъ; такимъ образомъ, если бы удалось навязать его англичанамъ въ короли, то абсолютизмъ и папизмъ окончательно утвердились бы въ Европѣ. При этомъ разумѣется не обращали вниманія на то, что Марія была очень дурна собой и одинадцатью годами старше своего мужа, которому тогда было двадцать семь лѣтъ. Бракъ состоялся. Однако Филиппъ вскорѣ замѣтилъ, что въ Англіи обычаи и права не зависятъ отъ произвола монарха и его креатуръ, и что жена его не въ состояніи доставить ему какое бы то ни было политическое вліяніе. Онъ началъ обходиться съ ней невнимательно и, не смотря на ея просьбы ос-

Digitized by Google

таться хотя на нѣкоторое время въ Англіи, уѣхалъ въ Испанію, предпочитая оттуда тиранить Италію и Нидерланды. Что касается характера Филиппа, то намъ приходится предоставить описаніе его поэтамъ и риторамъ; впрочемъ мы полагаемъ, что мыслящій читатель будетъ судить о немъ по поступкамъ его. Теперь, Филиппу II приписываются всевозможныя достоинства. Противъ этого мы не будемъ спорить; замѣтимъ только, что не слишкомъ рекомендуетъ Филиппа то, что его не любилъ никто, кромѣ испанцевъ, что онъ не зналъ ни одного языка, кромѣ испанскаго, и даже по-французски говорилъ очень плохо, что онъ ненавидѣлъ и до самой смерти преслѣдовалъ своего сына отъ перваго брака (донъ-Карлоса), былъ въ вѣчной ссорѣ съ своимъ отцомъ и обращался съ нимъ, когда онъ жилъ въ монастырѣ, какъ съ еретикомъ; что наконецъ, родной дядя его, Фердинандъ, испыталъ отъ него много огорченій.

Послѣ похода на Мецъ Карлъ V лежалъ больной подагрой въ Брюсселѣ и страдалъ припадками глубокой меланхоліи, доходившей до помѣшательства, впрочемъ лишь временнаго. Между тѣмъ императорскою арміею, которая воевала въ Нидерландахъ, командовалъ Эммануилъ Филибертъ Савойскій; германская имперія была равнодушна къ войнѣ, происходившей въ такъ называемомъ бургундскомъ округѣ, и къ потери Меца, Туля и Вердена. Король Генрихъ, прибывшій лично къ своей арміи, могъ бы одержать верхъ надъ войсками императора, если бы совѣтники его, маршалъ де Сентъ-Андре, герцогъ Францискъ де Гизъ и коннетабль де Монморанси, дѣйствовали единодушнѣе и если бы самъ Генрихъ не слѣдовалъ совѣтамъ коннетабля, который всегда совѣтовалъ выжидать и медлить. Коннетабля поддерживала любовница короля (герцогиня де Валантинуа). Карлъ, выздоровѣвъ, прибылъ на театръ войны и не допустилъ французовъ до рѣшительнаго сраженія. Въ Нидерландахъ также не произошло ничего замѣчательнаго. Только по отъѣздѣ де Гиза коннетабль и его креатуры увидѣли, что необходимо на что нибудь рѣшиться.

Въ Италіи французамъ удалось возстановить противъ императора сіенскую республику. Послѣ паденія Флоренціи, доставшейся Косьмѣ I Медичи, который безъ помощи Испаніи не могъ держаться и потому совершенно зависѣлъ отъ нея, Сіена и Лукка были единственными республиками въ средней Италіи; но Сіена, волнуемая раздорами партій, должна была обратиться къ посредничеству Испаніи. Въ 1547 сіенцы впустили въ свой городъ около сотни испанскихъ солдатъ, а вскорѣ испанскій посланникъ въ Римѣ, донъ Уртадо де Мендоса, проложилъ путь испанскому владычеству въ городѣ. Весь гарнизонъ Сіены былъ составленъ изъ испанцевъ, и она была принуждена содержать его и платить ему жалованье; вскорѣ испанцы присвоили себѣ право назначать магистратъ. Французы воспользовались многочисленными сіенскими эмигрантами и при помощи ихъ уничтожили испанское господство въ Сіенѣ. Французскій король уполномочилъ своихъ агентовъ въ Италіи переговорить съ недовольными и заключить съ ними договоръ, которымъ обѣщалъ Сіенѣ помощь для возстановленія ея свободы, пока испанцы не успѣли окончить постройку цитадели, предпринятую на счетъ города. Когда испанскій горизонъ выступилъ изъ Сіены противъ Орбителло и другихъ приморскихъ городовъ, итальянскіе кондоттіери, состоявшіе во французской службѣ, Николо Орсини графъ Питильяно, Эней Пикколомини и Америго Америги, внезапно явились передъ городомъ въ іюнѣ 1552. Граждане немедленно взялись за оружіе и провозгласили свободу. Горсть испанцевъ, остававшаяся въ городѣ, не могла потушить возстаніе и даже отступить въ цитадель, такъ какъ она не была еще достроена. Испанцы обратились къ Косьмѣ Медичи, но его ничтожный отрядъ не могъ помочь имъ, потому что французы и особенно изгнанники со всѣхъ сторонъ устремились въ городъ. Сперва сіенцы думали помириться съ испанцами и заключили договоръ, по которому получили нѣкоторыя права; но вскорѣ онъ былъ нарушенъ. Городъ окончательно отпалъ отъ испанцевъ и послалъ къ

французскому королю посольство съ просьбой о помощи. Генрихъ отправилъ въ Сіену способнаго генерала де Терма съ пятью тысячами человѣкъ войска; когда же испанцы и Косьма Медичи начали сильно тѣснить городъ, французскій король послалъ въ Италію другое войско подъ начальствомъ двухъ итальянцевъ, приходившихся ему сродни по женѣ (Екатериниѣ Медичи).

То были Леонъ и Петръ Строцци, вожди флорентійской аристократической партіи; по богатству и знатности они были первыми представителями европейскаго дворянства. Отецъ ихъ, Филиппъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые по убіеніи Александра Медичи (стр. 188) вознамѣрились возстановить древнюю аристократическую республику; но онъ и его друзья были побѣждены, и онъ лишилъ себя въ тюрьмѣ жизни. Сыновья его бѣжали и, поселившись во Франціи, получили отъ французскаго короля богатыя имѣнія и владѣнія. Петръ Строцци началъ въ Италіи военныя дѣйствія противъ герцога Флорентійскаго, который съ 1543 былъ государемъ всей Тосканы. Но когда испанцы и итальянскіе союзники герцога вышли въ поле, счастье покинуло Петра Строцци. Онъ былъ произведенъ въ маршалы Франціи, но всѣ справедливо сомнѣвались въ его военныхъ способностяхъ. Онъ былъ разбитъ при Марціано, а братъ его, Леонъ Строцци, застрѣленъ убійцей. Де Термъ удалился изъ Сіены и при помощи турокъ отнялъ у генуезцевъ большую часть Корсики. Но вся Италія проклинала французовъ, потому что въ этой войнѣ они были въ союзѣ съ турками и морскими разбойниками, которые свирѣпствовали, какъ хищные звѣри и увели въ рабство сотни тысячъ людей всякаго возраста и пола.

Пораженіе главы флорентійской аристократіи было особенно выгодно Косьмѣ I. Онъ конфисковалъ имѣнія своихъ противниковъ и во время осады испанцами Сіены окончательно утвердилъ свою власть во Флоренціи. Муратори справедливо замѣчаетъ, что въ это время онъ проложилъ себѣ путь къ достиженію великогерцогскаго титула и къ утвержденію своей власти надъ всею

Тосканою, хотя Сіена долго еще противилась ему. Сіену защищалъ гасконецъ Блёзъ де Монлюкъ, назначенный королемъ Генрихомъ на мѣсто де Терма. Этотъ генералъ служилъ со славой подъ начальствомъ Бриссака въ Піемонтѣ и оставилъ намъ весьма наивную, хвастливую и очень подробную исторію несогласій совѣтниковъ короля по поводу его назначенія и исторію своихъ собственныхъ военныхъ дѣйствій въ Италіи. Онъ геройски защищалъ Сіену противъ императорскаго генерала маркиза Мариньяно; но маркизъ такъ стѣснилъ несчастный городъ, что уже 22 апрѣля онъ былъ принужденъ сдаться на капитуляцію, заключенную при посредничествѣ папы Марцелла II. Этотъ папа вступилъ на священный престолъ 9 апрѣля 1555, по смерти Юлія III; онъ былъ честный и истинно религіозный человѣкъ, искренно желавшій преобразованія церкви и представлявшій собою совершенную противоположность своему предшественнику. Онъ умеръ черезъ нѣсколько недѣль по избраніи, и 23 мая на его мѣсто былъ выбранъ страстный неаполитанецъ, кардиналъ Караффа. Караффа принялъ имя Павла IV и тотчасъ по вступленіи на престолъ обнаружилъ такую ненависть къ габсбургскому дому, что принудилъ короля Фердинанда и особенно сына его Максимиліана II почти совершенно отдѣлить германскую церковь отъ римской. Условія, на которыхъ французы очистили Сіену, были, въ угоду доброму папѣ, очень снисходительны для нихъ; но испанцы не имѣли намѣренія выполнять ихъ. По условіямъ императоръ долженъ былъ ограничиться титуломъ протектора Сіены, жители которой могли сами избирать свое правительство; но такъ какъ, согласно тѣмъ же условіямъ, городъ былъ обязанъ впустить испанскій гарнизонъ и платить ему жалованье, то остальныя условія не имѣли никакого значенія. Въ Тосканѣ французы сначала удержали Кіети, Гроссето, Порто Эрколе и Монтальчино, но вскорѣ потеряли большую часть этихъ городовъ. Петра Строцци обвиняли въ томъ, что экспедиція французовъ въ Тоскану, имѣв-

шая цѣлью ограничить владѣнія и могущество герцога Косьмы, послужила, наоборотъ, къ увеличенію ихъ.

Мы не будемъ говорить о войнѣ 1554 и 1555 между Испаніей и Франціей въ Нидерландахъ и о покушеніи мецскаго капитула францисканскаго ордена выгнать при помощи тіоввильскаго коменданта французовъ изъ Меца. Но слѣдуетъ сказать подробнѣе о намѣреніи императора отказаться отъ престола и удалиться въ монастырское уединеніе на пятьдесятъ шестомъ году жизни. Въ Испаніи онъ не могъ передать престолъ сыну безъ согласія кортесовъ, потому что они все еще считали королевой Кастиліи мать его, Іоанну. Іоанна умерла въ 1555, и Карлъ могъ распорядиться престоломъ; но въ Германіи въ это дѣло вмѣшался папа.

Императоръ Карлъ уже поручалъ на нѣкоторое время своему сыну управленіе Неаполемъ и Миланомъ. Передъ отъѣздомъ Филиппа въ іюлѣ 1554 въ Англію для вступленія въ бракъ съ королевой Маріей, Карлъ сдѣлалъ его королемъ неаполитанскимъ и герцогомъ Милавскимъ и передалъ ему управленіе этими государствами. Въ слѣдующемъ году онъ рѣшился уступить ему и остальныя владѣнія и отказаться отъ императорскаго достоинства въ пользу своего брата, Фердинанда. Но война съ Франціей воспрепятствовала ему выполнить это намѣреніе.

Король Генрихъ II находился еще въ болѣе затруднительномъ положеніи, чѣмъ императоръ. Безпорядки и мотовство при его дворѣ были невообразимы; раздоры вельможъ, поперемѣнно руководившихъ королемъ, герцога де Гиза, маршала де Сентъ-Андре и ковнетабля де Монморанси, препятствовали извлечь пользу изъ успѣховъ кампаніи 1555 года. Обѣ стороны были готовы заключить хотя перемиріе, но никто не хотѣлъ сдѣлать первый шагъ. Наконецъ королева Марія англійская, предложила свое посредничество, и такимъ образомъ бракъ ея съ сыномъ императора принесъ ему пользу, хотя надежды его на помощь отъ Англіи не сбылись. Марія надѣялась склонить короля Генриха

къ примиренію тѣмъ болѣе, что, не смотря на всѣ его преслѣдованія, протестантизмъ распространялся такъ быстро, что уже можно было ожидать важныхъ замѣшательствъ; при томъ и папа по той же причинѣ энергически хлопоталъ о мирѣ чрезъ своего легата Реджинальда Поля. Переговоры начались въ 1555 въ ла-Маркѣ между Ардромъ, Гравелиномъ и Кале; но они были неудачны, и война возобновилась. Въ Нидерландахъ и въ Италіи французы дѣйствовали успѣшно. Маршалъ де Бриссакъ пріобрѣлъ блестящую славу, дѣйствуя въ Верхней Италіи противъ герцога Альбы, который считался отличнымъ полководцемъ и имѣлъ тридцать шесть тысячъ войска, но долженъ былъ уступать де Бриссаку. Король Филиппъ неаполитанскій поручилъ защиту миланскаго герцогства Альбѣ, не желая брать на себя трудъ и отвѣтственность въ этой войнѣ. Павелъ IV, еще кардиналомъ, отъ всей души былъ преданъ истребленію ереси. Поэтому онъ болѣе своего предшественника желалъ возстановить миръ между Франціей и Испаніей, чтобы короли этихъ государствъ могли безпрепятственно посвятить себя преслѣдованію еретиковъ. До вступленія на престолъ Павелъ IV былъ извѣстенъ, какъ ученый богословъ и строгій аскетъ. Онъ учредилъ новый монашескій орденъ, члены котораго были не столь грязны, какъ доминиканцы, францисканцы и капуцины, но и не столь преданы мірскимъ заботамъ, какъ іезуиты. Они были названы по имени епископства, которое занималъ Павелъ, будучи кардиналомъ. Во время учрежденія ордена Павелъ былъ епископомъ города Кіети, который въ древности назывался Теате; поэтому монахи новаго ордена приняли имя театинцевъ. Ненависть папы къ австрійскому дому увлекла его на сторону Франціи; вступивъ на престолъ, онъ немедленно заключилъ тайный союзъ съ Генрихомъ и желалъ вовлечь въ него герцога Феррарскаго.

Во время переговоровъ между Испаніей и Франціей, Карлъ тщетно старался побудить своего сына прибыть въ Нидерланды. Филиппъ не хотѣлъ пріѣзжать въ это государство иначе, какъ

въ качествѣ правителя, и пріѣхалъ только тогда, когда Карлъ принялъ твердое намѣреніе передать ему всѣ свои владѣнія, въ томъ числѣ и Нидерланды. Въ октябрѣ 1555 Карлъ торжественно уступилъ Нидерланды своему сыну. Въ рѣчи своей къ штатамъ, онъ блестящимъ образомъ выказалъ свои умственныя способности и великія правительственныя дарованія, хотя былъ такъ слабъ физически, что долженъ былъ оперется на плечо принца Оранскаго. Сестра его, Марія, вдовствующая королева венгерская, также сложила званіе правительницы, которымъ Филиппъ облекъ герцога Эммануила Филиберта Савойскаго. Марія сопровождала своего брата въ Испанію. Другая сестра его, Элеонора, вдовствующая королева французская, также прибыла къ брату въ Испанію.

Въ это время раздоръ Гизовъ съ коннетаблемъ доставилъ императору желанное перемиріе съ Франціей. Коннетабль былъ очень недоволенъ, что кардиналъ де Гизъ заключилъ союзъ между папой и королемъ французскимъ и что братъ его, герцогъ де Гизъ, назначенъ главнокомандующимъ въ Италіи. Онъ употребилъ все свое вліяніе при дворѣ, чтобы доставить успѣхъ стараніямъ французскаго посланника въ Лондонѣ, де Ноайля, кардинала Реджинальда Поля и англійской королевы, которые хлопотали о мирѣ. Со времени ла маркскихъ конференцій они продолжали вести переговоры и при помощи коннетабля воспользовались съѣздомъ императорскихъ и французскихъ уполномоченныхъ, собравшихся для размѣна плѣнныхъ, чтобы возобновить мирные переговоры. Императорскіе коммиссары, Лаленъ и Симонъ Ренаръ, и французскіе послы, адмиралъ де Колиньи и Себастіанъ де л'Обспинъ, неожиданно получили полномочіе заключить перемиріе; поэтому въ ноябрѣ они снова собрались въ аббатствѣ Восель въ канбрейскомъ округѣ. Сначала завели переговоры о мирѣ и даже составили проэктъ условій, но, убѣдившись въ невозможности полнаго примиренія, заключили перемиріе съ тѣмъ, чтобы обѣ стороны остались при своемъ. 15 де-

кабря 1555 начались переговоры, а 5 февраля 1556 было заключено въ Воселѣ пятилѣтнее перемиріе. Затѣмъ Лаленъ поѣхалъ къ французскому королю, чтобы присутствовать при ратификаціи договора, а Колиньи—въ Брюссель, чтобы находиться при утвержденіи его императоромъ и королемъ Филиппомъ.

Между тѣмъ 16 января 1556 Карлъ уступилъ своему сыну Испанію и всѣ испанскія владѣнія. Актъ отреченія, составленный имъ и обнародованный кортесами, заключалъ въ себѣ исчисленіе всѣхъ уступленныхъ Филиппу испанскихъ владѣній, которое доказываетъ, какъ могущественна была въ то время Испанія. Кромѣ владѣній въ Европѣ Испаніи принадлежали: въ Африкѣ—Зеленый мысъ, Канарскіе острова, Оранъ и Тунисъ; въ Азіи—Филиппинскіе и Сандвичевы острова и часть Молуккскихъ; въ Америкѣ—острова Испаньола (Санъ-Доминго) и Куба, Мексика, Новая Испанія, Перу и Чили.

Карлъ хотѣлъ передъ отъѣздомъ въ испанскій монастырь передать императорское достоинство своему брату. Но онъ встрѣтилъ при этомъ препятствія со стороны нѣмецкихъ чиновъ; кромѣ того папа Павелъ также протестовалъ противъ этого. Германскіе чины оскорбились тѣмъ, что Карлъ въ концѣ августа представилъ имъ актъ отреченія черезъ вице-канцлера Зельда, принца Вильгельма Нассау-Оранскаго и секретаря Галлера; чины находили, что императоръ выказалъ имъ оскорбительное пренебреженіе, отказываясь отъ престола, какъ отъ какой-нибудь должности. Поэтому они не обратили на него вниманія. Императоръ уже выѣхалъ 7 сентября въ Зеландію, откуда намѣревался отправиться въ Испанію; видя, что чины оскорбились, онъ постарался загладить свою неловкость. Изъ Раммекенса или Цуббурга въ Зеландіи онъ разослалъ всѣмъ германскимъ государямъ и чинамъ циркуляры, въ которыхъ, увѣдомляя ихъ о передачѣ управленія Германіей своему брату, Фердинанду, просилъ ихъ быть ему вѣрными и покорными, сообразно съ своею обязанностью. Король Фердинандъ былъ впрочемъ крайне недоволенъ поступкомъ своего

брата, хотя посѣтилъ его въ Брюсселѣ. Но Максимиліанъ король богемскій пріѣхалъ къ Карлу позднѣе, въ Зеландію. Императорское достоинство было офиціально передано Фердинанду только въ 1558. Объ этомъ намъ прійдется упомянуть ниже, потому что неудовольствія, возникшія по этому поводу съ папой, составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ эпизодовъ царствованій Фердинанда I и его сына, Максимиліана II.

6. Исторія Франціи и Испаніи до смерти короля Франциска.

До мира въ Шато-Канбрези.

По заключеніи восельскаго перемирія король Филиппъ II нашелъ всѣ свои владѣнія въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Богатые, разрабатываемые тогда еще безъ большихъ издержекъ рудники испанской Америки доставляли коронѣ ежегодно двадцать пять милліоновъ дукатовъ, что для того времени было въ десятеро больше нынѣшняго. Такимъ образомъ Филиппъ могъ бы легко поправить экономіей финансы Испаніи, истощенные Карломъ V. Но онъ задалъ себѣ задачу, на рѣшеніе которой не могло хватить никакихъ богатствъ и никакого военнаго могущества. По восельскому договору онъ и Генрихъ II обязались дѣйствовать общими силами для подавленія современнаго имъ стремленія къ гражданской и умственной свободѣ. Но такая дѣятельность ведетъ къ совершенному уничтоженію всѣхъ основъ нравственности; безнаказанно подавлять такое стремленіе нельзя; можно только овладѣть имъ и, ставъ во главѣ движенія, руководить имъ. Въ то время это стремленіе выражалось въ проповѣдяхъ Лютера, Цвингли и Кальвина. Филиппъ не могъ уничтожить въ Испаніи ихъ ученіе, не разрушивъ въ тоже время ея благосостояніе. Подобная же дѣятельность его въ Нидерландахъ повела лишь къ тому, что страна эта наслѣдовала богат-

ства обѣднѣвшей Испаніи. Во Франціи примѣру Филиппа испанскаго слѣдовали король Генрихъ II, его жена, Екатерина Медичи, Гизы, коннетабль, всѣ совѣтники и ближайшіе преемники короля; подобно Филиппу, они разстроили этимъ свою страну, которую въ концѣ столѣтія съ трудомъ спасъ отъ погибели король Генрихъ IV, слѣдовавшій иной политикѣ.

Замѣчательно, что самымъ лютымъ врагомъ ревностнѣйшаго защитника папизма, Филиппа, былъ никто иной, какъ самъ папа. Папа Павелъ IV и Филиппъ II равно усердно и жестоко преслѣдовали еретиковъ; папа далъ римскому инквизиціонному судилищу неслыханную власть, до того всѣхъ возмущавшую, что по смерти его римляне разрушили зданія и перебили чиновниковъ этого суда; орденъ театинцевъ, сформированный Павломъ, шпіонилъ за еретиками и предавалъ ихъ суду. Всѣ эти обстоятельства давали поводъ думать, что папа и король будутъ дѣйствовать вполнѣ единодушно. Но папа ненавидѣлъ испанцевъ и Габсбургскій домъ и всѣми силами старался лишить ихъ преобладанія въ Италіи, доставивъ его королю французскому. Онъ затѣялъ споръ съ Фердинандомъ за императорскій престолъ, уступленный римскому королю Карломъ V, и хотѣлъ отнять у Филиппа Неаполь въ пользу Генриха II.

Въ договорѣ, заключенномъ съ папою кардиналами Лотарингскимъ и де Турнономъ 15 декаяря 1555, нападеніе на Неаполь было вполнѣ рѣшено; восельское перемиріе только отсрочило исполненіе этого намѣренія. Папа искалъ предлога къ ссорѣ съ Филиппомъ и съ этою цѣлью воспользовался притязаніями церкви на Парму и споромъ о правахъ сициліанской монархіи, т. е. о правѣ неаполитанскихъ королей на раздачу духовныхъ должностей. Павелъ возобновилъ также притязанія папъ на верховную власть надъ Неаполемъ, требовалъ отъ короля бѣлаго иноходца (т. XI стр. 52) и суммъ, выплачиваемыхъ подъ именемъ ценза въ знакъ вассальной зависимости королей отъ римскаго престола. Восельское перемиріе заставило папу успокоиться; но онъ

продолжалъ враждовать съ испанцами и ихъ партіей въ духовенствѣ и Церковной Области. Онъ укрывалъ въ Римѣ многочисленныхъ противниковъ Филиппа, изгнанныхъ имъ или бѣжавшихъ отъ него, и оскорблялъ королевскихъ сановниковъ. Императорскій директоръ почтъ, Іоаннъ Антонъ де Таксисъ, былъ заключенъ въ тюрьму и подвергнутъ пыткѣ за перехваченное письмо. Испанецъ Гарсильясо де ла Вега, назначенный представителемъ въ Римѣ Филиппа, какъ короля Англіи, былъ также арестованъ. Всѣ испанцы и ихъ приверженцы были взяты подъ полицейскій надзоръ и окружены соглядатаями и шпіонами. Папа запальчиво бранилъ Карла V и Филиппа въ многочисленныхъ собраніяхъ и въ присутствіи испанцевъ. Наконецъ духовный судъ по предложенію папы объявилъ Филиппа лишеннымъ неаполитанскаго лена; впрочемъ приговоръ этотъ не былъ обнародованъ.

Еще Карлъ V зналъ о тайномъ договорѣ между папой и Франціей и о намѣреніи ихъ овладѣть его итальянскими владѣніями. Это заставило его примириться съ мужемъ своей побочной дочери, Оттавіо Фарнезе, и его семействомъ и сблизиться съ новымъ великимъ герцогомъ Флорентинскимъ. Павелъ III, какъ извѣстно, отдалъ Парму Оттавіо Фарнезе, который заключилъ союзъ съ французами; французы помогли ему утвердиться въ Пармѣ, тогда какъ императоръ отнялъ у него Піаченцу (стр. 275). Карлъ V и Филиппъ II, которому отецъ уже давно передалъ итальянскія владѣнія, узнавъ о враждебныхъ замыслахъ папы, начали стараться отвлечь Фарнезе отъ папско-французскаго союза. Фарнезе были нерасположены къ Караффа; поэтому Карлъ V вскорѣ помирился съ зятемъ, а Филиппъ отдалъ Оттавіо Піаченцу, удержавъ только цитадель; кардиналъ Фарнезе получилъ обратно архіепископство Монреале въ Сициліи; наконецъ Филиппъ передалъ Оттавіо городъ и крѣпость Новару. Французы возопили по этому случаю о неблагодарности Фарнезе.

Косьма I Медичи былъ избранъ по умерщвленіи герцога

Александра въ 1537 главою (Саро) флорентинской республики, и въ 1538 императоръ призналъ его герцогомъ и правителемъ Флоренціи. Въ 1539 онъ женился на дочери герцога Альбы, былъ объявленъ герцогомъ Флорентинскимъ, а въ 1543 купилъ у Карла за двѣсти тысячъ дукатовъ цитадели Флоренціи и Ливорно. Съ этихъ поръ онъ сталъ главной опорой испанскаго владычества въ Италіи. Какъ мы знаемъ, онъ доставилъ испанцамъ Сіену, но во время войны Филиппа II съ папой сталъ грозить королю союзомъ съ Франціей и этимъ принудилъ Филиппа передать ему Сіену; такимъ образомъ онъ сдѣлался государемъ всей Тосканы. Въ 1569 папа Пій V, безъ согласія кардинальской коллегіи и не смотря на сопротивленіе всѣхъ католическихъ государей, объявилъ его независимымъ Великимъ Герцогомъ Тосканскимъ и въ слѣдующемъ году торжественно возложилъ на него въ Римѣ королевскій вѣнецъ.

Ученые канонисты дали Филиппу разрѣшеніе на употребленіе противъ папы насильственныхъ мѣръ; получивъ это разрѣшеніе и опираясь на Фарнезе и Медичи, король рѣшился принять энергическія мѣры, чтобы смирить гордость и воинственность папы. Герцогъ Альба былъ болѣе всѣхъ способенъ выполнить это; поэтому Филиппъ назначилъ его намѣстникомъ Милана, быть можетъ, по внушенію своего фаворита, донъ Рюи Гомеса де Сильва, которому было непріятно вліяніе герцога на короля. Чтобы удалить его отъ двора, его назначили главнокомандующимъ италіянской арміею; онъ прибылъ въ Миланъ въ тотъ самый день, когда кардиналы де Турнонъ и Лотарингскій заключили съ папой упомянутый миръ (стр. 325). Въ слѣдующемъ году Альба началъ противъ папы враждебныя дѣйствія, отплачивалъ за зло зломъ и наконецъ въ сентябрѣ двинулся противъ папскихъ владѣній. Вступивъ въ Санъ-Джермано и занявъ Понтекорво, онъ попытался обуздать папу черезъ кардинальскую коллегію, но по заключеніи договора съ Франціей папа сталъ такъ высокомѣренъ и упрямъ, что не хотѣлъ слушать никакихъ предложеній. Тогда

Альба двинулся дальше и занялъ Фрозолоне, Ферули, Банко и сосѣдніе города. Это такъ взбѣсило папу, что онъ приказалъ арестовать посла Альбы и хотѣлъ казнить его; но кардиналы не допустили этого. Затѣмъ герцогъ двинулся дальше и овладѣлъ бомбардированіемъ Ананьи, Тиволи, Виковато, Понте Лукано и Веллетри; легкая кавалерія его доходила до воротъ Рима. При вступленіи въ папскую область Альба объявилъ, что не имѣетъ намѣренія отнимать у церкви ея достояніе; онъ всюду выставлялъ гербы кардинальской коллегіи и при занятіи городовъ, какъ напр. Террачины, Понтекорво и Пиперно, возвѣщалъ, что занимаетъ ихъ въ пользу священной коллегіи и будущаго папы.

Французскій король послалъ на помощь папѣ герцога де Гиза съ двадцатью тысячнымъ войскомъ; герцогъ отмстилъ бы испанцамъ за оскорбленіе папы, но въ это время неосторожность адмирала де Колиньи нарушила перемиріе въ Нидерландахъ, а коннетабль, посланный туда, дѣйствовалъ неудачно. Французы въ рѣшительномъ сраженіи были разбиты. Для спасенія отечества король былъ принужденъ вызвать герцога Франциска де Гиза. Восельское перемиріе было нарушено тѣми самыми людьми, которые прежде настаивали на его заключеніи, именно адмираломъ де Колиньи и коннетаблемъ де Монморанси. Имъ было очень пріятно, что соперникъ ихъ, Францискъ де Гизъ, отправился на помощь папѣ и такимъ образомъ удалился отъ двора. Но вскорѣ они стали опасаться, чтобы Францискъ своими дѣйствіями въ Италіи не затмилъ ихъ; поэтому они искали случая нарушить перемиріе, чтобы имѣть возможность также пріобрѣсти славу. Случай этотъ представился, когда одинъ отшельникъ указалъ Колиньи, бывшему тогда намѣстникомъ Пикардіи, на возможность овладѣть крѣпостью Дуэ, считавшейся въ то время ключемъ всей Фландріи. Колиньи и коннетабль одобрили планъ нападенія; братъ перваго, д'Андло, былъ сынъ сестры коннетабля, и они были между собою также дружны, какъ братья де Гизы. Отшельникъ, жившій близь Дуэ, тайно провелъ адмирала къ стѣ-

намъ города въ ночь богоявленія 1557, когда граждане и солдаты спали и пировали. Адмиралъ велѣлъ немедленно приставить къ стѣнамъ лѣстницы, и французы уже взобрались на стѣны, какъ вдругъ планъ отшельника разрушился еще болѣе постыднымъ образомъ, чѣмъ планъ мецскихъ францисканцовъ, намѣревавшихся передать этотъ городъ императору (стр. 320). Одна старуха, случайно находившаяся по близости, подняла крикъ и разбудила караулъ; въ тоже время въ сосѣднемъ монастырѣ зазвонили къ ранней обѣднѣ, и французы, принявъ этотъ звонъ за набатъ, поспѣшно сошли со стѣны и отступили.

Это вѣроломное нападеніе нарушило перемиріе, и враждебныя дѣйствія возобновились. Однако Филиппъ II не могъ собрать войска ранѣе трехъ мѣсяцевъ. По этому адмиралъ де Колиньи овладѣлъ Лансомъ. Главнокомандующимъ испанско-нидерландскою арміею былъ герцогъ Эммануилъ Филибертъ Савойскій, которому возобновленіе войны было очень пріятно, такъ какъ французы все еще занимали его владѣнія подъ предводительствомъ де Бриссака; съ возобновленіемъ же военныхъ дѣйствій онъ могъ надѣяться возвратить свою страну. Графъ Эгмонтъ, павшій впослѣдствіи первой жертвой жестокости и нетерпимости Филиппа II, и графъ Эрнстъ Мансфельдъ командовали отдѣльными корпусами. Эти три арміи вступили въ іюнѣ во Францію и двинулись на Сенъ-Кантенъ, гдѣ 25 іюля расположились противъ французовъ, предводимыхъ коннетаблемъ, адмираломъ и д'Андло. Французскіе генералы рѣшили, что адмиралъ приметъ на себя защиту города, а д'Андло приведетъ ему подкрѣпленіе. Испанцы не воспрепятствовали адмиралу вступить съ небольшими силами въ слабо укрѣпленный городъ и затѣмъ осадили его. Д'Андло привелъ 8-тысячное подкрѣпленіе, но былъ атакованъ и разбитъ. Чтобы спасти себя, коннетабль былъ принужденъ начать сраженіе. Сраженіе при Сенъ-Кантенѣ произошло 8 августа 1557. Испанцы и нидерландцы значительно превосходили французовъ въ числѣ, и кромѣ того въ арміи ихъ на-

ходился сильный корпусъ англичанъ, посланный королевой Маріей на помощь своему мужу. Сраженіе продолжалось только четыре часа; французы потерпѣли совершенное пораженіе; часть ихъ войска была истреблена, другая взята въ плѣнъ; весь обозъ и артиллерія достались побѣдителямъ. Коннетабль и маршалъ Сентъ-Андре со многими другими генералами были взяты въ плѣнъ. Филиппъ находился во время битвы въ Канбрэ и прибылъ въ лагерь уже по окончаніи его; эта побѣда озарила блескомъ начало его правленія. Послѣ сраженія генералы смѣло совѣтовали ему идти прямо на Парижъ; но по своей робкой осторожности онъ отвергъ этотъ совѣтъ и приказалъ взять сначала Сенъ-Кантенъ. Тогда адмиралъ де Колиньи упорной защитой этого города, считавшагося весьма слабымъ, далъ Генриху II возможность прикрыть столицу. Колиньи защищалъ Сенъ-Кантенъ до 27 августа; наконецъ послѣ трехъ брешей городъ былъ взятъ приступомъ. Сенъ-Кантенъ раздѣлилъ участь всѣхъ городовъ, взятыхъ приступомъ. Самъ адмиралъ попался въ руки непріятеля. Такимъ образомъ всѣ хорошіе генералы, кромѣ служившихъ въ Италіи (Гизъ, Бриссакъ, Монлюкъ и др.), находились въ плѣну; поэтому Генрихъ II долженъ былъ вызвать изъ Италіи героя Франціи, Франциска де Гиза.

Еще до начала войны въ Нидерландахъ Римъ былъ осажденъ герцогомъ Альбой, и Генрихъ II, какъ мы знаемъ, послалъ на помощь папѣ герцога Франциска де Гиза съ значительнымъ войскомъ. Племянникъ папы, кардиналъ Караффа, возвратился изъ Франціи въ Италію и, чтобы задержать герцога Альбу до прибытія Франциска де Гиза, заключилъ съ испанцами перемиріе на сорокъ дней. Альба воспользовался этимъ, чтобы приготовиться къ защитѣ. Онъ собралъ народъ и неаполитанское рыцарство, принудилъ чины дать ему значительныя суммы для найма солдатъ, запретилъ духовенству платить папѣ десятины, наложилъ запрещеніе на доходы всѣхъ высшихъ духовныхъ лицъ, велѣлъ переписать деньги и драгоцѣнности всѣхъ церквей и мо-

настырей и потребовалъ отчета въ нихъ. Именемъ короля онъ даже наложилъ секвестръ на архіепископство неаполитанское, которое, сдѣлавшись вакантнымъ, было удержано папой за собой и управлялось его намѣстникомъ. Въ февралѣ французы явились въ Верхней Италіи, гдѣ герцогъ Феррарскій, тесть де Гиза, долженъ былъ соединить съ его арміей свои войска и принять главное начальство надъ соединенными силами. Но кардиналъ Караффа все испортилъ, желая взять съ герцога Косьмы Медичи полмилліона дукатовъ. Онъ убѣдилъ Генриха приказать де Гизу слѣдовать совѣтамъ Караффы и затѣмъ предложилъ герцогу не останавливаться въ Миланѣ и не идти черезъ Тоскану, а направиться черезъ Мархію въ Абруццо. Герцогъ Феррарскій чрезвычайно разсердился на это, потому что его земли были отданы такимъ образомъ на жертву испанцамъ и герцогу Косьмѣ Флорентинскому. Онъ покинулъ французовъ, которымъ слѣдовало торопиться походомъ; но кардиналъ задержалъ сластолюбиваго герцога въ здоровое время года въ Римѣ; когда же де Гизъ наконецъ собрался въ походъ, то кардиналъ убѣдилъ его осадить Чивителлу вмѣсто того, чтобы идти прямо на Неаполь.

Мы приводимъ въ выноскѣ слова маршала де Віельвиля, который въ то время находился въ Римѣ; ему было достовѣрно извѣстно, чѣмъ кардиналъ удерживалъ французовъ въ Римѣ *).

*) Онъ говоритъ (liv. VII, ch. 1): Le cardinal de Caraffe, scélérat s'il en fût onçques, donna au duc de Guise de terribles traverses desquelles la première fût, qu'il le tint tout le mois de Mars (1557), qui est le plus propre pour faire la guerre et camper à cause de sa temperature en tout climat, dedans la ville de Rome; l'entretenant de toutes delices, festin, courtisannes, vierges et femmes mariées, dont ce gouffre d'abominations a accoustumé de fournir, pour par ce temporisement attraper du duc de Florence quatre cent mille écus. (Если ужъ кто былъ мошенникъ, такъ это кардиналъ Караффа; онъ дѣлалъ герцогу де Гизу всевозможныя препятствія, задерживалъ его въ Римѣ весь мартъ (1557), мѣсяцъ, наиболѣе благопріятный по погодѣ для военныхъ дѣйствій; доставлялъ ему всяческія удовольствія, пиры, любовницъ, дѣвушекъ и замужнихъ, которыхъ этотъ подлецъ привыкъ сводничать; все это дѣлалось съ цѣлью слупить съ герцога Флорентійскаго 400,000 экю).

Когда французы вступили въ неаполитанскія владѣнія, король Генрихъ уже объявилъ испанцамъ войну (въ концѣ февраля 1557), а папа началъ войну духовную. Онъ исключилъ римскаго императора изъ эктеньи и въ великій четвергъ, при возглашеніи буллы in coena domini, предалъ проклятію весь домъ Карла V, упоминая о немъ не прямо, а въ слѣдующихъ выраженіяхъ; „да будутъ прокляты всѣ, кто занялъ хотя часть церковныхъ владѣній, кто бы то ни былъ, хотя бы самъ Римскій императоръ; да будутъ прокляты также всѣ совѣтники ихъ". Пока герцогъ де Гизъ и его генералы кутили въ Римѣ и наживали болѣзни, которыя тогда можно было пріобрѣсти только въ Римѣ и въ Неаполѣ, а солдаты ихъ стояли праздно въ римской Кампаніи, герцогъ Альба укрѣпилъ всѣ города въ Абруццахъ. Въ апрѣлѣ Гизъ повелъ наконецъ свои войска въ Абруццы, но встрѣтилъ въ походѣ большія препятствія. Онъ предпринялъ осаду Чивителлы, которая храбро защищалась; тогда французскія войска стали громко роптать противъ похода въ Неаполь и на союзъ съ попами. По совѣту Петра Строцци, который соединился съ арміею въ половинѣ мая, осада Чивителлы была снята послѣ четырехнедѣльной стоянки передъ этимъ городомъ; Альба расположился съ значительными силами близь французовъ. Въ тоже время Антоніо Орсини съ нѣмецкими и швейцарскими войсками одержалъ значительные успѣхи надъ папскими наемниками въ Церковной Области и снова занялъ города, завоеванные ими. Это такъ испугало пылкаго папу и его племянниковъ, что они просили герцога де Гиза поспѣшить на защиту Рима. Между тѣмъ Альба, оставивъ часть войскъ въ неаполитанскихъ владѣніяхъ, вступилъ въ римскую Кампанію и дошелъ почти до воротъ города.

Въ это время (августъ 1557) король Генрихъ II былъ поставленъ вслѣдствіе пораженія при Сенъ-Кантенѣ въ такое затруднительное положеніе, что долженъ былъ отозвать лучшія войска изъ арміи герцога де Бриссака, командовавшаго въ Са-

войѣ и Піэмонтѣ; черезъ нѣсколько дней послѣ пораженія онъ послалъ съ курьеромъ повелѣніе герцогу до Гизу вести, какъ можно скорѣе, свои войска во Францію, оставивъ лишь отрядъ, необходимый для защиты герцога Феррарскаго. Въ письмѣ къ Франциску де Гизу король поручалъ ему объяснить папѣ, что Франція не можетъ болѣе помогать ему и потому совѣтуетъ поскорѣе примириться съ своими врагами, на какихъ бы то ни было условіяхъ. Извѣстіе это склонило наконецъ папу послѣдовать представленіямъ римскихъ бароновъ и кардиналовъ, венеціанцевъ и герцога Косьмы Флорентинскаго и примириться съ королемъ испанскимъ. Но онъ слишкомъ хорошо зналъ хаижество Филиппа II и Альбы, чтобы сдѣлать имъ хотя бы малѣйшую уступку. Герцогъ Альба долженъ былъ явиться въ Римъ, извиниться передъ папой и подвергнуться церковному покаянію. Другія условія, выговоренныя посредниками въ пользу папы, были такого рода, какъ будто не онъ, а богомольный король Испаніи принужденъ просить мира. Договоръ, заключенный 14 ноября 1557 кардиналами Саитафіоре и Вителли со стороны папы и герцогомъ Альбой со стороны короля въ Кави (между Палестриной и Джеиацаро), обязывалъ папу отказаться отъ союза противъ испанскаго короля и простить всѣхъ, обнажавшихъ мечь противъ церкви. Палліано былъ предоставленъ въ залогъ одному изъ родственниковъ папы до тѣхъ поръ, пока Филиппъ не вознаградитъ графа Монторіо Караффа. Немедленно по заключеніи этого договора герцогъ де Гизъ отплылъ съ своими войсками къ берегамъ Прованса.

Когда герцогъ де Гизъ возвратился во Францію, король Генрихъ II былъ въ столь затруднительномъ положеніи и до того не видѣлъ возможности противиться внѣшнимъ врагамъ и внутреннимъ партіямъ, а особенно остановить протестантизмъ, дѣлавшій большіе успѣхи въ восточныхъ провинціяхъ и въ Беарнэ, что почти призналъ самъ себя неспособнымъ къ управленію государствомъ. Онъ назначилъ герцога Франциска де Гиза

намѣстникомъ государства (Lieutenant général du royaume), т. е. передалъ ему безусловно всю свою власть на неопредѣленный срокъ. Это назначеніе послѣдовало въ сентябрѣ 1557, и въ концѣ того же года счастье доставило новому правителю случай выполнить предпріятіе, которое не удавалось никому изъ прежнихъ королей. Онъ отнялъ у англичанъ единственный городъ, остававшійся еще у нихъ отъ всѣхъ ихъ прежнихъ владѣній на континентѣ; вслѣдствіе этого онъ лишилъ ихъ возможности нападать на Францію, не подвергая себя крайней опасности. Городъ и крѣпость Кале находились во власти англичанъ съ 1347 (т. VIII, стр. 262). Отнять его у англичанъ считали невозможнымъ; но французскій комендантъ Булони, Сенарпонъ, узналъ, что королева Марія изъ экономіи весьма ослабила гарнизонъ, не заготовила продовольствія и не позаботилась достаточно укрѣпить городъ со стороны моря. Сенарпонъ часто бывалъ въ Кале; кромѣ того онъ послалъ военнаго инженера снять планъ города и развѣдалъ, что можно пройти по приморскому болоту, считавшемуся глубокимъ, и что форты, которые обстрѣливали эту мѣстность, очень плохи (creux); наконецъ ему было также извѣстно, что англичане для сбереженія жалованья распустили на зиму большую часть гарнизона, а свѣжія войска прибудутъ не раньше весны. Гизъ послалъ Строцци, чтобы изслѣдовать это подробнѣе, и Строцци подтвердилъ донесенія Сенарпона. Тогда было рѣшено аттаковать Кале въ началѣ 1558 всею армію, усиленною послѣ сраженія при Сенъ-Кантенѣ нѣмецкими, швейцарскими и италіянскими войсками. Небольшой отрядъ произвелъ ложную аттаку на Люксембургъ и затѣмъ отошелъ къ Кале. Въ то же время Таваннъ и герцогъ д'Омаль должны были аттаковать городъ съ суши, а рѣшительный приступъ предполагали направить на неукрѣпленное приморское предмѣстье. Англійскій комендантъ Кале, лордъ Уэнсвортъ, не обращалъ вниманія на предостереженія, а англійское министерство, не довѣряя королю Филиппу, отвергло въ самую рѣшительную минуту

его помощь. За то когда французы въ семь дней (8 января 1558) овладѣли Кале, негодованіе англійскаго народа было безгранично. Восемь дней спустя французы взяли Гинь и Гамъ.

Слава завоеванія Кале, принадлежащая собственно Сенарпону, доставила герцогу Франциску де Гизу больше значенія, чѣмъ имѣлъ самъ король. Герцогъ сталъ, повидимому, полнымъ господиномъ Франціи. Народъ и король, фанатически озлобленный противъ протестантовъ, считали герцога, кардинала Лотарингскаго и кардинала де Турнона единственными людьми, способными защитить истинную вѣру отъ еретиковъ, къ которымъ пристали даже король Антонъ наваррскій, братья Шатильоны и принцъ де Конде. Чрезвычайная щедрость герцога Франциска привязала къ нему дворянство; по завоеваніи Кале напримѣръ онъ не взялъ себѣ ничего изъ добычи, но за то подарилъ генераламъ, кому двѣ, кому шесть, кому даже двадцать и тридцать тысячь ливровъ. Остальное было роздано войску *). Преслѣдованію протестантовъ герцогъ предался лишь впослѣдствіи; пока же братъ его, кардиналъ, въ союзѣ съ другими кардиналами и съ парламентомъ, одинъ свершалъ кровавую расправу съ тѣми, кто предпочиталъ слушать пѣніе псалмовъ и библейскую проповѣдь по французски, чѣмъ присутствовать при латинской мессѣ. Протестанты смертельно возненавидѣли короля, когда въ концѣ 1557 онъ принялся свирѣпствовать противъ нихъ и предалъ своей безчеловѣчной юстиціи четыреста человѣкъ разнаго званія и возраста, слушавшихъ по ночамъ проповѣди въ улицѣ Сенъ-Жакъ.

Гизы и ихъ фанатическая партія нашли себѣ новую поддержку, когда въ апрѣлѣ 1558 дофинъ былъ помолвленъ на племян-

*) Замѣтимъ при этомъ, что Таваннъ взялъ себѣ изъ добычи сочиненія классиковъ, которыя потомъ подарилъ брату. Son butin, говоритъ онъ о себѣ, fut en livres Grecs, Latins et Hébreux, qu'il donna à son frère de Villefrancon, amateur des lettres. (Его добыча состояла въ греческихъ, латинскихъ и еврейскихъ книгахъ, которыя онъ подарилъ своему брату, Вильфранкону, любителю просвѣщенія).

ницѣ ихъ, шотландской принцессѣ Маріи Стюартъ, которая на свою бѣду была привезена ребенкомъ во Францію, гдѣ познакомилась съ образомъ жизни любовницъ Генриха II и съ интригами и кознями итальянцевъ двора Екатерины Медичи. До сихъ поръ братья Шатильоны (адмиралъ де Колиньи и д'Андло) и коннетабль, дѣйствуя въ этомъ случаѣ за одно съ Екатериною, препятствовали заключенію брака. Но наконецъ онъ состоялся, такъ какъ въ то время адмиралъ и коннетабль находились въ плѣну, а д'Андло былъ арестованъ за склонность къ протестантамъ. Коннетабль, не смотря на свое отсутствіе, сохранилъ свое вліяніе на короля и велъ съ нимъ постоянную переписку. Когда и Гизы соединились съ королевою, герцогиня де Валантинуа (Діана де Пуатье) вступилась за коннетабля и стала хлопотать о его выкупѣ, какой бы то ни было цѣной. Впрочемъ испанцы сами содѣйствовали его освобожденію, потому что хотѣли склонить черезъ него французскаго короля къ миру.

Наконецъ тайныя сношенія короля съ коннетаблемъ возбудили въ Гизахъ такое подозрѣніе, что они стали опасаться заключенія мира помимо ихъ; поэтому они съ своей стороны завели переговоры. Вдовствующая герцогиня Лотарингская желала повидаться съ своимъ сыномъ, котораго увезли во Францію; Гизы обѣщали привезти его въ погравичный городъ, если герцогиня согласна привезти съ собой испанскихъ министровъ, чтобы завязать мирные переговоры. Герцогиня пріѣхала въ Кабрэ съ графомъ Эгмонтомъ, кардиналомъ Граивеллой и президентомъ Вильіусомъ. Но свиданіе это было безплодно, потому что испанскіе уполномоченные поняли, что кардиналъ Лотарингскій и его братья готовы скорѣе препятствовать, чѣмъ способствовать заключенію мира. Между тѣмъ французы вытѣснили испанскія войска изъ многихъ городовъ, въ томъ числѣ изъ Диденгофена и Дюнкирхена; Филиппъ II былъ также не въ состояніи платить войскамъ, какъ и Генрихъ II; герцогъ Эммануилъ Филибертъ Савойскій страстно желалъ возвратиться въ свои

владѣнія. Поэтому испанцы хотѣли возобновить переговоры съ тѣмъ, чтобы кардиналъ Лотарингскій не присутствовалъ при нихъ. Но условіе это было невыполнимо, потому что даже коннетабль ясно видѣлъ невозможность устранить Гизовъ, не навлекая на себя большой отвѣтственности. Тогда придумали другое средство. Маршалъ де Сентъ-Андре, все еще находившійся въ плѣну въ Нидерландахъ и пользовавшійся полнымъ довѣріемъ Генриха II и партіи коннетабля, былъ освобожденъ изъ плѣна и назначенъ вмѣстѣ съ кардиналомъ Лотарингскимъ членомъ коммиссіи, имѣвшей цѣлью заключить миръ. Герцогиня Лотарингская, еще не уѣзжавшая изъ Брюсселя, предложила себя въ посредницы при переговорахъ; они должны были происходить въ монастырѣ Серканѣ. Король назначилъ съ своей стороны коммиссарами кардинала Лотарингскаго, маршала де Сентъ-Андре, коннетабля де Монморанси, епископа орлеанскаго Жана де Морвилье и государственнаго секретаря л'Обспиня. Со стороны Филиппа II были герцогъ Альба, Вильгельмъ Нассау-Оранскій, Гранвелла, Рюй Гомесъ де Сильва и президентъ Виліусъ, Коннетабль, выкупъ котораго былъ уже рѣшенъ, получилъ пока свободу на честное слово. Онъ прибылъ въ Аміенъ и былъ такъ дружески принятъ королемъ, что ясно было, какое вліяніе получитъ онъ на конгрессѣ. Гизы приписывали уступчивость французскихъ коммиссаровъ на конференціи въ Серканѣ тому обстоятельству, что двое изъ нихъ были еще военноплѣнными и освобожденіе ихъ зависѣло отъ исхода переговоровъ. Смерть жены Филиппа II, Маріи, 17 ноября 1558, способствовала успѣху переговоровъ, освободивъ испанскаго короля отъ обязанности выхлопотать возвращеніе англичанамъ отнятыхъ у нихъ владѣній; въ тоже время это обстоятельство поселило непримиримую вражду между Филиппомъ II и его сыномъ отъ перваго брака, Карломъ, потому что король женился на французской принцессѣ Елисаветѣ, помолвленной за Карла.

Интриги при дворѣ слабаго короля французскаго препятствовали заключенію мира, пока коннетабль не получилъ свободу

за половину требуемой съ него выкупной суммы. Освободившись, онъ снова началъ безусловно управлять королемъ. Вліяніе это усилилось, когда д'Андло былъ освобожденъ изъ подъ ареста, а второй сынъ коннетабля, Данвиль, женился на внучкѣ королевской любовницы (герцогини де Валантинуа), Антуанеттѣ де ля Маркъ. Въ тоже время Гизамъ удалось еще на одинъ шагъ приблизить свой домъ къ престолу и явиться въ глазахъ народа и парламента защитниками древней религіи отъ протестантизма, къ которому склонялись принцъ де Конде, король и королева наваррскіе и Шатильоны: глава Лотарингскаго дома, молодой герцогъ Карлъ II Лотарингскій, женился на второй дочери короля Генриха, Клавдіи.

Серканскій конгрессъ шелъ медленно, хотя король Филиппъ горѣлъ нетерпѣніемъ отправиться въ Испанію, гдѣ реформація грозила распространиться. Смерть королевы Маріи даже совершенно прервала переговоры. Но преемница ея Елисавета назначила въ началѣ 1559 новыхъ коммиссаровъ, и конгрессъ открылся вновь въ Шато-Канбрези. Министры новой королевы, которая была протестантка, знали заранѣе, что король Филиппъ будетъ самымъ непримиримымъ врагомъ ихъ; поэтому они не очень настаивали на возвращеніи городовъ, отнятыхъ у Англіи, что весьма ускорило заключеніе мира. 3 апрѣля 1559 онъ былъ уже заключенъ въ Шато-Канбрези. Первымъ условіемъ его было, что короли будутъ энергически искоренять общими силами новое евангелическое ученіе. Филиппъ II уступилъ Франціи Сенъ-Кантенъ, ле Катле, Гамъ и теруаньскую область; а такъ какъ въ разрушенномъ Теруанѣ не предполагалось возстановлять епископство, то на имущество его было рѣшено учредить двѣ новыя эпархіи: одну французскую— въ Булони, другую нидерландскую—въ Сентъ-Омерѣ. Французскій король возвратилъ королю испанскому графство Шароле, города Маріенбургъ, Диденгофенъ, Данвилье, Монмеди, Иври и всѣ еще занятыя мѣста въ миланской области. Герцогъ Эммануилъ Филибертъ Савойскій женился наконецъ на сестрѣ короля Генриха, Маргаритѣ, и былъ офиціально возстановленъ во владѣніи

своимъ герцогствомъ; но въ дѣйствительности французы утвердились въ Савойѣ, потому что, хотя бракъ герцога съ французской принцессой возвратилъ ему Брессъ, Бюньи, Савойю и княжество Піэмонское, но французы удержали Туринъ, Кіери, Пиньероль и нѣкоторыя другія крѣпости.

2. Франція до смерти короля Генриха II.

Генрихъ II и Филиппъ II прежде всего всѣми силами принялись исполнять свое взаимное обѣщаніе преслѣдовать огнемъ и мечемъ проповѣдь евангелія, какъ источникъ демократическихъ и революціонныхъ идей, и отстаивать ученіе соборовъ и папъ. Но попытка плыть противъ потока времени не удалась. Результатомъ ея была только междоусобная война, которая въ Нидерландахъ погубила могущество Испаніи, а во Франціи доставила побѣду новому ученію.

Не нуждаясь болѣе въ намѣстникѣ, Генрихъ II началъ постепенно удалять Гизовъ отъ должностей и хотѣлъ назначить коннетабля главнокомандующимъ на мѣсто герцога Франциска, но не успѣлъ, потому что вскорѣ умеръ. Коннетабль былъ также вооруженъ противъ протестантовъ, какъ король и Гизы, что и доказалъ тотчасъ по заключеніи мира. Еще во время войны во многихъ мѣстахъ королевства и въ столицѣ между католиками и протестантами начались кровавыя несогласія. Такъ, въ 1557 на протестантовъ обрушилась страшная расправа за то, что они хотѣли отпраздновать въ Парижѣ тайную вечерю. Другое побоище, происходившее между католиками и гугенотами во время празднованія свадьбы дофина съ Маріею Стюартъ, доказало, что ученики Кальвина, который въ то время игралъ въ Женевѣ роль патріарха или папы, сдѣлались подъ вліяніемъ преслѣдованій смѣлѣе прежняго. На свадьбу пріѣхали Жанна д'Альбре съ мужемъ, слабымъ Антономъ де Бурбономъ, который, женившись на ней, пріобрѣлъ королевство наваррское. Они были въ восторгѣ отъ проповѣдей Кальвина и

Теодора де Беза. Принцъ и принцесса де Конде также сочувствовали реформаціи и были оскорблены тѣмъ, что, не смотря на свое родство съ королевской фамиліей, не имѣли при дворѣ никакого значенія. Когда король уѣхалъ изъ Парижа въ Шампань, королева наваррская, принцъ де Конде и ихъ родственники побуждали парижскихъ протестантскихъ проповѣдниковъ дѣйствовать смѣлѣе. Кромѣ того Кальвинъ, какъ видно изъ его писемъ, давно укорялъ своихъ послѣдователей въ равнодушіи, вслѣдствіе чего французскіе гугеноты собрали нѣсколько сходокъ на духовномъ лугу (pré aux clercs) и проповѣдовали подъ открытымъ небомъ. Здѣсь собралось однажды до тысячи человѣкъ, которые пѣли псалмы, положенные на музыку Маро, и потомъ двинулись процессіей черезъ Сенъ-Жерменское предмѣстье. Впереди и позади процессіи шли вооруженные дворяне, угрожая оружіемъ народной толпѣ, которая, казалось, хотѣла преградить процессіи путь, но, быть можетъ, собралась просто изъ любопытства. Полиція не осмѣлилась вмѣшаться въ это дѣло; она заперла городскія ворота, ведущія въ университетскій кварталъ и въ Сенъ-Жерменское предмѣстье.

Епископъ парижскій подробно донесъ королю объ этой процессіи, и Генрихъ увидѣлъ въ ней связь съ баснями, придуманными кардиналами Лотарингскимъ и Гранвеллою о заговорѣ гугенотовъ. Король приказалъ парламенту пригласить уголовный судъ (le Châtelet) принять мѣры противъ протестантовъ. Между тѣмъ члены парламента разошлись во мнѣніяхъ; самъ хранитель печати, прискакавшій поэтому дѣлу въ Парижъ, узнавъ, кто были главные виновники смятенія, нашелъ необходимымъ замять дѣло; онъ ограничился тѣмъ, что пригрозилъ магистрамъ и студентамъ, если они не будутъ посѣщать церквей и ходить къ причастію. Палаты парламента относились къ протестантамъ различно. Большая палата (grand chambre), гдѣ предсѣдателями были ле Метръ, Сентъ-Андре и Минаръ, приговаривала обыкновенно осужденныхъ къ сожженію; но палата la Tourelle, гдѣ предсѣдательствовали де Ту, д'Арлэ,

и Сегіэ, большею частью освобождала обвиняемыхъ или приговаривала ихъ къ легкимъ денежнымъ пенямъ. Четверо студентовъ прямо объявили себя послѣдователями Кальвина и противниками церкви. Турель осудила ихъ лишь на изгнаніе изъ страны; но тогда при дворѣ, въ городѣ и въ государствѣ поднялся страшный шумъ противъ этого рѣшенія. Королевскіе прокуроры перенесли процессъ въ общее присутствіе парламента, которое происходило по три или четыре раза ежегодно и собиралось для изслѣдованія образа жизни и поведенія парламентскихъ совѣтниковъ. Собранія эти бывали всегда по середамъ, вслѣдствіе чего назывались меркуріалами. Когда процессъ представили общему собранію (10 іюня 1559), въ засѣданіи поднялся страшный споръ и шумъ между совѣтниками гугенотами и католиками. Въ засѣданіи присутствовалъ самъ король, въ высшей степени недовольный снисхожденіемъ Турели къ еретикамъ. Въ свитѣ его находились главные фанатики, кардиналъ Лотарингскій, хранитель печати, кардиналъ Бертранъ, герцогъ де Гизъ, коннетабль и князья де Монпансье и де Ла Рошъ-сюръ-Йонъ. Король потребовалъ, чтобы совѣтники свободно и прямо выразили свое мнѣніе о мѣрахъ противъ реформаціи. Довѣрившись словамъ короля, который сказалъ, что желаетъ выслушать мнѣнія за и противъ гугенотовъ, чтобы составить на основаніи ихъ свое рѣшеніе, совѣтники и президенты высказались вполнѣ откровенно. Но заключительная рѣчь перваго президента ле Метра показала къ чему все это клонится. Разобравъ мнѣнія за и противъ насильственныхъ мѣръ, онъ сказалъ: „поведеніе короля Филиппа Августа, который велѣлъ сжечъ въ одинъ день шесть сотъ еретиковъ, заслуживаетъ величайшей похвалы“. Затѣмъ онъ съ любовью исчислилъ всѣ варварскія наказанія, которымъ парламентъ предавалъ несчастныхъ вальденцевъ. По окончаніи преній король всталъ съ своего мѣста и въ сопровожденіи принцевъ и дворянъ перешелъ въ другую комнату. Затѣмъ онъ приказалъ подать себѣ протоколъ, гдѣ были записаны

Digitized by Google

всѣ произнесенныя рѣчи, прочелъ ихъ и сказалъ: „Теперь я вижу то, чему прежде не хотѣлъ вѣрить, что даже въ моемъ парламентѣ множество еретиковъ. Слѣдовало бы наказать весь парламентъ; но я поступлю съ разборомъ и не буду осуждать невинныхъ за виновныхъ". Послѣ того коннетабль, получивъ отъ короля приказанія, вошелъ въ залу засѣданія. Онъ арестовалъ совѣтниковъ Дюфора и Дюбура и поручилъ капитану тѣлохранителей, Монгомери, отправить ихъ немедленно въ бастилію. Вслѣдъ затѣмъ второй капитанъ гвардіи, Шавиньи, получилъ приказаніе арестовать еще шестерыхъ совѣтниковъ. Изъ нихъ трое были арестованы, а остальные бѣжали.

Эта недостойная сцена возбудила въ Европѣ большое вниманіе и раздѣлила Францію на два враждебныхъ лагеря. Жестокій папа Павелъ IV прославлялъ короля за его ненависть къ еретикамъ, а фанатическій народъ, ненавидѣвшій протестантовъ, былъ съ одной стороны возбуждаемъ кардиналомъ, Гизами и коннетаблемъ, а съ другой, іезуитами, театинцами и парламентскими канонистами. Это принудило протестантовъ также прибѣгнуть къ силѣ; они образовали политическую партію и организовали въ государствѣ родъ религіозной республики. Во всѣхъ провинціяхъ Франціи, куда проникли изъ Италіи возрожденныя науки и искусства грековъ и римлянъ, издавна существовало духовное законодательство, составленное собраніями провинціальнаго духовенства. Эти провинціальныя собранія или синоды соединились въ послѣднее время въ общій союзъ; реформатскіе проповѣдники и депутаты провинцій Иль де Франса, Нормандіи, Орлеанэ, Они и Пуату держали въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ свой первый національный синодъ въ то самое время, когда король началъ преслѣдовать гугенотовъ. Они были въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Женевой, гдѣ Кальвинъ и Беза завели школу, въ которой ученики всѣхъ европейскихъ націй получали гуманное и религіозное образованіе. Кальвинъ разсылалъ свои

совѣты, уважаемые не менѣе папскихъ буллъ, во всѣ германскія и славянскія страны и къ мадьярамъ.

Генеральный синодъ 1559 года издалъ новый церковный уставъ въ сорокъ параграфовъ, чтобы поддержать между общинами связь и единодушіе. Затѣмъ собраніе вознамѣрилось помочь своимъ единовѣрцамъ, содержавшимся въ тюрьмахъ. Съ этой цѣлью оно обратилось къ герцогу Виртембергскому и курфирсту Пфальцскому, прося ихъ заступничества. Но Генрихъ уже не нуждался въ нѣмецкихъ протестантахъ. Онъ велѣлъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій предать арестованныхъ суду; судьями были назначены люди, на которыхъ можно было вполнѣ положиться, какъ напримѣръ епископъ парижскій и инквизиторъ Демошаръ. Въ своемъ фанатическомъ увлеченіи король говорилъ гласно, что желаетъ видѣть собственными глазами казнь арестованныхъ. Но 29 іюня 1559 онъ лишился жизни на турнирѣ, данномъ въ Парижѣ, въ улицѣ Антуанъ, по случаю бракосочетанія сестры Генриха съ герцогомъ Савойскимъ. Переломивъ копье съ герцогомъ Савойскимъ, король съѣхался съ графомъ де Лоржемъ, сыномъ капитана гвардіи, Монгомери. Герцогъ де Гизъ, князь Феррарскій и герцогъ де Немуръ были при королѣ секундантами (les tenans). Всѣ они уже доказали свою ловкость и уговаривали короля прекратить состязаніе. Но онъ настоялъ на своемъ, и графъ де Лоржъ былъ принужденъ принять королевскій вызовъ. Подскакавъ во весь опоръ другъ къ другу, они сломили копья, но графъ по разсѣянности забылъ бросить обломокъ, который, попавъ въ забрало короля, поднялъ его и такъ сильно ударился ему въ глазъ, что едва съ короля сняли шлемъ, какъ онъ самъ сказалъ, что раненъ смертельно *). Онъ прожилъ

*) Лучшій и самый краткій разсказъ объ этомъ принадлежитъ маршалу де Віельвилю (Mem. liv. VII, ch. XXVIII), который всячески отговаривалъ короля продолжать состязаніе, говоря, что ему снилось, будто турниръ этотъ погубитъ его. Віельвиль говоритъ: Le malhabile Lorges ne jecta pas, selon l'or-

до 10 іюля. Мы полагаемъ, что его можно бы было спасти, если бы королевскіе хирурги не потеряли время въ весьма странныхъ опытахъ. Чтобы найти осколки и изслѣдовать поврежденіе мозга, они вскрыли головы четыремъ преступникамъ, приговореннымъ къ смерти, которые предварительно были подвергнуты такой же ранѣ, какъ и король, а силу удара изучали на пятомъ.

Смерть Генриха II замѣчательна не только потому, что съ этого времени прекратились большіе и серіозные турниры, но и потому, что за нею послѣдовала междоусобная война, окончившаяся лишь по вступленіи на престолъ короля Генриха IV. Смерть Генриха II предала Францію во власть Гизамъ и папистамъ. Такъ какъ король Францискъ II, наслѣдовавшій своему отцу, Генриху II, былъ женатъ на племянницѣ Лотарингскихъ принцевъ, Маріи Стюартъ Шотландской, то даже королева-мать, Екатерина Медичи, коннетабль и принцы крови имѣли при немъ менѣе значенія, чѣмъ Гизы.

3. Франція при Францискѣ II.

Едва скончался Генрихъ II, какъ кардиналъ Лотарингскій и герцогъ де Гизъ овладѣли королемъ Францискомъ II, которому было только шестнадцать лѣтъ. Они уволили коннетабля отъ званія великаго гофмейстера (grand maitre de la maison du roi) подъ предлогомъ, что двѣ великія коронныя должности не могутъ быть соединены въ одномъ лицѣ, и удалили его отъ двора. Объявивъ короля совершеннолѣтнимъ, они не допустили до регенства ни королеву-мать, Екатерину Медичи, ни перваго принца крови, слабаго короля Антона наваррскаго. Они

---

dinaire coustume, le tronsson, qui demeura en la main, la lance rompue, mais le porta toujours baissé et en courant rencontra la teste du roi, duquele il donna droict dans la visière, que le coup haussa et lui crêva un oeil.

говорили, что Екатерину, какъ иностранку, слѣдовало бы по настоящему отослать назадъ во Флоренцію. Коннетабль поспѣшилъ вызвать короля наваррскаго въ Парижъ, но Антонъ опоздалъ, потому что король уже поручилъ завѣдованіе финансами кардиналу Лотарингскому, а брату его, герцогу Франциску де Гизу—военное вѣдомство. Тесть короля Антона, Генрихъ д'Альбре, наслѣдникъ Наварры и Беарна, былъ долго лишенъ своихъ владѣній во Франціи по проискамъ интригантовъ двора Генриха II. По прибытіи ко двору Антонъ возбудилъ къ себѣ презрѣніе всѣхъ партій. Поэтому опаснѣйшими врагами Гизовъ былъ не онъ, а его жена Жанна, братъ, принцъ де Конде и братья Шатильоны, т. е. адмиралъ де Колиньи и д'Андло. Жанна была пріятельницей и покровительницей Кальвина и гугенотовъ, и Беза часто проповѣдывалъ при ней. Во владѣніяхъ своего отца она пользовалась гораздо больше уваженіемъ, чѣмъ ея безхарактерный мужъ. Поэтому папистскіе фанатики также ненавидѣли ее, какъ Конде, Шатильоновъ и другихъ покровителей протестантовъ. Гизы и ихъ партія воспользовались этимъ. Принцъ де Конде принялъ открыто сторону протестантовъ, объявилъ себя главою многочисленныхъ реформатскихъ общинъ, бывшихъ въ тѣсномъ союзѣ другъ съ другомъ, и созвалъ протестантскихъ проповѣдниковъ и дворянъ, принявшихъ кальвинизмъ, на совѣщаніе въ свою резиденцію ла-Ферте въ Шампани.

Съ этихъ поръ партіи враждовали не столько изъ за религіозныхъ, сколько изъ политическихъ цѣлей. Вельможи и рыцарство протестантской партіи начали вооружаться, не смотря на то, что Кальвинъ внушалъ имъ смиреніе и послушаніе по примѣру первыхъ христіанъ въ отношеніи къ языческимъ императорамъ. За то самъ онъ распоряжался въ Женевѣ самымъ деспотическимъ образомъ, которому подражалъ и генеральный синодъ. Политическія цѣли партій видны изъ того, что Екатерина Медичи, весьма, конечно, не благоволившая къ протестантамъ, дол-

Digitized by Google

жно быть, знала о замыслѣ, извѣстномъ подъ именемъ анбуазскаго заговора.

Гордость Гизовъ, жестокое преслѣдованіе протестантовъ, многочисленныя казни, начавшіяся съ тѣхъ поръ, какъ парламентскіе юристы-богословы, поучреждали во всемъ государствѣ во славу Божію пламенныя палаты (chambres ardentes), и насилія, совершаемыя Гизами именемъ молодаго короля, возбудили общее неудовольствіе. Вначалѣ Гизы старались исправить вредъ, нанесенный царствованіемъ Генриха II и поручили канцлеру Оливье, извѣстному за честнаго и способнаго человѣка, привести въ порядокъ администрацію; но противная партія потребовала созванія генеральныхъ чиновъ, потому что принцы, коннетабль, адмиралъ и его братъ надѣялись черезъ это снова пріобрѣсти прежнее вліяніе. Гизы противились этому. Тогда многіе протестанты вступили въ такъ называемый анбуазскій заговоръ. Это было самое безумное предпріятіе, затѣянное однимъ авантюристомъ, который задумалъ схватить короля и Гизовъ, созвать государственные чины и сдѣлать короля Антона наваррскаго правителемъ государства. Изобрѣтатель этого плана былъ дворянинъ ла-Реноди, хитрый плутъ, бывшій уже два раза подъ судомъ; поэтому невѣроятно, чтобы принцъ де Конде и Шатильоны принимали участіе въ такомъ дѣлѣ, хотя несомнѣнно, что они знали о немъ. Ла-Реноди разъѣзжалъ по Франціи, призывая протестантскихъ фанатиковъ принять участіе въ нападеніи на дворъ. Онъ побывалъ въ Лозаннѣ и Женевѣ и получилъ отъ лучшихъ тамошнихъ юристовъ, какъ Готтоманъ, и знаменитѣйшихъ богослововъ (Кальвинъ и Беза) письменное наставленіе (consultation), которое употребилъ потомъ для своихъ цѣлей. Поэтому католики обвиняли Кальвина и Беза въ подстрекательствѣ къ мятежу и рѣзнѣ, не взирая на ихъ оправданія.

Между тѣмъ король и дворъ отправились въ Блуа, гдѣ Францискъ II намѣревался лечиться отъ своей болѣзни, которую

злонамѣренно выдавали за проказу. Заговорщики хотѣли воспользоваться пребываніемъ короля въ этомъ неукрѣпленномъ городѣ, чтобы овладѣть имъ и удалить отъ него Гизовъ и королеву-мать. Въ началѣ февраля 1560 они собрались въ Нантѣ и рѣшили привести свой планъ въ исполненіе 10 марта. Между тѣмъ Гизы уже давно знали обо всемъ черезъ своего шпіона, парижскаго адвоката Пьерра дез'Авеиеля, который участвовалъ въ заговорѣ. Они дѣлали тайныя приготовленія, внушая заговорщикамъ безпечность, чтобы заговоръ не разстроился преждевременно и не лишилъ ихъ повода погубить за одно всѣхъ протестантовъ. Заговорщики могли бы догадаться объ измѣнѣ потому, что дворъ переѣхалъ изъ Блуа въ укрѣпленный замокъ Амбуазъ; однако они не измѣнили своего рѣшенія, отложивъ только предпріятіе до 16 марта, чтобы собрать побольше вооруженныхъ людей. Это снова возбудило подозрѣніе правительства. Оно собрало значительный отрядъ войскъ и склонило королеву пригласить въ Амбуазъ Шатильоновъ, чтобы имѣть за ними надзоръ. Когда 16 марта дѣлали приготовленія къ отраженію нападенія ла-Реноди на Амбуазъ, почетный постъ у воротъ былъ порученъ принцу де Конде, также прибывшему ко двору; но къ нему приставили герцога д'Омаля. Герцогъ де Неверъ, который послѣ пораженія при Сенъ-Кантенѣ собралъ остатки разбитаго войска и сформировалъ новую армію, получилъ порученіе идти на встрѣчу протестантамъ. При движеніи ихъ къ Амбуазу они были вторично преданы. Они раздѣлились на два отряда, которые должны были соединиться по сигналу Линье; но Линье, вмѣсто того, чтобы подать сигналъ, отправился въ Амбуазъ и открылъ правительству все. Ла-Реноди храбро защищался противъ королевскихъ войскъ и даже убилъ предводителя ихъ, Пардальяна, но и самъ палъ отъ пистолетнаго выстрѣла. Всѣ протестанты, взятые съ оружіемъ въ рукахъ, были изрублены. Многихъ другихъ осудили потомъ судомъ, и говорятъ, что изъ за этого заговора было казнено до тысячи двухсотъ человѣкъ. Шатильоновъ и принца де Конде,

не смотря на всѣ старанія Гизовъ, нельзя было припутать къ дѣлу. Вопреки желанію Гизовъ, умный канцлеръ Оливье издалъ еще до прибытія принца и Шатильоновъ амнистію въ пользу лицъ, преслѣдуемыхъ за религію. Но протестанты сами воспрепятствовали своимъ безразсуднымъ покушеніемъ результатамъ этой мѣры. Наканунѣ анбуазской стычки Францискъ де Гизъ былъ вновь назначенъ правителемъ государства и намѣстникомъ короля. Канцлеръ Оливье тщетно противился этому; впрочемъ ему удалось, значительно ограничить власть герцога. На другой день послѣ неудачнаго покушенія ла-Реноди Францискъ де Гизъ былъ провозглашенъ королевскимъ намѣстникомъ (Lieutenant général du roi).

Такимъ образомъ герцогъ де Гизъ сдѣлался диктаторомъ Франціи. Онъ и его братъ, кардиналъ Лотарингскій, воспользовались фанатическими вождями католической партіи, чтобы начать угнетать гугенотовъ во всѣхъ провинціяхъ государства. Вслѣдствіе этого въ началѣ апрѣля анархія была въ полномъ разгарѣ. Противъ Гизовъ интриговали и вооружались не только Шатильоны и принцы крови, но и фанатическіе вожди протестантовъ. Королева Екатерина, лишенная Гизами регентства, дѣйствовала противъ нихъ всѣми способами. По смерти Оливье она соединилась съ новымъ великимъ канцлеромъ, л'Опиталемъ. Первыя мѣры, внушенныя имъ, были чрезвычайно жестоки и вредны; но онъ дѣйствовалъ такимъ образомъ съ цѣлью предотвратить введеніе инквизиціи, которой желали Гизы. Чтобы ввести ее, они воспользовались возстаніемъ протестантовъ въ городахъ Прованса, Дофинэ и Лангедока; сверхъ того обнаружилось, что Гіени, Пуату, Турени, Анжу и Нормандіи также грозятъ гугенотскія возстанія. Тогда по предложенію л'Опиталя былъ изданъ страшный Роморантенскій эдиктъ, вслѣдствіе котораго огонь, тлѣвшій всюду подъ пепломъ, вспыхнулъ тѣмъ ужаснѣе, что не задолго до того двумя королевскими рескриптами протестантамъ была обѣщана полная амнистія.

Проэктъ новаго эдикта противъ протестантовъ, составленный канцлеромъ и одобренный въ кабинетѣ короля Гизами и королевой матерью, состоялъ въ слѣдующемъ: „Процессы противъ еретиковъ переносятся изъ свѣтскихъ уголовныхъ судовъ въ духовные. Всѣ посѣщающіе конвентикулы, т. е. тайныя сходки, объявляются виновными въ государственной измѣнѣ; провинціальные уголовные суды получаютъ полномочіе судить таковыхъ безъ аппеляціи и немедленно приводить въ исполненіе произнесенные противъ нихъ приговоры. Тому, кто донесетъ о такомъ тайномъ собраніи суду, будетъ дано пятьсотъ ливровъ вознагражденія.“ Эдиктъ, составленный на этихъ основаніяхъ, былъ также направленъ противъ вельможъ, которые могли содержать войско и держались кулачнаго права. Чтобы дать эдикту законную силу, его слѣдовало утвердить парлементомъ и разослать. Но это оказалось невозможнымъ. Л'Опиталь до іюля тщетно уговаривалъ парламентъ утвердить эдиктъ, и наконецъ король былъ вынужденъ приказать парламенту внести его безъ дальнѣйшихъ противорѣчій въ свои протоколы. Однако парламентъ продолжалъ противиться. Хотя онъ не могъ ослушаться королевскаго приказанія, но при занесеніи эдикта въ протоколы сдѣлалъ оговорку, что эдиктъ утверждается на время до дальнѣйшихъ распоряженій короля *).

Принцы, противъ которыхъ былъ особенно направленъ роморантенскій эдиктъ, готовились тайно отстаивать свою шкуру; короля Антона Наварскаго, который жилъ съ принцемъ де Конде въ помѣстьи своемъ, Неракѣ, не безъ основанія обвиняли въ новомъ заговорѣ противъ двора, т. е. противъ Екатерины Медичи и Гизовъ. Между тѣмъ Гизы обезоружили стараго адмирала, поручивъ ему подавить безпокойства въ Нормандіи, произведенныя протестантами. Они совершенно склонили на свою сторону маршала де Сентъ-Андре, такъ что онъ согласился даже шпіонить за

*) Provisoirement et jusqu'à ce que autrement en eût été pourvu par le roi.

Digitized by Google

недовольными, собиравшимися у Бурбоновъ въ Неракѣ. Безхарактерный король Антонъ позволилъ ему пріѣхать въ Неракъ, но принцъ де Конде встрѣтилъ его рѣзкими упреками въ измѣнѣ и неблагодарности. Однако Гизы пришли къ убѣжденію, что необходимо имѣть значительныя вооруженныя силы; поэтому они вошли въ сношенія съ нѣмецкими графами и баронами, вербовавшими полки для иностранной службы, чтобы въ случаѣ надобности, имѣть возможность немедленно выставить стройное войско. Но у правительства не было денегъ, потому что казна была пуста, обыкновенныхъ налоговъ не хватало, а новыхъ нельзя было назначить безъ собранія чиновъ, созывать которые оно не рѣшалось. Поэтому правительство назначило къ 21 августа собраніе нотаблей въ Фонтенбло. Впрочемъ оно постаралось ограничить кругъ дѣятельности этого собранія, которое притомъ не имѣло никакого права налагать новыя подати; Гизы не рѣшились собрать даже нотаблей, а созвали лишь такъ называемый чрезвычайный тайный совѣтъ.

Собраніе это состояло изъ принцевъ крови, высшихъ сановниковъ короны, государственныхъ совѣтниковъ, кавалеровъ королевскаго ордена и статсъ-секретарей (maitres des requêtes). Кромѣ того были приглашены постороннія лица, почитавшіяся заинтересованными въ благосостояніи государства. Принцы и ихъ друзья не пріѣхали, думая, что ихъ просто хотятъ заманить ко двору, чтобы арестовать. Старый адмиралъ де Колиньи прибылъ въ Фонтенбло и представилъ прошеніе протестантовъ о терпимости, въ пользу которой онъ произнесъ рѣчь въ собраніи. Но слова его были напрасны, хотя епископъ Монлюкъ и архіепископъ Марильякъ приняли его сторону и горячо протестовали противъ магометанскаго или китайскаго обычая поддерживать единство вѣры. Фонтенблоское собраніе убѣдилось наконецъ, что возстановитъ противъ себя парламентъ, если назначитъ новые налоги, и что постановленія его относительно гугенотовъ не будутъ признаны. Притомъ въ Фонтенбло не было ни одного принца и многихъ вель-

можъ, сочувствовавшихъ протестантамъ. Кромѣ того два католическіе епископа (Монлюкъ и Марильякъ) говорили въ пользу терпимости; рѣчи ихъ заслуживаютъ вниманія, особенно въ наше время, когда въ рѣчахъ ищутъ не силы и убѣдительности, а гладкаго слога. Было рѣшено созвать генеральное собраніе чиновъ и окончить религіозныя несогласія полюбовно. Собраніе чиновъ было сперва назначено къ декабрю въ Мо, но состоялось уже въ октябрѣ въ Орлеанѣ. Гизы намѣревались воспользоваться имъ, чтобы избавиться отъ Бурбоновъ, стоявшихъ во главѣ протестантовъ. Екатерина Медичи и канцлеръ л'Опиталь, которые въ другихъ случаяхъ дѣйствовали противъ Гизовъ, на этотъ разъ согласились схватить принцевъ и протестантскихъ вождей и предать ихъ суду. Конде и его братъ, котораго обвиняли въ участіи въ амбуазскомъ заговорѣ, едва не произвели нападенія на Ліонъ по внушенію своей креатуры, Монтиньи; но старый коннетабль, напугавъ короля наваррскаго, заставилъ ихъ отказаться отъ своего намѣренія.

Самъ молодой король участвовалъ въ завлеченіи въ ловушку своихъ ближайшихъ родственниковъ. Онъ написалъ королю наваррскому письмо, увѣряя его, что ни ему, ни его брату не будетъ сдѣлано никакого зла. Трудно бы было повѣрить такому вѣроломству въ столь молодомъ еще человѣкѣ, если бы это не подтверждалось свидѣтельствомъ Кастельно. Что касается до его матери, то она родилась въ странѣ измѣны и впослѣдствіи дѣлала еще худшія вещи. Своими предательскими слезами она склонила брата принцевъ, кардинала Карла де Бурбона, уговорить короля и принца пріѣхать въ Орлеанъ, не смотря на предостереженія, которыя они получали со всѣхъ сторонъ. Они могли угадать опасность по грозному въѣзду короля въ городъ 18 октября, который испугалъ даже депутатовъ. Съ королемъ вступило въ Орлеанъ цѣлое войско, какъ въ завоеванный городъ; Марсильи де Сипьеръ, извѣстный своимъ фанатизмомъ и своею

жестокостью *), получилъ порученіе обезоружить жителей. Всѣ были до того напуганы этимъ, что Шатильоны и дворянство владѣній Антона и его брата предлагали имъ взяться за оружіе, но они отклонили это предложеніе.

Едва Бурбоны прибыли въ Орлеанъ, какъ Конде былъ арестованъ, а король наваррскій отданъ подъ полицейскій надзоръ; имъ объявили, что они будутъ преданы суду за амбуазскій заговоръ, за замыселъ противъ Ліона и еще за одно предпріятіе, затѣянное однимъ изъ ихъ приверженцевъ. Приказъ объ арестованіи Конде былъ подписанъ не намѣстникомъ государства, а молодымъ, больнымъ королемъ, которому Гизъ подсунулъ его къ подписи. Сначала было велѣно начать процессъ противъ Конде, чтобы потомъ притянуть къ нему и Антона. Король назначилъ коммиссію для допроса принца. Президентомъ ея былъ назначенъ де Ту, отецъ историка, а членами парламентскіе совѣтники Бартелеми, Фэ и Віоль, генералъ-прокуроръ Бурденъ и актуарій дю Тилье. Принцъ де Конде разумѣется не призналъ этотъ судъ и сказалъ президенту де Ту, что ему должно быть извѣстно, что принца крови можетъ судить только общее собраніе принцевъ и перовъ подъ предсѣдательствомъ короля. Де Ту отвѣчалъ, что доложитъ объ этомъ королевскому тайному совѣту; но совѣтъ, разумѣется, не имѣлъ недостатка въ основаніяхъ, чтобы признать судъ компетентнымъ.

---

*) Эпитафія, написанная протестантами на гробъ этого ультрамонтанскаго бандита, показываетъ, какого мнѣнія о немъ они были:

Passant, veux tu savoir de qui est ce tombeau?

. . . . . .

C'est d'un qui n'eust desir, quand vivait, d'autre chose,
Que d'être des enfans de dieu cruel bourreau.
En sa vie ne fit rien, ny de bon, ny de beau,
Que de réduire en un bourg une grande ville close

(Прохожій, хочешь ли знать, кто здѣсь лежитъ.....это тотъ, кто въ жизни не имѣлъ иного желанія, какъ быть палачемъ сыновъ Господа и не сдѣлалъ ничего—ни добраго, ни хорошаго, кромѣ того, что обратилъ въ мѣстечко большой укрѣпленный городъ (Орлеанъ).

Впрочемъ коммиссарамъ было поручено произвести только предварительное дознаніе. Для произнесенія приговора къ нимъ были приданы канцлеръ и нѣкоторые государственные совѣтники, а также кавалеры королевскаго ордена и статсъ-секретари, случайно находившіеся въ Орлеанѣ; но и они не имѣли никакого права судить принца. 26 ноября этотъ судъ приговорилъ принца де Конде къ смертной казни.

Въ это время уже начали отчаяваться въ выздоровленіи короля. Поэтому канцлеръ л'Опиталь не хотѣлъ подписывать приговоръ, однако кончилъ тѣмъ, что подписалъ. Президентъ де Ту, не задумываясь, подписалъ приговоръ, и его сынъ всячески старается оправдать его. Историкъ де Ту (хроника д'Авилы не болѣе, какъ историческій романъ) сваливаетъ всю вину на Гизовъ. Онъ говоритъ, что они отправились къ Екатеринѣ и убѣждали ее согласиться на казнь короля и принца, чтобы обезпечить тѣмъ истинной вѣрѣ побѣду надъ еретиками. Но л'Опиталь доказалъ ей, что это не только навлечетъ на нее всю ненависть, которую заслужили Гизы, избѣгающіе дѣйствовать открыто, но и лишитъ ее удобнаго случая склонить малодушнаго короля наваррскаго отказаться отъ принадлежащаго ему по смерти Франциска II права на опеку надъ вторымъ сыномъ ея, Карломъ. Разсказъ Ренье де ла Планша о разговорѣ горемычнаго короля Антона съ лукавой и вѣроломной флорентинкой заслуживаетъ по нашему мнѣнію предпочтенія предъ прочими, по которымъ Антонъ самъ выпросилъ себѣ свиданіе съ королевой. По разсказу ла Планша Екатерина велѣла призвать къ себѣ въ комнату напуганнаго и нерѣшительнаго короля Антона и воспользовалась для своей цѣли графиней де Монпансье. Королева хитро склонила ее побудить короля согласиться на все, чего потребуетъ отъ него Екатерина, потому что иначе онъ погибъ. Когда онъ вошелъ въ кабинетъ королевы, она встрѣтила его съ серьезнымъ видомъ, оправдывала Гизовъ и утверждала, что они нисколько невиноваты въ арестѣ его брата; потомъ она предложила своей

жертвѣ дать ей подписку въ томъ, что по смерти Франциска II, которая должна была послѣдовать на дняхъ, онъ не будетъ оспаривать у нея опеку надъ ея вторымъ сыномъ; за это она обѣщала не только спасти ему жизнь, но и раздѣлить съ нимъ регентство; въ противномъ случаѣ погибель его была, по ея словамъ, несомнѣнна. Современникъ въ краткихъ и наивныхъ, но ироническихъ, словахъ разсказываетъ, какъ хитро обманула Екатерина бѣднаго короля наваррскаго *).

Король Францискъ II умеръ 5 декабря 1560, и со смертью его намѣстничество герцога Гиза уничтожилось само собою. Екатерина овладѣла правленіемъ именемъ втораго сына своего Карла IX, хотя не приняла титулъ регентши. Но герцогъ де Гизъ, какъ глава партіи, былъ такъ могущественен, что Екатерина сочла необходимымъ противупоставить ему при дворѣ принцевъ и коннетабля. Она дала королю наваррскому пустой титулъ намѣстника государства и предложила принцу де Конде свободу. Принцъ сначала отказался, желая, чтобы его оправдали судебнымъ порядкомъ, но въ январѣ 1561 онъ принялъ свободу, получивъ обѣщаніе, что будетъ оправданъ. 5 февраля онъ прибылъ ко двору, а въ мартѣ получилъ принадлежавшее ему мѣсто въ королевскомъ совѣтѣ и признаніе своей невинности, утвержден-

---

*) A donc la dicte dame (on ne sçait si ce fut pour rire) lui promis à bouche qu'il seroit lieutenant du roi en France et conduiroit les affaires de la guerre et recevroit les paquets et puis les lui renverroit tont après les avoir onverts et veus; et que rien ne seroit ordonné si non par son advis et des autres princes du sang qui seroient autrement respectes á l'avenir. Apres cela elle lui fit embrasser ses consins de Guise et promettre mutuellement d'onblier toutes querelles passées. (Королева быть можетъ, въ насмѣшку) обѣщала ему на словахъ, что онъ будетъ намѣстникомъ короля, будетъ завѣдывать военнымъ вѣдомствомъ, получать пакеты и, вскрывъ и пересмотрѣвъ бумаги, отсылать ихъ къ ней; что помимо его не будетъ дѣлаться ничего, равно какъ и безъ согласія прочихъ принцевъ крови, которые будутъ впредь уважаемы, по достоинству. Затѣмъ онъ обнялся съ своими кузенами, де Гизами, и они обѣщали другъ другу взаимное забвеніе всѣхъ прежнихъ непріятностей).

ное въ іюнѣ парламентомъ и чинами. Шатильоны были также возвращены ко двору; маршалъ де Монморанси снова занялъ свое мѣсто еще въ декабрѣ. Тотчасъ по прибытіи ко двору онъ воспользовался своимъ правомъ и распустилъ отрядъ наемныхъ рубакъ, которыми Францискъ де Гизъ окружилъ короля, т. е. самого себя. Со временъ Карла VI собирать чины стало опасно; послѣ 1506, когда ихъ созывалъ Лудовикъ XII, которому они при этомъ дали наименованіе Отца Отечества, опасность эта еще болѣе возрасла при Францискѣ I и Генрихѣ II; однако, такъ какъ чины были уже созваны, то Екатерина обратилась къ нимъ. Она нашла сорокъ два милліона долга и не видѣла иныхъ средствъ къ покрытію ихъ, кромѣ новыхъ налоговъ, которые могли назначать только чины. Чины отвѣчали королевѣ, что въ инструкціяхъ (cahiers), данныхъ имъ избирателями ихъ, о налогахъ умалчивается, и потому имъ нужно сперва спросить объ этомъ избирателей. Тогда королева распустила чины, приказавъ имъ собраться снова въ маѣ или іюнѣ, переговоривъ съ избирателями.

Кромѣ требованія новыхъ налоговъ, въ собраніи чиновъ шли переговоры о терпимости для протестантовъ и о возстановленіи единства религіи. Была также рѣчь о томъ, чтобы предоставить рѣшеніе религіознаго вопроса собору, вновь созванному папой; протестанты же желали религіознаго диспута. Кардиналъ Лотарингскій не желалъ этого, хотя любилъ говорить о кротости и терпимости, тогда какъ его братъ, Францискъ, и коннетабль хотѣли дѣйствовать огнемъ и мечомъ. Кардиналъ, превосходный латинистъ, надѣялся воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы отвлечь отъ французскихъ гугенотовъ нѣмецкихъ лютеранъ, солдатъ которыхъ онъ очень боялся.

Екатерина показывала намѣреніе покровительствовать протестантамъ. Въ первыхъ недѣляхъ января она предприняла двѣ мѣры, съ цѣлью привлечь къ себѣ протестантовъ, не расходясь съ католиками. 7 января она предписала всѣмъ парламен-

Digitized by Google

тамъ и судамъ освободить заключенныхъ протестантовъ и слѣдовать роморантенскому эдикту, по которому процессы противъ ереси подлежали рѣшенію епископовъ. Это было съ ея стороны уловкой въ пользу протестантовъ, такъ какъ епископы не могли приговаривать къ уголовнымъ наказаніямъ. Но въ тоже время она тайно велѣла президентамъ парламентовъ и другимъ судьямъ, хранить кроткія мѣры относительно протестантовъ по возможности въ секретѣ. Фанатическіе члены парлмента воспользовались этимъ, чтобы вовсе не выполнять предписаніе, которому нельзя было слѣдовать тайно. Евангелическое ученіе было такъ распространено во Франціи, что умные католики не одобряли его преслѣдованія и не желали возстановленія поповскаго владычества. Большая часть рыцарства и все третье сословіе объявили себя противъ крутыхъ мѣръ. Поэтому королева издала цѣлый рядъ манифестовъ (lettres patentes), которыми, именемъ молодаго короля и подъ страхомъ строгихъ наказаній, запрещались ссоры изъ за религіи и повелѣвалось освободить всѣхъ, заключенныхъ за слушаніе проповѣдей и исполненіе религіозныхъ обрядовъ протестантизма. Было приказано только взять съ нихъ подписку, что впредь они будутъ жить по католически (catholiquement); если же они не захотятъ дать ее, то тѣмъ не менѣе должно освобождать ихъ на время (par provision), назначивъ срокъ, къ которому они должны удалиться изъ Франціи. Въ то же время парламентамъ было поручено объявить и вновь обнародовать роморантенскій эдиктъ безъ всякихъ ограниченій.

7. Франція при Карлѣ IX до мира въ мартѣ 1568 года.

Общее собраніе чиновъ объявило, что не можетъ принять никакого рѣшенія касательно покрытія долга безъ согласія провинціальныхъ чиновъ. Съ другой стороны оно не препятствова

ло Екатеринѣ отмѣвить преслѣдованіе гугенотовъ; во ова ве получила офиціальво званія регентши. Тѣмъ ве менѣе Екатерина и ея итальянцы достигли главной цѣли своихъ ивтригъ. Они раздѣлили всю Фравцію и дворъ иа нѣсколько враждебвыхъ партій и доставили Екатеринѣ роль посредницы. Тайный совѣтъ поставилъ ее и короля Антоиа во главѣ правительства, вслѣдствіе чего королева могла и безъ титула правительницы пользоваться ея властью и правами. Чины, засѣдавшіе въ Орлеанѣ съ 13 декабря 1560, были распущены въ концѣ января 1561 послѣ длиниыхъ педантическихъ рѣчей канцлера и трехъ избранныхъ чинами ораторовъ, по одвому изъ каждаго сословія. При распущеніи ихъ было объявлено, что ихъ снова созовутъ еще въ первой половинѣ того же года, послѣ того какъ они переговорятъ съ избирателями. Чтобы сократить формальности и уменьшить число депутатовъ, измѣнили порядокъ выборовъ; объявляя чивамъ волю королевы, кавцлеръ сказалъ, что вовый порядокъ выборовъ будетъ гораздо дешевле стоить. Сперва депутаты должны были переговорить съ провинціальными собраніями; затѣмъ въ маѣ чивы должны собраться въ Мо; но избраніе вовыхъ депутатовъ было поручено ве мировымъ округамъ провинцій, а сословіямъ тринадцати генералъ-губериаторствъ; сословія всѣхъ геверал-губерваторствъ избирали по одвому депутату каждое, и общее собраніе этихъ представителей сословій провинціальныхъ сеймовъ должво было изображать собою генеральвые чины. Одвако дѣло замедлилось, и каждое сословіе собралось особо и неодвовремевно съ прочими. Духовенство собралось въ Пуасси еще въ вачалѣ іюня, а дворянство и третье сословіе сошлись въ Повтуазѣ только въ августѣ.

Между тѣмъ Гизы, ковветабль и маршалъ Севтъ-Авдре, уже давво дѣйствовавшій противъ принцевъ и протестантовъ, предводительствуя испавско-ультрамовтантской партіей, были врагами Шатильововъ, привцевъ и протеставтской знати. Королева Екаерина то покровительствовала протестантамъ, то предавала ихъ

испанскому посланнику и нунцію, надѣясь удержаться по средствомъ этой коварной политики. Канцлеръ л'Опиталь желалъ терпимости; но Гизы, парламентъ и духовенство требовали крутыхъ мѣръ. Эта партія знала очень хорошо, что королева хлопочетъ не изъ за терпимости, а изъ за политическихъ цѣлей; по этому они не обратили никакого вниманія на манифестъ л'Опиталя въ пользу протестантовъ. Въ то же самое время, когда канцлеръ предписывалъ терпимость и умѣренность, парламентъ издавалъ эдиктъ за эдиктомъ, которыми подъ угрозой жестокихъ наказаній (sous peine de la hart, sans espérance de grace) запрещалось присутствовать при тайномъ протестантскомъ богослуженіи и продавать сочиненія, разсуждающія о новой религіи или о библіи. По приказанію парламента эдикты эти были обнародованы глашатаями при трубныхъ звукахъ не только въ Парижѣ, гдѣ парламенту принадлежало высшее полицейское управленіе, но и въ Лемансѣ, Анжерѣ, Пуатье, Турѣ, Сомюрѣ, Лафлешѣ и др. городахъ. По этому протестанты не безъ основанія полагали, что королева, согласно принципамъ своего земляка Макіавелли, обманываетъ и проводитъ ихъ; полагаясь на принца де Конде (потому что безхарактерность короля наваррскаго была имъ извѣстна), они хотѣли воспользоваться обстоятельствами. Протестантское духовенство рѣшилось вмѣшаться въ политику и возстать противъ католическаго большинства. Прежде чѣмъ провинціальные сеймы успѣли собраться, протестанты созвали генеральный синодъ въ Пуатье и объявили, что по малолѣтству короля чины не имѣютъ права что либо постановлять касательно уплаты долговъ и другихъ соглашеній съ короной, если при королѣ не будетъ состоять тайный совѣтъ, признанный чинами. При этомъ они утверждали, что кромѣ принцевъ крови, которымъ по праву рожденія принадлежитъ мѣсто въ этомъ совѣтѣ, всѣ прочія лица, именующія себя тайными совѣтниками, не могутъ считаться въ этомъ званіи, потому что полномочія ихъ уничтожились со смертью покойнаго короля. По ихъ мнѣнію даже канц-

леръ л'Опиталь не имѣлъ по закону права занимать свою должность, потому что при назначеніи его не присутствовали принцы, а чины не утверждали его. Адмирала де Колиньи обвиняли въ томъ, что онъ воспользовался протестантами, чтобы въ союзѣ съ третьимъ сословіемъ дѣйствовать противъ Гизовъ. Ему содѣйствовала въ этомъ королева Екатерина, которой хотѣлось совершенно устранить Гизовъ отъ дѣлъ; съ этой цѣлью она покровительствовала принцамъ, особенно королю Антону и принцу де Конде.

Кардиналъ Лотарингскій удалился на нѣкоторое время отъ двора, объявивъ, что намѣренъ посѣтить свою епархію и навѣстить свою племянницу, вдовствующую королеву Марію Стюартъ. Она была легкомысленна и чувственна еще до пріѣзда во Францію, гдѣ при тамошнемъ полуитальянскомъ дворѣ окончательно развратилась, вслѣдствіе многочисленныхъ любовныхъ интригъ, такъ какъ молодую, вѣтренную королеву Шотландіи выдали за слабаго и болѣзненнаго короля Франциска, который былъ еще почти ребенокъ. Здѣсь она положила основаніе своимъ позднѣйшимъ несчастіямъ, потому что вывезла изъ Франціи въ строго-реформатскую Шотландію упорную приверженность къ правиламъ, внушеннымъ ей ея дядей. Онъ внушилъ ей, что только непреклонная, слѣпая вѣра въ постановленія соборовъ и папъ можетъ вести къ спасенію, и что евангелическое ученіе о нравственной чистотѣ есть ересь; она вѣрила, что римская церковь владѣетъ всѣми средствами, чтобы доставить вѣрующимъ прощеніе за плотскія прегрѣшенія и даже за важные грѣхи. Хотя въ набожности и фанатизмѣ она совершенно сходилась съ Екатериною Медичи, однако при жизни Франциска II королевы постоянно враждовали между собою. Марія была родственница и креатура Гизовъ, а Екатерина—врагомъ ихъ. Поэтому, по смерти короля Франциска, кардиналъ Лотарингскій взялъ его вдову подъ свое покровительство. Онъ отправилъ ее сначала въ Жуанвиль къ своей матери, Антуанеттѣ Бурбонской, а потомъ къ лотарингскому двору; здѣсь она прожила до окончанія своего дѣла о вдовьемъ содержаніи, которое

ей слѣдовало назначить, и затѣмъ возвратилась въ Шотландію.

Чтобы удалить герцога Франциска отъ дѣлъ, Екатерина сблизилась тѣснѣе съ принцами и съ Шатильонами, особенно съ адмираломъ де Колиньи, который былъ вождемъ протестантовъ. Это было крайне непріятно старому фанатику коннетаблю. Онъ поступалъ грубо и дерзко съ протестантами, которые имѣли смѣлость слушать проповѣди въ самомъ дворцѣ; побуждаемый маршаломъ Сентъ-Андре, де Монморанси сблизился съ герцогомъ Гизомъ. Маршалъ Сентъ-Андре обогатился имѣніями, конфискованными у протестантской аристократіи; чины жаловались на него и на коннетабля, что они получаютъ отъ правительства на счетъ народа большія богатства; не смотря на это, маршалъ постоянно нуждался въ деньгахъ и вѣроломно измѣнилъ протестантамъ, опасаясь, что чины прежде всего пріймутся за него. Онъ согласился быть посредникомъ между коннетаблемъ де Монморанси и герцогомъ Франциском де Гизомъ. Они составили нѣчто въ родѣ священнаго союза противъ протестантизма и его защитниковъ; чтобъ освятить свой союзъ, герцогъ, коннетабль и маршалъ вмѣстѣ причастились въ первый день Пасхи. По этому протестанты назвали ихъ союзъ, имѣвшій цѣлью истребленіе ереси и еретиковъ, тріумвиратомъ, какъ назывался нѣкогда союзъ трехъ римлянъ, заключенный на погибель республики. Впрочемъ тріумвиры не имѣли возможности немедленно приступить къ дѣйствіямъ. Чтобы избѣгнуть пораженія, Гизъ и коннетабль оставили на время дворъ. Герцогъ отправился въ свою резиденцію, Нантейль, а Монморанси поѣхалъ праздновать свадьбу своего четвертаго сына на одной богатой наслѣдницѣ.

Отъѣздъ тріумвировъ и рѣшимость канцлера всѣми мѣрами противиться духу нетерпимости парламента, доставили адмиралу возможность настоять на соблюденіи роморантенскаго эдикта. Парламентъ былъ принужденъ послать ко двору депутатовъ, чтобы оправдаться въ несоблюденіи эдикта; но, не смотря на

ловкость президента де Ту, защищавшаго парламентъ въ качествѣ депутата, при дворѣ ихъ осыпали упреками и продолжали смотрѣть на парламентъ враждебно. Канцлеръ издалъ новый очень рѣзкій эдиктъ, которымъ строго запрещалъ прибѣгать изъ за религіи къ насиліямъ и вторгаться въ дома, гдѣ совершались реформатскія религіозныя собранія; полиціи было запрещено дѣлать домовые обыски кромѣ тѣхъ случаевъ, когда дѣло идетъ о сохраненіи общественнаго спокойствія. Было предписано освободить всѣхъ заключенныхъ, арестованныхъ за вѣру, и возвратить всѣхъ изгнанныхъ за религіозныя мнѣнія; бѣжавшимъ было дозволено возвратиться. Къ этому Екатерина и канцлеръ съ хитрою цѣлью присовокупили, что если изгнанники, возвратившись, будутъ жить по католически, то ихъ не должно тревожить; въ случаѣ же притѣсненій они будутъ имѣть право выселиться съ имуществомъ. Парламентъ, конечно, не утвердилъ эдиктъ; канцлеръ разослалъ его въ нисшія судебныя мѣста отъ своего имени, сообщивъ объ этомъ парламенту, который покорился.

Съ этого времени протестанты стали дѣйствовать смѣлѣе; съ другой стороны фанатическіе суды и власти продолжали гоненія, а священники и монахи возмущали противъ еретиковъ чернь; поэтому протестанты, вмѣсто прежняго пассивнаго сопротивленія, обратились къ активному. Первые безпорядки произошли въ Бове, гдѣ епископомъ былъ кардиналъ де Шатильонъ, раздѣлявшій убѣжденія своихъ братьевъ. Онъ проводилъ пасху не по старому обычаю, а по правиламъ Кальвина, не въ церкви, а дома, съ своими друзьями, гугенотами. Въ это время протестанты оскорбили католическую процессію. Это произвело смятеніе. Народъ преслѣдовалъ протестантовъ до епископскаго дворца, многихъ изувѣчилъ, а одного убилъ. Кардиналъ, видя, что народъ готовъ напасть на его дворецъ, облачился въ епископскія ризы, которыхъ уже давно не носилъ, и этимъ успокоилъ фанатиче-

Digitized by Google

скую толпу, которая разсѣялась до прибытія войскъ, посланныхъ королевою.

Гораздо важнѣе были парижскія происшествія. Парламентъ не допустилъ офиціально обнародывать въ столицѣ новый эдиктъ; не смотря на это, число реформатскихъ проповѣдниковъ возрастало, и кальвинское богослуженіе совершалось явно и правильно. Католики видѣли въ этомъ личное оскорбленіе для себя и дерзкое упрямство; толпа студентовъ и фанатическихъ гражданъ рѣшилась воспрепятствовать протестантской проповѣди. Они вознамѣрились овладѣть домомъ одного гугенота, Гальяра, сеньера де Лонжюмо, находившемся въ Сенъ-Жерменьскомъ предмѣстьи; въ этомъ домѣ помѣщалась реформатская церковь. Но когда они напали на него, изъ дома вышла толпа дворянъ съ шпагами въ рукахъ, и завязался кровавый бой, кончившійся тѣмъ, что нѣкоторые изъ аттакующихъ были убиты, а остальные разсѣяны. На другой день кровопролитіе возобновилось, и снова было много раненыхъ и убитыхъ. Парламентъ, желавшій притянуть Гальяра къ отвѣту, счелъ однако невозможнымъ пустить въ ходъ свою полицію и юстицію; онъ дозволилъ Гальяру съ тремя стами приверженцевъ удалиться въ свой укрѣпленный замокъ Лонжюмо и не слагать оружія.

Эти анархическія сцены и вступленіе въ королевскій совѣтъ ревностнаго защитника новаго ученія, принца де Конде, доставили кардиналу Лотарингскому случай принять на себя роль главы галликанской церкви. Епископы, соборные капитулы и всѣ духовныя корпораціи Франціи считали кардинала, даже по удаленіи его изъ королевскаго совѣта, главою галликанской церкви; они приступили къ нему съ просьбами вступиться за религію, притѣсняемую опекунскимъ правительствомъ. Когда дворъ прибылъ для коронаціи въ его резиденцію, Реймсъ, кардиналъ вступилъ съ правительствомъ въ переговоры по этому предмету. Онъ наивно сознавался; что большинство народа отступилось отъ папскаго ученія, что народъ оскорбляетъ во время проповѣдей

и при богослуженіи монаховъ и священниковъ, которые поучаютъ его догматамъ католицизма, и что онъ также мало расположенъ къ католическимъ обрядамъ, какъ и къ платежу десятины. Кардиналъ выразилъ при этомъ мнѣніе, которое въ наше время снова пошло въ ходъ, что для спасенія существующаго порядка свѣтская власть должна положить предѣлъ успѣхамъ ума и поддерживать полицейскими мѣрами привиллегіи духовенства. Королева Екатерина вполнѣ согласилась съ инимъ, но съ сожалѣніемъ сказала, что не видитъ средствъ пособить горю; поэтому она желала устроить въ Реймсѣ чрезвычайное засѣданіе совѣта. Въ этомъ собраніи кальвинисты скромно просили выслушать ихъ защиту своего ученія, не отдавая ихъ дѣло на рѣшеніе тридентскаго собора, который навѣрно не станетъ ихъ слушать. Кардиналъ противъ ожиданія выказалъ уступчивость и умѣренность; впрочемъ онъ никогда не былъ фанатикомъ. Надѣясь поссорить лютеранъ съ кальвинистами и блеснуть краснорѣчіемъ, онъ предложилъ для примиренія религіозныхъ неудовольствій созвать національный соборъ и устроить религіозный диспутъ. Совѣтъ, въ томъ числѣ и протестанты, согласился, при чемъ протестанты пожелали только, чтобы до разрѣшенія дѣла имъ была дарована терпимость. Католическіе члены совѣта не рѣшались возражать противъ этого требованія, потому что протестанты были въ совѣтѣ многочисленнѣе ихъ. Тогда канцлеръ предложилъ предоставить рѣшеніе этого вопроса общему собранію парижскаго парламента, гдѣ, согласно обычаю, должны были присутствовать съ правомъ голоса королевскій совѣтъ и перы.

Это собраніе происходило 19 іюня. Канцлеръ предсѣдательствовалъ. По правую руку его сидѣли президенты парламента, за ними кардиналы; по лѣвую, король наваррскій, кардиналъ де Бурбонъ, какъ принцъ крови, другіе принцы, герцоги, маршалы Франціи, адмиралъ, епископъ парижскій и государственные совѣтники, по старшинству въ совѣтѣ. Статсъ-секретари и сто двадцать два парламентскихъ совѣтника занимали табуреты.

Digitized by Google

Совѣщанія продолжались двадцать дней безъ всякаго результата относительно терпимости, которой желалъ королевскій совѣтъ. Многіе члены собранія требовали искорененія еретиковъ и ихъ ученія. Это было отвергнуто. Большинство подало голосъ за терпимость, но съ большими ограниченіями. Слѣдуя этому мнѣнію, парламентъ составилъ декретъ, заключавшій весьма стѣснительныя постановленія. Канцлеръ не согласился обнародовать эдиктъ въ томъ видѣ, въ какомъ его записали въ протоколы; передъ публикаціей онъ измѣнилъ и смягчилъ многіе параграфы. Эдиктъ этотъ извѣстенъ во французской исторіи подъ именемъ іюльскаго эдикта. Обѣ стороны остались недовольны имъ. Протестанты утверждали, что ихъ обманули, а парламентъ жаловался, что канцлеръ исказилъ его рѣшеніе. Поэтому іюльскій эдиктъ получилъ лишь временную силу, и парламентъ удержалъ за собой право предложить королю возраженія на него, какъ только представится удобный поводъ. Правительство какъ нельзя лучше воспользовалось рѣшеніемъ, принятымъ въ Реймсѣ касательно созванія національнаго собора, жалобами, поднявшимися со всѣхъ сторонъ на злоупотребленія церкви, и требованіемъ коренныхъ преобразованій, которыхъ желали даже кардиналы Лотарингскій и де Бурбонъ. Все это послужило въ пользу правительства при его переговорахъ съ духовными депутатами генеральныхъ чиновъ. Въ то время совѣщанія чиновъ происходили отдѣльно по сословіямъ; представители перваго сословія собрались въ Пуасси въ началѣ іюня. Правительство долго вело съ ними переговоры о преобразованіяхъ и объ увеличеніи взносовъ на государственные расходы. Указавъ духовнымъ депутатамъ на неудовольствіе народа, который жаловался на скупость и богатства духовенства, и грозя предстоящимъ національнымъ соборомъ, правительство склонило ихъ согласиться взять на себя уплату долга, простиравшагося до 42 милліоновъ. Покончивъ переговоры съ духовенствомъ, дворъ переѣхалъ (августъ 1561) изъ Пуасси въ Понтуазъ для открытія генеральнаго собранія чиновъ; но такъ

какъ представители духовенства не явились въ Понтуазъ, то въ собраніи участвовали только третье сословіе и дворянство. Впрочемъ духовные депутаты предполагали также прибыть въ Понтуазъ.

Понтуазское собраніе чиновъ состояло, согласно орлеанскому постановленію, изъ 13 депутатовъ отъ дворянства и 13 отъ третьяго сословія. Эти 26 депутатовъ, не обращая вниманія на отсутствіе представителей перваго сословія, дѣйствовали, какъ полномочный сеймъ. Они отказались начинать совѣщанія, пока требованія, заявленныя ими въ Орлеанѣ, не получатъ законной силы. Послѣ долгихъ переговоровъ канцлеръ исполнилъ ихъ желаніе, издавъ Орлеанскій эдиктъ. Онъ долго не рѣшался обнародовать его, опасаясь оскорбить имъ католиковъ; это дало парламенту, который и безъ того уже присвоилъ себѣ права сейма, предлогъ стать выше чиновъ. Вмѣсто того, чтобы обнародовать эдиктъ, основываясь на волѣ чиновъ, канцлеръ представилъ его на разсмотрѣніе парламенту. Это возбудило подозрѣніе, что Екатерина, восторжествовавъ при помощи протестантовъ и принцевъ надъ Гизами, намѣрена теперь поссорить протестантовъ съ парламентомъ и съ большинствомъ народа. Ясно было, что парламентъ не согласится утвердить эдиктъ и, по крайней мѣрѣ, потребуетъ измѣненій въ немъ. Ожиданія эти сбылись, и тогда Екатерина, которую въ этомъ случаѣ поддерживали только Шатильоны и принцы, поручили королю наваррскому, принцу де Конде и князю де Ла Рошъ-сюръ-Йонъ принудить парламентъ безусловно утвердить эдиктъ. Парламентъ отказалъ въ повиновеніи, оскорбивъ такимъ образомъ короля. Канцлеръ прибѣгнулъ къ полумѣрамъ и согласился сдѣлать многія измѣненія въ эдиктѣ. Съ этого времени парламентъ занялъ въ разлагавшемся государствѣ положеніе, равно опасное и вредное, какъ для правительства, такъ и для народа.

По обнародованіи эдикта начались переговоры съ понтуазскимъ собраніемъ, касавшіеся преимущественно трехъ пунктовъ:

Digitized by Google

учрежденія совѣта регентства, прекращенія религіозныхъ несогласій и погашенія долга. Касательно перваго постановили тоже, что было рѣшено въ договорѣ Екатерины съ королемъ наваррскимъ. Было прибавлено только, что въ совѣтѣ регентства не должны засѣдать кардиналы, потому что они состоятъ на службѣ иностраннаго государя (это было направлено противъ Гизовъ), епископы, потому что они обязаны жить въ своихъ эпархіяхъ, и иностранные (слѣдовательно и Лотарингскіе) принцы, потому что они имѣютъ обязательства относительно другихъ государствъ. Мы не будемъ приводить прочихъ весьма многочисленныхъ постановленій и ограниченій, такъ какъ они были лишены всякаго практическаго значенія и имѣли силу только на бумагѣ. Повидимому также смотрѣло на нихъ и третье сословіе. Оно не вмѣшивалось въ нихъ, но за то требовало, чтобы государственные чины созывались черезъ каждые два года не только во время малолѣтства короля, но и по достиженіи имъ совершеннолѣтія, и чтобы это было признано основнымъ и неизмѣннымъ государственнымъ постановленіемъ навсегда.

Что касается прекращенія религіозныхъ раздоровъ, то сословія возобновили требованіе полной терпимости; для возстановленія внѣшняго единства распавшейся церкви было предложено воспользоваться пребываніемъ католическихъ епископовъ въ Пуасси и устроить религіозный диспутъ. Для этой цѣли нужно было послать всѣмъ реформатскихъ церквамъ приглашеніе прислать проповѣдниковъ и богослововъ въ Пуасси для соглашенія съ епископами по извѣстнымъ пунктамъ. Рѣшено было, что пункты, по которымъ состоится соглашеніе, будутъ занесены въ судебный протоколъ, чтобы впослѣдствіи нельзя было отступиться отъ нихъ. По третьему предмету—погашенію долга, сословія рѣшили взвалить главное бремя уплаты на духовенство. Они были весьма расположены ограничить богатства духовенства и посбавить доходы высшихъ духовныхъ сановниковъ и богатыхъ аббатовъ. При этомъ обнаружилось такое общее негодованіе на духовенство,

что, опасаясь худшаго, оно поспѣшило согласиться внести на уплату долга весьма значительную сумму.

Получивъ отъ сословій увѣдомленіе, что требованія и предложенія ихъ (cahiers) составлены, правительство созвало ихъ въ общее собраніе, въ большой залѣ въ Сенъ-Жерменѣ, куда были приглашены и депутаты духовенства. Въ то же время королева согласилась на просьбу чиновъ пригласить протестантовъ въ собраніе французскаго духовенства въ Пуасси, представлявшее собою національный соборъ. Она писала объ этомъ папѣ; его отвѣтъ, заключавшій въ себѣ отказъ и протестъ, не отклонилъ ее отъ ея намѣренія. Католики послали кардинала Лотарингскаго, который, правда, не былъ ученый богословъ, но за то былъ ловкій и талантливый латинистъ и ораторъ; онъ даже показывалъ видъ, что не прочь признать аугсбургское исповѣданіе, надѣясь этимъ поссорить лютеранъ съ кальвинистами. При этомъ не было никакой опасности, чтобы состоялось дѣйствительное примиреніе, потому что при кардиналѣ Лотарингскомъ состояли буйный и непреклонный кардиналъ де Турнонъ, папскій нунцій, другой легатъ, присланный папой, и генералъ іезуитовъ. Протестанты послали своихъ богослововъ съ условіемъ, что епископы будутъ присутствовать на диспутѣ не какъ судьи, а какъ спорящіе; что за норму религіи будетъ принята библія, а не св. отцы и соборы; что предсѣдательствовать будутъ только король и совѣтъ регентства, и что протоколы будутъ вести нотаріусы и писцы обѣихъ сторонъ. Екатерина, креатура ея, канцлеръ, и ея совѣтники приняли эти условія, нуждаясь въ принцахъ, Шатильонахъ и въ другихъ друзьяхъ протестантизма; но они старались подготовить себѣ лазейку, чтобы можно было не исполнять обѣщаній. Такъ напримѣръ, они обѣщали протестантамъ безопасность не письменно, а на словахъ, сказавъ, что королевскаго слова должно быть достаточно. Точно также правительство уклонилось исполнить желаніе протестантовъ, которые хотѣли, чтобы ихъ протоколисты контроли-

ровали королевскихъ; съ этою цѣлью оно распорядилось, чтобы протоколы велъ королевскій государственный совѣтникъ.

Торжественный религіозный диспутъ открылся 9 сентября 1561 въ женскомъ монастырѣ въ Пуасси; но Теодоръ Беза прибылъ еще 23 августа и на другой же день вступилъ въ богословское преніе съ кардиналомъ Лотарингскимъ въ присутствіи всего двора, въ покояхъ принца де Конде. Беза происходилъ изъ хорошей дворянской фамиліи и былъ извѣстенъ какъ французскій и латинскій ученый, поэтъ, проповѣдникъ и ораторъ. Онъ обладалъ прекрасной наружностью, образованіемъ и въ молодости видѣлъ свѣтъ, вкушалъ его наслажденія и воспѣвалъ ихъ; но потомъ, отказавшись отъ свѣта, онъ занялъ въ Женевѣ при Кальвинѣ такое же мѣсто, какое Меланхтонъ занималъ при Лютерѣ въ Виттенбергѣ. Беза и Петръ Мартиръ Вермиліо, нѣкогда италіанскій аббатъ, а теперь извѣстный богословъ, были для кальвинизма тѣмъ же, чѣмъ кардиналъ Лотарингскій для римской церкви. Мы увидимъ ниже, что кардиналу не удалось осуществить свой злой умыселъ поссорить изъ за ученія о причащеніи кальвинистовъ съ лютеранами, приглашенными имъ изъ Германіи.

Религіозный диспутъ открылся очень торжественно. Молодой король, его братъ, герцогъ Орлеанскій, мать его, Екатерина, король наваррскій съ женою сидѣли на возвышеніи прямо противъ входа. За ними сидѣли всѣ принцы и принцессы, высшіе сановники короны, кавалеры королевскаго ордена и придворные дамы и господа. Передъ ними съ боку засѣдали шесть кардиналовъ и тридцать шесть епископовъ, въ полномъ облаченіи и во всемъ великолѣпіи римской церкви; за ними находилось множество знаменитыхъ и ученыхъ богослововъ. Внизу скромно и смиренно стояли кальвинскіе богословы, люди, отличавшіеся только простотой, достоинствами и ученостью; они держали себя просто, какъ подобало приверженцамъ новаго ученія. Контрастъ этого зрѣлища, представляемый съ одной стороны скромностью кальвинистовъ, а съ другой — высокомѣріемъ и

пышностью ихъ противниковъ, произвели такое глубокое впечатлѣніе на все собраніе, что даже дворъ былъ пораженъ имъ. Изъ всѣхъ кальвинистскихъ богослововъ особенно отличались внѣшними и внутренними достоинствами Теодоръ Беза и Петръ Мартиръ, окруженные двѣнадцатью избранными проповѣдниками и двадцатью двумя дворянами. Они стояли у рѣшетки, отдѣлявшей амфитеатръ отъ авансцены.

Послѣ краткаго и весьма почтительнаго обращенія къ королю, Беза и за нимъ всѣ протестанты преклонили колѣни, и Беза прочелъ молитву, содержаніе и форма которой произвели глубокое впечатлѣніе на собраніе. Послѣ того онъ поднялся и началъ рѣчь, въ которой прежде всего старался устранить всякую мысль о ссорахъ, неудовольствіяхъ и враждѣ съ приверженцами папизма. Перейдя затѣмъ къ догматамъ вѣры, онъ началъ оправдывать отступленіе кальвинистовъ отъ римской церкви; собраніе слушало его съ большимъ вниманіемъ, и всѣ присутствующіе удивлялись его искусству излагать отвлеченные догматическіе вопросы, такъ ясно и увлекательно; наконецъ Беза перешелъ къ догмату причащенія. Одушевленный убѣжденіями, за которыя боролся и увлеченный риторическимъ пыломъ, которымъ приводилъ въ восторгъ своихъ слушателей, Беза забылъ осторожность и произнесъ нѣсколько слишкомъ рѣшительныхъ словъ. Эти слова возбудили въ собраніи ропотъ. Лютеране и католики ужаснулись; кардиналъ де-Турнонъ громко негодовалъ на то, что короля и герцога Орлеанскаго водятъ въ такія сборища, гдѣ слуха ихъ касаются столь нечестивыя рѣчи; онъ требовалъ прекращенія диспута. Однако его не послушали, и Беза договорилъ свою рѣчь. Но послѣ этого о примиреніи конечно нельзя было и думать.

Шестнадцатаго сентября происходило второе собраніе. Кардиналъ Лотарингскій говорилъ рѣчь, богословское содержаніе которой было составлено умѣреннымъ католическимъ богословомъ Депансомъ. Кардиналъ хитро доказывалъ, что протестанты, лю-

теране и кальвинисты сами несогласны между собой. Онъ предложилъ договориться сначала о двухъ главныхъ вопросахъ, такъ какъ это поможетъ потомъ согласиться на счетъ прочихъ. Вопросы эти касались значенія церкви въ дѣлахъ вѣры и ученія о причащеніи. Кардиналъ говорилъ о нихъ такъ подробно и опредѣлительно въ римскомъ смыслѣ, что привелъ въ восторгъ епископовъ; они окружили кардинала де-Туриона и объявили, что дальнѣйшія пренія не нужны, если кальвинисты не признаютъ ученіе кардинала по этимъ двумъ вопросамъ. Тогда Беза, преклонивъ колѣно, обратился къ королю и сказалъ, что, выслушавъ доводы, которые кардиналъ Лотарингскій привелъ за духовенство, и чувствуя себя способнымъ отвѣчать немедленно на каждый вопросъ, потому что они еще живы у него въ памяти, онъ проситъ дозволенія возражать тотчасъ же. Королевскій совѣтъ приступилъ къ совѣщаніямъ объ этой просьбѣ, и противники кальвинистовъ искусно вывели королеву изъ затрудненія. Совѣтъ отвѣчалъ, что совершенно согласенъ исполнить желаніе Беза; но такъ какъ рѣчь кардинала продолжалась цѣлыхъ два часа, то Беза вѣроятно прійдется говорить еще долѣе; между тѣмъ уже поздно, и потому необходимо отложить рѣчь до другаго раза; тѣмъ временемъ Беза можетъ переговорить съ своими товарищами и представить результаты этихъ совѣщаній, когда совѣтъ призоветъ его.

Но прежде чѣмъ состоялось новое собраніе, во Францію прибылъ папскій легатъ, кардиналъ Ипполитъ д'Эсте Феррарскій; онъ имѣлъ богатыя бенефиціи во Франціи, приходился ближайшимъ родственникомъ владѣтельному герцогу Феррарскому и былъ силенъ своими обширными связями. Въ свитѣ его состоялъ іезуитъ Іаковъ Лайнезъ, который уже разыгралъ на Тридентскомъ соборѣ роль волка въ овечьей шкурѣ; онъ пріѣхалъ во Францію съ цѣлью выхлопотать своему ордену право на законное существованіе, въ чемъ доселѣ ему отказывали. Кардиналъ Феррарскій испыталъ дорогой признаки негодованія фран-

цузскаго народа на папское вмѣшательство въ ихъ гражданскія и религіозныя дѣла. Въ Ліонѣ народъ нанесъ ему оскорбленіе; тоже повторилось и въ Сенъ-Жерменѣ. Депутаты третьяго сословія, еще не разъѣхавшіеся изъ Понтуаза, и парижскій университетъ протестовали противъ нарушенія ихъ правъ папою. Все это внушило лукавому итальянскому принцу осторожность и умѣренность. Поэтому онъ не противился продолженію религіознаго диспута, но удалилъ короля и его брата и придалъ преніямъ частный характеръ, устранивъ всякую торжественность и офиціальность. 24 сентября Беза былъ снова приглашенъ; но кардиналъ уже не вступалъ съ нимъ въ диспутъ, а засѣдалъ въ качествѣ судьи, и свободная бесѣда имѣла видъ судебнаго слѣдствія при закрытыхъ дверяхъ. Войдя въ залу конференцій, Беза засталъ тамъ только королеву мать, королеву наваррскую, принцевъ крови, нѣсколькихъ государственныхъ совѣтниковъ, пять епископовъ и пятнадцать или шестнадцать докторовъ богословія. Поэтому усилія Беза и Петра Мартира были тщетны. Въ концѣ засѣданія кардиналъ коварно предложилъ имъ сдѣлать первый шагъ къ примиренію, подписанъ или исповѣданіе причащенія, составленное Кальвиномъ и близко подходившее къ догмату Лютера, или другое исповѣданіе, изложенное въ сочиненіи сорока виртембергскихъ богослововъ. Кардиналъ пригласилъ изъ Германіи шесть лютеранскихъ богослововъ, чтобы стравить лютеранъ съ кальвинистами. Изъ нихъ пятеро пріѣхали въ Парижъ, но отказались отправиться въ Сенъ-Жермень. Поэтому кардиналъ придумалъ другой способъ обличить протестантовъ въ разногласіи между собою, и съ этой цѣлью требовалъ, чтобы Беза одобрилъ лютеровское исповѣданіе. Но Беза разстроилъ его планъ, доказавъ, что такой поступокъ съ его стороны ни къ чему не поведетъ, потому что если онъ и подпишетъ лютеровское исповѣданіе, то кардиналъ все-таки откажется подписать его, и слѣдовательно примиреніе не состоится.

Въ засѣданіи этомъ іезуитъ Іаковъ Лайнесъ такъ ругался и

Digitized by Google

неистовствовалъ, что о примиреніи нечего было и думать тѣмъ болѣе, что Беза съ своей стороны осмѣялъ его, впрочемъ очень деликатно. Однако Екатерина и канцлеръ сочли необходимымъ, наперекоръ тріумвирату, до нѣкоторой степени удовлетворить протестантовъ. Поэтому, когда уже рушилась всякая надежда на примиреніе, Беза удержали при дворѣ, поручивъ ему и нѣсколькимъ умѣреннымъ епископамъ и докторамъ, весьма расположеннымъ къ протестантизму, составить исповѣданіе, которое бы удовлетворило католиковъ и въ тоже время нравилось протестантамъ. Исповѣданіе это было составлено, и епископы не нашли въ немъ ничего предосудительнаго; но университетъ, которому представили его на разсмотрѣніе, нашелъ, что оно крайне соблазнительно. Тѣмъ не менѣе правительство желало угодить протестантскимъ членамъ совѣта регентства и притомъ было вынуждено ради общественнаго спокойствія предпринять мѣры для огражденія протестантовъ отъ оскорбленій и насилій фанатической черни. Яростные монахи вопили съ кафедръ противъ протестантскихъ принцевъ и возбуждали народъ къ насиліямъ противъ протестантскихъ собраній и религіозныхъ диспутовъ. Самыми неистовыми оказывались нищенствующіе монахи и іезуиты, призывавшіе народъ къ рѣзнѣ и убійствамъ. Но самымъ свирѣпымъ проповѣдникомъ истребленія протестантовъ былъ одинъ францисканецъ, котораго князь де-ла-Рошъ-сюръ-Йонъ, какъ членъ совѣта регентства, приказалъ схватить ночью въ монастырѣ и отправить въ Сенъ-Жерменскую тюрьму за возмутительную проповѣдь. На другой день принцъ сообщилъ парламенту повелѣніе короля предать этого монаха суду. Но народъ вступился за проповѣдника, устремился толпой въ предмѣстіе, наводнилъ залы дворца юстиціи и такъ грозно кричалъ, что парламентъ освободилъ мятежнаго проповѣдника, котораго народъ съ торжествомъ проводилъ въ его церковь.

Съ этого времени начались постоянныя драки между обѣими религіозными партіями; наконецъ 26 декабря 1561 произошла

кровопролитная схватка. Гугеноты собирались для богослуженія въ одинъ большой частный домъ въ предмѣстьи Сенъ-Марсо, но католики мѣшали имъ молиться звономъ въ колокола католической церкви св. Мерарда, находившейся по близости. Это случалось уже неоднократно. На второй день рождества нѣсколько сотъ гугенотовъ собрались въ этомъ домѣ; католики по обыкновенію принялись звонить во всѣ колокола, чтобы мѣшать гугенотамъ слушать проповѣдь. Тогда нѣсколько человѣкъ изъ общины отправились просить католиковъ прекратить звонъ. Но католики не только не обратили на просьбу никакого вниманія, но даже прибили одного гугенота. Товарищъ его призвалъ на помощь общину, въ которой было не мало здоровыхъ бойцовъ. Они бросились въ католическую церковь, выломали двери и накинулись съ обнаженными мечами на находившихся въ ней. Послѣ страшной рѣзни они разломали и разрушили всю внутренность церкви и, такъ какъ полиція приняла ихъ сторону, связали и отвели въ тюрьму тридцать двухъ гражданъ и священниковъ. Парламентъ не могъ немедленно освободить заключенныхъ. Случай этотъ можно считать началомъ продолжительной и кровавой религіозной войны во Франціи, потому что на другой день католики съ своей стороны сожгли скамейки въ протестантской молитвенной залѣ, и затѣмъ подобныя же явленія повторились во всѣхъ провинціяхъ. Чтобы прекратить безпорядки, правительство рѣшилось точно опредѣлить условія терпимости и устранить ложное толкованіе іюльскаго эдикта и выгодъ, пріобрѣтенныхъ протестантами въ Пуасси. Съ этою цѣлью созвали собраніе въ Сенъ-Жермень, чтобы подкрѣпить его согласіемъ правительственныя распоряженія. Въ собраніе были приглашены представители всѣхъ парламентовъ, принцы крови, высшіе сановники короны, государственные совѣтники и статсъ-секретари (maitres des requêtes). Даже коннетабль, окончательно сблизившійся съ Гизами и старавшійся склонить на сторону ка-

толиковъ короля наваррскаго, присутствовалъ въ Сенъ-Жермеиѣ. Не присутствовали только Гизы.

Королева объявила собранію, что она и ея сынъ будутъ твердо стоять за государственную церковь и не допустятъ ни малѣйшихъ измѣненій или уклоненій отъ католицизма, но тѣмъ не менѣе намѣрены торжественно даровать кальвинистамъ нѣкоторую терпимость. О свойствахъ и предѣлахъ этой терпимости подробно говорилъ канцлеръ; въ утѣшеніе католикамъ королева прибавила, что все, предоставляемое гугенотамъ новымъ эдиктомъ, имѣетъ силу лишь до рѣшенія религіозныхъ вопросовъ вселенскимъ соборомъ. Поэтому эдикту противились только коннетабль, маршалъ Сентъ-Андре и ихъ партія При этомъ коннетабль совершенно поссорился съ адмираломъ де Колиньи; до того времени они, какъ родственники и друзья, жили въ согласіи, но съ этихъ поръ стали непримиримыми врагами. Эдиктъ былъ принятъ и 17 января 1562 обнародованъ. Онъ извѣстенъ подъ именемъ январьскаго или толерантнаго эдикта. Сущность его состояла въ слѣдующемъ: „Протестанты имѣютъ право свободно исполнять обряды своей религіи за чертами городовъ; если они будутъ вести себя смирно, то парламенты обязаны защищать ихъ во время богослуженія. Церкви, священная утварь и ризы, которыми они овладѣли, должны быть возвращены католикамъ. Кромѣ того они должны соблюдать католическіе праздники. Проповѣдники ихъ обязаны воздерживаться отъ брани и оскорбленій католиковъ и жить на одномъ мѣстѣ, не разѣзжая съ цѣлью распространенія своей религіи.“ Парламенты утвердили эдиктъ; впрочемъ парижскій парламентъ долго противился и далъ утвержденіе только 5 марта. Бургундскій парламентъ (въ Дижонѣ) отказался утвердить его и просилъ защиты противъ королевы, канцлера и принцевъ у намѣстника Бургундіи, маршала де Таванна. Въ своихъ запискахъ маршалъ хвалится этимъ, говоря, что оказалъ услугу религіи и государству,

силой воспрепятствовавъ исполненію закона *). Коннетабль и герцогъ Францискъ де Гизъ рѣшились противиться эдикту силою. Папа Пій IV и король испанскій старались по возможности запутать французскія дѣла, первый, чтобы поддержать свое поколебавшееся значеніе во Франціи, второй, чтобы наловить рыбы въ мутной водѣ и воспрепятствовать французскимъ кальвинистамъ помочь своимъ нидерландскимъ единовѣрцамъ, которыхъ онъ намѣревался подвергнуть жестокимъ гоненіямъ. Папа и Филиппъ II отправили къ французскому двору уполномоченныхъ, обладавшихъ всѣми достоинствами искусныхъ дипломатовъ, для чего, какъ извѣстно, прежде всего нужно пренебрегать началами нравственности. Посланникомъ римскаго двора со времени диспута въ Пуасси былъ Ипполитъ д'Эсте князь-кардиналъ Феррарскій. Во время изданія январьскаго эдикта онъ опуталъ королеву Екатерину Медичи сѣтями папскихъ интригъ, поссорилъ слабаго короля наваррскаго съ его братомъ, принцомъ де Конде, и соединилъ его съ Гизами. Король испанскій назначилъ своимъ посломъ во Франціи Перрено де Шантонэ, письма котораго проливаютъ яркій свѣтъ на сложныя интриги того времени. Перрено имѣлъ порученіе раздувать въ тихомолку огонь и стараться внушить католикамъ подозрѣніе къ королевѣ. По письмамъ его видно, что дѣйствія его увѣнчались успѣхомъ и принудили Екатерину, которая заботилась не о религіи, а о власти, отступиться отъ протестантовъ. Кардиналъ Феррарскій, испанскій посланникъ и папскій нунцій Просперъ де Санта-Кроче склонили на свою сторону короля наваррскаго, давъ ему надежду на пріобрѣтеніе или

*) Парижскій парламентъ былъ силою принужденъ утвердить эдиктъ, и примѣру его послѣдовали прочіе, hormis, говоритъ маршалъ де Таваннъ, celle de Bourgogne ou le dit entérinement fut vertueusement empesché par le Sieur de Tavannes, lieutenant-général, qui s'y opposa directement, dont il obtint beaucoup d'honneur. (Кромѣ бургундскаго, гдѣ утвержденію его благородно воспрепятствовалъ намѣстникъ, г. де-Таваннъ, который, прямо воспротивившись этому, пріобрѣлъ тѣмъ себѣ великую славу.

испанской Наварры, или, въ замѣнъ ея, владѣнія въ Савойѣ. За это онъ долженъ былъ возвратиться къ католицизму. Антонъ, будучи равнодушенъ къ религіи, дался въ обманъ. Онъ отослалъ въ Беарнъ свою жену, которая была ревностная и твердая протестантка *); но сына своего Генриха, бывшаго еще ребенкомъ, онъ удержалъ при себѣ, обѣщалъ воспитывать въ католицизмѣ и удалился отъ двора. Екатерина, раздѣлявшая съ Антономъ регенство надъ молодымъ королемъ, была принуждена уволить адмирала и его братьвъ и пристать къ испанско-папской партіи. Съ этого времени эта партія, главою которой былъ тріумвиратъ, стала господствовать въ королевскомъ совѣтѣ. Тогда протестанты начали вооружаться; имъ покровительствовали принцъ де Конде, адмиралъ и королева Жанна наваррская. Они рѣшились силою сохранить за собой права, предоставленныя имъ январскимъ эдиктомъ.

При этомъ кризисѣ Екатерина отлично разыграла свою роль, не разорвавъ явно связь съ протестантами, хотя по письмамъ ужаснаго короля Филиппа испанскаго уже давно видѣла, чего именно желаютъ папа, Гизы и тріумвиратъ. Филиппъ писалъ королевѣ Екатеринѣ, на старшей дочери которой былъ женатъ уже нѣсколько лѣтъ: „если вы не перестанете терпѣть ересь, то мнѣ нельзя будетъ воспрепятствовать ей распространиться въ Испаніи и въ Нидерландахъ. Вамъ слѣдуетъ избавить огнемъ и мечемъ ваше государство отъ этой чумы, какъ бы ни было велико число зачумленныхъ; я готовъ съ своей стороны всѣми силами помогать вамъ въ этомъ предпріятіи“.

Герцогъ Францискъ де Гизъ и коннетабль начали свирѣпствовать противъ протестантовъ прежде, чѣмъ слабый король наваррскій перевелъ дворъ изъ Фонтенбло къ нимъ въ Парижъ.

---

*) Она была дѣйствительно тверда въ вѣрѣ; но разсказъ о томъ, будто она, держа въ одной рукѣ сына, а въ другой корону, сказала, что скорѣе броситъ ихъ въ воду, чѣмъ пойдетъ къ обѣднѣ,—не болѣе, какъ газетная утка.

Герцогъ удалился отъ двора въ ноябрѣ 1561; онъ ѣздилъ съ своимъ братомъ, кардиналомъ Лотарингскимъ, въ Цабернъ убѣждать нѣмецкихъ лютеранъ отказать въ помощи французскимъ кальвинистамъ, если они будутъ просить о ней. Съ этою цѣлью они пригласили въ Цабернъ герцога Христофа Виртембергскаго. Добрый герцогъ дался въ обманъ и привезъ съ собой своего богослова Бренца, такъ какъ кардиналъ изъявилъ желаніе вступить съ нимъ въ диспутъ объ ученіи Лютера. Христофъ удивился, встрѣтивъ въ кардиналѣ готовность уступить лютеранамъ въ такихъ вопросахъ, въ которыхъ Кальвинъ и Беза рѣшительно расходились съ ними; онъ попался на удочку и вступилъ въ тѣсный союзъ съ Гизами.

Въ это время Францискъ де Гизъ получилъ отъ короля наваррскаго оффиціальную бумагу; Антонъ уже успѣлъ разойтись съ братомъ, Шатильонами и прочими протестантами и соединился съ испанской партіей. Посланіе его заключало въ себѣ предписаніе его, какъ намѣстника государства, и вмѣстѣ съ тѣмъ дружескую просьбу, чтобы герцогъ поспѣшилъ идти со всей своей конной гвардіей (compagnie d'ordonnance) и со всѣми друзьями, которыхъ можетъ собрать, спасать католическую религію и Парижъ. Герцогъ немедленно выступилъ и въ началѣ марта 1562, въ четырехъ часахъ пути отъ Жуанвиля, въ городкѣ Васси, встрѣтилъ случай потѣшить свой фанатизмъ.

Городокъ Васси былъ частью вдовьяго удѣла Маріи Стюартъ, которая поручила управлять имъ своей бабкѣ, Антуанеттѣ Бурбонской, матери Гизовъ. Герцогинѣ очень не нравилось, что протестанты устроили въ Васси свое богослуженіе въ одномъ амбарѣ, близь собора; при томъ они оскорбили епископа шалонскаго, который пріѣзжалъ въ Васси съ двумя богословами на диспутъ съ кальвинистскими проповѣдниками. Герцогъ де Гизъ, мать котораго граждане называли не иначе, какъ матерью тирана, составилъ свой маршрутъ такъ, чтобы прибыть въ Васси въ воскресенье; онъ сошелъ съ лошади у собора и

Digitized by Google

вошелъ въ церковь слушать мессу въ то самое время, когда протестанты собрались на проповѣдь. Священникъ и мѣстный судья пожаловались герцогу на протестантовъ, которые проповѣдовали и распѣвали у самаго собора. Герцогъ немедленно послалъ молодаго де Бросса и двухъ пажей позвать проповѣдника и протестантскихъ старшинъ. Но протестанты захлопнули двери своего амбара передъ носомъ посланныхъ. Пажи принялись стучать и кричать неистовымъ образомъ; за это ихъ прибили. Тогда старикъ де Броссъ и самъ де Гизъ съ служителями поспѣшили къ нимъ на помощь, но были встрѣчены каменьями и получили ушибы. Наконецъ солдаты бросились на гражданъ, многихъ переранили и шестьдесятъ человѣкъ убили. Говорятъ, что при этомъ герцогъ де Гизъ отвѣчалъ мѣстному судьѣ, напомнившему ему январскій эдиктъ, что изрубитъ этотъ эдиктъ своимъ мечемъ. Екатерина Медичи и король наваррскій, которымъ управляли хитрый нунцій и легатъ Ипполитъ, жили сначала въ Монсо, а потомъ въ Фонтенбло. Королева дѣлала сперва видъ, будто намѣрена противиться вступленію въ Парижъ герцога Гиза съ его товарищами и фанатической ватагой. Она приняла протестантское посольство, пришедшее къ ней съ жалобою на кровопролитіе въ Васси, и милостиво отвѣчала оратору посольства, Теодору де Беза. Но король Антонъ наваррскій принялъ ихъ очень сурово; народъ осмѣялъ въ уличной пѣснѣ *) малодушіе и измѣну этого человѣка. 16 марта Гизы торжественно вступили въ Парижъ; тогда и Антонъ со всѣмъ дворомъ отправился туда. Королева приняла видъ угнетенной жертвы, которую Антонъ привезъ въ столицу насильно и которая непричастна ничему, что дѣлается противъ протестантовъ; дѣйствительно, канцлеръ ея не одобрялъ насильственныхъ мѣръ. Въ тоже время Конде и его друзья повсемѣстно взялись за оружіе, потому что коннетабль и маршалъ Сентъ-Андре прямо отказались исполнять

*) Caillette (старая баба) a tourné sa jaquette.

повелѣніе, данное имъ именемъ короля, слѣдовать январьскому эдикту и не препятствовать протестантамъ молиться за воротами городовъ. Коннетабль не постыдился даже отправиться съ войскомъ и возбужденною монахами чернью за ворота Сенъ-Жакъ и Поплиньеръ, разрушать протестантскія молельни. Онъ велѣлъ сжечь скамейки, кафедру и остальную мебель и возвратился въ Парижъ съ торжествомъ, какъ будто совершивъ великій подвигъ. Протестанты прозвали его за это воеводой-сжигателемъ скамеекъ (capitaine brule-bancs).

Началась междоусобная война. Вся протестантская знать примкнула къ Конде и Колиньи и избрала перваго своимъ вождемъ. Они объявили, что, такъ какъ король, его мать и жалкій Антонъ наваррскій находятся во власти Гизовъ, коннетабля де Монморанси и маршала Сентъ-Андре, то ихъ должно считать плѣнными. Протестанты заняли Тулузу, Ліонъ, Буржъ и Орлеанъ, гдѣ устроили свой сборный пунктъ; однако силы ихъ были значительно слабѣе католическихъ. Не имѣя возможности слѣдить за всѣми подробностями тогдашней исторіи Франціи, мы ограничимся указаніемъ на нѣкоторые факты, имѣвшіе важность для послѣдующихъ событій. 8-е апрѣля 1562 было днемъ всенароднаго объявленія, что единство правительства не существуетъ, что король сталъ вождемъ партіи и что двѣ враждебныя арміи готовы рѣшить битвой, кого должно считать настоящимъ правителемъ. Число это означено въ манифестѣ или декларацiи принца де Конде, гдѣ онъ излагаетъ основанія, побудившія его и его единовѣрцевъ взяться за оружіе противъ парижскаго правительства. Правительство, говоритъ Конде въ своемъ манифестѣ, перестало быть народнымъ и законнымъ; оно явно находится во власти испанскаго посланника, нунція и легата, и главный голосъ въ немъ принадлежитъ иностраннымъ лотарингскимъ принцамъ (Гизамъ). Конде прибавляетъ однако въ концѣ, что

готовъ отступить и положить оружіе, если враги его религіи также откажутся отъ непріязненныхъ дѣйствій *).

Такъ какъ протестанты утверждали, что король и его мать находятся въ плѣну у триумвирата, то послѣдній съ своей стороны офиціально объявилъ 7 апрѣля, что Конде и адмиралъ лгутъ, говоря, будто король и его мать содержатся въ плѣну. 11 апрѣля правительство объявило, что желаетъ сохранить январскій толерантный эдиктъ, но что онъ не долженъ только распространяться на Парижъ. Протестанты сдѣлали принца де Конде съ титуломъ „защитника и охранителя короны" главою совѣта, составленнаго изъ важнѣйшихъ протестантскихъ дворянъ. Эти вельможи, владѣвшіе большими помѣстьями и содержавшіе въ своихъ городахъ войска, были три брата Шатильоны, князь Порсіа изъ дома Круи, графъ де-Ла-Рошфуко, виконтъ де Роганъ, де Монгомери графъ де Лоржъ, графъ де Грамонъ, де Субизъ, Водрэ сеньёръ де Муи, Ранье сеньёръ д'Эстернэ и братья Жанли и Ивуа. Протестантскіе нотабли немедленно назначили налогъ и рекрутскій наборъ и учредили надзоръ за фанатическими проповѣдниками, которые своими рѣчами могли довести религіозное одушевленіе жителей южной Франціи до неистовствъ. Поводъ къ этому распоряженію далъ Беза, находившійся въ арміи съ самаго начала войны. Его проповѣди были такъ возмутительны, что его даже обвиняли въ воззваніи къ убійству Гизовъ; однако онъ постоянно письменно и словесно отрицалъ это.

*) Il demandoit qu'on enjoignit aux Sieurs de Guise, Connétable, maréchal de St. André, de se retirer en leurs maisons, ajoutant qu'encores que lui Seigneur Prince ne soit de ce rang pour estre envoyé en sa maison, d'autant qu'il a ceste honneur d'estre Prince de sang, il offre s'y retirer volontiers et faire desarmer toute la compagnie, qui est avec lui. (Онъ просилъ, чтобы г. г. де Гизу, коннетаблю и маршалу де Сент-Андре было приказано удалиться домой; прибавляя, что въ такомъ случаѣ и онъ согласенъ добровольно удалиться и обезоружить свои войска, хотя ему нельзя приказать удалиться, такъ какъ онъ имѣетъ честь быть принцемъ крови).

Въ Гіэни Монлюкъ подавилъ движеніе съ страшной жестокостью; во всѣхъ большихъ городахъ юга кровь лилась потоками, и съ обѣихъ сторонъ совершались неслыханные ужасы. Гизы пріобрѣли содѣйствіе герцога Савойскаго, пожертвовавъ города, которыми французы владѣли въ его странѣ; королева же, чтобы получить отъ папы ничтожную сумму ста тысячь экю, была принуждена обѣщать его нунцію и легату первенство въ совѣтѣ; папскіе представители стали требовать удаленія канцлера л'Опиталя и кроткаго епископа Монлюка. Принцъ де Конде дѣйствовалъ такимъ же образомъ и, подобно тому, какъ католики обратились къ Филиппу II испанскому, искалъ помощи королевы Елизаветы, хотя Англія находилась въ то время въ мирѣ съ Франціей. Протестанты предложили англичанамъ доставить имъ Гавръ и впустить войска ихъ въ Руанъ и Діеппъ; за это Англія должна была послать армію въ Нормандію и дать гугенотамъ 40 тыс. экю на веденіе войны. Эта субсидія пошла на жалованье вербовавшимся нѣмцамъ и швейцарцамъ. Колиньи и Конде утѣшали свою партію, увѣряя ее, что ведутъ переговоры съ Цюрихомъ и Бернемъ и что имъ обѣщали свое содѣйствіе курфирстъ Пфальцскій, пфальцграфъ Цвейбрюккенскій, Бранденбургъ, храбрый ландграфъ Филиппъ Гессенскій, герцогъ Виртембергскій и Саксонія (но саксонское правительство было слишкомъ предано лютеранству, чтобы помогать кальвинистамъ).

Католическая и протестантская арміи стояли на Луарѣ, другъ противъ друга; первая имѣла намѣреніе овладѣть Орлеаномъ, а вторая рѣшилась защищать его. Хотя споръ могъ рѣшиться только оружіемъ, тѣмъ не менѣе противники начали переговоры. Екатерина воспользовалась тупостью короля Антона, чтобы при помощи его обмануть его брата. Ей нужно было удалить тріумвиратъ, въ чемъ она и успѣла во время переговоровъ. Протестанты же хотѣли протянуть время до прибытія англичанъ и нѣмцевъ. Слѣдовательно обѣ стороны не думали серьезно о мирѣ, и переговоры были безуспѣшны. Неудавшаяся попытка Конде

атаковать королевскую армію, подступившую къ Орлеану, принудила королеву снова призвать тріумвиратъ и издать черезъ парламентъ грозный эдиктъ противъ всѣхъ приверженцевъ адмирала, его племянниковъ и принца де Конде — какъ противъ разбойниковъ, убійцъ и святотатцевъ *). Отъ наказаній, которыми грозилъ эдиктъ, были избавлены, по повелѣнію королевы, только Конде и всѣ тѣ, которые къ назначенному сроку сложатъ оружіе.

Война началась неблагопріятно для протестантовъ; войско ихъ было самое нестройное и разноколиберное, такъ какъ аристократія, стоявшая за нихъ, испугавшись эдикта, увела свои отряды домой. Королевское войско двинулось дальше къ Луарѣ; протестанты покидали города и выступали изъ однихъ воротъ въ то время, какъ король Антонъ или, вѣрнѣе, Гизъ, вступалъ въ другіе. Королева и канцлеръ содѣйствовали разсѣянію протестантскаго войска обѣщаніемъ помилованія тѣмъ, кто покинетъ

*) Sont déclaré, гласилъ эдиктъ, rebelles, ennemis de dieu et de la couronne de France, perturbateurs du repos publique, criminels de lèze majesté divine et humaine tous ceux, qui par forme d'hostilité sont en armes contre le roi ès villes d'Orléans, Lyon, Rouen, Poitiers, Bourges, qui ont pillé, saccagé et demoli les lieux saints, brulé les reliques, abbatu les croix, dérobé et profané des calices et autres vases sacrés, violé les sepulcres des rois, princes, ducs, comtes et seigneurs particuliers, saisi les deniers publics, saccagé les villes, bourgs et villages, ensemble leurs fautenrs, complices et adhérens, leurs biens seront confisqué et il est entjoint aux officiers de la justice de les saisir du corps et de les constituer prisonniers partout ou ils pourraient être arrêtés. (Мятежниками, врагами бога и французской короны, нарушителями общественнаго спокойствія, виновными въ оскорбленіи божественнаго и королевскаго величества, объявляются всѣ, кто поднялъ оружіе противъ короля въ Орлеанѣ, Ліонѣ, Руанѣ, Пуатье, Буржѣ, кто грабилъ, разхищалъ и разрушалъ церкви, жегъ мощи, сокрушалъ кресты, похищалъ и оскверняль св. чаши и сосуды, оскорблялъ гробницы королей, принцевъ, герцоговъ, графовъ и частныхъ господъ, присвоивалъ общественныя суммы, грабилъ города, замки и деревни, а также всѣ подстрекатели, соучастники и приверженцы ихъ; имущества ихъ будутъ конфискованы, и полиціи предписывается хватать и брать ихъ всюду, гдѣ они покажутся).

его; обѣщаніе это исполнялось ими. За то герцогъ Францискъ предавалъ грабежу всѣ города, которые бралъ, хотя бы даже на капитуляцію; Туръ и Блуа прежде всѣхъ подверглись этой участи. Въ Турѣ герцогъ де Монпансье велѣлъ казнить многихъ женщинъ и дѣвушекъ, которыя не соглашались отречься отъ евангелическаго ученія. Буржъ сопротивлялся упорно до прибытія Антона наваррскаго и самого ребенка, короля; тогда онъ сдался на капитуляцію 31 августа 1562. Несмотря на капитуляцію, гугенотамъ было предписано удалиться изъ города, и при выходѣ ихъ многіе изъ нихъ были убиты. Маршалъ де-Сентъ-Андре еще 1 августа взялъ Пуатье приступомъ.

Въ то время, когда католики свирѣпствовали по сю и по ту сторону Луары, протестантское войско подъ командой Монгомери стояло въ Нормандіи. Эта провинція, какъ центръ протестантизма, находилась почти вся во власти протестантовъ; кромѣ того, первые транспорты англійскихъ вспомогательныхъ войскъ уже прибыли сюда. Поэтому королевскимъ войскамъ, стоявшимъ предъ Орлеаномъ, было необходимо двинуться на Сену, прежде чѣмъ англичане успѣютъ овладѣть нормандскими городами. Но королевскимъ войскамъ грозила опасность и съ другой стороны, потому что нѣмецкія вспомогательныя войска, обѣщанныя протестантамъ, начали уже собираться на Рейнѣ; тогда правительству пришлось послать отрядъ въ Шампань для преграждения имъ пути. Вслѣдствіе того осада Орлеана была снята, и оставлена лишь блокада; правительственная армія раздѣлилась на нѣсколько отрядовъ. Одинъ изъ нихъ перешелъ Луару и занялъ всѣ города, откуда непріятель могъ получать подкрѣпленіе или продовольствіе. Другой, подъ командой маршала Сентъ-Андре, двинулся въ Шампань, съ цѣлью подготовить всевозможныя затрудненія походу нѣмецкихъ войскъ, которымъ, по многочисленности ихъ, нельзя было противиться въ полѣ. Наконецъ главная армія, подъ начальствомъ Франциска де Гиза, направилась въ Нормандію и начала осаду Руана, который младшій братъ Франциска,

Digitized by Google

герцогъ д'Омаль, уже нѣсколько мѣсяцевъ держалъ въ блокадѣ.

Въ это время кардиналъ Лотарингскій разстался съ своимъ братомъ, герцогомъ Франциском, котораго съ тѣхъ поръ уже не видалъ. Подъ предлогомъ примирить религіозныя несогласія на всеобщемъ соборѣ кардиналъ отправился въ Тридентъ, откуда возвратился уже по смерти своего брата. Передъ Руаномъ герцогъ Францискъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе, такъ какъ граждане и солдаты мужественно защищали городъ. Герцогъ вызвалъ въ осаждающую армію генералъ-намѣстника и самого короля. Упорное сопротивленіе осажденныхъ принудило герцога рѣшиться на приступъ. Въ концѣ октября Руанъ былъ взятъ. Этотъ городъ, второй по значенію въ государствѣ, былъ обреченъ на нѣсколько дней убійствъ и грабежа и преданъ въ жертву грубой фанатической ордѣ, составлявшей осаждающую армію. Но завоеваніе Руана стоило жизни королю Антону наваррскому; находясь въ траншеѣ, онъ получилъ рану, которая вслѣдствіе злокачественной лихорадки сдѣлалась смертельною. 17 ноября 1562 Антонъ умеръ. Его смерть открыла герцогу де Гизу путь къ генералъ-намѣстничеству. Но протестанты также выиграли отъ смерти Антона, потому что вдова его, ревностная кальвинистка, стала съ тѣхъ поръ управлять владѣніями своего сына, будущаго короля Генриха IV, и воспитала его въ протестантизмѣ. Однако сперва Екатерина удержала этого принца при себѣ, и онъ долженъ былъ притворяться католикомъ. Екатерина очень любила его за его живой умъ.

Дѣла протестантовъ шли очень дурно не только въ Нормандіи, но и въ Гіэни. Въ Провансѣ и въ Дофинэ они были также побѣждены, и ихъ жестоко преслѣдовали. Такое положеніе дѣлъ и опасеніе, что Францискъ де Гизъ сдѣлается генералъ-намѣстникомъ Франціи на мѣсто Антона, побудило сильнѣйшихъ нѣмецкихъ государей рѣшиться наконецъ серьезно помочь своимъ единовѣрцамъ. Къ сожалѣнію должно замѣтить, что нѣмцы, продававшіе себя въ эту войну обѣимъ сторонамъ, смо-

Digitized by Google

трѣли не на то, чему служатъ, а на то, кто больше платитъ. Рейнграфъ Филиппъ и Роккендорфъ служили все время королю французскому, хотя были протестанты и пренебрегли произнесенной надъ ними имперской опалой. Большая часть рейтаровъ и ландскнехтовъ была, по словамъ Кастельно, протестанты. Нѣмецкіе господа, торговавшіе солдатами, прямо говорили Кастельно, который вербовалъ войска для французской королевы, что очень неохотно идутъ изъ разсчета противъ своихъ единовѣрцевъ. Германскіе протестантскіе государи долго не рѣшались послать помощь своимъ французскимъ единовѣрцамъ. Наконецъ Гессенъ, Пфальцъ и Виртембергъ, послали отрядъ конницы и ландскнехтовъ. Французы говорятъ, что усердіе это явилось только тогда, когда Колиньи и Конде получили субсидіи отъ англичанъ; но новѣйшій историкъ Кургессена говоритъ, что Гессенъ, Виртембергъ, Пфальцъ и Баденъ сами дали сто тысячь гульденовъ. Чтобы получить помощь, принцъ де Конде послалъ въ Германію ученаго, краснорѣчиваго и уважаемаго епископа Спизама, который отказался отъ епископства и перешелъ въ протестантизмъ. На сеймѣ въ Франкфуртѣ Спизамъ произнесъ рѣчь, которая дошла до насъ и произвела чудеса. Онъ настоялъ на объявленіи опалы всѣмъ, помогавшимъ Гизамъ. Не д'Андло, какъ обыкновенно полагаютъ, а Спизамъ провелъ во Францію нѣмецкія вспомогательныя войска. О заслугахъ его необходимо напомнить, потому что смерть его — такое же пятно на памяти Беза, какъ казнь Серве на памяти Кальвина. Извѣстно, что Кальвинъ приказалъ сжечь, какъ еретика, испанскаго протестанта Серве; такимъ же образомъ Беза изъ зависти къ талантамъ Спизама обвинилъ его въ политической измѣнѣ, и въ мартѣ 1566 Спизамъ былъ казненъ въ Женевѣ. Казнь Спизама въ Женевѣ не подлежитъ сомнѣнію; скорѣе можно сомнѣваться въ томъ, былъ ли причиною его смерти фанатизмъ протестантскаго духовенства, которое въ властолюбіи, жестокости и фанатизмѣ не уступало католическому. Мы вовсе не утверждаемъ, что Спи-

замъ былъ совершенно невиненъ. Но во всякомъ случаѣ Беза поступилъ въ высшей степени низко. По смерти Спизама онъ сочинилъ эпиграмму, въ которой смѣялся надъ несчастнымъ за то, что онъ пожертвовалъ ради женитьбы епископствомъ.

Гессенъ согласился выставить около девяти тысячь человѣкъ, но начальники этого войска, Іоганнъ фонъ Раценбергъ и Фридрихъ фонъ Шлихтенъ, были подкуплены французскимъ посланникомъ и не хотѣли выступать раньше весны 1563. Ландграфъ Филиппъ выбранилъ ихъ за это лѣтними воинами и назначилъ на ихъ мѣсто своего гофмаршала, Фридриха фонъ Рольсгаузена. Рольсгаузенъ расположился лагеремъ въ Бахарахѣ въ то время, когда виртембергцы двинулись чрезъ Страсбургъ въ Эльзасъ. Здѣсь д'Андло принялъ надъ ними начальство, послѣ чего съ нимъ соединились и гессенцы. Маршалъ Сентъ-Андре, стоявшій въ Шампани, не имѣлъ силъ остановить нѣмецкое войско, простиравшееся почти до девяти тысячъ; но онъ испортилъ всѣ дороги и частью уничтожилъ, частью перевезъ въ укрѣпленные города продовольствіе. Походъ д'Андло, которой велъ свое войско въ Орлеанъ не чрезъ Шампань, а чрезъ Лотарингію и Бургундію, пріобрѣлъ въ военной исторіи знаменитость. Впрочемъ ближайшій родственникъ Гизовъ, герцогъ Лотарингскій, вѣроятно изъ опасенія навлечь на себя месть германскихъ государей, щедро снабжалъ его продовольствіемъ.

Когда этотъ вспомогательный корпусъ соединился 6 ноября съ главными силами протестантовъ, принцъ де Конде вознамѣрился, пользуясь удаленіемъ королевской арміи, покорявшей Руанъ, напасть врасплохъ на Парижъ. Попытка эта неудалась. Если бы онъ могъ предпринять это смѣлое нападеніе немедленно по прибытіи къ Парижу, то городъ вѣроятно былъ бы взятъ. Но онъ ждалъ сперва д'Андло съ нѣмецкимъ корпусомъ, а потомъ увлекся переговорами, которыми королева и канцлеръ старались задержать его. Они поддерживали то протестантовъ, то Гизовъ, хотя впрочемъ испанскій посланникъ и нунцій не переставали управ-

Digitized by Google

лять ими. Когда непріятель получилъ ожидаемое подкрѣпленіе, Конде уже не могъ аттаковать столицу или предпринять блокаду ея тѣмъ болѣе, что войско его не получало жалованья. Поэтому онъ послѣдовалъ совѣту адмирала и отправился въ Нормандію, гдѣ намѣревался ожидать англійскаго вспомогательнаго отряда и англійскихъ субсидій для уплаты жалованья конницѣ. Королевское войско по пятамъ слѣдовало за протестантскимъ. Сначала они шли по берегу Сены почти рядомъ. Однако протестанты, выйдя незамѣченные изъ Шартра, опередили католиковъ. Но принцу де Конде вздумалось аттаковать городъ Дрё, лежащій почти въ шестнадцати часахъ пути отъ Парижа; аттака эта такъ задержала его, что войско тріумвировъ успѣло догнать протестантовъ. Тогда протестантская армія перешла Сену и встрѣтила католиковъ.

Тріумвиратъ видѣлъ, что наступила рѣшительная минута, но не рѣшался на битву безъ положительнаго приказа королевы, которая все еще старалась сдерживать Гизовъ протестантами и тайно переписывалась съ протестантскими вождями. Тріумвиры послали къ ней Кастельно за приказаніями *). Сраженіе произошло 19 декабря 1562 въ шестнадцати часахъ пути отъ Парижа, близъ Дрё и было кровопролитно. Сначала оно приняло столь благопріятное для протестантовъ направленіе, что королева впродол-

*) Кастельно приводитъ слова королевы, которыя доказываютъ, что она желала отклонить отъ себя отвѣтственность въ войнѣ и оставалась вѣрна своей двуличной италіянской политикѣ: Qu'elle s'esmerveilloit, comme les dits connestable, duc de Guise et Sainct-André estans bons capitaines, prudens et experimentés envoyoient demander conseil à une femme et à un enfant pleins de regrets, de voir les choses en telle extremité, que d'être reduites aux hasards d'une bataille civile. (Она выразила свое удивленіе, что полководцы, столь отличные, осторожные и опытные, какъ коннетабль, герцогъ де Гизъ и Сентъ-Андре, посылаютъ за совѣтомъ къ женщинѣ и ребенку, которые исполнены горести, видя, что дѣло дошло до случайностей межоусобной битвы). Невѣроятно, чтобы королева совѣтывалась съ кормилицей короля, протестанткою, проживавшею при дворѣ, какъ говоритъ Кастельно.

Digitized by Google

женіи сутокъ считала дѣло свое погибшимъ. Корпуса маршала Сентъ-Андре и коннетабля были уже разбиты, когда герцогъ де Гизъ, отказавшійся отъ главнаго начальство надъ арміею и предводительствовавшій третьимъ корпусомъ, воспользовавшись увлеченіемъ принца де Конде, который неосторожно преслѣдовалъ побѣжденныхъ, аттаковалъ утомившагося и разстроеннаго непріятеля свѣжими силами и одержалъ полную побѣду. Самъ принцъ де Конде попался въ плѣнъ.

Послѣ этого сраженія герцогъ де Гизъ сдѣлался единственнымъ вождемъ ультра-католической партіи, которая страшно ненавидѣла всѣхъ протестантовъ и ихъ защитниковъ и не довѣряла королевѣ матери; другіе тріумвиры, коннетабль и маршалъ Сентъ-Андре, сошли со сцены. Коннетабль, поспѣшивъ аттакой, былъ взятъ въ плѣнъ своимъ племянникомъ, адмираломъ. Маршалъ же Сентъ-Андре, прибывъ къ нему на помощь, упалъ съ лошади, былъ взятъ въ плѣнъ и погибъ. Когда его уводили съ поля битвы, на встрѣчу ему попался его личный врагъ, Бобиньи, и къ досадѣ полонившихъ маршала, которые надѣялись получить за него большой выкупъ, хладнокровно, разбойнически положилъ его на мѣстѣ пистолетнымъ выстрѣломъ. Подобныя гнусности совершались не только надъ отдѣльными лицами, но и надъ цѣлыми деревнями, городами и провинціями почти ежедневно въ теченіе этой бѣдственной религіозной войны, такъ что, казалось, нація снова обратилась въ варварство. Въ обѣихъ арміяхъ служили нѣмецкіе ландскнехты и швейцарцы, сражавшіеся за деньги другъ противъ друга. Кромѣ того, съ одной стороны въ королевскомъ войскѣ служили три тысячи испанцевъ, а съ другой, адмиралъ ожидалъ прибытія въ Нормандію англичанъ.

Адмиралъ успѣлъ собрать и привести въ порядокъ разбитую армію и даже хотѣлъ возобновить битву, чтобы вырвать побѣду у герцога Франциска, но измѣнилъ намѣреніе, когда нѣмецкая кавалерія (reisters) отказалась служить. Онъ повелъ войско въ Орлеанъ и поручилъ оборону этого укрѣпленнаго города своему

брату, д'Андло. Самъ же, по избраніи своемъ вождемъ протестантовъ на мѣсто Конде, поспѣшилъ въ Нормандію. Пока Францискъ де Гизъ осаждалъ Орлеанъ, Колиньи поправилъ до нѣкоторой степени дѣла своихъ единовѣрцевъ въ Нормандіи. Что же касается до принца де Конде, то по взятіи его въ плѣнъ герцогъ де Гизъ встрѣтилъ его весьма вѣжливо, но на другой день поручилъ его злѣйшему врагу протестантовъ, третьему сыну коннетабля, Данвилю, который приказалъ отправить его въ замокъ Онзенъ. По приказанію Екатерины, которое Кастельно слово въ слово приводитъ въ своихъ замѣчаніяхъ, его содержали и стерегли въ Онзенѣ очень строго, пока онъ не понадобился Екатеринѣ противъ Гизовъ. Тогда она велѣла привезти его въ Шартръ и всѣми способами старалась склонить на свою сторону. Участь коннетабля была лучше; его немедленно отправили въ Орлеанъ, гдѣ, подъ надзоромъ своей племянницы, принцессы де Конде, онъ спокойнѣе ожидалъ освобожденія, чѣмъ пылкій и нетерпѣливый принцъ.

Францискъ де Гизъ, какъ глава католиковъ, имѣлъ, повидимому, въ то время намѣреніе приблизить свой домъ къ престолу, устранивъ, при помощи Филиппа II испанскаго и папы, протестантскихъ родственниковъ молодаго короля, т. е. сына Антона наваррскаго и принца де Конде. Послѣ побѣды своей онъ отправился сначала въ Ранбулье, гдѣ находился дворъ, и Екатерина была поневолѣ принуждена передать ему генералъ-намѣстничество, бывшее вакантнымъ по смерти Антона. Тогда Екатерина и канцлеръ нѣсколько возвысили протестантовъ, чтобы ослабить силу Гиза. Они не только обѣщали прощеніе тѣмъ, кто сложитъ оружіе, но и позволили протестантамъ отправлять богослуженіе въ частныхъ домахъ.

Колиньи доказалъ, что, какъ глава протестантовъ, можетъ бороться съ герцогомъ де Гизомъ, который былъ диктаторомъ государства. Изъ Орлеана, защиту котораго онъ поручилъ своему брату, адмиралъ отправился съ отборнымъ войскомъ въ

Digitized by Google

Нормандію. Здѣсь онъ получилъ отъ англичанъ деньги на уплату нѣмцамъ, требовавшимъ жалованія, и вспомогательныя войска. Затѣмъ, неожиданно для самого себя, онъ овладѣлъ Каномъ и началъ осаду Руана. Начальникъ этого города, храбрый, но хвастливый гасконецъ де Віельевиль, произведенный королевою по смерти Сентъ-Андре въ маршалы, затѣялъ, по своему обыкновенію, ссору. Его отозвали, и на мѣсто его былъ присланъ мужественный маршалъ де Бриссакъ, который пріобрѣлъ безсмертную славу въ верхней Италіи въ послѣднюю войну съ Испаніей. Протестанты имѣли подъ Руаномъ столь сильную армію, что де Бриссакъ убѣдительно просилъ Гиза снять осаду Орлеана и поспѣшить къ нему на помощь. Чтобы побудить герцога къ этому, королева послала къ нему Кастельно; но герцогъ далъ ему возможность собственными глазами удостовѣриться въ скоромъ паденіи Орлеана, такъ какъ осаждающіе уже владѣли однимъ предмѣстіемъ и одною изъ городскихъ башенъ. Тогда королева приказала взять Орлеанъ приступомъ, хотя герцогъ предупреждалъ ее, что послѣдствія будутъ тѣ же, что и въ Руанѣ.

Въ это мгновеніе, когда отъ жизни герцога Франциска зависѣла судьба всего государства, рука убійцы внезапно измѣнила порядокъ вещей. Одинъ дворянинъ изъ Ангулема, Жанъ де Мерси, по прозванію Польтро, долго путешествовалъ по Испаніи, совершенно походилъ на испанца, свободно говорилъ по испански и потому уже служилъ въ войнѣ съ Испаніей въ арміи шпіономъ. Впослѣдствіи Субизъ привезъ его въ Ліонъ, гдѣ онъ сдѣлался ревностнымъ протестантомъ. Воспламененный страстными рѣчами Беза и другихъ проповѣдниковъ, этотъ фанатикъ задумалъ окончить войну по испанскому способу — кинжаломъ. Польтро прикинулся католикомъ, вступилъ на службу въ армію Гиза и 18 февраля 1563 выстрѣлилъ изъ за куста изъ пистолета, заряженнаго тремя пулями, въ герцога, который проѣзжалъ мимо него. Рана была такъ тяжела, что 24 февраля герцогъ умеръ. Убійца былъ схваченъ и на допросахъ показывалъ на адмирала, его брата,

д'Андло и особенно на Беза. Такъ какъ люди эти дѣйствительно имѣли сношенія съ нимъ и даже давали ему деньги на разъѣзды, то католическіе фанатики подняли страшный крикъ противъ Колиньи и Беза, хотя послѣдній и въ рѣчахъ, и въ сочиненіяхъ отклонялъ отъ себя съ негодованіемъ всякое посредственное или непосредственное участіе въ преступленіи. Впрочемъ старшій сынъ убитаго, Генрихъ, былъ впослѣдствіи еще грознѣе протестантамъ, чѣмъ отецъ его.

Властолюбивая королева, которая уже давно вела переговоры съ Конде, больше всѣхъ выиграла отъ смерти Гиза. Д'Андло былъ доведенъ въ Орлеанѣ до крайности и былъ бы радъ переговорамъ, которые во всякомъ случаѣ спасали его отъ неизбѣжной капитуляціи. Принцу де Конде надоѣло заключеніе, и онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ свободы. Поэтому они приняли предложеніе королевы и ея канцлера, вопреки адмиралу, который желалъ продолжать войну. Первые переговоры о мирѣ были ведены королевой и принцессой де Конде, которая у протестантовъ играла почти такую же роль, какъ Екатерина у католиковъ. Имя было рѣшено привезти для дальнѣйшихъ переговоровъ коннетабля и принца де Конде подъ стражею на одинъ луарскій островъ (l'île aux boeufs) близь Орлеана. На конференціи этой принцъ потребовалъ прежде всего строгаго соблюденія январьскаго эдикта, но коннетабль рѣшительно воспротивился этому требованію. Вслѣдствіе того рѣшились размѣнять ихъ другъ на друга, чтобы дать принцу возможность склонить къ уступкамъ своихъ единовѣрцевъ, осажденныхъ въ Орлеанѣ. Принцу де Конде удалось по освобожденіи пробиться въ Орлеанъ; но, прибывъ туда, онъ не могъ склонить къ уступкамъ своихъ единовѣрцевъ, возбуждаемыхъ проповѣдниками. Поэтому онъ условился съ королевой созвать другой конгрессъ, чтобы свалить на другихъ отвѣтственность за свои уступки. Королева назначила съ своей стороны Данвиля и государственнаго секретаря л'Обспиня; мѣсто Конде занялъ д'Андло, при которомъ состояли Сенъ-Сиръ и д'Обиньи.

Digitized by Google

Эти лица заключили на совѣщаніи своемъ мирный договоръ въ формѣ королевскаго эдикта; парламенты должны были утвердить его безъ малѣйшихъ измѣненій. 18 марта 1563 король подписалъ эдиктъ, извѣстный подъ названіемъ анбуазскаго. Имъ были довольны и приписывали его ученому, дѣятельному и благородному патріоту л'Опиталю, который предпочиталъ кроткія мѣры крутымъ. Сущность эдикта состояла въ слѣдующемъ: „Король даруетъ всѣмъ своимъ подданнымъ полную свободу совѣсти до собранія независимаго собора. Всѣ графы, бароны и владѣльцы, облеченные судебною властью, имѣютъ право, какъ сами, такъ и семейства и вассалы ихъ, слѣдовать новой религіи въ предѣлахъ своихъ владѣній. Ленники, не имѣющіе судебной власти, могутъ также пользоваться этимъ правомъ для себя и для своего семейства, если жительствуютъ не въ городахъ и не въ мѣстечкахъ. Городамъ, пользовавшимся свободою богослуженія ранѣе 7 марта 1563, разрѣшается построить одну или двѣ церкви на счетъ лицъ, которые будутъ о томъ ходатайствовать. Но ни подъ какимъ видомъ не должно обращать католическія церкви въ протестантскія. Тѣ же, которыя были обращены, должны быть возвращены католикамъ, равно какъ и все прочее, что принадлежало имъ. Сверхъ того всѣмъ судебнымъ округамъ, состоящимъ въ вѣдѣніи парламентовъ, кромѣ города и округа (vicomté) Парижа, позволяется выбрать по городу, гдѣ протестанты будутъ имѣть право собираться подъ надзоромъ властей, безъ оружія, для отправленія своихъ религіозныхъ обычаевъ, причемъ должны вести себя тихо и скромно. Король объявляетъ своего кузена, принца де Конде и его друзей своими вѣрными подданными и всѣ поступки ихъ— благонамѣренными и клонившимися ко благу. Приговоры, постановленные противъ нихъ, отмѣняются, и кромѣ того они освобождаются отъ уплаты денегъ, взятыхъ ими изъ государственныхъ кассъ и изъ церковныхъ имуществъ. Король предаетъ все совершившееся забвенію, желая, чтобы каждый остался во владѣніи своимъ имуществомъ, званіемъ и гражданскими правами.

Digitized by Google

Но подъ страхомъ строгаго наказанія воспрещается вступать въ союзы съ иностранными государствами, брать не только подати, но и добровольныя пожертвованія и вербовать солдатъ безъ королевскаго предписанія".

Издавая этотъ эдиктъ, имѣли главнымъ образомъ въ виду удалить изъ государства англичанъ и нѣмцевъ; послѣдніе выступили изъ Франціи уже черезъ нѣсколько дней по его обнародованіи. Гизы, особенно кардиналъ и герцогъ д'Омаль, въ союзѣ съ нунціемъ и съ испанскимъ посланникомъ, стали хлопотать о томъ, чтобы парламентъ воспротивился утвержденію эдикта и признанію совершеннолѣтія короля. Они толковали о своей обязанности позаботиться о своихъ племянникахъ, хотя королева и безъ того отдала сыновьямъ герцога Франциска всѣ должности, званія и владѣнія ихъ убитаго отца. Но настоящею цѣлью Гизовъ было принудить королеву назначить новаго генералъ-намѣстника. Герцогъ Францискъ оставилъ трехъ сыновей. То были: герцогъ Генрихъ де Гизъ, наслѣдовавшій не только владѣнія и титулы отца, но и его мужество и другія великія качества, а также и фанатизмъ; Карлъ герцогъ де Майенъ, имѣвшій мало сходства съ отцомъ и старшимъ братомъ, и Лудовикъ, впослѣдствіи кардиналъ де Гизъ. Испанія, которая была въ то время занята истребленіемъ религіи и свободы Нидерландовъ, не могла допустить водвореніе во Франціи узаконенной вѣротерпимости; поэтому она поддерживала фанатическіе парламенты въ сопротивленіи амбуазскому эдикту. Парламенты, разумѣется, были наконецъ принуждены рѣшиться внести эдиктъ въ протоколы; но они сдѣлали оговорку, что утверждаютъ эдиктъ, повинуясь именному повелѣнію короля, и затѣмъ уже не считали себя обязанными разослать его къ нисшимъ судамъ. Амбуазскій миръ спасъ Орлеанъ и д'Андло; Колиньи и Конде не имѣли никакого предлога отказать правительству въ содѣйствіи своими войсками для изгнанія англичанъ изъ занятыхъ ими городовъ Нормандіи, которые они не хотѣли очищать. При помощи про-

Digitized by Google

тестантовъ правительство принудило Варвика, занимавшаго Гавръ де Грасъ, оставить этотъ городъ въ ту самую минуту, когда передъ нимъ показался столь долго жданный англійскій флотъ.

Ожидали, что королева при первой надобности отступится отъ фанатиковъ; поэтому въ Гіэни и Лангедокѣ уже образовались ультрамонтанскіе союзы, которые мы считаемъ началомъ знаменитой впослѣдствіи въ исторіи Генриха IV католической лиги. Два кардинала и шесть или семь знатныхъ дворянъ заключили союзъ, который былъ обязанъ побуждать католическое духовенство, дворянъ, чиновниковъ и третье сословіе собирать, съ разрѣшенія короля и подъ надзоромъ тулузскаго парламента, деньги и людей, чтобы въ случаѣ, если правительство не будетъ преслѣдовать еретиковъ, принять мѣры для защиты религіи. Союзный комитетъ былъ обязанъ собирать деньги, вербовать войска, назначать предводителей и преслѣдовать кровавымъ образомъ еретиковъ съ ихъ защитниками и покровителями до тѣхъ поръ, пока они не будутъ совершенно истреблены. Тулузскій парламентъ уже утвердилъ этотъ опасный, аристократическо-ультрамонтанскій союзъ, какъ вдругъ онъ былъ разстроенъ амбуазскимъ эдиктомъ. Поэтому многіе вознегодовали на эдиктъ, и поповскій союзъ тайно интриговалъ противъ него. Вскорѣ съ нимъ соединились и святыя братства всей Франціи.

Для властолюбивыхъ плановъ королевы Екатерины и для тайнаго союза испанцевъ и папистовъ съ французскими парламентами и фанатиками, который королева тайно поддерживала, было весьма выгодно, что ей представилась наконецъ возможность отдѣлаться отъ совѣта регентства и безраздѣльно овладѣть правленіемъ отъ имени сына. Съ этою цѣлью она вручила правленіе королю. Карлъ IX, которому еще не была четырнадцати лѣтъ, былъ торжественно объявленъ 17 августа 1563 въ руанскомъ парламентѣ совершеннолѣтнимъ. При этомъ юный король Генрихъ наваррскій (впослѣдствіи Генрихъ IV) засѣдалъ въ числѣ принцевъ. Тринадцати лѣтняго ребенка можно было, по-

жалуй, объявить совершеннолѣтнимъ, но нельзя было сдѣлать способнымъ управлять государственными дѣлами, особенно при тогдашнихъ запутанныхъ обстоятельствахъ. Поэтому, преждевременно объявляя его совершеннолѣтнимъ, Екатерина имѣла въ виду уклониться отъ исполненія обѣщанія, даннаго ею принцу де Конде, сдѣлать его генералъ-намѣстникомъ. Если бы это состоялось, то при дворѣ снова явились бы кардиналъ де Шатильонъ, просвѣщенный епископъ Монлюкъ, д'Авдло, Ла Рошфуко, герцогъ де Бульонъ, де Граммонъ, князь Порсіа и другіе кальвинисты и снова пріобрѣли бы вліяніе. Это обѣщаніе побудило принца де Конде согласиться на миръ, вопреки желанію адмирала. Но королева не имѣла намѣренія выполнять условіе, столь невыгодное для нея; она нашла возможность уклониться отъ этого, объявивъ короля совершеннолѣтнимъ. Такимъ образомъ королева и ея союзники были великіе искусники въ дипломатіи и политикѣ.

Вслѣдъ за присягою, данною королю въ руанскомъ парламентѣ принцами и высшими сановниками, канцлеръ приказалъ отворить двери и провозгласить королевскую волю относительно амбуазскаго эдикта. Было объявлено, что король утверждаетъ мирныя условія, запрещаетъ гражданамъ носить оружіе и приказываетъ указать замки, куда будетъ отправлено сложенное протестантами оружіе. Подъ страхомъ строжайшихъ наказаній было запрещено вести переписку и заключать союзы съ иностранными государствами, а также собирать налоги безъ королевскаго повелѣнія. Кромѣ того былъ запрещенъ обычай, который, къ сожалѣнію продержался еще цѣлое столѣтіе и былъ главною, какъ извѣстно, причиною паденія Польши и вѣчныхъ смутъ Венгріи, именно, обычай аристократіи содержать вооруженные отряды. Съ одной стороны, дворянамъ воспрещалось поступать, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, на службу къ вельможамъ, а съ другой, князьямъ и баронамъ воспрещалось держать при себѣ вооруженную свиту. Правительство нарушило обычай, провозгласивъ совершеннолѣтіе короля въ Руанѣ, а не въ Парижѣ. По-

этому парижскій парламентъ не преминулъ при первомъ же случаѣ замѣтить это; но на жалобы его канцлеръ отвѣчалъ очень рѣзко и заставилъ замолчать. Парламентъ отмстилъ отказомъ соблюдать мирный эдиктъ, такъ какъ онъ не былъ внесенъ въ протоколы; парламентскіе президенты и совѣтники, не смотря на королевское повелѣніе, продолжали держать въ Парижѣ военную свиту. Все это происходило во время болѣзни королевы; по выздоровленіи ея все снова пришло въ порядокъ.

Миръ не соблюдался нигдѣ, гдѣ сила была на сторонѣ католиковъ. Въ то же время отъ протестантовъ не могли укрыться продолжительныя сношенія королевы съ Филиппомъ II испанскимъ, который въ то самое время собирался послать въ Нидерланды герцога Альбу для истребленія политической свободы гражданъ и евангелическаго ученія. Путешествіе королевы съ молодымъ королемъ сначала по Нормандіи, а потомъ по всему государству и особенно продолжительная тайная конференція съ Филиппомъ и съ герцогомъ Альбой въ высшей степени озабочивали кальвинистовъ. Поступки королевы съ самаго начала 1564, особенно же связи ея съ римскимъ дворомъ, были крайне подозрительны. Во время путешествія королевы, которое она предприняла, будто бы для того, чтобы лично содѣйствовать соблюденію анбуазскаго эдикта въ отсутствіе короля, въ Фонтенбло къ ней явилось въ февралѣ 1564 испанское посольство, съ цѣлью, по словамъ Давилы, склонить ее къ истребленію протестантовъ. По окончаніи тридентскаго собора кардиналъ Лотарингскій, недовольный королемъ за терпимость, дарованную протестантамъ, отправился въ Римъ и убѣдилъ папу Пія IV потребовать въ союзѣ съ Испаніей и Савойей отъ французскаго правительства обнародованія во Франціи рѣшеній тридентскаго собора, т. е. признанія обязательной законной силы соборныхъ постановленій. Испанское посольство, прибывшее въ Фонтенбло, привезло это требованіе. Екатерина не имѣла въ то время возможности согласиться на него, хотя посланники увѣряли ее, что партія ихъ во Франціи на

столько сильна, что можетъ силою настоять на своемъ требованіи. Впрочемъ королева не дала посламъ рѣшительнаго отказа и даже согласилась вступить въ союзъ противъ гугенотовъ съ главными врагами ихъ, который предполагалось заключить въ Нанси, при крещеніи сына молодаго герцога Лотарингскаго. Однако союзъ этотъ не состоялся, повидимому, по винѣ Филиппа II; по крайней мѣрѣ даже посланникъ его, Перрено де Шантонэ, былъ въ высшей степени недоволенъ имъ и, какъ самъ говоритъ, съ радостью удалился съ своего поста *).

Планы Екатерины были обширны; она имѣла намѣреніе замѣшать во французскія дѣла императора Максимиліана II. Королю Филиппу это было непріятно. Поэтому Екатерина стала выказывать нерѣшимость нарушить только что заключенный миръ; въ этомъ смыслѣ король отвѣчалъ католическимъ государямъ и ихъ посланникамъ. Тѣмъ не менѣе протестанты видѣли, что путешествіе королевы есть приготовленіе къ возобновленію религіозной войны. Подозрѣнія основывались на томъ, что правительство укрѣпляло многіе города, другіе же, напротивъ, обезоруживало, устроивало конференціи и заключало договоры. Оно имѣло намѣреніе склонить на свою сторону и отвлечъ отъ гугенотовъ германскихъ протестантовъ. Изъ нихъ благородный Христофъ Виртембергскій яснѣе всѣхъ понималъ коварную политику флорентинки. По смерти герцога де Гиза онъ отказался отъ заманчиваго предложенія Екатерины принять начальство надъ французской арміей и не поѣхалъ къ ней, сославшись на свои преклонныя лѣта, когда она, будучи въ Лотарингіи, приглашала его къ себѣ. Онъ не поддался также

*) Секретарь его говоритъ въ одной грамотѣ, находящейся въ запискахъ Конде: Il s'en va fort content: et certes, il a grande raison, car outre qu'il depeusoit largement de son bien, il n'éstoit plus rien à faire en cette légation qui pust plaire a ceux, qui gouvernent aujourd'hui. (Онъ уѣзжаетъ предовольный, что весьма понятно, такъ какъ онъ не только раззорялся на своей должности, но и не могъ дѣйствовать такъ, чтобы быть угоднымъ особамъ, которыя теперь управляютъ).

ея безчестному предложенію принять отъ нея пенсію. Примѣру его послѣдовали курфирстъ Пфальцскій и Вольфгангъ Цвейбрюккенскій. За то герцогъ Іоаннъ Вильгельмъ Саксонскій и маркграфъ Баденскій, какъ лютеране, не выказали такой совѣстливости.

Давила, которому вообще не слѣдуетъ слишкомъ довѣрять, но который въ этомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, правъ, говоритъ, что сверхъ всего этого Екатерина вела въ Авиньонѣ тайные переговоры съ папскимъ повѣреннымъ. По словамъ Давилы, они рѣшились готовиться къ совершенному истребленію кальвинизма, но, чтобы преждевременно не возбуждать кальвинистовъ, согласились отложить пока обнародованіе постановленій тридентскаго собора. Когда король проѣзжалъ черезъ Дижонъ, тамошній намѣстникъ, герцогъ д'Омаль, и вице-намѣстникъ, де Таванъ, уже готовились къ дѣйствіямъ противъ гугенотовъ; въ Ліонѣ также дѣйствовалъ де Віельвиль. Въ Дофинэ и Лангедокѣ у протестантовъ отняли церкви и возвратили ихъ католикамъ; укрѣпленія главныхъ крѣпостей гугенотовъ, Мо и Монтабана, были частью срыты, между тѣмъ какъ въ Ліонѣ построили цитадель, чтобы держать его въ повиновеніи. 24 іюня король издалъ въ Ліонѣ запрещеніе протестантамъ отправлять обряды своего богослуженія въ мѣстахъ, гдѣ онъ останавливается во время своего путешествія и на десять часовъ въ окружности этихъ мѣстъ. Въ іюлѣ къ королевѣ въ Руссильонъ прибыли герцогъ и герцогиня Савойскіе и, подобно Испаніи, Риму и Гизамъ, побуждали ее къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ. Гизы, во что бы то ни стало, требовали преданія адмирала суду за убійство герцога Франциска де Гиза. Хотя желаніе это не было выполнено, но 4 августа король издалъ въ Руссильонѣ новый эдиктъ, хотя названный объявленіемъ (déclaration), но въ сущности значительно ограничивавшій амбуазскій эдиктъ. Въ предисловіи къ этому объявленію король прямо говорилъ, что, такъ какъ нѣкоторыя выраженія эдикта можно толковать различнымъ образомъ, то онъ

считаетъ необходимымъ объяснить истинный смыслъ ихъ. Затѣмъ праву протестантскаго дворянства и его вассаловъ отправлять свободно богослуженіе давалось такое значеніе, которымъ оно явно ограничивалось. Всякія складчины и сборы для церквей были строжайше запрещены, а бывшимъ католическимъ священникамъ и монахамъ, перешедшимъ въ кальвинизмъ, было предписано немедленно возвратиться на лоно древней церкви.

Протестанты не могли повиноваться этому повелѣнію, извѣстному подъ названіемъ руссильонскаго эдикта, если не желали отступить отъ своей религіи. Поэтому они энергически протестовали противъ него. Съ ихъ стороны поступокъ этотъ весьма естествененъ, но странно, что парламенты также протестовали. Канцлеръ, который всегда старался внушать королевѣ правосудіе и честность, былъ очень огорченъ уничтоженіемъ своего мудраго эдикта; руссильонскій эдиктъ повлекъ за собою насилія со стороны католическихъ фанатиковъ, поддерживаемыхъ парламентами, низшими судами и агентами правительства; со стороны же протестантовъ онъ вызвалъ волненія и военныя приготовленія. Принцъ де Конде, до сихъ поръ занимавшійся исключительно любовными интригами, наконецъ пробудился и въ концѣ августа написалъ королевѣ заносчивое письмо, къ которому приложилъ жалобу (avertissement) протестантовъ на нанесенныя имъ неправды. Здѣсь между прочимъ сказано, что въ послѣднее время было 132 религіозныхъ убійствъ. Король по старанію канцлера, далъ принцу милостивый отвѣтъ и кромѣ того написалъ парламентамъ. Королева же напротивъ тайно покровительствовала лигамъ аристократической Гіэни и другихъ южныхъ провинцій, заключеннымъ съ цѣлью истреблять гугенотовъ.

Уступчивость правительства передъ Савойей, которая получила за свое содѣйствіе въ послѣдней войнѣ противъ протестантовъ Туринъ и другія крѣпости, требовала Салуццо и графство Тенда, была весьма подозрительна; еще подозрительнѣе

было свиданіе испанскаго и французскаго дворовъ въ Байонѣ. Королева увѣряла, что чувствуетъ неопреодолимое желаніе увидѣться съ дочерью, Елисаветой, женой Филиппа II, вслѣдствіе чего свиданіе было назначено въ іюнѣ 1565 въ Байонѣ, (путешествіе короля продолжалось съ января 1564 до конца апрѣля 1566 г.). Истинная цѣль свиданія была, по обыкновенію, скрыта среди блестящихъ празднествъ и баснословной пышности и торжественности, описаніемъ которыхъ наполнены всѣ книги того времени. Король Филиппъ привезъ съ собою герцога Альбу, единственнаго человѣка, знавшаго его чудовищный планъ противъ Нидерландовъ, откуда, по требованію націи, онъ былъ принужденъ удалить въ этомъ самомъ году всѣ испанскіе гарнизоны. Король и герцогъ весьма желали, чтобы Екатерина приняла во Франціи такія же мѣры противъ протестантовъ, какія уже рѣшено было предпринять въ Нидерландахъ герцогу Альбѣ, который велъ туда войска изъ Италіи. Дни проходили въ Байонѣ въ шумныхъ празднествахъ, а ночи королева просиживала въ комнатѣ дочери съ герцогомъ Альбой. Писатели несогласны въ мнѣніяхъ касательно сущности этихъ переговоровъ Екатерины съ Альбой. Оба двора веселились въ Байонѣ цѣлыхъ три недѣли. Давила подробно передаетъ чудовищные совѣты Альбы, достойные турецкаго паши *). Альба совѣтовалъ убить всѣхъ каль-

*) Слова Давилы въ 3 книгѣ: Conchiudeva nel fine, che siccome le controversie della fede aveano sempre servito dei pretesto et argomento alle sollevazioni de malcontenti cosi era necessario, rimuovere al primo tratto questa coperta e poi conseveri remedii ed senza riguardo di ferro ni di fuoco purgare le radici di quel malo, il quale col la dolcezza ed la sofferenza perniciosamente germogliando si dilatava sempre e si accresceva. (Онъ (Альба) заключилъ, что, такъ какъ религіозныя несогласія постоянно служили предлогомъ къ возстаніямъ недовольныхъ, то слѣдовательно необходимо сперва обличить этотъ обманъ, а за тѣмъ употребить всѣ средства, чтобы истребить зло въ корнѣ, хотя бы пришлось дѣйствовать огнемъ и желѣзомъ, потому что кротость и снисхожденіе лишь развиваютъ это пагубное зло, которое вслѣдствіе ихъ распространяется и возрастаетъ.)

Digitized by Google

винистскихъ князей, принцевъ и вельможъ, хваля эту мѣру, какъ спасительное средство отъ всѣхъ политическихъ бѣдствій и какъ вѣрный способъ возстановить единство религіи. Тоже самое совѣтуютъ государямъ и въ наше время государственные люди извѣстнаго сорта. Мы также мало вѣримъ рѣчамъ, которыя приводитъ Давила, какъ и всѣмъ прочимъ рѣчамъ, влагаемымъ историками въ уста своихъ героевъ. Несомнѣнно однако, такъ какъ послѣдующія событія подтвердили это, что Екатерина опасалась своего мрачнаго и жестокаго зятя, считая его способнымъ умышленно вовлечь ее въ междоусобную войну, прежде чѣмъ она успѣетъ вооружиться. Поэтому она отклонила многія предложенія герцога Альбы и, хотя было рѣшено преслѣдовать протестантовъ, предоставила каждому дѣйствовать при этомъ по усмотрѣнію. Политика кардинала Лотарингскаго, который желалъ, чтобы Парижъ призналъ его главою ультрамонтанской партіи, была силою подавлена въ томъ же году, именемъ короля, губернаторомъ Парижа, маршаломъ де Монморанси. Въ началѣ 1565, въ то самое время, когда король издалъ строгое запрещеніе католической и протестантской знати окружать себя вооруженной свитой, кардиналъ разъѣзжалъ по восточнымъ провинціямъ съ вооруженнымъ конвоемъ, который намѣревался ввести съ собой въ Парижъ. Подъѣзжая къ Парижу, онъ получилъ отъ маршала де Монморанси, который былъ его личнымъ врагомъ, приказаніе подчиниться закону; вслѣдствіе этого кардиналъ отослалъ герцога д'Омаля, но самъ, не взирая на повелѣніе, вступилъ въ городъ съ своими тѣлохранителями. Маршалъ повторилъ свое приказаніе, которое кардиналъ получилъ уже по въѣздѣ въ городъ, но не обратилъ на него никакого вниманія и даже оскорбился тѣмъ, что къ нему смѣютъ обращаться черезъ полицію. Тогда маршалъ, въ сопровожденіи фанатика протестанта, князя Порсіа, выступилъ противъ него изъ Лувра въ улицу Сенъ-Дени. Произошла стычка, въ которой гвардія кардинала была разсѣяна. Кардиналъ укрылся въ со-

сѣдній домъ, куда во слѣдъ ему было пущено нѣсколько пуль. Племянникъ его, молодой Генрихъ де Гизъ, стоялъ передъ дверью съ пистолетомъ въ рукахъ, пока дядя позвалъ его къ себѣ. Кардиналъ уѣхалъ въ свою епархію, гдѣ пробылъ до возвращенія короля, который уладилъ дѣло. Но еще до возвращенія короля, вернувшагося въ апрѣлѣ 1566, всѣ видѣли близость вторичной религіозной войны. Канцлеръ л'Опиталь, котораго справедливо назвали французскимъ Катономъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобы укратить фанатизмъ поповъ и парламентовъ, разстроить интриги папы и испанцевъ и обуздать честолюбіе протестантской аристократіи; но всѣ усилія его были тщетны.

Въ Гіэни парламентскіе ханжи и дворянство отличались самымъ яростнымъ фанатизмомъ; л'Опиталь назначилъ 12 апрѣля 1565 въ Бордо королевское засѣданіе парламента. При этомъ онъ обратился къ членамъ парламента и къ высшему дворянству съ назидательной проповѣдью (Mercuriale), которая дошла до насъ и свидѣтельствуетъ о его любви къ правосудію, строгости и обширной учености, но также и о рѣзкости. Впрочемъ все это не принесло никакихъ результатовъ, хотя л'Опиталь не упалъ духомъ. Чтобы прекратить раздоръ Гизовъ съ принцами и Шатильонами, онъ назначилъ въ февралѣ 1566 собраніе въ Муленѣ .Здѣсь предполагалось предпринять важныя судебныя реформы и примирить вдову герцога де Гиза съ адмираломъ де Колиньи. Основываясь на вынужденномъ пыткою показаніи Польтро, она уже три года обвиняла адмирала въ подстрекательствѣ къ убійству герцога Франциска. Въ послѣднее время къ этому присоединилась жалоба на парижскаго губернатора за нападеніе въ улицѣ Сенъ-Дени на кардинала. Въ Муленѣ собрались президенты и высшія лица всѣхъ парламентовъ и главные представители аристократіи. Членамъ парламентовъ было поручено обсудить преобразованія, задуманныя канцлеромъ; вельможи были призваны для рѣшенія процесса вдовы герцога де Гиза противъ адмирала де Колиньи и для принятія посредничества въ ссорѣ кардинала Лотарингскаго съ

Digitized by Google

маршаломъ де Монморанси. Канцлеру удалось склонить Гизовъ удовольствоваться очистительной присягой адмирала. Труднѣе было побудить маршала къ примиренію съ кардиналомъ. Маршалъ только тогда согласился публично облобызаться съ кардиналомъ и прекратить неудовольствіе, когда старый коннетабль пригрозилъ лишить его наслѣдства.

Противники взялись бы за оружіе еще въ Муленѣ, если бы ихъ не поспѣшили разлучить. Но вскорѣ различныя обстоятельства дали кальвинистамъ основательный поводъ къ опасеніямъ. Обстоятельства эти были: вооруженія фанатиковъ, которымъ тайно помогала королева; отношенія ея къ папѣ и къ Испаніи; содѣйствіе, оказанное ею походу герцога Альбы въ Бельгію для уничтоженія протестантской религіи, и наконецъ покровительство духовнымъ братствамъ, которыя были учреждены кардиналомъ Лотарингскимъ и іезуитами и впослѣдствіи составляли главную силу лиги. Кромѣ того королева наняла на собранныя тайно деньги шесть тысячь швейцарцевъ, но вовсе не для той цѣли, какъ говорила. Войско это было собрано будто бы для наблюденія за арміей Альбы, состоявшей изъ испанцевъ, итальянцевъ и другихъ разбойничихъ шаекъ, за которыми оно должно было слѣдить по пятамъ. Но это была ложь. Войска королевы вмѣсто того, чтобы стоять на границѣ, вступили во Францію; притомъ правительство держало ихъ долѣе, чѣмъ слѣдовало для его мнимой цѣли. Изъ этого протестанты заключали, что правительство замышляетъ истребить ихъ и съ этою цѣлью дозволило герцогу Альбѣ спокойно пройти чрезъ Савойю, ла-Брессъ, Франшъ Контэ и Лотарингію въ Нидерланды, чтобы при помощи его и швейцарскихъ наемниковъ уничтожить всѣхъ протестантовъ. Они рѣшились предупредить своихъ противниковъ и, надѣясь на постороннюю помощь, начали дѣятельно вооружаться. Въ это время они издали нѣсколько манифестовъ по поводу происковъ кардинала Лотарингскаго, тайныхъ сношеній королевы съ Филиппомъ II и Альбой, преслѣдованій, воздвигнутыхъ фа-

натической іерархіей и нетерпимости парламентовъ. Весь 1567 годъ прошолъ въ приготовленіяхъ къ новой войнѣ.

Съ этихъ поръ религіозный вопросъ сдѣлался предлогомъ въ борьбѣ могущественной аристократіи; дѣло Конде и Колиньи перестало быть правымъ. Они задумали воспользоваться пребываніемъ молодаго короля въ замкѣ Монсо (въ Брн), чтобы овладѣть имъ и всѣмъ дворомъ, въ концѣ сентября 1567. Между тѣмъ Альба вступилъ въ Нидерланды (22 августа), и прежняя правительница, дочь Карла V и жена Оттавіо Фарнезе Пармскаго, Маргарита, собиралась удалиться изъ Нидерландовъ, вслѣдствіе чего королева послала Кастельно, будто бы къ ней съ прощальнымъ привѣтствіемъ, но на самомъ дѣлѣ съ тайными порученіями къ герцогу Альбѣ. Кастельно умалчиваетъ объ этомъ въ своихъ запискахъ; но изъ нѣкоторыхъ намековъ его на переговоры съ Альбой не трудно догадаться, о чемъ онъ хочетъ сказать. Кромѣ того въ замѣчаніяхъ на его мемуары приведенъ отрывокъ изъ письма папскаго нунція, Проспера де Санта-Кроче, къ кардиналу Борромео; отрывокъ этотъ ясно показываетъ, что правительства рѣшились всѣми средствами губить протестантовъ. Письмо это писано въ апрѣлѣ 1564. Другое, писанное въ октябрѣ, показываетъ, какими средствами папскій нунцій отвлекъ графа де Крюсоля отъ протестантизма и обратилъ его въ союзника католиковъ. Протестанты начали вооружаться и задумали напасть на дворъ въ то самое время, когда Кастельно возвратился изъ Бельгіи.

Съ этою цѣлью они собрали лучшія войска свои въ Розуа, что въ Брн, близь резиденціи двора. Но 25 сентября, т. е. за два дня до выполненія плана, королева, спокойно жившая въ Монсо безъ стражи, узнала о заговорѣ. Она разослала людей развѣдать дѣло, и они донесли ей, что Ланьи, близь Монсо, уже занятъ еретиками. При этомъ извѣстіи придворные кинулись бѣжать въ Мо, кто въ экипажахъ, кто верхомъ, кто пѣшкомъ. Швейцарцы, стоявшіе въ Шато-Тіери, въ четырехъ часахъ пути

отъ Мо, были переведены въ этотъ городъ. Король удиралъ изъ Монсо пѣшкомъ. Это скандальное событіе поселило въ молодомъ вспыльчивомъ королѣ, которому съ самаго дѣтства внушали, что протестанты — враги Бога и людей и который испыталъ много непріятностей отъ принца де Конде, дѣтское озлобленіе противъ гугенотовъ; впослѣдствіи, въ Варѳоломеевскую ночь, онъ къ своему вѣчному позору доказалъ это.

Не смотря на аттаки Конде, швейцарцы благополучно доставили короля въ Парижъ. За тѣмъ Конде осадилъ столицу, расположившись при Сенъ-Дени, между тѣмъ какъ другіе протестанты снова заняли Орлеанъ. Парижъ находился въ опасности, которая все болѣе и болѣе возрастала; къ счастію своему правительство въ ожиданіи войскъ успѣвало обманывать протестантовъ переговорами. 10 ноября стараго коннетабля, который командовалъ съ маршаломъ де Монморанси королевской арміей, уговорили воспользоваться отсутствіемъ д'Андло, чтобы аттаковать принца де Конде при Сенъ-Дени. Кальвинисты имѣли намѣреніе осадить Парижъ съ обоихъ береговъ Сены; съ этою цѣлью д'Андло перевелъ на другую сторону рѣки пятсотъ чел. конницы и двѣ тысячи пѣхоты, а Конде остался съ тысячью двумя стами всадниками и тысячью пятьюстами пѣшихъ на прежней позиціи. Небольшой отрядъ принца состоялъ изъ волонтеровъ и домашней стражи аристократовъ и не имѣлъ артиллеріи. Поэтому непонятно, какъ могъ Конде отважиться на битву съ стройнымъ и вчетверо сильнѣйшимъ королевскимъ войскомъ. Тѣмъ не менѣе сраженіе, продолжавшееся три часа, осталось нерѣшеннымъ. Крыло маршала де Монморанси одержало побѣду, но коннетабль былъ покинутъ своими солдатами и убитъ. Но такъ какъ католики ежедневно усиливались, а гугеноты, напротивъ, не получали подкрѣпленій, то немедленно послѣ битвы Конде и адмиралъ покинули свою позицію и отправились въ Лотарингію, чтобы соединиться съ нѣмецкими войсками, которыя велъ д'Андло. Когда нѣмцы, не получавшіе жалованья, отказались служить, французскіе кальвинисты, отъ

Конде до послѣдняго солдата, отдали все свое золото и серебро, чтобы собрать нужную сумму (тридцать тысячъ дукатовъ) для удовлетворенія нѣмцевъ. Хотя герцогъ Альба подкрѣпилъ королевскую армію испанскимъ отрядомъ изъ Нидерландовъ, но, сообразно коварной и завистливой политикѣ своего короля, старался не столько подавлять, сколько усиливать французскія смуты. Инструкціи, данныя начальнику испанскаго вспомогательнаго отряда, клонились именно къ этому.

Подробности этой войны не имѣютъ значенія для нашей цѣли. Замѣтимъ только, что съ обѣихъ сторонъ вся тяжесть войны лежала на дворянствѣ, вслѣдствіе чего оно вскорѣ утомилось. Чтобы спасти Шартръ, королева заключила 20 марта 1568 вторичный миръ, прозванный краткимъ. Никто не придавалъ ему серьезнаго значенія. Условія его, заключавшіяся въ эдиктѣ, изданномъ въ Лонжюмо 23 марта 1568, не были приведены въ исполненіе. По условіямъ этимъ слѣдовало освободить плѣнныхъ, вознаградить и возстановить всѣхъ, кто былъ лишенъ владѣній и чести, соблюдать амбуазскій эдиктъ, отмѣнить всѣ позднѣйшія ограниченія, истолкованія и опредѣленія его и предать забвенію всѣ проступки, приговоры, наказанія и обиды. Такъ какъ правительству больше всего хотѣлось удалить изъ государства нѣмецкое 9—12 тысячное войско, раззорявшее Францію подъ предводительствомъ пфальцграфа Казиміра, сына Фридриха III Пфальцскаго, то король выдалъ вождямъ протестантовъ триста тысячъ экю на уплату этому войску недоданнаго жалованья.

8. Начало царствованія Филиппа II въ Испаніи и его предпріятія противъ турецкихъ морскихъ разбойниковъ.

Король Филиппъ II, получившій по отреченіи Карла V обширное и могущественное государство (стр. 323), весьма неохотно жилъ въ Нидерландахъ, гдѣ его удерживала война съ

Франціей. Война эта доставила ему славу побѣды, одержанной его войсками, лучшими тогда въ цѣломъ свѣтѣ, надъ французами при Сенъ-Кантенѣ. Но онъ воспользовался этой побѣдой только для того, чтобы имѣть возможность поскорѣе отправиться въ Испанію, гдѣ при помощи духовной инквизиціи, которой онъ содѣйствовалъ, подавилъ огнемъ и мечемъ всѣ попытки народа освободиться отъ средневѣковыхъ оковъ. Мы уже говорили, что Филиппъ, не смотря на свое ханжество и преданность папскому престолу, былъ вынужденъ Павломъ IV занять часть церковной области и угрожать Риму. Когда вслѣдствіе этихъ мѣръ папа склонился къ миру, Филиппъ и его полководецъ, надменный и гордый герцогъ Альба, согласились претерпѣть всякія униженія, лишь бы примириться съ церковью (стр. 333).

По прибытіи Филиппа въ Испанію, поступки его могли дать поводъ думать, что даже хорошія его качества клонятся ко вреду его угнетенныхъ подданныхъ и что всѣ обѣты, данные имъ Богу, суждены служить источникомъ бѣдствій для людей. За побѣду при Сенъ-Кантенѣ Филиппъ считалъ себя обязаннымъ св. Лаврентію, въ день котораго она была одержана; поэтому онъ далъ обѣтъ построить въ честь этого святого монастырь съ королевскимъ дворцомъ, который бы превзошелъ въ великолѣпіи все, существующее на свѣтѣ. По приказанію его былъ сооруженъ колоссальный Эскуріаль. Онъ имѣетъ форму рѣшетки, на которой зажарили святого Лаврентія. Форма эта стѣсняла архитектора при составленіи плана. Мѣсто было также выбрано дурно. Громадныя суммы, назначенныя на постройку монастыря, были безплодно разтрачены. Эскуріаль вышелъ зданіемъ, ничѣмъ не отличающимся отъ всѣхъ прочихъ сооруженій восточныхъ властителей.

Второй обѣтъ Филиппа, который онъ выполнялъ всю свою жизнь, произвелъ въ Нидерландахъ и въ Испаніи такіе ужасы и рѣзню, которые привели въ содроганіе человѣчество, но, по мнѣнію Филиппа, были пріятны Богу любви и милосердія.

Digitized by Google

Филиппъ далъ этотъ обѣтъ во время страшной бури, застигшей флотъ его на пути изъ Нидерландовъ въ Испанію. Флотъ былъ разсѣянъ вѣтромъ и большею частью погибъ, причемъ погибли всѣ драгоцѣнныя картины и статуи, которыя Карлъ V и самъ Филиппъ собирали много лѣтъ въ Италіи и въ Нидерландахъ на выставку въ Испаніи. Самъ Филиппъ спасся. Спасеніе свое онъ приписывалъ особенному покровительству небесъ и, подобно древнимъ мексиканцамъ, поклялся принести имъ человѣческія жертвы. Впрочемъ онъ и прежде занимался этимъ, какъ высшею цѣлью жизни. Тотчасъ по прибытіи въ Испанію онъ доказалъ, что умѣетъ твердо хранить обѣты.

Филиппъ нашелъ въ Испаніи все, что было нужно для его намѣреній. Еще Фердинандъ Католикъ и кардиналъ Хименесъ дали инквизиціи политическую власть, такъ что самъ Карлъ V не избѣжалъ ея преслѣдованій. Въ Испаніи уже существовало въ разныхъ провинціяхъ восемнадцать духовныхъ судовъ для религіозныхъ процессовъ; города и деревни были наполнены шпіонами, которые доносили духовнымъ судамъ на каждое малѣйшее отступленіе отъ правилъ вѣры. Число тварей, существовавшихъ шпіонствомъ, считается многими писателями до двадцати тысячъ. Еще до прибытія Филиппа было сожжено множество людей разныхъ сословій по обвиненію въ протестантизмѣ. Пріѣхавъ въ Вальядолидъ, король засталъ здѣсь въ тюрьмахъ инквизиціи 30 человѣкъ, которые пали первыми жертвами его смертоноснаго ханжества. Незадолго до того (1559) Филиппъ послалъ герцога Альбу въ Парижъ въ качествѣ своего представителя при заочномъ бракосочетаніи своемъ съ французской принцессой Елисаветой; король полагалъ, что торжественное ауто-да-фе будетъ самымъ лучшимъ открытіемъ свадебныхъ празднествъ, которыя должны были происходить въ Толедо. Вслѣдствіе такого соображенія онъ приказалъ сжечь на площади 30 арестованныхъ въ Вальядолидѣ еретиковъ. На мѣстѣ казни присутствовали самъ король, сынъ его, несчастный донъ Карлосъ, сестра,

весь дворъ, гвардія и цѣлое избранное общество, наслаждавшееся до конца, какъ боемъ быковъ, зрѣлищемъ казни, отпразднованной чрезвычайно пышно. Въ числѣ жертвъ, погибшихъ въ этотъ день, были двое членовъ древней аристократіи, которыхъ сожгли живыми; двадцать шесть человѣкъ были сперва удавлены, а потомъ сожжены, а двадцать прочихъ подвергнуты болѣе легкимъ наказаніямъ. Хуанъ-Мануэль епископъ саморскій, ученость, благочестіе и благородство котораго прославляетъ іезуитъ Миніана, продолжавшій классическимъ стилемъ исторію Испаніи Маріаны *), произнесъ приличную этому случаю рѣчь. Вскорѣ было сожжено еще 50 еретиковъ. Въ двѣнадцатой главѣ пятой книги Миніана съ потрясающимъ равнодушіемъ исчисляетъ всѣ эти жестокости, съ похвалою замѣчая, что, благодаря имъ, въ Испаніи была истреблена чума лютеранства, которая безъ того распространилась бы и въ этой странѣ **). Филиппъ былъ также совершенно убѣжденъ, что своей инквизиціей спасаетъ человѣчество. Когда на первомъ ауто-да-фе одинъ изъ осужденныхъ, донъ-Карлосъ ди Сесса, человѣкъ хорошей фамиліи, проходя на костеръ мимо короля, началъ умолять его о помилованіи, говоря, что не заслужилъ казни, Филиппъ горячо возразилъ ему. „Я собственными руками наносилъ бы дровъ на костеръ моему сыну, еслибы онъ былъ столь страшный преступникъ, какъ ты.“

Религіозное рвеніе Филиппа было за то полезно христіанскому міру тѣмъ, что заставляло его, подобно Карлу V, отражать по временамъ жестокихъ и дикихъ турокъ. Турки овладѣли на востокѣ Европы Венгріею и грозили Вѣнѣ; на Югѣ и Западѣ опустошали берега и острова Средиземнаго моря и ежегодно уводили въ рабство тысячи христіанъ. Два пирата, Піале и Торгутъ, опустошали берега Средиземнаго моря, а третій сдѣлался по смер-

---

*) Doctrina, pietate, juxtaque natalibus clarus.

**) Sic occursum est pesti Lutheranae per Hispaniam grassanti, quae, nisi in ipso exortu compressa fuisset, abs dubio foedasset universam.

ти Хайреддина Барбароссы деемъ тунисскимъ, такъ какъ сынъ и наслѣдникъ Хайреддина, Гассанъ, былъ недовольно дикъ и энергиченъ, чтобы удержать за собой владѣнія отца. Торгутъ или, какъ звали его христіане, Драгутъ, вступилъ на службу султана и при жизни капуданъ-паши Синана встрѣчалъ на пути безпрестанныя препятствія. Подобно Хайреддину Барбароссѣ, онъ еще въ молодости занимался морскими разбоями и въ 1546, командуя эскадрой пиратовъ, былъ взятъ въ плѣнъ Андреемъ Доріа на корсиканскомъ берегу и отправленъ на галеры, но освободился, когда Барбаросса, въ союзѣ съ французами, явился предъ Генуей. Вслѣдъ затѣмъ къ нему собрались всѣ смѣлые пираты, и, предводительствуя ими, онъ производилъ страшныя опустошенія и возмутительныя жестокости. Онъ изобрѣлъ новое расположеніе артиллеріи на судахъ, и флотъ его, вооруженный такимъ образомъ, нанесъ страшный вредъ Неаполю и его окрестностямъ. Великій адмиралъ Синанъ нашелъ изобрѣтеніе его превосходнымъ и пригласилъ его въ Константинополь, гдѣ, какъ нѣкогда Барбаросса, онъ предался султану. Султанъ помогъ ему основать владѣніе на сѣверномъ берегу Африки, въ ущербъ Испаніи и Португаліи. Торгутъ отнялъ у нихъ нѣсколько городовъ и крѣпостей. Важнѣйшимъ завоеваніемъ его былъ городъ Медиджа или Магадія (т. V стр. 136 и 140), гдѣ онъ основалъ свою резиденцію и держалъ награбленныя богатства, корабли и войска.

Карлъ V нашелъ наконецъ необходимымъ послать противъ этого притона пиратовъ флотъ подъ начальствомъ Андрея Доріа и войско подъ командой герцога Альбы. Въ маѣ 1550 флотъ этотъ явился передъ Магадіей, но не засталъ Торгута. Въ это время онъ жесточайшимъ образомъ опустошалъ берега Испаніи, отъ Аликанте до Валенсіи. По возвращеніи онъ не нашелъ доступа въ городъ, окруженнаго испанцами. Поэтому онъ занялъ прибрежный островъ Джербе, съ цѣлью тревожить оттуда армію Карла. Осада затянулась до сентября; между тѣмъ въ іюнѣ вице-

король сицилійскій подкрѣпилъ императорскую армію свѣжими войсками. Не смотря на чувствительный уронъ, понесенный испанцами отъ возставшихъ мавровъ, Магадія была взята ими 10 сентября, при чемъ они овладѣли 7 тысячами мусульманъ. Доріа хотѣлъ завоевать и Джербе, но Торгутъ спасъ островъ смѣлой стратагемой. Затѣмъ онъ по прежнему продолжалъ свои разбойничьи набѣги.

Подвиги Торгута возбудили наконецъ зависть и безпокойство въ визирѣ Солимана II и въ капуданъ-пашѣ Синанѣ. Они начали искать случая низвергнуть его, возбудивъ противъ него гнѣвъ султана. Торгутъ былъ принужденъ бѣжать. Онъ нашелъ убѣжище при марокскомъ дворѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ Солиманъ затѣялъ нападеніе на Мальту и для этой цѣли желалъ овладѣть Триполи; поэтому онъ приказалъ предложить Торгуту и его товарищамъ прощеніе. Торгуту было даже обѣщано отъ султана, что по завоеваніи Триполи онъ получитъ его во владѣніе съ титуломъ первокласнаго намѣстника турецкой имперіи. Послѣ перваго африканскаго похода Карлъ V отдалъ мальтійскимъ рыцарямъ городъ Триполи, завоеванный его дѣдомъ Фердинандомъ Католикомъ. При помощи турецкаго флота, предводимаго капуданъ-пашей, Торгутъ отнялъ его у рыцарей, за что получилъ санъ санджака. Но завистливый великій адмиралъ Синанъ не соглашался отдать ему Триполи. Это до того взбѣсило Торгута, что онъ хотѣлъ немедленно покинуть службу султана. Но капуданъ-паша уговорилъ его отправиться съ нимъ въ Константинополь, откуда въ слѣдующемъ (1553) году его послали съ сорока пятью галерами и съ значительными сухопутными силами опустошать христіанскіе берега. Онъ раззорилъ берега Неаполя и Сициліи, высадился въ Корсикѣ и осадилъ Бастію. Разбивъ посланный на помощь этому городу четырехтысячный христіанскій отрядъ, онъ принудилъ осаждающихъ къ сдачѣ. Онъ обѣщалъ гарнизону свободный пропускъ, но освободилъ только сорокъ семь человѣкъ, а остальныхъ, въ числѣ семи ты-

Digitized by Google

сячь, увелъ въ рабство. Послѣ этого Торгутъ возвратился въ Константинополь и еще до смерти Синана получилъ наконецъ Триполи, которымъ владѣлъ до самой смерти.

По смерти Синана капуданъ-пашой сдѣлался кроатъ Піале, прославившійся тѣмъ же, что и Торгутъ. При содѣйствіи новаго дея триполійскаго и дея тунискаго,—Стали, Піале опустошилъ и обезлюдилъ всѣ берега Эгейскаго и Средиземнаго морей и изъ одной только Италіи увелъ въ разное время болѣе полумилліона людей. Торгутъ, Піале и Стали произвели самыя ужасныя опустошенія въ 1553 и 1554 годахъ, когда Генрихъ II французскій призвалъ флотъ своихъ союзниковъ—турокъ къ прованскому берегу; они свирѣпствовали здѣсь, не разбирая друзей отъ недруговъ. Жители Реджіо были уведены въ плѣнъ, Буджіа и укрѣпленный замокъ Пиньонъ де-Веле на африканскомъ берегу и даже Соренто—взяты, а Майорка раззорена и опустошена.

Въ 1559, по прибытіи Филиппа въ Испанію, Піале съ восьмидесятью кораблями отплылъ изъ Константинополя и соединился съ пиратами Алжирскимъ, Тунисскимъ и Триполисскимъ. Тогда Филиппъ рѣшился вооружить противъ разбойниковъ сильный флотъ. Онъ хотѣлъ, не вступая съ пиратами въ сраженіе въ открытомъ морѣ, аттаковать флотомъ и арміею ихъ притоны, особенно владѣнія Торгута—Триполи и Джербе. Дождавшись осени 1559, когда Торгутъ возвратился по обыкновенію съ флотомъ въ Константинополь, испанцы приступили къ громаднымъ приготовленіямъ къ экспедиціи будущей весны. Къ несчастію военныя приготовленія и главное начальство были ввѣрены одному изъ первыхъ грандовъ Испаніи, герцогу Медина-Сели, намѣстнику сицилійскому, который былъ гораздо лучшимъ придворнымъ, чѣмъ адмираломъ и полководцемъ. Медина-Сели собралъ въ мессинской гавани двѣсти кораблей и четырнадцать тысячъ закаленныхъ испанскихъ ветерановъ. Испанскимъ флотомъ командовали Сансіо де Левіа, донъ-Беренгаръ де Реквезенсъ и генуезецъ Чикала; съ ними соединился генуезскій флотъ

подъ командой младшаго Доріа и мальтійскій подъ предводительствомъ Гимарана. Папа и герцогъ Тосканскій также выставили эскадры. Приготовленія были однако такъ плохи, что еще въ мессинской гавани нѣсколько тысячъ человѣкъ погибли отъ болѣзней и лишеній въ ожиданіи попутнаго вѣтра. Въ февралѣ 1560 флотъ отплылъ, чтобы аттаковать островъ Джербе, лежавшій на западъ отъ Триполи и на востокъ отъ Туниса. Торгутъ, конечно, отразилъ бы это нападеніе, если бы не задолго до того не поссорился съ жителями острова и не затѣялъ войну съ однимъ мавританскимъ владѣтелемъ на сѣверномъ берегу. Узнавъ о появленіи христіанскаго флота, онъ прервалъ свои успѣхи надъ маврами и возвратился въ Триполи, пославъ въ Константинополь италіанскаго ренегата Оккіале или, какъ его звали турки, Улуджала, просить помощи турокъ. Островъ Джербе съ своими укрѣпленіями сдался испанцамъ, и начальники его покорились королю Филиппу. Всѣ совѣтывали герцогу Медина-Сели не занимать островъ, который могъ служить только притономъ для разбойниковъ, и, срывъ всѣ укрѣпленія, торопиться къ Триполи. Но герцогъ не послѣдовалъ этимъ совѣтамъ, рѣшившись удержать островъ и возобновить его укрѣпленія. Поэтому онъ бездѣйствовалъ весь мартъ и, не смотря на представленія своихъ генераловъ, пробылъ на Джербе до конца мая, хотя мальтійскій орденъ прислалъ къ нему курьера съ извѣстіемъ, что противъ него идетъ весь турецкій флотъ.

Отплывъ изъ Константинополя съ ста сорока галерами, Піале соединился при Модонѣ съ флотами бея Родосскаго и санджака Митиленскаго; 7 мая онъ явился на высотѣ Мальты. 14 числа того же мѣсяца онъ аттаковалъ при Джербе христіанскій флотъ и обратилъ его въ постыдное бѣгство; двадцать галеръ и двадцать семь транспортныхъ судовъ были уничтожены. Доріа и герцогъ Медина-Сели бѣжали первыми и благополучно достигли Мальты. Изъ испанскихъ генераловъ только донъ-Альваро де Санди исполнилъ свою обязанность и спасъ честь испанскаго имени. Когда

Піале и Торгутъ соединили свои силы для осады укрѣпленій острова, донъ-Альваро добровольно принялъ начальство надъ гарнизономъ. Онъ защищался до конца іюля, отвергалъ всѣ предлагаемыя ему капитуляціи и наконецъ убѣдилъ отрядъ въ 1000 человѣкъ, раздѣлявшій его страданія, лучше умереть смертью героевъ, чѣмъ сдаться. Ночью они бросились на непріятельскій лагерь и всѣ погибли; самъ Альваро пробился, но на другое утро былъ взятъ въ плѣнъ. Въ сентябрѣ Піале возвратился въ Константинополь. Онъ съ тріумфомъ вступилъ въ гавань, и самъ султанъ Солиманъ взиралъ съ крыши сераля на его торжество. Тріумфъ Піале былъ тѣмъ болѣе непріятенъ испанскому королю, что въ то время Филиппъ вступилъ во вражду съ чинами своихъ нидерландскихъ провинцій, и несогласія эти могли потребовать присутствія въ Нидерландахъ всѣхъ его силъ. Плѣнники, которыхъ Піале ввезъ въ своемъ тріумфѣ рабами въ Константинополь, доказывали, какъ чувствителенъ былъ уронъ испанцевъ при Джербе. На позорно обезображеныхъ галерахъ, отнятыхъ у испанцевъ, въ стамбульскую гавань въѣхали Альваро де Санди, донъ-Сансіо де Левіа, донъ-Беренгаръ де Рекезенсъ и другіе важнѣйшіе генералы Испаніи, Сициліи и Неаполя, преданные въ цѣпяхъ на потѣху правовѣрнымъ. Зять Беренгара, донъ-Хуанъ де Кордова, сынъ герцога Медина-Сели, Гастонъ, и сынъ генуезца Чикала были также въ числѣ плѣнныхъ. Гастонъ умеръ въ темницѣ, а восемнадцати лѣтній Чикала пріобрѣлъ позорное расположеніе султана, отрекся отъ христіанства и сдѣлался впослѣдствіи турецкимъ капуданъ-пашей. Въ прочихъ плѣнникахъ принялъ участіе посланникъ императора Максимиліана II при султанскомъ дворѣ, Бусбекъ, о которомъ мы будемъ говорить подробно ниже, и, благодаря его ходатайству, они выкупились.

Филиппъ II, бывшій по своей неутомимости, скрытности и надутому чванству, за которые ему теперь удивляются, страшилищемъ для всѣхъ, кромѣ испанцевъ, которымъ онъ нравился, встрѣ-

чалъ всѣ бѣдствія, постигавшія его, совершенно спокойно; съ тою же непреклонною твердостью встрѣтилъ онъ вѣсть о джербскомъ пораженіи. Такъ какъ онъ самъ выбралъ неспособнаго Медина-Сели, то не выказалъ ему ни малѣйшаго знака неудовольствія. Онъ ограничился тѣмъ, что смѣнилъ прежнихъ адмираловъ и ввѣрилъ въ другія руки новый флотъ, вооруженный имъ по случаю нападенія на Мазарквивиръ алжирскаго дея Гассана. Ободренный пораженіемъ испанцевъ, Гассанъ осадилъ этотъ городъ съ моря и съ суши, но былъ принужденъ къ отступленію. Затѣмъ намѣстникъ каталонскій переправился на африканскій берегъ, чтобы вознаградить потерю Джербе завоеваніемъ другаго укрѣпленія. Изъ Малаги онъ переправился черезъ узкій каналъ, отдѣляющій здѣсь Африку отъ Испаніи. Здѣсь, на африканскомъ берегу, между двумя горами, находился городъ Гомера де Велесъ, а противъ него на вершинѣ крутаго скалистаго острова стоялъ замокъ, названный по сходству съ кедровой шишкой (pinia) Пиньонъ де Веле. Неукрѣпленный городъ былъ взятъ немедленно. Затѣмъ сдался и фортъ. Пріобрѣтеніе это было во всякомъ случаѣ весьма выгоднымъ вознагражденіемъ за Джербе, потому что на вершину скалы, гдѣ стоялъ замокъ, вела одна только очень крутая тропинка, а между скалой и материкомъ рукавъ моря представлялъ безопасную гавань для дюжины кораблей, такъ что изъ Пиньона и Голеты испанцы могли господствовать надъ всѣмъ африканскимъ берегомъ.

Это побудило султана предпринять впослѣдствіи походъ для завоеванія Мальты, откуда онъ могъ бы господствовать надъ всѣмъ Средиземнымъ моремъ. Предпріятіе это грозило мальтійскимъ рыцарямъ нашествіемъ всей турецкой силы и напоминало походы древнихъ персидскихъ царей противъ свободной Греціи. Во время этого похода все вниманіе Филиппа было обращено на Нидерланды. Въ Нидерландахъ однѣ провинціи, хотя по невѣжеству предпочли ученіе соборовъ и папъ евангелическому, но дворянство и города ихъ помнили о своихъ правахъ,

которыхъ Филиппъ не хотѣлъ знать; въ другихъ же католики и протестанты возстали противъ духовныхъ судовъ инквизиціи, предназначенныхъ уничтожать ересь и еретиковъ.

9. Филиппъ II, герцогъ Альба и первыя волненія въ Нидерландахъ.

Въ то время въ Нидерландахъ каждая провинція сама выбирала своихъ чиновъ; города же, одни свободно избирали свой магистратъ, а въ другихъ онъ назначался тѣмъ владѣльцемъ, въ области котораго находился городъ. Слѣдовательно вліяніе государя было во всякомъ случаѣ очень ограничено, что еще при Карлѣ Смѣломъ служило причиною внутреннихъ безпокойствъ. Суды также отличались республиканскимъ характеромъ, постановляя рѣшенія именемъ закона, а не государя. Судебная власть принадлежала провинціальнымъ судамъ и магистратамъ; на рѣшенія ихъ можно было аппелировать въ Мехельнъ ко двору, кромѣ гренингенскаго, фринсландскаго и сѣверо-голландскаго судовъ, приговоры которыхъ были безаппеляціонны. Даже администрація въ сущности была совершенно республиканская. Высшимъ правительственнымъ мѣстомъ былъ государственный совѣтъ, раздѣлявшійся на три отдѣленія, подъ общимъ предсѣдательствомъ государя или его намѣстника. Въ первомъ отдѣленіи, состоявшемъ изъ важнѣйшихъ дворянъ, нѣсколькихъ прелатовъ и ученыхъ юристовъ, разсматривались всѣ общія государственныя мѣры, рѣшались вопросы о войнѣ и мирѣ и дѣла, касавшіяся всѣхъ провинцій вообще; отдѣленіе это издавало кромѣ того общіе законы. Второе отдѣленіе разбирало подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя споры, возникавшіе между отдѣльными провинціями и столкновенія провинціальныхъ правъ съ правами монарха. Третье отдѣленіе завѣдывало всѣми финансовыми дѣлами, какъ государя, такъ и провинцій. Общія со-

Digitized by Google

бранія сословій бывали весьма рѣдко, уже потому что провинціи были разрознены и не представляли плотнаго государства.

При такомъ государственномъ устройствѣ человѣку съ строго монархическими понятіями было весьма трудно ладить съ нидерландцами, которые очень дорожили своими привиллегіями. Поэтому Карлъ V дѣлалъ своими намѣстницами въ этой странѣ дамъ, такъ какъ онѣ могли, не теряя своего достоинства, пріобрѣтать выгоды уступками и лестью упрямымъ гражданамъ. Тетка императора, Маргарита Австрійская, была извѣстна своими дипломатическими способностями, доказательства которыхъ мы уже видѣли выше. Сестра Карла, Марія венгерская, также умѣла въ царствованіе брата справляться съ бельгійцами. Но по удаленіи императора въ монастырь, она также удалилась отъ дѣлъ.

Карлъ V былъ всегда другомъ и покровителемъ могущественныхъ аристократовъ страны. Изъ нихъ самымъ хитрымъ, умнымъ и опытнымъ въ политикѣ и войнѣ былъ Вильгельмъ Молчаливый графъ Нассаускій, принцъ Оранскій; онъ былъ другомъ и совѣтникомъ Карла и служилъ ему въ качествѣ полководца и дипломата. Произнося прощальную рѣчь нидерландскимъ штатамъ, Карлъ опирался на плечо Вильгельма (стр. 322) и потомъ послалъ его въ Германію съ прощальными грамотами. Филиппъ II, напротивъ того, не любилъ Вильгельма и на прощаніе наговорилъ ему непріятностей, такъ что Вильгельмъ, боясь, чтобы король не увезъ его въ Испанію, не пошелъ провожать его на корабль и остался на берегу. Портретъ Филиппа, находящійся въ исторіи Маріаны и Миніаны, изданной въ Галле, вполнѣ выражаетъ характеръ этого короля, и, глядя на него, становится понятно, что честные и прямые голландцы и нѣмцы пришли въ ужасъ, увидя въ первый разъ въ 1548 году непріятное и мрачное лице своего будущаго государя.—Въ Англіи (въ то время еще merry England) его ненавидѣли за суровый, мрачный видъ

и за высокомѣріе. Въ 1548 нидерландскіе города и штаты встрѣтили Филиппа съ любовью и торжествомъ; но лицо его ни разу не прояснилось; тогда какъ Карлъ V держалъ себя среди знати, какъ первый между равными, въ Филиппѣ былъ всегда виденъ жестокій, суровый монархъ. Въ 1555, при вторичномъ пріѣздѣ Филиппа въ Нидерланды, съ цѣлью принять правленіе, онъ возбудилъ къ себѣ всеобщую ненависть своею склонностью къ инквизиціи и нетерпимостью къ ученію Лютера, уже весьма распространенному въ Нидерландахъ. Императоръ Карлъ казался отцомъ и другомъ среди нидерландскихъ графовъ, князей и герцоговъ; Филиппъ же довѣрялъ одному только ненавистному Гранвеллѣ младшему и приближалъ къ своей особѣ только испанцевъ, похожихъ характеромъ на него самаго, какъ Рюй Гомесъ де Сильва, герцогъ Альба и графъ Феріа. Онъ поручилъ своему канцлеру произнести за него рѣчь его новымъ подданнымъ, такъ какъ самъ не зналъ ни одного изъ двухъ нарѣчій, господствующихъ въ Нидерландахъ.

Когда королева Марія отправилась съ братомъ въ Испанію, Филиппъ назначилъ штатгальтеромъ Нидерландовъ герцога Эммануила Филиберта Савойскаго. Но когда по миру въ Шато-Канбрези герцогъ получилъ обратно свои владѣнія и когда во время религіозной войны во Франціи ему возвратили отнятыя у него крѣпости, онъ оставилъ Нидерланды и уѣхалъ домой. Побѣдой при Сенъ-Кантенѣ Филиппъ былъ въ особенности обязанъ Ламоралю графу Эгмонту, князю Геверену, который командовалъ въ этотъ день конницей; вскорѣ Эгмонтъ одержалъ другую побѣду надъ французами при Гравелингенѣ. Поэтому нидерландцы надѣялись, что Филиппъ назначитъ его штатгальтеромъ, но ошиблись; ниже мы увидимъ, что Эгмонтъ былъ въ числѣ первыхъ, заплатившихъ своею кровію за любовь къ отечеству. Король назначилъ штатгальтершей побочную дочь своего отца, герцогиню Маргариту Пармскую. Нидерландцы были бы также довольны ею, какъ прежними правительницами.

своими; но назначеніе ея было обманомъ: въ дѣйствительности правленіе было ввѣрено Гранвеллѣ, который прикрылся ея именемъ. Перрено де Гранвелла, сынъ канцлера Карла V, не имѣлъ ни одного изъ достоинствъ своего отца и служилъ лишь орудіемъ жестокосердыхъ и фанатическихъ плановъ своего короля. Онъ былъ епископомъ аррасскимъ и предназначался въ архіепископы мехельнскіе; нидерландскіе чины до того не довѣряли ему, что, давъ значительныя субсидіи на войну съ Франціей, назначили отъ себя коммиссаровъ для наблюденія за расходомъ денегъ.

Подъ управленіемъ Гранвеллы религіозныя преслѣдованія, вопреки законамъ страны, усиливались съ каждымъ днемъ. Поэтому вскорѣ нидерландцы пристали къ королю съ жалобами на нарушеніе законовъ. Уѣзжая изъ Нидерландовъ, Филиппъ къ великой досадѣ голландцевъ оставилъ во многихъ городахъ нѣсколько тысячъ испанскихъ войскъ. Ни графъ Эгмонтъ, ни Вильгельмъ Оранскій не захотѣли принять начальство надъ ними. Въ государственномъ совѣтѣ шли вѣчные раздоры. Испанскіе солдаты самовластвовали во Фландріи и производили всякія безчинства. Когда чины и даже государственный совѣтъ потребовали удаленія ихъ, герцогиня отправила ихъ въ Зеландію. Но неудовольствіе возросло до того, что Филиппъ былъ принужденъ отозвать ихъ, такъ какъ они были слишкомъ малочисленны, чтобы дѣйствовать силою. Это вооружило короля особенно противъ тѣхъ аристократовъ, которые, какъ Вильгельмъ Нассаусскій, графъ Эгмонтъ и великій адмиралъ Филиппъ ле Монморанси графъ де Горнъ, по сану, богатствамъ, владѣніямъ и двору были почти независимыми государями. Къ этому вскорѣ присоединились другія причины. Въ февралѣ 1561 ненавистный Гранвелла былъ сдѣланъ кардиналомъ. Это доставило ему перевѣсъ въ государственномъ совѣтѣ, тогда какъ народъ презиралъ и осмѣивалъ его. Поэтому онъ учредилъ при герцогинѣ тайный совѣтъ (consulta), состоявшій въ особыхъ сношеніяхъ съ королемъ.

Филиппъ тогда же думалъ расправиться съ нидерландскими еретиками, какъ съ испанскими. Вслѣдъ затѣмъ онъ принялъ постановленія тридентскаго собора, которыми папа былъ поставленъ выше соборовъ, тогда какъ Франція отвергла это рѣшеніе. Чтобы осуществить свои намѣренія, Филиппъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, ввести въ государственный совѣтъ герцога Феріа, однако нидерландцы не допустили къ себѣ этого испанца, и Филиппу пришлось уступить. Это снова страшно взбѣсило его, и онъ назначилъ помощниками кардинала Гранвеллы жестокаго и въ высшей степени невѣжественнаго Виліуса де Цихема—президентомъ судебнаго отдѣленія, а графа Барлемона—президентомъ финансоваго отдѣленія. Оба они были фанатичны и жестоки, какъ испанцы, и потому ихъ обоихъ равно ненавидѣли. Нидерландцы, особенно первые аристократы страны, Вильгельмъ Нассаусскій и графы Эгмонтъ и Горнъ, бывшіе нѣкогда штатгальтерами провинцій, противились всѣмъ испанскимъ внушеніямъ и предложеніямъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ графъ Горнъ былъ принужденъ отправиться съ королемъ на два года въ Испанію. Нидерландцы жаловались королю на нарушеніе консультою ихъ правъ и законовъ и убѣдительно просили отозвать кардинала; тѣмъ временемъ Филиппъ совѣщался съ Екатериною Медичи о подавленіи общими силами протестантизма во Франціи и въ Испаніи.

Для достиженія этой цѣли королю казалось необходимымъ содѣйствіе іезуитовъ и инквизиціи. Но, чтобы ввести ихъ въ Нидерланды, было необходимо подчинить королю богатую бельгійскую іерархію, которая доселѣ въ Нидерландахъ, какъ и въ Германіи, была въ рукахъ аристократіи. Папа, въ угоду которому Филиппъ навязалъ нидерландцамъ постановленія тридентскаго собора, помогъ ему достичь этого. Онъ пожаловалъ королю право назначать епископовъ, которыхъ прежде избирали сами капитулы; за это король далъ папѣ право утверждать ихъ назначеніе, бывшее доселѣ излишнимъ. Въ тоже время умноже-

ніемъ числа епархій уничтожили древнее значеніе капитуловъ и разорвали связь бельгійскихъ епископовъ, доселѣ отличающихся фанатизмомъ, съ германскою имперіею и французскою церковью. До Филиппа въ Нидерландахъ было четыре епископства; изъ нихъ сѣверное признавало своимъ митрополитомъ архіепископа кёльнскаго, а Арра, Канбрэ и Турнэ принадлежали къ архіепископству реймскому; вмѣсто нихъ было учреждено четырнадцать епископствъ, а Мехельнъ и Утрехтъ возведены въ архіепископства. Планъ Филиппа и папы клонился къ совершенному измѣненію существовавшихъ отношеній, потому что въ общемъ собраніи чиновъ духовенство занимало первое мѣсто. Послѣ произведенной ими перемѣны главный голосъ долженъ былъ принадлежать не многочисленнымъ, богатымъ, національнымъ и независимымъ аббатамъ, а королевско-папскимъ епископамъ. Многія важныя аббатства были упразднены, другія лишились большей части своихъ доходовъ, отошедшихъ къ новымъ епископствамъ: наконецъ дворянство потеряло возможность прекрасно пристраивать помимо короля своихъ младшихъ сыновей.

Настоятельныя представленія общаго собранія чиновъ, которыя Филиппъ выслушалъ передъ отъѣздомъ своимъ, въ августѣ 1559, остались безплодны, и король еще сильнѣе возненавидѣлъ Вильгельма Молчаливаго. Не смотря на это, принцъ остался намѣстникомъ Голландіи, Зеландіи и Утрехта, гдѣ находились его помѣстья. Эгмонтъ также сохранилъ намѣстничество фламандскихъ областей Фландріи и Артуа; но графъ Горнъ потерялъ Гельдернъ и Цютфенъ. Робертъ Бредероде не получилъ епископство канбрэйское, а храброму Лазарю Швенди было отказано въ мѣстѣ въ государственномъ совѣтѣ. Когда недовольство, господствовавшее всюду, приняло открытый характеръ, лица эти стали во главѣ недовольныхъ. Филиппъ надѣлъ пока, по своему обыкновенію, маску, прикинувшись готовымъ къ уступкамъ, а между тѣмъ съ своимъ Альбой и другими испанцами

началъ искать средствъ сдѣлаться въ Нидерландахъ неограниченнымъ монархомъ.

Съ тѣхъ поръ какъ Филиппъ отозвалъ въ декабрѣ 1560 испанскія войска, вельможи и прочее дворянство стали направлять исключительно противъ Гранвеллы всѣ жалобы, подаваемыя королю и герцогинѣ. Въ 1562 вельможи отважились на весьма смѣлый шагъ. Они объявили намѣстницѣ въ аудіенціи, что рѣшительно отказываются присутствовать въ государственномъ совѣтѣ, пока Гранвелла будетъ членомъ его. Въ началѣ слѣдующаго года они вышли изъ совѣта и даже покинули Брюссель. Тогда король написалъ каждому изъ нихъ особо дружеское письмо съ приглашеніемъ пріѣхать въ Испанію. Однако они не послѣдовали приглашенію и даже склонили тайнаго государственнаго секретаря герцогини, Томаса д'Армантьера, доставить королю въ августѣ 1563 письмо намѣстницы, въ которомъ описывалось положеніе дѣлъ, опасное расположеніе умовъ въ странѣ и излагались причины, заставляющія опасаться общаго возстанія, если не удалятъ Гранвеллу. На это представленіе, сдѣланное самою намѣстницею, король отвѣчалъ уклончиво. Но наконецъ самому Гранвеллѣ пришлось не по силамъ терпѣть долѣе презрѣніе и ненависть дворянства; Филиппъ дозволилъ ему возвратиться въ Испанію. Гранвелла удалился въ мартѣ 1564, послѣ публичнаго позора, нанесеннаго ему вельможами національной партіи, оскорбившими кардинала ливреями своей многочисленной прислуги. Они велѣли вышить на висячихъ рукавахъ, которые тогда носили на мужскихъ кафтанахъ, позади настоящихъ рукавовъ, человѣческую голову и дурацкій колпакъ. Впослѣдствіи этотъ колпакъ, подобно французскому трехцвѣтному знамени, сталъ знакомъ національной партіи; потомъ его замѣнили нищенской сумой, а позднѣе связкою стрѣлъ, ставшею гербомъ Семи Соединенныхъ Провинцій.

Не смотря на все это, Эгмонтъ отважился поѣхать въ Испанію. Король, которому было необходимо внушать нидерландцамъ

Digitized by Google

безпечность, принялъ его дружески, хотя рѣзко выразилъ ему свое неудовольствіе за изобрѣтеніе значковъ партіи. Онъ не воспрепятствовалъ ему возвратиться домой. Глубокое, истинно-восточное притворство Филиппа и его двора совершенно обмануло Эгмонта, который впослѣдствіи поплатился за это головой. Въ 1565 онъ привезъ въ Нидерланды извѣстіе, что король рѣшился дѣйствовать противъ ереси огнемъ и мечемъ, хотя протестантизмъ сдѣлался въ Нидерландахъ, особенно въ сѣверныхъ провинціяхъ, господствующей религіей. По предложенію Эгмонта въ 1565 въ Брюсселѣ собрался государственный совѣтъ, чтобы предложить королю кроткія мѣры для противодѣйствія злу. Это въ высшей степени разсердило короля; отвѣтъ его былъ такъ рѣзокъ, что слѣдовало ожидать всего худаго. Мы не будемъ входить въ разборъ плановъ, составленныхъ въ Байоннѣ при свиданіи испанской королевы съ ея матерью, Екатериною Медичи и братомъ, французскимъ королемъ Карломъ IX. Мы говоримъ лишь о фактахъ. Однако, несомнѣнно, что Екатерина тогда же обѣщала свободный пропускъ войскамъ, которыя Филиппъ намѣревался послать въ Нидерланды. Филиппъ желалъ, чтобы Екатерина также приступила къ истребленію еретиковъ; но она благоразумно уклонилась отъ этого, потому что видѣла злыя намѣренія Филиппа, желавшаго вовлечь ее въ раздоръ съ ея подданными, пока онъ будетъ занятъ въ Нидерландахъ.

По отъѣздѣ Гранвеллы графъ Барлемонъ продолжалъ жестоко преслѣдовать протестантовъ; кромѣ того, не смотря на противодѣйствіе чиновъ и духовенства, постановленія тридентскаго собора были навязаны странѣ, и наконецъ ей грозило введеніе инквизиціи. Поэтому нѣкоторые члены низшаго дворянства заключили въ 1566 союзъ съ цѣлью отстаивать національныя права оружіемъ. Филиппъ де Марнисъ, сеньёръ де Сентъ-Альдегондъ склонилъ девять дворянъ, не занимавшихъ общественныхъ должностей, дать 25 марта 1566 въ Бреда клятвенное обѣщаніе защищать страну оружіемъ противъ инквизиціи и новыхъ законовъ. Актъ, состав-

ленный при этомъ, былъ первымъ шагомъ къ освобожденію семи провинцій; его назвали компромисомъ. Знатныя лица, какъ и слѣдовало ожидать, сперва не подписали его, такъ какъ въ немъ шла рѣчь о насиліи и возмущеніи. Но Генрихъ Бредероде, производившій свой родъ отъ древнихъ графовъ Голландскихъ, грубый братъ Вильгельма Нассаусскаго, Лудовикъ, и господа Арембергъ и Куленбергъ съ апрѣля 1566 безпрестанно приставали съ требованіями къ намѣстницѣ и ея совѣту. Въ то время въ Брюссель прибыло нѣсколько сотъ дворянъ изъ сѣверныхъ провинцій; они шумно предъявили герцогинѣ свои требованія, которыхъ она не могла выполнить. Потомъ они собрались на пирушку въ отелѣ Куленберга, куда къ нимъ пришли Вильгельмъ Оранскій, графъ Эгмонтъ и графъ Горнъ, не имѣвшіе впрочемъ доселѣ съ ними ничего общаго. Въ это время компромисъ былъ уже подписанъ тысячами лицъ, принявшихъ названіе сволочь (gueux), которымъ ихъ выбранилъ графъ Барлемонъ. Дурацкіе колпаки на ливреяхъ стали считаться нищенскими сумами, а голова прежняго знамени была замѣнена кубкомъ.

Гёзы полагали возможнымъ рѣшиться на крайность, потому что всюду уже погибли въ мученіяхъ сотни людей по приказаніямъ сперва Гранвеллы, а потомъ двухъ другихъ фанатиковъ. Правда, протестанты также оскверняли и раззоряли католическія церкви, расхищали священные сосуды, ломали образа и произвели неистовства въ Антверпенѣ. Вильгельмъ, Эгмонтъ, Горнъ и ихъ друзья старались наказывать эти безчинства и вознаграждать причиненный ими убытокъ. Въ это время правительница дозволила графу Бергену онъ Цоомъ и брату Горна, маркизу де Монтиньи, представить королю жалобы нидерландцевъ. Впослѣдствіи, находясь въ Испаніи, они предупреждали своихъ соотечественниковъ о приготовленіяхъ Филиппа и пали первыми жертвами мести короля.

Передъ походомъ герцога Альбы съ своими ветеранами изъ Италіи въ Нидерланды, король послалъ правительницѣ значи-

тельныя суммы для набора пяти пѣхотныхъ полковъ и отряда кавалеріи изъ числа католическихъ валлоновъ и фламандцевъ. При помощи этихъ войскъ, Маргарита стала силою усмирять непокорныхъ и грабителей церквей и монастырей. Тогда Вильгельмъ Оранскій понялъ, что настала минута, когда ему и друзьямъ его слѣдуетъ употребить свои богатства на военныя приготовленія и призвать соотечественниковъ къ оружію противъ испанцевъ, пока они еще не успѣли достигнуть Нидерландовъ. Но Эгмонтъ и Горнъ не послушались его. Они дались въ обманъ, и расположеніе, выказанное имъ Филиппомъ въ Испаніи, до того ослѣпило ихъ, что даже секретное письмо къ правительницѣ, которое показывалъ имъ Вильгельмъ, не открыло имъ глаза. Тогда принцу ничего не оставалось, какъ поберечь самого себя до болѣе удобнаго времени.

Герцогъ Альба отправился черезъ Геную въ Италію, потомъ при содѣйствіи королевы Екатерины и противъ желанія протестантовъ и даже благоразумныхъ католиковъ Франціи совершилъ свой походъ по западнымъ пограничнымъ провинціямъ Франціи; въ августѣ 1567 десять тысячь закаленнаго испанскаго войска прибыли подъ его начальствомъ въ Диденгофенъ въ Люксембургской области. Хотя, повидимому, онъ былъ только главнокомандующимъ арміи, но правительница вскорѣ замѣтила, что онъ имѣетъ неограниченное полномочіе. Онъ назначалъ въ города гарнизоны, губернаторовъ и комендантовъ, строилъ крѣпости и потребовалъ къ отвѣту нидерландскихъ вельможъ. 9 сентября онъ пригласилъ къ себѣ графовъ Эгмонта и Горна, подъ предлогомъ посовѣтоваться съ нимъ о постройкѣ антверпенскихъ укрѣпленій. Они были до того слѣпы, что отправились къ нему и были арестованы. Графъ Нассаусскій и графъ Гоохстратенъ также получили приглашеніе. Филиппъ приказалъ арестовать также нидерландскихъ депутатовъ, бывшихъ еще въ Испаніи, за сношенія съ несчастнымъ сыномъ его, донъ-Карлосомъ, котораго онъ велѣлъ отравить. Графъ Бергенъ онъ

Цоомъ умеръ въ маѣ 1568 въ заключеніи, но даже по смерти его Альба началъ противъ него процессъ, обвинивъ его въ государственной измѣнѣ.

Герцогиня просила короля дозволить ей удалиться изъ Нидерландовъ; она получила дозволеніе и въ началѣ 1568 выѣхала изъ этой страны. Еще до отъѣзда ея Альба началъ свои страшные подвиги; онъ ввелъ испанскую инквизицію и учредилъ кровавый политическій судъ, названный совѣтомъ мятежей. Съ этой минуты религіозная война испанцевъ въ Нидерландахъ вступаетъ въ тѣсную связь съ религіозной войной во Франціи. Поэтому мы остановимся здѣсь, чтобы сдѣлать нѣкоторыя дополненія къ замѣчаніямъ о литературѣ и образованности шестнадцатаго столѣтія, находящимся въ концѣ одиннадцатаго тома.

X. ДОПОЛНЕНІЯ КЪ ЗАМѢЧАНІЯМЪ

О ЛИТЕРАТУРѢ И ОБРАЗОВАННОСТИ ИТАЛЬЯНЦЕВЪ, НѢМЦЕВЪ И ФРАНЦУЗОВЪ ВЪ ШЕСТНАДЦАТОМЪ СТОЛѢТІИ.

1. Общія замѣчанія.

Если бы въ этомъ краткомъ очеркѣ новой исторіи мы хотѣли описать всѣ явленія умственнаго развитія Европы и указать на лучшія произведенія новыхъ авторовъ, то намъ слѣдовало бы уже давно вспомнить объ испанцахъ и португальцахъ и упомянуть о великихъ людяхъ Англіи, создавшихъ, при помощи твореній Юга, тотъ родъ литературы, вѣнцомъ которой были драмы Шекспира. Наша цѣль скромнѣе. Мы хотимъ показать только связь въ ходѣ цивилизаціи трехъ названныхъ націй и, безъ притязаній на полноту, указать на факты, которые считаемъ важными для нашей цѣли. Мы уже говорили о всѣхъ итальянскихъ писателяхъ, почитающихся доселѣ классическими, но намъ необходимо упомянуть и о тѣхъ, которые своимъ вліяніемъ въ Италіи навлекли французовъ и нѣмцевъ на ложный путь. Съ этого ложнаго пути французы выбрались только во второй половинѣ семнадцатаго столѣтія, а нѣмцы лишь въ восемнадцатомъ. Сочиненія по исторіи христіанской церкви, вызванныя цер-

Digitized by Google

ковной реформой и, хотя носившія характеръ полемики, но тѣмъ не менѣе дѣльныя и основанныя на актахъ и документахъ, представляются намъ какъ въ Италіи, такъ и во Франціи, и въ Германіи, одновременно; въ этихъ странахъ были въ тоже время произведены попытки примѣнить классическую ученость къ нравственному и религіозному образованію, но въ Италіи онѣ кончились неудачно. За то въ Германіи, Франціи и даже Англіи мы встрѣчаемъ провозвѣстниковъ свѣта, Петра Павла Вергерія, Петра Мартира Вермильо и Оккино.

О нѣмецкой цивилизаціи шестнадцатаго вѣка приходится сказать немного. Богословская полемика заслоняла здѣсь всѣ полезныя науки, потому что государи и профессоры богословія безъ устали трудились надъ изобрѣтеніемъ догматовъ соглашенія, т. е. старались съ точностью опредѣлить, что именно долженъ думать каждый о религіозныхъ предметахъ, чтобы не нарушать единства церкви. Наиболѣе усердствовали на этомъ поприщѣ тюбингенскіе и виттенбергскіе богословы. Въ Саксоніи всѣ, усвоившіе себѣ классическое образованіе женевскихъ и гейдельбергскихъ ученыхъ, подвергались преслѣдованіямъ, какъ тайные кальвинисты, и сотни священниковъ и учителей лишились должностей и были изгнаны изъ страны.

2. Италія.

а. Наука, искуство и поэзія, какъ роскошь при италіанскихъ дворахъ.

О заслугахъ дома Меднчи историки наговорили много лестнаго. Этимъ историкамъ очень нравится также искуственное процвѣтаніе наукъ и искусствъ, подобно экзотическимъ растеніямъ, среди нравственнаго упадка общества. Ватиканская библіотека (т. IX стр. 426—27) была въ этомъ столѣтіи первой въ Европѣ. Хотя въ періодъ отъ Юлія II до Сикста V ею то занимались,

то пренебрегали, но число манускриптовъ постоянно возрастало. При Львѣ X Садолетъ, Бембо и Іоаннъ Ласкарисъ выказывали похвальную дѣятельность, собирая сочиненія, а Бороальдъ Младшій былъ долгое время смотрителемъ библіотеки; всѣ они равно поклонялись древности. Послѣ ватиканской библіотеки главной была библіотека Медичи (т. IX стр. 425). Она была перенесена изъ Флоренціи въ Римъ, а оттуда обратно во Флоренцію, гдѣ ее увеличили съ большими пожертвованіями. Библіотека св. Марка въ Венеціи, съ которой была соединена библіотека кардинала Бессаріона (т. IX стр. 427), была переведена въ 1529 въ новое зданіе. Въ Туринѣ въ шестнадцатомъ столѣтіи герой Эммануилъ Филибертъ завелъ великолѣпную библіотеку и галлерею. Городъ Урбино также получилъ въ подарокъ отъ послѣдняго герцога Урбинскаго драгоцѣнную библіотеку. Наконецъ въ Моденѣ была вновь устроена бывшая библіотека Эсте.

Искуствъ мы не намѣрены касаться. Замѣтимъ только, что царствованіе Льва X было для искуства золотымъ вѣкомъ; въ это время жили Полидоръ Караваджіо, Рафаэль и Микель Анджело Буонаротти; послѣдніе, подобно Леонардо да Винчи, жившему въ предидущемъ вѣкѣ въ Миланѣ, были не только художники, но и поэты. Тиціанъ пріобрѣлъ славу въ Венеціи. Джіованни д'Удино и Прино дель Вега работали съ Рафаэлемъ въ Ватиканѣ. Чтобы окончить колоссальную постройку собора Петра и Павла, папа Левъ X, во вредъ духовной власти Рима, наложить контрибуцію на весь христіанскій міръ. Въ сооруженіи этого храма участвовали всѣ лучшіе архитекторы того времени, какъ то Браманте, Бальдассаре Перуцци, Рафаэль, Джуліо Романо и Микель Анджело Буонаротти. Медичи, начиная съ Косьмы Старшаго, покровительствовали искуствамъ и художникамъ. Изъ Эсте искуства поощряли преимущественно кардиналъ Ипполитъ д'Эсте и герцоги Геркулесъ II и Альфонсъ II, способствовавшіе также развитію политическихъ наукъ. Но Гонзага Мантуан-

скіе оказывали помощь тѣмъ наукамъ, которыя приносятъ человѣку прямую пользу, т. е. естествознанію, математикѣ и физикѣ.

Въ одинадцатомъ томѣ (стр. 420—23) мы уже замѣтили касательно поэзіи, что Тассо во многихъ мѣстахъ Освобожденнаго Іерусалима отдаетъ предпочтеніе слабому передъ энергическимъ, искуственному передъ естественнымъ и мелодраматическому передъ эпическимъ; своими пасторальными стихотвореніями онъ также повредилъ чистотѣ итальянскаго вкуса, какъ Гесснеръ своими идилліями—нѣмецкому, и причиною этого было то, что оба они въ совершенствѣ владѣли языкомъ и формою. Критика стихотвореній Тассо — не наше дѣло; мы хотимъ только показать, какимъ образомъ Тассо сдѣлался творцомъ ложной реторической и педантичной поэзіи, господствовавшей послѣ него въ Италіи, и отъ которой нѣмцы освободились съ такимъ трудомъ только въ восемнадцатомъ столѣтіи. Въ знаменитомъ пасторальномъ стихотвореніи Тассо, Аминтѣ, гдѣ герой — внукъ Пана, а героиня — дочь лѣснаго бога, замѣтно вліяніе напыщеннаго ритора и трагика Сенеки. Послѣ Тассо, другіе пасторальные поэты, слѣдуя ему, превзошли его въ искуственномъ искаженіи природы.

Предшественникомъ Тассо въ этомъ отношеніи былъ неаполитанецъ Саннацаро, родившійся еще въ 1458; необыкновенный успѣхъ, которымъ онъ пользовался въ шестнадцатомъ столѣтіи въ массѣ, особенно же между классически образованными людьми того времени, лучше всего показываетъ, что пониманіе творческой поэзіи было уже утрачено, и общество требовало искуственной. Саннацаро прославился сперва латинскими стихами; онъ лучшій изъ подражателей Горація. Знатоковъ древности онъ поразилъ своимъ искуствомъ подражать древнимъ формамъ и своимъ знаніемъ древняго языка; иначе они не стали бы такъ хвалить его стихотвореніе о родахъ Пречистой Дѣвы (de partu virginis). Бартъ, Мануцій, Сци-

Digitized by Google

піонъ, Гентилисъ, даже Скалижеръ говорятъ, что стихотвореніе это одно изъ удивительнѣйшихъ поэтическихъ произведеній, которыя когда либо являлись со временъ великихъ языческихъ поэтовъ. Стихотворенія Саннацаро и сочиненія кардинала Садолета доказываютъ, какія вольности могли позволять себѣ въ то время писатели, если общій характеръ ихъ произведеній не былъ враждебенъ церкви. Въ одномъ изъ своихъ посланій кардиналъ позволялъ себѣ говорить, что „святому духу и ему вздумалось (visum est spiritui sancto et mihi) написать это посланіе"; Саннацаро же въ эпосѣ своемъ о рожденіи Спасителя нигдѣ не называетъ Христа Іисусомъ, потому что имя это не латинское; далѣе, онъ окружаетъ его дріадами и нереидами и, такъ какъ слово пророкъ было неизвѣстно римлянамъ, то замѣняетъ его протеемъ и называетъ Марію надеждою боговъ, spes deorum. Итальянское стихотвореніе Саннацаро, Аркадія, написанное въ прозѣ и стихахъ, выдержало вслѣдъ за появленіемъ своимъ (1534) шестнадцать изданій, что лучше всего доказываетъ, какой вредъ наносила уже тогда ученость вкусу. Въ то время всѣ дворы благоговѣли передъ итальянской модой и политикой; поэтому расположеніе къ искуственной естественности и къ историческимъ преувеличеніямъ охватило всю европейскую аристократію.

Мы не будемъ перечислять всѣхъ поэтовъ, содѣйствовавшихъ этому, потому что большею частію они потеряли все свое значеніе; поэтому мы умолчимъ о Кіабрерѣ и Руджіери, а упомянемъ только о Гварини и рыцарѣ Марино, такъ какъ первый господствовалъ въ Италіи съ 1580 по 1613, а второй перенесъ испорченность вкуса во Францію. „Вѣрный пастушокъ" (Pastor fido) Гварини явился въ 1580, и весь свѣтъ удивлялся его стихотворенію, какъ образцовому произведенію, хотя въ немъ больше учености, чѣмъ поэзіи. Итальянцы называютъ эту книгу трагикомедіей и имѣютъ цѣлую литературу за и противъ нея; въ сущности же это весьма посредственный

разсказъ объ обыкновенныхъ придворныхъ любовныхъ интригахъ, облеченный въ легкую и изящную форму и отличающійся приличнымъ тономъ. Предметъ разсказа несовмѣстенъ съ простотою пастушескаго быта, служащаго ему канвою; но въ стихотвореніи Гварини, которое читается до сихъ поръ, нѣтъ напыщенности Марино. Въ авторѣ виденъ скорѣе ученый, чѣмъ поэтъ. Онъ отдавалъ свое произведеніе на просмотръ своимъ ученымъ друзьямъ и исправлялъ его по ихъ указаніямъ.

Кавалеръ Марино былъ призванъ во Францію первой супругой Генриха IV, Маргаритою де Валуа, и впослѣдствіи пользовался милостями второй жены этого короля, Маріи Медичи. Многочисленныя произведенія его, распространенныя дворомъ и написанныя всѣ въ пасторальномъ родѣ, совершенно испортили вкусъ публики утрированною образностью и безсмысленными метафорами (какъ напр. извѣстное sudano i fuochi a preparar metalli). Когда вкусъ этотъ пришелъ въ упадокъ во Франціи, Логенштейнъ и Гофмансвальдау пробудили его въ Германіи, гдѣ онъ господствовалъ до половины восемнадцатаго столѣтія, когда Готшедъ наконецъ уничтожилъ его. Мы не станемъ входить въ подробности жизни Марино и въ разборъ его неестественной поэзіи. Скажемъ лишь нѣсколько словъ о главномъ произведеніи его. Эта странная идиллія есть эпопея объ Адонисѣ; она состоитъ изъ 20 книгъ или пѣсенъ въ ottave rime, такъ что въ пяти тысячахъ ста восьмидесяти четырехъ стансахъ ея заключается до сорока одной тысячи четырехъсотъ сорока восьми стиховъ.

b. Попытки итальянцевъ примѣнить науки древнихъ къ богословскимъ.

Попытки примѣнить къ богословскимъ вопросамъ филологическую и философскую критику по многимъ причинамъ не могли имѣть успѣха въ Италіи, гдѣ правительства строго

Digitized by Google

гдѣ искуство и поэзія имѣли на общество болѣе вліянія, чѣмъ нравственное ученіе. Но символика и обрядность, порицаемыя впрочемъ лучшей частью духовенства, успѣли до того привязать народъ къ древнему культу, что ученіе, проповѣдуемое въ Германіи и въ Женевѣ, не могло найти себѣ доступъ въ Италію. Тѣмъ не менѣе были попытки провести его; мы должны упомянуть о нихъ, такъ какъ люди, предпринимавшіе ихъ, дѣйствовали успѣшнѣе за Альпами, чѣмъ на родинѣ.

Павійскій книгопродавецъ Кальви привезъ изъ Базеля много экземпляровъ сочиненій Лютера. Кальвинъ лично жилъ нѣкоторое время въ Феррарѣ, и его катихизисъ, хотя безъ обозначенія имени автора, былъ напечатанъ на итальянскомъ языкѣ. Была также издана догматика Меланхтона (loci theologici) *). Одинъ луккскій аббатъ сдѣлалъ попытку учредить въ Луккѣ богословскую школу по нѣмецкимъ образцамъ. Попытка эта конечно не имѣла успѣха. Учители этой школы, благородный аббатъ Петръ Мартиръ Вермильо, Мартиненги и Павелъ Лачицци, были принуждены покинуть Италію. Генералъ ордена капуциновъ Оккино также удалился въ 1542 изъ отечества, пожертвовавъ своимъ убѣжденіямъ всѣми матеріальными выгодами. Они были профессорами въ Страсбургѣ, а когда по смерти Генриха VIII въ Англіи началась настоящая, а не мнимая, какъ прежде, проповѣдь Евангелія—Оккино и Петръ Мартиръ отправились туда и учили въ обоихъ университетахъ Англіи. Преслѣдованія, воздвигнутыя королевой Маріей на протестантовъ, принудили ихъ возвратиться на континентъ. Петръ Мартиръ остался въ Страсбургѣ, а Оккино, желавшій идти въ преобразованіяхъ далѣе Лютера и Кальвина, под-

*) По итальянски она озаглавлена: I principii della theologia d' Ippofilo da terra negra.

вергся со стороны ихъ такимъ же горячимъ гоненіямъ, какъ и со стороны котоликовъ. Здѣсь не мѣсто говорить о его ложныхъ воззрѣніяхъ. Преслѣдованія, которымъ онъ подвергался, были, конечно, несправедливы. Діалоги о спорныхъ пунктахъ (dialoghi), написанныя имъ по итальянски и превосходно переведенныя на латинскій языкъ однимъ итальянскимъ ученымъ Касталіо въ 1563, котораго протестанты также преслѣдовали, возбудили ярость Теодора де Беза, наслѣдовавшаго папскую власть Кальвина. По настоянію Беза бѣдняка изгнали сначала изъ Цюриха, а потомъ, въ суровую зиму, принудили удалиться изъ Базеля. Тогда Оккино отправился въ Польшу, гдѣ въ то время была полная вѣротерпимость. Но папскій нунцій кардиналъ Коммендоне и здѣсь опуталъ его сѣтями и происками своими и принудилъ покинуть Польшу. На пути оттуда Оккино умеръ въ Моравіи. Петръ Павелъ Вергеріо, посланный папой Клементомъ VII на богословской диспутъ съ Лютеромъ, подвергся подозрѣнію за безпристрастіе, обнаруженное имъ въ этомъ дѣлѣ. Вергеріо былъ адвокатъ и профессоръ права въ Падуѣ; впослѣдствіи папа Павелъ III снова посылалъ его въ Германію и сдѣлалъ епископомъ Капо д'Истріи; но по настоянію обскурантовъ папа вызвалъ его въ Римъ къ отвѣту за враждебное отношеніе къ монашеству. Вергеріо аппелировалъ на папу Тридентскому собору и, когда соборъ не принялъ аппеляціи, сдѣлался протестантомъ. Впрочемъ онъ былъ болѣе беллетристъ, чѣмъ богословъ.

Въ то время бернцы соперничали въ нетерпимости съ женевцами и казнили Гентиля за нечестіе; поэтому тѣ итальянскіе ученые, которые не соглашались съ ними въ ихъ воззрѣніяхъ были принуждены основать свои общины въ Польшѣ, Венгріи и Трансильваніи. Членовъ этихъ общинъ называли социніанами, потому что основателями ихъ были Лелій Социнъ и племянникъ его, Фаустъ Социнъ. Устрашенный казнью Гентилиса, Лелій не высказывалъ своихъ убѣжденій; но сочиненія

Фауста и его друзей были напечатаны въ многочисленныхъ фоліантахъ (Bibliotheca fratrum Polonorum).

3. Германія и Италія.

а. Исторія Церкви.

Борьба религіозныхъ партій вызвала въ XVI вѣкѣ не только перебранки и руготню, но и научный взглядъ на исторію церкви, независимый отъ личныхъ воззрѣній автора, вытекавшій изъ источниковъ и совершенно чуждый прежнимъ вѣкамъ. Такъ какъ въ спорѣ о правахъ церкви протестанты и католики равно придавали значеніе авторитету церковныхъ писателей и отцевъ церкви и буквальному смыслу священнаго писанія, то критическій взглядъ на нихъ получилъ огромную важность. Всѣ источники для исторіи церкви находились въ рукахъ католиковъ. Поэтому германскіе протестанты рѣшились изложить результаты своихъ изслѣдованій о христіанствѣ прежнихъ столѣтій въ большомъ сочиненіи, редакція котораго была возложена на Флація Иллирика. Онъ всюду собиралъ совѣты и матеріалы для этого сочиненія. Ему содѣйствовали Вигандъ, Юдексъ, Фаберъ и Корвинъ. Сначала редакція находилась въ Магдебургѣ, вслѣдствіе чего сочиненіе получило названіе Centuriae Magdeburgenses. Потомъ она была переведена въ Висмаръ. Кромѣ редакторовъ въ сочиненіи этомъ принимали участіе много сотрудниковъ. Было написано тринадцать центурій, которыя вышли въ такомъ же числѣ фоліановъ *). Вигандъ

*) Ecclesiastica historia etc. congesta per aliquot studiosos et pios viros in urbe Magdeburgica 1559 — 1574, 13 vol. Оно было впослѣдствіи издано съ измѣненіями per Ludov. Lucium, Basileae 1624, 3 vol. Всего извѣстнѣе компиляція Лукаса Озіандера: Osiandri Epitome historiae ecclesiasticae centuriae XVI, Tubingae, 1592—1604 въ 9 квадрантахъ. Фюртеръ перевелъ его на нѣмецкій языкъ.

написалъ продолженіе, исторію пятнадцатаго и шестнадцатаго столѣтій, но оно почему то неиздано.

Со времени своего появленія сочиненіе это служило арсеналомъ для всѣхъ защищавшихъ ту форму христіанскаго ученія и церкви, какую хотѣли дать имъ протестанты. Поэтому католикамъ было необходимо противопоставить исторіи исторію же. Хотя противъ центурій нѣмецкихъ еретиковъ возстали многіе ученые итальянцы, въ томъ числѣ яростный врагъ еретиковъ, Джироламо Муціо, но успѣха не было. Муціо несравненно лучше ругался, чѣмъ доказывалъ, какъ свидѣтельствуютъ его сочиненія противъ Оккино и Вергеріо. Произведеніе, изданное имъ въ двухъ томахъ въ 1570 противъ двухъ центурій германскихъ ученыхъ, также подтвердило это. Впрочемъ онъ и самъ сознавалъ, что оружіе его очень тупо; Италія, бывшая тогда главнымъ центромъ классической учености, понимала это еще лучше. Это побудило кардинала Бароніія противопоставить протестантской церковной исторіи церковнополитическую исторію, написанную вполнѣ въ духѣ папской церкви и подкрѣпленную источниками. Трудомъ этимъ занималось множество народа. Съ 1568 кардиналъ съ цѣлою арміею ученыхъ занимался пересмотромъ актовъ не только ватиканскихъ, но всѣхъ церквей Европы; акты эти были приложены въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ съ большимъ выборомъ къ сочиненію кардинала, написанному прекраснымъ латинскимъ языкомъ; оно носило заглавіей лѣтописей (annales) папской церкви. Трудъ этотъ, доведенный до 1498 года, былъ напечатанъ въ двѣнадцати томахъ in folio съ 1588 по 1607. Кардиналъ писалъ все самъ въ теченіи сорока лѣтъ. По гречески Бароній не зналъ; поэтому Муціо, о которомъ онъ часто упоминаетъ, переводилъ ему съ греческаго. Передъ смертію Бароній приготовилъ еще три тома продолженія. Они были переданы кардиналу Райнальду, который довелъ исторію до 1565 года, и продолженіе это вышло въ десяти фоліантахъ съ 1645 по 1677.

Digitized by Google

Ладерки написалъ исторію слѣдующихъ годовъ до 1572, а послѣ него Анри де Спондъ или Спонданъ до 1640. Другое продолженіе написалъ въ восьми фоліантахъ полякъ Бзовій.

Сочиненіе это важно не только какъ сборникъ, но и потому, что даетъ возможность доказать собственными словами кардинала, какія пошлости и наивныя глупости защищали во вредъ собственной церкви, такіе ученые люди, какъ Бароній. Безъ такого явнаго доказательства это казалось бы невѣроятнымъ. Одинъ умный монахъ Паджи понялъ это. Онъ критически разобралъ анналы шагъ за шагомъ, собралъ множество очень важныхъ историческихъ памятниковъ и возстановилъ съ изумительной точностью хронологію. Трудъ Паджи имѣетъ, по нашему мнѣнію, не много равныхъ себѣ по оцѣнкѣ источниковъ и здравому взгляду. Онъ занимаетъ золотую середину между односторонностью протестантскихъ профессоровъ и крайностью папскихъ кардиналовъ семнадцатаго столѣтія. Изданія Баронія доселѣ сопровождаются многотомною критикою Паджи, вслѣдствіе чего изданіе Манси занимаетъ множество фоліантовъ *).

Иного рода была заслуга Фра Паоло Сарпи. Труды, о которыхъ мы доселѣ говорили, суть сборники; въ нихъ всюду видна полемическая цѣль авторовъ защитить ученіе и учрежденіе своей церкви отъ нападокъ приверженцевъ противной. Сарпи же, напротивъ, не заботился о догматахъ, имѣя исключительно въ виду защитить права епископовъ и свѣтскихъ властей отъ притязаній папъ. Сарпи принадлежитъ къ числу весьма рѣдкихъ людей, одаренныхъ замѣчательными способностями къ всевозможнымъ наукамъ. Примѣромъ можетъ служить то, что долгое время ему приписывали открытіе закона кровообращенія. Его открытія въ оптикѣ, физикѣ, химіи и высшей

---

*) Baronii Annales cum continuatione Raynaldi et critica Pagii edidit Mansi, Luccae, 1738—1758, 35 voll, in folio.

математикѣ неоспоримы. Кромѣ того онъ превосходно зналъ латинскій, греческій, еврейскій и халдейскій языки. Мы не можемъ говорить здѣсь о Сарпи, какъ о политическомъ писателѣ и защитникѣ основаній венеціанской церкви противъ папы, хотя дѣятельность его въ этомъ отношеніи весьма замѣчательна; мы говоримъ о немъ только какъ объ авторѣ исторіи Тридентскаго собора (Storia del concilio Tridentino), изданной имъ подъ псевдонимомъ Петра Соаве Полано, (анаграма Паоло Сарпи). Хотя онъ былъ богословомъ и государственнымъ совѣтникомъ могущественной венеціанской республики, но въ Италіи не отважились напечатать эту книгу. Маркъ Антоніо де Доминисъ взялъ ее въ Лондонъ, гдѣ она вышла въ 1619. Въ 1629 она была вновь издана Діодати въ Женевѣ. Слогъ Сарпи не такъ рабски классиченъ, какъ слогъ Макіавелли, или, другими словами, онъ скорѣе итальянскій, чѣмъ римскій; онъ не такъ растянутъ, не такъ французски — ясенъ, какъ языкъ Давилы; наконецъ, онъ не такъ риторически труденъ, какъ слогъ Гвиччіардини съ его изумительно искуснымъ построеніемъ безконечно длинныхъ періодовъ. Сарпи рѣдко возвышается до ораторскаго пафоса; но онъ убѣждаетъ спокойнымъ, умнымъ изложеніемъ и правдивостью фактовъ. Сарпи далекъ отъ смѣлости Давилы, который знаетъ всѣ мотивы поступковъ, разоблачаетъ всѣ тайны и подробно разсказываетъ о самыхъ секретныхъ совѣщаніяхъ. Сарпи пишетъ съ достоинствомъ, правильно и не приводитъ, подобно Давилѣ, на каждой страницѣ анекдоты. За то видно, что онъ пишетъ не для удовольствія читателей, а для истины, и историческіе факты всегда оправдываютъ его. Сарпи, какъ Лессингъ, представляетъ удивительный примѣръ такого умѣнія излагать богословскіе предметы, что они становятся увлекательными для каждаго образованнаго человѣка. Однако и онъ не свободенъ отъ извѣстнаго недостатка прагматическихъ историковъ, особенно французскихъ и итальянскихъ, разсказывать не только о томъ, какъ возникли со-

бытія и какъ они развивались, но и о томъ, какъ они зарождались и подготовлялись. По свидѣтельству всѣхъ современниковъ, кромѣ іезуитовъ, Сарпи своими сочиненіями и жизнью доказалъ, чѣмъ можетъ быть человѣкъ, вполнѣ преданный католицизму, хотя и не признающій позднѣйшихъ папскихъ выдумокъ. Придерживаясь въ религіи и въ политикѣ золотой середины, онъ, подобно нынѣшнимъ умѣреннымъ людямъ, подвергался ожесточеннымъ нападкамъ обоихъ крайнихъ лагерей. То его находили не довольно вѣрующимъ, то обвиняли въ макіавелевскихъ тосканизмахъ не только въ построеніи періодовъ, но и въ политическихъ мнѣніяхъ. Читатели Давилы находили его слишкомъ серьезнымъ, строгимъ и нравоучительнымъ; но число такихъ людей было, конечно больше числа тѣхъ, которые любятъ серьезный взглядъ на важнѣйшія явленія человѣческаго общества и предпочитаютъ истинную религіозность внѣшнимъ формальностямъ и церемоніямъ.

b. Германская поэзія и исторія въ шестнадцатомъ столѣтіи.

Германская поэзія шестнадцатаго столѣтія отдѣляется отъ поэзіи восемнадцатаго вѣка такой бездной, что, говоря только объ общемъ ходѣ европейской цивилизаціи, достаточно сказать о ней нѣсколько словъ. Многіе патріотическіе и религіозные нѣмцы, изучавшіе лучше насъ германскій языкъ и литературу этого столѣтія, съумѣютъ лучше насъ разсказать обо всемъ этомъ тѣмъ, кто изъ патріотизма и пристрастія ко всему туземному желаетъ познакомиться съ поэзіей и исторіографіей этого времени. Поэтому мы хотѣли дать только краткія замѣтки о собственно народной литературѣ, исключивъ изъ этого обзора богословіе и полемику, и обратить вниманіе особенно на реальныя или точныя науки. Онѣ тѣмъ важнѣе для насъ, что въ слѣдующемъ столѣтіи намъ придется говорить весьма подробно о величайшемъ генія Германіи, Кеплерѣ, котораго неблагодарные потомки часто ставятъ слишкомъ ниже Ньютона.

Стихотворное искуство создавалось частью такъ называемыми мейстерзенгерами въ духѣ добрыхъ, честныхъ, благочестивыхъ, домовитыхъ и бережливыхъ людей, но не гражданъ. Частью же оно слѣдовало религіозному, а также сатирическому направленію. Изъ мейстерзенгеровъ нюрибергскій Гансъ Саксъ достигъ, какъ извѣстно, громкой славы не только между своими современниками, но и между позднѣйшими потомками; стихотворенія его недавно снова изданы. Гансъ Саксъ былъ главою школы и вѣнцомъ мейстерзенгеровъ, хотя, подобно великому Кеплеру, былъ въ глубокой старости покинутъ современниками въ нуждѣ и лишеніяхъ. Стихи Сакса такъ удобопонятны и читаются такъ легко, что каждый читатель можетъ составить о нихъ понятіе при бѣгломъ взглядѣ на его произведенія.

Нѣмецкія духовныя стихотворенія и особенно церковныя пѣсни, значительно возвысившіяся со временъ Лютера, нашли себѣ геніальныхъ дѣятелей только въ восемнадцатомъ столѣтіи. Сатирическія же произведенія, какъ Тилль Эйленшпіель, Рейнеке Лисъ, Корабль Дураковъ и другія писались не для образованныхъ классовъ, а для бюргеровъ. Мы уже говорили о нихъ (т. IX стр. 401). Каково было остроуміе нѣкоторыхъ изъ нихъ, можно судить потому, что переводчикъ непристойностей Рабле, Фишартъ, воспѣлъ травлю блохъ. О Ролленгагенѣ, описавшемъ въ стихахъ войну мышей съ лягушками, также нельзя сказать, чтобы онъ очистилъ вкусъ публики или способствовалъ успѣхамъ образованія. Его шуточное стихотвореніе имѣетъ размѣры Иліады: въ немъ не менѣе десяти тысячъ очень тяжелыхъ стиховъ.

Нѣмецкіе романы шестнадцатаго столѣтія имѣютъ передъ романами XVII вѣка преимущество оригинальности. Мы назовемъ только „Легенду и исторію о рыцарѣ, господинѣ Поликарпѣ,“ и другой, очень распространенный въ то время въ народѣ „веселый и забавный Лаленбургъ или чудесныя Шильтбург-

скія исторіи". Замѣчательны также два описанія путешествій, одно въ прозѣ, другое въ стихахъ; впрочемъ послѣднее было напечатано только въ восемнадцатомъ столѣтіи въ прибавленіи къ Ангальтской исторіи Бекмана. Это „описаніе путешествія по Нидерландамъ, Англіи, Франціи и Италіи Лудвига князя Ангальтъ-Кётенскаго, переложенное имъ самимъ на нѣмецкіе стихи". Другое путешествіе на востокъ Ганса Брейнинга фонъ-ундъ-цу-Бурхенбахъ, совершенное въ 1579, было издано въ Страсбургѣ въ 1612.

Съ перваго взгляда видно, что всѣ эти сочиненія не могли имѣть ни эстетическаго, ни статистическаго, ни историческаго значенія, принадлежавшаго классическимъ, объяснявшимся въ школахъ, и итальянскимъ, читавшимся высшимъ обществомъ. Поэтому мы указали только заглавія нѣкоторыхъ книгъ; онѣ свидѣтельствуютъ, что та часть нѣмецкаго общества, которая не получала образованія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, весьма отстала по развитію отъ другихъ націй германскаго происхожденія.

Два нидерландца оставили записки о событіяхъ своего времени, особенно о дѣлахъ въ Германіи; ихъ можно было бы сравнить съ лучшими записками французовъ, если бы онѣ не были написаны по латыни. Авторомъ первыхъ былъ Губертъ Люттихскій, сопровождавшій курфирста Фридриха II Пфальцскаго, еще при жизни его брата, во всѣхъ его путешествіяхъ; впослѣдствіи въ Гейдельбергѣ онъ описалъ его жизнь. Книга интересна и хорошо написана; она даетъ весьма полное понятіе о жизни и занятіяхъ высшихъ классовъ Испаніи, Франціи и Германіи. Недавно она была издана по нѣмецки, и кромѣ того ею превосходно воспользовался Гейссеръ въ своей исторіи Пфальца.

Автору другихъ записокъ мы обязаны драгоцѣнными свѣдѣніями касательно турецкой исторіи и французской религіозной войны. Писатель этотъ Оже Жиленъ де Бусбекъ оказалъ важныя услуги тремъ императорамъ — Фердинанду I, Макси-

миліану II и Рудольфу II въ качествѣ посланника и ученаго въ политикѣ и наукахъ, которыми Рудольфъ II занимался съ большимъ прилежаніемъ и успѣхомъ, чѣмъ дѣлами своего государства. Бусбекъ дважды ѣздилъ на востокъ по порученіямъ этихъ императоровъ. Въ первое путешествіе онъ доѣхалъ до Амазіи, такъ какъ во время пріѣзда его въ Константинополь султанъ Солиманъ II находился въ этой отдаленной черноморской мѣстности. Онъ имѣлъ порученіе остаться въ Константинополѣ въ качествѣ посланника, но немедленно вернулся въ Вѣну съ письмомъ султана, такъ какъ Солиманъ соглашался только на шестимѣсячное перемиріе. Второе путешествіе въ Турцію Бусбекъ предпринялъ по порученію Максимиліана II. На этотъ разъ онъ былъ счастливѣе, добился 8 лѣтняго перемирія, пробылъ въ Константинополѣ болѣе семи лѣтъ и, по уничтоженіи флота молодаго Дорія и герцога Медина Селн, могъ оказать важныя услуги плѣннымъ христіанамъ. (стр. 414)

Бусбекъ первый объяснилъ анцирскій памятникъ, въ высшей степени важный для древней римской исторіи и занимавшій ученыхъ отъ Грутера до Фридриха Августа Вольфа. Кромѣ того онъ пріобрѣлъ заслуги въ отношеніи императорскихъ музеевъ и библіотеки, обогативъ ее многими манускриптами, а гербаріи императора и ботаника Маттіоли — высушенными экземплярами растеній. Онъ привезъ также живыхъ звѣрей, чучела и изображенія животныхъ и растеній, сдѣланныя живописцами, которыхъ держалъ при себѣ.

Но все это не такъ важно. Бусбекъ замѣчателенъ преимущественно какъ проницательный и умный наблюдатель турокъ во время высшаго процвѣтанія ихъ государства и какъ современникъ предпріятій Піале въ Средиземномъ морѣ (стр. 412). Депеши его даютъ отчетъ о всемъ, что онъ видѣлъ во время своего путешествія и пребыванія въ Константинополѣ, касательно религіи, обычаевъ и арміи турокъ. Депеши эти и теперь еще можно читать съ пользой и удовольствіемъ. При Рудольфѣ II Бусбекъ отпра-

вился посланникомъ въ Парижъ, чтобы помогать въ религіозной войнѣ своими совѣтами дочери Максимиліана II, женѣ Карла IX, Елисаветѣ. Во время этой войны онъ написалъ пятьдесятъ три депеши, большею частью краткихъ, но въ историческомъ отношеніи очень полезныхъ и относящихся къ семидесятымъ годамъ XVI столѣтія. Депеши Бусбека были напечатаны еще въ шестнадцатомъ столѣтіи, но въ 1740 перепечатаны въ Базелѣ.*

Рекомендуемъ особенно четвертое письмо Бусбека, гдѣ онъ отдаетъ отчетъ о пребываніи своемъ въ Константинополѣ и описываетъ впечатлѣніе, произведенное въ столицѣ турецкой имперіи предпріятіемъ герцога Медина Сели и Джіованни Андреа Доріа. Онъ изображаетъ сначала ужасъ, возбужденный въ Константинополѣ разсказами о силѣ и многочисленности испанской арміи и флота, а затѣмъ гордость, явившуюся при извѣстіи о побѣдѣ и которую пришлось почувствовать даже людямъ Бусбека, хотя дѣло это ни мало ихъ не касалось; тѣмъ не менѣе они подверглись оскорбленіямъ черни. „Народъ, говоритъ Бусбекъ, устремился къ моему дому и спрашивалъ моихъ людей, нѣтъ ли у кого нибудь изъ нихъ брата или знакомыхъ въ арміи христіанъ, потому что, если есть, то скоро придется съ ними увидѣться.“ Далѣе онъ описываетъ страданія Альваро де Саиди и его небольшаго отряда, осажденнаго на островѣ Джербе, при страшномъ недостаткѣ воды; затѣмъ онъ пишетъ о контрастѣ, который представляло спокойствіе Солимана среди всеобщей суматохи. Бусбекъ говоритъ, что видѣлъ султана на другой день послѣ тріумфальнаго въѣзда Піале, когда Солиманъ шелъ въ мечеть,

---

*) Augerii Gislenii Busbequii omnia quae extant: 1) Legationis turcicae epistolae quatuor, 2) Exclamatio sive de re militari contra Turcam instituenda consilium, 3) Solimanni Ipm. ad Ferdinandum Caesarem legatio 1562, 4) Busbequii legationis Gallicae ad Rudolfum II Imperatorem epistolae LIII. Basileae, 1740, 8, 556 страницъ.

Digitized by Google

и утверждаетъ, что въ гордыхъ чертахъ султана не было замѣтно ни малѣйшаго слѣда радости *). Главное знамя испанцевъ попало въ руки одного турецкаго офицера, который хотѣлъ представить его султану; Бусбекъ сердечно радуется, что ему удалось вымѣнять на двѣ шолковыя одежды это славное знамя Карла V **). Затѣмъ онъ обстоятельно разсказываетъ объ участи важныхъ плѣнниковъ и говоритъ, что считалъ своимъ долгомъ помочь имъ сколько могъ ***). Такъ какъ при этомъ Бусбекъ вдается въ подробности, то изъ словъ его лучше всего можно видѣть, что турецкія войны, которыя такъ долго опустошали Европу, совершенно уподоблялись нападеніямъ дикихъ звѣрей. Войны эти, какъ доказываетъ разсказъ Бусбека, были для цивилизаціи гораздо вреднѣе, чѣмъ вторженія германскихъ народовъ въ Римскую имперію, потому что германцы принимали цивилизацію, а турки нѣтъ.

c. Прогрессъ реальныхъ или точныхъ наукъ въ Германіи въ шестнадцатомъ столѣтіи.

Мы уже упоминали мимоходомъ (т. XI. стр. 441) о заслугахъ въ географіи, математикѣ и астрономіи Регіомонтана, Штефлера, Себастіана Мюнстера и другихъ нѣмецкихъ ученыхъ. Намъ слѣдуетъ сказать теперь о другихъ замѣчательныхъ людяхъ, проложившихъ дорогу великому Кеплеру. Этотъ ученый, забытый своими соотечественниками, былъ въ слѣдующемъ вѣкѣ

---

*) Eadem erat frontis severitas et tristitia, paene ac si nihil victoria ad eum pertineret, nihil novum et inexspectatum contigisset. Tam capax in illo sene quantaevis fortunae pectus, tam confidens animus, ut tantam gratulationem fere immotus acciperet.

**) Sic cavi, ne carissima Caroli quinti insigna ad aeternam ejus cladis memoriam apud hostem remanerent.

***) Putavi mearum esse partium, non deesse eorum miseriis.

творцомъ новой астрономіи. Онъ открылъ природу небесныхъ тѣлъ и законы ихъ движеній, впослѣдствіи лишь развитые и обнародованные Ньютономъ.

Всѣ астрономы среднихъ вѣковъ и начала новаго времени слѣдовали относительно небесныхъ явленій и ихъ измѣненій такъ называемой Птолемеевой системѣ. По мнѣнію ихъ центръ нашей планетной системы не солнце, а земля. Наконецъ одинъ польскій ученый шестнадцатаго столѣтія доказалъ, что доселѣ люди совершенно не понимали явленій, ежедневно происходящихъ на небѣ. Ему выпало на долю вытѣснить Птолемееву систему изъ школъ и изъ жизни. Ученый этотъ былъ Коперникъ. Онъ родился въ Торнѣ въ 1472 или 1473 году, изучалъ математическія и астрономическія науки въ Италіи и потомъ былъ каноникомъ въ своемъ отечествѣ. Коперникъ производилъ свои астрономическія наблюденія инымъ образомъ и иными инструментами, чѣмъ прежде. Открытія свои онъ изложилъ въ большомъ сочиненіи о движеніи небесныхъ тѣлъ (de revolutionibus coelestibus). Онъ обнародовалъ въ 1507 свои наблюденія и вычисленія, на которыхъ впослѣдствіи основалъ свое сочиненіе и до 1530 успѣлъ выяснить въ главныхъ чертахъ систему новаго міроваго порядка; за тѣмъ онъ въ теченіе 13 лѣтъ поправлялъ свой огромный трудъ. Сочиненіе его было напечатано только въ 1543, и Коперникъ умеръ въ тотъ самый день, когда получилъ первый полный экземпляръ его.

Въ этомъ сочиненіи Коперникъ объясняетъ гипотезой обращенія земли вокругъ солнца самымъ простымъ и естественнымъ образомъ все, что было доселѣ загадкою. Онъ самъ говоритъ въ своей книгѣ, какъ поразила его легкость, съ какою объяснилось прямое движеніе планетъ, ихъ неподвижное стояніе и ихъ кажущееся обратное движеніе, едва только онъ предположилъ, что земля и другія планеты обращаются около солнца. Коперникъ отвѣчаетъ вполнѣ удовлетворительно на главныя возраженія, которыя ему могли быть сдѣланы. Остальное, бывшее еще въ его

время неяснымъ, совершенно разъяснилось потомъ, какъ онъ предсказывалъ, наблюденіями. Его система міра была такъ проста и такъ согласовалась во всемъ съ математическими и физическими данными, что была бы немедленно принята всѣми астрономами, если бы этому не противились до Кеплера и Галилея суевѣріе и страхъ открыто высказывать свои мнѣнія. Галилею, жившему въ Италіи, пришлось жестоко поплатиться за откровенное изложеніе своего убѣжденія, основаннаго на математическихъ доказательствахъ.

Датскій вельможа и астрономъ, оказавшій важныя услуги пражскому университету, учебнымъ заведеніямъ и собраніямъ императора Рудольфа II, былъ осторожнѣе Галилея. Датчанинъ этотъ Тихо де Браге искалъ середины между гипотезами Птоломея и Коперника; но изъ современниковъ его одни изъ угодливости духовенству остались при господствовавшемъ мнѣніи, другіе признали систему Коперника. Тихо де Браге, родившійся въ 1546 и умершій въ 1601, происходилъ отъ одной изъ первыхъ фамилій Даніи; но изслѣдованія и первыя наблюденія свои, имѣвшія цѣлью исправленіе употреблявшихся тогда астрономическихъ таблицъ, онъ дѣлалъ въ Германіи, такъ что и въ этомъ отношеніи онъ принадлежитъ исторіи нѣмецкой науки. Онъ владѣлъ большимъ состояніемъ и поэтому могъ употребить на покупку и приготовленіе въ то время вообще крайне неудовлетворительныхъ инструментовъ весьма значительныя суммы. Король Фридрихъ II датскій подарилъ ему островъ Гвенъ, и здѣсь Тихо началъ строить въ 1576 огромное зданіе, служившее въ одно время и обсерваторіей и ученымъ кабинетомъ. Островъ и воздвигнутыя на немъ строенія сдѣлались историческими и были извѣстны всей Европѣ подъ именемъ Ураніенбурга. Но такъ какъ Ураніенбургъ не могъ вмѣстить всѣхъ инструментовъ, то выстроили сверхъ того Штерненбургъ. Огромные расходы, которые Тихо не жалѣлъ для этого въ своемъ родѣ единственнаго астрономическаго учрежденія, потребовали однако помощи коро-

ля. Король давалъ астроному ежегодно по двѣ тысячи талеровъ изъ зундской пошлины, пожаловалъ ленъ въ Норвегіи, сдѣлалъ его каноникомъ въ Рёшильдѣ и подарилъ аббатство съ 1000 спецій дохода; но и этого оказалось недостаточно, такъ что Тихо пожертвовалъ всѣмъ своимъ огромнымъ богатствомъ. Все устройство обошлось въ триста тысячь червонцевъ; сверхъ того Тихо содержалъ постоянно шесть, а иногда двѣнадцать молодыхъ людей, частью помогавшихъ ему въ наблюденіяхъ, частью же учившихся астрономіи. Пока наслѣдникъ Фридриха II, Христіанъ IV, былъ несовершеннолѣтнимъ, заведеніе это существовало; но когда король самъ принялъ управленіе, Тихо лишился всего пожалованнаго ему, кромѣ острова Гвена, приносившаго едва двѣсти талеровъ. Поэтому Тихо былъ принужденъ оставить дѣло и въ 1597 отправился въ Копенгагенъ.

Два года спустя онъ оставилъ этотъ городъ и переѣхалъ въ Прагу, гдѣ императоръ Рудольфъ II, занимавшійся со страстію химіей, ботаникой, математикой и астрономіей, учреждалъ тогда разнообразные музеи и коллекціи и окружалъ себя учеными.

Когда въ 1599 Тихо прибылъ въ Прагу, Рудольфъ назначилъ ему пенсію въ три тысячи червонцевъ. Императоръ призвалъ также въ Прагу еще очень молодаго въ то время Кеплера для вычисленій. Знатный датчанинъ хотѣлъ пользоваться бѣднымъ виртембергцемъ для математической части своихъ работъ. Прощая ему приверженность его къ системѣ Коперника, онъ не понималъ человѣка, котораго такъ превосходно оцѣнилъ Лейбницъ, какъ величайшаго генія Германіи *). Знаменитое произведеніе Кеплера, Продромъ или Тайны Космографіи, вышло въ 1597. Авторъ, бывшій въ большой нуждѣ, послалъ его высокоблагородному Тихо. Но Тихо въ немъ не глубокомысленнаго астронома и

*) Vir incomparabilis, Johannes Keplerus, cui fata servaverant, ut primus publicaret «Iura poli, rerumque fidem, legesque deorum.»

философа, а простаго терпѣливаго счетчика. Еще изъ Ураніенбурга онъ писалъ Кеплеру, уговаривая его отказаться отъ своихъ тщетныхъ умозрѣній и звалъ его въ Ураніенбургъ для провѣрки таблицъ по наблюденіямъ Тихо. Разсмотрѣніе отношенія астрономіи Тихо де Браге къ астрономіи Кеплера относится къ исторіи цивилизаціи XVII вѣка.

4. Просвѣщеніе и литература во Франціи въ XVI столѣтіи.

а. Дополненіе къ прежнимъ указаніямъ на заслуги французовъ въ классической литературѣ.

Въ предидущемъ томѣ (стр. 458) были указаны заслуги Бюде, Турнбёфа, Ланбена и Мюре. Здѣсь мы прибавимъ относительно послѣдняго, что Мюре долгое время скитался по разнымъ мѣстамъ Франціи и возбудилъ здѣсь пристрастіе къ классической латыни, которое доходило тогда въ Италіи до смѣшнаго. Подвергнувшись во Франціи судебному преслѣдованію, онъ бѣжалъ въ Италію, и такъ какъ латинскій языкъ былъ въ то время столь же распространенъ, какъ нынче французскій, то Мюре могъ преподавать въ Венеціи, Падуѣ и Римѣ. Въ Римѣ его узналъ кардиналъ де Турнонъ и привезъ назадъ въ Парижъ. Замѣчательно, что здѣсь Мюре читалъ съ 1565 до 1585 сначала этику Аристотеля, потомъ юриспруденцію и наконецъ возвратился исключительно къ классической литературѣ.

Жюль Сезаръ Скалижеръ и сынъ его, Жозефъ Жюстъ Скалижеръ, принадлежали къ числу людей, которые во Франціи соперничали съ величайшими итальянцами въ заслугахъ для классическаго образованія и универсальности знаній. Жюль Сезаръ Скалижеръ, соединявшій смѣшную дворянскую спѣсь съ хвастливымъ педантствомъ, но оказавшій наукѣ безсмертныя заслуги, былъ сначала пажомъ германскаго императора Максимиліана I,

Digitized by Google

и началъ учиться только тогда, когда принялъ намѣреніе сдѣлаться монахомъ. Онъ занимался въ Болоньи. Король Францискъ I, прибывъ въ Болонью въ 1513, пригласилъ его въ военную службу, и Скалижеръ согласился. Во время своего пребыванія въ Туринѣ онъ въ первый разъ занялся изученіемъ греческаго языка и только на сороковомъ году (1525) жизни рѣшился оставить военную службу, чтобы вполнѣ посвятить себя наукѣ. Съ этой цѣлью онъ поселился въ качествѣ врача въ Ажанѣ, гдѣ пріобрѣлъ большую извѣстность, какъ врачь и естествоиспытатель. Онъ старался изучить всѣ извѣстные языки. Универсальность его познаній неоспорима. Онъ издалъ восемнадцать сочиненій.

Скалижеръ былъ необразимо смѣлый шарлатанъ и наглый хвастунъ Поэтому значительная часть славы, которую приписываютъ ему его поклонники и онъ самъ, не принадлежитъ ему. Тѣмъ не менѣе для Франціи, гдѣ онъ водворился съ 1528, онъ сдѣлалъ своимъ хвастовствомъ и лганіемъ больше, чѣмъ многіе болѣе совѣстливые люди.

Современникъ Скалижера, Жеромъ Кардапъ, далеко превзошелъ его шарлатанствомъ. Лучшее сочиненіе Кардапа (de subtilitate libri viginti et unus) относится къ эпохѣ начала литературной дѣятельности Скалижера. Въ ней была и философія, и полное описаніе природы, т. е. естественная исторія и физика. Скалижеръ написалъ по тѣмъ же предметамъ книгу, названъ ее пятнадцатой, хотя первыхъ четырнадцати никогда не было издано (Exoticarum exercitationum liber quintus decimus de subtilitate ad Cardanum.) Въ этой книгѣ находятся удивительныя замѣчанія о естественноисторическихъ предметахъ и объ арабскихъ писателяхъ. Авторъ говоритъ, что написалъ еще четырнадцать такихъ книгъ, но издалъ только одну, потому что о прочихъ Кардапъ не упоминаетъ. Скалижеръ писалъ сверхъ того о физіологіи растеній, о которой упоминается у Теофраста и въ одномъ сочиненіи о растеніяхъ, приписываемомъ

Аристотелю. Важнѣйшій трудъ его составляютъ комментаріи его на книгу Аристотеля о животныхъ, написанные по гречески и по латыни. Самъ Скалижеръ издалъ въ 1554 въ видѣ опыта только десятую книгу; остальное же со всѣмъ, что нашлось въ бумагахъ Скалижера, было издано въ 1619 въ Тулузѣ Мосакомъ.

Относительно латинскаго слога и языка Жюль Сезаръ Скалижеръ расходился въ мнѣніи съ Эразмомъ Роттердамскимъ, который считался лучшимъ стилистомъ по сю сторону Альпъ. Эразмъ смѣялся надъ итальянцами цицеронистами, которые не признавали латинскимъ ни однаго слова, ни одной фразы, не встрѣчающихся у Цицерона. Но Эразмъ не только смѣялся надъ этими обезьянами Цицерона, но думалъ, что пишетъ по латыни лучше Цицерона. Это возбудило гнѣвъ Скалижера. Онъ написалъ въ 1529 противъ книги Эразма *) двѣ грубѣйшія рѣчи, которыя были однако напечатаны лишь въ 1531, потому что при невѣроятномъ уваженіи къ Эразму всей Европы никто не соглашался печатать ихъ. Черезъ сто лѣтъ эти рѣчи были изданы вмѣстѣ in quarto.

Важнѣйшей заслугой старшаго Скалижера были его эстетика и піитика, написанныя среди пыла сраженій и опустошеній междоусобной войны. Его семь книгъ піитики, какъ и все, писанное имъ, весьма оригинальны. Они явились въ первый разъ въ 1561 и выдержали много изданій. Сочиненіе это сравнительно съ сотнями другихъ доказываетъ, что хорошая голова не тупѣетъ отъ чрезвычайной учености. Мыслящій человѣкъ и теперь прочтетъ съ удовольствіемъ піитику Скалижера, хотя авторъ, подобно большей части своихъ современниковъ, обращаетъ главное вниманіе на форму, а не на сущность.

Мы не можемъ перечислять всѣхъ замѣчательныхъ писателей

---

*) Ciceronianus sive de optimo genere dicendi.

*) I. C. Scaligeri orationes duae adversus Desiderium Erasmum eloquentiae Romanae vindices.

Франціи XVI вѣка. Упомянемъ лишь о нѣкоторыхъ. Такъ, стоитъ назвать Бриссона, производившаго изысканія по римскому праву временъ республики. Изслѣдованіемъ источниковъ этого права Бриссонъ пріобрѣлъ себѣ безсмертную славу, хотя, изучая положительное право, самъ, какъ генеральный адвокатъ и парламентскій президентъ, до того забывалъ правила нравственности, что поплатился жизнію за свою безнравственность. Онъ написалъ много дѣльныхъ сочиненій; книги его о римскомъ правѣ и о древнеперсидскомъ уложеніи читаются доселѣ *).

О заслугахъ Кальвина и Беза для французскаго просвѣщенія мы не упоминаемъ здѣсь, потому что они дѣйствовали въ Женевѣ и мы уже говорили о нихъ въ политической исторіи. За то необходимо сказать объ Этіеннахъ, которые, подобно отцу старшаго изъ нихъ, принесли наукѣ большія жертвы. Великіе ученые Роберъ Этіеннъ и сынъ его Анри II Этіеннъ учредили съ большими расходами обширную и блестящую типографію и словолитню, чѣмъ принесли Франціи такую же услугу, какую Юнта и Альдъ Мануцій оказали Италіи (т. X стр. 375). Этіенны жертвовали собственными выгодами только въ пользу классическихъ произведеній, которыя они издавали правильно и красиво. Въ своемъ похвальномъ стремленіи распространить въ Европѣ всѣ классическія науки и увеличить число хорошихъ книгъ Робертъ Этіеннъ нашелъ щедрую помощь со стороны короля Франциска. По смерти короля Роберъ покинулъ Парижъ и переселился въ Женеву, гдѣ пользовался дружбой тамошнихъ ученыхъ, особенно Кальвина, Беза и Риве и, при помощи своего тестя, Бадія, оказалъ просвѣщенію важныя услуги. Католическое духовенство встрѣтило его сначала очень дурно, потому что онъ, тесть его и десять другихъ даровитыхъ ученыхъ съ удивительной настойчивостью способствовали новому латинскому переводу и печатанію

*) 1) De formulis et solemnibus populi Romani verbis; 2) De verborum ad jus pertinentium significatione; 3) De regio Persarum imperio.

Digitized by Google

Новаго и Вѣтхаго Завѣта. Латинско-французскій словарь Робера и его переводъ риторики Аристотеля употребляются доселѣ.

Сынъ его, Анри II, соединялъ съ прилежаніемъ и изумительною ученостью отца острый умъ и рѣзкую колкость Рабле; онъ былъ такъ друженъ съ послѣднимъ, что ему часто приписывали нѣкоторыя изъ его сочиненій. Анри II родился въ 1528, образовался подъ руководствомъ Турибефа, Данеса и другихъ ученыхъ и долго жилъ въ Италіи и въ Англіи. Отецъ не одобрилъ его предпріятій, но ему помогли большими суммами король Генрихъ III и аугсбургскіе Фуггеры. Простой перечень изданныхъ имъ греческихъ и римскихъ классиковъ занялъ бы много страницъ; по этому мы замѣтимъ только, что изданіе Анакреона онъ составилъ по отрывкамъ, найденнымъ имъ самимъ въ Англіи въ старыхъ переплетахъ, а изданіе Діодора Сицилійскаго дополнилъ десятью книгами, которыя самъ открылъ. Его Сокровищница греческаго языка (Thesaurus) могла бы одна, помимо всего прочаго, прославить имя ученаго.

Геніальность Анри послужила ему въ погибель. Онъ написалъ введеніе къ апологіи Геродота, которое по остроумію, рѣзкости, колкости и неподражаемой красотѣ языка, а также по запальчивости, дерзости и безпощадному презрѣнію приличій напоминаетъ лучшія и самыя смѣлыя произведенія Вольтера. Книга эта оскорбила всѣхъ, и всѣ возстали противъ дерзкаго свистуна, не пощадившаго ни религіи, ни духовенства, ни знаменитѣйшихъ и самыхъ уважаемыхъ ученыхъ. Онъ подвергся судебнымъ преслѣдованіямъ; изображеніе его было сожжено въ Парижѣ, и всѣ огромныя предпріятія его остановились. Анри бѣжалъ въ овернскія горы, но потомъ снова пріобрѣлъ благосклонность Генриха III, который пожаловалъ ему пенсію за литературныя заслуги. По смерти Генриха III Этіеннъ опять впалъ въ бѣду. Этотъ удивительный геній и глубокій ученый умеръ въ 1598 въ ліонскомъ госпиталѣ. Истиннымъ ученымъ слѣдуетъ помнить, что, если они не принадлежатъ ко двору, ученымъ орденамъ, называ-

Digitized by Google

емымъ академіями, или не угождаютъ массѣ тупыхъ читателей, то имъ приходится или до самой смерти работать, подобно Ксиландеру (т. XI стр. 448), или голодать, какъ Кеплеръ, или умирать въ госпиталѣ, какъ Анри Этьеннъ.

Готоманъ, Франсуа и Эмиль де ля Портъ, Казобонъ и Сомезъ вышли изъ женевской школы и разнесли оттуда новое классическое образованіе въ другія страны, какъ нѣкогда греки въ Италію.

в. Исторія.

Пьерръ Питу былъ однимъ изъ славныхъ юристовъ шестнадцатаго столѣтія. Онъ занималъ важное мѣсто государственнаго адвоката, но по восшествіи на престолъ Генриха IV отказался на время отъ должности, чтобы пополнить недостатки своихъ познаній. Онъ написалъ цѣлый рядъ сочиненій и издалъ много другихъ, которыя безъ него вѣроятно пропали бы. Ниперонъ приводитъ восемнадцать сочиненій Питу; но мы не будемъ перечислять ихъ. Замѣтимъ лишь, что въ числѣ трудовъ Питу было нѣсколько сочиненій по исторіи права, которыя доселѣ не потеряли своего значенія; онъ издалъ также постановленія каноническаго права и собраніе вестготскихъ законовъ.

Говоря объ исторіографіи, всего важнѣе изъ числа работъ Питу упомянуть объ его изданіи текста лонгобардскихъ историковъ, бывшихъ до него недоступными. Затѣмъ Питу и Отто фонъ Фрейзингенъ издали двѣнадцать древнихъ французскихъ историковъ. Далѣе, Питу сдѣлалъ извѣстными одинадцать другихъ писателей, продолжавшихъ историческій разсказъ двѣнадцати первыхъ. Наконецъ онъ обнародовалъ капитуляріи первыхъ Каролинговъ, изданныя впослѣдствіи въ исправленномъ и дополненномъ видѣ Балюземъ. Питу никогда не могъ бы разработать и издать всего, собраннаго имъ, если бы ему не помогали друзья. Въ то время женевскіе ученые соперничали съ парижскими въ любви къ наукѣ. Для католиковъ образованіе было потребностью; католиче-

скіе и протестантскіе ученые старались перещеголять другъ друга научными заслугами и трудились безъ отдыха. При такомъ стремленіи друзья помогали другъ другу безъ всякой зависти. Изъ числа людей, оказавшихъ помощь Питу, самыми значительными были Луазель и де-Ту.

Огюстъ де-Ту, подобно Кальвину, Беза и многимъ другимъ, вышелъ изъ орлеанской школы правовѣденія, гдѣ еще въ предъидущемъ столѣтіи усердно разрабатывались науки, называвшіяся гуманными (humaniora), въ противуположность схоластико-діалектическимъ, парижскимъ занятіямъ богословіемъ и голыми пандектами Юстиніана. (т. X. стр. 394 и т. XI стр. 463). Куяцій и другіе отвлекли въ то время изученіе права отъ Юстиніана и Трибоніана къ юристамъ римской республики. До прибытія въ Орлеанъ де-Ту учился у одного изъ величайшихъ комментаторовъ древнихъ, Ланбена, а изъ Орлеана переѣхалъ въ Валансъ, гдѣ въ то время училъ Куяцій. Оттуда онъ переселился въ Буржъ, гдѣ знаменитые юристы, какъ Гюгъ Доно и Готоманъ преподавали право съ такой же общечеловѣческой точки зрѣнія, какъ Куяцій въ Валансѣ. Впослѣдствіи де-Ту былъ парламентскимъ совѣтникомъ и президентомъ и умеръ въ 1619 г.

Онъ посвятилъ всю свою жизнь на собираніе и изслѣдованіе матеріаловъ для всеобщей исторіи, тогда какъ другіе занимались исключительно современнымъ имъ періодомъ исторіи французской, т. е. съ 1543 до 1607. Сочиненія свои де Ту писалъ классическимъ латинскимъ языкомъ, потому что французскій языкъ не былъ еще въ то время общеевропейскимъ. Его большое сочиненіе *) при первомъ появленіи своемъ не вмѣщало въ себѣ всего, написаннаго имъ. Во второмъ изданіи, напечатанномъ друзьями его въ 1620 въ Женевѣ въ пяти книгахъ in folio, также многаго недостаетъ. Англичанинъ Кортъ первый собралъ тщательно все, про-

*) Augusti Thuani libri XXXVIII historiarum sui temporis. Къ Франціи относятся libri VI de vita sua.

пущенное самимъ де Ту и другими издателями, такъ что его латинское изданіе въ семи фоліантахъ есть единственное полное и подлинное. Изданіе это представляетъ ту выгоду, что, читая его, нѣтъ надобности имѣть постоянно подъ рукой французскій переводъ, чтобы справляться, кого слѣдуетъ понимать подъ древнеримскими именами, встрѣчающимися въ изданіяхъ де Ту. Въ англійскомъ изданіи это объясняется въ примѣчаніяхъ. Сочиненіе де-Ту написано чистымъ латинскимъ языкомъ, но слогъ часто утомителенъ по многословію и искуственности періодовъ. Оно въ теченіе двухъ вѣковъ читалось всѣми образованными людьми Европы.

Для исторіи Франціи временъ религіозной войны сочиненіе де-Ту есть одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ, хотя ему также не слѣдуетъ безусловно довѣряться; излишнія подробности, въ которыя онъ вдается, затрудняютъ ясное пониманіе событій. Но за то онъ единственный историкъ, какъ изъ католическихъ, такъ и изъ протестантскихъ, котораго нельзя обвинить въ слѣпомъ пристрастіи къ своей партіи и который никогда не отказываетъ въ уваженіи противникамъ. Не смотря на свой классицизмъ, онъ остается вѣренъ французскому національному характеру. Подобно соотечественникамъ своимъ, онъ ищетъ въ жизни, рѣчахъ и сочиненіяхъ прежде всего эфектовъ и анекдотовъ. Во всемъ, что не касается Франціи, ему также нельзя вѣрить, какъ и прочимъ французамъ. Часто онъ пишетъ исторію другихъ государствъ не какъ мыслящій и точный историкъ, а какъ журналистъ, мало заботящійся о свойствахъ источниковъ, которыми пользуется и о достовѣрности фактовъ.

Что касается до исторической литературы на національномъ языкѣ, то нужно замѣтить, что французы стоятъ въ этомъ отношеніи безконечно выше нѣмцевъ. У нѣмцевъ нѣтъ ни одного писателя, котораго бы можно сравнить съ романтикомъ Фруассаромъ или съ философомъ-политикомъ Коминомъ. У нѣмцевъ нѣтъ даже ни одной порядочной автобіографіи, потому что записки

Гёца Берлихингена или Шертлина Буртенбаха также не похожи на автобіографію, какъ хроника Бальтазара Руссова на исторію *). Не имѣя возможности исчислить всю массу мемуаровъ по французской исторіи, написанныхъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ, мы ограничимся лишь нѣкоторыми.

Вслѣдствіе преобладанія мемуаровъ въ историческихъ сочиненіяхъ французовъ исторія народа и государства была отодвинута на второй планъ, а главное вниманіе обращалось на исторію двора и знатныхъ фамилій, интригъ и хвастливыхъ маршаловъ и придворныхъ. Истину перестали отличать отъ вымысловъ, существенное отъ ничтожнаго. Исторія обратилась въ собраніе мелочныхъ анекдотовъ, и въ ней привыкли искать разговоровъ и болтовни, особенно когда авторы записокъ XVII столѣтія начали писать хорошо и правильно, чего нельзя сказать о писателяхъ мемуаровъ XVI столѣтія. Впрочемъ это зло господствовало не только во Франціи, но и въ другихъ странахъ, потому что исторію всюду смѣшивали съ романомъ. Притомъ мы сомнѣваемся, чтобы французы много выиграли въ новѣйшее время, промѣнявъ свою прежнюю исторіографію на доктринерскую (софистическую), заимствованную у нѣмцевъ.

Записки маршала Монлюка имѣютъ значеніе, какъ практическое руководство военнаго искуства,—bréviaire des gens de guerre, какъ назвалъ ихъ Генрихъ IV; но въ сущности онѣ полны пустой болтовни и гасконскаго хвастовства. Для исторіи Германіи интересны записки маршала де Віельвиля, хотя онъ, подобно Ульриху Гуттену, съ неудовольствіемъ говоритъ о непомѣрномъ пьянствѣ тогдашняго нѣмецкаго дворянства. Віельвиль зналъ немного по нѣмецки, вслѣдствіе чего ему поручали вести съ нѣмцами переговоры, встрѣчать ихъ и провожать,

*) Chronica der Provinz Liefland kort unde loffweedig beschreven dürch Balthasar Russowen, Revaliensem, Rostock, 1578, 3 Theile 4.

а также вербовать въ войска швейцарцевъ. Для всеобщей исторіи важнѣе другихъ записки Рабютена и Кастельно.

Рабютена часто и, по нашему мнѣнію, несправедливо считаютъ дѣдомъ графа де Бюсси-Рабютена, знаменитаго въ XVII вѣкѣ по своимъ запискамъ и письмамъ. Записки Рабютена важны для исторіи войны 1551 — 1555 годовъ, потому что онъ находился подъ покровительствомъ герцога де Невера, который собралъ и привелъ въ порядокъ французскую армію послѣ сраженія при Сенъ-Кантенѣ. Замѣчательно, что онъ совершенно также смотрѣлъ на обычай опустошать огнемъ и мечемъ непріятельскія земли, какъ нынѣшніе французскіе генералы въ Африкѣ. — О запискахъ Кастельно мы часто упоминали въ политической исторіи отъ 1550 до 1568. Ле Лабурёръ и послѣдующіе издатели сдѣлали ихъ вполнѣ доступными своими примѣчаніями. Въ письмѣ къ своему сыну, Жаку, которое находится въ введеніи къ запискамъ, авторъ весьма скромно объясняетъ цѣль своей книги. Онъ говоритъ, что рѣшился самъ писать свои записки, хотя не обладаетъ ученостью Филиппа Комина. „Я счелъ, продолжаетъ онъ, что могу взяться за это, потому что включаю въ свои записки только то, что самъ видѣлъ, въ чемъ самъ принималъ участіе. На историковъ я не полагался, такъ какъ они часто даютъ полную свободу своимъ перьямъ или страстямъ, вслѣдствіе чего вмѣсто исторіи, которая должна быть свята и правдива, пишутъ панегирики или постыдные пасквили.“ Не смотря на эти слова, мы должны признаться, что записки Кастельно полны лжи, хвастовства и длинныхъ утомительныхъ отступленій. Впрочемъ комментаторы исправили всѣ невѣрности. Надо замѣтить, что Кастельно, по собственнымъ словамъ, писалъ свои мемуары не для печати.

c. Поэзія.

Какъ Рабле открылъ новый періодъ французской литературы въ прозѣ, такъ Вильонъ началъ новый родъ національной шу-

точной поэзіи. Мы говорили уже объ этомъ (Т. XI, стр. 466). Мы говорили также подробно о Вильонѣ и замѣтили, что Клеманъ Маро доставилъ господство тому роду поэзіи, который Вильонъ перенесъ ко двору. Отъ Большого Завѣщанія Вильона до первыхъ произведеній Маро прошло пятьдесятъ четыре года (1461 — 1515). Но стихотворное искуство не сдѣлало въ это время никакого успѣха. Поэтому Маро вступилъ на ту же дорогу, по которой шелъ Вильонъ, и сдѣлался безсмертнымъ въ исторіи французской поэзіи, не будучи творческимъ геніемъ. Мы рѣшаемся утверждать это, хотя мало знакомы съ французской литературой XVI столѣтія. Но мы основываемся на мнѣніи Сентъ-Бёва *), взгляды котораго сходятся съ нашими болѣе, чѣмъ декламаціи Лагарпа или воззрѣнія одного нѣмецкаго эстетика въ прибавленіи къ первой части теоріи изящныхъ искуствъ Зульцера.

Клеманъ Маро, какъ справедливо говоритъ Сентъ-Бёвъ, умѣлъ плавно болтать, но по временамъ высказывалъ живыя и хорошія мысли. Сентъ-Бёвъ утверждаетъ, что заслуга Маро заключается только въ этомъ, и что только этому обязанъ онъ своей продолжительной славой и правомъ на безсмертіе. Мы совершенно согласны также съ Сентъ-Бёвомъ въ томъ, что Вильонъ и Маро, какъ впослѣдствіи другіе поэты, сдѣлались и остались любимцами народа лишь потому, что продолжали поэзію народныхъ поэтовъ среднихъ вѣковъ, не навязывая французамъ, подобно такъ называемому созвѣздію семи лириковъ, классическія формы и виды поэзіи. Маро, говоритъ Сенъ-Бёвъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что представляетъ въ полной чистотѣ древнюю французскую поэзію, такъ что въ немъ видѣнъ истинный потомокъ Жана де Мё, Алена Шартіе и Вильона. Онъ вполнѣ обладаетъ ихъ пріемами, раздѣляетъ ихъ идеи и

*) Tableau historique et critique de la poesie française et du théâtre français au seizième siecle par C. A. Sainte Beuve, 2. édition, Paris 1838.

Digitized by Google

во многихъ мѣстахъ прямо называетъ ихъ своими наставниками. Онъ издалъ романъ Роза, исправивъ его языкъ; кромѣ того онъ собралъ стихотворенія Вильона и возстановилъ ихъ подлинный текстъ. У него часто встрѣчаются образцы устарѣвшихъ поэтическихъ красотъ прежнихъ стихотворцевъ (des rimes équivoquées, consonnées, annexées, fratrisées). Хотя жизнь Маро не можетъ назваться примѣрною, но разсказы о его любовныхъ похожденіяхъ несправедливы, какъ давно доказалъ Гуже въ своей bibliothèque française; тѣмъ не менѣе ихъ часто повторяютъ, какъ будто они справедливы. Маро постоянно переходилъ изъ католицизма въ протестантизмъ и обратно. Поэтому довольно странно, что такому легкомысленному и безпутному стихотворцу выпало на долю сдѣлаться переводчикомъ псалмовъ и что строгіе кальвинисты долго совершали свое богослуженіе по его переводу. Ученый знатокъ еврейскаго языка Вантабло побудилъ его приняться за эту работу и помогалъ ему. Псалмы въ переводѣ Маро очень распространились въ публикѣ, потому что имя переводчика привлекало даже католиковъ. Переводъ псалмовъ имѣлъ на Францію такое же вліяніе, какъ на Германію переводъ Библіи Лютера (напримѣръ на мать Генриха IV). Маро перевелъ всего пятьдесятъ псалмовъ, а остальные Беза. Подобно тому, какъ у лютеранъ духовныя пѣсни утратили впослѣдствіи всякую поэзію, такъ и у кальвинистовъ псалмы Маро и Беза были позднѣе замѣнены пѣснями, хотя болѣе новыми по языку, но лишенными всякаго поэтическаго достоинства.

Игривость, къ которой Маро приспособилъ устарѣвшій языкъ, нашла себѣ при Лудовикѣ XIV подражателя въ Лафонтенѣ, и даже неумолимый грамматикъ Буало счелъ возможнымъ рекомендовать ее (imitez de Marot d'élegant badinage). Мы не будемъ перечислять произведеній Маро, его балладъ, chants, chansons, рондо и писемъ; читателямъ, желающимъ ближе познакомиться съ его стихотвореніями, мы совѣтуемъ обратиться къ Лагарпу Сентъ Бёву. Замѣчательнѣйшимъ сочиненіемъ Маро

мы считаемъ его l'enfer de Clément Marot. Это описаніе тогдашней уголовной процедуры. Ужасно описаніе тюрьмы Шатле, обращенія съ подсудимыми и педантически мелочныхъ допросовъ, которымъ подвергался самъ Маро. Сюда относятся также два стихотворныя посланія Маро къ королю, писанныя изъ тюрьмы; одно съ просьбой объ освобожденіи, другое, комическое, въ которомъ онъ жалуется на воровство своихъ слугъ. Эти три стихотворенія, знаменитыя въ французской литературѣ, написаны совершено въ духѣ Вильона; но у послѣдняго больше силы и правды, тогда какъ Маро лучше владѣетъ стихомъ.

Клеманъ Маро служилъ камердинеромъ у бабки Генриха IV, Маргариты Валуа. Необходимо сказать нѣсколько словъ и о ней самой, потому что ея грязные разсказы, достойные Бокачіо, выдержали безчисленное множество изданій. Маргарита Валуа, жена Генриха II Наваррскаго, объ отношеніяхъ которой къ Маро было такъ много выдумокъ, умерла въ 1549. Какъ часто случается съ знатными ханжами, она болѣе извѣстна чувственной любовью къ мужчинамъ, чѣмъ благоговѣйною къ Богу. Маргарита написала множество сочиненій, между прочимъ религіозныя драмы или мистеріи трагическаго характера, много фарсовъ религіознаго содержанія, комедію о рожденіи Спасителя въ 1600 стиховъ и нѣсколько удачныхъ легкихъ стихотвореній. Достовѣрно извѣстно, что ей иногда помогалъ ея каммердинеръ Маро, какъ Фридриху II прусскому выписанные имъ французы. Маргарита считалась великимъ поэтомъ. При жизни ее называли десятой музой, а по смерти ея три женщины сочинили въ ея хвалу стихотвореніе въ двѣсти двустишій. Религіозныя стихотворенія королевы наваррской не читаются никѣмъ уже болѣе двухъ вѣковъ, а ея скандальные, грязные разсказы пережили до нашего времени безчисленное множество изданій. Ихъ не издавали при жизни королевы, вслѣдствіе чего набожные друзья Маргариты отрицали, что они писаны ею. По сальности они очень похожи на Декамерона Бокачіо; но ни того, ни другого мы не

Digitized by Google

желаемъ разбирать. Французамъ они нравятся по изяществу древняго языка, которымъ они написаны и который непонятенъ въ старыхъ неизмѣненныхъ изданіяхъ, какъ и Essais Монтаня. Въ первомъ изданіи, явившемся въ 1559, и въ слѣдующихъ до 1689 текстъ почти неизмѣненъ; но съ 1689 и до нашего времени слогъ и языкъ ихъ подверглись въ безчисленныхъ изданіяхъ этого періода значительнымъ измѣненіямъ. Мы охотно прошли бы молчаніемъ лириковъ этого и слѣдующихъ вѣковъ, потому что не понимаемъ французской драматической и лирической поэзіи, а судить о чужой національности съ своей точки зрѣнія, какъ часто дѣлаютъ англичане и французы относительно нѣмцевъ, въ высшей степени несправедливо. Но мы не можемъ оставить ихъ безъ вниманія по двумъ причинамъ. Во первыхъ, они преобразовали стихотворное искуство не дальнѣйшимъ развитіемъ національнаго элемента, а стремленіемъ создать новую поэзію по греческимъ, римскимъ и итальянскимъ образцамъ, какъ у нѣмцевъ Рамлеръ, Фоссъ и другіе. Во вторыхъ, произведенія этихъ лириковъ еще до сихъ поръ такъ распространены во Франціи, что во всеобщей исторіи нужно по крайней мѣрѣ назвать этихъ поэтовъ. Знакомство съ древними, піитика Скалижера, поэтическіе переводы нѣкоторыхъ древнихъ стихотвореній, какъ напримѣръ переводъ Иліады Гюга Салеба, платоновой Андрогины и Метаморфозъ Франсуа Габера, пробудили любопытство, а такъ называемое созвѣздіе семи лириковъ указало на то, какъ слѣдуетъ создавать новую поэзію.

Имена семи лирическихъ поэтовъ шестнадцатаго столѣтія, называемыхъ созвѣздіемъ, т. е. самымъ блестящимъ явленіемъ на небѣ французской поэзіи, неизвѣстны съ точностью, и часто вмѣсто одного малоизвѣстнаго имени называютъ другое, столь же неизвѣстное. Французы согласны только въ томъ, что Ронсаръ былъ въ свое время величайшимъ и блистательнѣйшимъ изъ нихъ. Остальными же большинство французскихъ критиковъ считаютъ Понтю де Тіара, Реми Бело, Этіена Жоделя, Жанъ-Антуана

де Байфа, Жана Дора и Жоашена дю Беллэ, которые съ Пьерромъ де Ронсаромъ и составляютъ созвѣздіе. Дю Беллэ пролагалъ путь школѣ, которая послѣ него стала господствовать въ поэзіи, гдѣ ей доставилъ господство Ронсаръ. Соннеты и мадригалы, стихотворные фокусы, сентиментальность и натянутыя остроты замѣнили въ ней правду и истинное чувство.

Ронсаръ, выступивъ на свое поприще, неограниченно господствовалъ на немъ въ теченіи пятидесяти лѣтъ, до того затмѣвая всѣхъ своихъ противниковъ и соперниковъ, что, по словамъ Сентъ-Бёва, во всей исторіи французской литературы не было другого примѣра такой славы, кромѣ Вольтера. Подобно тому, какъ Вольтера боготворили дворъ, высшая аристократія и Фридрихъ Великій, такъ Ронсара прославляли принцессы и знаменитѣйшіе ученые его времени. Это создало ему славу, которой онъ не заслуживалъ, между тѣмъ какъ Вольтеръ дѣйствительно не имѣлъ равныхъ себѣ по таланту. Дора и Турнбёфъ, бывшіе наставниками Ронсара, дивились ему, когда онъ былъ еще юношей; они называли его Гомеромъ и Виргиліемъ. Впослѣдствіи на лирическомъ состязаніи, (aux jeux floraux) онъ былъ провозглашенъ княземъ поэтовъ. Послѣ того каждая бездѣлка, которую онъ писалъ въ честь какой нибудь принцессы, получала для нея двойную цѣну, и какъ самъ поэтъ, такъ и произведенія его получили большое значеніе въ высшемъ обществѣ. Изъ князя поэтовъ Ронсаръ обратился въ поэта князей. Сестра короля Генриха II, Маргарита Савойская, была для него его Маргаритой, какъ выразился онъ въ одномъ стихотвореніи, написанномъ въ ея честь. Онъ неоднократно воспѣвалъ Марію Стюартъ, которая потомъ читала его стихотворенія въ тюрьмѣ. Король Карлъ IX, бывшій самъ поэтомъ, осыпалъ его аббатствами и приходами и сверхъ того воспѣлъ. Поэтому всѣ принялись боготворить Ронсара, какъ потомъ Вольтера. Никто не могъ написать стиховъ, не почтивъ его панегирикомъ. Но стихотворенія его доказываютъ, что весь хвалебный шумъ, не смотря на свою продолжи-

тельность, былъ поднятъ изъ пустяковъ, и что похвала одного умнаго человѣка имѣетъ больше цѣны, чѣмъ слѣпое поклоненіе массы и даже цѣлыхъ поколѣній.

Нужно замѣтить, что красивый мадригалъ, сонетъ, панегирикъ или сносная острота доставляли счастливому автору покровительство вельможъ и дамъ, которымъ были посвящены, и сразу пріобрѣтали ему такую славу, какую другой не могъ купить цѣною цѣлой трудной жизни. Въ хорошемъ обществѣ не было ни одного человѣка, который бы не сочинялъ стиховъ; стихи, переходившіе изъ устъ въ уста, замѣняли наши газетныя статьи, и правители платили панегиристамъ, какъ нынче лживымъ журналистамъ. Слѣдовало бы упомянуть о Малербѣ, который держался другихъ пріемовъ, чѣмъ Ронсаръ, и котораго призналъ даже Буало. Но прибывъ въ первый разъ въ Парижъ, гдѣ получилъ отъ Генриха IV должность придворнаго поэта только въ 1605, Малербъ принадлежитъ XVII столѣтію. Важнѣйшее сатирико-поэтическое произведеніе шестнадцатаго вѣка, Satyre Menippée, тѣсно связано съ окончаніемъ религіозной войны и имѣетъ столь же великое политическое значеніе, какъ и поэтическое. Это сочиненіе или, скорѣе, собраніе сатирическихъ брошюръ, которому дали названіе Satyre Menippée, не меньше способствовало прекращенію бѣдственной религіозной войны, какъ побѣды Генриха IV. Въ литературномъ отношеніи Satyre Menippée замѣчательна тѣмъ, что въ составленіи ея принимали участіе замѣчательнѣйшіе ученые и геніальнѣйшіе сатирики того времени.

Въ заключеніе скажемъ о произведеніяхъ оригинальнаго гасконца Монтаня. Во всѣхъ сочиненіяхъ, о которыхъ мы говорили въ настоящей главѣ, нѣтъ ни малѣйшаго слѣда какой бы то ни было философіи. Тѣмъ важнѣе значеніе Монтаня, сохраненное имъ доселѣ. Вліяніе его замѣтно даже на тѣхъ, которые не рѣшаются ссылаться на этого скептика. Вольтеръ и Руссо прямо выходятъ отъ него, особенно теоріи жизненной идилліи и

517

воспитанія Жанъ-Жака. Поэтому мы считаемъ „Опыты“ Монтаня важнѣйшимъ явленіемъ французской литературы XVI вѣка.

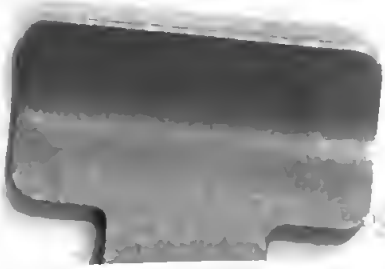
Къ шестнадцатому же столѣтію относятся попытки обратить грубыя народныя драматическія зрѣлища и крайне непристойныя забавы въ правильныя театральныя представленія. Въ то время, когда Іоганнъ фонъ Дальбергъ, Рейхлинъ и ихъ друзья пытались ввести въ Гейдельбергѣ правильныя сценическія представленія, во Франціи ученые поэты, желавшіе классически преобразовать французскую поэзію, старались распространить вкусъ къ греческой драмѣ. Октавіанъ Сенъ-Желе перевелъ шесть комедій Теренція, а Шарль Этьеннъ—его Andria; Лазарь Байфъ, отецъ вышеупомянутаго лирика Байфа, перевелъ стихъ въ стихъ и слово въ слово на французскій языкъ Электру Софокла и Гекубу Эврипида; Томасъ Себилье перевелъ риѳмованными стихами Ифигенію Эврипида, а Гильомъ Бушаръ—нѣкоторыя изъ трагедій этого поэта; Ронсаръ еще гимназистомъ сдѣлалъ переводъ Аристофанова Плутуса, котораго, какъ гейдельбергцы, разыгралъ съ товарищами на сценѣ. Наконецъ съ 1552 друзья и товарищи Ронсара начали работать для драмы и лирической поэзіи и хлопотать о представленіи новыхъ піесъ.

КОНЕЦЪ XII ТОМА.

RL 031617

Digitized by Google

Digitized by Google



Digitized by Google